Проф. Макс Вебер

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Е. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ

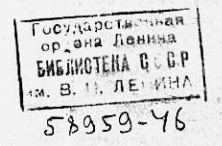
Под редакцией и с предисловием проф. Д. М. ПЕТРУШЕВСКОГО

С ПРИЛОЖЕНИЕМ СТАТЬИ

РИМСКИЙ КОЛОНАТ

проф. М. И. РОСТОВЦЕВА

МОСКВА
Издание М. и С. Сабашниковых

Главлит № 7158. Тираж 3.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“. Пименовская ул. д. 1/16

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Предлагаемая читателямъ книга представляетъ собою точный переводъ статьи Макса Вебера „Agrarverhältnisse im Altertum“, напечатанной въ первомъ томѣ третьяго изданія (1909 г.) извѣстнаго Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издаваемаго подъ редакціей Conrad'а, Elster'а, Lexis'а и Loening'а. Для того, чтобы сдѣлать работу Макса Вебера болѣе удобной для чтенія и изученія, редактору казалось вполнѣ естественнымъ обозначить какъ части и главы тѣ подраздѣленія, на которыя разбилъ ее самъ авторъ, и, кромѣ того, напечатать весь текстъ кромѣ подстрочныхъ примѣчаній однимъ шрифтомъ, не прибѣгая къ мелкому шрифту, которымъ такъ неумѣренно часто принужденъ былъ пользоваться авторъ, повидимому, чувствовавшій себя очень стѣсненнымъ необычными для словарной статьи размѣрами своей работы. Въ видѣ дополненія къ книгѣ Макса Вебера редакторъ счелъ неизлишнимъ напечатать въ качествѣ приложенія статью проф. М. И. Ростовцева „Колонатъ“, помѣщенную въ томъ же Handwörterbuch der Staatswissenschaften, тѣмъ болѣе, что самъ Максъ Веберъ часто отсылаетъ къ ней читателя.

Такъ какъ работа Макса Вебера была напечатана въ 1909 году, то все, что онъ говоритъ въ ней о Россіи, имѣетъ уже чисто историческій интересъ.

Переводъ послѣдней, третьей части книги, посвященной Риму, а также страницъ, посвященныхъ систематическому обзору источниковъ и литературы по разсмотреннымъ авторомъ вопросамъ, равно какъ и статьи М. И. Ростовцева, сдѣланъ редакторомъ лично.

Имя Макса Вебера недостаточно извѣстно въ Россіи. Обыкновенному русскому читателю оно могло бы быть знакомо по его извѣстной статьѣ „Соціальныя причины паденія

античной культуры", переведенной на русскій языкъ и напечатанной въ издававшемся въ Москвѣ журналѣ „Научное Слово" (1904, VII). Ученый и серьезно учащійся читатель могъ знать его „Römische Agrargeschichte", вышедшую въ 1891 году и сразу поставившую ея двадцатисемилѣтняго автора (за два года передъ тѣмъ напечатавшаго книгу „Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter") въ одинъ изъ первыхъ рядовъ европейскихъ ученыхъ. Лишь спеціалисты, имѣвшіе возможность слѣдить за текущей жизнью европейской соціальной науки по спеціальнымъ журналамъ и, въ частности, по журналу Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, однимъ изъ редакторовъ котораго съ 1904 года былъ Максъ Веберъ, могли познакомиться съ его замѣчательными статьями о протестантской этикѣ и ея вліяніи на развитіе духа капитализма, объ объективности соціально-научного и соціально-политическаго познанія и съ цѣлымъ рядомъ его другихъ работъ по теоріи познанія въ области соціальныхъ наукъ, по теоретической и прикладной экономіи, по исторіи религіи, по вопросамъ политики и соціализма и даже по русскимъ вопросамъ (Максъ Веберъ зналъ русскій языкъ и изучалъ русскіе вопросы по русскимъ источникамъ). Только они могли получить болѣе или менѣе адэкватное представленіе о Максѣ Веберѣ, увидѣть въ немъ того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Да и то не вполнѣ. Лишь послѣ смерти Макса Вебера (въ 1920 г.), когда одинъ томъ за другимъ стали выходить собранныя въ книги его работы. Gesammelte (Aufsätze zur Religionssoziologie, Gesammelte Aufsatze zur Wissenschaftslohre и др.) и среди нихъ и такія, которыя не успѣли увидѣть свѣтъ при жизни ихъ автора, стало возможнымъ вполнѣ ясно представить себѣ научную личность Макса Вебера во весь ея поистинѣ колоссальный ростъ. Его лебединой пѣсныо была недавно вышедшая въ видѣ изящно изданнаго монументальнаго тома замѣчательная работа „Wirtschaft und Gesellschaft" (напечатанная первоначально въ четырехъ выпускахъ издаваемаго въ Тюбингенѣ коллективнаго „Grundriss der Sozialökonomik"), въ которой онъ подводитъ соціологическіе итоги своимъ разнообразнымъ спеціальнымъ изысканіямъ въ формѣ широкаго соціологическаго синтеза.

Предлагаемая читателямъ книга объ аграрномъ развитіи древняго міра и по широтѣ захвата, и по глубинѣ и оригинальности истолкованія явленій древняго хозяйственнаго развитія является единственной въ научной литературѣ. Эта аграрная исторія древняго міра дастъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея скромное заглавіе, изображая и истолковывая аграрную эволюцію древности въ живой связи съ соціальной и политической эволюціей. Исключительный даръ Макса Вебера уловлять и ясно и отчетливо устанавливать взаимную обусловленность явленій общественнаго развитія, а также замѣчать общее и типическое подъ пестрымъ покровомъ индивидуальнаго проявляетъ себя здѣсь во всемъ блескѣ. „Аграрная исторія древняго міра"—блестящій образецъ истинно научной соціологической работы, въ смыслѣ эмпирической соціологіи (empirische Soziologie по выраженію самого Макса Вебера), ни на минуту не оставляющей реальной почвы широкаго и многообразнаго историческаго опыта. Серьезное изученіе этой книги не только превосходно оріентируетъ въ хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ основахъ древней культуры, но и можетъ научить историческому мышленію въ его современной, чрезвычайно сложной, соціологической постановкѣ.

14/IV. 23. Москва.

Введеніе

Для поселеній европейскаго Запада, въ противоположность поселеніямъ культурныхъ народовъ азіатскаго Востока, общимъ является то, что—если формулировать это коротко и потому не совсѣмъ точно—на Западѣ переходъ къ окончательной осѣдлости есть переходъ отъ сильнаго преобладанія скотоводства или, еще точнѣе, разведенія молочнаго скота, надъ земледѣліемъ къ перевѣсу земледѣлія надъ совмѣстно съ нимъ существовавшимъ скотоводствомъ, а на Востокѣ, напротивъ, это есть переходъ отъ экстенсивнаго, слѣдовательно, связаннаго съ переходами съ мѣста на мѣсто землепользованія (Ackernutzung) къ интенсивному земледѣлію (zum gartenmässigen Ackerbau) безъ разведенія молочнаго скота. Эта противоположность лишь относительная и къ доисторическимъ временамъ, можетъ быть, и не относится. Но, поскольку она существовала въ историческое время, значеніе ея было достаточно велико. Ея послѣдствіемъ было то, что присвоеніе земли въ собственность у европейскихъ народовъ всегда связано съ выдѣленіемъ на занятой общиной территоріи опредѣленныхъ пространствъ подъ пастбище и предоставленіемъ ихъ въ исключительное пользованіе болѣе мелкимъ общинамъ, тогда какъ у азіатовъ, напротивъ, этотъ исходный пунктъ и тѣмъ самымъ и имъ обусловленныя явленія первобытной „общности полей" (Flurgemeinschaft), напр., западное понятіе марки и альменды, отсутствуютъ или имѣютъ другой экономическій смыслъ. Поэтому элементы общности полей въ деревенскомъ строѣ азіатскаго Востока, поскольку они вообще не новѣйшаго происхожденія, не возникли, напр., изъ особенностей податной системы, носятъ совсѣмъ иной отпечатокъ, чѣмъ въ Европѣ. И „инди-

видуализмъ“ какъ форма владѣнія стадами со всѣми его послѣдствіями отсутствуетъ у народовъ азіатскаго Востока. У западныхъ же народовъ, напротивъ (мы разумѣемъ преимущественно, но не исключительно Европу), мы почти повсюду можемъ прослѣдить развитіе до извѣстныхъ исходныхъ пунктовъ. Обычно тутъ — насколько мы можемъ судить — перешедшее окончательно къ осѣдлости земледѣліе возникло съ суженіемъ пищевой площади путемъ перенесенія центра тяжести питанія съ дохода отъ разведенія молочнаго скота на доходъ съ полей. Это относится не только къ сѣверо-западной Европѣ, но по существу и къ южной Европѣ, и передней Азіи. Но, впрочемъ, въ передней Азіи (въ Месопотаміи), какъ и у единственнаго крупнаго африканскаго культурнаго народа, египтянъ, этотъ ходъ развитія уже въ доисторическую эпоху былъ сильно измѣненъ рѣшающимъ вліяніемъ связанной съ системой орошенія рѣчной культуры (Stromufer-und Bewasserungskultur), которая, какъ можно себѣ по крайней мѣрѣ представить, могла развиться непосредственно изъ первобытнаго, предшествовавшаго прирученію домашнихъ животныхъ, чистаго земледѣлія въ свою позднѣйшую форму огородной культуры, но во всякомъ случаѣ и въ историческую эпоху наложила на всю хозяйственную жизнь свой очень специфическій отпечатокъ.

Напротивъ, эллинскія общества, а также — не смотря на какъ разъ тамъ въ древнихъ источникахъ сильно выступающее значеніе скота именно какъ рабочаго (а не молочнаго) скота — и римское общество въ своей аграрной основѣ обнаруживаютъ по существу больше родства съ нашими средневѣковыми условіями. Черты, рѣзко отличающія древность отъ средневѣковья, выработались на той ступени развитія, когда послѣ окончательнаго перехода къ прочной осѣдлости масса населенія необходимостью болѣе интенсивной работы была прикована къ землѣ и по своимъ экономическимъ условіямъ не была уже способна служить для военныхъ цѣлей, такъ что путемъ раздѣленія труда выдѣлилось профессіональное военное сословіе, которое и старалось для извлеченія средствъ на свое содержаніе эксплоатировать безоружную массу. Развитіе военной техники до степени искусства, требующаго постояннаго совершенствованія и упражненія и потому доступнаго только людямъ, посвятившимъ себя этой профессіи,

шло съ этимъ параллельно, отчасти какъ слѣдствіе, отчасти какъ вызывающая его причина. Въ Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ подобный процессъ привелъ, какъ извѣстно, къ возникновенію „феодализма“. Въ той формѣ, въ какой онъ возникъ тамъ и въ то время, древность знала его только въ зачаткахъ: соединеніе вассалитета и бенефиція и та форма, въ какую вылилось романо-германское ленное право, не имѣютъ полной аналогіи въ древности въ историческую эпоху. Но вѣдь совсѣмъ и не нужно и не правильно ограничивать понятіе „феодализма“ только этой спеціальной его формой. Культурнымъ народамъ, какъ азіатскаго Востока, такъ и древней Америки, были извѣстны учрежденія, которыя мы, имѣя въ виду ихъ функцію, безъ всякаго колебанія признаемъ „феодальными“, и не понятно, почему бы не подвести подъ это понятіе и всѣ тѣ соціальныя учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ выдѣленіе изъ общей массы живущаго для войны и службы царю господствующаго слоя (Herrenschicht) и содержаніе его при помощи привилегированнаго землевладѣнія, рентъ и барщинъ зависимаго безоружнаго населенія, будутъ ли то чиновничьи лены (die Amtslehen) въ Египтѣ и Вавилонѣ или спартанское государственное устройство. Различіе заключается лишь въ томъ, какимъ образомъ расчлененъ военный классъ и экономически обезпеченъ.

Среди различныхъ возможностей разселеніе господствующаго класса по всей странѣ въ качествѣ вотчинныхъ землевладѣльцевъ (Grundherren) есть та „индивидуалистическая“ форма феодализма, которую мы встрѣчаемъ на Западѣ въ средніе вѣка (а въ зачаткахъ уже и на исходѣ древняго міра) и которая поддается точному анализу. Напротивъ, средиземноморская и, въ частности, эллинская древность знала въ началѣ своего культурнаго развитія „городской феодализмъ“ („Stadtfeudalismus“) поселенныхъ совмѣстно въ укрѣпленныхъ мѣстахъ профессіональныхъ воиновъ. Не то, чтобы „городской феодализмъ“ былъ единственной формой феодализма, извѣстной въ древности; но въ этой формѣ онъ прямо господствовалъ въ позднѣйшихъ центрахъ „классической“ политической культуры въ началѣ ихъ своеобразнаго политическаго развитія. Онъ означалъ поэтому для нихъ еще нѣчто большее, чѣмъ то, что означало принудительное переселеніе

сельскаго дворянства въ нѣкоторые города въ средневѣковой Италіи.

Импортъ иноземной и болѣе развитой военной техники производился въ древности въ южной Европѣ морскимъ путемъ и одновременно съ тѣмъ, какъ раньше всего захваченныя имъ прибрежныя мѣстности вступили въ широкій, по крайней мѣрѣ, если судить по его географическому протяженію, оборотъ. Какъ общее правило, классомъ, который прежде всего извлекалъ выгоду изъ этого оборота, какъ разъ и былъ господствующій классъ феодаловъ. Поэтому специфически античное феодальное развитіе и привело къ образованію феодальныхъ городовъ-государствъ. Напротивъ, центральная Европа въ началѣ среднихъ вѣковъ сухимъ путемъ была захвачена по существу однороднымъ военно-техническимъ развитіемъ. Когда она созрѣла для феодализма, въ ней не было такого, какъ въ древности, сильно развитаго оборота; поэтому здѣсь феодализмъ строился гораздо болѣе на земельной основѣ и создалъ феодальное помѣстье (Grundherrschaft). Поэтому связь, которая связывала здѣсь господствующій военный слой, была по существу чисто личной связью ленной вѣрности; въ древности же это была гораздо болѣе крѣпкая связь права городского гражданства.

Отношеніе этого античнаго городского феодализма къ мѣновому хозяйству напоминаетъ намъ ростъ свободнаго ремесла въ нашихъ средневѣковыхъ городахъ, паденіе господства здѣсь знатныхъ родовъ („Geschlechter"), скрытую борьбу между „городскимъ хозяйствомъ" и „феодальнымъ помѣстьемъ" („Grundherrschaft") и разложеніе феодальнаго государства благодаря развитію денежнаго хозяйства въ эпоху поздняго средневѣковья и въ новое время.

Но эти аналогіи съ средневѣковыми и современными явленіями, сами собою напрашивающіяся на каждомъ шагу, большею частью въ высшей степени ненадежны и нерѣдко прямо-таки вредны для непредвзятаго познанія. Ибо эти сходства легко могутъ быть обманчивы и нерѣдко и дѣйствительно бываютъ таковыми. Античная культура имѣетъ специфическія особенности, которыя рѣзко отличаютъ ее какъ отъ культуры средневѣковой, такъ и отъ культуры новаго времени. По своему экономическому центру тяжести она до начала императорской эпохи

является на Западѣ береговой, приморской культурой (Küstenkultur), а на Востокѣ и въ Египтѣ прибрежной, рѣчной культурой (Stromuferkultur) съ географически экстенсивной и приносящей высокую прибыль междумѣстной (interlokalen) и международной торговлей, которая, однако, по относительному значенію количествъ обмѣнивавшихся товаровъ, если исключить нѣкоторыя значительныя intermezzi, остается позади поздняго средневѣковья.

Правда, предметы торговли очень разнообразны, и въ ихъ число входятъ и неблагородные металлы и гораздо больше сырыхъ матеріаловъ, чѣмъ можно было бы предполагать a priori. Но, съ одной стороны, сухопутная торговля можетъ только въ отдѣльныхъ пунктахъ, да и то лишь въ отдѣльные періоды, идти въ сравненіе съ торговлей поздняго средневѣковья; съ другой стороны, и въ морской торговлѣ большинство предметовъ массоваго потребленія играютъ дѣйствительно господствующую роль лишь въ извѣстныхъ высшихъ пунктахъ политическаго и экономическаго развитія, прежде всего въ случаяхъ монополизированія штапельнаго права: въ Аѳинахъ, позднѣе въ Родосѣ, въ Египтѣ и Римѣ. Сумма годового оборота, которую Белохъ опредѣляетъ на основаніи данныхъ объ арендѣ пирейскихъ пошлинъ за 401/0 годы (пошлина взималась въ размѣрѣ $\frac{1}{50}$ стоимости товара, арендная плата равнялась 30—36 талантамъ, слѣдовательно, оборотъ былъ около 2000 талантовъ = около 13 милл. фр.), составила бы, впрочемъ, для одного Пирея, къ тому же такъ скоро послѣ пелопоннесской войны—и не принимая во вниманіе разницы въ покупной цѣнѣ денегъ—во всякомъ случаѣ приблизительно $\frac{1}{10}$ внѣшняго оборота теперешняго греческаго королевства (130—140 мил.), что составляетъ, конечно, внушительную сумму и достовѣрную въ томъ случаѣ, если будетъ окончательно установлено, что эти торговыя пошлины равнялись тогда лишь 2%, и что на откупъ сданы были только онѣ однѣ, а не вмѣстѣ съ какими-либо иными платежами. Но тутъ положительно все спорно. Еще внушительнѣе была бы сумма въ 1 мил. (родосскихъ) драхмъ (= приблизительно 140 аттическимъ талантамъ), которой достигалъ по утвержденію родосцевъ (NB!) пошлинный сборъ ихъ острова (занимавшаго, впрочемъ, исключительно привилегированное положеніе среди почти всѣхъ эллинистическихъ го-

сударствъ) до основанія свободной Делосской гавани (послѣ того только 150.000 драхмъ!), если бы это утвержденіе не было довольно-таки сомнительно, несмотря на свой „офиціальный" характеръ. Чтобы, тѣмъ болѣе, 5%-ный сборъ съ морского оборота *однихъ* союзныхъ городовъ—*не* считая Аѳинъ и самыхъ большихъ острововъ—установленный аѳинянами въ V вѣкѣ взамѣнъ извѣстныхъ взносовъ союзниковъ, хотя бы только по *ихъ* субъективному расчету могъ дать 1000 талантовъ, какъ утверждаетъ Белохъ, представляется мнѣ немыслимымъ. Мѣсто изъ Ѳукидида, которое имѣютъ при этомъ въ виду, по своей чрезмѣрной сжатости не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для правильнаго пониманія смысла этого мѣропріятія, и къ тому же эту цифру трудно согласовать съ 30—36 талантами аренды пирейскихъ пошлинъ. И подать, замѣняемая 5%-нымъ повышеніемъ цѣны ввозимыхъ моремъ товаровъ, была бы дѣтской игрой. 55 мил. сестерцій (16 мил. франковъ), которымъ равнялся годовой ввозъ Египта моремъ изъ Индіи при Веспасіанѣ, такъ какъ, повидимому, чтеніе соотвѣтственнаго мѣста источника правильно, составляютъ во всякомъ случаѣ очень значительную сумму, выше которой, повидимому, и не поднимался торговый оборотъ въ античномъ мірѣ въ свободной *частной* торговлѣ—безъ государственнаго контроля и безъ государственнаго пособія. При всякихъ цифрахъ, относящихся къ античной древности, надо, кромѣ того, всегда помнить, что не однѣ вещи, но также и *люди* (рабы) составляли, благодаря легкости ихъ транспорта, во времена расцвѣта торговли очень важный, а въ *мирныя* времена, при хорошемъ качествѣ, и очень цѣнный предметъ торговли. Зависимость отъ подвоза иноземнаго *хлѣба* тамъ, гдѣ она въ древности составляетъ постоянное явленіе, *всегда* была обстоятельствомъ, которое вызывало вмѣшательство со стороны публичной власти и влекло за собою институціонныя и политическія послѣдствія самаго широкаго характера, потому что частная торговля являлась недостаточной для того, чтобы обезпечить продовольствіе (литургіи въ Аѳинахъ, закупка хлѣба государствомъ на деньги, обезпеченныя ипотекой, и раздача его гражданамъ, какъ въ Самосѣ и т. д., вплоть до грандіозныхъ мѣропріятій Рима). Какъ извѣстно, не только среднимъ вѣкамъ, но и эпохѣ меркантилизма и даже еще и въ настоящее время Россіи знакома

хлѣбная торговая политика, преслѣдующая подобныя же цѣли. Но по своему политическому значенію, хотя бы съ вавилонской и египетской системой государственныхъ магазиновъ (Magazinsystem) или даже съ римской системой анноны магазинная политика (die Magazinpolitik) абсолютныхъ государствъ и даже Россіи (гдѣ она достигла наибольшаго развитія) можетъ быть сравниваема лишь очень издалека.

Къ тому же здѣсь и цѣли, и средства (даже въ Россіи) иныя. *Своеобразіе* античной хлѣбной политики по сравненію съ современной объясняется главнымъ образомъ совершенно инымъ характеромъ *античнаго* такъ называемаго „пролетаріата" по сравненію съ теперешнимъ пролетаріатомъ. То былъ пролетаріатъ *потребителей* (ein *Konsumenten*-Proletariat), толпа деклассированныхъ мелкихъ *буржуа*, а не нынѣшній рабочій классъ, который на своихъ плечахъ несетъ *производство*. Современный пролетаріатъ, какъ классъ, *не существовалъ*. Ибо античная культура, отчасти благодаря малой стоимости содержанія человѣка въ мѣстахъ ея расцвѣта, отчасти по причинамъ историкополитическимъ, либо опиралась главнымъ образомъ на *рабство*—какъ было въ Римѣ конца республики,—либо по меньшей мѣрѣ тамъ, гдѣ преобладалъ въ частноправовомъ смыслѣ „*свободный*" трудъ—какъ въ эпоху эллинизма и въ императорскую эпоху—все таки въ такой мѣрѣ была проникнута рабскимъ трудомъ, какъ этого никогда не бывало въ средневѣковой Европѣ. Конечно, остраконы и папирусы эпохи Птолемеевъ и Римской имперіи, такъ же, какъ и, напр., Талмудъ, свидѣтельствуютъ о значеніи *свободнаго* труда на эллинистическомъ Востокѣ и внѣ предѣловъ требующаго выучки ремесла, да и надписи говорятъ о немъ очень ясно. Специфически капиталистическое понятіе „работодателя" (ἐργοδότος) было, повидимому, развито. Но, что весьма характерно, тамъ, гдѣ требуется обезпеченіе рабочей силой въ *большемъ* количествѣ и на твердо опредѣленные сроки, напр., хотя бы на птолемеевскихъ монопольныхъ масляныхъ прессахъ, сейчасъ же принимаются мѣры для косвеннаго или прямого ограниченія свободы передвиженія. И *рабство* особенно *сильно* выступало на первый планъ какъ разъ въ эпохи и въ мѣстахъ „классическаго" расцвѣта „свободныхъ" общинъ. Хотя количество рабовъ, какъ и ихъ соціальное значеніе для

достаточно большихъ частей и періодовъ античнаго міра (въ частности для эпохи эллинизма, болѣе всего для Египта, но также и для болѣе ранняго Востока и Греціи) было, несомнѣнно, какъ теперь установлено (см. ниже) довольно сильно преувеличено, однако это все-таки не слишкомъ сильно мѣняетъ принципіальное значеніе этого различія.

Во всякомъ случаѣ послѣ всего этого нельзя уже обойти вопросъ, не проявляются ли вообще въ экономическомъ строѣ древняго міра черты, исключающія возможность примѣненія къ нему категорій, которыми мы пользуемся при изученіи хозяйственной исторіи среднихъ вѣковъ и тѣмъ болѣе новаго времени. Вокругъ этого вопроса за послѣднее десятилѣтіе шли оживленные, отчасти даже страстные, споры.

Исходнымъ пунктомъ дискуссіи послужила теорія Родбертуса, по которой античный міръ въ своей совокупности принадлежалъ къ конструированному имъ періоду „ойкоснаго" хозяйства, т.-е. производства для собственныхъ надобностей, которое ведетъ расширенный съ помощью несвободнаго труда домъ, античное раздѣленіе труда по существу было только спеціализаціей труда въ предѣлахъ большого рабовладѣльческаго домашняго хозяйства, обмѣнъ былъ лишь явленіемъ непостояннымъ и случайнымъ, имѣющимъ цѣлью утилизировать случайные излишки въ принципѣ самодовлѣющихъ крупныхъ домашнихъ хозяйствъ („аутаркія ойкоса"). И Карлъ Бюхеръ принялъ эту Родбертусовскую категорію „ойкоса" какъ характерный для древности типъ хозяйственной организаціи, однако, судя по его аутентичному толкованію этого взгляда—насколько я его понимаю—въ смыслѣ „идеально-типической" конструкціи хозяйственнаго строя, который въ древности выступалъ съ особенно сильнымъ приближеніемъ къ чистому понятію домашняго хозяйства со всѣми его специфическими послѣдствіями, но безъ того, однако, чтобы домашнее хозяйство господствовало во всемъ древнемъ мірѣ, на всемъ его протяженіи и во всѣ его эпохи, и (это можно прибавить безъ всякихъ колебаній) безъ того, чтобы это „господство" въ тѣ эпохи, когда оно существовало, означало что либо большее, чѣмъ, правда, очень сильное и по своимъ послѣдствіямъ чрезвычайно дѣйствительное ограниченіе явленій обмѣна въ ихъ значеніи для удовлетворенія потребностей

и соотвѣтственное деклассированіе тѣхъ слоевъ общества, которые могли бы быть носителями обмѣна. Правда, было вполнѣ въ порядкѣ вещей, что Бюхеръ, разсматривая древность какъ наглядный примѣръ типа „ойкоснаго хозяйства"— таковъ вѣдь долженъ былъ быть тогда смыслъ его разъясненій — поневолѣ въ извѣстной мѣрѣ подчеркивалъ какъ разъ подходящія для этой парадигматической цѣли составныя части античной хозяйственной исторіи, такъ что у историковъ явилось представленіе, будто, по его мнѣнію, всему античному хозяйству можно цѣликомъ приписать характеръ „ойкоснаго хозяйства", а рядомъ съ этимъ, во всякомъ случаѣ въ городахъ, характеръ „городского хозяйства" (въ „идеально-типическомъ" смыслѣ этого слова). Эд. Мейеръ въ своихъ возраженіяхъ противъ понятаго такъ (по разъясненію Бюхера, невѣрно) Бюхеровскаго взгляда пошелъ такъ далеко, что отвергъ вообще примѣненіе къ древности особыхъ экономическихъ категорій и сдѣлалъ попытку, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ классическому періоду расцвѣта Аѳинъ, оперировать [1]) съ совсѣмъ современными понятіями, какъ „фабрика" и „фабричные рабочіе", и вообще доказывалъ, что мы представляемъ себѣ не „въ достаточно современномъ духѣ" („gar nicht modern genug") условія тогдашней хозяйственной жизни, между прочимъ и то значеніе, какое имѣла тогда торговля и банки. Между тѣмъ, чтобы ограничиться этимъ однимъ замѣчаніемъ, до сихъ поръ не доказано существованіе въ древности даже свободной „домашней промышленности" („Hausindustrie") въ томъ значеніи этого понятія, въ какомъ она существовала уже въ XIII вѣкѣ по Р. Х., т.-е. съ договорными формами кустарной системы („Verlagssystem") (слѣдовательно, не только какъ фактическая эксплоатація производителя знающимъ рынокъ купцомъ, которая была извѣстна, конечно, и древности). Но уже совершенно не имѣется до сихъ поръ никакого доказательства существованія „фабрикъ", хотя бы только въ чисто техническомъ смыслѣ, въ смыслѣ организаціи производства (включающемъ, напр.,

---

1) Замѣчательно то, что эти предполагаемыя античныя фабрики можно было такимъ образомъ „утаить" (Афобъ) или „промотать" (Тимерокъ), что онѣ въ буквальномъ смыслѣ слова исчезли съ лица земли, не оставивъ по себѣ никакого слѣда! Съ современной фабрикой во всякомъ случаѣ этого не могло бы случиться.

и русскія крѣпостныя фабрики, опиравшіяся на барщинный трудъ, а также и государственныя мастерскія, работающія для собственнаго потребленія). Ни о какихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя бы по своимъ размѣрамъ, по своей долговременности и техническимъ свойствамъ (концентраціи процесса труда въ мастерскихъ съ разложеніемъ и съ соединеніемъ труда и съ „постояннымъ капиталомъ") заслуживали названія фабрики, какъ о сколько-нибудь распространенномъ явленіи, источники не знаютъ ничего. Въ качествѣ нормальной формы производства онѣ ни разу не встрѣчаются ни въ производствѣ фараоновъ, ни въ монопольномъ производствѣ Птолемеевъ и позднѣйшей Римской имперіи, которыя скорѣе всего могли бы ихъ напоминать (см. ниже.). Эллинскій ἐργαστήριον есть въ сущности людская (Gesindestube) состоятельнаго человѣка—большею частью купца, въ частности импортера цѣннаго сырья (напримѣръ, слоновой кости)—въ которой онъ съ помощью любого количества скупленныхъ или взятыхъ въ закладъ съ правомъ пользоваться ихъ трудомъ обученныхъ рабовъ, подъ надзоромъ надсмотрщика (ἡγεμὼν ὁ ἐργαστηρίου) перерабатывалъ ту часть сырья, которой онъ не продалъ свободнымъ ремесленникамъ (Demosth. XXVII 823, 19). Этотъ ἐργαστήριον можно дѣлить на сколько угодно частей (продавая часть рабовъ), какъ кусокъ свинца, потому что онъ представляетъ собой недиференцированное скопленіе попавшихъ въ рабство рабочихъ, а не диференцированную организацію труда. И встрѣчающіяся кое-гдѣ въ крупныхъ сельско-хозяйственныхъ производствахъ „побочныя промышленныя производства" („Nebengewerben") для сбыта, также какъ и мастерскія для переработки сырья при монопольныхъ правительственныхъ организаціяхъ (Monopolverwaltungen) на Востокѣ и во времена Римской имперіи и, несомнѣнно, тогда, какъ и въ средніе вѣка, принимавшія иногда болѣе значительные размѣры текстильныя „производства" (Textil-„Betriebe") хозяекъ княжескихъ домовъ, являются лишь придатками плантацій податного управленія или „ойкоса", но не „фабриками".

Если бы дѣйствительно гдѣ-нибудь можно было доказать наличность зачатковъ чего-нибудь, въ техническомъ смыслѣ похожаго на „фабрику"—что, разумѣется, вполнѣ возможно въ древности такъ же, какъ это было возможно въ крѣпостное

время въ Россіи— то, конечно, эти исключенія по тѣмъ же причинамъ, какъ и эти русскія „фабрики" (см. ниже), лишь „подтверждали бы правило". Ибо, во всякомъ случаѣ, это не было постояннымъ явленіемъ частной хозяйственной жизни.

Далѣе, можно доказать или по крайней мѣрѣ допустить существованіе въ древности въ практикѣ государственныхъ откупщиковъ очень немногихъ политическихъ центровъ (главнымъ образомъ Рима, затѣмъ Аѳинъ и нѣкоторыхъ другихъ) банковыхъ предпріятій, которыя по своему объему и характеру превосходятъ также только мѣру того, что существовало въ этомъ родѣ въ 13 ст. въ средніе вѣка, но превосходятъ количественно, а не качественно. Дѣловыя формы торговли—морская ссуда, коммenda (характерныя для прерывности („Diskontinuität") „ранне-капиталистической" торговли), дѣла по банковымъ уплатамъ и банковымъ переводамъ—по своей юридической формѣ характерны вѣдь для ранняго средневѣковья; извѣстный уже въ эпоху ранняго средневѣковья вексель существуетъ только въ своихъ начальныхъ стадіяхъ; размѣръ процента по высотѣ, сроку уплаты и законодательной регламентаціи также обыкновенно носитъ ранне-средневѣковой характеръ. Отсутствіе всякихъ, уже въ средніе вѣка извѣстныхъ формъ государственнаго кредита, которыя могли бы превратить его въ регулярный источникъ ренты съ капитала, характерные его суррогаты, затѣмъ колоссальныя „сокровищницы" („Horte") восточныхъ, еще и персидскихъ царей, равно какъ и сокровища греческихъ храмовъ съ тѣмъ значеніемъ, которое они имѣли, и съ тѣмъ употребленіемъ, которое изъ нихъ дѣлалось,—все это показываетъ, какъ мало наличные запасы благороднаго металла находили примѣненіе въ качествѣ „капитала".

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ представлять себѣ отношенія античнаго міра на „современный" ладъ: кто дѣлаетъ это, тотъ не дооцѣниваетъ, какъ это довольно часто бываетъ, той диференціаціи формъ, какую произвели—хотя и на свой собственный ладъ—у насъ уже средніе вѣка въ области капиталистическаго права (Kapitalsrecht), и какая, тѣмъ не менѣе, не уменьшаетъ разстоянія, отдѣляющаго средневѣковый хозяйственный строй отъ нашего. Государственнымъ и наполовину государственнымъ денежнымъ операціямъ хотя бы птолемеевскаго банка съ его колоссальной денежной наличностью или

даже римскихъ публикановъ можно найти поразительную параллель въ соотвѣтствующихъ явленіяхъ въ средневѣковыхъ городахъ-государствахъ (напр. въ Генуѣ); однако уже въ 13 вѣкѣ эти послѣднія превзошли ихъ въ техникѣ хозяйственнаго оборота. И далѣе, необходимо также всегда усиленно настаивать, что „ойкосъ“, какъ его понимаетъ Родбертусъ, дѣйствительно игралъ въ хозяйствѣ древняго міра въ высшей степени важную роль. Но только онъ, съ одной стороны—это я въ свое время старался доказать—для лежащей въ свѣтѣ исторіи эллинско-римской древности, является продуктомъ лишь позднѣйшаго развитія (императорской эпохи) и составляетъ переходную ступень къ феодальному хозяйству и феодальному обществу ранняго средневѣковья. Съ другой стороны, онъ (на Востокѣ и отчасти также въ Элладѣ) стоитъ на порогѣ доступной намъ исторіи, какъ ойкосъ, правда, царей, князей и жрецовъ, отчасти на ряду съ мелкимъ домашнимъ хозяйствомъ подданныхъ, отчасти—тамъ, гдѣ существуетъ барщина этихъ послѣднихъ—главенствуя надъ нимъ. Но и тутъ онъ, конечно, отнюдь не былъ чѣмъ-то, въ родбертусовскомъ смыслѣ, выросшимъ непосредственно изъ расширеннаго собственнаго хозяйства древнихъ домовыхъ общинъ. Отчасти ему присущъ государственно-социалистическій характеръ, какъ это было, можетъ быть, преимущественно въ Египтѣ въ результатѣ общественно-хозяйственнаго (gemeinwirtschaftlichen) регулированія воды; отчасти (на Востокѣ и въ древней Элладѣ) онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ тѣмъ торговымъ барышамъ, какіе получалъ древнѣйшій представитель правильныхъ мѣновыхъ сношеній, главарь и князь, путемъ обмѣна подарками, отъ фактической монополіи въ посреднической торговлѣ, наконецъ, отъ самостоятельной торговли (и неразрывно связаннаго съ нею морского разбоя), и какіе, въ видѣ его сокровища, служатъ опорой его господствующаго положенія и источникомъ расширенія его хозяйства. Тѣмъ не менѣе, удовлетвореніе потребностей въ этомъ ранне-античномъ „ойкосномъ“ хозяйствѣ князей и политически господствующаго сословія повсюду совершалось, главнымъ образомъ, натурально-хозяйственнымъ способомъ. Принудительные поборы, барщины, захватъ рабовъ путемъ разбоя давали князьямъ средства для вымѣниванія чужихъ товаровъ, а благородные металлы княжеской казны

(даже и персидскаго царя) служили не для регулярно совершаемаго покрытія потребностей денежно-хозяйственнымъ способомъ, а для награжденія тѣхъ или иныхъ лицъ или для возникавшихъ при случаѣ политическихъ надобностей. Но точно такъ же натуральное хозяйство получало все большее и большее господство и въ феодальныхъ помѣстьяхъ (Grundherrschaften), и въ организованномъ въ формѣ „ойкоснаго“ хозяйства („oikenwirtschaftlich“) государственномъ хозяйствѣ поздне-античной эпохи (начиная съ 3-го столѣтія). Напротивъ, въ классическіе періоды древности, когда мы видимъ крупныя состоянія, заключающіяся въ рабахъ, это было не въ такой мѣрѣ, какъ полагалъ Родбертусъ, и никогда въ такой степени, какъ и я съ своей стороны былъ прежде склоненъ допускать: по-моему, въ этомъ пунктѣ правымъ надо признать Эд. Мейера и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ (Gummerus'а).

Точно такъ же слѣдуетъ, по-моему, признать, что само по себѣ вполнѣ законное стремленіе выяснить специфическія особенности хозяйства древности, къ которымъ, несомнѣнно, принадлежитъ также и рабскій трудъ, неоднократно (какъ, напр., было и со мной) приводило къ слишкомъ низкой оцѣнкѣ количественнаго значенія свободнаго труда, какъ это показали работы Вилькена для Египта, занимающаго, впрочемъ, какъ разъ въ этомъ нѣсколько эксцентрическое положеніе. Древность знаетъ на ряду съ несвободнымъ и полусвободнымъ земледѣльцемъ также и свободнаго земледѣльца—въ видѣ собственника, арендатора, снимающаго землю за деньги, арендатора изъ части продукта; она знаетъ на ряду съ домашнимъ производствомъ (Hausfleiss) и несвободнымъ ремесленнымъ трудомъ также и свободнаго ремесленника—въ видѣ ремесленника, работающаго для продажи на рынкѣ („Preiswerker“), въ видѣ ремесленника, работающаго на заказъ (Lohnwerker) (послѣднее гораздо чаще) и (тоже очень часто) въ качествѣ занимающагося ремесломъ лишь какъ побочнымъ занятіемъ (Nebenproduzenten)—знаетъ ремесленное производство какъ семейное или какъ одиночное производство (широко преобладающее) или какъ производство, которое велъ мастеръ съ однимъ или нѣсколькими рабами и свободными или (въ большинствѣ случаевъ) несвободными учениками. Древность знаетъ, далѣе, совмѣстную работу артелями мелкихъ ремесленниковъ (σύνεργοι). Она знаетъ

совмѣстный наемъ обученныхъ рабочихъ подрядчикомъ (ἐργολαβῶν) для опредѣленной конкретной цѣли (почти исключительно государственные рабочіе). Но въ древности совсѣмъ не существуетъ, напримѣръ, слова для нашего понятія „подмастерья" („Geselle") (которое вѣдь возникло благодаря борьбѣ противъ „мастера"—опять понятіе, чуждое древности). Вѣдь, несмотря на довольно богатое развитіе союзовъ, древность вообще не знаетъ ремесла на такой ступени автономной организаціи и съ такимъ искуснымъ расчлененіемъ и съ такой организаціей труда (институтъ подмастерьевъ), какими уже владѣли на высшей точкѣ своего развитія средніе вѣка. Цеховая или цехообразная организація тамъ, гдѣ она существуетъ въ древности, почти всегда представляетъ собою по существу скорѣе принудительную государственную организацію литургій. Соціальное положеніе ремесленника, за исключеніемъ мимолетныхъ и лишь частичныхъ (и то больше кажущихся) перерывовъ во времена эллинской демократіи, было угнетенное, и нигдѣ, очевидно, у занимавшихся промышленностью не хватало силы добиться правовой концентраціи промышленности въ городахъ, какъ было въ средніе вѣка (о причинахъ см. ниже въ главѣ объ Аѳинахъ). Наконецъ, древность знаетъ свободнаго необученнаго наемнаго рабочаго, который постепенно возникъ изъ проданнаго на время (дитя, должникъ) или себя самого на время продавшаго въ рабство. Она знаетъ его какъ работающаго во время жатвы и большими массами на общественныхъ земляныхъ и строительныхъ работахъ или иныхъ государственныхъ предпріятіяхъ, въ иныхъ же случаяхъ, въ общемъ, какъ явленіе случайное, большей частью разрозненное и непрочное.

Теперь спрашивается: знаетъ ли древность въ достаточной, въ культурно-историческомъ смыслѣ, мѣрѣ капиталистическое хозяйство?

Прежде всего, въ общемъ, первоначальную основу пищевой площади античнаго города (восточнаго, какъ и средиземноморскаго полиса древнѣйшаго періода) въ такой высокой мѣрѣ составляло полученіе рентъ жившими въ городѣ князьями и знатными родами съ ихъ земельнаго владѣнія, а также взносовъ, поступавшихъ въ опредѣленныхъ случаяхъ съ ихъ подданныхъ, какъ это теперь можно встрѣтить только въ специфическихъ городахъ-резиденціяхъ, или — чтобы взять бо-

лѣе подходящій примѣръ — какъ это было въ Москвѣ въ эпоху крѣпостного права въ Россіи. Значеніе этихъ источниковъ дохода и, въ связи съ этимъ, особенно тѣсная зависимость экономическаго „расцвѣта" городовъ отъ политическихъ условій, которая обнаруживается въ его рѣзкихъ перипетіяхъ, очень сильно давали себя знать и на протяженіи всей древней исторіи. Античные города были всегда въ гораздо болѣе высокой мѣрѣ, чѣмъ средневѣковые, потребительными центрами и, напротивъ, въ гораздо меньшей мѣрѣ производительными. Ходъ развитія античныхъ городовъ, несмотря на многочисленныя, отчетливо выраженныя въ нихъ явленія „городского хозяйства" (см. ниже), нигдѣ не приводилъ къ „городскому хозяйству" („Stadtwirtschaft"), такъ сильно приближающемуся къ „идеальному типу", данному въ этомъ понятіи, какъ это было во многихъ городахъ среднихъ вѣковъ,—вслѣдствіе того, что античная культура была по своему основному характеру культурой прибрежной. И вотъ, если мы видимъ въ древности 1) возникновеніе городскихъ промысловъ съ цѣлью экспорта нѣкоторыхъ издѣлій, требующихъ высоко интенсивной и высокой по качеству работы, 2) постоянную зависимость отъ подвоза хлѣба издалека, 3) торговлю рабами, 4) сильное преобладаніе специфически торговыхъ интересовъ въ политикѣ, то спрашивается: являются ли эти рѣзкими толчками приливающія и отливающія „хрематистическія" эпохи эпохами съ „капиталистической" структурой?

Это зависитъ отъ опредѣленія понятія „капиталистическій", которое, само собою разумѣется, можетъ быть весьма различно. Одно остается во всякомъ случаѣ неоспоримо—это то, что подъ „капиталомъ" всегда слѣдуетъ разумѣть частнохозяйственный „пріобрѣтательскій капиталъ" („Erwerbskapital"), если вообще терминологія должна имѣть какую-нибудь цѣнность для цѣлей классификаціи: слѣдовательно, блага, которыя служатъ цѣли пріобрѣтенія „прибыли" въ процессѣ обращенія благъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ необходимымъ условіемъ является, чтобы производство имѣло своимъ базисомъ „мѣновое хозяйство" („verkehrswirtschaftliche" Basis). Слѣдовательно, съ одной стороны, продукты (по крайней мѣрѣ отчасти) должны становиться предметами оборота. Но и, съ другой стороны, средства производ-

ства должны были быть предметами оборота. Подъ понятіе „капиталистическій" не подходитъ, слѣдовательно, въ области аграрной всякая вотчинная (grundherrliche) эксплоатація сеньеромъ людей, подвластныхъ ему по личному праву, просто какъ источника рентъ, податей и пошлинъ, какъ было въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда крестьянъ эксплоатировали, собирая съ нихъ платежи за владѣніе землей, пошлины съ наслѣдства, съ оборота и личные платежи какъ натурой, такъ и деньгами: вѣдь здѣсь ни находящаяся во владѣніи земля, ни находящіеся подъ властью люди не составляютъ „капитала", потому что власть надъ тѣмъ и другимъ (въ принципѣ) опирается не на пріобрѣтеніе въ процессѣ свободнаго оборота, а на традиціонную связанность большею частью обѣихъ сторонъ другъ съ другомъ.

И древности извѣстна эта форма вотчиннаго землевладѣнія (Grundherrschaft). Съ другой стороны, древности извѣстна входящая въ сферу мѣнового хозяйства сдача земельнаго владѣнія въ аренду мелкими участками; но тутъ земельное владѣніе является источникомъ ренты (Rentenfonds), и „капиталистическое" производство опять отсутствуетъ. Эксплоатація подвластныхъ людей въ качествѣ рабочей силы въ собственномъ производствѣ господина встрѣчается въ древности и какъ помѣстное производство (Fronhofsbetrieb) съ помощью колоновъ (царство фараоновъ, домены императорской эпохи), и какъ крупное производство съ помощью труда покупныхъ рабовъ, и въ видѣ комбинаціи того и другого. Первый случай (помѣстный строй) (Fronhof) представляетъ трудности въ смыслѣ классификаціи, потому что здѣсь возможны разнообразнѣйшія переходныя ступени отъ формально „свободнаго" земельнаго оборота и „свободной" аренды колоновъ (слѣдовательно, на основѣ мѣнового хозяйства) до полной традиціонной соціальной связанности повинныхъ работѣ колоновъ въ отношеніи къ господину и господина въ отношеніи къ нимъ. Послѣднее непремѣнно является правиломъ тамъ, гдѣ только существуетъ производство съ помощью колоновъ. Сами колоны лично не представляютъ собою „капитала"; они стоятъ внѣ сферы самостоятельнаго свободнаго оборота, но ихъ службы вмѣстѣ съ землей могутъ быть предметомъ оборота и дѣйствительно бываютъ имъ

(Востокъ и времена позднѣйшей Римской имперіи). Производство есть въ такихъ случаяхъ нѣчто среднее: оно „капиталистическое", поскольку продукты производятся для рынка и земля является предметомъ оборота, и не капиталистическое, поскольку рабочая сила, какъ средство производства, изъята изъ сферы купли или найма въ процессѣ свободнаго оборота. Но, какъ общее правило, существованіе вотчиннаго производства (Fronhofsbetrieb) есть переходное явленіе или отъ „ойкоса" къ капитализму, или, наоборотъ, къ натуральному хозяйству. Это вѣдь всегда есть симптомъ относительной слабости капитала, въ частности, слабости производственнаго капитала, которая находитъ свое выраженіе въ перекладываніи потребности въ средствахъ производства на зависимыя хозяйства и въ устраненіи необходимости имѣть 1) капиталъ на покупку инвентаря, 2) капиталъ или на покупку рабовъ, или на заработную плату при помощи эксплоатаціи подневольнаго труда и (обыкновенно) объясняется (сравнительно) мало развитой интенсивностью хозяйственнаго оборота.

— Производство при помощи купленныхъ рабовъ (т.-е. производство въ условіяхъ, въ которыхъ рабы являются нормальнымъ предметомъ оборота, безотносительно къ тому, были ли они дѣйствительно (in concreto) пріобрѣтены путемъ купли) на собственной или арендованной землѣ есть съ экономической точки зрѣнія, конечно, „капиталистическое" производство: земля и рабы составляютъ предметъ свободнаго оборота и, конечно, представляютъ собою „капиталъ"; рабочая сила, въ отличіе отъ того, какъ это дѣлается въ производствѣ съ помощью „свободнаго труда", покупается, а не нанимается, а если (въ видѣ исключенія) нанимается, то не у ея носителя (рабочаго), а у его господина. Потребность въ капиталѣ для одинаковаго количества рабочей силы, ceteris paribus, здѣсь, слѣдовательно, значительно больше, чѣмъ при примѣненіи „свободнаго труда",—такъ же, какъ покупатель земли, ceteris paribus, долженъ затратить больше капитала, чѣмъ арендаторъ ея.

Наконецъ, капиталистическое крупное производство съ „свободнымъ" трудомъ, которое при одинаковой степени накопленія капитала дѣлаетъ возможнымъ гораздо большую затрату капитала на вещественныя средства производства, древности

не извѣстно в качествѣ нормальнаго и постояннаго явленія въ области частнаго хозяйства, ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни внѣ его. Конечно, производство помещичьяго типа („squire"-Betrieb) встрѣчается на Востокѣ и въ Элладѣ, но какъ-разъ въ тѣ эпохи и въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ господствуют традиціонные порядки (эллинскія внутреннія области, Талмудъ, нѣкоторыя эллинистическія области), а не въ областяхъ съ прогрессирующимъ экономическимъ развитіемъ. Прочныя крупныя производства съ связаннымъ исключительно лишь контрактомъ, слѣдовательно, формально „свободнымъ" трудомъ, если не считать государственныхъ предпріятій, о которыхъ рѣчь впереди, насколько извѣстно, не встрѣчаются, во всякомъ случаѣ въ значительной, въ практическомъ, экономическомъ и соціальномъ смыслѣ, мѣрѣ, въ „классическихъ" мѣстахъ античной культуры; иначе было (отчасти) на позднемъ Востокѣ.

Въ настоящее время привыкли понятіе „капиталистическаго производства" оріентировать какъ-разъ на этой формѣ производства, потому что именно она порождаетъ своеобразныя соціальныя проблемы современнаго „капитализма". И поэтому, стоя на этой точкѣ зрѣнія, хотѣли отвергнуть существованіе въ древнемъ мірѣ и господствующее значеніе „капиталистическаго хозяйства".

Между тѣмъ, если понятіе „капиталистическаго хозяйства" не ограничивать совершенно немотивированно опредѣленнымъ способомъ эксплоатаціи капитала — именно эксплоатаціей чужого труда путемъ договора съ „свободнымъ" рабочимъ — не вносить, слѣдовательно, соціальныхъ признаковъ, но вкладывать въ это понятіе чисто экономическое содержаніе и признавать наличность „капиталистическаго хозяйства" вездѣ тамъ, гдѣ объекты владѣнія, составляющіе предметъ оборота, эксплоатируются частными лицами съ цѣлью пріобрѣтенія прибыли способами, присущими мѣновому хозяйству,— тогда нѣтъ ничего безспорнѣе далеко идущаго „капиталистическаго" отпечатка, лежащаго на цѣлыхъ — и какъ-разъ на „величайшихъ" — эпохахъ античной исторіи. Но только и тутъ надо остерегаться преувеличеній—объ этомъ послѣ; а затѣмъ, составныя части капитала, точно такъ же, какъ и способъ его эксплоатаціи, обнаруживаютъ характерныя особенности, имѣющія опредѣляющее значеніе для всего хода античной хозяйственной исторіи. Среди составныхъ частей капитала, разумѣется, отсутствуютъ всѣ тѣ средства производства, которыя созданы техническимъ развитіемъ послѣднихъ двухъ столѣтій и составляютъ нынѣшній „постоянный капиталъ"; съ другой стороны, къ нимъ надо прибавить одну важную составную часть, которая отсутствуетъ теперь: рабовъ, попавшихъ въ рабство за долги, и рабовъ купленныхъ. Среди способовъ эксплоатаціи капитала отступаетъ на задній планъ помѣщеніе капитала въ промышленность и, въ частности, въ „крупныя производства" въ области промышленности; напротивъ, прямо доминирующее значеніе имѣетъ въ древности одинъ способъ эксплоатаціи капитала, который въ настоящее время по своему значенію совершенно отступилъ на задній планъ: государственный откупъ.

Способы помѣщенія капитала во времена классической древности были слѣдующіе: 1) взятіе на откупъ или участіе въ откупѣ государственныхъ налоговъ и общественныхъ работъ, 2) разработка рудниковъ, 3) морская торговля (съ помощью собственныхъ судовъ или въ формѣ участія въ торговлѣ, въ частности путемъ морской ссуды), 4) плантаціонное производство, 5) банковыя и имъ подобныя дѣла, 6) отдача денегъ въ займы подъ закладъ земли, 7) торговля съ заграницей (въ формѣ непрерывающагося крупнаго предпріятія лишь спорадически—на Западѣ лишь въ первые два вѣка императорской эпохи съ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ—большею частью въ видѣ помѣщенія коммепды въ караванную торговлю), 8) отдача въ наемъ (иногда обученныхъ) рабовъ или устройство ихъ какъ самостоятельныхъ ремесленниковъ или торговцевъ за „оброкъ", какъ бы сказали русскіе, наконецъ, 9) капиталистическая эксплоатація обученныхъ ремеслу рабовъ, принадлежащихъ въ полную собственность или же взятыхъ въ залогъ, производившаяся въ „мастерскихъ" или безъ нихъ (примѣры ниже, въ главѣ объ Аѳинахъ). Частое примѣненіе рабскаго труда въ собственномъ частномъ промышленномъ производствѣ не подлежитъ сомнѣнію. Встрѣчаются ремесленники, работающіе сами вмѣстѣ съ нѣсколькими рабами. Капиталистическая эксплоатація рабскаго труда встрѣчается въ формѣ упомянутаго выше ἐργαστήριον, о которомъ еще будетъ рѣчь. Существовавшая,

несомнѣнно, на Востокѣ и господствовавшая въ Египтѣ эксплоатація собственныхъ рабовъ въ формѣ „несвободной домашней индустріи“ (предоставленіе господиномъ рабу сырого матеріала и рабочаго инвентаря, доставка рабомъ продуктовъ, изготовленныхъ имъ у себя на дому), существовала, конечно, и въ „классическую“ эпоху, хотя существованіе ея и не можетъ быть доказано съ полной достовѣрностью. Если же на многихъ (maximum пока около 80) вывезенныхъ за предѣлы ихъ родины аттическихъ вазахъ стоитъ одно и то же имя, то это, конечно, имя „художника“ (а не „фабриканта“ или скупщика („Verleger“), которое затѣмъ усваиваетъ себѣ иногда въ качествѣ эпонима семья гончаровъ, въ которой техническое умѣніе переходило какъ секретъ отъ отца къ сыну. Существованіе цѣлыхъ деревень ремесленниковъ (δῆμοι) въ Аттикѣ очень характерно для семейнаго ремесленнаго производства (см. ниже) какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Какъ количественное, такъ и качественное значеніе капиталистическаго пріобрѣтательскаго хозяйства (Erwerbswirtschaft) въ древности опредѣлялось всегда цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ моментовъ, которые выступали въ очень различныхъ комбинаціяхъ другъ съ другомъ.

1. Значеніе запасовъ благороднаго металла для темпа капиталистическаго развитія, несомнѣнно, должно очень высоко оцѣниваться. Но въ настоящее время нерѣдко замѣчается склонность переоцѣнивать ихъ значеніе для самой структуры хозяйства. Хозяйство Вавилона, несмотря на отсутствіе рудниковъ и, очевидно, очень небольшой запасъ металла—о чемъ свидѣтельствуетъ какъ ограниченіе функцій драгоцѣннаго металла однимъ лишь измѣреніемъ цѣнности предметовъ, такъ и корреспонденція вавилонскихъ царей съ фараонами—уже въ древнѣйшую эпоху сдѣлало такіе же успѣхи въ своемъ развитіи въ направленіи къ мѣновому хозяйству, какъ и хозяйство любой изъ странъ Востока, и бóльшіе, чѣмъ хозяйство богатаго золотомъ Египта; съ другой стороны—даже если новѣйшія исчисленія только приблизительно правильны—колоссальные запасы драгоцѣннаго металла, которыми владѣлъ птолемеевскій Египетъ, несмотря на возникновеніе здѣсь вполнѣ развитого денежнаго хозяйства, не помогли „капитализму“, какъ принципу структуры хозяйства, подняться на особенно замѣтную высоту, въ частности, достигнуть той ступени развитія, какой онъ достигъ одновременно въ Римѣ; наконецъ, тотъ удивительный взглядъ, по которому вторженіе натуральнаго хозяйства въ позднѣйшую римскую эпоху было слѣдствіемъ начавшагося истощенія рудниковъ, повидимому, понимаетъ соотношеніе вещей совершенно наоборотъ: гдѣ тогда вообще началось истощеніе рудниковъ, оно съ своей стороны могло быть слѣдствіемъ того, что прочно утвердившееся въ горномъ дѣлѣ въ классическую эпоху капиталистическое производство съ рабскимъ трудомъ по совершенно другимъ причинамъ уступило мѣсто хозяйству мелкихъ арендаторовъ. Этимъ вовсе не отвергается громадная культурно-историческая роль, какую сыграло обладаніе большими запасами благороднаго металла и въ особенности ихъ внезапное появленіе на божій свѣтъ: древняя вотчинная царская власть (Fronkönigtum) (см. ниже) опирается на „сокровищницу“ царя; безъ рудниковъ Лауріона не было аттическаго флота (?); превращеніе сокровищъ эллинскихъ храмовъ въ средство обращенія могло способствовать (?) измѣненію цѣнъ въ 5—4 вѣкахъ, а такое же превращеніе сокровищъ персидскаго царя облегчило развитіе эллинистическихъ городовъ; вліяніе же явившагося результатомъ войнъ колоссальнаго ввоза благороднаго металла въ Римъ во 2 вѣкѣ до Р. Х. всѣмъ извѣстно. Но условія, благодаря которымъ изъ этихъ запасовъ благороднаго металла было сдѣлано именно такое, а не иное употребленіе (напримѣръ, они могли быть спрятаны въ сокровищницы, какъ дѣлали на Востокѣ), конечно, должны были быть заранѣе налицо: „творческой“ силы въ смыслѣ созданія качественно новыхъ по своей структурѣ хозяйственныхъ формъ большіе запасы благородныхъ металловъ, какъ таковые, не обнаружили и въ древности.

2. Экономическое своеобразіе капиталистической эксплоатаціи находящихся въ собственномъ владѣніи рабовъ (Sklavenbesitzes), въ отличіе отъ системы „свободнаго“ труда, заключается прежде всего въ громадномъ повышеніи (Steigerung) количества капитала, затрачиваемаго на содержаніе живой рабочей силы и вкладываемаго въ покупку ея; когда, въ случаѣ застоя въ дѣлѣ, рабъ оказывается незанятымъ, капиталъ этотъ не только не приноситъ процентовъ,—какъ и машина,—но и „съѣдаетъ“, кромѣ того (въ буквальномъ

смыслѣ слова), непрерывно присоединяемыя къ нему прибавки. Изъ этого одного уже слѣдуетъ замедленіе 1) оборота капитала и 2) процесса образованія капитала вообще.

Затѣмъ, оно заключается въ связанномъ съ этимъ большомъ рискѣ, который несетъ какъ разъ эта форма капитала. Рискъ этотъ заключается не только въ томъ, что очень высокая при капиталистической эксплоатаціи и притомъ совершенно не поддающаяся учету смертность рабовъ экономически является для ихъ владѣльца потерей капитала, а также не только въ томъ, что всякая политическая передряга могла совершенно уничтожить капиталъ, вложенный въ рабовъ, но, кромѣ этого и прежде всего, въ колоссальныхъ колебаніяхъ цѣнъ на рабовъ (Лукуллъ продавалъ рабовъ, доставшихся ему въ добычу, по 4 драхмы, тогда какъ въ мирное время, при умѣренномъ снабженіи рынка рабами, платили сотни драхмъ, чтобы получить пригоднаго рабочаго), которыя влекла за собой постоянная опасность полнаго обезцѣненія вложеннаго капитала. Тотъ базисъ вѣрнаго расчета издержекъ (Kostenkalkuls), который составляетъ необходимую предпосылку диференцированнаго „крупнаго производства“ („Grossbetriebe), былъ невозможенъ. Сюда присоединялся еще одинъ моментъ; патріархальное рабство, которое преобладало на Востокѣ, или давало рабу положеніе члена семьи своего господина, или предоставляло ему возможность имѣть свою собственную семью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ заранѣе отказывались отъ извлеченія изъ хозяйства возможнаго maximum'а прибыли. Рабъ или платилъ тогда оброки—тогда онъ являлся источникомъ ренты (Rentenfondes), а не рабочей силой—или тамъ, гдѣ онъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣстѣ съ своей семьей—служилъ въ качествѣ рабочей силы, онъ былъ барщинникомъ (Fronarbeiter) или несвободнымъ домашнимъ работникомъ (Heimarbeiter) съ присущей такому положенію ограниченной доходностью для его господина.

Настоящая же „капиталистическая“ эксплоатація раба, какъ простого орудія производства, находила себѣ границу въ своей зависимости отъ правильной поставки рабовъ на рынокъ, т.-е. отъ успѣшности войнъ. Ибо полная капиталистическая эксплоатація его рабочей силы была возможна при не только юридической, но и фактической безсемейности раба, т.-е. при системѣ казармъ, которая, однако, дѣлала невозможнымъ пополненіе класса ра-

бовъ изъ собственной среды. Иначе стоимость и содержаніе женщинъ и воспитаніе дѣтей ложилось бы мертвымъ балластомъ на основной капиталъ. Относительно женщинъ этого, пожалуй, иногда можно было избѣжать, найдя ихъ силамъ примѣненіе въ текстильной промышленности, хотя при своеобразіи античнаго удовлетворенія потребностей и при томъ значеніи, какое имѣло домашнее пряденіе и тканье, это далеко не всегда было возможно. Относительно дѣтей одно мѣсто у Аппіана (гл. I, 7) можетъ быть понятно въ томъ смыслѣ, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные періоды римской древности выращиваніе рабовъ для цѣлей спекуляціи носило массовый характеръ, существовало, слѣдовательно, какъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, раздѣленіе труда между производствомъ и эксплоатаціей, по крайней мѣрѣ, для одной части заключающагося въ рабахъ капитала. Но такое пониманіе текста Аппіана все-таки остается нѣсколько спорнымъ. Рѣзкія колебанія цѣнъ на рынкѣ рабовъ дѣлали выгоды выращиванія ихъ для продажи слишкомъ невѣрными. Затѣмъ, въ главныхъ областяхъ расточенія рабскаго труда—въ воздѣлываніи плантацій, мореплаваніи, въ горномъ дѣлѣ, сборѣ податей—женскій трудъ не былъ пригоденъ. Въ хозяйствѣ съ коммерческими цѣлями (Erwevbswirtschaft) даже было правиломъ пользоваться главнымъ образомъ только трудомъ рабовъ-мужчинъ (этихъ, сколько извѣстно, единственныхъ рабочихъ въ помѣстьяхъ временъ Катона, равно какъ единственныхъ рабочихъ аттическаго ἐργαστήριον'а), если только это было возможно, т.-е. пока хроническія войны обезпечивали правильную поставку рабовъ на рынокъ. Рабыни занимались проституціей или домашней работой.

Если правильная поставка рабовъ прекращалась надолго, то дальнѣйшій приростъ ихъ могъ быть обезпеченъ лишь путемъ разрушенія рабскихъ казармъ и возстановленія семейной жизни раба, т.-е. перенесеніемъ интереса къ воспроизведенію заключающагося въ рабахъ капитала на самаго раба, что означало отказъ отъ безграничной эксплоатаціи его рабочей силы. Но такой отказъ, при системѣ закованныхъ въ кандалы и работающихъ подъ ударами кнута плантаціонныхъ рабовъ вездѣ, долженъ былъ означать чистый убытокъ тамъ, гдѣ одновременно съ этимъ не была найдена форма, которая бы дѣлала собственный экономическій интересъ раба полезнымъ для госпо-

дина. Ибо, на-ряду съ непрочностью капитала, заключающагося въ рабахъ, и съ связаннымъ съ нимъ не поддающимся учету рискомъ, въ случаѣ прямой эксплоатаціи раба какъ рабочей силы въ крупномъ производствѣ, отсутствіе у раба собственнаго интереса къ дѣлу, конечно, прежде всего противодѣйствовало всякому техническому прогрессу и всякому поднятію интенсивности и качества работы. Имѣющія рѣшающее значеніе для работы „этическія" качества рабовъ при эксплоатаціи рабовъ въ крупномъ производствѣ бываютъ наихудшія, какія только можно себѣ представить.

Растрата капитала, вложеннаго въ рабовъ, сопровождалась растратой капитала, вложеннаго въ рабочій скотъ и въ орудія производства, и застоемъ въ техникѣ орудій производства (напр., плуговъ). Относительно перваго пункта прямо раздаются жалобы: примѣненіе рабскаго труда къ производству хлѣбныхъ злаковъ, поставленному на широкую ногу, оказывается по этой причинѣ невозможнымъ, такъ какъ античная земледѣльческая техника требовала интенсивнаго труда; да и вообще рабовъ можно было употреблять въ крупномъ производствѣ съ дѣйствительной выгодой только на хорошей почвѣ и при низкихъ рыночныхъ цѣнахъ на рабовъ, и ихъ примѣненіе обыкновенно означало переходъ къ экстенсивному хозяйству. И—что было еще важнѣе—эта особенность рабскаго труда въ промышленной области не только служила препятствіемъ къ введенію усовершенствованныхъ орудій производства, но вообще къ тому комбинированію тѣсно между собой соприкасающихся и строго разграниченныхъ рабочихъ силъ, которое какъ-разъ и составляетъ сущность специфически современныхъ формъ производства, для которыхъ характерна, вѣдь, не одна численность рабочихъ.

Примѣненіе промышленнаго труда обученныхъ покупныхъ рабовъ въ крупномъ производствѣ на основѣ раздѣленія труда, несомнѣнно, было по тѣмъ же причинамъ невозможно въ древности, равно какъ и во всѣ времена, какъ явленіе нормальное; въ отдѣльныхъ же случаяхъ—но всегда въ небольшихъ размѣрахъ—оно и тогда встрѣчается (см. ниже). Даже ἐργαστήριον, представляющій собой въ сущности случайное соединеніе отдѣльныхъ рабочихъ, встрѣчается, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ, занимающихъ особенно благопріятное

въ экономическомъ смыслѣ положеніе, какъ Аѳины, Родосъ, Александрія и т. д., но и тамъ всегда лишь какъ придатокъ къ торговому дѣлу или къ дающему ренту имуществу. Если на рынкѣ нерѣдко появляются излишки ремесленныхъ издѣлій барщиннаго происхожденія или несвободной домашней работы, или продуктовъ крупныхъ домашнихъ хозяйствъ княжескихъ или полукняжескихъ „ойкосовъ", то, разумѣется, надо весьма остерегаться видѣть въ этомъ доказательство существованія „фабрикъ" съ покупными рабами. Даже такія явленія полукапиталистическаго характера, какъ примѣненіе уже совсѣмъ крупными рабовладѣльцами или монархами принудительнаго труда для созданія „побочныхъ производствъ" („Nebenbetrieben") промышленнаго характера, типомъ которыхъ въ новое время являются многія русскія „фабрики" 18 и первой трети 19 вѣка, могутъ существовать, только опираясь на фактическую монополію и при наличности опредѣленныхъ условій. Эти условія—дешовая пища, монопольныя цѣны на продукты, но, кромѣ того еще, дешовыя цѣны на рабовъ и, слѣдовательно, очень высокая степень эксплоатаціи, покрывающая рискъ вымиранія (даже по Демосѳену и Эсхину отъ 30% до 100%)—должны были быть налицо для того, чтобы было возможно длительное примѣненіе покупныхъ рабовъ-ремесленниковъ въ ἐργαστήριον'ѣ господина. Но и тогда эти „производства" были ограничены самое большее нѣсколькими дюжинами рабочихъ. Не существовало „постояннаго капитала", безъ котораго не можетъ существовать никакая „фабрика". Въ наемъ отдавали рабовъ, а не „мастерскую". Сами рабы, это и есть мастерская; содержаніе рабовъ господиномъ, а не примѣненіе ихъ въ концентрированномъ „производствѣ" имѣетъ рѣшающее значеніе. „Мастерская", въ свою очередь, была частью „ойкоса", и всѣ тѣ чреватыя послѣдствіями измѣненія въ правѣ, которыя еще въ 13-14 вѣкѣ—за много столѣтій до возникновенія нашихъ „фабрикъ"—сопровождали отдѣленіе „мастерской" отъ домашняго хозяйства семьи, вложеннаго въ дѣло капитала отъ частнаго имущества, остались совершенно неизвѣстны древности (поэтому—за немногими характерными исключеніями, именно, въ области государственнаго откупа—не существуетъ и всѣхъ тѣхъ „формъ предпріятій" („Unternemungsformen"), которыя обезпечиваютъ

долговѣчность производства (das Perennieren des Betriebes) среди превратностей судьбы отдѣльныхъ состояній, какъ акціонерная компанія и т. п.). Массовое примѣненіе рабскаго труда въ крупномъ производствѣ въ рудникахъ, въ каменоломняхъ и въ общественныхъ работахъ представляетъ собою почти исключительно эксплоатацію труда необученныхъ рабочихъ.

„Несвободная работа на дому" („die unfreie Heimarbeit"), какъ одинъ изъ видовъ барщины (des Robottsystems), имѣетъ экономически слабые стороны послѣдней, и еще вопросъ, въ какой мѣрѣ она служила цѣлямъ производства для рынка. Фараоны и храмы пользовались такого рода работой главнымъ образомъ для надобностей храма, дворца и государства, въ особенности, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда сырой матеріалъ былъ вывезенъ фараономъ (или храмомъ) изъ-за границы или добытъ имъ изъ нѣдръ земли; рядомъ съ этимъ могла производиться продажа продукта на рынкѣ. Во всякомъ случаѣ и эта работа тамъ, гдѣ она встрѣчается, представляетъ собою работу въ собственномъ мелкомъ (семейномъ) производствѣ раба.

Квалифицированный рабскій трудъ въ крупномъ производствѣ, какъ явленіе длительное и нормальное (и за предѣлами немногихъ крупныхъ торговыхъ центровъ), можно встрѣтить только на мѣстахъ руководителей—старшаго рабочаго или инспектора въ рудникѣ или на плантаціи, въ конторѣ, въ частности, ведущаго кассу и завѣдующаго счетоводствомъ (въ виду возможности подвергать ихъ пыткѣ) и т. д. Но этой аристократіи среди рабовъ, обыкновенно въ интересахъ самихъ же господъ, разрѣшалось имѣть подобіе собственной семьи (contubernium) и подобіе собственнаго имущества (peculium); иной разъ даже соглашались уважать ихъ завѣщанія (какъ у Плинія) и, сверхъ того, почти всегда предоставляли имъ возможность выкупа на волю. Тѣмъ самымъ этотъ родъ эксплоатаціи рабовъ является уже переходной ступенью къ эксплоатаціи обученнаго раба, т. е. или обучившагося уже до своего обращенія въ рабство (благодаря войнѣ или банкротству), или отданнаго въ ученье господиномъ на свой собственный счетъ, только какъ источника ренты (als Rentenfonds).

Такая эксплоатація могла производиться посредствомъ отдачи

раба въ наймы въ качествѣ „работающаго на заказъ" („Lohnwerker"), что носило массовый характеръ, при чемъ нерѣдко рискъ, связанный со смертью раба, переносился на нанимателя. Но еще выгоднѣе было, потому что тутъ затрогивался собственный интересъ раба, снабженіе раба извѣстной суммой денегъ (peculium), съ которой онъ могъ бы заняться ремесломъ или мелкой торговлей на свой страхъ. Господинъ получалъ свою ἀποφορά, которую онъ могъ увеличивать, поскольку это было возможно сдѣлать, не ослабивъ собственнаго интереса раба; кромѣ того, онъ могъ амортизировать стоимость вложеннаго въ раба капитала черезъ посредство его самого, предоставивъ рабу возможность сбереженія отъ своего заработка употребить на выкупъ себя изъ неволи, но и при выкупѣ раба сохраняя за собой право получать съ своего бывшаго раба опредѣленные платежи и службы, и—для чего особенно римское право предоставляло въ его распоряженіе самыя разнообразныя правовыя формы—присваивая себѣ изъ наслѣдства вольноотпущенника установленную закономъ или контрактомъ, или завѣщаніемъ долю (въ нѣкоторыхъ случаяхъ и все наслѣдство цѣликомъ). Рискъ потери капитала изъ-за смерти раба сильно уменьшался, когда рабъ устраивался самостоятельно, обзаводился семьей и обучалъ дѣтей своему ремеслу. Ручательство господина за коммерческія дѣла раба, рабское право, обычно ограничивало лишь размѣромъ его peculium'а, хотя, конечно, формально онъ имѣлъ право наложить руку цѣликомъ и на все предпріятіе своего раба. Однако, слишкомъ часто пользоваться этимъ правомъ, по крайней мѣрѣ, крупному рабовладѣльцу въ древности—какъ и въ Россіи передъ освобожденіемъ крестьянъ—мѣшала необходимость поддерживать собственный интересъ раба, а также—достигшее въ Россіи въ свое время такого совершенства—искусство рабовъ утаивать свое имущество. Очень многочисленные во всѣ періоды древней исторіи и вызывавшіе нерѣдко законодательное вмѣшательство случаи отпуска рабовъ на волю, которые, конечно, не могутъ же объясняться однимъ тщеславіемъ господъ и потребностью ихъ пріумножить свою кліентуру для политическихъ цѣлей, показываютъ, какъ хорошо дѣйствовалъ собственный интересъ раба. Но этотъ несравненно болѣе вѣрный способъ извлеченія выгоды изъ владѣнія рабами явнымъ обра-

зомъ уже представлялъ собою замѣну капиталистической эксплоатаціи раба въ качествѣ орудія производства для полученія „прибыли“ полученіемъ съ него „ренты“ и выкупныхъ денегъ.

„Борьба между свободнымъ и несвободнымъ трудомъ“ происходила тогда, главнымъ образомъ, въ области мелкаго промышленнаго производства и мелкой торговли; но это не была борьба между крупнымъ производствомъ на основѣ рабскаго труда и свободнымъ мелкимъ ремесломъ. Тотъ громадный экономическій и политическій рискъ, который ложился бы бременемъ на всякое состоящее изъ рабовъ имущество при непосредственной эксплоатаціи ихъ, какъ средства производства, тогда отпадалъ. Такое положеніе вещей было широко распространено въ древности. На-ряду съ совершенно лишенными владѣнія свободными крестьянами, мелкими арендаторами, мелкими торговцами и ремесленниками, работающими на заказъ (Lohnwerker), стоялъ 1) слой свободныхъ мелкихъ собственниковъ, занимавшихся торговлей, мелкимъ ремесленнымъ производствомъ (для рынка) (Preiswerker), которые могли имѣть при себѣ въ полѣ или въ мастерской одного или нѣсколькихъ рабовъ, можетъ-быть, взятыхъ на войнѣ въ качествѣ добычи или купленныхъ на свои сбереженія, въ качествѣ подручныхъ, („Gesellen“), а затѣмъ 2) слой несвободныхъ обученныхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, крѣпостныхъ крестьянъ или несвободныхъ мелкихъ арендаторовъ. Только въ качествѣ взимающаго подати господина (Tributherr) стоялъ тогда надъ самостоятельно хозяйничающимъ несвободнымъ его крѣпостной баринъ (Leibherr), подобно тому, какъ надъ крестьяниномъ и свободнымъ мелкимъ торговцемъ или ремесленникомъ стоялъ иногда его кредиторъ, а надъ свободнымъ колономъ тотъ, у кого онъ снялъ землю. Этотъ способъ эксплоатаціи раба въ качествѣ „источника ренты“ (als „Rentenfonds“) для того, чтобы приносить господину прибыль, долженъ былъ, само собою разумѣется, предполагать широкое мѣстное денежно-хозяйственное раздѣленіе труда; но разъ оно было налицо, онъ долженъ былъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, имѣть тенденцію не только занять прочное положеніе на-ряду съ эксплоатаціей раба въ качествѣ средства производства, но, естественно, и распространяться, въ особенности тамъ, гдѣ господинъ (какъ, например, полноправные граждане въ противоположность метэкамъ, должностная знать въ противоположность „рыцарскому (всадническому) сословію“) много времени отдавалъ политической дѣятельности и потому не могъ самъ заниматься хозяйствомъ, въ особенности, если къ тому же цѣна на рабовъ держалась высокая.

Что касается конкуренціи свободнаго и несвободнаго труда, то, при густотѣ населенія, высокихъ цѣнахъ на землю и неизбѣжно возникающей при этихъ условіяхъ интенсивной культурѣ, при свободномъ оборотѣ, при отсутствіи крѣпостныхъ отношеній, эксплоатація деревенскаго земельнаго владѣнія въ формѣ сдачи земли въ аренду мелкими участками являлась въ древности, какъ и въ настоящее время, несомнѣнно, самой выгодной въ экономическомъ отношеніи. Вѣдь, вообще мелкое производство въ сельскомъ хозяйствѣ древности является правиломъ, и только въ плантаціонныхъ культурахъ—къ которымъ въ древности принадлежали винодѣліе и культура оливковаго масла—крупное производство съ примѣненіемъ рабскаго труда было обычнымъ явленіемъ. Хлѣбопашество, да еще при состояніи древней техники, требовало слишкомъ большого интереса со стороны рабочаго, чтобы оно въ качествѣ нормальнаго явленія могло быть доступно производству съ рабскимъ трудомъ. Только дешевизна рабовъ вмѣстѣ съ высокими цѣнами на производимые плантаціями продукты являлась въ сельскомъ хозяйствѣ условіемъ, благопріятнымъ для крупнаго производства съ примѣненіемъ рабскаго труда. Въ промышленности и въ мелкой торговлѣ премія на собственный интересъ раба въ видѣ возможности выкупа могла, пожалуй, оказывать свое дѣйствіе и усиливать его конкуренцію вездѣ, гдѣ вообще была возможность дѣлать сбереженія. Не было случайностью, что вольноотпущенники, которые, будучи еще рабами, научились работать и дѣлать сбереженія, достигали экономическаго преуспѣянія; отчасти, конечно, это могло быть также просто послѣдствіемъ закрытія для нихъ доступа къ политической дѣятельности. Если надписи императорской эпохи дѣлаютъ вѣроятнымъ, что рабскій трудъ 1) и въ промышленности былъ представленъ на Востокѣ слабѣе, чѣмъ на Западѣ, 2) что рабы чаще употреблялись на болѣе грубыя работы, то первое является отчасти слѣдствіемъ выясняемыхъ ниже исторически

сложившихся особенностей восточной культуры, отчасти же это показываетъ, какое важное значеніе имѣло обусловленное политическими причинами, болѣе богатое снабженіе рабами римскаго рынка; второе же объясняется тѣмъ, что господа, естественно, не очень часто брали на себя рискъ и расходы, связанные съ продолжительнымъ обученіемъ рабовъ. Поэтому нельзя считать прямое вытѣсненіе свободнаго труда исключительно, или даже хотя бы преимущественно, послѣдствіемъ конкуренціи рабскаго труда.

Впрочемъ, на ряду съ усиленнымъ конкуренціей иноземныхъ покупныхъ рабовъ, и безъ того не чуждымъ древности соціальнымъ дискредитированіемъ труда (см. ниже), дѣйствовала и такая тенденція къ вытѣсненію свободнаго труда повсюду тамъ, гдѣ только (какъ позднѣе на Востокѣ) бремя военной службы не было возложено на плечи профессіональныхъ воиновъ, наемныхъ солдатъ или господствующихъ въ странѣ чужеземцевъ; непрерывныя тяжелыя войны съ перемѣнчивымъ успѣхомъ, удерживавшія свободное населеніе изъ году въ годъ въ походахъ и разорявшіе его экономически, должны были,—какъ сообщаетъ Аппіанъ,—благопріятствовать развитію рабскаго труда въ его цѣломъ въ ущербъ свободному труду и всѣхъ формъ рабской эксплоатаціи. Военное же расширеніе территоріи государства и большія побѣды обыкновенно способствовали расширенію рабовладѣнія, удешевленію рабовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливали побужденіе къ капиталистической эксплоатаціи рабовъ въ собственномъ производствѣ (плантаціи, мореходство, горное дѣло, ἐργαστήριον и т. д.). Для капиталистической эксплоатаціи рабовъ, въ частности, въ сельскомъ хозяйствѣ, рѣшающее значеніе должна была имѣть, далѣе, прежде всего, наличность дешевой и притомъ плодородной земли, что временно бывало въ результатѣ военныхъ или революціонныхъ конфискацій, а хронически тамъ и до тѣхъ поръ, гдѣ и пока рѣдкое заселеніе большихъ пространствъ плодородной земли шло рука-объ-руку съ быстрымъ развитіемъ обладавшихъ покупательной силой городскихъ потребительныхъ центровъ,—какъ это было въ размѣрахъ, не повторявшихся ни до того, ни послѣ, въ Римѣ послѣ объединенія Италіи и послѣ первыхъ побѣдоносныхъ заморскихъ войнъ.

Уже и эти послѣднія замѣчанія и многія сдѣланныя выше „указывали на то, какъ сильно“ 3) политическія судьбы и особенности отдѣльныхъ странъ должны были вліять на степень развитія свободнаго и несвободнаго труда въ ихъ отношеніи другъ къ другу, на размѣры капиталистической эксплоатаціи этого послѣдняго и на ея направленіе. Рѣзко подчеркнутое Л. М. Гартманомъ во всемъ его значеніи обремененіе военными повинностями свободнаго населенія являлось преміей на рабскій трудъ больше всего тамъ, гдѣ включавшему въ свой составъ вооруженныхъ на свой счетъ крестьянъ и мелкихъ горожанъ ополченію изъ свободныхъ гражданъ приходилось вести хроническія войны крупнаго стиля, какъ это было во времена расцвѣта эллинской демократіи и въ республиканскомъ Римѣ. Условія складывались какъ-разъ наоборотъ, когда войско, по крайней мѣрѣ часть его—было ли это войско феодальное, или войско неограниченнаго властителя—явилось войскомъ профессіональнымъ, какъ состоящимъ изъ людей, несущихъ военную повинность, такъ и наемнымъ, какъ было въ Египтѣ, во многихъ эллинистическихъ государствахъ, въ позднѣйшемъ греческомъ полисѣ, въ міровой державѣ позднѣйшихъ императоровъ. Но различіе въ организаціи труда въ этихъ послѣднихъ группахъ государствъ показываетъ, что, во всякомъ случаѣ, одно военное устройство, какъ таковое, само по себѣ не имѣло рѣшающаго значенія для степени развитія рабства и, слѣдовательно, не опредѣляло окончательно степени и направленія въ развитіи античнаго „капитализма“. Напротивъ, громадное вліяніе имѣли тутъ общія политическія основы античной жизни и въ особенности обусловливаемый, въ концѣ концовъ, политическимъ строемъ характеръ государственнаго управленія, въ частности управленія финансоваго.

Государственные „финансы“ въ своемъ постепенномъ развитіи изъ „ойкоса“ городского князя съ его наполненной драгоцѣннымъ металломъ „сокровищницей“ были древнѣйшимъ и остаются крупнѣйшимъ изъ всѣхъ „хозяйственныхъ предпріятій“ („Wirtschaftsbetriebe“). Они отчасти замѣняютъ собою частное накопленіе капитала, отчасти они являются его ускорителемъ (Schrittmacher), отчасти, наконецъ, они его подавляютъ.

1). Что касается того, что они „замѣняютъ“ его, то полнѣе всего это достигалось бюрократически руководимой организаціей

принудительныхъ работъ (Robotlapparat) фараоновъ, которая (первоначально) не знаетъ „предпринимателя“. Но финансированіе большихъ общественныхъ сдававшихся на руки частнымъ предпринимателямъ сооруженій эллинскихъ городовъ, какъ это видно изъ надписей на постройкахъ, показываетъ — особенно характерна здѣсь обычная уплата предпринимателю впередъ производственнаго капитала изъ государственной казны, — что частнаго накопленія капитала, достаточнаго для того, чтобы такія большія суммы могли быть взяты для этого изъ собственнаго кармана капиталиста, не существовало, что этотъ пробѣлъ долженъ былъ восполняться изъ податей, взимавшихся въ силу политическаго или сакральнаго авторитета. Тутъ вмѣшательство частнаго предпринимателя имѣло по существу лишь такой смыслъ: городъ-государство, которое, въ противоположность управленію фараоновъ, не располагало необходимыми строительными организаціонными силами, а также (со времени уничтоженія натуральныхъ повинностей (граждапъ) принудительными рабочими руками (за исключеніемъ государственныхъ рабовъ, слишкомъ малочисленныхъ для исполненія такихъ работъ и большею частью занятыхъ другимъ дѣломъ—въ канцеляріяхъ и регистратурахъ, въ кассахъ, въ монетномъ дѣлѣ, иногда при постройкѣ дорогъ), передавало организацію этихъ бюро и рабочихъ силъ частнымъ лицамъ за предпринимательскую премію. Далѣе, что касается сдачи на откупъ податей, то надо имѣть въ виду, что и она въ очень многихъ случаяхъ не включала въ себя какъ-разъ той функціи частнаго капитала, которую мы привыкли считать для нея характерной,—уплаты откупной суммы впередъ. Откупщики часто выплачиваютъ в сумму, за которую они поручились, лишь послѣ того, какъ соберутъ всѣ подати, или, еще чаще, послѣ того, какъ соберутъ соотвѣтствующую часть податей; мало того, тамъ, гдѣ государство располагаетъ исполнительными органами,—какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ птолемеевскихъ Revenue Laws— откупщикъ даже не собираетъ самъ податей, а собираетъ ихъ государство, а откупщики, уже послѣ того, какъ подати, собираемыя натурой, обращены въ деньги, только отвѣчаютъ какъ поручители за дефицитъ, а излишекъ берутъ въ свою пользу. Тутъ цѣль сдачи на „откупъ“, очевидна, одна: пріобрѣсти въ формѣ наличности твердую основу для

государственнаго бюджета, установляя minimum государственнаго дохода въ деньгахъ. Если это также есть продуктъ развитія системы откуповъ уже въ эллинистическую эпоху, и если откупщики нерѣдко брали на себя обязательство уплатить хоть часть откупной суммы впередъ, то все-таки такое положеніе вещей показываетъ, что нерѣдко очень большія откупныя суммы не даютъ еще права заключать о соотвѣтственно большихъ размѣрахъ частнаго накопленія капитала. Напротивъ, система государственныхъ откуповъ, прежде всего въ области откупа податей, была, несомнѣнно, важнымъ средствомъ—а въ Элладѣ, навѣрное, однимъ изъ важнѣйшихъ—къ образованію частныхъ капиталовъ.

Но простымъ „ускорителемъ“ (Schrittmacher) процесса образованія частныхъ капиталовъ финансовое хозяйство можетъ сдѣлаться лишь тамъ, гдѣ государство-городъ, которое, какъ таковое, не располагало собственнымъ бюрократическимъ механизмомъ и, слѣдовательно, нуждалось въ государственномъ откупщикѣ, распоряжалось въ качествѣ властелина доменами и землею, и податями огромныхъ завоеванныхъ и подвластныхъ областей. Такъ было въ древности въ Римѣ временъ республики. Поэтому тутъ и образовался, несомнѣнно, первоначально главнымъ образомъ изъ государственныхъ откупщиковъ, могущественный классъ частныхъ капиталистовъ, которые во время 2-ой Пунической войны — моментъ достаточно характеренъ — наподобіе современныхъ банковъ своими деньгами поддерживали государство, но зато уже во время войны могли предписывать ему свою политику, которымъ для удовлетворенія ихъ жадности къ наживѣ такой реформаторъ, какъ Гракхъ, принужденъ былъ предоставлять цѣлыя провинціи и суды, чтобы расположить ихъ въ пользу своего дѣла, которыхъ борьба съ должностной аристократіей, которую они, какъ денежные люди, въ экономическомъ отношеніи имѣли „въ карманѣ“ („in der Tasche“), наполняетъ собою послѣднее столѣтіе республики. Расцвѣтъ античнаго капитализма явился слѣдствіемъ этой констелляціи и своеобразной внутренней политической структуры римскаго государства.

3. Наконецъ, финансовый строй античныхъ государствъ могъ разными способами оказывать „угнетающее“ вліяніе на развитіе частныхъ капиталовъ.

Прежде всего, общая политическая основа античныхъ государствъ вообще содѣйствовала усиленію и безъ того, какъ мы уже видѣли, большой, вызванной способомъ его составленія, непрочности (Labilität) наличнаго капитала и его новаго образованія. Податная система (литургіи имущихъ), обычное для греческаго полиса, въ особенности въ эпохи господства демократіи, совершенно безцеремонно суверенное распоряженіе частнымъ имуществомъ своихъ гражданъ (еще въ позднѣйшую эллинистическую эпоху, напр., для кредитныхъ цѣлей и такимъ способомъ, какого никогда не знали средніе вѣка: даже встрѣчаются случаи заклада городомъ всей частной земельной собственности), далѣе, существовавшая во всѣхъ античныхъ общинахъ опасность конфискаціи при каждомъ политическомъ потрясеніи и смѣнѣ партій, тѣмъ болѣе нерѣдкія въ монархіяхъ совершенно произвольныя конфискаціи имущества (конфискація земли „половины Африки" при Неронѣ), все это дѣйствовало въ томъ же направленіи.

Но гораздо болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ эти, хотя носившія и болѣе острый характеръ, катастрофы, которыя затрогивали капиталы отдѣльныхъ лицъ или наличный капиталъ политической общины, имѣло то, въ какой мѣрѣ практика управленія предоставляла просторъ свободному стремленію частнаго капитала къ прибыли вообще и тѣмъ самымъ и образованію капитала.

Мѣра эта очень сильно мѣнялась. Просторъ этотъ долженъ былъ быть по существу болѣе узкимъ въ античныхъ монархіяхъ, чѣмъ въ республикахъ. Античный монархъ и его государство являются всегда крупнѣйшими землевладѣльцами (Grundherren), владѣвшими землею частью въ формахъ частнаго права, частью въ формѣ неограниченнаго господства надъ покоренными, обязанными платить чиншъ чужими народами, не имѣвшими гарантированнаго права на владѣніе землей. То же самое можно сказать и объ античномъ полисѣ, и въ колоссальныхъ размѣрахъ это было и въ римской республикѣ. Но тогда, какъ для полиса такое владѣніе было, конечно, прежде всего объектомъ чисто экономической эксплоатаціи со стороны постоянно смѣняющихся компаній приспѣшниковъ политическихъ карьеристовъ, и, конечно, прежде всего кредиторовъ этихъ послѣднихъ, и поэтому въ городахъ-государствахъ, въ частности въ Римѣ, именно эти государственныя земли въ большинствѣ случаевъ становились очагами частной капиталистической эксплоатаціи (спекуляція съ откупомъ податей, спекуляція съ арендой земли, производство съ рабскимъ трудомъ — смотря по обстоятельствамъ), — монархъ долженъ былъ поступать иначе. Съ одной стороны, онъ смотрѣлъ на держателей (Hintersassen) своихъ доменовъ по существу больше съ политической точки зрѣнія: какъ на опору своего династическаго могущества. Съ другой стороны, онъ долженъ былъ въ своихъ же собственныхъ интересахъ гораздо выше цѣнить постоянныя, обезпеченныя ренты, чѣмъ это дѣлало руководимое на короткій срокъ избираемыми должностными лицами управленіе республиканской общины: вѣдь для этихъ послѣднихъ и для ихъ приспѣшниковъ на первомъ планѣ стояла быстрая нажива въ данный моментъ. Прежде всего, его финансовая политика должна была быть болѣе государственно-хозяйственной, политически оріентированной, направленной на постоянную эксплоатацію платежныхъ силъ подданныхъ, слѣдовательно, на осторожно бережливое отношеніе къ нимъ, въ противоположность на частныхъ капиталистическихъ интересахъ оріентированной эксплоататорской политикѣ городовъ-государствъ. Поэтому въ монархіяхъ мелкая аренда на государственныхъ доменахъ обыкновенно имѣетъ полное преобладаніе, тогда какъ крупная аренда и крупное производство съ рабскимъ трудомъ являются исключеніемъ; если римскіе императоры въ своихъ фамильныхъ помѣстьяхъ изъ денежныхъ соображеній предпочитали крупную аренду, то въ отношеніи къ государственному домену они слѣдовали общему правилу. Но главное то, что въ республиканскихъ государствахъ откупъ податей, этотъ „вѣнецъ" капиталистической эксплоатаціи, во всякій моментъ былъ готовъ, какъ это было въ средневѣковой Генуѣ, превратить государство въ антрепризу государственныхъ кредиторовъ и государственныхъ откупщиковъ. Напротивъ, въ монархическихъ государствахъ откупъ податей всегда находился подъ контролемъ, часто всецѣло или почти всецѣло переходилъ въ руки государства, но всегда былъ ограниченъ въ своихъ шансахъ на барышъ и, слѣдовательно, былъ лишенъ своей творческой силы въ дѣлѣ образованія частныхъ капиталовъ, а въ большинствѣ случаевъ

былъ прямо превращенъ въ комбинацію бюрократическаго управленія съ организаціей монополіи, финансируемой какъ (сравнительно) мелкое предпріятіе.

Этотъ процессъ контроля, монополизаціи и бюрократизаціи, нерѣдко полнѣйшаго вытѣсненія частнаго капитала, неудержимо шелъ впередъ во всѣхъ крупныхъ античныхъ монархіяхъ. Онъ захватывалъ постепенно, кромѣ податей и доменовъ, также и горную промышленность, важныя для государства отрасли торговли и мореходства (въ особенности снабженіе населенія хлѣбомъ), далѣе, нужныя для надобностей двора, арміи, для построекъ и общественныхъ работъ поставки, банки (въ формѣ какъ государственныхъ, такъ и коммунальныхъ монопольныхъ банковъ; послѣдніе существовали, напримѣръ, въ эллинистическихъ монархіяхъ и коммунахъ для всякаго рода размѣна денегъ). Такимъ образомъ, въ то время, какъ полисъ только въ высочайшей мѣрѣ усиливалъ по своему внутреннему существу непрочный (labil) характеръ частныхъ капиталовъ (не столько почти всегда остававшейся безплодной борьбой противъ имущественныхъ различій во имя равенства гражданъ, сколько постоянно повторявшимися всякаго рода политическими и экономическими катастрофами, вытекавшими изъ самаго существа античной борьбы партій и античнаго способа веденія войны), но въ то же время не мѣшалъ при этомъ все новымъ и новымъ вспышкамъ образованія капитала и стремленія къ капиталистической эксплоатаціи, этотъ бюрократическій „порядокъ“ монархическаго государственнаго хозяйства постепенно доводилъ до полнаго истощенія какъ разъ крупнѣйшіе частные капиталы, закрывая главнѣйшіе источники прибыли. А затѣмъ, тамъ, гдѣ въ замкнутыхъ монархіяхъ пріостанавливалась, съ одной стороны, изначала присущая какъ древности, такъ и среднимъ вѣкамъ эксплоатація деревни городомъ, а съ другой стороны прекращались войны и связанный съ ними захватъ земли и людей въ широкихъ размѣрахъ, тамъ прекращалось и необходимое для расширенія капиталистической эксплоатаціи рабскаго труда переполненіе рынка дешевымъ человѣческимъ товаромъ и притокъ удобныхъ для капиталистической эксплоатаціи новыхъ земель.

Рука объ руку съ вызваннымъ всѣмъ этимъ замедленіемъ и ослабленіемъ процесса образованія капитала шла обыкно-

венно (недавно очень хорошо выясненная Ростовцевымъ) тенденція обезпечивать удовлетвореніе государственныхъ потребностей съ помощью диференціаціи и расширенія круга лицъ, отвѣчающихъ своимъ имуществомъ или своимъ личнымъ положеніемъ за исполненіе государственныхъ повинностей и вслѣдствіе этого въ административно—правовомъ смыслѣ прикрѣпленныхъ къ своей соціальной функціи и къ своему владѣнію, что въ концѣ-концовъ и привело къ тому универсальному господству литургій и munera, къ уничтоженію всего того, что во время „классической“ древности называли „свободой“, которое столь характерно для такъ наз. „эпохъ упадка“ античныхъ государствъ.

Столь благодѣтельный для массы подданныхъ порядокъ, принесенный монархіей, былъ какъ разъ смертью для капиталистическаго развитія и всего, что на немъ покоилось. Тутъ рабство въ качествѣ источника капиталистической наживы (Erwerb) отступаетъ далеко назадъ, образованіе новыхъ капиталовъ въ формѣ движимаго имущества прекращается, такъ какъ стимулъ къ этому, заключавшійся въ шансахъ на эксплоатацію капитала, падаетъ ниже minimum'a, необходимаго при томъ характерѣ (Konstitution), какой былъ присущъ античному капиталу, регламентированный и въ административно-правовомъ смыслѣ связанный, но формально, въ частно-правовомъ смыслѣ „свободный“ трудъ выступаетъ на первый планъ экономической структуры. А гдѣ монархія къ тому же принимаетъ теократическій характеръ, тамъ и никогда не отсутствующая въ такихъ случаяхъ религіозная и законодательная „защита слабыхъ“ можетъ — какъ это было на Востокѣ — превратиться въ довольно крѣпкую границу капиталистической эксплоатаціи людей.

Обычными послѣдствіями этого процесса развитія, поскольку онъ даетъ себя знать въ области аграрной исторіи, являются: уменьшеніе относительнаго значенія плантаціи съ покупными рабами, мелкая аренда, въ частности аренда изъ части продукта, какъ господствующая форма эксплоатаціи земельнаго владѣнія, княжеское и наполовину частное, опирающееся на княжеское пожалованіе, приносящее ренты помѣстье (Rentengrundherrschaft), какъ социально и экономически преобладающая категорія владѣнія.

Итакъ, въ общемъ главнѣйшія препятствія, какія встрѣчало

развитіе капитализма въ древнемъ мірѣ, заключались: 1) въ политическомъ своеобразіи античныхъ общинъ, только что нами разсмотрѣнномъ, 2) въ разсмотрѣнномъ раньше экономическомъ своеобразіи античной культуры, а именно—чтобы резюмировать это—въ ограниченности рыночнаго производства вслѣдствіе ограниченной, благодаря техническимъ условіямъ оборота, (экономической) провозоспособности товаровъ внутрь страны и обратно, въ вызванной экономическими причинами и въ самомъ существѣ его лежащей непрочности (Labilität) капитала и его образованія, въ обусловленной техническими причинами ограниченности эксплоатаціи рабскаго труда въ крупномъ производствѣ, наконецъ, и въ ограниченности „отчетности", которая прежде всего обусловливается невозможностью строгаго коммерческаго расчета при примѣненіи рабскаго труда. (Сама по себѣ, технически, вовсе не неразвитая частная бухгалтерія древняго міра представляетъ собою отчасти банковую бухгалтерію, отчасти запись сельско-хозяйственной наличности и расширенную отчетность домашняго хозяйства: только первая имѣетъ характеръ купеческой бухгалтеріи; вся остальная частная бухгалтерія—насколько намъ это извѣстно—по сравненію съ позднимъ средневѣковьемъ еще совсѣмъ недиференцирована, если приложить къ ней мѣрку капиталистическаго контроля доходности).

Существовавшія въ древности „крупныя производства" съ рабскимъ трудомъ вызваны были къ жизни не необходимостью по существу: способомъ производства, основаннымъ на разложеніи и соединеніи труда, а чисто личными причинами: случайнымъ скопленіемъ человѣческаго товара въ рукахъ одного лица въ видѣ его имущества. Таковъ истинный смыслъ „ойкосной" теоріи. Вотъ поэтому-то всякое „крупное производство" и остается чѣмъ-то до такой степени непрочнымъ (Labiles). „Мытарь", мелкій ремесленникъ, мелочной торговецъ являются послѣднимъ словомъ денежнаго хозяйства на Востокѣ и въ эллинистическомъ мірѣ, и какъ разъ съ все увеличивавшейся неподвижностью (Stabilität) политической и экономической жизни Запада и съ одновременнымъ замедленіемъ процесса образованія капитала они въ концѣ-концовъ и здѣсь оказываются господами положенія. Всегда какъ разъ въ періоды „насыщеннаго" порядка—который какъ разъ тожествененъ съ неподвижностью экономической жизни—останавливается и полетъ капитализма.

Античный капиталистическій предприниматель—котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ капиталистомъ-рантье—занимаетъ почти всегда довольно-таки прекарное соціальное положеніе, за частичнымъ исключеніемъ развѣ извѣстныхъ періодовъ вавилонскаго развитія, эллинистическаго, конца римской республики и начала императорской эпохи. Въ классическій періодъ главный контингентъ ихъ составляютъ метэки и вольноотпущенники. Человѣкъ, занимающійся промышленностью, въ демократической общинѣ (и какъ разъ именно тамъ) нерѣдко не имѣетъ права занимать должности. Политически полноправный гражданинъ, напротивъ, въ идеалѣ, „чуждъ корысти" (Nichtinteressent), т.-е. на самомъ дѣлѣ рантье или же приближается къ типу рантье и въ „свободныхъ" общинахъ всегда прежде всего (такъ сказать) „обязанный дѣлать военныя упражненія резервистъ" (übungspflichtiger Heeresreservist). „Антихрематизмъ" государственной теоріи древности, по крайней мѣрѣ по существу своему, не имѣетъ этической основы, во всякомъ случаѣ не имѣетъ ея и отдаленно въ томъ смыслѣ и въ той мѣрѣ, въ какихъ его проповѣдывала средневѣковая церковь, чувствовавшая антипатію къ безличному и потому недоступному моральной нормировкѣ характеру чисто „дѣловыхъ" отношеній. Онъ обоснованъ, прежде всего, политически: 1) соображеніями „государственной необходимости" (о нихъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ), 2) идеалами равенства гражданъ и „аутаркіи" (самодовлѣнія) полиса и 3) соціально: какъ одно изъ проявленій общаго презрительнаго отношенія господствующаго класса рантье къ ремесленному труду и къ его представителямъ (als Bestandteil des Antibanausentums). Съ другой стороны, не существовало никакого этическаго преображенія (Verklärung) промышленнаго труда (Erewrbsarbeit), и слабые его зачатки мы находимъ только у киниковъ и у мелкой буржуазіи эллинистическаго Востока. Той опоры, какую раціонализированіе и экономизированіе жизни нашло въ религіозно въ сущности мотивированной „профессіональной этикѣ" начала новаго времени, не доставало античному „экономическому человѣку". Онъ остается въ сознаніи своей среды и въ своемъ собственномъ сознаніи „лавочникомъ" (Krämer) и „мастеровымъ" (βάναυσος). То,

что обладаніе собственнымъ кораблемъ, нагрузка собственныхъ кораблей собственными предметами обмѣна и ихъ сбытъ черезъ посредство слуги (какъ это дѣлаютъ цари, храмы, знать приморскихъ областей въ древнѣйшую эпоху), а затѣмъ отвѣтвившаяся отсюда ἐμπορία, т.-е. производившаяся въ областяхъ морской торговли первоначально, навѣрное, въ формѣ коммелды, а затѣмъ и вполнѣ на собственный счетъ нагрузка чужихъ кораблей скупленными или взятыми на комиссію товарами, считались—впрочемъ, всегда съ оговорками—вполнѣ почтеннымъ занятіемъ, когда они представляли собою въ сущности случайное, кратковременное распоряженіе капиталомъ (Kapitalbesitz), а не носили характера постояннаго „занятія" („Betriebes"), конечно, не является возраженіемъ. Государства древняго міра, и какъ разъ „свободныя" города-государства, были полны сословныхъ различій среди населенія и политически обусловленныхъ различій въ имущественномъ правѣ (въ частности въ земельномъ и наслѣдственномъ), которыя могли сдѣлаться и дѣлались источникомъ всякаго рода доходовъ и прежде всего рентъ. Въ особенности въ демократіяхъ—стоитъ только вспомнить политику Аѳинъ въ отношеніи къ праву гражданства—надъ всѣми другими интересами господствовалъ мелкобуржуазный интересъ къ рентамъ и къ „пропитанію". Это отношеніе ко всему съ точки зрѣнія рентъ и „пропитанія" давало себя знать, по политическимъ причинамъ, и въ монархіяхъ, поскольку оно не сталкивалось со всемогущими фискальными интересами.

Такимъ образомъ, античная аграрная исторія въ своемъ теченіи такъ тѣсно переплетается со всѣми перипетіями исторіи античнаго города, что ее едва ли возможно было бы разсматривать отдѣльно отъ нихъ. Лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія дошли до насъ ясныя извѣстія объ отношеніяхъ въ тѣхъ имѣвшихъ громадный количественный перевѣсъ областяхъ, которыя не имѣли городской организаціи и, конечно, лишь весьма немногія извѣстія о порядкахъ, существовавшихъ въ городскихъ территоріяхъ до возникновенія города, а главное, почти никакихъ извѣстій не дошло до насъ изъ устъ самихъ народовъ. Древнѣйшая еврейская традиція, которая, должно быть, была редактирована до возникновенія у этого народа городской организаціи, создалась все же въ средѣ, испытавшей на себѣ

вліяніе вѣковой городской культуры и владычества чужеземныхъ культурныхъ народовъ, и, кромѣ того, еще до сихъ поръ нельзя установить, въ какой мѣрѣ дѣйствительно „древнѣйшія" части ея подвергались позднѣйшей ретушовкѣ. Но и на Западѣ, гдѣ мы застаемъ народы на гораздо болѣе примитивныхъ стадіяхъ, чѣмъ египтянъ и вавилонянъ, дѣло обстоитъ едва ли иначе. Чѣмъ собственно была первоначально „волость" („Gau"), каковъ былъ соціальный строй „деревни" („Dorf") до того, какъ началась на почвѣ военнаго дѣла диференціація (о ней рѣчь впереди), дѣлать объ этомъ заключенія на основаніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ объ этихъ учрежденіяхъ въ историческое время, хотя бы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существовало тогда городского строя (какъ напр., въ Аркадіи, Самніумѣ, Персидѣ), невозможно, конечно, уже потому, что нельзя знать, въ какой мѣрѣ то состояніе, въ какомъ эти учрежденія въ это время находились, являлось уже продуктомъ вліянія находившихся въ непосредственномъ сосѣдствѣ городскихъ областей. Тѣмъ болѣе, очевидно, не можетъ быть разрѣшенъ окончательно и безповоротно вопросъ, къ какому времени восходятъ такія учрежденія, какъ, напр., фратріи, филы, куріи, трибы, наконецъ, также и „роды". Ибо для этого предварительно надо получить совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: подходитъ ли, въ частности, „фратрія" (по общераспространенному взгляду самое древнее учрежденіе) къ извѣстнымъ въ этнографіи типамъ или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, несмотря на всѣ возраженія, представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что она является продуктомъ уже вторичнаго, обусловленнаго военными требованіями развитія.

Изъ воззрѣній на историческій исходный пункъ античной соціальной исторіи, которыя пользуются почти всеобщимъ признаніемъ, во всякомъ случаѣ одно въ настоящее время уже является прямо-таки несостоятельнымъ (если не имѣть въ виду, можетъ быть, нѣкоторыхъ граничащихъ съ пустыней восточныхъ общинъ): это—вѣра въ первоначальную „бродячую" жизнь („Nomadenleben") западныхъ народовъ, т.-е. въ существованіе у нихъ первобытной эпохи, которая знала одно лишь скотоводство и вовсе не была знакома съ земледѣліемъ. Та роль, которую повсемѣстно, какъ это доказано, играетъ скотъ

какъ главная составная часть движимаго владѣнія, а вслѣдствіе этого и какъ важнѣйшій объектъ обложенія и обмѣна, а обладаніе скотомъ какъ главная основа соціальной диференціаціи и (на ряду съ металлическими украшеніями и драгоцѣннымъ оружіемъ) какъ главная составная часть имущества главаря, уходъ за скотомъ какъ спеціально мужская (и поэтому достойная и человѣка благороднаго сословія) работа, не можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Даже правдоподобная гипотеза, будто по крайней мѣрѣ господствующіе роды (Herrengeschlechter) произошли въ результатѣ нападеній чисто пастушескихъ племенъ и покоренія ими осѣдлыхъ земледѣльцевъ, если въ отдѣльныхъ случаяхъ она и представляется вѣроятной, въ общемъ оказывается непріемлемой, потому что античное аристократическое государство (Adelsstaat) особенно рано и сильно развилось какъ разъ въ прибрежныхъ мѣстахъ, и извѣстны иные источники господствующаго положенія царей и знатныхъ. Но какъ было съ соціальной стороны организовано земледѣліе, которое восходитъ къ доисторическимъ временамъ, какъ мы ихъ себѣ представляемъ, всѣхъ интересующихъ насъ народовъ, въ ихъ крестьянскую „первобытную эпоху“, объ этомъ нельзя узнать ничего достовѣрнаго. То, о чемъ можно составить существенно болѣе ясное понятіе, это—извѣстныя стадіи этой организаціи, которыя въ извѣстной мѣрѣ, повидимому, повторялись у всѣхъ тѣхъ „античныхъ“ народовъ, отъ Сены до Евфрата, которымъ вообще было извѣстно городское развитіе.

1. Прежде всего—то состояніе, когда въ качествѣ отдаленнаго предшественника позднѣйшаго города существуютъ лишь валы для защиты отъ вражескихъ нападеній, домовая община (Hausgemeinschaft) и деревня обезпечиваютъ существованіе отдѣльнаго человѣка экономически, а союзы для цѣлей кровной мести, культа и военной обороны даютъ ему полицейскую, сакральную и политическую гарантію, хотя ни о структурѣ этихъ союзовъ, ни о совмѣщеніи ими различныхъ функцій, ни, наоборотъ, о раздѣленіи ихъ ими между собою въ доисторическую эпоху античной культуры ничего вполнѣ достовѣрнаго узнать невозможно. Члены племени, принадлежащіе къ „свободнымъ“, всѣ имѣютъ долю во владѣніи землей и, при малочисленности рабовъ, сами принимаютъ участіе въ полевыхъ

работахъ. Положеніе политическаго главаря и его—большею частью временныя—функціи едва ли были иныя, чѣмъ, наприм., у германцевъ. Онъ появляется только тамъ, гдѣ можетъ угрожать война. Въ качествѣ „судьи“, какъ у большинства „первобытныхъ народовъ“ („Naturvölker“), онъ располагаетъ только средствами третейскаго суда: онъ не можетъ, далѣе, безнаказанно нарушать традицію, относительно которой его призванными совѣтниками являются самые старые люди. Въ зависимости отъ политическаго положенія находится здѣсь вообще существованіе общихъ политическихъ дѣлъ. Значеніе соединяющей между собой членовъ „рода“ (Geschlecht) связи черезъ „кровь“ (вмѣсто первоначально единственно рѣшающей общности питанія) сильнѣе развивается прежде всего въ родахъ главарей (Häuptlingssippen), а воспоминаніе о военныхъ подвигахъ или о цѣнныхъ третейскихъ судебныхъ приговорахъ узаконяетъ ихъ положеніе людей, получившихъ свои преимущества отъ боговъ. Экономическія преимущества ихъ заключаются въ томъ, что они получаютъ добровольные подарки, лучшую долю въ добычѣ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, спеціально выдѣленный земельный участокъ.

2. Затѣмъ слѣдуетъ другое состояніе, когда появляется другой, болѣе близкій предшественникъ города—бургъ и въ качествѣ его владѣльца „царь“, который, выдѣляясь размѣрами своихъ земельныхъ владѣній, количествомъ принадлежащихъ ему рабовъ, скота и благороднаго металла, сперва буквально кормитъ за своимъ столомъ свою личную дружину (Gefolgschaft), затѣмъ надѣляетъ—въ видѣ даренія или леннаго пожалованія—землей, рабами, скотомъ и сокровищами, во главѣ ея предпринимаетъ военные или разбойничьи походы, а въ отношеніи къ остальному „народу“ занимаетъ весьма разнообразное положеніе, то просто требуя отъ него при случаѣ подарковъ, то совершенно произвольно облагая его натуральными повинностями (Robot) и податями и заставляя его отправляться въ походъ (въ качествѣ обоза или пѣхоты), смотря по тому, живетъ ли онъ мирно, или же путемъ завоеваній создаетъ себѣ „царство“ („Reich“) „подданныхъ“. Положеніе лежащей за стѣнами бурга страны (des platten Landes) на этой стадіи для насъ въ высшей степени темно. Возникновеніе власти владѣющаго бургомъ царя (des Burgen-

königtum) обыкновенно стоитъ въ связи съ 1) съ плодородіемъ почвы (со способностью земли давать ренту), 2) съ торговымъ барышемъ. Какъ общее правило, царская дружина появляется какъ нѣчто новое и потому чуждое среди состоящаго изъ крестьянъ народа. Царское и ленное право (Königs- und Lehenrecht) повсюду стоитъ отдѣльно отъ „права народнаго“ („Volksrecht“). Дружинники не считались принадлежащими къ народу, даже тамъ, гдѣ они въ дѣйствительности къ нему принадлежали. Какъ это мы видимъ у многихъ „первобытныхъ народовъ“ (Naturvölker), преданіе изображаетъ, напримѣръ, дружину Давида („Krethi и Plethi“) и легендарнаго основателя Рима „бандитами“, и возможно, что на положеніи царскихъ ленниковъ въ Месопотаміи (см. ниже) еще сохранились слѣды этого. Какъ только царь выступаетъ въ качествѣ завоевателя, это безразличное отношеніе его къ національности своихъ личныхъ военныхъ товарищей, конечно, нерѣдко соотвѣтствуетъ и фактамъ: лейбъ-гвардія становится фактически наемнымъ отрядомъ. Возникновеніе болѣе крупныхъ царствъ является при этомъ возможнымъ путемъ диференціаціи богатства владѣтелей бурговъ: цари, владѣющіе самой большой „сокровищницей“ („Hort“), дѣлаютъ другихъ владѣльцевъ бурговъ своими вассалами: таково начало почти всѣхъ античныхъ „государствъ“.

3. Дальнѣйшее приближеніе къ „классическому“ состоянію средиземно-морскихъ странъ въ античномъ мірѣ представляетъ „полисъ“ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ соотвѣтствуетъ въ то же время типу „аристократическаго государства“ („Adelsstaat“). Тренированный для военной профессіи, благодаря размѣрамъ своего владѣнія, заключающагося въ землѣ и въ закабаленныхъ за долги рабахъ (или крѣпостныхъ), имѣвшій экономическую возможность вооружиться на собственный счетъ (въ формѣ дорого стоющаго полнаго вооруженія, „паноплін“), располагавшій средствами для веденія свойственнаго знати рыцарскаго образа жизни слой „родовъ“ („Geschlechter“) владѣетъ „акрополемъ“, а оттуда и всей страной. И этотъ слой можетъ образоваться только тамъ, гдѣ 1) качество почвы дѣлаетъ возможнымъ образованіе земельной ренты: въ рѣчныхъ равнинахъ, 2) гдѣ возможенъ денежный доходъ: вблизи морского берега. Знать ленниковъ издревле владѣвшаго бургомъ царя (Burgkönig) эмансипируется отъ его власти и — что характерно по контрасту съ аналогичнымъ феодально-помѣстнымъ развитіемъ на континентѣ въ эпоху ранняго средневѣковья (тогда какъ развитіе въ средневѣковой Италіи ранней поры представляетъ, наоборотъ, извѣстныя сходныя черты) — конституируется въ самоуправляющуюся, расчлененную для военныхъ надобностей на группы городскую общину, руководимую царемъ, какъ primus inter pares, или (въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія почти всегда) выборными должностными лицами, но — это — рѣшающее обстоятельство — безъ бюрократіи. Кто не можетъ вести рыцарскую жизнь, не можетъ участвовать въ военной организаціи города, тотъ не принадлежитъ къ союзу „родовъ“ („Geschlechter“). Вѣра въ значеніе „крови“, происхожденія теперь получаетъ общее распространеніе. Типической (хотя и не единственной) рабочей силой этого соціальнаго строя является закабаленный за долги рабъ (Schuldknecht). „Знать“ есть прежде всего слой кредиторовъ и становится слоемъ земельныхъ рантье. Крестьянинъ прежде всего должникъ и въ силу этого становится „наслѣдственно подданнымъ“ („erbuntertänig“). Поэтому страна внѣ городскихъ стѣнъ (das platte Land) обыкновенно населена, на ряду съ не принадлежащими къ „родамъ“ крестьянами, широкимъ слоемъ закабаленныхъ за долги людей. Иногда они и юридически отдѣлены отъ свободныхъ, въ видѣ особаго „сословія“. Вѣдь достаточно было въ большинствѣ случаевъ долгового и процессуальнаго права древнѣйшей поры въ связи съ подчиненіемъ судовъ господствующему классу и выросшаго на этой почвѣ института кліентелы, чтобы привести къ подобному результату.

4. Но отъ состоянія, характеризующагося господствомъ примитивной власти царя-предводителя войска (Heerkönigtum) (см. выше № 2 въ концѣ), возможно развитіе въ другомъ направленіи: усиливаясь экономически, царь можетъ стать господиномъ своей дружины и военныхъ силъ такимъ образомъ, что войско превратится прямо въ нѣчто въ родѣ войска изъ крѣпостныхъ (Leibeigenenheer), и можетъ — и это главное — создать, всецѣло находящееся у него въ рукахъ, іерархически расчлененное сословіе чиновниковъ (Beamtenstand), посредствомъ котораго онъ будетъ управлять „подданными“.

Тогда „городъ“ становится резиденціей его и его придворныхъ чиновъ (Hofbeamten), или безъ всякой автономіи (какъ въ „лишенномъ городовъ“ Египтѣ), или съ автономіей по существу сакральной (Ассуръ), или лишь съ лишеннымъ политическаго значенія и находящимся подъ контролемъ царя мѣстнымъ управленіемъ и съ опредѣленными привилегіями (каковы засвидѣтельствованныя источниками иммунитетныя привилегіи Вавилона). Положеніе лежащей за стѣнами города страны (des platten Landes) на древнѣйшихъ стадіяхъ этой самодержавной городской царской власти (Stadtkönigtum) въ большинствѣ случаевъ довольно темно. Податныя и барщинныя повинности подданныхъ могутъ приводить здѣсь къ почти полному государственному соціализму (Египетъ), или же здѣсь можетъ оставаться довольно большой просторъ для частнаго оборота, смотря по тому, какимъ способомъ покрываются потребности царскаго домашняго обихода: путемъ барщины или съ помощью „податей“, слѣдовательно, смотря по тому, была ли эта царская власть больше царской властью, опиравшейся на барщину (Fronkönigtum), или больше властью, опиравшейся на подати (Tributkönigtum). Первая форма въ большинствѣ случаевъ возникаетъ изъ послѣдней и въ свою очередь переходитъ въ форму, о которой сейчасъ будетъ рѣчь (государство, опирающееся на налоги и на литургіи) (Steuer—und Leiturgiestaat): это—процессъ „раціонализаціи“ (ein „Rationalisierungs“—Process).

Уже въ обоихъ названныхъ сейчасъ типахъ (представленныхъ, само собой разумѣется, въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ „чистоты“) можетъ сказываться вліяніе мѣнового хозяйства (Verkehrswirtschaft). Развитіе второго типа, какъ общее правило, находится въ связи съ тѣмъ вообще, что главарь (der Häuptling)—въ родѣ того, какъ „короли“ Камеруна передъ нѣмецкой оккупаціей (отчасти и послѣ нея)—монополизируетъ внѣшнюю торговлю или же по крайней мѣрѣ облагаетъ ее тѣми или иными пошлинами и такимъ образомъ собираетъ „сокровищницу“, эту непремѣнную опору всѣхъ первобытныхъ „царей“—какъ Нибелунговъ, такъ и микенскихъ царей, іудейскихъ (см. мѣры, принятыя теократіей противъ накопленія сокровищъ во Второзаконіи), персидскихъ, индійскихъ. Въ связи съ этимъ происходитъ экономическое подчиненіе крестьянъ; легенда объ Іосифѣ (Бытіе, 47, 15—26) въ типической формѣ изображаетъ этотъ процессъ: ссуду хлѣбомъ для потребленія и для посѣва въ трудные годы съ отдачей за это скота, земли и себя самого въ долговую кабалу и съ полученіемъ земли и скота обратно на правѣ колона съ уплатой части урожая. Приведетъ ли дальнѣйшее развитіе къ состоянію, изображенному подъ рубрикой 3 („аристократическій полисъ“) („Adelspolis“), или же къ состоянію, изображенному подъ рубрикой 4 (бюрократически управляемое царство-городъ) (Bureaukratisches Stadtkönigtum), очвидно (см. ниже), это зависитъ отъ сложныхъ, отчасти географическихъ, отчасти чисто историческихъ условій. Но, разумѣется, въ обоихъ этихъ типахъ въ общемъ степень прямой эксплоатаціи рабочихъ силъ подданныхъ въ „вотчинной“ („grundherrlicher“) ли формѣ, или въ „государственной“, для покрытія ли потребностей господствующихъ родовъ или царскаго ойкоса, обратно пропорціональна развитію частнаго оборота въ области внутренняго обмѣна. Но, поскольку основу власти составляютъ подати, оба эти типа сами по себѣ занимаютъ нейтральное положеніе въ отношеніи къ земельному обороту. Наслѣдственныя права на владѣніе и—въ аристократическомъ государствѣ вотчинныя (grundherrliche), а въ монархическомъ обусловленныя военными соображеніями—ограниченія земельнаго оборота существуютъ, конечно, повсюду. Но царь, стоящій во главѣ бюрократической монархіи (der bureaukratische König) (№ 4), послѣ образованія своего, лично ему „принадлежащаго“ („gehörigen“) войска и системы чиновниковъ и податей, можетъ легко примириться со свободой земельнаго оборота. Знатные роды желаютъ этой свободы для крестьянскаго владѣнія, потому что ихъ положеніе опирается на земельное барышничество. Но владѣніе самой знати (der adelige Besitz) (фактически или юридически) является связаннымъ благодаря образованію знатныхъ родовъ (Adelssippe) (gens). Наоборотъ, деспотъ, какъ показалъ еще Наполеонъ, политически заинтересованъ въ томъ, чтобы безъ исходящаго отъ него спеціальнаго письменнаго разрѣшенія не могло возникнуть никакихъ патримоніальныхъ владѣльческихъ правъ на землю. Поэтому „тиранъ“ ограничиваетъ скопленіе земли въ однѣхъ рукахъ тамъ, гдѣ оно угрожаетъ (Эллада), и, наоборотъ, не препятствуетъ дробленію земли тамъ, гдѣ оно происходитъ (Востокъ).

Изъ 4-го типа, т. е. изъ бюрократической городской или прибрежной-рѣчной монархіи (Stadt-oder Stromufer-Königtum), царю которой войско и чиновники „принадлежатъ“ какъ крѣпостные (als Leibeigene „gehören“), а „подданные“ несутъ барщину (Robot) и платятъ подати, развивается, по мѣрѣ раціонализированія способовъ покрытія государственныхъ потребностей,

5. деспотическое, опирающееся на литургіи государство (der autoritäre Leiturgiestaat), которое планомѣрно стремится покрывать потребности государства при помощи сложнѣйшей (kunstvolles) системы государственныхъ повинностей и смотритъ на „подданныхъ“, какъ на простые объекты.

По своей формальной сущности эти повинности суть: 1) прямыя барщины (direkte Robot) для надобностей двора и государства, 2) организованныя на основѣ этой барщины и иного рода разнообразныхъ правъ принужденія монополіи, 3) подати, и притомъ часто главнымъ образомъ денежныя подати или равноцѣнные имущественные взносы, которые, однако, системой принудительнаго поручительства за ихъ правильное поступленіе создаютъ ту характерную черту прикрѣпленія къ функціи, которая такъ часто присуща восточнымъ деспотіямъ. „Свободѣ оборота“ это государство не препятствуетъ, поскольку она не мѣшаетъ его фискальнымъ цѣлямъ,—наоборотъ, оно прямо покровительствуетъ ей, гдѣ только оно можетъ путемъ обложенія воспользоваться ею для своихъ фискальныхъ цѣлей.

Этотъ „просвѣщенный“ деспотизмъ античнаго Востока обыкновенно развивается по прямой линіи изъ болѣе примитивныхъ формъ бюрократической городской монархіи, отличаясь отъ нея лишь болѣе раціональной организаціей. Напротивъ, разнообразнѣйшія переходныя ступени соединяютъ третье состояніе („аристократическій полисъ“) („Adelspolis“) съ

6. типомъ полиса гоплитовъ („Hoplitenpolis“), распространеннаго въ античныхъ средиземноморскихъ странахъ. Господство „родовъ“ („Geschlechter“) надъ городомъ и города надъ страной (das platte Land) (формально) рухнуло. Военная повинность (сравнительно) демократизовалась благодаря господству войска гоплитовъ; она, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое полноправіе гражданина, опирается просто на земельное владѣніе, войско есть войско

гражданъ, вооружающихся на свой счетъ. Дальнѣйшая стадія развитія „полиса гоплитовъ“ есть:

7. демократическій полисъ гражданъ (die demokratische Bürgerpolis): военная повинность, а вмѣстѣ съ ней и полное право гражданства уже не связаны съ земельнымъ владѣніемъ, и существуетъ тенденція (которая, конечно, даже во времена самой радикальной аттической демократіи, напримѣръ, при замѣщеніи должностей, никогда въ дѣйствительности вполнѣ не была осуществлена) всѣмъ (въ приморскихъ городахъ) способнымъ къ службѣ во флотѣ (которая не требовала почти никакихъ издержекъ на экипировку), а это значило: просто-напросто всѣмъ гражданамъ, открыть доступъ къ государственнымъ должностямъ, при чемъ имущественныя различія все болѣе и болѣе утрачиваютъ значеніе.

Въ полисѣ гоплитовъ (№ 6) самое ядро войска составляютъ свободные, имѣющіе упряжку крестьяне, или, можетъ быть, вѣрнѣе, занимающіеся земледѣліемъ горожане (Ackerbürgerschaft). Оборотъ, въ частности земельный оборотъ, въ немъ поставленъ въ опредѣленныя границы. Такъ наз. „законодательства“, столь характерныя для конституированія полиса гоплитовъ, стремятся въ принципѣ создать доступное для всѣхъ твердое право и, чтобы смягчить борьбу между кредиторами (знатью) и должниками (крестьянами), разъ навсегда закрѣпить существующее дѣленіе на классы. Поэтому земля была связана не только правами рода, но и военными надобностями—необходимостью содержать максимумъ способныхъ нести военную повинность гоплитовъ (своего рода „охрана крестьянскаго сословія“, „Bauernschutz“, со стороны полиса), расширеніе крупнаго владѣнія прямо или косвенно стѣсняется (ограниченіе владѣнія землей, рабами, устраненіе стараго долгового права). При этомъ это стремленіе затруднить диференціацію среди гражданства приводитъ къ изданію различныхъ постановленій, характерныхъ для „городского хозяйства“. Но интересы денежныхъ людей и все поднимающихся городскихъ классовъ дѣлаютъ свое, и, самое позднее, съ переходомъ къ демократическому полису гражданъ (die demokratische Bürgerpolis) земля подлежитъ совершенно свободному или почти совершенно свободному распоряженію при жизни владѣльца и на случай смерти.

Такое положеніе вещей, какъ основа аграрныхъ отношеній, вполнѣ освѣщено для насъ историческими источниками. То, что предшествовало ему, переходитъ въ „историческій" въ полномъ смыслѣ слова періодъ аграрныхъ отношеній въ видѣ самыхъ разнообразныхъ остатковъ, отъ такихъ крайнихъ случаевъ, какъ Спарта, до скудныхъ остатковъ обремененныхъ литургіями (напр., повинностью сооружать дороги и т. д.) полей поздняго періода римской республики. Въ „классическомъ" полисѣ законодательство сознательно истребляло институты „среднихъ вѣковъ". Вѣдь это не случайность, что частное аграрное право историческаго періода ни на Востокѣ (см. выше), ни на Западѣ не знало не только никакого связыванія земли фидеикомиссами, но и никакой частно-правовой формы обремененія земли барщинными повинностями и рентами, вообще никакихъ иныхъ видовъ обремененія земли, кромѣ 1) заклада и 2) абсолютно необходимыхъ водныхъ и дорожныхъ сервитутовъ,—между тѣмъ какъ у публичной власти вездѣ оставалась возможность обременить землю и барщиной, и наслѣдственной арендой; не случайность, далѣе, и то, что наряду со всѣми общинно-хозяйственными формами владѣнія (gemeinwirtschaftlichen Besitzformen) (альменда) были устранены также всѣ виды господской сдачи земли (herrschaftliche Bodenleihe) — за исключеніемъ самой простой (nackte), расторжимой для обѣихъ сторонъ денежной аренды и аренды изъ части продукта—и всѣ правовыя ограниченія дробленія земли на мелкіе участки какъ въ порядкѣ наслѣдованія, такъ, и помимо того, въ области частнаго аграрнаго права.

Затѣмъ начинается капиталистическое развитіе: на мѣсто исчезающаго института рабства за долги появляются покупные рабы. Эволюція, совершившаяся въ землевладѣніи и въ производствѣ подъ ихъ вліяніемъ и въ то же время подъ вліяніемъ политическихъ перипетій города-государства, составляетъ тему аграрной исторіи „классическаго" періода. Аграрная исторія этого періода должна разсказывать главнымъ образомъ о повсемѣстномъ паденіи возвысившагося въ „полисѣ гоплитовъ" свободнаго, владѣющаго землей и упряжкой крестьянства и о выступленіи на первый планъ производства съ трудомъ рабовъ или мелкихъ арендаторовъ и объ одновременномъ выступленіи на первый планъ или наемнаго войска, или (въ Римѣ) пролетарскаго войска, опоры цезаризма.

Если въ концѣ „классическихъ" эпохъ преобладающее положеніе занимаютъ свободный срочный арендаторъ и рабъ—первый на Востокѣ, второй въ качествѣ сельскаго рабочаго на Западѣ—хотя ни тотъ, ни другой, впрочемъ, не вытѣсняютъ сохраняющагося почти повсюду, а мѣстами составляющаго весьма компактную массу и имѣющаго численный перевѣсъ земельнаго собственника, ведущаго самостоятельное хозяйство—то теперь, въ періодъ, слѣдующій за окончательнымъ уничтоженіемъ города-государства всемірной военной монархіей, мало-по-малу, все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ одно явленіе, которое представляетъ собою, повидимому, нѣчто совсѣмъ новое: сельское феодальное помѣстье (Grundherrschaft). Колоны, прикрѣпленные къ землѣ—къ выгодѣ, но (надо замѣтить) въ извѣстномъ смыслѣ и къ невыгодѣ помѣщика (des Herrn),—съ установленными въ большей или меньшей мѣрѣ традиціей повинностями и правами, помѣщики (Grundherren) въ качествѣ мѣстной власти, государственныя повинности, въ частности налоги и поставка рекрутъ, какъ повинности, лежащія на этихъ помѣстьяхъ (Grundherrschaften), большихъ или меньшихъ размѣровъ иммунитеты въ ихъ пользу,—вотъ явленія, которыхъ, конечно, не знаетъ „гражданская община" („Bürgerpolis") (№ 6, 7), болѣе того, которыхъ она сознательно у себя обыкновенно не допускаетъ. Поэтому возникновеніе ихъ кажется тѣмъ то абсолютно новымъ.

На самомъ дѣлѣ они рѣшительно никогда не переставали существовать. Только область ихъ господства сузилась, и ихъ универсальное значеніе со временъ городской монархіи (Burgenkönigtum) надолго чрезвычайно уменьшилось. Въ не имѣвшихъ городовъ обширныхъ континентальныхъ областяхъ, безъ сомнѣнія, всегда существовали феодальныя помѣстья въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, и лишь только восточныя города-царства (Stadtkönigtümer) и монархіи, организованныя съ помощью системы литургій (Leiturgiemonarchien), разрослись въ „міровыя державы"—что произошло прежде всего въ Ассирійскомъ царствѣ,—они, естественно, образовали въ качествѣ доменовъ или леновъ конгломератъ областей, имѣвшихъ городскую

или помѣстную организацію. То же было и въ персидскомъ царствѣ. То же самое было, по крайней мѣрѣ (но едва ли *только*) на землѣ доменовъ, гдѣ государь нераздѣльно соединялъ частно-правовыя полномочія владѣльца со своими правами административнаго принужденія, въ эллинистическихъ монархіяхъ, которыя, впрочемъ, въ общемъ по самой своей структурѣ (за исключеніемъ Египта) рѣшительно покровительствовали полису, какъ организаціонной основѣ, и пропагандировали его. Возникновеніе римской міровой державы, какъ завершеніе античной исторіи, означало въ концѣ-концовъ и на Западѣ перемѣщеніе культуры и (получавшаго все больше и больше значенія для военныхъ цѣлей) центра тяжести населенія съ морскихъ береговъ *вглубь* страны (in das *Binnenland*) и вмѣстѣ съ тѣмъ широкій сдвигъ во всѣхъ основахъ общественной организаціи и въ организаціонныхъ проблемахъ государственной жизни. Съ этими перестановками и съ ихъ экономическими послѣдствіями для императорской политики было связано тогда развитіе тѣхъ соціальныхъ институцій, которыя обозначаютъ переходъ къ нашему *средневѣковому* обществу. Поэтому центральныя явленія аграрной исторіи этой эпохи и поздне-античнаго помѣстья (Grundherrschaft) вообще будутъ разсмотрѣны въ особой статьѣ („Колонатъ") [1]).

Нечего и говорить, что всѣ изображенные здѣсь „типы" „крестьянской общины", „полиса знатныхъ", „бюрократическаго города-царства", „полиса гоплитовъ" и „гражданскаго полиса", „монархіи, опирающейся на литургіи" рѣдко существовали одинъ возлѣ другого или послѣ другого въ чистомъ видѣ. Эти „идеально-типическія" понятія служатъ тутъ только тому, чтобы сообразно съ ними классифицировать каждое отдѣльное государство, чтобы выяснить, *приближается* ли оно въ большей или меньшей степени въ данный моментъ, въ общемъ или въ какихъ нибудь опредѣленныхъ отношеніяхъ, къ тому или другому изъ этихъ типическихъ понятій. Ибо реальныя государства всѣмъ самымъ важнымъ исторически, что составляетъ

[1]) Статья эта написана для Handwörterbuch der Staatswissenschaften профессоромъ М. И. Ростовцевымъ и въ соотвѣтствующемъ томѣ 3-го изданія его и напечатана. *Прим. ред.*

своеобразіе каждаго изъ нихъ, конечно, являются живымъ протестомъ противъ *всякой* подобной упрощенной классификаціи. Прежде всего одинъ имѣющій большое историческое значеніе типъ совсѣмъ не нашелъ себѣ въ ней мѣста: именно, конституировавшаяся въ военномъ отношеніи какъ союзъ гоплитовъ *совокупная община* (*Samtgemeinde*) *крестьянскихъ* общинъ (*Bauernschaften*), которая выступаетъ въ древности неоднократно, впрочемъ, по моему, *всегда* имѣя второстепенное значеніе, и отчасти заимствуя *городскія* учрежденія (древній Израиль, этоляне, самнитяне).

Во всякомъ случаѣ данная классификація, кромѣ чисто терминологическаго, можетъ имѣть еще *то* значеніе, что покажетъ намъ, какимъ кореннымъ образомъ различны тѣ *стадіи* развитія, на которыхъ мы застаемъ отдѣльныя античныя націи въ случайный моментъ первыхъ историческихъ свидѣтельствъ о нихъ. Месопотамскія государства и государство египетское, несомнѣнно, имѣютъ позади себя уже многія тысячелѣтія *городского* развитія или (Египетъ) *близкаго* къ городскому въ тотъ моментъ, съ котораго начинаются древнѣйшіе, доступные намъ источники. Это уже „царства, опирающіяся на систему литургій" („Leiturgiekönigtümer"). Римляне ко времени *дѣйствительно* достовѣрнаго преданія *фактически* уже пережили стадію гражданской общины („Bürgerpolis"). Для эллиновъ еще можно сдѣлать нѣкоторыя довольно достовѣрныя заключенія относительно стадіи „полиса знатныхъ" („Adelspolis"), даже относительно „городского царства" („Burgenkönigtum"). Недостовѣрныя извѣстія о кельтахъ (мы не будемъ ихъ здѣсь разсматривать) показываютъ намъ ихъ на всѣхъ первыхъ трехъ „стадіяхъ". Но при этомъ, далѣе, ходъ развитія Спарты, аттической демократіи временъ гегемоніи и Рима, представляетъ собою нѣчто совершенно „единственное" въ своемъ родѣ въ исторически самыхъ важныхъ пунктахъ, и вообще нерѣдко отдѣльныя черты *различныхъ* мысленно разграниченныхъ „стадій" сочетаются въ своеобразное конкретное цѣлое.

Наконецъ—это прежде всего—эти „типы", въ основу разграниченія которыхъ положена чисто-военная сторона ихъ организаціи, перекрещивались открытой или тайной борьбой свѣтской

политической власти съ властью теократической, борьбой, оказывавшей вліяніе на всю структуру соціальной жизни. Правда, повсюду первоначально княжеская и жреческая функціи соединяются въ одномъ лицѣ. Но съ образованіемъ жреческой власти и съ развитіемъ теологіи раздѣленіе этихъ функцій было неизбѣжно. Могущество жрецовъ, помимо матеріальнаго значенія ихъ владѣнія, заключавшагося въ жертвованныхъ земляхъ и доходахъ, и господства надъ массами, которымъ они внушали страхъ передъ послѣдствіями святотатства, объяснялось еще тѣмъ, что вся первобытная „наука" находилась въ ихъ рукахъ. Изъ этого вытекало два слѣдствія: 1) вообще ихъ знаніе права, которое, пока право не было кодифицировано, создавало родамъ, въ рукахъ которыхъ находились жреческія должности, непоколебимое могущество, 2) въ частности въ монархическихъ государствахъ, управлявшихся бюрократически, всякое образованіе, которое требовалось для занятія государственныхъ должностей, можно было получить почти исключительно, лишь обучаясь у жрецовъ. Повсюду восточные жрецы старались забрать въ свои руки преподаваніе: такъ, въ Египтѣ въ періодъ „новаго царства", обученіе у жрецовъ замѣнило свѣтскую „науку" („Lehre") которую изучалъ прежде чиновникъ. Борьба храмового жречества съ военной знатью и съ царской властью въ бюрократическихъ монархіяхъ и борьба гражданъ, не принадлежавшихъ къ знатному сословію, противъ правовой монополіи жрецовъ, принадлежавшихъ къ знати, въ аристократическихъ государствахъ (Geschlechterstaaten), наполняетъ собою—въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—весь ранній періодъ античной исторіи и оказываетъ вліяніе и на развитіе матеріальной культуры: секуляризаціи и реставраціи, совершаемыя узурпаторами, стремящимися къ узаконенію своей власти, смѣняютъ другъ друга. О важныхъ различіяхъ восточной и западной культуры въ этомъ отношеніи рѣчь будетъ ниже.

Мы не собираемся здѣсь давать ни классификаціи, ни исторіи всѣхъ извѣстныхъ доселѣ аграрныхъ устройствъ; мы только пытаемся сдѣлать очеркъ того, что извѣстно объ аграрной исторіи важнѣйшихъ по своему историческому значенію государствъ. При этомъ слѣдуетъ, конечно, настойчиво подчеркнуть, что въ настоящее время, если бы рѣчь шла не объ

обязательствѣ дать „новое изданіе", [1]) эта попытка безусловно должна была быть предоставлена спеціалистамъ. Вѣдь опубликованный за послѣднее время матеріалъ по своему объему и тѣмъ, что онъ требуетъ отъ изслѣдователя овладѣнія всей совокупностью культурно-историческаго матеріала, превосходитъ силы всякаго, кто бы вздумалъ взяться за его обработку, не имѣя спеціальной (т.-е. филологически-археологической) подготовки.

[1]) Рѣчь идетъ о новомъ, третьемъ изданіи Handwörterbuch der Staatswissenschaften, въ которомъ помѣщена эта Аграрная исторія древняго міра. *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Месопотамія.

Что касается азіатскаго Востока, то тотъ матеріалъ, который былъ добытъ благодаря изумительнымъ успѣхамъ въ области изученія клинообразныхъ надписей, и теперь еще, даже послѣ открытія „Кодекса Гаммураби", не приведенъ въ такое состояніе, чтобы тотъ, кому приходится изучать лишь переведенные тексты и вообще черпать изъ вторыхъ рукъ, могъ разсчитывать въ своемъ анализѣ хозяйственной жизни на окончательные результаты. И какъ разъ тексты, болѣе всего важные для изученія права и соціальной исторіи, часто не поддаются истолкованію. А при пользованіи ветхозавѣтными книгами, несмотря на работы Велльгаузена, Э. Мейера, Гуте, Еремiаса, Винклера и за послѣднее время А. Меркса, все еще остается чрезвычайно темнымъ вопросъ о томъ, гдѣ произведенія въ стилѣ „государственнаго романа", появившіяся послѣ плѣна, перестаютъ окрашивать дѣйствительность, и какъ разъ нѣкоторыя характерныя институціи. Поэтому и нижеслѣдующія, поневолѣ краткія замѣчанія могутъ быть сдѣланы лишь съ величайшими оговорками.

Въ культурныхъ государствахъ Месопотаміи на ряду съ разведеніемъ всякихъ домашнихъ животныхъ и сельское хозяйство очень рано — особенно въ Вавилоніи — въ сильной мѣрѣ развилось въ интенсивное огородничество (zur intensiven Gartenkultur). Кромѣ хлѣбныхъ полей, мы видимъ, въ качествѣ обычной составной части всякаго значительнаго состоянія, сады финиковыхъ пальмъ и на ряду съ хлѣбомъ сезамъ въ качествѣ главнаго предмета потребленія; на ряду съ этимъ въ источникахъ встрѣчаются всевозможныя овощи и бобовыя растенія:

рѣпа, редиска, огурцы, колоквинты, лукъ, чеснокъ — этотъ послѣдній является предметомъ поставокъ въ чудовищныхъ количествахъ (по ста тысячъ единицъ мѣры), — укропъ, латукъ, свекла, кишнецъ, каріандръ, шафранъ, исопъ, тминъ, ежевика и т. д., которые разводились преимущественно въ царскихъ садахъ. Зато лѣсовъ нѣтъ: строевой лѣсъ ассирійскій царь пріобрѣтаетъ оружіемъ на Ливанѣ, объ его охотахъ въ лѣсахъ по скатамъ сѣверныхъ горъ надписи сообщаютъ вперемежку съ военными подвигами. Разведеніе скота (овецъ и крупнаго рогатаго скота) играетъ въ кодексѣ Гаммураби видную роль, но, очевидно, крупнѣйшимъ владѣльцемъ скота является самъ царь.

Основой земледѣлія является искусственное орошеніе: съ каждымъ новымъ поселеніемъ связано прорытіе новаго канала, земля здѣсь есть въ специфическомъ смыслѣ продуктъ труда; мѣсто относительно индивидуалистическаго труда расчистки первобытнаго лѣса здѣсь заступаетъ по необходимости въ той или иной формѣ осуществляемый общественно-хозяйственный трудъ сооруженія каналовъ. Въ этомъ, въ послѣднемъ счетѣ, коренится экономическая причина того, что здѣсь, какъ и въ Египтѣ (см. ниже), царская власть была чрезвычайно могущественна. Уже надписи, относящіяся къ самому древнему („сумеро-аккадскому") культурному центру, переполнены вопросами о каналахъ и искусственномъ орошеніи; то же самое мы встрѣчаемъ позднѣе на ассирійскомъ сѣверѣ. Всевозможныя барщинныя повинности по постройкѣ плотинъ и прорытію каналовъ, съ одной стороны, многочисленные царскіе надсмотрщики — съ другой, быстро направили древнюю городскую царскую власть на путь бюрократическаго управленія. На войнѣ желанной добычей царей Вавилона и Ассура — въ особенности послѣдняго, этого обширнаго разбойничьяго государства — неизмѣнно является прежде всего одно — подданные, которые сейчасъ же должны прорыть новый каналъ для новаго города и поселяются въ этомъ городѣ сперва на льготномъ положеніи, въ отношеніи барщинныхъ повинностей и податей, чтобы затѣмъ преумножить источники доходовъ и могущества царя. Ассирійскіе цари эпохи завоеваній настаиваютъ, чтобы покоренные (народы) „дань и подати платили, какъ ассирійцы", которые, слѣдовательно, съ своей стороны тоже считаются

объектомъ владѣнія царя. Первоначально это было не такъ, да и позднѣе это не было проведено вполнѣ послѣдовательно. Городъ Вавилонъ ссылается въ одномъ письменномъ обращеніи къ ассирійскому царю на привилегіи, которыя были дарованы ему его предшественниками (опредѣленнаго рода иммунитеты, прежде всего очень благопріятные для интересовъ торговли законы объ иностранцахъ). И другіе города имѣютъ гарантированныя привилегіи. Случается, что „старѣйшины", напр., Вавилона и Сиппара, созываются для совѣщанія относительно постройки храма, и что ассирійскій царь послѣ постройки своего новаго дворца угощаетъ въ немъ ассирійскихъ „знатныхъ и горожанъ". Но это уже не мѣняетъ общаго основного характера отношеній.

Хозяйство царя, это — превосходящій своими размѣрами частныя хозяйства ойкосъ. Онъ получаетъ питаніе: 1) изъ царскихъ доменовъ и отъ находящагося у царя во владѣніи обширнаго количества крѣпостныхъ и иныхъ зависимыхъ людей (Leibeigenen-und Hörigenbesitz) — у сумерскаго царя, какъ, очевидно, и у всѣхъ позднѣйшихъ царей, были собственные пастухи — 2) изъ а) барщинъ и b) натуральныхъ взносовъ подданныхъ. Каково было въ отдѣльные періоды соотношеніе между удовлетвореніемъ потребностей съ помощью собственнаго хозяйства на доменахъ (при помощи собственнаго скота) и съ помощью податей, остается неяснымъ. Полевые продукты — въ противоположность, можетъ быть (по крайней мѣрѣ въ древнѣйшую пору), скоту — получались преимущественно въ видѣ этихъ послѣднихъ. Точно такъ же неясно соотношеніе между трудомъ собственныхъ рабовъ царя и барщиной подданныхъ, но и оно также, повидимому, довольно измѣнчиво. Это въ природѣ вещей: совершенно такъ же, какъ фараоны, сумероаккадскіе городскіе цари постоянно были заняты регулированіемъ барщины, заботой о пищѣ и питьѣ принудительно набранныхъ рабочихъ и о слѣдуемомъ имъ вознагражденіи натурой. У царя имѣются всевозможнѣйшіе амбары и сараи (сарай для экипажей, хлѣбный амбаръ, денникъ для скота, складъ пряностей, сокровищница и т. д.) и мастерскія. Сумерскій царь ввозитъ золото изъ-за границы, перерабатываетъ его въ собственной мастерской въ драгоцѣнный колчанъ, изъ камней съ царской каменоломни дѣлаютъ въ собственной мастерской царя статуи, прежде

всего въ собственныхъ царскихъ мастерскихъ изготовляется все для построекъ царя, для чего издалека привозится дерево. Рабочей силой служатъ ему при этомъ, очевидно, надѣленные участками земли и поселенные вокругъ царскаго бурга и обязанные за это выходить на барщину ремесленники. Ассирійскіе цари пользуются впослѣдствіи для удовлетворенія своихъ колоссальныхъ строительныхъ надобностей трудомъ какъ военноплѣнныхъ, такъ и своихъ туземныхъ, обязанныхъ выходить на барщину ремесленниковъ, трудомъ послѣднихъ для болѣе тонкихъ работъ. Санхерибъ хвалится своими техническими нововведеніями въ литьѣ бронзы и насмѣхается надъ своими предками, которые „по своему неразумію заставляли стонать всѣхъ ремесленниковъ". Опредѣленной границы между царскими рабами и обязанными выходить на барщину политическими подданными царя, очевидно, не существовало. 3) Сумерскій царь отбираетъ „лодочниковъ и ихъ капитана" и посвящаетъ ихъ храму: очевидно, царь въ то время не былъ расположенъ самолично вести собственную торговлю. Но, что первоначально онъ ею занимался, это не подлежитъ сомнѣнію, и извѣстно, что эта собственная торговля существовала въ видѣ постояннаго обмѣна „подарками" съ иностранными князьями еще 1000 лѣтъ спустя. Несомнѣнно, какъ разъ монополизація посреднической торговли при устьяхъ рѣкъ и была древнѣйшей основой могущества городскихъ царей юга страны, который поэтому и былъ древнѣйшимъ очагомъ царскихъ „ойкосовъ", какъ въ Египтѣ область Дельты. 4) Именно въ Ассиріи въ казну царя текли средства изъ добычи отъ разбойничьихъ войнъ, которыя царь предпринималъ, находясь на высотѣ своего могущества, ежегодно.

Однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ рессурсовъ, въ частности запаснымъ фондомъ для займовъ, служили здѣсь, какъ и на всемъ древнемъ Востокѣ и въ древней Элладѣ, принадлежавшія храмамъ сокровища. Умноженіе этихъ сокровищъ, фиксированіе всякаго рода платежей, слѣдуемыхъ храмамъ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ (въ частности, платы при вступленіи въ бракъ), преслѣдованіе тайныхъ жрецовъ („колдуновъ") и еретиковъ въ пользу монополіи признаннаго бога было дѣломъ еще сумеро-аккадскихъ городскихъ царей. Правда, способствуя образованію у храмовъ большихъ запасовъ благородныхъ металловъ и натуральныхъ

продуктовъ, а также земельной собственности, царь создавалъ въ рукахъ храмового жречества такое экономическое могущество, которое иногда могло быть ему опасно, дѣлая для жрецовъ возможнымъ, какъ это мы дѣйствительно видимъ впослѣдствіи почти вездѣ, вести съ перемѣннымъ счастьемъ борьбу съ владѣльцами свѣтскихъ леновъ и съ чиновниками за господство надъ трономъ и за эксплоатацію этого господства. Въ соціальномъ отношеніи жреческіе роды ведутъ себя тамъ, гдѣ они имѣютъ власть, совершенно такъ же, какъ городскіе знатные роды (die Stadtgeschlechter) въ древней Элладѣ. Древнимъ мѣстнымъ городскимъ царямъ эпохи до Гаммураби приходится постоянно бороться, съ одной стороны, противъ обремененія слишкомъ большими поборами, закабаленія за долги и лишенія владѣнія „бѣдныхъ" жрецами. Съ другой стороны, они должны не давать чиновникамъ возможности: 1) эксплоатировать барщину подданныхъ въ собственную пользу, 2) сокращать содержаніе, полагающееся имъ при отбываніи ими барщинъ, 3) оказывать давленіе на цѣны при продажѣ ими своихъ продуктовъ или даже прямо принуждать продавать ихъ по дешевымъ цѣнамъ (особенно скотъ) „магнатамъ"; для борьбы съ этимъ послѣднимъ злоупотребленіемъ были установлены таксы на продукты. Если суммерскій царь говоритъ о себѣ, что онъ „водворилъ свободу" и устранилъ „существовавшее прежде крѣпостничество", то подъ этимъ надо разумѣть только 1) сокращеніе или отмѣну извѣстныхъ государственныхъ барщинныхъ повинностей („въ области X съ тѣхъ поръ уже не было надсмотрщика"), 2) а также и устраненіе присвоенія частными лицами права на эти барщины, но прежде всего и чаще всего опять таки 3) защиту „бѣдныхъ" путемъ обезпеченія имъ правосудія и путемъ охраны заработка и владѣнія крестьянина и мелкаго горожанина отъ противозаконныхъ посягательствъ; въ какомъ именно смыслѣ надо понимать это послѣднее, остается неяснымъ (см. ниже). Какъ объ особенно тяжкомъ требованіи „магнатовъ" (т. е. чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ, а иногда и жреческихъ родовъ) упоминается о томъ, что задолжавшій (здѣсь это значитъ: „закрѣпощенный") государству или свѣтской или духовной знати мелкій владѣлецъ долженъ выплачивать имъ свой долгъ чистыми деньгами. Слѣдовательно, экономическая ситуація очень сильно напоминаетъ то, что было въ Элладѣ

въ эпоху до „законодательствъ". Основное различіе составляетъ безмѣрно могущественное положеніе жрецовъ и бюрократическая организація государства. Царь старается — какъ греческій „тиранъ" (по крайней мѣрѣ въ древней Элладѣ) — обезпечить себѣ симпатіи крестьянъ и мелкихъ горожанъ. Но, не смотря на борьбу съ чиновниками, царь нуждается въ бюрократическомъ аппаратѣ, и, не смотря на борьбу съ жрецами, ему необходима легитимація, которую можно было получить или путемъ апоѳеоза (какъ въ Египтѣ), или путемъ утвержденія со стороны божества. Цари, опиравшіеся исключительно на военную силу въ завоеванномъ краѣ (въ Ассиріи), старались, и успѣшно, освободиться отъ контроля жрецовъ. Древнимъ „культурнымъ государствамъ" (Kulturstaaten) это было труднѣе. Въ Вавилонѣ, гдѣ теократія приняла гораздо болѣе законченныя формы, чѣмъ въ ассирійскомъ военномъ государствѣ, царь считался ленникомъ божьимъ (и это выражалось въ ежегодной новой инвеституръ).

Подати, платимыя подданными, искони, сколько намъ извѣстно, представляли собою разнаго рода едва ли поддающіеся точному разграниченію платежи зерновымъ хлѣбомъ, впослѣдствіи сообразованные съ правовымъ положеніемъ плательщика и съ качествомъ его земли, а также платежи всякими другими продуктами непремѣнно натурой, въ очень, повидимому, значительномъ количествѣ; арендные договоры обыкновенно содержатъ параграфы, касающіеся уплаты этихъ платежей (сохранились обломки кадастровыхъ картъ). Затѣмъ слѣдуетъ взимавшійся, повидимому и съ свободныхъ, во всякомъ случаѣ съ женщинъ (быть можетъ, первоначально со всѣхъ неспособныхъ носить оружіе), поголовный налогъ. На ряду съ этимъ позднѣе встрѣчаются отдѣльныя пошлины со всякаго рода сдѣлокъ, какъ напримѣръ, съ продажи рабовъ и земельныхъ участковъ. Тамъ, гдѣ устанавливался за нарушеніе контракта штрафъ въ пользу государства, тамъ въ древнѣйшія времена это, повидимому, была еще просто барщинная работа на царя, работа въ видѣ наказанія, какъ остатокъ отъ эпохи, когда царская власть опиралась всецѣло на барщину подданныхъ (являлась какъ Fronkönigtum).

Къ литургіямъ, которыми облагалась земля, принадлежала и поставка воиновъ (во времена персидскаго владычества эта повинность выполнялась посредствомъ замѣстителя). Но какимъ въ экономическомъ смыслѣ способомъ, особенно въ такомъ специфически военномъ государствѣ, какъ Ассирія, создавалась и содержалась весьма значительная (если даже отбросить всѣ возможныя, впрочемъ, не обязательно предполагаемыя, преувеличенія надписей), дисциплинированная, способная къ піонерскимъ работамъ и къ совершенію большихъ походовъ военная сила, это еще не совсѣмъ выяснено. Существованіе военной повинности, въ принципѣ обязательной для всѣхъ подданныхъ — за исключеніемъ персонала храмовъ, придворнаго штата царя, пастуховъ и, повидимому, царскихъ колоновъ — явствуетъ изъ писемъ Гаммураби. Но такой наборъ, навѣрное, могъ производиться только въ крайнихъ случаяхъ въ качествѣ поголовнаго ополченія для защиты родины. Техника сраженія на колесницахъ, которой обязаны своимъ военнымъ расширеніемъ государства, лежащія по берегамъ Евфрата, требовала, конечно, профессіональнаго воина; также и конница, и пѣхота, во время болѣе значительныхъ войнъ насчитывавшая все же многіе десятки тысячъ — Салманассаръ II, по его собственному увѣренію, имѣлъ въ Сиріи противъ себя войско круглымъ счетомъ въ 70.000 человѣкъ (съ 4000 колесницъ круглымъ счетомъ), котораго составныя части онъ перечисляетъ — если принять во вниманіе, что въ теченіе ряда поколѣній имъ ежегодно приходилось участвовать въ походахъ, конечно, уже больше не могли пополняться съ помощью набора изъ среды самостоятельно хозяйствовавшихъ крестьянъ наподобіе (очень скоро превратившагося въ фикцію) германскаго народнаго ополченія (Heerbann). Обученное военному дѣлу и притомъ національное войско было бы опасно для царской власти, а огородная культура (die gartenartige Kultur) дѣлала образованіе его и экономически невозможнымъ: снаряжающееся на собственныя средства тяжеловооруженное войско отсутствуетъ въ этомъ искони теократически-бюрократическомъ городѣ-государствѣ. Становящаяся въ позднѣйшее время обычной вербовка едва ли существовала въ раннюю эпоху. Но колесницы, копья и вооруженіе выдаетъ царь изъ своихъ цейхгаузовъ. Сообразно съ этимъ и лошадей онъ давалъ, быть можетъ, изъ своихъ стадъ или добывалъ ихъ для этого путемъ реквизиціи. Что касается людей, то во времена Гаммураби

„солдаты“ царя, оказывается, были владѣльцами служилыхъ леновъ (Dienstlehen), съ которыми была связана въ качествѣ литургіи профессіональная военная служба. При этомъ владѣльцы леновъ, очевидно, не составляютъ сословія привилегированнаго сравнительно съ остальными подданными. Извѣстіе, будто имъ выжигали клеймо (Daiches), основано, можетъ быть, на тожествѣ ихъ названія съ названіемъ закабаленныхъ должниковъ (Schuldknechten) частныхъ лицъ. Но и само тожество названій во всякомъ случаѣ поразительно. Если относящійся сюда документъ дѣйствительно слѣдуетъ отнести къ человѣку, обязанному нести царю военную службу (который былъ отданъ въ распоряженіе какому-то магнату), то онъ служилъ бы въ то же время доказательствомъ того, что люди, находящіеся—по франкскому выраженію—„in truste“ или „in hoste“ царя, тѣмъ самымъ лишались своихъ семейныхъ правъ (права наслѣдства), какъ какой-нибудь чужестранецъ или человѣкъ, попавшій въ рабство (когда онъ, отбывъ свою военную службу, возвращается домой, то семья предоставляетъ ему право жить при себѣ, но не участвовать въ наслѣдствѣ). Гаммураби говоритъ о ленахъ воиновъ въ одномъ параграфѣ съ царскими рыбаками, которые были также надѣлены землей на правахъ леннаго владѣнія. „Ленъ“, какъ и вездѣ на Востокѣ—кончая клерухами Лагидовъ—плебейски малъ, такъ какъ экипировка была, несомнѣнно, очень проста, да и, кромѣ того, была, повидимому, всецѣло на иждивеніи царя.

Подъ страхомъ смертной казни воины обязаны были нести службу самолично, и за притѣсненіе ихъ и незаконное лишеніе владѣнія намѣстники строго карались. Ихъ собирали также на земляныя работы—напр., при постройкѣ города (при присоединеніи новыхъ областей „пересаживаемое“ туда на мѣста туземцевъ населеніе состояло, вѣроятно, изъ такихъ ленниковъ). Вмѣстѣ съ дворомъ царь передаетъ имъ и скотъ въ пользованіе. Все это, конечно, безъ права отчужденія, но обычно съ правомъ наслѣдованія (если сынъ годенъ для военной службы) и съ обезпеченіемъ вдовъ и сиротъ. Въ случаѣ неисполненія ленникомъ служебныхъ обязанностей въ теченіе трехъ лѣтъ все это переходитъ къ тому, кто возьмется исполнять его обязанности. Хотя ленникъ, судя по всему этому, служитъ царю лично за спеціальное вознагражденіе, но онъ все-таки считается

и исполняющимъ общественную обязанность (als Funktionär der Gesamtheit): кто выкупитъ солдата изъ плѣна, можетъ, если имущество послѣдняго не достигаетъ суммы выкупа, возмѣстить затраченныя на выкупъ деньги изъ храмовой казны своего города; вспомогательно поручителемъ является и царская казна.

На ряду съ надѣленными землей солдатами стоятъ не „вполнѣ свободные“ (nicht „vollfreie“), поэтому не приравненные къ свободнымъ въ отношеніи вергельда, но, судя по тому, что они владѣли рабами—очевидно, въ виду того, что они сами не занимались хозяйствомъ (im Interesse ihrer „Abkömmlichkeit“)—поставленные въ особенно благопріятныя условія „министеріалы“ (какъ переводитъ Пейзеръ) царя, которые, очевидно, живутъ при дворѣ и всегда находятся въ распоряженіи царя. Въ Ассиріи мы встрѣчаемъ „всадниковъ и евнуховъ“ царя въ качествѣ гарнизона завоеванныхъ городовъ,—слѣдовательно, царскихъ дружинниковъ на ряду съ крѣпостными—а плѣнныхъ царь просто присоединяетъ тысячами къ своему войску. Съ другой стороны, при заселеніи новыхъ городовъ въ нихъ „набиралось“ опредѣленное количество войска—что можетъ означать только или возложеніе поставки солдатъ на новыхъ поселенцевъ, или же выдѣленіе соотвѣтственнаго количества солдатскихъ леновъ.

Организація войска быстро эволюціонируетъ въ направленіи къ войску, состоящему изъ получающихъ жалованье солдатъ. Войско ленниковъ было всего только запаснымъ войскомъ (Reservetruppe); вѣдь ассирійскіе солдаты были еще во времена Саргона женатые люди, содержаніе которыхъ въ мирное время составляло заботу царя, который во время войны усиливалъ свое войско, потому что они (см. выше) призывомъ на военную службу были вырваны изъ своихъ семейныхъ отношеній, и теперь ихъ надо было содержать. Еще во времена Артаксеркса при сборѣ налоговъ различалась, напримѣръ, „земля стрѣлковъ изъ лука“ („Bogenland“) отъ „десятинной земли“ („Zehntland“). Ходъ развитія былъ, очевидно, таковъ: поставка людей, обязанныхъ нести военную службу,—бывшая первоначально (см. выше) чисто личной ленной повинностью—позднѣе была связана какъ литургія съ владѣніемъ опредѣленными участками земли, въ концѣ же концовъ владѣльцы ихъ откупались отъ этой повинности податями, изъ которыхъ царь от-

нынѣ платилъ жалованье чужеземнымъ наемникамъ. Какъ рано и въ какой мѣрѣ окончательно это произошло, знать это ближе мы не имѣемъ возможности. Во всякомъ случаѣ войско послѣднихъ ассирійскихъ царей, совершенно ненаціональное войско, а вавилонскій корпусъ стрѣлковъ изъ лука временъ персидскаго владычества, также получалъ одежду и пищу изъ царскихъ магазиновъ, слѣдовательно, тоже не былъ „національнымъ" войскомъ въ экономическомъ смыслѣ.

Свобода движенія частнаго оборота была въ раннюю эпоху стѣснена царскимъ, по существу натурально-хозяйственнымъ ойкосомъ такъ же, какъ это было въ Египтѣ (см. ниже). Но это относится къ довольно отдаленному періоду, отъ котораго сохранились клинообразные частные документы. Уже передъ эпохой Гаммураби и непосредственно послѣ нея развитіе оборота отличается сравнительно необычайной свободой (явно все увеличивающейся) Теократическая монархія, правда, регулируетъ внутренній оборотъ, въ частности также и заработную плату, при помощи тарифовъ, какъ это мы видимъ въ законѣ Гаммураби. Но на практикѣ товарооборотъ въ принципѣ свободенъ. Въ Вавилонѣ, который въ гораздо большей мѣрѣ выросъ на почвѣ посреднической торговли, онъ развился, разумѣется, гораздо богаче, чѣмъ въ военной державѣ Ассиріи. Пытаться разграничить эти два государства со стороны ихъ развитія, а также разграничить отдѣльные періоды этого развитія, которое, начиная отъ „первой" вавилонской династіи и кончая переходомъ въ исламъ, представляетъ въ большинствѣ основныхъ чертъ въ сущности все одну и ту же картину, фонъ которой мѣняется лишь по мѣрѣ проникновенія (а временами и отлива) мѣнового хозяйства (Verkehrswirtschaft) (ибо выраженіе „денежное хозяйство" примѣнимо здѣсь только условно), здѣсь невозможно и за недостаткомъ мѣста, и прежде всего за скудостью источниковъ.

Довольно теменъ и не подлежитъ здѣсь разсмотрѣнію вопросъ о расчлененіи населенія на группы въ древнѣйшую эпоху: въ какой мѣрѣ дѣлилось оно по родамъ, какъ въ эллинско-римскомъ мірѣ, и въ какой мѣрѣ по профессіямъ, какъ въ Египтѣ? Оба эти способа дѣленія нерѣдко встрѣчаются и на Западѣ одновременно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ (см. ниже), и соотвѣтственно и здѣсь встрѣчаются „трибы" обоихъ

видовъ. О „кастахъ" въ собственномъ смыслѣ въ Вавилонѣ можетъ быть, конечно, еще меньше рѣчи, чѣмъ въ Египтѣ. Скорѣе же, весьма вѣроятно, здѣсь, какъ и въ древнѣйшемъ Египтѣ, основой расчлененія общества на группы служили первоначально существовавшія литургіи, связанныя съ занятіемъ промышленностью, при чемъ, быть можетъ, товарищи по профессіи (можетъ быть, связанные между собой круговой порукой) имѣли также и извѣстныя права на имущество тѣхъ, кто несъ съ ними одинаковыя повинности. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемся, повидимому, съ правами обратной покупки (Retraktrechte), принадлежавшими одному товариществу ткачей при продажѣ земли. Но все это еще не вполнѣ установлено.

Право на землю въ эпоху полнаго развитія древней, опиравшейся на натуральныя повинности подданныхъ, монархіи (Fronkönigtum) разсматривалось, повидимому, вообще какъ вознагражденіе за исполненіе связанныхъ съ землею государственныхъ повинностей, а не только примѣнительно къ солдатской землѣ: несеніе земельнымъ участкомъ барщинныхъ повинностей съ помощью упряжного рабочаго скота упоминается въ древне-вавилонскомъ правѣ какъ доказательство того, что владѣлецъ этого участка имѣетъ на него право собственности. „Должностные лены" (die „Amtslehen"), очевидно, только потому дольше оставались связанными въ смыслѣ свободы оборота, что въ этомъ смыслѣ личная квалификація владѣльца имѣла для царя особенно большое значеніе. Но о томъ, чтобы въ случаяхъ передачи земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, когда дѣло шло о всякомъ иномъ земельномъ владѣніи, требовалось разрѣшеніе или утвержденіе со стороны свѣтскихъ или духовныхъ властей (какъ это бывало иногда въ Египтѣ), въ источникахъ мы уже ничего не находимъ, если не считать того, что раздѣлъ наслѣдства очень часто производился жрецами. Существованіе сосѣдскихъ правъ „членовъ марки" („Markgenossen") нѣтъ возможности установить съ полной достовѣрностью. Отвѣтственность общинъ существуетъ, правда, въ формѣ отвѣтственности за нарушеніе мира въ случаѣ преступленія. Но существовала ли круговая порука за подати и барщинныя повинности (какъ въ „Древнемъ Царствѣ"), вполнѣ не установлено. Еще большой вопросъ, можно ли считать ту перемѣну въ правовомъ положеніи подданныхъ, на которую

указываютъ надписи нѣкоторыхъ сумерскихъ царей (см. выше), за освобожденіе крестьянскаго земельнаго владѣнія (упоминаются только рыбные пруды и скотъ) отъ вотчинныхъ путъ. Что законодательство теократическихъ монархій въ цѣломъ имѣло своимъ результатомъ обезпеченіе частнаго оборота, это понятно само собой. Но если существовали путы, связывавшія землю, то лишь благодаря тому, что земля была обременена литургіями. Напротивъ, въ историческую эпоху государственные интересы не ограничивали вообще земельнаго оборота—за исключеніемъ земли, отданной въ ленное владѣніе должностнымъ лицамъ. Кодексъ Гаммураби совершенно опредѣленно предполагаетъ свободное отчужденіе благопріобрѣтеннаго земельнаго владѣнія. Напротивъ, наслѣдственнымъ порядкомъ полученное земельное владѣніе, по свидѣтельству источниковъ, являлось настолько связаннымъ въ интересахъ семейной общины и членовъ рода, что отчужденіе его (очевидно, первоначально невозможное) давало имъ и самому продавцу право выкупа его за цѣну, уплаченную покупателемъ земельнаго участка, вмѣстѣ съ процентами. Это послѣднее обстоятельство представляетъ собою обычноправовой осадокъ типической, направленной къ устраненію этой опасности ретракта (обратнаго выкупа) договорной сдѣлки, рядомъ съ которой въ источникахъ обыкновенно встрѣчаются проклятія ретрагента и условные штрафы.

Такимъ образомъ, фактически въ концѣ-концовъ всякая частная земля стала свободно отчуждаться и свободно дѣлиться на части. Естественный раздѣлъ между наслѣдниками—на ряду съ встрѣчающимся отъ времени до времени наслѣдованіемъ сообща—является въ дошедшихъ до насъ источникахъ общимъ правиломъ. Конечно, мы не найдемъ никакихъ признаковъ общности полей, за исключеніемъ права выгона скота на скошенныя и находящіяся подъ паромъ поля, о разновидностяхъ котораго мы находимъ постановленіе въ кодексѣ Гаммураби. Вообще же земельные участки имѣютъ каждый опредѣленныя границы, обыкновенно (очевидно) огорожены, и отчужденіе земли происходитъ съ точнымъ обозначеніемъ границъ, которыя опредѣляются мѣстоположеніемъ, дорогами, сосѣдними участками. Размѣръ земельнаго участка при этомъ опредѣляется частью и какъ общее правило мѣрами поверхности, иногда же, пови-

димому, и размѣрами посѣва (встрѣчаются также случаи покупки земли по „modus agri" въ томъ смыслѣ, что несоотвѣтствіе дѣйствительнаго размѣра земли предполагаемому ея качеству должно быть возмѣщено потомъ). Экспропріація, по свидѣтельству надписей производимая въ Ассиріи, чтобы очистить мѣсто для постройки храма, является, быть можетъ (но не обязательно), юридическимъ выводомъ изъ земельной регаліи, на которую заявлялъ притязаніе царь; по крайней мѣрѣ царь хвалится, что онъ возмѣстилъ убытки тѣмъ, кто благодаря этому лишился владѣнія. То, что благодаря проведенію каналовъ ставшая годной для обработки земля раздавалась царемъ—въ Ассиріи съ указаніемъ обязательнаго способа ея обработки (напр., подъ огороды)—,наводило на мысль, что царю принадлежало верховное право собственности на всю землю (которое въ Вавилонѣ, быть можетъ, приняло форму божескаго права на землю). Земля, которую отдавали переселеннымъ сюда чужеземнымъ народамъ, была, очевидно, частью земля, которую нужно было вновь канализовать, частью это были, вѣроятно, и должностные лены, прежніе владѣльцы которыхъ были въ виду этого переселены въ другія мѣста.

Отдача въ ленное владѣніе земли и крѣпостныхъ заслуженнымъ должностнымъ лицамъ, пожалованіе царемъ земли въ даръ, безпошлинная передача въ ленъ должностному лицу земельнаго владѣнія его отца встрѣчаются издавна какъ въ Вавилонѣ, такъ и въ Ассиріи; обыкновенно же чиновникъ, состоящій на службѣ у царя, какъ и должностное лицо храма, получаетъ довольствіе натурой изъ царскихъ и храмовыхъ магазиновъ и изъ собираемыхъ царемъ и храмами податей. Если и существовали здѣсь зачатки общаго вотчино-феодальнаго (grundherrlich-feudalen) развитія въ государственномъ строѣ, то во всякомъ случаѣ они такъ и остались зачатками: государство осталось по существу государствомъ чиновниковъ (Beamtenstaat) съ сильной теократической окраской. Но, впрочемъ, въ немъ можно найти элементы вотчиннаго (grundherrschaftlicher) развитія. Конечно, существованіе чисто частнаго земельнаго крѣпостничества (Grundhörigkeit) прямо не можетъ быть доказано съ полной несомнѣнностью. Но въ письмахъ Гаммураби упоминается одна

категорія населенія, какъ свободная отъ военной службы, которую, видимо, совершенно правильно называютъ (царскими) крѣпостными (schollenpflichtige) колонами. Были ли упоминаемые въ источникахъ въ качествѣ сидящихъ на землѣ частныхъ имѣній „огородники" („Gärtner") и „крестьяне" просто женатые рабы, или же въ нихъ слѣдуетъ видѣть, напр., „юридически" крѣпкихъ землѣ, въ частности и противъ воли своего господина (слѣдовательно, въ интересахъ государства), прикрѣпленныхъ къ землѣ полусвободныхъ, навѣрное сказать нельзя. Принадлежавшіе храму крестьяне при сдачѣ въ аренду принадлежавшей храму земли просто сдавались въ аренду вмѣстѣ съ землей совершенно наравнѣ съ живымъ инвентаремъ. Далѣе, изъ одной надписи, относящейся ко времени царствованія Ассаргаддона, узнаемъ объ утвержденіи царемъ правъ владѣльца частнаго феодальнаго помѣстья (Grundherrschaft), которое, судя по даннымъ объ его границахъ, несомнѣнно, обнимало собою цѣлыя деревни. А въ государствахъ, возникшихъ путемъ завоеванія, еще во время города-царства (Stadtkönigtum) встрѣчаемъ раздачу царемъ въ ленное владѣніе цѣлыхъ городовъ вмѣстѣ съ принадлежащей имъ территоріей, а позднѣе—какъ было уже упомянуто—пожалованія земли и людей заслуженнымъ чиновникамъ, а также, несомнѣнно, образованіе и вотчинныхъ „иммунитетовъ" въ силу наслѣдственной, при случаѣ возобновлявшейся царемъ привилегіи. Государство сохраняло всегда сильную феодальную окраску, несмотря на свой основной теократически-бюрократическій характеръ, какъ это выразилось уже хотя бы въ развитомъ „колонатѣ".

Основы семейной жизни тѣ же, что первоначально и во всемъ античномъ мірѣ: домовая община (die Hausgemeinschaft) есть хозяйственная община (Wirtschaftsgemeinschaft) патріархальной семьи и при томъ, очевидно, обыкновенно уже малой семьи, хотя конечно, еще часто встрѣчались случаи сохраненія наслѣдственныхъ правъ за членами родовой общины. Женщину отдавалъ замужъ, въ древнѣйшую эпоху просто продавалъ, глава ея семьи. О первоначально совершенно неограниченной власти мужа (карательной власти и правѣ отослать жену обратно) очень часто находимъ соотвѣтствующія статьи въ контрактахъ (о деньгахъ, которыя долженъ уплатить мужъ

въ случаѣ отправки жены назадъ къ ея роднымъ, и т. д.); наложница, въ частности сестра жены въ этой роли, встрѣчается рядомъ съ „служанкой" въ томъ ея положеніи, о которомъ мы знаемъ изъ Ветхаго Завѣта. Происхожденіе „законнаго" брака изъ стремленія обезпечить помощью договора жену, выданную замужъ съ приданымъ, и права ея дѣтей на наслѣдство отъ первоначально ничѣмъ неограниченнаго произвола мужа, еще совершенно ясно и въ кодексѣ Гаммураби: положеніе „законной" жены, созданное такимъ образомъ первоначально въ средѣ имущихъ классовъ, законодательство постепенно распространило и на другіе классы и придало ему характеръ положенія, единственно отвѣчающаго требованіямъ нравственности. Сумерскіе цари (Гудеа) воспрещаютъ сообща пріобрѣтать нѣсколькимъ мужьямъ одну жену и преслѣдуютъ съ страшной суровостью нарушеніе супружескаго долга (т.-е. со стороны жены). Уже гораздо больше идетъ навстрѣчу интересамъ жены законъ Гаммураби (право жены на разводъ, штрафы при отсылкѣ жены). Въ болѣе древнее время приданое жены состоитъ обыкновенно изъ домашней утвари, драгоцѣнностей, платья и нѣсколькихъ рабовъ (какъ видно изъ Талмуда, не только для прислуживанія лично ей, но также, чтобы снять съ нея обязанность прислуживать мужу); позднѣе въ качествѣ приданаго встрѣчаются также участки земли (послѣ того, какъ владѣніе землей утратило военное значеніе); а въ нововавилонскомъ правѣ бракъ съ приданымъ и безъ покупки невѣсты, но съ обезпеченіемъ вдовы, является уже общимъ правиломъ. Занималъ ли первоначально старшій сынъ, какъ это можно предположить по нѣкоторымъ слѣдамъ, послѣ смерти отца первенствующее положеніе и получалъ ли онъ лучшую долю при дѣлежѣ, это должно оставаться невыясненнымъ.

Какъ въ средневѣковой Италіи, съ развитіемъ мѣнового хозяйства и съ расширеніемъ поля частной предпріимчивости на первоначально строго патріархальное имущество дома начинаютъ смотрѣть какъ на товарищескій капиталъ (Assoziationskapital) членовъ семьи. Не нарушая правъ patria potestas, всетаки и filius familias является въ извѣстномъ смыслѣ пайщикомъ. Напр., при усыновленіи, которое является покупкой пріемнаго сына у его настоящихъ родителей, право усыновленнаго на имущество его пріемнаго отца устанавливается контрак-

томъ, въ частности на случай отсылки его обратно къ родителямъ. Самое усыновленіе, т.-е. покупка съ предоставленіемъ купленному сыновнихъ правъ, въ противоположность покупкѣ раба, первоначально являлось примитивной формой пополненія домовой общины рабочими силами со стороны. Усыновленіе рабовъ, браки съ рабынями и т. п. создають въ домовой общинѣ извѣстную связующую нить между свободой и несвободой —въ родѣ того, какъ въ средневѣковыхъ торговыхъ домахъ filii familias были на равномъ положеніи съ factores и discipuli. Изъ договоровъ стариковъ, уходящихъ на покой и выговаривающихъ себѣ свою долю — передача имущества retento usufructu — постепенно вырабатывается раздѣлъ имущества inter liberos по завѣщанію.

Рабы въ древне-вавилонскій періодъ не очень многочисленны: въ приданое чаще всего даютъ 1—3 рабовъ. Но, очевидно, съ развитіемъ оборота постоянно возрастало и ихъ число вплоть до времени персидскаго владычества, когда рабъ подвергался весьма систематической эксплоатаціи со стороны господина въ денежно-хозяйственной формѣ въ качествѣ источника ренты (какъ русскіе крѣпостные, отпускавшіеся на оброкъ, и какъ, уже въ совершенно другомъ родѣ, „крѣпостные" („Leibeigene") въ западной и южной Германіи вплоть до 18 столѣтія), и когда мы поэтому встрѣчаемъ и рабскій peculium, и участіе раба во всевозможныхъ предпріятіяхъ, и выкупъ себя рабомъ на свободу, даже договоры, (Beweisverträge), заключавшіеся между рабами одного и того же господина. Въ домашнемъ обиходѣ рабы въ позднѣйшую эпоху — если исключить царей и храмы—не многочислены: имѣть 4 рабовъ въ услуженіи, повидимому, считалось вполнѣ приличномъ для хозяйства средней руки. Но, очевидно, и въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности рабскому труду также не слѣдуетъ приписывать слишкомъ большой роли.

Царскіе домены, въ томъ числѣ и отданные въ ленное владѣніе должностнымъ лицамъ, такъ же, какъ и крупныя имѣнія вавилонскихъ храмовъ, а также и земли, постепенно скопившіяся въ рукахъ торговаго патриціата, особенно въ Вавилонѣ —во всякомъ случаѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Ассиріи— если не сдавались мелкими участками въ аренду, то обрабатывались при помощи купленныхъ рабовъ, а также первоначально и обязанныхъ выходить на барщину, имѣвшихъ семью несвободныхъ людей, такъ называемыхъ „огородниковъ" и „крестьянъ"; есть ли основаніе проводить различіе между правовымъ положеніемъ этихъ послѣднихъ, какъ „колоновъ", и положеніемъ рабовъ, остается, какъ уже говорилось раньше, спорнымъ. Рабы продаются нерѣдко цѣлыми семьями. Отдача себя въ рабство за долги достигла въ Вавилонѣ полнаго развитія, и быстрота, съ какой она осуществляется (взятіе въ кабалу совершалось чисто частнымъ путемъ), является основой сильнаго развитія кредита: жена и дѣти попадали въ рабство вмѣстѣ съ главой семьи, но по кодексу Гаммураби черезъ 3 года получали свободу. Если за должника, отданнаго въ рабство, ручался состоятельный родственникъ, то онъ отпускался на свободу съ ограниченнымъ правомъ передвиженія, чтобы дать ему возможность заработать на уплату долга. Насколько попавшіе въ рабство несостоятельные должники составляли въ доступную по состоянію источниковъ нашему изслѣдованію эпоху еще количественно значительную категорію прикрѣпленныхъ къ землѣ зависимыхъ людей, мы не знаемъ.

Примитивной формой временнаго обезпеченія себя рабочей силой является наемъ рабовъ или свободныхъ за содержаніе, одежду и плату (натурой, впослѣдствіи деньгами). На такихъ условіяхъ нанимали прежде всего рабочихъ на время жатвы. Изъ этого развился, какъ прототипъ свободнаго рабочаго договора, наемъ свободнаго человѣка „имъ самимъ". Превоначальный взглядъ на временное поступленіе въ рабочіе какъ на временную отдачу себя въ рабство (римское in mancipio esse) находитъ свое выраженіе не только въ этой формулѣ, но и въ томъ, что нанимающійся рабочій первоначально нуждался въ патронѣ, который, очевидно, при случаѣ могъ сыграть роль assertor in libertatem. Конечно, эта временная отдача себя въ рабство нерѣдко могла быть отдачей себя въ рабство за долги, и для исторической эпохи это представляется вполнѣ вѣроятнымъ. Ибо уже въ эпоху Гаммураби свободный трудъ очень распространенъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Изъ чтенія закона Гаммураби и болѣе древнихъ памятниковъ получается впечатлѣніе, что наряду съ мелкимъ производствомъ въ формѣ садоводства и огородничества, гдѣ хозяйство

ведетъ самъ собственникъ, существуютъ и болѣе крупныя хозяйства, которыхъ владѣльцы живутъ въ городахъ и эксплоатируютъ свое владѣніе частью съ помощью несвободныхъ, но нерѣдко и свободныхъ хозяйственныхъ инспекторовъ (вѣрность которыхъ законъ обезпечивалъ уголовнымъ порядкомъ) и съ помощью свободныхъ, нерѣдко нанимаемыхъ на одинъ годъ рабочихъ, заработную плату которыхъ регламентируетъ законъ, повидимому, въ интересахъ какъ хозяина, такъ и рабочихъ — въ соотвѣтствіи съ теократическимъ принципомъ „охраны слабыхъ" (женщинъ, попавшихъ въ кабалу должниковъ, рабовъ). Скотоводство велось въ большихъ размѣрахъ. Ссуда скотомъ производится по опредѣленному тарифу и урегулирована также, какъ и обязанности пастуха (который считался состоящимъ на службѣ у всей общины) въ отношеніи къ землевладѣльцамъ. Брать рабочій скотъ въ залогъ въ кодексѣ Гаммураби воспрещено.

Въ общемъ источники даютъ возможность нарисовать картину распредѣленія владѣнія и способовъ производства, которая существенно отличается отъ условій римскаго сельскаго хозяйства приблизительно временъ Катона 1) замѣтнымъ и у Гаммураби выступленіемъ на первый планъ интересовъ орошенія, 2) болѣе разностороннимъ развитіемъ огородничества (Gemüsebau) и, прежде всего, 3) незначительнымъ развитіемъ организованнаго рабскаго труда. Послѣднее обстоятельство, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что на Востокѣ не существовало ни такого переполненія рынка рабами, съ одной стороны, ни такой массы земли, какую римскія войны предоставили въ распоряженіе частной эксплоатаціи. Цѣны на рабовъ не высоки, но количество рабовъ, очевидно, не велико. Землю и людей, добытыхъ на войнѣ, конфисковалъ царь. Правда, онъ, какъ и фараонъ, распредѣляетъ часть доставшагося въ добычу скота и плѣнниковъ, а также, конечно, и завоеванную землю между войскомъ; но это надѣленіе войска землей всегда происходило или въ такой формѣ, что войска поселялись въ качествѣ гарнизона во вражеской странѣ, а вновь покоренные подданные зато переселялись съ своихъ мѣстъ въ Месопотамію, или же такъ, что получавшіе землю принимали на себя обязательство проводить каналы и разводить огороды, слѣдовательно, все-таки являлись прежде всего

источникомъ взимавшихся въ пользу царя податей. То же самое назначеніе прежде всего имѣли плѣнные и ихъ имущество, — какъ разъ въ противоположность римской республикѣ, гдѣ военная добыча землею и людьми становилась почти всецѣло предметомъ эксплоатаціи частныхъ откупщиковъ налоговъ, арендаторовъ доменовъ и покупщиковъ рабовъ (въ частности, для плантацій). Ограниченный, поставленный въ зависимость отъ орошенія земельный запасъ Месопотаміи не былъ самъ по себѣ подходящимъ базисомъ покоящагося на рабскомъ трудѣ крупнаго производства со всѣми его особенностями (см. выше). Поэтому эксплатація земельныхъ владѣній со стороны не ведшаго самолично хозяйства вавилонскаго патриціата все болѣе и болѣе развивалась въ сторону мелкой аренды: аренды съ фиксированной арендной платой (безъ права арендатора въ случаѣ чрезвычайныхъ затрудненій требовать сложенія арендной платы) и аренды изъ части продукта. При этомъ въ обоихъ случаяхъ законъ высказывается въ томъ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, что арендаторъ беретъ на себя обязательство тщательно обрабатывать землю. Срокъ аренды, судя по показаніямъ источниковъ, былъ большею частью довольно коротокъ: 1—3 года; мелкій арендаторъ, особенно арендаторъ изъ части продукта, несомнѣнно, уже и тогда является лишь заинтересованной въ доходѣ, связанной лишь временно (kündbare), но по большой части фактически благодаря своей задолженности прикрѣпленной къ данному хозяйству рабочей машиной землевладѣльца, какъ и колоны въ позднѣйшій періодъ римской исторіи и какъ мелкіе арендаторы (Parzellenpächter) по берегамъ Средиземнаго моря вплоть до нашихъ дней. Чтобы выяснить, какимъ образомъ съ теченіемъ времени измѣнялось его общее положеніе, для этого потребовалось бы особое изслѣдованіе. Въ источникахъ довольно ясно выступаетъ только постепенное развитіе — но не преобладаніе — денежной аренды. Точно также нѣкоторые пункты контрактовъ ясно указываютъ на то, что сдающимъ въ аренду землю въ Месопотаміи обыкновенно является живущій въ городѣ капиталистъ, который желаетъ или привести въ культурное состояніе скупленную землю, или эксплоатировать въ качествѣ источника ренты уже находящуюся въ обработкѣ землю.

Заемъ средствъ (въ особенности серебра) для уплаты рабочимъ вознагражденія во время жатвы, равно какъ и заемъ зерна, финиковъ и т. д. для посѣва — въ обоихъ случаяхъ съ обѣщаніемъ возвращенія займа послѣ жатвы — это — древнѣйшіе случаи производительнаго кредита (Produktivkredit), который уже въ древне-вавилонскій періодъ выступаетъ на ряду съ тоже большею частью совпадающимъ съ временемъ около жатвы займомъ хлѣба для собственной потребности. Заемъ на обсѣмененіе, въ частности, есть, должно быть, древнѣйшая форма производительнаго кредита и во всякомъ случаѣ еще болѣе древняя чѣмъ заемъ скота (Hainisch).

Развитіе явленій оборота вообще на всемъ азіатскомъ Востокѣ идетъ значительно дальше впередъ, чѣмъ по крайней мѣрѣ въ предоставленномъ собственному культурному развитію Египтѣ (см. ниже), что является послѣдствіемъ городского характера вавилонской культуры и положенія Вавилона какъ мѣста посреднической торговли, гдѣ формы мѣнового хозяйства должны были развернуться на полномъ просторѣ. Вавилонъ и его право сдѣлались для всего Востока какъ разъ носителями развитія, ведшаго къ „капитализму", и это несмотря на то, что запасы благороднаго металла въ странѣ, навѣрное, почти всецѣло были привозные. Цари и въ особенности храмы при такихъ условіяхъ, очевидно, находились въ экономически очень хорошемъ положеніи, поскольку подати преобладали надъ барщиной, и поэтому не препятствовали развитію мѣнового хозяйства. Чтобы вавилонская теократія, какъ таковая, принципіально относилась враждебно къ признанію за деньгами особаго положенія въ правѣ, созданномъ развитіемъ оборота — какъ (можетъ быть) относилось жреческое сословіе въ Египтѣ (см. ниже) — это трудно допустить. Все, что можно встрѣтить тамъ въ этомъ родѣ, не идетъ дальше аналогичныхъ явленій въ западныхъ государствахъ. Впрочемъ, уже сумерскіе цари (см. выше) стараются облегчить для подданныхъ специфическую тягость денежныхъ требованій. Но на сейсахтію нѣтъ указаній, и она представляется мало вѣроятной.

Смягченіе строгости долгового права въ кодексѣ Гаммураби путемъ допущенія уплаты in quo potuerit находится въ полномъ соотвѣтствіи съ подобными же соглашеніями въ частныхъ контрактахъ и вообще съ той ролью, какую „деньги" какъ таковыя играли въ оборотѣ древне-восточнаго міра. Вѣдь финикійская торговля за все время своего настоящаго расцвѣта (также и въ Карѳагенѣ вплоть до 4 столѣтія) не знала монеты въ современномъ правовомъ смыслѣ. Въ Вавилонѣ мы находимъ сначала не вѣдающую не только монетъ, но и вообще сколько нибудь регулярнаго дѣйствительнаго употребленія денегъ во внутреннемъ оборотѣ, но тѣмъ не менѣе высоко развитую технику натуральнаго обмѣна. Деньги въ древне-вавилонскомъ царствѣ, представляющія собою серебро въ видѣ предметовъ употребленія (колецъ) или на вѣсъ, служатъ, правда, и въ качествѣ блага, играющаго роль — цѣны, но главнымъ образомъ какъ мѣрило стоимости обмѣниваемыхъ другъ на друга in natura благъ, какъ дѣйствительное (effectives) средство обмѣна во внутреннемъ оборотѣ (какъ въ Египтѣ) большею частью только для уплаты разницы въ цѣнѣ, которой нельзя было возмѣстить in natura. Лишь въ позднѣйшее время принимаютъ онѣ нѣкоторое подобіе монеты, сперва, повидимому, посредствомъ частнаго удостовѣренія вѣса извѣстными фирмами—въ источникахъ встрѣчаются „куски въ одну пятую зекеля со штемпелемъ X",—и только такимъ путемъ начинаютъ постепенно пріобрѣтать монополію въ качествѣ дѣйствительной платы за товаръ. Въ древне-вавилонскомъ царствѣ еще нерѣдко продолжаютъ обмѣнивать финики на хлѣбъ, дома на поля, иногда восполняя разницу въ цѣнѣ серебромъ. На ряду съ этимъ встрѣчаются тогда въ высшей степени сложные акты мѣны, въ которыхъ только оцѣнка товаровъ обѣихъ сторонъ въ серебрѣ дѣлаетъ возможной мѣну: такъ, напримѣръ, обмѣниваютъ землю на 816 зекелей серебра, изъ которыхъ 100 уплачены повозкой, 300 — шестью конскими сбруями, 130 — осломъ, 50—ослиной сбруей, 30—быкомъ, остальное въ видѣ мелкихъ суммъ—масломъ, платьемъ и т. д. Для такого оборота, какъ разъ благодаря присущему ему характеру натуральнаго оборота, были уже въ раннее время находимы своего рода банковыя предпріятія (bankartige Unternehmungen) для посредничества и окончательнаго расчета (als Vermittelungs- und Ausgleichsstellen). „Денежный человѣкъ" является въ кодексѣ Гаммураби очень обычной категоріей. Мы встрѣчаемъ

расцѣнку натуральныхъ доходовъ профессіональными торговцами, которые считаютъ не только на серебро, но и на хлѣбъ, финики и т. д. Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ высшей степени своеобразный оборотъ съ требованіями (Anweisungen) на эти состоящіе изъ натуральныхъ сборовъ запасы, даже со своего рода складочными свидѣтельствами на предъявителя (Lagerscheine au porteur), требующій и заслуживающій болѣе близкаго разсмотрѣнія: повидимому онъ заимствовалъ свои формы первоначально отъ порядковъ управленія доходами царскихъ магазиновъ и храмовъ.

Храмы были въ Вавилонѣ крупнѣйшими заимодавцами, ссужавшими хлѣбъ и деньги, и первоначально, на ряду съ царскими магазинами, съ членами царствующаго дома (которые въ источникахъ выступаютъ въ этой роли) и съ нѣкоторыми „магнатами" государства, единственными, которые дѣлали себѣ изъ этого постоянный источникъ дохода. Такъ какъ съ основаніемъ каждой новой колоніи была связана „ссыпка" хлѣба, собираемаго съ данной мѣстности въ качествѣ подати, въ одинъ опредѣленный магазинъ (большей частью состоящій при храмѣ), то эти магазины занимали первенствующее положеніе сравнительно съ частными. Но и возникшіе впослѣдствіи на ряду съ ними частные „банки" („Bank"—Geshäfte) достигли, очевидно, значительныхъ размѣровъ.

Почти всѣ главныя дѣловыя формы денежнаго хозяйства, хотя по большей части и въ архаическомъ видѣ, уже намѣчаются. Упомянутые выше займы натурой—хлѣбомъ, финиками, кирпичами и т. д. — стоятъ рядомъ съ займами зекелями (причемъ, вѣроятно, нерѣдко эти зекели представляли только установленную въ договорѣ стоимость данныхъ взаймы натуральныхъ продуктовъ) съ процентами, которые при займѣ зерномъ доходятъ до $^1/_3$ суммы долга, а при денежномъ займѣ составляютъ всего лишь $^1/_5$. Встрѣчается и залогъ, при закладываніи рабовъ и въ земельномъ оборотѣ принимающій форму антихрезы (наприм., безпроцентной денежной ссуды за право безплатнаго пользованія домомъ), а также земельной ипотеки, первоначально еще безъ яснаго правового развитія вторичныхъ ипотекъ; позже иногда ясно выраженное оставляемое за кредиторомъ право искать удовлетворенія прежде другихъ или установленіе факта, что заложенный участокъ уже заложенъ

былъ въ другомъ мѣстѣ, показываетъ, что это право ипотеки почти соотвѣтствуетъ эллинскому (такъ было во всякомъ случаѣ въ эпоху персидскаго владычества). Далѣе, мы наталкиваемся иногда и на имѣющее прерываемый характеръ (diskontinuierliche) капиталистическое предпріятіе и притомъ въ его характерной примитивной формѣ, господствовавшей и у насъ въ эпоху ранняго средневѣковья, — въ формѣ комменды. Корни ея идутъ въ разныя стороны. Часть, можетъ быть, беретъ свое начало въ сельскомъ хозяйствѣ (хотя представляется болѣе вѣроятнымъ, что товарищескія отношенія напр., въ преслѣдующей маліораціонныя цѣли арендѣ, наоборотъ, были заимствованы изъ области торговли). На ряду съ уже упомянутой сдачей въ аренду мелкихъ участковъ держателямъ (Rückenbesitzer) изъ части продукта (въ большинствѣ случаевъ $^1/_3$) или за опредѣленный чиншъ натурой или деньгами мы встрѣчаемъ: 1. сдачу въ аренду въ крупныхъ размѣрахъ fundi instructi храмами, 2. рядомъ съ долгосрочной арендой съ цѣлью устройства насажденій (Anpflanzungspacht), (предшественница эллинистической эмфитевзы) комменду для поднятія нови (die Neubruchskommenda). Берущій комменду строитъ — въ такомъ именно видѣ представляется это отношеніе — на землѣ свою хижину, живетъ продуктами съ земли, даетъ первые годы „барышъ" („Vorgewinn), состоящій изъ того, что онъ собираетъ сверхъ нужнаго ему для удовлетворенія его потребностей, а впослѣдствіи дѣлитъ доходъ съ дающимъ комменду in natura, напр., по кодексу Гаммураби черезъ пять лѣтъ послѣ взятія земли для приведенія ея въ культурное состояніе. Уже въ древне-вавилонскомъ правѣ встрѣчается въ качествѣ параллельно существующаго явленія товарная и денежная коммена (die Waren-und Geldkommenda) какъ форма помѣщенія капитала во внѣшнюю торговлю; точный смыслъ относящихся къ ней статей еще во многомъ не вполнѣ установленъ, но въ принципѣ онѣ однородны съ средневѣковыми исламитскими и генуэзскими постановленіями (только въ большинствѣ случаевъ здѣсь доля коммендатора равняется $^1/_2$ прибыли вмѣсто типической генуэзской quarta proficui). Позже встрѣчается комменда въ мелочной торговлѣ (die Kramladenkommenda) какъ форма капиталистическаго предпріятія внутри страны.

Чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ въ древней Месопотаміи еще до проникновенія эллинизма былъ развитъ откупъ податей, нужны точныя изысканія. До сихъ поръ они, сколько мнѣ извѣстно, не были сдѣланы. Еще при Артаксерксѣ встрѣчается въ самомъ широкомъ масштабѣ уплата казнѣ впередъ натуральныхъ податей, слѣдуемыхъ съ землевладѣльцевъ, какой-нибудь фирмой, которой эти послѣдніе съ своей стороны даютъ обезпеченіе въ формѣ залога (ипотеки) своихъ земель. Въ частности это вмѣшательство капитала имѣло мѣсто тамъ, гдѣ слѣдовало платить царю хлѣбомъ (мукой), а плательщикъ развелъ на обложенной податью землѣ, напр., плантацію финиковъ. Кредиторъ покупаетъ муку и доставляетъ ее царю, получаетъ за это отъ должника финики и продаетъ ихъ. Далѣе, встрѣчаются (это достовѣрно извѣстно относительно эпохи персидскаго владычества) случаи спекуляціи съ отдачей внаймы (Mietswucher) въ крупныхъ размѣрахъ, при чемъ отдававшій внаймы, можетъ быть, нерѣдко былъ только кредиторомъ, дававшимъ внаймы вещь, которую онъ получилъ въ обезпеченіе долга вмѣстѣ съ правомъ пользованія ею (antichretisher Pfandgläubiger).

Въ промышленности наряду съ рабочимъ, получающимъ по даннымъ кодекса Гаммураби плату по установленному тарифу, слѣдовательно, на ряду съ „Lohnwerker"омъ по терминологіи Бюхера (напр., ткачи, портные, кузнецы, также золотыхъ дѣлъ мастера получали сырой матеріалъ отъ заказчиковъ по вѣсу) стоитъ „Preiswerker" (т.-е. ремесленникъ, работающій на продажу) (напр., ткачи, ткавшіе пестрыя матеріи, повидимому, принадлежали къ ихъ числу, очень вѣроятно, что также и столяры и др.), а впослѣдствіи и эксплоатація рабовъ въ промышленномъ производствѣ для сбыта, но обыкновенно не въ формѣ крупнаго производства съ рабскимъ трудомъ, а въ видѣ несвободной коммены, состоящей въ предоставленіи господиномъ рабу пекуліума, чтобы дать ему возможность начать дѣло. Особенно распространена, какъ единственная форма „предпринимательской" организаціи промышленнаго труда, „несвободная работа на дому," въ особенности среди рабовъ, принадлежавшихъ храму, которые получаютъ сырой матеріалъ и нерѣдко и орудія производства и доставляютъ готовый продуктъ. О существовавшихъ въ древнѣйшія времена

царскихъ ремесленникахъ, несшихъ барщину, упоминалось выше. По свидѣтельству памятниковъ, относящихся и къ позднѣйшему (даже персидскому) времени, царь и принцы оказываются владѣльцами обученныхъ ремеслу рабовъ (къ нимъ, напр., частныя лица отдаютъ другихъ рабовъ въ ученіе). Какимъ именно образомъ рядомъ съ литургіями возникла и развилась „свободная" промышленность и работа на частныхъ лицъ и для „рынка", объ этомъ источники свѣдѣній не даютъ; тутъ, разумѣется, совершались постепенные переходы въ зависимости отъ потребности царя въ литургіяхъ, отъ числа ремесленниковъ, отъ наличности взятыхъ въ качествѣ военноплѣнныхъ обученныхъ ремесленниковъ. Во всякомъ случаѣ несвободные ремесленники, обучающіе чужихъ рабовъ, встрѣчаются часто въ памятникахъ. Эксплоатація рабовъ-ремесленниковъ въ качествѣ источника ренты (mandaku-оброкъ) составляла обычное явленіе въ особенности въ позднѣйшее время. Цѣны на рабовъ въ позднѣйшее время, если рабъ ничему не былъ обученъ (а обученіе, смотря по ремеслу, длилось иногда годы, у ткачей 5 лѣтъ), были умѣренныя. Рабыни въ этомъ случаѣ цѣнились дороже.

На ряду съ примитивными формами арендной платы, предпринимательскаго и ссуднаго процента (Leihkapitalzinse) встрѣчается—въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтсвующій современному помѣщенію капитала въ дающіе процентъ государственные займы—въ качествѣ предмета мѣнового оборота, заклада и приданаго выступающій уже въ древнѣ-вавилонскомъ царствѣ окладъ чиновниковъ (Beamten-Pfründe), въ особенности чиновниковъ, служащихъ при храмахъ) Въ Вавилонѣ эти оклады становятся предметомъ правильнаго оборота. Оклады состоятъ изъ полученій натурой, которыя замѣнили собою отчасти первоначально существовавшее право на даровой столъ (Freitisch), т.-е. право на участіе въ общихъ обѣдахъ жрецовъ и на даровую квартиру („freie Station"), оплачиваемые изъ доходовъ храма, отчасти прежнее надѣленіе (въ формѣ леннаго пожалованія) чиновниковъ землей, а затѣмъ превратились на наслѣдственныя и, наконецъ, въ отчуждаемыя права на получаемую натурой ренту. Въ памятникахъ мы очень часто встрѣчаемъ упоминанія о земляхъ, обложенныхъ различнаго рода натуральными повинностями въ пользу храмовъ, пріуро-

ченными къ опредѣленнымъ числамъ мѣсяца—напр., къ 30-му числу каждаго мѣсяца—въ силу ли добровольнаго пожертвованія доходовъ съ этихъ земель въ пользу храма, въ силу ли того, что эти земли первоначально принадлежали храму и были имъ сданы въ пользованіе подъ условіемъ уплаты этихъ сборовъ. Изъ этихъ и иныхъ получаемыхъ натурой доходовъ храмъ выплачивалъ натурой (мясомъ, хлѣбомъ, пивомъ, одеждой и т. д.) оклады своимъ служащимъ, которые въ опредѣленные дни—напр., каждое 15-ое и 30-е число—отчуждали ихъ и дѣлали ихъ предметомъ оборота.

Каково было значеніе намѣченныхъ выше, во всякомъ случаѣ уже достаточно сложныхъ явленій оборота для структуры хозяйства, объ этомъ мы пока не можемъ составить себѣ вполнѣ достовѣрнаго и яснаго представленія. Не смотря на то, что этотъ оборотъ технически высоко развитъ, образованіе цѣнъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не регламентируются непосредственно властью, какъ въ Вавилонѣ въ эпоху Гуммураби, находится, очевидно, подъ громаднымъ вліяніемъ царскихъ и принадлежащихъ храмамъ магазиновъ (складовъ). Въ Ассиріи, не говоря объ упоминаемой въ царствованіе Ассурбанипала продажѣ ассирійцамъ по твердымъ цѣнамъ доставшагося въ добычу скота, въ царствованіе Саргона хранившимися въ царскихъ магазинахъ запасами хлѣба и сезама воспользовались, борясь съ дороговизной, для урегулированія цѣнъ на оба эти продукта: постановленіе того же царя объ „ограниченіи обѣдовъ“ имѣло, повидимому, смыслъ ограниченія потребленія какъ одной изъ мѣръ борьбы съ дороговизной, поскольку оно не объяснялось стремленіемъ рядомъ съ царемъ не терпѣть никакихъ другихъ социально выдвинувшихся впередъ классовъ. Ту же роль, что и царскіе магазины, играли нерѣдко и запасы храмовъ, и, несомнѣнно, типическій размѣръ процента, установленный храмомъ, фактически—дѣлалось ли это сознательно, остается неизвѣстнымъ—способствовалъ регулированію и фиксированію высоты частнаго процента. Поэтому, когда въ древне-вавилонскомъ правѣ, гдѣ уже вполнѣ развито комиссіонерство (das Kommissionsgeschäft) въ караванной торговлѣ въ видѣ взятія на комиссію закупки скота и рабовъ, мы встрѣчаемъ порученія купить „по цѣнѣ, которая будетъ“, то едва ли это установленная конкуренціей рыночная цѣна, а

скорѣе, вѣроятно, продажная цѣна царскихъ или принадлежащихъ храму магазиновъ.

Изъ всего количества клинообразныхъ текстовъ, достигающихъ чуть ли не 200000, переведена такая небольшая часть, переводы такъ разбросаны, а нѣкоторые, и какъ разъ очень важные памятники, такъ спорны, что я по крайней мѣрѣ не могу рѣшиться на попытку построить на доступномъ мнѣ матеріалѣ настоящую исторію развитія.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Египетъ.

I.

Древнее царство.

Если Вавилонъ съ самаго начала, за много тысячелѣтій до появленія „хартальныхъ" денегъ, является носителемъ „капиталистическихъ" хозяйственныхъ формъ, строгаго долгового права съ самыми суровыми формами личной экзекуціи и—впослѣдствіи—развитого денежнаго хозяйства, то Египетъ, наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ, считается специфически натурально-хозяйственной страной. Не легко сказать, въ какомъ смыслѣ это справедливо относительно внутреннихъ хозяйственныхъ отношеній,—внѣшнюю торговлю велъ, вѣроятно, фараонъ въ тѣ времена, отъ которыхъ вообще дошли до насъ историческія извѣстія, да и гораздо раньше: на нее вѣдь между прочимъ какъ на экономическую основу опирается и его положеніе. „Денегъ", очевидно, не существуетъ въ древнѣйшую эпоху. Напротивъ, уже въ 4 тысячелѣтіи существуетъ оборотъ и, въ частности, даже земельный оборотъ, и почти навѣрное можно сказать, что наслѣдственная, а иногда и отчуждаемая земельная собственность существовала уже (или, вѣрнѣе, какъ разъ) передъ объединеніемъ царства, и что надъ всѣмъ преобладающее значеніе „ойкоса" фараона и храмовъ есть лишь продуктъ дальнѣйшаго развитія. Свидѣтельства памятниковъ, разумѣется, говорятъ во времена древняго и средняго царства и тѣмъ болѣе новаго царства преимущественно о хозяйственныхъ отношеніяхъ царя и храмовъ. Что на этомъ основаніи образовались весьма преувеличенныя представленія о размѣрѣ владѣнія храмовъ, не подлежитъ, повидимому, теперь никакому сомнѣнію. Но что отсутствіе во времена древнѣйшихъ историческихъ династій всякой частной, т.-е. не составляющей ни лена, ни земли колона, земельной собственности въ которое давно привыкли вѣрить, было нѣкогда реальностью, это уже представляется теперь болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Къ сожалѣнію, смыслъ показаній источниковъ во многихъ случаяхъ является чрезвычайно спорнымъ. Текстъ памятниковъ, въ особенности демотическихъ, во многихъ случаяхъ еще совершенно не установленъ. Въ частности, заслуженному E. Revillout (на важныя, но невыносимо болтливыя работы котораго все же часто ссылаются) принадлежатъ грубѣйшія ошибки (смѣшеніе памятника, говорящаго о заключеніи брака, съ памятникомъ говорящимъ объ отсылкѣ жены домой, и т. п.).

Памятники начинаютъ теперь проливать свѣтъ на эпоху (такъ наз. „тинитическую"), которая предшествовала перенесенію резиденціи въ Мемфисъ, и въ которую государство (около 4000 г.) является передъ нами еще въ состояніи перехода отъ порядковъ, характерныхъ для монархіи, опирающейся на обладаніе бургомъ и на натуральныя повинности подданныхъ (Burgen-und Fronkönigtum), къ тому громадному царскому „ойкосу", который достигъ своего высшаго развитія въ древнѣйшую пору „Новаго царства".

Соціальныя учрежденія такъ наз. „Древняго царства" получили свой специфическій отпечатокъ благодаря тремъ условіямъ: 1. благодаря отсутствію серьезной военной опасности и возможности расширять предѣлы государства; 2. благодаря вызванной своеобразными условіями существованія необходимости имѣть уже въ раннюю пору довольно выработанный бюрократическій правительственный аппаратъ и очень широко привлекать населеніе къ несенію барщинныхъ повинностей для надобностей орошенія; каждое отдѣльное лицо есть прежде всего государственный барщинникъ (Staatsfroner), и если фараоны хвалятся, что они водворили порядокъ и „научили каждый городъ знать свою область", то тутъ рѣчь идетъ, какъ видно изъ общей связи, объ отношеніяхъ, связанныхъ съ орошеніемъ, и о вытекающихъ изъ нихъ правахъ и натуральныхъ повинностяхъ:

3. благодаря, очевидно, стоящему въ связи съ этимъ отсутствію фамилій или иныхъ (семейно-индивидуалистическихъ) учрежденій, служащихъ связующимъ звеномъ для отдѣльныхъ „родовъ“ (Geschlechter), какъ таковыхъ, что видно изъ того, что всѣ были связаны въ одно хозяйственное цѣлое, а также и изъ преобладающаго значенія придворныхъ ранговъ. Семьи „магнатовъ,“ это, правда, землевладѣльческія семьи, но въ то же время, и прежде всего, это служилая аристократія, и эта служилая аристократія вербовалась по мѣрѣ роста могущества фараоновъ все болѣе путемъ повышенія изъ низшихъ слоевъ.

Относительная децентрализація правительственнаго аппарата въ Древнемъ царствѣ обусловливается незначительнымъ развитіемъ собственно военныхъ учрежденій: на ряду съ гвардіей фараона и полицейскими отрядами храмовъ обыкновенно существуетъ только областная милиція (Gaumilizen), которую областное управленіе (Gauvorstand) созываетъ въ случаѣ надобности для отраженія безсильныхъ въ то время шаекъ бедуиновъ.

Сооруженія для орошенія и осушки почвы, каналы, приспособленія для подниманія воды, это—основныя учрежденія хозяйственной организаціи, которая находится въ полной зависимости отъ колебаній и отъ регулированія уровня воды въ Нилѣ и вслѣдствіе этого съ самаго начала — т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ началось регулированіе воды — въ сильной мѣрѣ должна была принять характеръ коммунистическаго хозяйства (gemeinwirtschaftlich beeinflusst). Существовавшее съ незапамятныхъ временъ дѣленіе страны на округа также, несомнѣнно, находилось въ связи съ экономическими учрежденіями для надобностей орошенія и производства, подобно тому, какъ упоминаемые въ болѣе позднюю эпоху государственные хлѣбные магазины въ главныхъ городахъ каждаго округа, подобно ассирійскимъ учрежденіямъ того же рода, преслѣдовали какъ фискальныя цѣли, такъ и цѣли борьбы съ дороговизной. Поэтому на номархѣ, наряду съ заботой объ оросительныхъ сооруженіяхъ, лежала прежде всего забота объ обложеніи населенія натуральными повинностями и, затѣмъ, о доходахъ съ царскихъ земельныхъ владѣній. Что эти царскія владѣнія были издавна очень обширны, не подлежитъ сомнѣнію. Позднѣе

могла возникнуть идея о принадлежащей царю земельной регаліи, вызванная причинами, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Но отсюда до мысли о государственно-соціалистической организаціи всего производства какъ основной формѣ древне-египетскаго хозяйства еще очень далеко.

Мы, разумѣется, почти ничего не знаемъ о древнѣйшихъ соціальныхъ отношеніяхъ. Весьма первобытныя земледѣльческія орудія—соха, запряженная волами, мотыки и молоты вмѣсто бороны, овцы и свиньи для втаптыванія посѣва, серпъ для жатвы, ослы и крупный рогатый скотъ для вытаптыванія зерна—употреблялись при воздѣлываніи ячменя, пшеницы, проса. На ряду съ этимъ разводили виноградъ, овощи, финиковыя пальмы, лишь въ очень позднюю эпоху и изрѣдка также оливковыя деревья, а изъ нильскихъ болотъ доставали зерна лотоса (nelumdium) для ѣды и папирусъ для самыхъ различныхъ техническихъ цѣлей, отъ судостроенія и до письма. О простотѣ стола фараоновъ (главнымъ образомъ овощи) упоминаетъ Діодоръ; масса населенія питалась хлѣбомъ и масломъ изъ сезама (утверждать, будто египтяне жарили на касторовомъ маслѣ, значитъ быть все же высокаго мнѣнія объ ихъ желудкахъ.) Существованіе лошади въ періодъ до Новаго царства не можетъ быть доказано, и, очевидно, она была вывезена изъ Сиріи; существованіе верблюда засвидѣтельствовано съ полной достовѣрностью впервые въ эллинистическую эпоху (раньше на одной камеѣ); осла употребляли въ качествѣ вьючнаго животнаго; разводили также крупный рогатый скотъ, овецъ, козъ и разныхъ антилопъ, изъ птицъ въ особенности гусей, которыхъ откармливали тѣстомъ. Впослѣдствіи болѣе густо заселенныя долины Дельты (Deltamarschen) въ болѣе раннюю эпоху періодически служили мѣстомъ, куда жители внутреннихъ областей массами выгоняли свои стада на подножный кормъ. Илистыя и болотистыя мѣста небольшого размѣра, повидимому, издавна также и вверхъ по Нилу принадлежали отдѣльнымъ округамъ, такъ какъ скотоводство было значительно развито (въ эпоху Лагидовъ царь позволялъ оставлять повсюду необработанными мелкіе участки земли, предназначенные подъ выгонъ). Свинья, очевидно, была извѣстна изстари, но на изображеніяхъ она появляется въ стадахъ впервые въ Новомъ царствѣ. Строевого лѣса чрезвычайно мало,

но онъ и не играетъ рѣшающей роли ни при постройкѣ домовъ, матеріаломъ для которыхъ служатъ кирпичи изъ нильскаго ила, ни, первоначально, при постройкѣ судовъ.

Обработка поля требовала издстари сравнительно немного времени. Въ удобреніи не было надобности; отдыхъ земли подъ паромъ былъ ненуженъ; плодоперемѣнная система была дѣломъ личнаго выбора. Въ зависимости отъ этого интенсивность труда при обработкѣ земли во времена фараоновъ была довольно умѣренной: на каждыя 6 арурь ($1^2/_3$ гектара) пахотной земли въ одномъ памятникѣ временъ 18-ой династіи считаютъ, повидимому, одну рабскую семью (впрочемъ, въ одномъ памятникѣ изъ эпохи Шешонкидовъ на семью приходится 0,7 аруры: по расчету Revillout на землѣ, воздѣлываемой подъ огороды (Gartenland), 5 человѣкъ несли барщину на 4-хъ арурахъ). Напротивъ, папирусы kahun'a (12 династія) считаютъ по 10 арурь (2,75 гект.) на человѣка. Длинный перерывъ въ работѣ — какъ ни смотрѣть на эти и позднѣйшія, конечно, весьма различныя данныя — во всякомъ случаѣ существовалъ въ египетскомъ сельскомъ хозяйствѣ, давалъ возможность, съ одной стороны, исполнять колоссальныя строительныя повинности для фараона, съ другой стороны — открывалъ возможность очень широкой побочной работы въ области промышленности, для рынка ли, или, въ видѣ литургіи, на царскіе магазины. Можетъ быть, этимъ созданнымъ естественными условіями земледѣлія положеніемъ можно объяснить и то, что въ Египтѣ въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо, произошло отдѣленіе промышленности отъ сельскаго хозяйства въ формѣ образованія городовъ. Съ другой стороны, это имѣло (тогда, какъ и теперь) свою причину и въ географической конфигураціи страны: рѣка какъ естественная огромная дорога, по которой шелъ хозяйственный оборотъ, съ непрерывной узкой полосой населенной земли по обѣ стороны. Далѣе, рѣшающую роль игралъ тутъ и соціальный строй страны (единая система барщины и литургій, см. ниже) и военно-политическое устройство (мирный характеръ „древняго" царства до вторженія гиксовъ, военное устройство „новаго" царства, опирающееся на наемниковъ и на литургіи крестьянскаго военнаго сословія). Что страна „не имѣла городовъ", это справедливо, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, что ея крѣпости и болѣе крупныя поселенія настолько

не имѣли тѣхъ признаковъ, которые присущи античнымъ городамъ, даже городамъ Месопотаміи, что вся страна въ древнеегипетскія, какъ и въ птолемеевскія времена была раздѣлена въ административномъ отношеніи сплошь на сельскіе округа, и привилегій городского гражданства и даже надѣленныхъ ограниченной автономіей завѣдующихъ управленіемъ городскихъ корпорацій не существовало (кромѣ, какъ въ 3-хъ населенныхъ эллинами городахъ).

Существовало ли въ языкѣ особое національное названіе для рабовъ, достовѣрно не извѣстно. Въ надписяхъ даже тѣ слова, которыя всего чаще употреблялись для обозначенія военноплѣнныхъ, бѣглыхъ рабовъ, покупныхъ рабовъ (boku, honu), употребляются въ примѣненіи и къ самымъ высшимъ свѣтскимъ или духовнымъ должностнымъ лицамъ (что касается жрецовъ, то въ поясненіе сказаннаго надо вспомнить, что уже въ Среднемъ царствѣ существовала организація „жрецовъ по часамъ", „Stundenpriester", которые были раздѣлены на 4 жреческія филы и совершали богослуженіе смѣнами — совершенно наподобіе смѣнъ отбывавшихъ барщину рабочихъ фараона, о которыхъ рѣчь еще впереди). Огромное количество выраженій существуетъ для обозначенія одного и того же, несомнѣнно, несвободнаго состоянія, и тщательнѣйшимъ изысканіямъ, напр., J. Baillet, до сихъ поръ не удалось ихъ классифицировать съ той или иной степенью достовѣрности ни этимологически, ни по ремеслу, ни по сословію, изъ котораго они происходятъ, если не считать весьма немногихъ, упоминаемыхъ ниже, но всегда лишь приблизительно проведенныхъ разграниченій. Основная особенность государства, опирающагося на литургіи (Leiturgiestaat), какимъ является передъ нами Египетъ, вполнѣ въ эпоху „новаго" царства, а въ зародышѣ уже и въ эпоху „древняго" царства, заключается въ слѣдующемъ: каждое отдѣльное лицо является прикрѣпленнымъ къ той функціи, которую оно выполняетъ въ соціальномъ организмѣ, поэтому въ принципѣ каждый не свободенъ. Уже въ древнѣйшія историческія времена этотъ порядокъ получилъ такое широкое развитіе, что если и существуютъ привилегированные слои общества, то во всякомъ случаѣ не существуетъ юридически свободныхъ гражданъ въ смыслѣ эллинской κώμη или πόλις, и въ принципѣ каждый рабъ, но

крайней мѣрѣ, если ему удавалось сдѣлать карьеру „писца“, носилъ „въ своемъ солдатскомъ ранцѣ маршальскій жезлъ“. Разумѣется, покупные рабы встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Но цѣны на рабовъ, сравнительно съ цѣнами на землю, повидимому, возросли съ эпохи „новаго“ царства; рабъ стоилъ, какъ это мы видимъ въ одномъ памятникѣ, относящемся къ эпохѣ Шешонкидовъ (ливійская династія), почти столько же, сколько и то количество земли, которое онъ обрабатывалъ. При Даріи онъ стоилъ, по свидѣтельству одного памятника, въ 12 разъ больше, между тѣмъ, какъ цѣна на землю ниже, чѣмъ въ болѣе древнихъ памятникахъ. Египетъ велъ, правда, по временамъ большія разбойническія войны, и въ эпоху династіи Тутмозиса и Аменофиса платили дань рабами. Но эти рабы предназначались для домашняго обихода самого царя. Дошедшія до насъ цифры плѣнныхъ — поскольку онѣ заслуживаютъ довѣрія — не высоки. Уже эти условія рабскаго рынка и упомянутыя выше цѣны на рабовъ — если признать ихъ типичными — должны были съ теченіемъ времени дѣлать все болѣе и болѣе затруднительной частную эксплоатацію рабскаго труда въ крупномъ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Впослѣдствіи сильный ростъ цѣнъ на землю дѣлалъ подобную эксплоатацію тѣмъ болѣе невыгодной (unrentabel). Всѣ несвободные имѣютъ обыкновенно собственную семью; только военноплѣнные ея не имѣютъ.

Въ „древнемъ царствѣ“ функцію рабства исполняютъ кліентела и колонатъ.

Въ общемъ признано, что власть фараоновъ возникла въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ путемъ покоренія отдѣльныхъ областныхъ царей („Gaukönige“) и превращенія ихъ въ надѣленныхъ ленами „номарховъ“ (наподобіе „patesi“ Междурѣчья). „Владѣтель бурга“ какъ титулъ должностного лица встрѣчается еще и въ позднѣйшее время. Прежняя независимость областныхъ князей сказывается также въ существовавшей, какъ повидимому, въ „древнемъ“ царствѣ монополизаціи многихъ жреческихъ мѣстъ извѣстными „благородными“ фамиліями. Дружина изъ сотрапезниковъ и тутъ была зародышемъ ленной аристократіи: слово, употреблявшееся позднѣе на ряду съ другими для обозначенія „раба“ — „хамсу“ (chamsu) — первоначально означало свободнаго министеріала (поэтому оно употребляет-

ся и въ смыслѣ любовной „службы“). Но въ Египтѣ, благодаря абсолютной зависимости всѣхъ отъ бюрократической системы регулированія Нила, дружинныя отношенія (das Gefolgschaftsverhältnis) распространились на всѣ сферы соціальной жизни. Уже судъ постепенно долженъ былъ признать положеніе: „Nul homme sans maître“ „Человѣкъ безъ господина (покровителя)“ считался лишеннымъ защиты. Все населеніе страны представляло собою іерархію кліентелъ („amach“). Царство фараона представляетъ собой уже въ древнѣйшія времена „крѣпостное государство“ (Fronstaat): фараонъ держитъ въ рукахъ „бичъ“ какъ атрибутъ власти. И, повидимому (и это соотвѣтствовало бы и общей схемѣ развитія), прикрѣпленіе крестьянъ къ барщинѣ и тѣмъ самымъ и къ землѣ и мѣра ихъ обремененія барщиной были вначалѣ сильнѣе въ области устья Нила, въ Нижнемъ Египтѣ, чѣмъ въ Верхнемъ Египтѣ и, слѣдовательно, имѣли свое начало тамъ, гдѣ находились древнѣйшіе пункты торговли. Если (будто бы) „колонъ“ фараона временъ царя Снефру или во всякомъ случаѣ до постройки пирамидъ выступаетъ со своей собственной печатью, то изъ этого можно бы, казалось, заключить, что въ то время порабощеніе царскихъ крестьянъ было еще не такъ велико и началось лишь съ эпохи великихъ сооруженій (однако, не надо забывать — см. выше — расплывчатости выраженій). Первоначально барщина, повидимому, мало диференцирована и по профессіямъ. Цари „древняго“ царства требуютъ солдатъ, матросовъ и другихъ подданныхъ, цари 12-ой династіи также воиновъ и жрецовъ для переноски тяжестей (Ментуготепъ потребовалъ 3000 человѣкъ для перенесенія крышки гроба). Въ болѣе позднее время встрѣчается также призывъ однихъ строительныхъ рабочихъ всей страны.

Крестьяне области, лежащей по нижнему теченію Нила, повидимому, всѣ считаются рабочими фараона и обрабатываютъ подъ надзоромъ его чиновниковъ назначенный каждому изъ нихъ участокъ земли, продуктами которой распоряжаются согласно инструкціи фараона. „Оцѣнщикъ колоновъ“ встрѣчается въ качествѣ должностного титула уже въ 4 тысячелѣтіи. „Рету“ („retu“) („людей“, во времена Птолемеевъ λαοί) дарятъ вмѣстѣ съ помѣстьями. Напротивъ, признано, что въ Верхнемъ

Египтѣ продолжали существовать въ то время феодальныя отношенія, и преобладали „свободные“ крестьяне, т.-е. въ сущности такіе, которые преимущественно должны были платить оброкъ. И ремесленники также находятся не всѣ въ одинаковомъ положеніи: и въ болѣе позднее время встрѣчаются (какъ будто) „свободные“ сельскіе и городскіе ремесленники на ряду съ такими, которыхъ фараонъ поселилъ какъ своихъ барщинниковъ въ городскихъ кварталахъ, лежащихъ вокругъ его дворцовъ. Но, конечно, едва ли юридически гарантировано это разграниченіе между ними. Большая фактическая возможность передвигаться съ мѣста на мѣсто, существовавшая у египетскихъ наемныхъ рабочихъ (для которой можно найти параллель въ соотвѣтствующихъ явленіяхъ временъ русскаго крѣпостного права), не можетъ считаться слѣдствіемъ ихъ правового положенія. „Рабочій“, это одно изъ обычныхъ названій не принадлежащаго къ должностной и храмовой знати „народа“: барщинная повинность (die Robotpflicht), несомнѣнно, распространялась субсидіарно на всѣхъ. Отдѣльное лицо съ давнихъ поръ является объектомъ власти фараона: и онъ, и его владѣніе являются прежде всего такимъ-то „номеромъ кадастра“. Общины солидарно отвѣчаютъ черезъ посредство своего старосты за выполненіе повинностей, возложенныхъ на нихъ царемъ. Таково, очевидно, первоначальное положеніе вещей. Поэтому уже „древнему царству“ было знакомо (какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, берлинскій іератическій папирусъ для эпохи II династіи) пріобрѣтшее впослѣдствіи такое значеніе понятіе „ἰδία“: каждый долженъ быть въ состояніи указать свое „мѣстожительство“, т.-е. именно общину, къ которой онъ „приписанъ“, и гдѣ онъ можетъ быть въ случаѣ надобности привлеченъ къ исполненію государственныхъ натуральныхъ повинностей; въ противномъ случаѣ его имущество и особенно его семья попадаетъ въ руки фараона, который, конечно, и имъ самимъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію. Впослѣдствіи, напримѣръ, барщинная повинность (по утвержденію Revillout повсемѣстно) была такимъ образомъ регламентирована, что, напримѣръ, каждый долженъ былъ обработать 2000-2500 квадратныхъ локтей земли подъ овощи: такая огородная земля, очевидно, особенно часто воздѣлывалась въ собственномъ хозяйствѣ царя. Подати подданные платили зерномъ, скотомъ, матеріями и другими произведеніями домашняго производства.

Наслѣдственное „частное“ земельное владѣніе—т.-е. земельное владѣніе, не только фактически переходившее по наслѣдству, какъ участки колоновъ, но наслѣдственный характеръ котораго былъ гарантированъ — восходитъ, повидимому, преимущественно къ царскому лену. Въ помѣстьяхъ царскихъ ленниковъ размѣръ, происхожденіе и гарантія наслѣдственныхъ правъ даннаго владѣльца вырѣзаны на стеклахъ. Засвидѣтельствованныя дошедшими до насъ памятниками царскія пожалованія заключаются большею частью въ домахъ и садахъ (въ одномъ случаѣ обнимавшихъ до 200 аруръ, заключавшихся въ 12 мелкихъ участкахъ) съ рабами, а иногда съ колонами. Нерѣдко это были пожалованія, которыя получали какъ принадлежность своего должностного положенія („Amtspertinenzen“) и номархи. Они всегда тщательно заносятся въ списки и оцѣниваются. Какъ разъ за древнѣйшій („тинитическій“) періодъ надписи могильныхъ склеповъ (напр., надпись Mten'a около 4000 г. до Р. Х.) указываютъ на существованіе наслѣдственныхъ и подлежащихъ раздѣлу земельныхъ владѣній. Наряду съ царскими пожалованіями въ ленъ („ger“ = beneficiarius) и, въ частности, съ пожалованіями участковъ для могилъ (которыя въ Египтѣ издавна играли большую роль и, такъ сказать, подлежали сами commercium'у) встрѣчаются частные договорные акты о передачѣ владѣнія отцомъ сыну, царскія даренія землей и людьми и, наконецъ, отчужденія, напримѣръ, 200 аруръ и оклада жалованья въ видѣ ежедневной ренты въ 100 хлѣбовъ titulo oneroso: въ качествѣ вознагражденія должностного лица за выполненіе опредѣленныхъ службъ. Возможно ли было въ то время отчужденіе ихъ въ сферѣ частнаго оборота, нельзя пока сказать съ увѣренностью, но оно представляется скорѣе вѣроятнымъ, чѣмъ невѣроятнымъ (о „покупкѣ“ въ собственномъ смыслѣ, конечно, не могло быть рѣчи, такъ какъ „денегъ“ еще не существовало). Инвентарь (amit-per, ampa) при договорѣ о передачѣ имущества является суррогатомъ завѣщательныхъ распоряженій; впослѣдствіи инвентарь встрѣчается какъ техническій терминъ при передачахъ имущества 1) отъ отца къ сыну, 2) отъ мужа къ женѣ, 3) отъ брата къ брату.

О принципіальной отчуждаемости земельнаго владѣнія, повидимому, можно заключить e contrario и по даннымъ, относящимся къ засвидѣтельствованнымъ уже для 4 тысячелѣтія надписями пожертвованіямъ въ пользу храмовъ, въ которыхъ совершенно опредѣленно устанавливается неотчуждаемость жертвуемой („на поминъ души"—sit venia verbo! — умершаго) земли: жрецы соотвѣтствующаго храма должны оставлять это имущество, какъ „hоnu-ka", только своимъ дѣтямъ, были, слѣдовательно, связаны съ своей функціей навсегда и изъ рода въ родъ (dauernd und erblich). Названіе „вѣчныя дѣти" („дѣти"—люди свободнаго состоянія, подчиненные чьей-нибудь власти, какъ liberi in potestate отца въ Римѣ) встрѣчается въ примѣненіи къ людямъ, обязаннымъ отбывать ту или иную литургію. Въ дѣлавшихся въ пользу храмовъ пожертвованіяхъ (Stiftungen) технически это достигается—такъ какъ современнаго юридическаго понятія Stiftung тогда, конечно, не существовало—въ формѣ donatio sub modo (именно наслѣдованія), какъ это прекрасно доказали Moret и Boulard. Для выясненія общаго характера соціальнаго строя упомянутыя надписи важны тѣмъ, что указываютъ прежде всего на существованіе жреческихъ имѣній уже въ этотъ древнѣйшій періодъ, затѣмъ на существованіе имѣвшихъ впослѣдствіи такое большое значеніе (см. ниже) должностныхъ окладовъ наряду съ должностными ленами; изъятіе жреческихъ помѣстій изъ юрисдикціи нотаблей (владѣльцевъ крупныхъ леновъ) оговаривалось въ актахъ дѣлавшихся въ пользу храмовъ пожертвованій (которыя, конечно, могли исходить только отъ людей, принадлежавшихъ къ классу нотаблей). Косвенно это свидѣтельствуетъ о господствующемъ положеніи „магнатовъ" въ 4-мъ тысячелѣтіи и въ то же время выясняетъ способъ возникновенія могущества жрецовъ. Въ эпоху 11-й династіи, впрочемъ, даже бѣглые рабочіе апеллируютъ на рѣшенія своихъ господъ самому фараону, и точно такъ же впослѣдствіи въ эпоху „новаго царства" уголовная юрисдикція даже въ отношеніи къ бѣглымъ рабамъ принцевъ царскаго дома опять находится въ рукахъ государственныхъ судей. Но уже въ эпоху „древняго царства" цари должны были дѣлить свою власть съ номархами, которые въ Верхнемъ Египтѣ въ подвластныхъ имъ округахъ фактически занимали положеніе настоящихъ ди-

настовъ или захватывали его. Уже въ эпоху 9-й династіи наслѣдственность и другихъ должностей стала общимъ правиломъ. Многія должности еще гораздо раньше являются предметомъ завѣщательныхъ („amра") распоряженій.

При чрезвычайной широтѣ „понятія должности" это неизбѣжно должно было создавать въ семейственномъ правѣ привилегированное положеніе для старшаго сына, который одинъ наслѣдовалъ должности. Ни въ чемъ другомъ древнѣйшее семейственное право не уклоняется отъ обычной нормы. На существованіе въ Египтѣ „материнскаго права" („Mutterrecht"), т.-е. на отсутствіе права наслѣдованія по мужской линіи, нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Уже древнѣйшія надгробныя надписи свидѣтельствуютъ о наслѣдованіи по обѣимъ линіямъ. Нерѣдко встрѣчающееся въ надписяхъ упоминаніе только матери, несомнѣнно, находится въ связи, съ одной стороны, съ ея качествомъ какъ дочери-наслѣдницы (въ наслѣдованіи должностей), а съ другой стороны—со стремленіемъ семьи жены бороться съ вліяніями полигаміи, которое вызывало необходимость путемъ контракта обезпечить положеніе невѣсты какъ „главной жены", „большой жены", а ея дѣтей, какъ единственныхъ или хотя бы въ опредѣленной мѣрѣ обезпеченныхъ наслѣдниковъ, и, наконецъ, также съ вопросами о равенствѣ по происхожденію. „Сынъ такого-то X, сдѣланный (sic!) отъ такой-то У", это—корректное выраженіе для отчества. Позднѣйшее благопріятное правовое положеніе женщины (фактическое положеніе женщины сильно колебалось въ разные историческіе моменты и, очевидно, было различно въ разныхъ классахъ общества: „я—женщина" есть формула политическаго подчиненія) было, конечно, дальнѣйшимъ послѣдовательнымъ развитіемъ указанной практики въ связи съ ослабленіемъ военнаго духа въ египетской націи. Тамъ, гдѣ вообще существуетъ частное право наслѣдованія, женщина равноправна съ мужчиной и сохраняетъ, насколько можно судить по существующимъ источникамъ, свою правовую дѣеспособность до временъ Птолемеевъ. Уже въ 4-мъ тысячелѣтіи мужъ оставляетъ ей по завѣщанію имущество съ тѣмъ, чтобы она раздѣлила его между своими дѣтьми по своему усмотрѣнію, и сынъ (въ надписи Mten'а) получаетъ землю по завѣщанію, „amitper", отъ матери. Часто встрѣчающіеся браки братьевъ съ сест-

рами, очевидно, имѣютъ цѣлью—„вверху“, какъ и „внизу“—избѣжать раздробленія имущества (въ домѣ фараона также и для сохраненія чистоты крови).

Если прослѣдить черезъ рядъ поколѣній названія земельныхъ комплексовъ, сохранившіяся на фамильныхъ гробницахъ „древняго царства“ (въ Нижнемъ Египтѣ), можно видѣть наглядно, какого громаднаго скопленія земельныхъ владѣній можно было достигнуть искусной брачной политикой, соединявшей брачными узами по возможности членовъ однихъ и тѣхъ же родовъ (Proc. Bibl. Arch. XVII, стр. 244). Тамъ встрѣчаются массовыя скопленія земельныхъ владѣній (видимо, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ), которыя переходятъ изъ рукъ въ руки, главнымъ образомъ по наслѣдству (и по женской линіи) и путемъ передачи ихъ сыну, но увеличиваются и другими, не столь ясными для насъ путями—въ то время, главнымъ образомъ, очевидно, путемъ ленныхъ пожалованій или дареній со стороны царя. Хозяйство уже въ древнѣйшія времена ведется на нихъ съ помощью колоновъ, и депутаціи отъ нихъ, отправляемыя на похороны владѣльцевъ отдѣльными деревнями, изображены на ихъ гробницахъ. Хозяйство здѣсь, повидимому, барщинное хозяйство (Fronhofs-Wirtschaft) (на ряду съ арендой земли несвободными колонами).

Въ подробностяхъ еще почти все является пока совсѣмъ неустановленнымъ. Очевидно лишь одно, именно то, что разбросанные по всѣмъ областямъ домены и колоны царя, его казначейства, хлѣбные склады, скотные дворы и арсеналы составляютъ экономическій скелетъ государства. Но на этомъ всемъ все болѣе и болѣе дѣлается замѣтнымъ феодальный отпечатокъ.

II.

Среднее царство.

Царскіе областные правители (номархи) надѣлены на правахъ леннаго владѣнія доменами и выдачами натурой изъ царскихъ магазиновъ, и юридически ясно отграниченными отъ аллодіальныхъ доходовъ и земельныхъ владѣній чиновника. Послѣ періода партикуляристической анархіи, предшествовавшей новому объединенію страны подъ главенствомъ Ѳивъ (этого исконнаго

очага частнаго крупнаго землевладѣнія (der privaten Grundherrschaften), они образовали „въ среднемъ царствѣ“ (12, 13 династія на поворотѣ между 2 и 3 тысячелѣтіемъ) совершенно естественнымъ путемъ фактически наслѣдственную феодальную аристократію. Точно такъ же и храмы присвоили себѣ массы земли и людей. Крупныя феодальныя помѣстья (Grundherrschaften), управляемыя бюрократически наподобіе настоящихъ государствъ, съ писцами и т. п., состоящія изъ множества деревень съ платящими подати крестьянами, съ пріученными къ военной дисциплинѣ и раздѣленными на несвободныя профессіи рабочими—встрѣчаются помѣстные плотники, столяры, гончары, кузнецы—затѣмъ стада, насчитывающія тысячи головъ скота, да сверхъ того выдачи натурой (Tantiemen und Deputaten) изъ принадлежащихъ храмамъ и царю имѣній, которыми они должны были управлять,—таковы владѣнія номарховъ, дѣлавшія ихъ всемогущей въ соціальномъ отношеніи аристократіей. Изъ помѣстныхъ амбаровъ—помѣщичьихъ или царскихъ магазиновъ—выдается крестьянамъ зерно на обсѣмененіе, въ амбары доставляется новая жатва, т.-е. соотвѣтствующія доли ея. Во всякомъ случаѣ уже въ то время существуетъ система „uput“, занесенія въ списки всего личнаго состава каждаго дома съ цѣлью опредѣленія числа обязанныхъ исполнять барщину головъ („capitatio plebeja“ на языкѣ римской императорской эпохи). Повидимому, въ принципѣ эта система распространялась на всю страну.

Существовало ли повсюду однообразное регулированіе барщины, нельзя сказать съ увѣренностью. Въ отдѣльныхъ деревняхъ барщинникъ выходилъ на барщину и обрабатывалъ извѣстный участокъ барской земли, „ahuit“, по указанію царскаго управляющаго. Писцы при этомъ свободны отъ барщины. Около царской резиденціи и при большихъ царскихъ магазинахъ находятся окруженныя каменной стѣной мастерскія, которыя иногда являются и рабочими казармами. Несшіе барщинную повинность дѣлились на партіи по 5 и 10 человѣкъ и, повидимому, работали по смѣнамъ, при чемъ обычная смѣна длилась два мѣсяца за вычетомъ праздниковъ. А если, съ другой стороны, государственная земля дѣлилась на низменную, болотистую, и на высоко лежащую, степную, землю, и каждый рабочій получалъ по 10 аруръ ($8\frac{1}{2}$ на степной и $1\frac{1}{2}$ на болотистой землѣ),

то надо полагать, что рѣчь идетъ здѣсь о надѣленіи барщинниковъ землей на правахъ колоновъ. Крупные феодальные землевладѣльцы (grosse Grundherren), очевидно, вели хозяйство по существу на тѣхъ же началахъ, что и фараонъ.

Веденіе собственнаго хозяйства на лучшей землѣ и сдача худшей земли крѣпостнымъ крестьянамъ (an leibeigene Bauern) за барщину или за фиксированные оброки,—эти два способа эксплоатаціи земли существовали, вѣроятно, рядомъ, и, видимо, не всегда можно провести между ними ясную границу; крестьяне, очевидно, просто превратились изъ государственныхъ барщинниковъ (Staatsfröner) и (отчасти) въ помѣщичьихъ барщинниковъ (grundherrliche Fröner); возможно ли и имѣетъ ли какое-нибудь практическое значеніе дѣленіе крестьянъ на крѣпостныхъ (leibeigene), съ одной стороны, и лично свободныхъ, но прикрѣпленныхъ (schollenfeste) къ землѣ, съ другой, повидимому, рѣшить этого невозможно. Можетъ быть, единственное различіе, которое все же можно хотя приблизительно (а отнюдь не точно) провести между по меньшей мѣрѣ 24 названіями, выражающими (см. выше) личную подчиненность вообще, безъ спеціальнаго обозначенія профессіи, повидимому, сводится къ тому, что кліенты или зависятъ лично отъ своего господина и эксплоатируются въ его собственномъ (реальномъ или предполагаемомъ) домохозяйствѣ (Haushalt) (schemsu, baku, sodmu, keri-dot, amu, ketu), или же они—glebae adscripti (прикрѣплены къ землѣ) (по Baillet: honu, meratiu, nesitiu, satiu, sidiu, samdotu, uhuitiu). Крестьянину иной разъ грозятъ, въ случаѣ, если онъ будетъ продолжать уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, „перевести“ его въ самый низшій разрядъ: awaitiu (простые сельскіе крѣпостные батраки).

И въ отношеніи къ государству повинности принимаютъ такую форму: всякій, кто владѣетъ землей или занимается промышленностью, обязанъ съ нихъ платить подати: крестьянинъ—земельныя подати, ремесленникъ—подать за разрѣшеніе заниматься ремесломъ и подать съ самаго ремесла въ формѣ продуктовъ своего ремесла. Кто не можетъ платить своихъ податей, тотъ попадаетъ вмѣстѣ съ своей семьей въ кабалу къ фараону и съ той минуты несетъ барщину по указанію властей. Но, несмотря на эти разграниченія, одно остается неизмѣннымъ: всѣ плательщики податей въ такой же малой

мѣрѣ самостоятельны, какъ и рабочіе, такъ же подвергаются контролю и сѣченію, какъ и они, и, какъ и они, принадлежатъ къ презираемому общественному классу.

Дружинникамъ царя, которые теперь выступаютъ къ качествѣ профессіональныхъ солдатъ, можетъ быть, соотвѣтствовали дружинники вассаловъ.

Относительно храмовъ является, повидимому, твердо установленнымъ, что ихъ земля и, прежде всего, принадлежавшее имъ право отправлять отдѣльныя функціи и получать за это пошлины и въ опредѣленныхъ случаяхъ вносимые платежи переходили по наслѣдству въ качествѣ окладовъ къ отдѣльнымъ жрецамъ, сама же земля—добровольно или недобровольно—отдавалась также другимъ землевладѣльцамъ (Grundherren), которые въ такомъ случаѣ съ своей стороны дѣлались господами принадлежавшихъ храму колоновъ.

III.

Новое царство.

Не введеніе по существу принципіально новыхъ учрежденій, а односторонне направленное дальнѣйшее развитіе старыхъ находимъ мы въ тотъ моментъ, когда послѣ долгаго мрака, окутывавшаго владычество бедуиновъ, Египетъ снова выступаетъ на авансцену исторіи. Теперь онъ сталъ послѣдовательно организованнымъ на началахъ принудительнаго отбыванія подданными натуральныхъ повинностей единымъ государствомъ (Fronstaat), въ которомъ землевладѣльцами (Grundherren) рядомъ съ фараономъ остаются почти что одни храмы, и которое, повидимому, съ большой постепенностью превращается въ бюрократическое, опирающееся на литургіи государство (Leiturgiestaat) временъ Птолемеевъ.

„Новое царство“, начавшее свою исторію съ борьбы 18-й династіи противъ чужеземнаго владычества „пастушескихъ царей“ около средины 2 тысячелѣтія до Р. Х., пока оно было національнымъ государствомъ, т.-е. до конца царствованія Рамессидовъ включительно, относится къ „среднему царству“ такъ же, какъ московская великокняжеская Русь послѣ сверженія татарскаго ига относится къ расчлененному на со-

словія государству домонгольскаго періода, имѣющему своимъ центромъ Кіевъ: феодальныя образованія, ленная аристократія и всѣ или большинство ея крупныхъ помѣстій (Grundherrschaften) исчезли. Большая часть земли находится въ рукахъ царя. Другая, но притомъ лишь меньшая, часть всѣхъ земельныхъ владѣній сосредоточилась благодаря дареніямъ въ рукахъ храмовыхъ жрецовъ. Съ другой стороны, въ связи съ большимъ территоріальнымъ расширеніемъ страны, явившимся результатомъ войнъ, совершался массовый ввозъ въ страну военноплѣнныхъ, которыми „полны военные магазины". И теперь царь продолжаетъ раздавать заслуженнымъ должностнымъ лицамъ въ ленное владѣніе землю — большею частью въ умѣренномъ размѣрѣ — и по нѣсколько рабовъ. Часть царской земли считается доменами фиска и обрабатывается для надобностей домохозяйства царя. И вся остальная (не присвоенная храмами) земля считалась прежде, на основаніи показаній книги Бытія и греческой традиціи, отданной крестьянамъ царемъ за извѣстную долю дохода. Въ настоящее время извѣстно, что египетскій земельный налогъ взимался не пропорціонально количеству земли, а въ видѣ фиксированной суммы; только колоны платятъ изъ части продукта.

Самое позднее въ царствованіе Рамессидовъ вошло въ обычай, вѣроятно, по образцу служебныхъ леновъ азіатскихъ царей, знаменитое надѣленіе землей войска, въ основу организаціи котораго положена система обезпеченныхъ землей литургій.

Земельныя владѣнія храмовъ и воиновъ являются владѣніями на вѣчномъ правѣ собственности, только связанномъ съ функціей, зато освобождающемъ отъ общихъ повинностей, обязательныхъ для остального населенія. Властители „древняго царства" предоставляли себѣ право раздавать заслуженнымъ чиновникамъ лены на принадлежавшихъ храмамъ территоріяхъ, — образъ дѣйствій, который съ теченіемъ времени, навѣрное, становился все болѣе и болѣе невозможнымъ (относящійся сюда матеріалъ болѣе близко мнѣ, впрочемъ, не знакомъ); во всякомъ случаѣ позднѣйшія попытки секуляризаціи (см. ниже) привели, очевидно, къ тяжелымъ конфликтамъ. Участки земли, раздаваемые въ ленное владѣніе воинамъ (μάχιμοι), невелики — около 3 $^1/_3$ гектаровъ во времена Геродота — легкое вооруженіе не требовало никакихъ расходовъ на экипировку; члены

этой „касты воиновъ" участвовали въ гражданскомъ оборотѣ (am bürgerlichen Erwerb), какъ и эллинистическое, надѣленное ленами войско клеруховъ, могли сдавать свою землю въ аренду и занимали очень различное положеніе.

Въ эту эпоху одновременно существуютъ: 1) царская гвардія и навербованные наемники, 2) затѣмъ, посаженные на землю „ma" („ma" = μάχιμοι), 3) иногда ad hoc призванные и вооруженные колоны фараона, посаженные на землю воины, по годамъ службы раздѣляемые на seniores и juniores, затѣмъ 4) храмовыя ополченія, образованныя изъ принадлежащихъ храмамъ колоновъ, наконецъ, 5) областное ополченіе (ландштурмъ). Такимъ образомъ, здѣсь войско есть по существу войско изъ людей зависимыхъ (ein Hörigenheer). Царскимъ матросамъ, когда они были иностранцы, выжигали клейма, какъ (можетъ быть, см. выше) ассирійскимъ, посаженнымъ на землю воинамъ.

Все управленіе, какъ царское, такъ и храмовое, носитъ бюрократическій характеръ и находится въ рукахъ по большей части крѣпостныхъ (leibeigene) писцовъ, а не въ рукахъ наслѣдственной аристократіи, какою прежде были номархи.

Численность жрецовъ, ихъ значеніе и ихъ замкнутость растетъ. Въ „древнемъ царствѣ" жрецы составляли самостоятельную профессію лишь въ зачаточномъ состояніи; въ „среднемъ царствѣ" они набираются уже преимущественно въ порядкѣ наслѣдственнаго перехода должности; въ „новомъ царствѣ" они раздѣляются на филы, принадлежность къ сословію клириковъ (а не конкретная должность) переходитъ къ сыновьямъ, если они къ нему пригодны. Хотя и филы, видимо, никогда не были замкнутыми и пополнялись также и путемъ принятія въ свою среду людей постороннихъ (существовалъ также и connubium съ другими слоями общества: слѣдовательно, не существовало никакихъ признаковъ „касты"), тѣмъ не менѣе жрецы съ теченіемъ времени образовали собственное, взявшее въ свои руки воспитаніе дѣтей чиновничества, тѣсно связанное съ этимъ послѣднимъ, нерѣдко благодаря и родственнымъ связямъ, и совмѣщенію свѣтскихъ и духовныхъ функцій чрезвычайно вліятельное сословіе, которое умѣетъ сдѣлать тщетной всякую попытку фараоновъ эмансипироваться отъ его власти, такъ какъ противо-

вѣса въ видѣ свѣтскихъ феодальныхъ родовъ теперь почти что не существуетъ.

Въ царствованіе Рамзеса III мы находимъ богатѣйшія владѣнія храмовъ, съ массой людей и соотвѣтствующимъ количествомъ земли и скота (цифры доходятъ до сотенъ тысячъ), а также собираемыя храмами подати (въ видѣ тканей и т. п.). „Бѣлый домъ“ храма является центромъ его управленія. У храма есть свои контролеры для наблюденія за полевыми работами его колоновъ. „Первый пророкъ“ одного большого храма хвалится своей „заботой о потомствѣ крѣпостныхъ“. Уже въ древности храмъ Аммона въ Ѳивахъ славился своимъ на весь міръ неслыханнымъ богатствомъ и, конечно, не безъ основанія, хотя, какъ доказалъ Эрманъ, размѣры, въ частности, земельныхъ его владѣній были преувеличены эллинами. Нерѣдко $^{3}/_{4}$ и $^{4}/_{5}$ военной добычи отдавались богамъ.

Земля, принадлежавшая храмамъ (конечно, такъ же, какъ и царская и вся остальная земля), была измѣрена и дѣлилась на луговую и степную землю, пахотную, огородную и землю подъ виноградники. У нихъ, послѣ царя, наибольшее число ремесленниковъ — въ качествѣ прикрѣпленныхъ къ землѣ держателей — и они ведутъ внѣшнюю торговлю на собственныхъ корабляхъ (упоминаемые въ надписяхъ лишь временно находящіеся на службѣ у храма люди, очевидно, волонтеры, а не наемные рабочіе. Впрочемъ, свободные наемные рабочіе, получающіе вознагражденіе натурой, повидимому, бывали на службѣ и у фараона, хотя смыслъ обоихъ Gurob'скихъ папирусовъ, коментированныхъ Griffith'омъ, вызываетъ сомнѣніе, а переводъ одного изъ нихъ навѣрное неправиленъ: вѣдь невозможно же, чтобы служанкѣ въ видѣ вознагражденія за 24 дня работы въ числѣ другихъ вещей дали быка).

Существовали ли уже въ древнемъ Египтѣ вошедшіе въ обычай въ эпоху Птолемеевъ большіе ежегодные синоды принадлежавшаго къ клиру въ собственномъ смыслѣ высшаго жречества, этого, повидимому, нельзя доказать на основаніи данныхъ источниковъ. Быть можетъ, ихъ развитіе (какъ и еврейскаго синедріона) есть продуктъ, съ одной стороны, иноземнаго владычества, которое желало найти себѣ опору въ теократіи, съ другой стороны, они могли быть въ данномъ случаѣ и органомъ реакціи противъ него. Во времена фараоновъ фараонъ формально является сюзереномъ (Lehensherr) жрецовъ, и позже (напр., во времена Птолемеевъ) ему принадлежитъ рѣшающая власть (das Exequatur).

Царскій ойкосъ со своими многочисленными должностными лицами покрываетъ свои потребности (т.-е. потребности двора и государства) въ принципѣ по способу натуральнаго хозяйства. Каждый изъ отдѣловъ управленія, завѣдующій доменами, храмами, магазинами и постройками, имѣетъ свой штабъ организованныхъ на военный ладъ барщинныхъ работниковъ (Fronarbeiter), которымъ выдаются раціоны изъ царскихъ кладовыхъ, — а то и утаиваются, какъ это видно изъ забастовокъ изъ-за голода и невыдачи раціона. Въ изданныхъ Шпигельбергомъ счетахъ магазиновъ царскаго двора въ Мемфисѣ зарегистрирована выдача муки пекарямъ — очевидно, несвободнымъ и работавшимъ на дому, потому что тамъ же далѣе значатся и доставленные этими же пекарями хлѣба (значительно больше 100000 солдатскихъ черныхъ хлѣбовъ въ 3 мѣсяца, 480 хлѣбовъ одного сорта на день) съ указаніемъ пропажи. Точно такъ же заносится въ книги выдача корабельнаго лѣса, кожи (предводителямъ наемныхъ войскъ), одежды неграмъ-невольникамъ, негровъ-невольниковъ „магнатамъ“ для услуженія. У фараона молотятъ въ его собственныхъ ригахъ то, что онъ получаетъ въ качествѣ десятины натурой или собираетъ съ полей, обрабатываемыхъ барщиной; рабочихъ кормятъ хлѣбомъ изъ царскихъ магазиновъ: здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ собственнымъ производствомъ фараона. Въ случаѣ же неурожая не только рабочимъ, но и крестьянамъ — какъ теперь въ Россіи и въ Месопотаміи, — выдается хлѣбъ изъ магазиновъ для пропитанія и для обсѣмененія полей. И едва ли возможно было бы установить каждый разъ, были ли рабочіе, употребляемые фараономъ при постройкахъ, рабы, или же всѣ или часть ихъ были привлечены къ работѣ въ силу общей государственной барщинной повинности. „Рабочіе“ имѣютъ женъ и дѣтей, составляютъ довольно обширный слой населенія; нерѣдко среди нихъ встрѣчаются и грамотные. Отъ крестьянъ, они, видимо, отличались только тѣмъ, что или вовсе не имѣли предоставленной имъ въ долгосрочное пользованіе и платящей оброкъ земли, или же имѣли ее въ меньшемъ размѣрѣ. Царскія „мастерскія“, это — несомнѣнно, прежде всего, кладовыя, въ которыя доставлялись

продукты возложенной на крестьянъ побочной ремесленной работы (для которой крестьянинъ находилъ время благодаря упомянутой выше особенности египетскаго сельскаго хозяйства), произведенные имъ или въ домашнемъ производствѣ, или въ условіяхъ „несвободнаго домашняго труда“ („unfreie Heimarbeit“). Но каково было правовое положеніе ремесленниковъ и крестьянъ во времена національныхъ династій, этого, понятно, совершенно невозможно установить съ достовѣрностью. Позднѣйшія условія при послѣднихъ династіяхъ передъ персидскимъ владычествомъ не могутъ здѣсь имѣть рѣшающаго значенія, потому что въ промежуткѣ проходитъ полоса ассирійскаго владычества, а еще передъ тѣмъ борьба между еретикомъ Аменофисомъ IV и жрецами Аммона должна была произвести сильныя потрясенія основъ традиціи.

Потребности царскаго домохозяйства (въ широкомъ смыслѣ слова) удовлетворяются при помощи барщиннаго труда и податей всего населенія. Когда мы иной разъ слышимъ о будто бы новыхъ порядкахъ въ землевладѣніи, то рѣчь идетъ, несомнѣнно, о новыхъ порядкахъ въ обложеніи повинностями. Царь неоднократно издаетъ приказъ, чтобы чиновникъ распредѣлилъ работу на барщинѣ „сообразно съ ремесломъ каждаго“, или чтобы онъ установилъ „порядокъ“ всего населенія даннаго округа и „раздѣленіе его на народные классы“, т.-е. производилъ дальнѣйшее составленіе податного кадастра. Для большихъ построекъ и для работъ въ каменоломняхъ снаряжаются, какъ въ старыя времена, цѣлыя огромныя экспедиціи барщинниковъ: однажды при Рамсесѣ IV было вызвано 9268 человѣкъ, изъ нихъ 5000 воиновъ, 2000 колоновъ фараона. При этомъ различаютъ „старый народъ“ отъ „молодого народа“ какъ при военномъ наборѣ, такъ и при наборѣ на барщину. И точно такъ же, какъ войско, такъ и составъ колоновъ пестритъ чужестранцами: царь — уже Аменхотепъ — велитъ, совершенно какъ ассирійскіе цари, плѣнныхъ „включить въ ряды своихъ подданныхъ“. Принятіе въ число участниковъ экспедиціи на золотые пріиски на верхнемъ Нилѣ, связанной съ колоссальной тратой людей, считалось наказаніемъ.

Занесеніе въ списки кадастра всего населенія дало возможность вмѣсто сельскихъ общинъ облагать не-

посредственно отдѣльныя семейства податями и литургіями, связанными съ владѣніемъ землей: въ такомъ случаѣ и положеніе „hir'a“, если только онъ дѣйствительно, какъ хочетъ Revillout, есть „старшій“ въ семьѣ (старшій сынъ, братъ, и т. д., а не, скажемъ, феодальный землевладѣлецъ), въ наслѣдственномъ правѣ того времени—онъ играетъ руководящую роль при раздѣлахъ—объяснялось бы тогда, кромѣ вліянія наслѣдственности должностей (см. выше), также и той ролью, какую играли здѣсь и фискальные интересы (но все это еще не ясно). Какъ обстояло дѣло съ отчуждаемостью земли (за предѣлы семьи) въ началѣ „новаго царства“, послѣ исчезновенія феодальныхъ землевладѣльцевъ (Grundherren) прежнихъ временъ, остается подъ сомнѣніемъ. Правда, въ одномъ часто цитируемомъ „крестьянскомъ разсказѣ“ (возникшемъ въ эпоху, предшествующую „новому царству“) фигурируютъ крестьяне, которые хотятъ продать свои дома. Но во всякомъ случаѣ принадлежащая крестьянину пахотная земля и хозяйство профессіональнаго ремесленника въ принципѣ и здѣсь опять-таки являются корреллатомъ литургіи, т.-е. податей. Въ виду этого „наслѣдственность“ земельнаго владѣнія была передъ лицомъ фараона условной. Это соотвѣтствуетъ тому положенію, которое занимало населеніе, не находившееся ни въ привилегированномъ положеніи жрецовъ, воиновъ, ленниковъ, чиновниковъ, писцовъ, ни въ положеніи безземельныхъ крѣпостныхъ, состоящихъ въ услуженіи непосредственно у фараона или у привилегированныхъ классовъ.

Долгое время вѣрили въ существованіе „кастъ“ въ Египтѣ (благодаря въ особенности Геродоту). Между тѣмъ „наслѣдственность“ профессій сводится къ упомянутому выше фактическому переходу по наслѣдству литургій и податныхъ повинностей „крестьянскаго“ (въ русскомъ значеніи этого слова) населенія, поскольку эти повинности связаны съ землей или ремесломъ. Она не означаетъ, поскольку съ профессіей не связана религіозная „нечистота“, образованія кастъ ни въ смыслѣ воспрещенія connubium'а, ни въ смыслѣ цеховой замкнутости профессій. Такимъ образомъ и „каста“ воиновъ состоитъ изъ крестьянъ, на которыхъ возложена литургія, заключающаяся въ томъ, чтобы быть готовыми стать въ ряды войскъ по первому призыву, и которые, конечно, должны, подобно ка-

закамъ, регулярно заниматься военными упражненіями. И вообще доступъ ко всякой профессіи въ принципѣ, повидимому, оставался свободнымъ. А что дѣйствительно сдѣлалось въ Египтѣ наслѣдственнымъ въ сферѣ имущественныхъ правъ (Erwerbsrechte), такъ это отнюдь не цеховое „право на работу“, а опредѣленные роды рентъ: земельныя ренты, ренты въ формѣ окладовъ жалованья, ренты въ формѣ поступленій въ опредѣленныхъ случаяхъ и пошлинъ.

Наслѣдственность государственныхъ должностей въ новомъ царствѣ совсѣмъ отошла на задній планъ передъ чисто бюрократическимъ „повышеніемъ“ чиновниковъ; точно такъ же и жречества переходятъ при Рамессидахъ (см. выше) въ вѣдѣніе писцовъ. Несмотря на это, внутри этого бюрократическаго механизма каждый въ отдѣльности естественно смотрѣлъ на свое мѣсто, напримѣръ, мѣсто „набольшаго“ одной изъ упомянутыхъ выше группъ рабочихъ (прототипъ греческаго ἡγεμὼν τοῦ ἐργαστηρίου), какъ на „обезпеченіе“, какъ и теперь смотритъ каждый чиновникъ: намѣстники хвалятся иной разъ, между прочимъ, и тѣмъ, что „ни у кого не отнимали его группы рабочихъ“. Но юридически въ принципѣ существовала, конечно, неограниченная смѣняемость должностныхъ лицъ. Однако, нѣкоторыя функціи, напр., имѣющія отношеніе къ очень важному въ религіозномъ смыслѣ обряду погребенія (какъ, напр., профессія „бальзамировщика труповъ“), какъ связанныя съ распоряженіемъ мѣстами погребенія, дѣйствительно стали совершенно неотъемлемо принадлежать на правахъ собственности опредѣленнымъ лицамъ и изстари и юридически разсматривались какъ объекты наслѣдованія и предметъ распоряженій inter heredes, изъ которыхъ каждое нуждалось, однако, въ согласіи заинтересованнаго въ повинностяхъ, связанныхъ съ данной должностью, землевладѣльца (каковымъ является государство или, въ большинствѣ случаевъ, храмъ).

Благодаря обширности царскихъ и храмовыхъ земельныхъ владѣній, памятники говорятъ обыкновенно о владѣніяхъ людей, сидящихъ на землѣ фараона или на храмовой землѣ (nefer hotep) въ качествѣ ленниковъ или колоновъ. Поэтому въ нихъ распоряженія, въ частности распоряженія о порядкѣ наслѣдованія, но также и передача земли отдѣльнымъ лицамъ, напр., жрецамъ, совершаются съ согласія одного изъ этихъ двухъ крупныхъ

землевладѣльцевъ (Grundherrn), какъ разъ въ противоположность контрактамъ о передачѣ земельной собственности въ древнѣйшую („тинитическую“) эпоху (но зато въ полномъ соотвѣтствіи съ порядкомъ передачи леновъ, находящихся въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ, въ частности номарховъ, въ древнемъ царствѣ). Нуждались ли зато и другіе акты передачи правъ на землю въ особой концессіи, нельзя утверждать этого съ полной достовѣрностью, но, впрочемъ—именно въ эпоху теократіи (конецъ эпохи Рамессидовъ) и для отчужденія за предѣлы семьи — это представляется возможнымъ. Скотомъ (и иной разъ рабами), принадлежавшими колонамъ, можно было распоряжаться, повидимому, лишь съ согласія землевладѣльца (Grundherr). Сами колоны, конечно, прикрѣплены къ землѣ, но, повидимому, подлежатъ юрисдикціи государственныхъ судовъ.

Тѣмъ, что право на землю въ дѣйствительности было главнымъ образомъ обязанностью (исполнять связанныя съ владѣніемъ землей повинности), вполнѣ удовлетворительно объясняются тѣ остатки семейнаго уклада, которые можно наблюдать еще и въ гораздо болѣе позднюю эпоху: напр., упомянутое выше (предполагаемое) положеніе старшаго (или старшихъ), какъ представителя семьи передъ государствомъ (или храмомъ, или землевладѣльцемъ (Grundherr). Сюда же относится также и стоящее съ этимъ въ связи понятіе о владѣніи, какъ о семейномъ владѣніи, встрѣчающееся иногда, но (судя по домашнимъ хозяйственнымъ записямъ) не господствующее общее хозяйство (Kommunionwirtschaft) и связанныя съ этимъ права на наслѣдство и права ретракта (обратной покупки), которыя или старались совсѣмъ парализовать отчасти съ помощью заклятій (durch Fluchformein)—къ этому средству прибѣгали привилегированныя сословія, имѣвшія право быть представителями бога на землѣ и потому и заклинать—, отчасти испрашиваніемъ божеской санкціи при раздѣлахъ наслѣдства или принимали въ расчетъ, упоминая въ виду этого въ контрактахъ дѣтей. Сюда же примыкаетъ и то, очевидно, связанное съ существованіемъ этихъ семейныхъ общинъ, явленіе, что такъ часто арендаторами земли (даже при арендѣ мелкихъ участковъ) являются товарищества (представитель и его сотоварищи). Сюда же, наконецъ, можетъ быть, относится и то, что еще и въ позд-

нѣйшее время при передачѣ земельныхъ участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія избѣгали упоминать цѣну: Revillout, можетъ быть, и правъ, поскольку онъ утверждаетъ, что и въ этомъ сказывается принципіальный взглядъ, что право на землю, какъ неразрывно связанное съ повинностью, не есть предметъ обмѣна, но только путемъ полюбовной сдѣлки между членами семьи можетъ мѣнять временнаго пользователя. Но, повидимому, были и сакральныя причины, препятствовавшія признанію особаго положенія денегъ какъ средства обмѣна: эпоха древняго царства не знала денегъ, и ставшія стереотипными схемы допускаемыхъ религіей контрактовъ, допускавшія только обмѣнъ земли на землю или простую передачу („дареніе"), можетъ быть, имѣютъ съ этимъ связь. Мы начинаемъ чувствовать твердую почву подъ ногами лишь во времена Амазиса, т.-е., когда національный характеръ средняго царства уже измѣнился благодаря иноземному владычеству.

Послѣ эпохи Рамессидовъ развитіе, повидимому, двигалось впередъ среди противоположныхъ теченій, обусловленныхъ смѣнявшимся господствомъ то азіатскихъ, то эѳіопскихъ вліяній. Иноземное вліяніе объясняется окончательнымъ устраненіемъ, благодаря созданію постояннаго наемнаго войска, и безъ того искони слабо развитого національнаго ополченія и все возрастающимъ значеніемъ состоящаго по преимуществу изъ иноплеменниковъ профессіональнаго войска, которое служило опорой владычества фараона. Перенесеніе въ Египетъ азіатской военной техники—коня и военной колесницы—въ эпоху господства гиксовъ, а затѣмъ завоевательныя войны привели къ возникновенію класса профессіональныхъ воиновъ. Затѣмъ владычество смѣнявшихъ другъ друга иноземныхъ племенъ привело къ тому, что чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе, по крайней мѣрѣ фактически, иноплеменные солдаты и нерѣдко тоже иноплеменные крѣпостные (Leibeigenen) царя вмѣстѣ съ жрецами дѣлили между собою власть надъ страной, со временъ ассирійскаго завоеванія никогда болѣе на сколько-нибудь продолжительное время не видѣвшей свободы. Захватъ власти жрецомъ Амона, затѣмъ ассирійская и эѳіопская династіи, въ промежутокъ захватъ власти Bokchoris'омъ, затѣмъ греческія вліянія при Амазисѣ, далѣе, послѣ персидскаго завоеванія, борьба эѳіопской, персидской и поддерживаемой греками туземной династій, приводившая нерѣдко къ отдѣленію на долгія времена Верхняго Египта отъ Нижняго,—все это не давало установиться въ Египтѣ сколько-нибудь прочному политическому порядку вплоть до временъ Лагидовъ. Тотъ типъ, какой представляетъ собою страна при ихъ режимѣ, въ смыслѣ мѣры свободы оборота, создался, конечно, лишь постепенно. Греческая традиція приписываетъ именно Бокхорису основныя нововведенія, изображая его наподобіе эллинскихъ „айсимнетовъ": допущеніе очистительной клятвы, уничтоженіе долговой кабалы и, прежде всего, свободную отчуждаемость земли. Можетъ быть, способъ, какимъ Revillout старается установить это, отчасти свидѣтельствуетъ о богатствѣ его фантазіи, но все-таки, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе мѣнового хозяйства (Verkehrswirtschaft) было дѣломъ прежде всего азіатскихъ вліяній и затѣмъ антитеократической нижне-египетской тираніи, съ которыми боролась теократія жрецовъ Аммона, опиравшаяся на захватившихъ престолъ эѳіоповъ и на частью эмигрировавшую въ Эѳіопію касту воиновъ. Приблизительно во времена Бокхориса начинаютъ появляться демотическіе контракты вообще и контракты о передачѣ земли въ частности. Такимъ образомъ, дѣйствительно, повидимому, произошла перемѣна въ правѣ, регулирующемъ оборотъ, и, въ частности, въ земельномъ правѣ, даже, пожалуй, и секуляризація земли, съ чѣмъ совершенно согласуется фактъ сожженія Бокхориса, какъ святотатца, восторжествовавшими сторонниками жреца Аммона (который является представителемъ принадлежащей богу верховной собственности на землю).

Какъ бы то ни было, явленія частнаго оборота разрастаются теперь повсюду.

Постоянно возраставшее вплоть до эпохи Ремессидовъ преобладаніе ойкосного хозяйства фараона, конечно, сильно ограничивало въ древне-національномъ Египтѣ кругъ экономическихъ явленій, имѣющихъ своею основой соотвѣтствующее условіямъ мѣнового хозяйства (verkehrswirtschaftlicher) раздѣленіе труда. Не то, чтобы ихъ когда-нибудь вовсе не существовало,—въ древнѣйшемъ царствѣ они имѣли, относительно даже, можетъ быть, большее значеніе для покрытія потребностей, чѣмъ во времена полнаго господства теократіи и бюрократіи. Но внѣшняя торговля, какъ съ „Божьей землей" и „Пунтомъ"—съ

Аравіей и сомалійскими берегами—такъ и съ Сиріей, юридически, да, главнымъ образомъ, и фактически находилась въ рукахъ самого фараона, а впослѣдствіи какъ разъ въ рукахъ храмовъ, которые владѣли собственными флотами. Она долго сохраняла форму обмѣна подарками между главами государствъ, какъ видно изъ корресподенціи съ вавилонскимъ царемъ, найденной въ Тель-эль-Амарнѣ. Туземныхъ купцовъ, повидимому, не знають египетскіе источники древнѣйшихъ временъ. Потомъ они вдругъ появляются въ качествѣ принадлежащихъ храмамъ крѣпостныхъ (названіе ихъ является производнымъ отъ слова, означающаго „опорожнять", т.-е. опорожнять корабль). Въ новомъ царствѣ они большею частью чужестранцы (семиты). Тогда какъ мѣдь и золото добывались въ самой странѣ, съ самого же начала должны были быть предметомъ ввоза въ страну не только серебро, первое время чрезвычайно рѣдкое и потому вплоть до пріобщенія Египта къ международному обороту (эпоха Новаго Царства) цѣнившееся дороже золота, но и олово и желѣзо—послѣднее до эпохи Новаго Царства совершенно уступаетъ свое мѣсто бронзѣ. Въ эпоху Новаго Царства предметами ввоза являются корабли, колесницы, оружіе, сосуды, куренія, скотъ, рыба и т. д. изъ Сиріи и Вавилона, а соотвѣтствующими предметами вывоза—золото, но вскорѣ также и холстъ. При Рамессидахъ, повидимому, появляются частныя предпріятія для перевозки товаровъ водою.

Точно также, наряду съ рабочими фараона, которые первоначально и по числу, и по значенію своей работы играли преобладающую роль, снова начинаетъ все болѣе и болѣе расти число (едва-ли когда-либо совершенно исчезавшихъ) „свободныхъ" ремесленниковъ. Въ литературныхъ памятникахъ, относящихся къ древнему царству, упоминаются ремесленники; работающіе на заказъ, а на ряду съ этими „Lohnwerker" въ смыслѣ бюхеровской терминологіи, повидимому, также и „Preiswerker" (ремесленники, работающіе на продажу). Въ какой мѣрѣ носители древне-египетской столь высоко-развитой художественной промышленности были крѣпостными (leibeigene) работниками царя и храмовъ, и въ какой мѣрѣ это были работавшіе въ „несвободной домашней индустріи" („unfreie Hausindustrie") колоны или „свободные" ремесленники, обязанные исполнять литургіи, выяснить это будетъ дѣломъ нелегким. Как у дере-

вень былъ свой староста, отвѣчавшій за нихъ передъ фискомъ, такъ и у отдѣльныхъ ремесленниковъ каждаго округа былъ свой (повидимому, выборный) главный мастеръ. Первоначально онъ, очевидно, отвѣчалъ за исправную явку ремесленниковъ на барщину къ фараону, т. е. къ номархамъ. Впослѣдствіи положеніе ремесленниковъ было, очевидно, отнюдь не одинаково. Ремесленниковъ, работавшихъ на заказъ („Lohnwerker"), по мѣрѣ надобности вызывали на барщину и давали имъ на руки сырой матерьялъ (см. выше). По наряду съ этимъ, повидимому, существуютъ ремесленники, которые сами доставали себѣ сырой матерьялъ и за то платили подати издѣліями своего ремесла, которыхъ перечни отличаются необычайнымъ разнообразіемъ. Поскольку сырой матерьялъ былъ предметомъ ввоза, а обработанные продукты предметомъ вывоза, представляется вѣроятнымъ, что производство находилось подъ непосредственнымъ руководствомъ фараона, знати и храмовъ. Во всякомъ случаѣ въ документахъ отношеніе къ ремесленникамъ, какъ было, такъ и осталось презрительнымъ. Ткачество, въ особенности тканье холста, одно изъ самыхъ важныхъ ремеселъ, является, повидимому, типической несвободной профессіей и попало прямо въ руки рабовъ въ ойкосѣ сначала фараона и аристократіи номарховъ, затѣмъ въ особенности въ ойкосномъ хозяйствѣ храмовъ: такъ какъ народная масса, а первоначально и самъ царь, не носили никакой одежды, кромѣ кожанаго передника, то ткани являлись отчасти предметомъ роскоши двора и чиновничества, отчасти предметомъ, повидимому, монополизированнаго вывоза. Развитіе и диференціація потребностей, въ особенности потребности въ одеждѣ, были, совершенно очевидно, слѣдствіемъ становившихся въ „новомъ царствѣ" все болѣе и болѣе тѣсными сношеній съ передней Азіей, въ частности съ Вавилономъ.

Частный внутренній мѣновой оборотъ есть, главнымъ образомъ, обмѣнъ пищевыми продуктами и мелочными товарами рыба, овощи, сандаліи, простыя украшенія—вотъ обычные предметы рыночной торговли, которые мы видимъ на изображеніяхъ. Обмѣнъ есть обмѣнъ натурой. Лишь въ новомъ царствѣ мѣриломъ цѣнности служитъ согнутая мѣдная проволока опредѣленнаго вѣса (uten, deben), съ помощью которой расцѣниваются обмѣниваемые другъ на друга товары, а иной разъ возмѣщается излишекъ стоимости одного товара

сравнительно съ обмѣниваемымъ на него другимъ. Марки въ рукахъ рабочихъ древняго царства, это, конечно, „тессеры", чеки ассигновки на выдачу продуктовъ изъ господскихъ амбаровъ. Во внѣшней торговлѣ были въ ходу въ качествѣ мѣрила цѣнности кольца изъ благородныхъ металловъ, какъ это было и въ Вавилонѣ. Такимъ образомъ, „deben" есть прежде всего мѣрило стоимости и употребляется обыкновенно какъ идеальное (а не дѣйствительное) орудіе обмѣна (какъ первоначально и серебряный шекель въ Вавилонѣ). Въ общемъ отношеніе uten'а какъ единицы вѣса къ uten'у какъ единицѣ цѣнности, повидимому, еще совершенно не выяснено (ср., напр., Bibl. égypt. X, стр. 164.) Натуральному обмѣну товарами соотвѣтствовалъ съ древнихъ временъ (какъ первобытный предокъ фондовой биржи) натуральный оборотъ съ рентами (Naturalrentenverkehr): какъ жертвуютъ храму земельные участки, напр., за ежегодно поставляемыя имъ свѣтильни, зажигавшіяся въ дни поминовенія усопшихъ, и т. д., такъ обмѣниваютъ и выдачи натурой, получаемыя чиновниками и другими имѣющими на это право, на другія натуральныя ренты: опредѣленное число дневныхъ раціоновъ, которые слѣдуетъ получить изъ магазина—1/360 годовой выдачи—обмѣнивается, напр., на ежегодно поставляемое опредѣленное количество хлѣба и пива и т. п. Мы видѣли совершенно то же самое и въ Вавилонѣ.

Вслѣдъ за паденіемъ національныхъ династій явно настала пора все болѣе и болѣе подвигавшагося впередъ развитія „денежнаго хозяйства", хотя въ то же время вся духовная и художественная жизнь застыла въ стереотипныхъ теократическихъ традиціонныхъ формахъ. Хотя евреямъ временъ послѣ Исхода Египетъ все еще представляется большимъ „домомъ службъ" („Diensthaus"), тѣмъ не менѣе барщина должна была, по крайней мѣрѣ фактически, постепенно уступать мѣсто податямъ,—съ тѣмъ, вѣроятно, связано и все дальнѣйшее. Число настоящихъ рабовъ въ рукахъ храмовъ и чиновниковъ и ихъ примѣненіе въ полевыхъ работахъ, повидимому, растетъ. Точно такъ же въ частныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, повидимому, все чаще примѣняется трудъ надѣленнаго землей колона для обработки отдѣльныхъ полевыхъ участковъ,—слѣдовательно, встрѣчающаяся въ римскую императорскую эпоху комбинація съ системой такъ

называемыхъ „partes agrariae". Изъ революціонной эпохи Бокхориса (см. выше) сохранился, повидимому, первый чисто частный—т. е. не нуждавшійся въ утвержденіи ни божескаго оракула, ни царя—договоръ о передачѣ земли; въ немъ идетъ, однако, рѣчь о юридической сдѣлкѣ между членами одной и той же семьи. Въ царствованіе Псамметиха, повидимому, вообще была разрѣшена жрецами передача земли, принадлежавшей (прежде?) храму, и за предѣлы семьи съ уплатой пошлины по случаю перемѣны владѣльца въ 1/10 стоимости. Эти владѣльцы земель, принадлежавшихъ храмамъ, превратились, такимъ образомъ, въ своего рода наслѣдственныхъ арендаторовъ. По временамъ опять возникавшее требованіе испрашивать спеціальное согласіе бога на передачу земли навсегда исчезаетъ со временъ Амазиса, который тоже считался „законодателемъ". Старая іерархія владѣльцевъ земли храма: Богъ—находящійся съ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ храмъ или владѣвшій леномъ жрецъ—колонъ—смѣнилась теперь другою: Богъ—наслѣдственный арендаторъ—колонъ. Къ царствованію Амазиса относится первый дошедшій до насъ письменный арендный договоръ: это контрактъ о пересдачѣ земли (Afterpachtkontrakt); затѣмъ встрѣчаются—если тексты прочитаны правильно—также частныя аренды изъ третьей части продукта и какъ будто также и аренды на основѣ antichresis'а. Колонъ является односторонне обязаннымъ (прекаристомъ). Передача недвижимаго имущества за деньги теперь тоже встрѣчается. Однако, въ документѣ, говорящій объ уступкѣ участка земли, не включено упоминаніе о цѣнѣ его, о ней говоритъ особый документъ. Покупка на чистыя деньги господствуетъ. Что касается въ частности аренды, то—если опять же чтеніе документовъ (Revillout!) правильно—бросается въ глаза распространенность коллективной аренды (2-15 лицъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, повидимому, была не „артель" съемщиковъ, арендовавшая землю съ потребительными цѣлями, въ видѣ „Bedarfspacht" въ русскомъ смыслѣ, а аренда спекулятивнаго характера, слѣдовательно, крупная аренда. Но затѣмъ земля конечно, дальше сдавалась въ аренду мелкими участками, и масса арендаторовъ состояла все-таки изъ мелкихъ арендаторовъ. Такъ какъ не нужно было считаться ни съ какой плодопеременной системой, то контрактъ, если не всегда, то во всякомъ

случаѣ часто бывалъ годовой. Арендаторъ платилъ всѣ платежи (Abgaben) и возвращалъ хлѣбъ, взятый на обсѣмененіе. Часть урожая, которую должны были выплачивать арендаторы земель, принадлежавшихъ храмамъ, нерѣдко равнялась его трети.

Однако, эти отношенія—при недостаточномъ количествѣ вполнѣ надежно прочитанныхъ документовъ—не могутъ, очевидно, быть предварительно установлены для даннаго періода времени съ полной достовѣрностью, точно такъ же, какъ и значеніе и распредѣленіе частнаго земельнаго владѣнія наряду съ давно de facto присвоенными въ собственность ленами и дареніями, находившимися въ рукахъ магнатовъ. Раздѣленіе всей земли на три части между царемъ, жрецами и воинами, о которомъ говорятъ греческіе писатели, есть въ лучшемъ случаѣ преувеличеніе (Эд. Мейеръ, повидимому, считаетъ его соотвѣтствующимъ дѣйствительности). Чтобы почти половина всей земли принадлежала воинамъ (μάχιμοι), какъ пришлось бы признать съ ариѳметической точностью, руководствуясь показаніями Геродота, совершенно недопустимо; владѣнія храмовъ даже при Рамзесѣ III не превышали 1/8, самое большее 1/5 всей земли и часто переходили въ другія руки, иной разъ подвергались также и секуляризаціи (Амазисъ), а въ позднѣйшее время, какъ это можно документально доказать, никогда больше не были такъ значительны, какъ при Рамессидахъ. Значительное расширеніе земли, отданной въ ленное владѣніе „магнатамъ" въ позднѣйшее время, также не подлежитъ сомнѣнію. Но царь оставался крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ (Grundherr). Фактическое положеніе крестьянъ, которые составляли массу населенія,—поскольку это не были „воины" или люди въ какомъ-нибудь другомъ смыслѣ привилегированные—было едва ли лучше положенія феллаховъ въ позднѣйшія времена. Въ глазахъ античныхъ писателей египетскій крестьянинъ—всегда пролетарій, для котораго бюрократическое государство есть совершенно такая же чуждая ему власть, какъ для русскаго русская бюрократія, который арендуетъ землю за ничтожную плату для нищенскаго удовлетворенія своихъ потребностей и гордится ударами кнута, полученными за утайку податей. При рафинированной всеобъемлющей системѣ барщинъ и податей, которую греки принимали за „кастовый строй", отношеніе крестьянина къ государственному механизму и не могло быть инымъ,

независимо отъ того, является ли онъ „арендаторомъ" или „собственникомъ". Вѣдь мы знаемъ, какъ происходилъ въ Египтѣ „сборъ податей": неожиданно появляются чиновники, начинается, при вопляхъ женщинъ, всеобщее бѣгство и погоня; пойманныхъ недоимщиковъ побоями и другими истязаніями вынуждаютъ къ „professio", котораго только и надо чиновникамъ (они вѣдь должны отвѣчать за опредѣленное количество податей соотвѣтственно кадастру). Въ такомъ видѣ предстаетъ „государство" передъ людьми Востока (какъ и передъ русскимъ крестьяниномъ). Вотъ гдѣ корень той глубокой антигосударственности (Antipolitismus) восточныхъ народовъ, въ отношеніи къ которому христіанство апостола Павла является уже сильнымъ приспособленіемъ.

Указываетъ ли двойственность словоупотребленія, принятого въ Птолемеевскую эпоху: „собственная" (ἰδιωτική) и „благопріобрѣтенная" (ἰδιόκτητος) земля на ограниченіе—существовавшихъ въ теченіе всего періода, предшествовавшаго Птолемеямъ—правъ выкупа (Retraktrechte) наслѣдственнаго имѣнія, опредѣлить, конечно, невозможно. Во всякомъ случаѣ уже указы первыхъ Птолемеевъ предполагаютъ существованіе частной продажной земли, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія видѣть въ этомъ нѣчто новое. За существованіе мелкой собственности—которую при существовавшей въ древности дѣлимости царскихъ жалованныхъ земель естественно предполагать—въ эпоху позднѣйшихъ фараоновъ говорятъ инвентари переходившаго по наслѣдству имущества, въ которыхъ такъ часто попадаются „сады".

Прикрѣпленіе земли къ семьѣ и сохраненіе многоженства дѣлали, естественно, очень важнымъ для жены закрѣпить свое собственное положеніе и положеніе своихъ дѣтей контрактомъ, тѣмъ болѣе, что въ области отношеній между полами, по свидѣтельству источниковъ, въ это позднѣйшее время существовала полная свобода договора и свобода развода. Контракты объ общности имущества, контракты о вдовьемъ имуществѣ, установленіе опредѣленныхъ рентъ, въ частности, какъ впослѣдствіи въ Исламѣ, разъ на всегда опредѣленныхъ денегъ на хозяйство для жены встрѣчаются наряду съ особенно часто встрѣчавшимися контрактами о переводѣ всего состоянія мужа на дѣтей жены, въ частности на старшаго сына, вѣроятно соотвѣтствовав-

шемъ по своему значенію англійской entail-system. Существованіе „пробнаго года" въ бракѣ у египтянъ—басня. Ἄγραφος γάμος эпохи Птолемеевъ есть, очевидно, первоначально брачныя отношенія безъ „брачнаго контракта", т. е. когда мужъ не пріобрѣталъ manus надъ женой путемъ уплаты ея цѣны, но—какъ и въ римскомъ „свободномъ бракѣ"—получалъ власть надъ дѣтьми.

Въ общемъ встрѣчаются почти всѣ тѣ же важнѣйшіе договоры, какіе мы встрѣчаемъ и въ вавилонскомъ правѣ, напр., даже продажа себя въ пріемные сыновья.

Рабы встрѣчаются въ числѣ имущества, переходящаго по наслѣдству, наряду со скотомъ, домами, садами; они никогда не были многочисленны даже и въ позднѣйшемъ Египтѣ, кромѣ, какъ у царя, жрецовъ и чиновниковъ. Отчетливой общей картины аграрнаго строя періода позднѣйшихъ фараоновъ, несмотря на всѣ отдѣльные подробности, мы все-таки пока не имѣемъ.

Египетъ провелъ въ жизнь два учрежденія впервые и притомъ въ совершенствѣ, какого они никогда болѣе не достигали: 1) принципъ литургіи, прикрѣпленія владѣнія къ государственной функціи, владѣльца—къ функціи и къ владѣнію и 2) бюрократическое управленіе. Оба эти принципа въ позднѣйшій періодъ античной исторіи побѣдоносно распространились отсюда на весь міръ, а вмѣстѣ съ ними, какъ ихъ неразлучная тѣнь, и „аполитизмъ" покоренныхъ народовъ, корни котораго отнюдь не въ одномъ уничтоженіи національностей. Затѣмъ, повидимому, возможно, что изъ Египта ведутъ свое начало важныя въ смыслѣ техники производства формы античной организаціи труда, а именно: 1) хозяйство при помощи дисциплинированныхъ живущихъ въ казармахъ несвободныхъ рабочихъ (ἐργαστήριον), 2) несвободная работа на дому, (die unfreie Heimarbeit), 3) барскій дворъ, ведущій хозяйство съ помощью колоновъ (der Kolonen-Fronhof), и ихъ различныя комбинаціи, между тѣмъ, какъ, съ другой стороны, формы частнаго предпріятія и эксплоатаціи капитала, повидимому, имѣютъ своей родиной Вавилонъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Израиль.

Въ извѣстной мѣрѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ условіяхъ, въ которыхъ жилъ Израиль до Исхода, мы имѣемъ въ текстѣ тѣхъ „Законовъ", которые восходятъ, несомнѣнно, къ болѣе древнему періоду и въ силу своего предполагаемаго божественнаго происхожденія въ сравнительно большой мѣрѣ гарантируютъ достовѣрность преданія. Мы должны бросить бѣглый взглядъ на иллюстрируемыя ими условія, хотя бы потому, что только здѣсь, повидимому, мы имѣемъ изъ устъ самого народа свидѣтельство о временахъ, предшествовавшихъ городской осѣдлости, государственной власти и власти духовенства. Конечно, предположеніе, будто въ древнѣйшемъ „Законѣ" (Исходъ 19 и дал.) мы имѣемъ дѣло съ какими то „первоначальными" условіями, съ правомъ первобытнаго народа земледѣльцевъ, еще свободнаго отъ всякаго городского и денежнохозяйственнаго отпечатка, совершенно непріемлемо, какъ среди новѣйшихъ изслѣдователей признаетъ это въ особенности А. Мерксъ, хотя онъ и сильно подчеркиваетъ большія различія въ культурномъ отношеніи между временемъ, къ которому относится этотъ „Законъ", и эпохой Второзаконія. Несмотря на большое—какъ и повсюду—значеніе скота, какъ важнѣйшаго источника имущественныхъ различій, одно не подлежитъ сомнѣнію: настоящимъ бродячимъ народомъ, или „племенемъ бедуиновъ", историческіе израильтяне, и даже ихъ господствующіе классы, не были никогда [1]): не только верблюда,

[1]) Въ источникахъ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ признаковъ специфическаго бедуинскаго права. Религіозное значеніе Синая само по себѣ указываетъ только на то, что древнее поклоненіе Іеговѣ, Iahwe, на высотахъ на время было перенесено на эту самую высокую гору.

но и лошадей не существуетъ у нихъ, быкъ, какъ и въ древнѣйшемъ Римѣ, является прежде всего рабочимъ скотомъ. Кожа (какъ и въ Египтѣ) является древнѣйшимъ матерьяломъ для одежды. Хлѣбъ въ качествѣ главнаго предмета питанія, наряду съ нимъ овощи и вино встрѣчаются съ самаго начала, точно также и оливковое масло; ежедневно мясная пища встрѣчается, конечно, только за царскимъ столомъ; остальной народъ бьетъ скотъ только въ праздники (и то подъ видомъ жертвоприношенія); но, напр., о какомъ либо особомъ значеніи сыра (какъ въ древней Элладѣ) мы ничего не знаемъ. Среди скота, владѣніе которымъ здѣсь, какъ и всюду, считается признакомъ богатства и въ рукахъ царя достигаетъ большихъ размѣровъ, играютъ большую роль овцы вслѣдствіе особенности почвы, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе распространяется ношеніе шерстяного платья. Обработка земли (соха, удобреніе, повидимому, мало развито) и изготовленіе хлѣба (ручная мельница, квашня) оставались на довольно первобытной ступени.

Во всякомъ случаѣ, послѣ всего сказаннаго, несмотря на большое вниманіе, какое, сравнительно со Второзаконіемъ, древній законъ оказываетъ владѣнію скотомъ, все-таки едва-ли можно на евреевъ того времени смотрѣть, какъ на народъ, даже только преимущественно занимающійся скотоводствомъ (Книга Бытія 47, 3 подчеркиваетъ ихъ противоположность въ этомъ отношеніи египтянамъ). Но, впрочемъ, евреи до царского періода есть протѣснившійся „съ той стороны", т. е. съ востока отъ Іордана черезъ рѣку на западную его сторону и затѣмъ проникнувшій дальше черезъ горную страну и стремящійся дальше къ морскому берегу, то оттѣсняя другихъ, то, въ свою очередь, оттѣсняемый отъ него другими „горный народъ", который цѣнитъ продукты горныхъ склоновъ—„молоко и медъ". Когда „айсимнетъ" (въ эллинскомъ смыслѣ слова) „Моисей" далъ имъ „законъ", имъ удалось сперва отчасти завоевать болѣе крупные ханаанскіе города въ рѣчныхъ долинахъ. Ихъ главную силу составляютъ горныя долины, занятыя колѣномъ Іосифовымъ, изъ которыхъ они,—какъ этолійцы и самнитяне—врываются въ равнины и постепенно захватываютъ ихъ въ свои руки, попеременно, то попадая при этомъ подъ власть филистимскихъ или другихъ городскихъ царей, то свергая ее, кромѣ того тѣснимые надвигающимися на нихъ съ востока племенами пустыни и

нерѣдко платя имъ дань. Но совершенно независимо отъ вопроса о дѣйствительности ихъ пребыванія въ Египтѣ въ качествѣ барщинныхъ крестьянъ одного изъ „домовъ службъ" фараона (Исходъ 20, I: вполнѣ хорошаго знакомства съ египетскими отношеніями—даже титулъ Іосифа исторически вѣренъ—нельзя отнять у автора этихъ главъ; но при близости разстоянія отъ Египта это само по себѣ еще ничего не доказываетъ) вліяніе существовавшей задолго до ихъ появленія сирійской городской культуры не подлежитъ никакому сомнѣнію. „Законъ" не только предполагаетъ осѣдлый земледѣльческій народъ, но мы не можемъ въ немъ найти и слѣда коллективнаго владѣнія. И земля составляетъ полную собственность владѣльца, хотя предметомъ оборота, по крайней мѣрѣ какъ общее правило, она является лишь въ предѣлахъ семьи. Существованіе кровной мести, которую въ Аѳинахъ согласно предположенію, хотя и не вполнѣ доказанному, но все же не невозможному, уничтожилъ лишь Драконъ, не есть, конечно, доказательство „первобытныхъ" отношеній. Точно также не служитъ тому доказательствомъ и уплата судебныхъ пеней скотомъ, которая въ Греціи и Римѣ еще долго существуетъ въ историческія времена и объясняется не столько абсолютной рѣдкостью, сколько неустойчивымъ состояніемъ тогдашняго запаса благородныхъ металловъ: обязанность платить по первому требованію непремѣнно деньгами, это то, что является для крестьянина опаснымъ и ненавистнымъ, какъ у сумеровъ и въ Вавилонѣ въ царствованіе Гаммураби, такъ и въ Аѳинахъ при Солонѣ и вообще всегда и вездѣ. „Законъ" обнаруживаетъ очень характернымъ образомъ то же стремленіе связать упроченіе добраго стараго патріархальнаго обычая съ интересами задолженныхъ крестьянъ, которое свойственно также и всѣмъ „законодателямъ" Запада, какія бы они не носили имена—Залевкъ, Харондъ, Питтакъ или Солонъ. Десять заповѣдей предписываютъ (кромѣ чисто религіозныхъ обязанностей) почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ чужому браку, устанавливаютъ преступность убійства и кражи, требуютъ обезпеченія справедливаго судопроизводства и честности (bona fides) въ повседневномъ оборотѣ (не устраивать „махинацій", какъ выражается Merx, противъ чужого владѣнія) и, наконецъ,—и это самое оригинальное и самое богатое послѣдствіями—соблюденія субботняго отдыха и предоставленія его рабочимъ, рабамъ, скоту. Объяснять

происхожденіе этого послѣдняго предписанія одними „соціально-политическими“ мотивами, тогда какъ оно свидѣтельствуетъ какъ разъ всего краснорѣчивѣе объ огромномъ значеніи въ то время религіозныхъ соображеній, было бы, конечно, невозможно, хотя заповѣдь, несомнѣнно, послужила на пользу и—но не имъ однимъ—попавшимъ въ рабство за долги людямъ. Но болѣе подробное изложеніе этихъ мыслей въ „Законѣ“, въ короткихъ и сжатыхъ словахъ провозглашенныхъ въ Десяти заповѣдяхъ, показываетъ, что защита простыхъ свободныхъ Gemeinfrein) отъ послѣдствій имущественнаго и соціальнаго неравенства (der Besitz-und Machtdiferenzierung) является во всякомъ случаѣ очень сильно выступающимъ впередъ лейтъ-мотивомъ законодательства. Сюда относятся, прежде всего: 1) ограниченіе долговой кабалы израильтянина опредѣленнымъ срокомъ, 2) защита его отъ насильственнаго обращенія въ рабство, 3) извѣстное обезпеченіе брака свободныхъ съ рабами (т. е. собственно съ попавшими въ рабство за долги, какъ видно изъ текста), 4) также извѣстное обезпеченіе израильтянки, купленной въ жены, отъ приравненія ея къ обыкновеннымъ купленнымъ рабынямъ, 5) охрана рабовъ (попавшихъ въ рабство за долги) отъ тяжелаго, прежде всего угрожающаго жизни тѣлеснаго повреждения со стороны господина, 6) охрана отъ вреда, наносимаго скотомъ; такъ какъ богатство высшаго класса заключалось главнымъ образомъ въ скотѣ, то это соотвѣтствуетъ нашимъ тяжбамъ о вредѣ, наносимомъ дикими звѣрями („Wildschaden“) (обычай мстить скоту, какъ человѣку, является общимъ многимъ древнимъ правдамъ и остается какъ пережитокъ въ древнеримскомъ правѣ въ видѣ обязанности возмѣщенія убытковъ, когда скотъ причинитъ вредъ „contra naturam sui generis“; современный человѣкъ ожидалъ бы какъ разъ обратнаго, и іудейскій законъ по существу „современнѣе“). 7) „Защитой земледѣльца“ („Bauernschutz“) является также ограниченіе права наложенія ареста на имущество должника (свобода отъ ареста платья должника и) 8) впослѣдствіи превратившееся въ „воспрещеніе процентовъ“ предписаніе не примѣнять со всей строгостью въ дѣловыхъ сношеніяхъ долговое право къ своимъ единоплеменникамъ. 9) Регулированіе права убійства и кровной мести и основъ уголовнаго права, т. е. права возмездія вообще—причемъ, повидимому, однако, еще не предполагается постоянное

урегулированное существованіе предназначенной для производства суда инстанціи—здѣсь, какъ и во всѣхъ античныхъ „законодательствахъ“, имѣетъ смыслъ защиты простыхъ свободныхъ отъ все возрастающаго всемогущества богатыхъ родовъ засѣдавшей въ совѣтѣ знати, вызваннаго ростомъ несшаго съ собой соціальную диференціацію мѣнового хозяйства.

Постановленія, которыя запрещаютъ гнуть законъ какъ въ сторону богатыхъ, такъ (явно) и въ сторону бѣдныхъ, соотвѣтствовали такому положенію вещей, при которомъ законодатель, какъ и большинство „законодателей“ древности, желаетъ устранить антагонизмъ классовъ своимъ посредническимъ вмѣшательствомъ. Но настойчивое требованіе не притѣснять метэковъ указываетъ уже совершенно ясно на вліяніе торговыхъ сношеній, шедшихъ по близости, а отчасти и черезъ страну, населенную израильтянами. Само собою разумѣется, и деньги изъ благороднаго металла очень хорошо извѣстны закону, какъ явствуетъ изъ него самого. Что онѣ играютъ незначительную роль въ постановленіяхъ закона, объясняется прежде всего техникой оборота и вытекающимъ отсюда юридическимъ трактованіемъ денегъ вообще на древнемъ Востокѣ; съ другой стороны, быть можетъ, какъ разъ въ желаніи сохранить среди крестьянства натуральнохозяйственную традицію и заключается „соціальнополитическая“ сторона законодательства. Входило ли требованіе оставлять поля на седьмой годъ необработанными въ какой бы то ни было формѣ въ составъ какого бы то ни было имѣющаго серьезныя цѣли закона, является по существу, конечно, проблематичнымъ. Этотъ „субботній годъ“ и въ самомъ древнемъ пониманіи (Исходъ. 23, 10, 11) представлялъ собою предписаніе въ интересахъ „бѣдныхъ“, т. е. въ данномъ случаѣ безземельныхъ, которые въ этотъ годъ должны были пользоваться сборами съ полей. Но всякая попытка выдѣлить въ этомъ предписаніи въ его нынѣшней формулировкѣ тѣ черты, которыя сообщаютъ ему утопическій характеръ, и объяснить его раціонально съ точки зрѣнія сельскохозяйственной техники или съ соціально-политической точки зрѣнія (напр., какъ первоначально направленное противъ владѣльца взятой въ видѣ заклада земли въ интересахъ должника, сидящаго въ качествѣ колона на заложенномъ участкѣ, какъ это часто бывало въ Вавилонѣ, да, очевидно, и въ Аѳинахъ, или вообще, какъ прощеніе арендной

платы и т. п.) представляется тщетной, такъ какъ всякаго рода подобнымъ объясненіямъ является препятствіемъ религіозный мотивъ запрета „обѣмененія“. Если это не есть искусственная вставка позднѣйшаго теологическаго крючкотворства, то мы просто не можемъ дать этому постановленію никакого культурно-историческаго объясненія, между тѣмъ, какъ, наоборотъ, такъ называемый „юбилейный годъ“, относящійся къ несравненно болѣе поздно редактированной части Пятикнижія, гораздо скорѣе могъ бы быть истолкованъ экономически прежде всего какъ установленіе опредѣленнаго срока для владѣнія въ порядкѣ антихрезиса взятой въ закладъ землею (которое вездѣ представляетъ собою одну изъ древнихъ формъ фактическаго—по необходимости—отчужденія земли) путемъ опредѣленія максимальнаго времени, послѣ котораго долгъ считается погашеннымъ изъ доходовъ съ земли, но, какъ извѣстно, остался „сѣдой теоріей“.

Если оставить въ сторонѣ этотъ въ научномъ смыслѣ „неудобоваримый“ пунктъ, то остальныя постановленія носятъ, очевидно, по существу тотъ же характеръ, что и многія законодательства, изданныя на Западѣ съ цѣлью смягчить сословную борьбу. Разсматривая эти постановленія внѣ всякой связи съ историческими условіями, можно было бы подумать, что они, какъ и эти послѣднія, были изданы городскими „родами“ („Geschlechter“) съ цѣлью смягчить послѣдствія закабаленія крестьянъ за долги, а при извѣстной дозѣ воображенія можно было бы себѣ представить ханаанскую городскую аристократію (которая, напр., въ Сихемѣ такъ долго продолжала свое существованіе) въ видѣ патриціата, а израильтянъ въ видѣ возставшаго организованнаго капеланами плебса, который въ „законѣ“ добился своей magna charta. Между тѣмъ объ этомъ нельзя серьезно говорить. Скорѣе же можно допустить, что, „законъ“—кромѣ своей чисто религіозной цѣли—долженъ былъ воспрепятствовать такому же порабощенію крестьянъ родами, какое уже произошло на ихъ глазахъ въ прибрежныхъ городахъ, и спасти старую свободу простыхъ свободныхъ. Такое пониманіе было бы во всякомъ случаѣ менѣе фантастично, чѣмъ нѣкоторыя другія выдвинутыя за послѣднѣе время гипотезы, хотя и оно, конечно, не безспорно. Что въ сраженіяхъ такъ наз. эпохи судей израильтяне сражались пѣшіе, ихъ противники на коняхъ, а городскіе цари этихъ послѣднихъ—на колесницахъ, яв-

ствуетъ изъ данныхъ древнѣйшаго литературнаго памятника: изъ пѣсни Деборы (Книга Судей, 5.). Оттуда же видно, что они считали свою побѣду торжествомъ простыхъ свободныхъ надъ „магнатами“ (которые отъ ихъ покоренія ждали себѣ дани хлѣбомъ и „цвѣтныхъ шитыхъ платьевъ“), какъ, напримѣръ, швейцарцы свою борьбу противъ рыцарства. Но до какихъ поръ эта свобода простыхъ людей (Gemeinfreiheit) могла называться „крестьянской“, представляется, судя по источникамъ, весьма спорнымъ. Пѣсня Деборы знаетъ и на сторонѣ израильтянъ одинъ городъ (не выступавшій на бой съ Сизерой и потому подвергаемый въ пѣснѣ проклятію) и его „горожанъ“. Конечно, какимъ образомъ былъ устроенъ этотъ и другіе израильскіе „города“ того времени, не ясно. Въ преданіи объ эпохѣ Судей встрѣчаются роды, владѣющіе многочисленными (30) „селеніями“, затѣмъ живущая въ городѣ ханаанская, но породнившаяся съ израильтянами аристократія (въ Сихемѣ), и вся эпоха Судей вообще есть сплошная цѣпь смѣняющихъ другъ друга узурпацій нѣкоторыхъ сильныхъ своей численностью и богатствомъ, въ томъ числѣ и рабами аристократическихъ родовъ, которые снаряжали своихъ колоновъ и во главѣ ихъ вели непрерывныя войны съ городами филистимлянъ и съ племенами пустыни,—положеніе вещей, которое, если судить по аналогіи съ явленіями изъ исторіи другихъ народовъ обыкновенно предшествуетъ „синойкизму“, но, однако, уже указываетъ на большіе успѣхи соціальной диференціаціи.

Освободительная борьба съ филистимлянами создала затѣмъ царскую власть. Ополченіе, набранное Сауломъ, есть прежде всего національное ополченіе. Но власть избираемаго народомъ царя скоро утратила свой первоначальный характеръ. Еще въ легендѣ объ единоборствѣ Давида, едва ли безъ тенденціи, прославлялось геройство необученныхъ военному дѣлу крестьянъ, съ которыми пребываетъ Іегова (Iahwe), сравнительно съ филистимлянами, герои которыхъ были „воины отъ юныхъ лѣтъ“ (Голіаѳъ, I Сам. 17,37). Дальнѣйшія данныя показываютъ, что образованіе прочныхъ кадровъ съ царскими офицерами и цѣлымъ колѣномъ (Stamm) обученныхъ и получающихъ постоянное содержаніе царскихъ „слугъ“ было неизбѣжно. Схематическое раздѣленіе на двѣнадцать колѣнъ служило цѣли обложенія натуральными повинностями въ пользу царя и войска въ соотвѣтствіи со смѣной

мѣсяцевъ; если оно даже и могло совпадать съ древними областными союзами (Gauverbände), то оно само было все таки искусственнымъ дѣленіемъ на ф и л ы, имѣвшее тотъ же смыслъ, что и дѣленіе на филы въ эллинскихъ государствахъ воиновъ (Kriegerstaaten).

Уже при Давидѣ и еще болѣе при Соломонѣ израильское царство начало пріобрѣтать черты восточнаго опирающагося на натуральныя повинности государства (Fronstaat): укрѣпленная столица, образованіе царской „сокровищницы“, появленіе иноплеменныхъ тѣлохранителей наряду съ народнымъ ополченіемъ, постройки, для которыхъ мастера вывозятся изъ-за границы, а матеріалъ доставляется населеніемъ, вызываемымъ на барщину. Господство городовъ и бой на колесницахъ проникаютъ теперь и къ израильтянамъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ равно библейскія и ассирійскія данныя (объ Ахавѣ). Тѣмъ не менѣе національное войско не теряетъ своего значенія: извѣстія, относящіяся къ царскому періоду, показываютъ, что состоитъ оно изъ людей, вооруженныхъ на собственный счетъ и имѣющихъ для этого достаточный земельный участокъ. Данныя о подати, наложенной Менагемомъ на „богатыхъ“ (adsidui въ римскомъ смыслѣ), указываютъ значительную цифру (60000?) хозяйствъ, способныхъ и обязанныхъ поставлять вооруженныхъ воиновъ. По даннымъ ассирійскихъ источниковъ Ахавъ выставилъ на поле сраженія 2000 колесницъ и 10000 человѣкъ.

Дѣйствительно ли произошло надѣленіе царскихъ воиновъ на ленныхъ правахъ землей на счетъ израильтянъ, чѣмъ грозилъ израильтянамъ Самуилъ (I. Сам., 8), хотя бы однихъ воиновъ, сражавшихся на к о л е с н и ц а х ъ, или же это только картина, взятая съ цѣлями устрашенія п р о т и в ъ царской власти изъ отношеній, существовавшихъ въ Египтѣ и въ городахъ-государствахъ — послѣднее кажется болѣе правдоподобнымъ, — рѣшить этого невозможно. Во всякомъ случаѣ послѣдующая исторія показываетъ, что военная организація имѣла и тутъ своимъ послѣдствіемъ господство „родовъ“ („Geschlechter“), способныхъ по своему экономическому положенію и вооружаться на свой счетъ, и заниматься военными упражненіями, о которомъ говорятъ появившаяся теперь забота о чистотѣ крови и происхожденіи, возникающій интересъ къ героической исторіи, легенды о патріархахъ и прежде всего (см. ниже) Второзаконіе

со своими многочисленными постановленіями. Кто не принадлежитъ къ родамъ, способнымъ носить оружіе и внесенныхъ въ кадастръ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ всѣ безземельные, юридически разсматривается какъ метэкъ. Тотъ фактъ, что въ „Израильскомъ царствѣ“ войско не разъ распоряжалось царской короной, соотвѣтствуетъ такому положенію вещей.

Оно же было причиной „распаденія“ древняго единаго государства: возникающая концентрація царской власти и культа въ „полисѣ“ Іерусалимѣ создавала хорошо извѣстный на всемъ Востокѣ, возникающій почти всегда вмѣстѣ съ образованіемъ государства, антагонизмъ между старыми военными родами и жреческими родами новаго центральнаго города: первые являются естественно заинтересованными въ сохраненіи древнихъ мѣстныхъ культовъ, отправлявшихся на ихъ родныхъ высотахъ, и въ то же время въ подчиненіи царской власти войску. Послѣдніе даютъ царской власти „законность“ („Legitimität“) и тѣмъ самымъ, между прочимъ, и право на произвольное распоряженіе рабочими силами „подданныхъ“, чтобы въ свою очередь подчинить себѣ царскую власть, и стремятся къ искорененію мѣстныхъ культовъ. Этотъ антагонизмъ привелъ къ взрыву сейчасъ же послѣ Соломона, который — de facto такой же египетскій вассалъ, какъ и его сынъ — очевидно, прежде всего безпощадно, на египетскій ладъ, эксплоатировалъ барщину своихъ подданныхъ. Послѣ „отпаденія“ древнихъ коренныхъ израильскихъ колѣнъ (которыя противодѣйствовали образованію барщиннаго государства (Fronstaat), государство, сдѣлавшееся отнынѣ „іудейскимъ“, концентрировалось окончательно какъ настоящій городъ-царство въ Іерусалимѣ, завися временами отъ Египта, позднѣе платя дань Ассиріи, явно пріобрѣтая все болѣе и болѣе характеръ бюрократическаго города-государства.

Упадокъ международнаго значенія царской власти и возрастающее подъ страхомъ варварскихъ хищническихъ войнъ месопотамскихъ государствъ вліяніе религіозныхъ настроеній дали возможность городскому духовенству въ Іерусалимѣ достигнуть при царѣ Іосіи въ 622 г. господства въ государствѣ и октроировать „Законъ Моисеевъ“, т.-е. Второзаконіе. Царь дѣлается въ „Іудѣ“ „законнымъ“ властелиномъ, т.-е. онъ долженъ признаваться потомкомъ Давидовымъ. Но зато ему воспрещается имѣть свою „сокровищницу“ и конную свиту, дружину, и при-

знаніе законности его положенія стоитъ въ зависимости отъ отвѣта оракула (Loosorakel), къ которому обращается для этого іерусалимское священство. Монополія іерусалимскаго храма въ качествѣ средоточія культа окончательно установляется, жрецы мѣстныхъ культовъ „увольняются на покой" и постепенно сводятся на положеніе служителей при городскихъ священническихъ родахъ.

Одновременно съ этой громадной перемѣной въ положеніи политической власти перестроились по новому и политическія и соціальныя отношенія въ странѣ. Этотъ новый порядокъ показываетъ, что сравнительно съ временемъ древняго закона совершилась глубокая перемѣна. Онъ предполагаетъ широкое денежное хозяйство, такъ какъ—за дальностью разстоянія отъ Іерусалима и его храма—десятина должна была доставляться храму деньгами, а деклассированіе жрецовъ мѣстныхъ культовъ въ интересахъ центральнаго храма привело къ созданію свѣтскихъ судей на мѣстахъ; такимъ образомъ, интересы іерусалимскаго храмового священства шли навстрѣчу интересамъ крестьянъ и тѣмъ самымъ и интересамъ мѣстныхъ сельскихъ родовъ (Geschlechter),—для Востока весьма типическая и часто встрѣчающаяся ситуація. Это дало толчокъ—какъ, вѣроятно и повсюду на Востокѣ—къ возникновенію первыхъ зачатковъ судебной бюрократіи: бюрократизація и теократизація идутъ рука объ руку здѣсь, очевидно, какъ и въ упомянутыхъ въ свое время правительственныхъ распорядкахъ сумерскихъ царей. Устройство въ духѣ политики „покровительства бѣднымъ" мѣстныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ которые должна была складываться черезъ каждые два года на третій вся десятина, соотвѣтствуетъ также теократически-бюрократическому характеру восточнаго города-царства. Но, съ другой стороны, повсюду прорывается ненависть, нерасположеніе къ „египетскому дому службъ", т.-е. къ царской власти, которая, какъ это было при Соломонѣ, по примѣру фараоновъ, находитъ для себя опору въ собственной торговлѣ, въ постройкѣ бурговъ и магазиновъ („хлѣбные дома, города колесницъ и города всадниковъ" I Кн. царствъ, 9,19) съ помощью барщины и податей, налагаемыхъ на подданныхъ. (Кто сомнѣвается въ достовѣрности традиціи о пребываніи Израиля въ Египтѣ, тотъ можетъ допустить, что— уже въ древнемъ законѣ—„Египетъ" имѣлъ значеніе типа,

которымъ пользовался популярный протестъ противъ гнета восточной царской власти, опирающейся на литургіи (Leiturgiekönigtum) вообще, какой, напримѣръ, вложенъ совершенно въ такой же связи мыслей въ уста Самуилу—I. Самуилъ, гл. 8 и 12,—и избавителями народа отъ этого гнета священники считаютъ себя, какъ прежде онъ былъ спасенъ отъ него айсимнетомъ Моисеемъ; здѣсь, конечно, это построеніе не будетъ защищаться.

Второзаконіе, какъ уже и древній законъ и какъ вообще всѣ теократическія законодательства, старается увеличить гарантіи противъ злоупотребленій силою со стороны имущихъ: ограниченія, внесенныя древнимъ закономъ (Второзакон. 24,10) въ залоговое право, замѣняются абсолютнымъ запрещеніемъ переступать порогъ дома должника для наложенія ареста на его имущество, воспрещается брать въ залогъ домашнія мельницы, отмѣняется бывшая прежде въ обычаѣ отвѣтственность сыновей за отца и наоборотъ въ уголовныхъ дѣлахъ, похищеніе людей (теперь также и женщинъ и дѣтей) грозитъ смертью, уплата вознагражденія за наемный трудъ должна производиться въ тотъ же день, требованіе уплаты долговъ въ субботній годъ пріостанавливается (такъ совершенно правильно толкуетъ Мерксъ соотвѣтствующее мѣсто Второзак. 15,3), освобожденіе всѣхъ продавшихъ себя въ рабство на седьмой годъ дѣлается обязательнымъ, наконецъ, и это всего важнѣе, брать проценты разрѣшается только въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ иноплеменниками; на практикѣ это могло во всякомъ случаѣ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что нѣкоторое время правомъ давать деньги взаймы подъ проценты пользовались только одни метэки и, можетъ быть, по примѣру Вавилона, храмъ (это представляется вѣроятнымъ потому, что Второзаконіе 15,6 указываетъ, какъ на желательное послѣдствіе этого, на то, что іудей будетъ давать взаймы чужимъ, а у нихъ занимать не будетъ).

Относящіяся къ семейственному праву постановленія Второзаконія указываютъ на перемѣны, происшедшія въ семейныхъ отношеніяхъ, а также во взглядахъ на эти отношенія. Долгъ повиновенія родителямъ, лежащій на дѣтяхъ, подчеркнутъ со всей силой; только самовольное убійство дѣтей отцомъ воспрещается.

Но былая патріархальность сильно пострадала: во времена древняго закона жена, пріобрѣтенная покупкой (mohar)—въ про-

тивоположность не купленной и потому (какъ и во всѣхъ древнихъ правдахъ) остававшейся въ своемъ родѣ — принадлежала просто-на просто къ пріобрѣтенному покупкой движимому имуществу мужа, а дочь—къ предметамъ, которыми могъ торговать ея отецъ. Только законная жена (die Ehefrau) была какъ израильтянка обезпечена отъ того, чтобы въ ней видѣли предметъ оборота наравнѣ съ купленной рабыней, а ея сынъ отъ прдажи въ рабство на долгій срокъ. Но зато, съ другой стороны, незаконныя дѣти и даже дѣти публичныхъ женщинъ („Hurenkinder"), если отецъ ихъ призналъ, получали долю въ наслѣдствѣ, и отецъ могъ раздѣлить свое имущество между дѣтьми по своему произволу. Теперь это все очень измѣнилось. Правда, надѣленіе невѣсты приданымъ, какъ правило (какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вавилонское названіе для dos), относится ко времени послѣ Исхода, какъ и выработка твердыхъ принциповъ для брака вдовы (Ketuba—письменное обязательство со стороны мужа). Исключеніе дочерей изъ наслѣдства и ограниченіе ихъ правъ однимъ приданымъ продолжалось тоже еще долгое время—здѣсь, какъ и повсюду, до тѣхъ поръ, пока существовала общая воинская повинность (die Wehrhaftigkeit des Volks). Но все же патріархальный произволъ отца исчезъ: онъ долженъ оставить первородному сыну его (двойную) часть наслѣдства. Онъ не можетъ сдѣлать наслѣдникомъ „Mamser'a" (побочнаго сына или сына отъ недозволеннаго смѣшаннаго брака). Первоначально существовавшее на всемъ Востокѣ наслѣдованіе сыномъ отцовскаго гарема воспрещено; разводъ—происходившій фактически до этого, какъ и послѣ, по произволу мужа—былъ поставленъ въ извѣстныя формальныя рамки. Улучшеніе положенія жены, начало которому кладутъ эти (и нѣкоторыя другія) постановленія, было достигнуто здѣсь, какъ и повсюду, несомнѣнно, благодаря силѣ женинаго рода, который не желаетъ больше видѣть въ дочери простой объектъ купли и продажи, но хочетъ обезпечить ее на случай вдовства, а ея дѣтей, какъ наслѣдниковъ, отъ произвола мужа. Оно стоитъ въ связи съ воззрѣніями городскихъ родовъ (der stadtsässigen „Geschlechter") (ср. ограниченіе наказуемости супружеской невѣрности городской территоріей. Второзак. 22,23), съ ихъ все увеличивающейся заботой о чистотѣ крови, объ обезпеченіи положенія дѣтей, а также съ военными интересами. Многоженство продолжало, конечно, существовать—хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ,—и присущая всѣмъ древнѣйшимъ правдамъ точка зрѣнія, не признающая физической кровной связи какъ таковой, остается въ силѣ, какъ видно изъ разсказовъ о патріархахъ, по которымъ дѣти отъ данной въ приданое рабыни причислялись къ дѣтямъ ея госпожи. Но—какъ показываетъ легенда объ Измаилѣ—мнѣніе руководящихъ круговъ требуетъ исключенія „сына служанки" изъ наслѣдства въ Израилѣ. Интересамъ продолженія рода, занесеннаго въ войсковой кадастръ, по экономическому своему положенію способнаго носить оружіе, служитъ здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, право дочери на наслѣдство, а также левиратный бракъ, т.-е. право и обязанность ближайшаго члена рода „разбудить" умершему бездѣтнымъ „сѣмя" черезъ посредство его вдовы.

Владѣніе землей, конечно, связано принадлежащими магнатамъ правами обратной покупки (Retraktrechte) (позже преимущественными правами покупки); помимо этого, землю въ историческую эпоху можно было и продавать, и отдавать въ залогъ; тотъ фактъ, что отчуждать наслѣдственное имущество считалось позорнымъ или грѣшнымъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общей схемой развитія и съ военнымъ характеромъ народа (ср. исторію Ахава и Набота: I Кн. Цар. 21). Обязанность агната выкупать владѣнія, принадлежащія роду, возникла, очевидно, уже послѣ Исхода. Болѣе сильное развитіе городской жизни въ періодъ царей способствовало во всякомъ случаѣ извѣстному развитію ремесла: въ Исх. 31, I и сл. говорится о порученіи спеціально для этого приглашенной семьѣ художниковъ, повидимому переходившаго отъ отца къ сыну, исполненія болѣе тонкихъ художественныхъ работъ въ храмѣ, а для постройки храма Соломона царь призываетъ финикійскихъ ремесленниковъ; при разрушеніи Іерусалима нужные въ военномъ дѣлѣ кузнецы и плотники причисляются, наоборотъ, къ „военнымъ людямъ", т. е. обязаннымъ исполнять литургію (какъ „fabri" въ Римѣ), и уводятся въ плѣнъ. Вообще же ремесленники (булочники въ городахъ, валяльщики, гончары), очевидно, очень немногочисленны. Лишь послѣ Исхода ремесло достигаетъ большаго развитія. Вѣроятно, довольно сильно развито было крупное землевладѣніе благодаря тому, что и здѣсь задолженность крестьянъ у жившихъ въ городахъ

родовъ (Geschlechter) составляла неизбѣжно повторяющееся въ теченіе періода царей явленіе, противъ котораго, какъ извѣстно (Ис. 5, 8; Михей 2, I и слѣд.), ратуютъ пророки. Основное положеніе талмудическаго права, что земля и хананскіе рабы въ первую голову берутся въ обезпеченіе хартальнаго долга (напротивъ, позднѣе коммерческіе долги іудеевъ ложились, какъ извѣстно, только на движимое имущество), есть пережитокъ еще отъ тѣхъ временъ, когда (какъ въ древней Элладѣ) господствовалъ закладъ съ правомъ выкупа отданной въ закладъ вещи въ качествѣ формы долгового обязательства: съ тѣхъ поръ, какъ взятіе въ рабство за долги потеряло свою цѣну для кредитора благодаря учрежденію субботняго года, каждый седьмой годъ освобождавшаго всѣхъ продавшихъ себя въ рабство за долги, взысканіе первоначально; вѣроятно, ex contractu, было направляемо въ первую голову на землю, и отсюда могла развиться талмудическая легальная ипотека. (см. ниже.)

Какъ велось хозяйство въ крупныхъ земельныхъ владѣніяхъ, невозможно установить съ точностью. Можетъ быть, „хананейскій рабъ“ Талмуда былъ илотомъ или кліентомъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ. Древнее преданіе, такъ же, какъ и законодательства, знаетъ, наряду съ рабами, также и наемныхъ рабочихъ. Типическая историческая послѣдовательность ступеней въ развитіи несвободныхъ рабочихъ силъ, а именно: 1) продаваемыя или отдаваемыя внаймы дѣти, 2) попавшіе въ рабство за долги, 3) военноплѣнные и пріобрѣтаемые покупкой рабы, 4) мелкіе арендаторы (но ступень мелкой аренды впервые была достигнута въ эллинистическую эпоху), и здѣсь будетъ имѣть тенденцію осуществляться. Но собственная потребность въ рабахъ, а потому и число ихъ никогда не могло быть очень велико: мы слышимъ, что финикіяне слѣдовали за войсками, чтобы покупать плѣнниковъ, конечно, для продажи за границу. И рабство не только юридически, но и практически всегда оставалось мягкимъ восточнымъ наслѣдственнымъ рабствомъ. Большая вѣрность дѣтей рабовъ сравнительно съ купленными рабами считалась фактомъ, доказаннымъ на опытѣ; рабы имѣютъ часто, повидимому, даже, какъ общее правило, семью; законодательства предусматриваютъ случай, что рабы рѣшительно откажутся отъ предложеннаго имъ въ субботній

годъ отпуска на волю, что, между прочимъ, устанавливаетъ вѣроятность небольшого спроса на свободныхъ поденщиковъ и свидѣтельствуетъ о мало благопріятномъ положеніи этихъ послѣднихъ. Для „аграрной исторіи“ эпохи, предшествующей Исходу, нѣтъ матеріала, такъ какъ имущественныя отношенія и система производства этой эпохи намъ совершенно неизвѣстны. Пророки, заинтересованные прежде всего вопросами религіи, а потомъ внѣшней политикой, какъ ареной дѣятельности ихъ универсальнаго Бога, и иной разъ, но лишь съ этихъ же точекъ зрѣнія, также и „соціальной политикой“, даютъ типическую картину развитія античнаго полиса подъ вліяніемъ денежнаго хозяйства, въ борьбѣ съ дифференцирующими общество вліяніями котораго законодательныя постановленія (о субботнемъ годѣ, о воспрещеніи процентовъ и т. д.) достаточно доказали свое безсиліе. „Преобразовательные планы“ Іезекіиля— чистѣйшая утопія (Jdealbild) временъ изгнанія. Послѣ увода носителей вооруженной силы, т. е. живущихъ въ городахъ родовъ, остались одни крестьяне и виноградари, и такъ назыв. „возстановленіе“ при Ездрѣ и Нееміи на дѣлѣ было новымъ конституированіемъ теократическаго города-государства на основѣ синойкизма (см. ниже въ главѣ объ эллинизмѣ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЭЛЛАДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Доклассическая эпоха.

Земледѣліе эллиновъ, поскольку оно не принимало характера спеціальныхъ культуръ, состояло въ воздѣлываніи полбы, ячменя, пшеницы по травопольной системѣ (Feldgraswirtschaft) (отсюда четные сроки аренды) различной степени интенсивности. Трехпольная система, повидимому, встрѣчалась иногда. Плодопеременной системы не существовало. Только бобовыя растенія сѣютъ иногда на землѣ, лежащей подъ паромъ. Удобреніе почвы путемъ унаваживанія извѣстно Гомеру (растительное удобреніе относится уже къ позднѣйшему времени), но въ другихъ отношеніяхъ техника земледѣлія остановилась на довольно первобытной стадіи и дальше не двигалась. Соха (долгое время цѣликомъ деревянная), волы въ упряжкѣ, вбрасываніе руками сѣмянъ въ борозды, взрыхленіе мотыкой и вспалываніе хлѣбнаго поля, серпъ и во всякомъ случаѣ доска для молотьбы (die Dreschtafel) въ качествѣ орудій уборки хлѣба, все это требовало большой интенсивности труда и, такъ какъ запасъ дѣвственной почвы истощился, дѣлало для х л ѣ б о п а ш е с т в а, даже при высокихъ цѣнахъ болѣе поздняго времени, труднымъ перенести центръ тяжести съ натурально-хозяйственнаго производства на производство для рынка. Скотоводство начинаетъ болѣе замѣтно сокращаться благодаря развитію земледѣлія, повидимому, впервые въ эпоху покровительствовавшей крестьянамъ (см. ниже) тираніи. Въ эпоху гомеровскаго эпоса главную пищу составляетъ сыръ, молоко и—замѣтьте: у з н а т н ы х ъ—мясо; шерсть и шкуры служатъ народной массѣ матеріаломъ для одежды; главное богатство царей и знатныхъ—кромѣ благороднаго металла и сдѣланной изъ него и изъ бронзы утвари—составля-

ютъ стада: козы, овцы, свиньи, коровы и быки (въ качествѣ рабочаго скота, такъ какъ молоко и сыръ получали главнымъ образомъ отъ овецъ и козъ), между тѣмъ какъ лошадей держатъ въ большомъ количествѣ лишь для военныхъ цѣлей, да еще для передвиженія и спорта въ большихъ равнинахъ—въ Эвбеѣ и въ Ѳессаліи; пастухи являются самыми почетными слугами царя. Нерѣдко и здѣсь уже въ раннюю пору большую роль играетъ орошеніе. Но оно не вызываетъ необходимости въ бюрократіи, и вообще, конечно, совсѣмъ нельзя сравнивать вѣчныя препирательства, происходившія, напримѣръ, между Тегей и Мантинеей изъ за закупориванія другъ другу катавотръ, съ катастрофами, которыя вызывались какими-нибудь непорядками на Нилѣ или на Евфратѣ.

Обычной формой домашняго общежитія (Hausgemeinschaft) въ классическую эпоху является повсюду патріархальная малая семья (Kleinfamilie) съ такимъ же по существу, какъ у семитовъ, положеніемъ жены и дѣтей (покупка жены, приданое, право отсылки жены домой, принадлежавшее отцу право первоначально неограниченнаго, затѣмъ ограниченнаго правами законныхъ дѣтей и пробудившимся у знатныхъ „родовъ (Geschlechter")—см. ниже—сознаніемъ кровной связи распоряженія дѣтьми въ формѣ выбрасыванія дѣтей, убійства ихъ и продажи и отдачи внаймы съ цѣлью полученія барыша; ко времени возникновенія права Гортины все уже приняло значительно болѣе современный видъ). Знать и царь—первоначально между ними почти не было никакой разницы (см. ниже)—живутъ, наоборотъ, какъ и вездѣ, большими семейными общинами (in grossen Hausgemeinschaften) на основѣ агнатическаго рода (γένος) въ интересахъ сохраненія въ нераздѣльномъ видѣ наслѣдственнаго имущества. Поэтому гомеровскій эпосъ знаетъ раздѣлъ наслѣдства наряду съ наслѣдованіемъ семейной общины (ὁμοσίπυοι Харонда, ὁμογάλακτες аттическаго юридическаго языка; изображеніе дома Пріама общеизвѣстно).

Юридическая структура большой патриціанской семейной общины впослѣдствіи, при переходѣ къ городскому строю, подвергается въ своемъ историческомъ развитіи измѣненіямъ, подобнымъ тѣмъ, какія мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ большихъ семейныхъ общинахъ итальянскихъ средневѣковыхъ городовъ: первоначальный полный семейный коммунизмъ съ про-

никновеніемъ денежнаго хозяйства уступаетъ мѣсто новому взгляду на такую общину, какъ на пріобрѣтательскую ассоціацію; постепенно входитъ въ обычай (напр., въ правѣ Гортины) выдѣленіе въ особую категорію изъ отдѣльнаго имущества члена общины дареній и случайно доставшихся имуществъ, собственности женщинъ на принесенную въ домъ мужа движимость, какъ на Востокѣ (въ противоположность Риму). Какъ и въ итальянско-сицилійскомъ средневѣковомъ правѣ, нерѣдко возникаетъ вопросъ, не можетъ ли сынъ требовать своей доли еще при жизни отца (право Гортины опредѣленнымъ образомъ отрицаетъ только примѣненіе къ отцу принужденія въ дѣлѣ выдѣла). Имущество все болѣе и болѣе является продуктомъ пріобрѣтательской дѣятельности членовъ семьи, и тѣмъ самымъ разлагаются основы стараго домашняго патріархальнаго быта.

Охранителями (Garanten) личной безопасности каждаго отдѣльнаго лица въ силу обязанности кровной мести, а вслѣдствіе этого и запасными наслѣдниками на случай вымиранія домовой общины, являются въ позднѣйшемъ правѣ „ἀγχιστεῖς", различный по широтѣ кругъ ближайшихъ родственниковъ (большею частью до сестриныхъ дѣтей включительно), который находимъ уже у Гомера. Это идетъ, вѣроятно, изъ глубокой древности и находитъ себѣ во всякомъ случаѣ аналогіи въ практикѣ кровной мести у другихъ народовъ, которая опять таки далеко не всегда соотвѣтствовала ихъ „теоріи". Отсутствіе такого многочисленнаго и экономически сильнаго „рода" („Sippe") заставляетъ всѣхъ безземельныхъ по необходимости отдаваться въ кліентелу знатнымъ. Имѣть долю въ землѣ и принадлежать къ категоріи простыхъ свободныхъ первоначально одно и то же; ограниченный запасъ земли и ростъ имущественнаго неравенства создаютъ впервые кліентелу знатныхъ.

Что „фратріи"—впослѣдствіи мѣстныя подраздѣленія филъ съ опредѣленными административными и религіозными функціями—первоначально также отправляли функцію охраны права (въ смыслѣ кровной мести), повидимому (судя по остаткамъ ея въ историческую эпоху), не подлежатъ сомнѣнію. Но дѣйствительно ли онѣ представляютъ собою „древнѣйшую",—т. е. повсемѣстно господствовавшую еще въ чисто крестьянскій періодъ эллинской исторіи—форму соціальнаго единенія, хотя въ пользу этого приводились болѣе или менѣе правдоподобные доводы, остается все-таки недоказаннымъ.

Аналогіи съ областями, не имѣвшими городского строя въ историческое время, можно проводить лишь съ осторожностью (вспомнимъ только, какія коренныя различія существовали среди „древнѣйшихъ" для насъ германцевъ между воинственными племенами—напр.,

свевами Аріовиста—и другими). Во всякомъ случаѣ „фратріи“, несомнѣнно, очень древняго происхожденія. Только не слѣдуетъ думать, будто упоминаемые въ историческое время пиры, которые онѣ устраивали иногда для всѣхъ своихъ членовъ, были „остатками“ первоначально полной хозяйственной общности (Wirtschaftsgemeinschaft) кочующей орды. Напротивъ, они могутъ, (какъ пиры германскихъ „защитныхъ гильдій“) (Schutzgilden) служить какъ разъ признакомъ искусственнаго образованія союза; общность питанія („домашняя община“ въ экономическомъ смыслѣ), а не „кровь“, является древнѣйшимъ источникомъ взаимныхъ обязанностей (что можно, напримѣръ, совершенно явственно видѣть и у арабовъ); поэтому она и должна была соблюдаться, по крайней мѣрѣ символически, какъ разъ въ (первоначально) самопроизвольно возникавшихъ союзахъ. Фратріи относятся къ той стадіи развитія, когда землевладѣльцы организовались въ военную общину, и земля ея считалась „пріобрѣтенной копьемъ“; этому соотвѣтствуетъ и ея позднѣйшая функція: блюсти за военной подготовкой дѣтей („Wehrhaftmachung“, говоря по-германски) и тѣмъ самымъ и за ихъ годностью становиться наслѣдниками. О тѣхъ перемѣнахъ, какія происходили въ соціальномъ строѣ фратрій, въ частности о томъ, въ какое отношеніе онѣ становились къ благороднымъ родамъ (Sippen) и, что было бы еще гораздо важнѣе, къ древней „κώμη“, ничего не даетъ ни аттическій законъ, который предписалъ имъ принимать въ свой составъ и благородные и неблагородные союзы, ни акты Демотіонидовъ (4 столѣт.), ни, наконецъ, списокъ фратрій (4 столѣт.), изданный Кастріотисомъ и истолкованный Körte, потому что въ то время фратріи уже давно представляли собою союзы, искусственно регламентированные сверху. (Рѣшающее значеніе имѣло бы установленіе того, въ какихъ отношеніяхъ фратріи стояли въ древнѣйшую эпоху къ κώμη и δῆμος). Фратріи были, быть можетъ, продуктомъ дифференціаціи, совершившейся въ эпоху крупныхъ политическихъ перемѣнъ, когда находившаяся въ распоряженіи земля нуждалась въ постоянной военной охранѣ, такъ что физическая и экономическая способность носить оружіе пріобрѣла единственно рѣшающее значеніе. Быть можетъ, онѣ возникли спеціально изъ практики свободныхъ крестьянъ (gemeinfreier Bauern), заводившихъ такой порядокъ на завоеванной или находившейся подъ угрозой непріятельскихъ нападеній землѣ, ко времени такъ наз. „переселенія дорянъ“.

Всѣмъ полисамъ одинаково присуще дѣленіе на филы, превратившееся впослѣдствіи въ чисто военно-административное дѣленіе государства, при чемъ филы часто въ свою очередь являются союзами фратрій. Дѣленіе на филы относится къ еще болѣе поздней ступени, какъ разъ къ эпохѣ образованія полиса, и обыкновенно сопутствуетъ „синойкизму“. Первоначально оно служитъ главнымъ образомъ военно-административнымъ цѣлямъ: чтобы сдѣлать возможнымъ расчлененіе на слои и обложеніе повинностями организовавшагося теперь въ „государство“ сословія воиновъ, слѣдовательно,

имѣло совершенно второстепенное значеніе. Формулировка Шанто (Szanto), что три дорійскія филы опирались на мѣстную связь земельныхъ участковъ, заставляла бы предполагать какую-то аграрно-политическую цѣль (въ смыслѣ раздѣла земли), которой доказать нельзя. Конечно, бываютъ случаи, что войско побѣдителей, дѣлившееся при своемъ выступленіи въ походъ на филы, дѣлитъ на филы и завоеванную землю и предоставляетъ уже имъ дальнѣйшее дѣленіе (такъ было въ Родосѣ); бываетъ также, что при синойкизмѣ нѣсколькихъ волостей приблизительно одинаковаго размѣра въ одинъ „полисъ“ вновь образовавшіяся филы просто соотвѣтствуютъ тѣмъ волостямъ, изъ соединенія которыхъ онъ произошелъ. Но здѣсь не могло быть ни того, ни другого. Дорійскіе полисы, это—настолько специфически военныя государства, что они вездѣ вводили три одинаковыя филы. Въ другихъ мѣстахъ господствуетъ пестрое многообразіе. Но всегда дѣленіе на филы въ техническомъ смыслѣ слова означаетъ, что народъ образовалъ изъ себя хронически находящійся на военномъ положеніи полисъ (см. ниже). (Названіе φυλή, можетъ быть, гораздо старше, но техническимъ терминомъ, означающимъ „племена“ не имѣющихъ городского строя общинъ, какъ показываетъ терминологія дельфійскихъ амфиктіоній, былъ ἔθνος).

О политической и соціальной жизни „свободныхъ“ общинъ въ ранній періодъ мы не знаемъ никакихъ подробностей. По аналогіи съ другими народами можно предположить, что положеніе „государя“ (ἄναξ) переходило по наслѣдству въ одной особенно богатой стадами фамиліи, которая своими успѣхами въ бою и справедливыми рѣшеніями въ спорахъ узаконила себя какъ близкую къ богамъ. Болѣе крупная доля въ военной добычѣ, подарки при случаѣ, подарки сторонъ за приговоръ на третейскомъ судѣ составляютъ доходы князя. Такъ какъ традиція является единственнымъ источникомъ познанія „права“, то князю необходима помощь совѣта „старѣйшинъ“, который, конечно, тоже вскорѣ оказался состоящимъ изъ состоятельныхъ, отличившихся въ бою родовъ. Собственный авторитетъ князя мѣняется въ зависимости отъ потребности въ немъ, а эта послѣдняя опредѣляется прежде всего мѣрою внѣшней военной опасности.

Эти близкіе къ богамъ, а потому прежде всего необходимые для исполненія обрядовъ культа роды мѣстныхъ князей и совѣтниковъ составляютъ и здѣсь ядро, изъ котораго образовалась знать. Въ ихъ кругахъ возникаетъ здѣсь, какъ и повсюду, идея о значеніи уаъ крови, какъ таковыхъ, объ особыхъ, передаваемыхъ съ кровью предковъ качествахъ. Соединенный узами этой крови родъ (Geschlecht) (γένος) есть расширенный родъ (Sippe) знатнаго человѣка, что экономически выражается, какъ уже было упомянуто, въ нераздѣльности имущества въ οἶκος'ѣ (выраженіе, которое часто служитъ синонимомъ γένος'а),—два института, отдѣляющихъ знатнаго человѣка отъ простого. Мнѣніе, будто первоначально весь народъ (alle Volksgenossen)—въ качествѣ активныхъ или пассивныхъ членовъ—входилъ въ составъ родовъ (Geschlechter), большинствомъ признается

теперь за перенесеніе въ болѣе раннюю эпоху позднѣйшихъ порядковъ, созданныхъ искусственно въ цѣляхъ административныхъ. Стояли ли роды (Geschlechter) уже первоначально въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ отношеніяхъ къ фратріямъ, а если стояли, то пріобрѣли ли они въ ихъ средѣ послѣ борьбы или безъ борьбы съ другими, не принадлежащими къ рыцарству членами фратріи, опредѣленныя привилегіи, а если пріобрѣли, то какія, объ этомъ пока еще не достигнуто, а, можетъ быть, и не можетъ быть достигнуто, общаго для всѣхъ мнѣнія, и во всякомъ случаѣ только спеціалистъ, получившій археологическую подготовку, можетъ здѣсь смѣть свое сужденіе имѣть.

Селятся первоначально деревнями; мѣста поселенія неукрѣплены; возведенныя на высотахъ стѣны даютъ, въ случаѣ надобности, защиту людямъ и скоту. Понятіе о владѣніи землей какъ объ основѣ и принадлежности права (Genossenrecht) того, кто является членомъ военной общины, проявляется въ болѣе позднее время, кромѣ участія фратріи въ актѣ признанія даннаго лица какъ suus heres (см. выше), еще и въ формѣ, какую принялъ искъ о собственности въ классическомъ правѣ. Въ такой же малой мѣрѣ, какъ и древнѣйшій римскій процессъ о собственности, знаетъ и классическое греческое право односторонній петиторный искъ о земельной собственности и о наслѣдствѣ. Эти вопросы, какъ и вопросы о публичныхъ правахъ и обязанностяхъ отдѣльнаго лица—поскольку они могли быть предметомъ процесса (литургіи, права на имя, принадлежность къ фратріи)—рѣшались больше путемъ покоящагося на контравиндикаціи процесса, такъ называемой діадикасіи, досудебнымъ порядкомъ (präjudiziell) по принципу относительно лучшаго права (и на совершенно одинаковомъ во всѣхъ случаяхъ основаніи). Односторонній искъ о насильственномъ лишеніи владѣнія (Exmissions klage) (δίκη ἐξούλης), юридически не однородный съ римскимъ интердиктомъ, но по своей функціи очень родственный ему, былъ предоставленъ только опредѣленнымъ, имѣвшимъ право самоуправства лицамъ, право которыхъ опредѣленно и ясно установлено приговоромъ, государственной ассигнаціей, признаннымъ за ними правами какъ sui heredes (см. выше) и качествомъ владѣльца заклада (ср. римскій precarium), и также представляетъ собою не абсолютный искъ, но искъ на основѣ лучшаго права (по моему, очень правильно G. Leist видитъ причину отсутствія абсолютнаго иска о собственности въ греческомъ правѣ въ отсутствіи въ немъ римской usucapio, давности).

Первоначальный греческій полевой строй (Flurverfassung) такъ же, какъ и древній римскій, не слѣдуетъ представлять себѣ похожимъ на германскій надѣльный порядокъ (Hufenverfassung). Играли ли тамъ какую-нибудь роль при обработкѣ земли общинно-полевые элементы (flurgemeinschaftliche Elemente), намъ совершенно неизвѣстно. Присвоеніе земли въ

собственность во всякомъ случаѣ первоначально не могло быть безусловно окончательнымъ. Что политическая община гомеровскихъ временъ распоряжалась довольно автократично надѣленіемъ полевыми участками земли отдѣльныхъ лицъ, на это указываютъ многія извѣстія; достаточно вспомнить одно часто упоминаемое выдѣленіе „царской земли“ (τέμενος) изъ общиннаго поля (aus der Feldflur) при возведеніи какого-нибудь знатнаго рода въ царское достоинство. У аттическихъ сельскихъ общинъ (δῆμοι) были еще въ 4 столѣтіи очень значительныя, въ то время сдававшіяся въ аренду, пространства земли, которыми онѣ, несомнѣнно, владѣли еще съ давнихъ поръ. Въ 4 столѣтіи эти земли—первоначально, несомнѣнно, бывшія общинными пастбищами—нерѣдко обращались въ обработанные поля и огороды. Напротивъ, мнимыя свидѣтельства, приводимыя (Риджуэй) въ пользу существованія полевой общины (Feldgemeinschaften) съ принудительнымъ сѣвооборотомъ, на подобіе нѣмецкихъ деревень, совершенно не имѣютъ доказательной силы. Если судить по аналогіямъ съ Востокомъ, по способу вспахиванія земли у южно-европейскихъ народовъ вообще и принять во вниманіе полное, сколько извѣстно, отсутствіе сервитутовъ, то этотъ взглядъ представляется рѣшительно противорѣчащимъ вѣроятности. Если выраженіе κλῆρος и свидѣтельствуетъ, можетъ быть, о распредѣленіи участковъ земли по „жребію“ при новыхъ поселеніяхъ, оно отнюдь не доказываетъ періодическихъ передѣловъ земли. У Гомера оно употребляется въ двухъ значеніяхъ: 1) какъ земля, которою князь надѣляетъ своихъ домочадцевъ (Эвмей), и 2) какъ земельный надѣлъ воина какъ таковаго.

Заповѣдное пастбище (ewige Weide) выступаетъ у Гомера во всемъ своемъ значеніи. Такъ какъ собственное разведеніе льна вполнѣ доказано только для временъ Θукидида, а разведеніе конопли для временъ Плинія въ Малой Азіи, то держать овецъ для удовлетворенія потребности въ одеждѣ было необходимо—отсюда извѣстія о воспрещеніи бить овецъ до первой стрижки и до перваго помета,—и уже поэтому слѣдуетъ предполагать и въ историческое время существованіе большихъ пространствъ, оставленныхъ подъ пастбища, о чемъ и свидѣтельствуютъ надписи, говорящія объ общинныхъ пастбищахъ очень значительнаго размѣра. Точно также и пространства,

покрытыя лѣсами, были очень значительны еще во времена Теофраста (конецъ 4 столѣтія), не смотря на развитіе кораблестроенія и горнаго дѣла.

Первый большой толчекъ, вызвавшій сдвигъ соціальныхъ отношеній въ Элладѣ и приведшій къ образованію полиса, по всей вѣроятности, былъ данъ проникновеніемъ съ моря элементовъ восточной культуры и вовлеченіемъ прибрежныхъ мѣстностей въ торговый оборотъ съ заморскими странами. Такъ какъ въ эллинскихъ государствахъ, какъ и повсюду, правовое положеніе отдѣльнаго лица опредѣлялось его участіемъ въ войскѣ, то среди населенія должна была произойти рѣзкая диференціація благодаря: 1) проникновенію распространившейся на всю область античнаго оборота, отъ индусовъ до галловъ, новой военной техники—сраженія на колесницахъ—и въ большей или меньшей мѣрѣ закрывающаго тѣло панцыря, для чего является необходимымъ состоятельный и обученный атлетикѣ воинъ, 2) монополизаціи обмѣна въ рукахъ все болѣе и болѣе достигавшихъ господства царей побережныхъ бурговъ. Бурги Микенъ и Тиринѳа и др. являются резиденціей сражающихся на колесницахъ „царей“ съ ихъ нерѣдко весьма многочисленными, а иногда за недостаткомъ мѣста насчитывающими только какихъ-нибудь нѣсколько дюжинъ „товарищами“, которые ѣли за столомъ царя, иной разъ надѣлялись имъ землей, рабами, скотомъ,—что мы совершенно въ такой же мѣрѣ находимъ у военной придворной знати въ Ассиріи и Персіи, у гетеровъ македонскихъ царей, у галльскихъ soldurі'евъ и у degen'овъ и антрустіоновъ германскихъ королей. Бургъ окруженъ поселеніями ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Хотя гомеровскій эпосъ знаетъ сельское крестьянское населеніе только какъ слой θῆτες и οἰκῆες, но на основаніи этого отнюдь не слѣдуетъ предполагать для всей Эллады всеобщаго вотчиннаго закрѣпощенія (grundherrliche Knechtung). Скорѣе крестьяне, благодаря военному превосходству владѣтелей бурговъ и ихъ дружинъ, лишились только своего политическаго вліянія и остались въ сторонѣ отъ придворной культуры. „Народъ“ во всякомъ случаѣ—какъ показываетъ Одиссея (Феаки)—принужденъ терпѣть „поборы“ отъ своихъ властителей („Umlagen“ der Herren) и даже тогда, когда и онъ призванъ на войну и формально обладаетъ пра-

вомъ одобрять или не одобрять ихъ рѣшенія, подвергается издѣвательству и насилію при каждомъ высказанномъ самостоятельномъ сужденіи (Ѳерситъ). Въ военномъ смыслѣ это не болѣе, какъ обозъ, и благодаря такому безсилію онъ нерѣдко встрѣчаетъ фактическія, а иногда, можетъ быть, и юридическія затрудненія въ отстаиваніи своихъ правъ и въ концѣ концовъ бываетъ принужденъ вступать въ кліэнтскія отношенія. Нормально положеніе это было удѣломъ лишь неимущихъ и потому неспособныхъ нести военную повинность, но и для обѣднѣвшаго простого свободнаго (Gemeinfrei) оно, если не было юридически необходимымъ, то во всякомъ случаѣ было полезнымъ. Но нерѣдко, надо думать, гнетъ бывалъ еще значительно тяжеле. Во всякомъ случаѣ, поражающее величіе сооруженій, которыя возводились въ бургахъ, можетъ быть объяснено только страшно напряженной барщинной работой въ военномъ отношеніи совершенно подчиненнаго бургамъ сельскаго населенія.

Экономически это преобладаніе первоначально, несомнѣнно, и здѣсь опиралось на участіе властителей, какъ таковыхъ, въ заморской торговлѣ (Verkehr): вѣдь эти живущіе въ бургахъ и облагающіе сельское населеніе барщиной властители впервые появляются на морскомъ берегу и отсюда уже распространяются внутрь страны. Торговыя сношенія (Verkehr) сперва, конечно, сводились къ монополизированной пассивной торговлѣ съ посѣщавшими берегъ восточными купцами, но постепенно превратились въ самостоятельную торговлю и приводили, въ поискахъ новаго рынка, къ военнымъ экспедиціямъ за море и, наконецъ, къ прочнымъ оккупаціямъ на подобіе тѣхъ, какія устраивали потомъ норманны, и къ колоніальному расширенію (Expansion). Экспортъ „микенскихъ“ кузнечныхъ и гончарныхъ издѣлій, например, несомнѣнно, находился, какъ первоначально и на Востокѣ, въ рукахъ самого царя, который получалъ товаръ отъ изготовлявшихъ его для него селившихся вокругъ бурга барщинниковъ—одна впослѣдствіи часто упоминаемая киренейская ваза показываетъ тамошняго царя при отвѣшиваніи сильфіона, исполняющимъ функцію не торговаго контролера, а самостоятельнаго торговца [1]). Этотъ торговый оборотъ наполняетъ

1) И въ позднѣйшее время существовала монополія на этотъ продуктъ. Σίλφιον, лат. laserpitium, гладышъ, африканское растеніе (водившееся въ

золотомъ сокровищницы и гробницы тонкаго властвующаго слоя, приноситъ ему полотняную восточную одежду, хитонъ, и устанавливаетъ рѣзкую разницу въ потребностяхъ и образѣ жизни между нимъ и не носящей оружія массой сельскаго населенія. „Государственныя“ отношенія (die „staatlichen“ Verhältnisse) соотвѣтствуютъ этому. Встрѣчаются—въ „микенскомъ царствѣ“—довольно обширныя политическія образованія, но всегда лишь въ формѣ соединенія нѣсколькихъ принадлежащихъ владѣтелямъ бурговъ феодальныхъ владѣній въ рукахъ одного верховнаго царя: Агамемнонъ предлагаетъ Ахиллесу въ ленное владѣніе нѣсколько „городовъ“, указывая при этомъ на хорошее состояніе скотоводства у живущаго вокругъ нихъ населенія (какъ на важнѣйшій источникъ податей). Принимаемые въ кліэнты неимущіе и чужестранцы являются „феодальной“, а закабаленные за долги простые свободные (Gemeinfreie) „капиталистической“ составной частью лично зависимыхъ отъ сидящей въ бургахъ знати категорій людей, къ которымъ прибавляются еще доставшіеся въ видѣ военной добычи и все чаще и чаще пріобрѣтавшіеся покупкой рабы. Кліэнты преобладаютъ въ древнѣйшую эпоху и прочными узами связаны съ сидящей въ бургахъ землевладѣльческой знатью, попавшіе же въ кабалу за долги и купленные за деньги рабы—въ позднѣйшую эпоху и въ прибрежныхъ мѣстностяхъ [1]).

Колонизація этого ранняго періода носитъ тоже особый характеръ, сообщаемый ей соединеніемъ феодализма съ торговлей: это „земледѣльческая колонизація“ („Ackerbau kolonisation“) лишь постольку, поскольку подвластное крестьянство, очевидно, необходимо какъ основа для вновь основываемаго πόλισμα; но „роды“ („Geschlechter“), держащіе его въ рукахъ, какъ и князья метрополіи, желаютъ имѣть выгоды и отъ торговли. Напротивъ, мало вѣроятно, чтобы колонизація малоазіатскаго берега произошла, какъ „вполнѣ постепенная“ колонизація съ помощью факторій (Faktoreikolonisation) (въ родѣ финикійской), какъ думалъ когда-то Э. Мейеръ. О платѣ ту-

особенности въ Киренаикѣ), сокъ котораго употреблялся какъ лекарство и какъ приправа. *Примѣч. ред.*

[1]) Въ Элладѣ яснаго разграниченія нѣтъ даже между покупнымъ рабомъ и „кліэнтомъ“: Эвмей купленъ Одиссеемъ, но надѣется отъ него получить κλῆρος („precarium“) и имѣетъ самъ слугу.

земцамъ чинша за пользованіе землей (какъ въ Карѳагенѣ) ничего неизвѣстно; наоборотъ, знать завоевателей господствуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, даже сидя въ своихъ бургахъ, какъ и на родинѣ. Скорѣе всего можно предполагать такой характеръ „факторій“ у нѣкоторыхъ (позднѣйшихъ) коринѳскихъ колоній, въ частности у Эпидамна (основ. въ 627 г.), гдѣ олигархія на общій счетъ вела торговлю съ материкомъ при помощи πωλήτης, и едва ли этотъ характеръ былъ общимъ для всѣхъ колоній.

Во всякомъ случаѣ развитіе колонизаціи, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ переходомъ отъ пассивной торговли къ активной, къ владѣнію собственными судами, къ исканію эллинскими мореплавателями иностранныхъ рынковъ и тѣмъ самымъ относится къ великому перевороту, результатомъ котораго явилась эллинская культура во всемъ ея своеобразіи. Рѣшительный поворотъ въ эллинской соціальной исторіи былъ вызванъ развитіемъ военнаго городского партикуляризма и вмѣстѣ съ тѣмъ характернаго для него типа „полиса“, въ противоположность ходу развитія на Востокѣ, гдѣ царская власть на основѣ городского властвованія (Stadtherrschaft) создала бюрократическую территоріальную, а въ концѣ концовъ и „міровую“ монархію. Что ходъ развитія на Востокѣ былъ иной (см. выше), главная, рѣшающая причина этого, несомнѣнно, заключается въ оросительныхъ потребностяхъ, въ тѣсной зависимости всего городского существованія отъ сооруженія каналовъ, урегулированія рѣки и постояннаго контроля надъ состояніемъ воды, которые требовали единаго бюрократическаго режима. Кромѣ того на почвѣ неизмѣняемости создавшихся разъ на всегда условій существованія и строгой прикрѣпленности отдѣльнаго лица къ общественному хозяйственному механизму (an die Gemeinwirtschaft) создавалось господство надъ жизнью религіозной традиціи и политическое могущество духовенства. Наконецъ, постоянно смѣняющееся порабощеніе странъ рѣчной культуры то арабскими, то иранскими чужеземными властителями надолго приводило къ разоруженію и обезличенію націи. Такимъ образомъ, здѣсь изъ сотрапезниковъ и соратниковъ (Waffengenossen) городского царя вышло чисто царское, бюрократически экипируемое и содержимое, а потому и бюрократически организованное войско, изъ охватывавшей все болѣе и болѣе широкіе кру-

ги царской кліэнтелы—царская бюрократія, а изъ борьбы этихъ бюрократическихъ организацій первая „міровая держава“: ассирійское царство.

Наоборотъ, въ Элладѣ дружины царей бурговъ утрачиваютъ всякое значеніе; лишь въ лицѣ сотрапезниковъ побѣдоносныхъ властителей Македоніи опять оживаютъ онѣ въ качествѣ политическаго фактора. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и все значеніе царей, и начинается процессъ развитія, который въ своемъ конечномъ результатѣ, къ началу „классическаго“ періода, приводитъ къ тому, что обязанность оружіемъ защищать государство, а вмѣстѣ съ ней и политическая власть оказывается въ рукахъ независимыхъ, вооружающихся на свой счетъ гражданъ—земледѣльцевъ (Ackerbürger), и въ связи съ этимъ въ то же время возникаетъ та чисто свѣтская культура, которая такъ характерна для эллинскаго міра и которая налагаетъ свой особый отпечатокъ и на его капиталистическое развитіе, дѣлающій его непохожимъ на капитализмъ восточный.

Зачатки этихъ перемѣнъ, а также, въ большинствѣ случаевъ, и ихъ дальнѣйшій ходъ, скрыты во мракѣ, да и ихъ ходъ и результаты въ высшей степени различны въ отдѣльныхъ государствахъ. Если сравнить гомеровскихъ царей богатаго конями (rossefrohen) Лакедемона съ ихъ сокровищницами, не менѣе соблазнительными для ихъ вороватыхъ гостей, чѣмъ ихъ жены, съ спартанскимъ государствомъ гоплитовъ, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ въ немъ конницы, въ которомъ обладаніе благороднымъ металломъ считалось чѣмъ-то особенно предосудительнымъ, и вспомнить отсутствіе въ немъ укрѣпленнаго города—бурга, ежегодную клятву избираемыхъ войскомъ эфоровъ не посягать на царскую власть, если цари въ свою очередь поклянутся не посягать на изстари существующія у войска установленія, тогда не остается сомнѣнія 1), что передъ нами порядокъ, нѣкогда созданный сознательно, путемъ компромисса царей съ войскомъ, и 2), что это перемѣна стояла въ связи отчасти съ введеніемъ дисциплинированнаго (строевого) сраженія (вмѣсто единоборства) съ (желѣзнымъ) оружіемъ для рукопашнаго боя (вмѣсто прежнихъ бронзовыхъ метательныхъ копій и стрѣлъ), съ другой стороны съ паденіемъ политическаго значенія царской „сокровищницы“. На

Востокѣ у всѣхъ властителей, даже во времена персидскаго владычества, забота о „сокровищницѣ“ и ея судьбѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ, совершенно, какъ у Нибелунговъ. Ихъ могущество всегда въ значительной степени опирается на запасъ благороднаго металла, которымъ вознаграждается служба дружины и на который въ случаѣ надобности нанимаются солдаты. „Сокровищницы“ эллинскихъ царей, владѣтелей бурговъ, создавались благодаря отношеніямъ съ большими восточными государствами (Grosstaaten). Совершенно справедливо признается, что распаденіе этихъ большихъ государствъ къ концу второго тысячелѣтія было причиной упадка также и микенской культуры, хотя, конечно, свои особыя географическія условія и безъ того, въ концѣ концовъ, привели бы, быть можетъ, къ побѣдѣ партикуляризма въ Элладѣ. Во всякомъ случаѣ, окончательное паденіе (das absolute Sinken) экономическаго могущества царской власти ясно видно уже изъ исчезновенія восточной роскоши. Этимъ однимъ уже пресѣкалась возможность развитія царской кліэнтелы въ царскую „бюрократію“ и уничтожались всѣ данныя для образованія большого государства (der Grosstaatenentwickelung).

Но еще важнѣе было косвенное (relativ) вліяніе паденія старыхъ царскихъ родовъ, такъ какъ къ тому времени, несомнѣнно, должны были образоваться такіе соціальные слои, которые по своему экономическому положенію составляли конкуренцію царю. Наемничество (das Reisläufertum), которое давало возможность фараону вербовать солдатъ для войска по всему Средиземному морю вплоть до Сардиніи, быть можетъ, впервые создало въ Элладѣ слой людей обезпеченныхъ и имѣющихъ военную тренировку, который въ соціальномъ отношеніи былъ независимъ отъ царя и могъ играть немаловажную роль въ походахъ викинговъ и въ захватахъ земель для колоній. Но и боевые товарищи царя должны были, совершенно, какъ и въ государствѣ Меровинговъ, тѣмъ скорѣе образовать изъ себя надѣленное землей, вооружающееся на свой счетъ и потому фактически эмансипировавшееся отъ царя военное сословіе, чѣмъ больше теряла свое значеніе царская „сокровищница“. Когда герои, окружавшіе владѣвшихъ бургами царей, изъ жажды добычи начали пользоваться судоходствомъ для своихъ заморскихъ наѣздовъ, то они взяли верхъ надъ

царемъ, который сталъ зависѣть отъ ихъ каприза—вѣдь „гнѣвъ“ одного обиженнаго при дѣлежѣ добычи героя могъ посадить на мель всю экспедицію. Отправляющійся въ наѣздъ царь бурга (Burgenkönig) дѣлается лишь царемъ-полководцемъ (Heerkönig), такъ какъ не онъ одинъ, какъ то было на Востокѣ, держитъ въ рукахъ экономическую основу войска, т. е. его экипировку и содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и командованіе. Но постоянно мѣняющееся соотношеніе силъ между царемъ-полководцемъ и его войскомъ—колеблющееся между властью, произволомъ и зависимостью и компромиссомъ въ отношеніи къ своему войску положеніе Агамемнона и первыхъ діадоховъ, Хлодвига и первыхъ Меровинговъ въ этомъ отношеніи лишь разновидности одного и того же типа—складывается въ эллинскомъ мірѣ не въ пользу царя съ тѣхъ поръ, какъ царская „сокровищница“ и царскій столъ утратили свое центральное экономическое значеніе, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ активная торговля и военные походы за море заступили мѣсто пассивной торговли съ Востокомъ. Личная дружина царя, которая не могла не существовать въ микенскомъ государствѣ, уже у Гомера—гдѣ она, по крайней мѣрѣ насколько объ этомъ можно судить, состоитъ сплошь изъ единоплеменниковъ царя—сильно отступаетъ на задній планъ и мало чѣмъ отличается отъ „на случай набираемой дружины“ (Gelegenheitsgefolgschaft), въ родѣ тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Тацитъ, съ которыми дѣлали свои наѣзды германскіе князья.

Рядомъ съ царемъ теперь стоятъ кромѣ его сидящихъ въ собственныхъ бургахъ вассаловъ также другіе знатные „роды“ („Geschlechter“), имѣющіе, какъ и онъ, свои собственные замки и земельныя владѣнія и живущіе рядомъ съ нимъ въ томъ же „городѣ“; они отправляются вмѣстѣ съ нимъ на свой счетъ въ походъ, но поэтому и засѣдаютъ съ нимъ въ совѣтѣ, дѣлятъ съ нимъ добычу и являются участниками его политической власти надъ „народомъ“. Значеніе существовавшаго изстари и состоящаго изъ знати совѣта растетъ, тогда какъ на Востокѣ онъ совершенно исчезаетъ, и его мѣсто заступаютъ чиновники и жрецы. Понятіе „города“ у Гомера измѣнчиво, что находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что отдѣльныя пѣсни возникли въ разное время, и есть нѣчто среднее между древнимъ бургомъ и позднѣйшимъ, возникшимъ путемъ синойкизма „полисом“. Чтобы „благородными“ вообще являлись у него сидящіе на землѣ и противополагались въ этомъ смыслѣ городскимъ жителямъ, этого изъ мѣстъ, приводимыхъ въ подтвержденіе такого пониманія Э. Мейеромъ (говорящихъ на самомъ дѣлѣ о „землѣ“ въ смыслѣ „родины“, а не „деревни“), по моему мнѣнію, не слѣдуетъ. Положеніе было скорѣе такое: многіе изъ областныхъ главарей (Gauhäuptlinge) крестьянскаго періода и другія разбогатѣвшія фамиліи превратились въ владѣющую землей и кліэнтами знать. Признавая надъ собою власть, какъ перваго между равными (primus inter pares), „царя“ (до этого положенія спустился прежній микенскій властитель, облагавшій барщинными повинностями всѣхъ своихъ подданныхъ) (Fronherrscher), но во всемъ остальномъ координируя свои дѣйствія на началахъ равенства, они живутъ въ „городѣ“, который является исключительнымъ средоточіемъ „политики“. Они имѣютъ обыкновеніе только съ хозяйственными цѣлями посѣщать деревню, своихъ пастуховъ, надѣленныхъ землей на правахъ леннаго владѣнія рабовъ и кліэнтовъ. Тотъ, кто, какъ царь Лаэртъ, удаляется навсегда въ деревню (на свой стариковскій надѣлъ), тѣмъ самымъ отказывается отъ всякихъ притязаній на царское достоинство. Всѣ эти знатные „роды“ (Geschlechter) накопили сокровища изъ своей доли военной добычи и (несомнѣнно) участія въ торговыхъ барышахъ и съ помощью ихъ собрали въ своихъ рукахъ много земли—объ этомъ послѣ—и могутъ набирать на войну собственныхъ кліэнтовъ въ качествѣ обоза или пѣхоты. Царь теперь не больше ихъ. Если ужъ царская власть клонилась къ упадку въ прибрежныхъ мѣстахъ, преимущественно принимавшихъ участіе въ морской торговлѣ, то тѣмъ болѣе это происходило въ тѣхъ, которыя больше сохранили характеръ континентальныхъ мѣстностей (Binnenorten), и гдѣ значеніе царской „сокровищницы“ и сообразно съ этимъ и царской дружины было, конечно, съ самаго начала меньше. Такъ назыв. „дорійское переселеніе“, т.-е. нашествіе племенъ изнутри страны, способствовало, конечно, ускоренію этого процесса. Ибо чѣмъ бы оно въ дѣйствительности въ другихъ отношеніяхъ ни было, во всякомъ случаѣ оно создало такія политическія общины—въ частности Спарту,—въ которыхъ сословіе воиновъ оставило за царскими родами, призывавшимися предводительствовать на

войнѣ, внѣ „службы“ еще только одни почетныя преимущества, и это не только въ своемъ полисѣ, но по мѣрѣ силъ и у сосѣдей, гдѣ оно въ интересахъ обезпеченія своего собственнаго государственнаго устройства вездѣ выступало въ пользу господствующаго военнаго сословія противъ всякихъ попытокъ установить „монархію“ восточнаго типа.

Возникающее такимъ путемъ „государство греческаго средневѣковья“, какъ называетъ его Э. Мейеръ, представляетъ величайшее разнообразіе въ смыслѣ соціальныхъ отношеній, если даже оставить Спарту въ сторонѣ, какъ нѣчто sui generis. По всей Элладѣ появляется то рыцарское общество, которое организуетъ военный спортъ и національные турниры, подготовляетъ почву для героической, а позже для любовной пѣсни (Minnesang), которое на средневѣковый ладъ берется регулировать „Comment“ рыцарскихъ раздоровъ (тщетныя попытки путемъ взаимнаго соглашенія воспретить употребленіе метательнаго оружія: довольно достаточно характерно для лежащаго въ основѣ всего этого развитія военной техники!) и прибѣгаетъ въ сраженіяхъ къ формамъ куртуазіи вродѣ средневѣковаго: „Messieurs les Anglais, tirez les premiers“. На подобіе „гвельфовъ“ и „гибеллиновъ“ оно раздѣляется на два лагеря, независимо отъ національности (какъ въ „лелантской войнѣ“), но и внутри каждой общины оно дѣлится на постоянно враждующіе между собою роды пока, наконецъ, и здѣсь, какъ и въ средніе вѣка, отдѣльные роды не нападаютъ на мысль—въ качествѣ „айсемнетовъ“ или „тирановъ“ (трудно провести между тѣми и другими рѣзкую грань)—путемъ союза съ „народомъ“ возвыситься до синьоріи (signoria). Возможность такого союза съ „народомъ“ предполагаетъ, конечно, какъ и въ Италіи, существованіе способнаго къ союзу „народа“. Въ Элладѣ это стало возможнымъ въ результатѣ историческаго развитія, которое можно пріурочить къ слѣдующимъ основнымъ моментамъ: 1) къ введенію оружія для рукопашнаго боя вмѣсто бронзовыхъ копій и стрѣлъ, какъ это было въ микенскій періодъ, въ связи съ этимъ 2) къ возрастающему значенію военной дисциплины (извѣстной уже Гомеру) и строевого боя, въ особенности пѣшаго боя сомкнутой фалангой гоплитовъ (Бразидъ въ своемъ извѣстномъ изреченіи говоритъ о военной дисциплинѣ эллиновъ въ противоположность принятому у варваровъ способу сражаться) и вслѣдствіе этого 3) въ тѣхъ государствахъ, которыя или уже распространили свое политическое господство за предѣлы своей территоріи или еще только распространяютъ (Спарта: завоеваніе Мессеніи, Аѳины: завоеваніе Саламина), къ перенесенію военно-политической власти на тѣхъ, кто входитъ въ составъ этого войска гоплитовъ, 4) наконецъ, къ идущему параллельно съ этимъ развитію чисто „бюргерскихъ источниковъ дохода“, (des „bürgerlichen Erwerbes“), которые расширяли слой людей, имѣвшихъ экономическую возможность пріобрѣсти себѣ полное вооруженіе, паноплію.

„Бургъ“ ранней поры окруженъ поселеніями торговцевъ и ремесленниковъ. Гомеровская эпоха знаетъ уже каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ, телѣжниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мѣдниковъ, мастеровъ роговыхъ и мастеровъ кожаныхъ издѣлій, гончаровъ. Конечно, они всѣ появляются лишь въ позднѣйшихъ частяхъ поэмъ. Но чтобы когда-нибудь всѣ ремесленники въ Элладѣ были несвободными работниками жившей въ бургахъ знати, это столь же мало вѣроятно для Грецiи, какъ и подобный же взглядъ для ранняго средневѣковья, котораго прежде держались, а теперь оставили. Невѣроятно также, чтобы они—на подобіе восточно-азіатскихъ сельскихъ ремесленниковъ—въ еще болѣе раннюю эпоху были на службѣ у деревни, а послѣ того, какъ развился полисъ, были рабами полиса. Въ Эпидамнѣ, гдѣ торговля была организована олигархіей на основахъ общественнаго хозяйства (gemeinschaftlich organisiert), при случаѣ и переработка сырья могла производиться подобнымъ же образомъ, и это могло встрѣчаться довольно часто. Но, чтобы это было правиломъ, этого доказать нельзя. И барщина ремесленниковъ была, несомнѣнно, знакома микенскому государству такъ же, какъ и его восточнымъ образцамъ: какъ фараонъ и городской царь Месопотаміи, такъ и (въ достаточной мѣрѣ состоятельный) древне-эллинскій городской князь поселялъ вокругъ бурга ремесленниковъ, заставляя ихъ за то исполнять барщину. Но эти (предполагаемые) ремесленники царскаго ойкоса микенской эпохи,—поскольку они существовали—во всякомъ случаѣ сошли со сцены вмѣстѣ съ паденіемъ основъ микенской культуры (какъ показываетъ уже измѣненіе техники). Еще и позднѣе не имѣвшіе собственной

промышленности города могли слѣдовать своего рода „меркантильной системѣ“, ввозя обученныхъ рабовъ въ качествѣ государственныхъ рабовъ. Но всего вѣрнѣе, что тѣ явленія, которыя объясняютъ иногда первоначальной государственной службой (Staatsanstellung) или государственнымъ рабствомъ всѣхъ „δημιουργοί“, стоятъ въ связи съ военной организаціей полиса. Что ремесленники, какъ „fabri“ въ Римѣ, были организованы для изготовленія предметовъ, удовлетворявшихъ потребности государства, и были обложены литургіями, это слѣдуетъ признать явленіемъ, часто встрѣчающимся въ болѣе древній періодъ эллинской исторіи. (Выраженіе „δημιουργός“ искони шире нашего понятія „ремесленникъ“ и обнимаетъ всѣхъ, получающихъ средства къ жизни за услуги, оказываемыя неопредѣленному множеству людей, въ томъ числѣ и врачей, пѣвцовъ, предсказателей и т. д.)

Эти поселенія плебеевъ вокругъ бурга не укрѣплены: такъ было въ Эгбатанѣ, такъ было и въ Аѳинахъ еще въ историческія времена. Въ Спартѣ царскій бургъ совсѣмъ „сломленъ“, полисъ превратился въ открытый военный лагерь. Но, какъ общее правило, полисъ сохраняетъ укрѣпленія или дѣлается крѣпостью, какъ восточные города, но крѣпостью, которой распоряжаются связанные тѣснымъ союзомъ военные товарищи, а не царь. Этотъ актъ „синойкизма“ означаетъ также конституированіе класса воиновъ какъ господствующаго въ городѣ-государствѣ класса. Что въ большинствѣ случаевъ это было настоящее совмѣстное поселеніе (Zusammensiedelung), въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, если даже оставить въ сторонѣ доподлинно извѣстные примѣры изъ позднѣйшей эпохи. Отдѣльные бурги были сломаны или во всякомъ случаѣ утратили свое политическое значеніе резиденцій властителей, знатные роды (Geschlechter) были „включены въ составъ общины“ („eingemeindet“), въ родѣ того, какъ это произошло съ сельской знатью во многихъ итальянскихъ городахъ средневѣковья. Но въ античную эпоху синойкизмъ означаетъ прежде всего образованіе раздѣленнаго на филы и на ихъ болѣе мелкія подраздѣленія (см. выше) войска, чтобы быть на высотѣ того хроническаго военнаго положенія, которое съ этого времени дѣлается нормальнымъ положеніемъ согласно эллинскому международному праву (которое не знаетъ „вѣчнаго“ мира между несоединенными союзомъ городами и не желаетъ его знать, ссылаясь на религіозную опасность клятвъ на вѣчныя времена).

Синойкизмъ не означаетъ непремѣнно совершеннаго прекращенія всякой деревенской осѣдлости, но означаетъ осѣдлость также и прежде всего въ городѣ, какъ въ политическомъ центрѣ. Несомнѣнно, уже очень рано съ нимъ соединяется впослѣдствіи правильно дѣйствовавшее штапельное (складочное) право и другія регулирующія торговлю мѣры. Ибо городъ дѣлается не только политическимъ, но и экономическимъ центромъ: рынкомъ. Со временъ фараоновъ и до римской императорской эпохи право устраивать „рынокъ“ есть право, принадлежащее верховной власти. И, какъ и въ средніе вѣка, такъ и въ древности не только городъ, но каждый городъ есть рынокъ. Мы видѣли на Востокѣ развитую технику обмѣна при отсутствіи чеканки монеты. Эллины, какъ это доказано, за много вѣковъ до того, какъ государство впервые начало у нихъ чеканить монету, стали такимъ же ведущимъ активную торговлю народомъ, какъ и финикіяне. Однако, едва ли лишено значенія, что они первые въ полной мѣрѣ воспользовались этимъ изобрѣтеніемъ. Ибо, во всякомъ случаѣ, ихъ превосходство надъ финикіянами въ торговлѣ, несомнѣнно, сильно увеличивалось благодаря тому, что они на много столѣтій раньше стали употреблять монету (Карѳагенъ впервые сталъ чеканить монету въ интересахъ своей новой военной организаціи—наемнаго войска,—которая открываетъ собою эру его великихъ завоеваній; не знавшей монеты древней техникѣ обмѣна въ передней Азіи соотвѣтствовала финикійская система колонизаціи, въ формѣ основанія факторій).

Но денежно-хозяйственное развитіе во внутреннемъ оборотѣ со всѣми его послѣдствіями и въ Элладѣ старше изобрѣтенія монеты (7 вѣкъ); оно лишь усилилось благодаря ему. Съ давнихъ поръ наряду съ экстенсивнымъ международнымъ оборотомъ существовалъ интенсивный мѣстный рынокъ. „Δημιουργός“, т. е. профессіональный ремесленникъ, въ области промышленности работающій (см. выше) „на народъ“, т.-е. на всякаго, кто пожелаетъ сдѣлаться его заказчикомъ, а не только (какъ „αὐτουργός“) работающій у себя дома (im Hausfleiss) для собственнаго потребленія или на барщинѣ для

своего господина (Fronherr) „Lohnwerker“ (ремесленникъ, работающій на заказъ) по Бюхеровской терминологіи, размножается и специализируется. Растущій слой людей, принимающихъ участіе въ заморскомъ обмѣнѣ (Verkehr) въ качествѣ активныхъ торговцевъ, распространяетъ уже давно практиковавшіяся на Востокѣ и оттуда перенятыя капиталистическія формы обмѣна; во внутреннемъ оборотѣ съ появленіемъ монеты выдвигается все болѣе и болѣе впередъ денежно-хозяйственное покрытіе потребностей.

Всѣмъ этимъ создавались условія для развитія мѣстнаго сельскохозяйственнаго, крестьянскаго, производства на сбытъ, и отдѣльныя составныя части „городского хозяйства“ („Stadtwirtschaft“)—,такимъ образомъ, на лицо. Пока еще, впрочемъ, въ зачаткахъ и съ примѣсью феодальныхъ чертъ. Въ качествѣ военной общины полисъ—т.-е. „вмѣстѣ поселившаяся“ въ немъ военная знать—господствуетъ надъ окружающимъ сельскимъ округомъ (Land) на первыхъ порахъ совершенно такъ же, какъ прежде господствовали владѣвшіе бургами цари. Но развитіе шансовъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, измѣненіе военной техники, съ другой, расширяло кругъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые по своему экономическому положенію были способны нести военную службу въ панцырѣ; а вѣчная угроза опасности извнѣ заставляла также привлекать силы всѣхъ слоевъ общества, способныхъ по своему экономическому положенію вооружиться на свой счетъ и отдавать время на военныя упражненія. Характеръ города при этомъ продолжаетъ быть очень различнымъ въ зависимости отъ степени демократизаціи милитаризма. Гдѣ военная служба остается преимущественно службой въ конницѣ, тамъ, естественно, сравнительно тонкій слой крупныхъ землевладѣльцевъ (Grundherren) держитъ въ строгой крѣпостной зависимости (Hörigkeit) населеніе лежащей вдали отъ моря страны (im Binnenland), напримѣръ, въ Ѳессаліи; и въ Аттикѣ они господствовали надъ городомъ, пока конница имѣла какое-нибудь значеніе на войнѣ. Но и тамъ, гдѣ благодаря развитію военной техники, какъ то было повсемѣстно въ исторической Элладѣ, центръ тяжести составляли дисциплинированные, тяжело вооруженные до ногъ, сражавшіеся въ строю, обученные военному дѣлу гоплиты—во времена персидскихъ войнъ

конница исчезла совершенно— и тамъ число родовъ, составлявшихъ полноправное гражданство, было очень нерѣдко невелико, какихъ-нибудь нѣсколько сотенъ или „тысячи“—т.-е. тысяча самыхъ богатыхъ. Число мѣстъ въ совѣтѣ гражданъ неодинаково и иной разъ пополняется путемъ кооптаціи, въ этомъ случаѣ вступаютъ сыновья—какъ сыновья мастеровъ въ какомъ-нибудь цехѣ — старшіе прежде младшихъ. И такъ какъ военная служба, какъ въ цехахъ, лежитъ на осѣдлыхъ гражданахъ, способныхъ по своему экономическому положенію вооружаться на свой счетъ, то, естественно, какъ разъ съ расширеніемъ военной общины основой этой экономической квалификаціи становится земельное владѣніе членовъ цеха. Отецъ Гесіода прибылъ изъ Кумъ въ Беотію, пріобрѣлъ на берегу моря маленькое состояніе и потомъ поселился вблизи Геликона какъ крестьянинъ съ земельнымъ владѣніемъ; надо сравнить эту свободу передвиженія, предоставленную каждому частнымъ правомъ, въ частности земельнымъ правомъ, съ позднѣйшей цеховой политикой демократіи въ отношеніи къ праву гражданства и къ земельному праву, чтобы увидать, насколько увеличилась связанность владѣнія и лица. И точно также исчезаетъ древній странствующій рыцарь-министеріалъ, все болѣе и болѣе уступая мѣсто замкнутой мѣстной знати полиса.

Мы встрѣчаемъ уже въ историческую эпоху самые разнообразные слѣды возникшей въ ту эпоху связанности земли, составлявшей владѣніе захватившаго политическую власть военнаго цеха—πρῶτοι или παλαιοὶ κλῆροι, ἀρχαία μοῖρα Аристотеля. Прежде всего существуетъ преимущественное право сыновей, въ обходъ дочерей, на владѣніе землей, а иногда и стадами, обремененное лишь обязанностью дать сестрамъ приданое. По праву Гортины сыновья заранѣе получаютъ городскіе земельные участки, какъ носители политическихъ правъ. При отсутствіи сыновей повсюду существовало право на руку дочери—наслѣдницы(ἐπίκληρος), переходившее въ строго опредѣленномъ порядкѣ, на подобіе права на наслѣдство, отъ одного агнатическаго родственника къ другому, въ силу котораго иногда даже разрывался уже заключенный ранѣе бракъ и которое первоначально (какъ въ іудейскомъ левиратѣ), несомнѣнно, было связано съ соотвѣтствующей обязанностью, — позднѣе,

иногда (напр., въ Аѳинахъ) замѣняемой обязательствомъ дать приданое. Выдать замужъ дочь—наслѣдницу и вмѣстѣ съ нею отдать κλῆρος ея мужу было важнымъ съ военной точки зрѣнія, слѣдовательно, общественнымъ дѣломъ, которое въ случаѣ отсутствія правомочныхъ родственниковъ бралъ на себя магистратъ (въ Спартѣ—царь). Въ интересахъ сохраненія воинскихъ надѣловъ соотвѣтствующаго сословному цензу размѣра κλῆρος, во всякомъ случаѣ въ дорійскихъ, специфически военныхъ государствахъ, но и внѣ ихъ, очень часто былъ недѣлимъ и неотчуждаемъ—какъ, напр., въ основанной въ 7 вѣкѣ колоніи Левкадѣ еще до поздняго времени—или во всякомъ случаѣ и дѣленіе, и отчужденіе его было ограничено. Это милитаристическое право владѣнія землей составляетъ полную противоположность общеэллинскому земельному праву. Ибо въ эпоху Гомера и Гесіода раздѣленіе земли на равныя части in natura является общимъ правиломъ. Преимущественное право старшаго было неизвѣстно. (Смутныя воспоминанія о порядкѣ древнѣйшей поры—старѣйшій въ родѣ занималъ положеніе патріарха въ качествѣ домашняго жреца—можно, пожалуй, видѣть въ томъ, что Посейдону, который, выступая противъ Зевса, ссылается какъ разъ на этотъ общеэллинскій принципъ, Ирисъ указываетъ на то, что Эриніи стоятъ на сторонѣ старшаго брата). Во всякомъ случаѣ связанность κλῆρος'а на практикѣ должна была дѣйствовать какъ установленный закономъ порядокъ наслѣдованія и препятствовать распаденію большихъ семейныхъ общинъ; съ другой стороны, она должна была имѣть послѣдствіемъ, по крайней мѣрѣ въ Спартѣ, ограниченіе дѣторожденія и даже многомужество (т. е. совмѣстное обладаніе одной женщиной, что едва ли было „остаткомъ древнѣйшихъ временъ", какъ думаетъ Э. Мейеръ.) Завѣщаніе существуетъ въ Аѳинахъ лишь со временъ Солона, въ Спартѣ съ Пелопонесской войны и первоначально служило, главнымъ образомъ, цѣли усыновленія ради сохраненія способнаго носить оружіе рода и ради культа умершихъ.

Имѣла ли когда-либо эта связанность военныхъ участковъ повсемѣстно юридическій характеръ, вопросъ этотъ долженъ остаться безъ отвѣта; быть можетъ, достаточно было сословной традиціи, которая даетъ себя знать и въ позднѣйшую пору въ моральномъ осужденіи, какому подвергалась

продажа наслѣдственныхъ владѣній. Во всякомъ случаѣ въ источникахъ упоминается объ ограниченіи отчуждаемости κλῆρος'а, напр., въ Элидѣ и въ Ѳивахъ (Филолай), о равенствѣ надѣловъ въ Аргосѣ (Фейдонъ).

Экономическая основа военнаго цеха могла быть въ отдѣльныхъ случаяхъ очень различна. Наиболѣе приспособлена она къ чисто военнымъ интересамъ тамъ, гдѣ она носитъ натурально-хозяйственный характеръ, какъ во многихъ дорійскихъ военныхъ государствахъ, въ особености на липарскихъ островахъ, на Критѣ и прежде всего въ Спартѣ. Подвластное населеніе трактуется здѣсь, какъ находящееся въ рабствѣ или въ крѣпостномъ состояніи у государства (in Staat—sklaverei bezw.—Hörigkeit). Ихъ взносы натурой идутъ на содержаніе воиновъ, отчасти на началахъ общественнаго хозяйства (gemeinwirtschaftlich), о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь, отчасти такъ, что отдѣльное лицо получало доходъ съ опредѣленныхъ отведенныхъ ему и обрабатываемыхъ при помощи рабовъ площадей земли, которыя въ различной мѣрѣ становятся его собственностью, впослѣдствіи все болѣе и болѣе дѣлающейся наслѣдственной. Новое распредѣленіе участковъ и дальнѣйшій ихъ раздѣлъ считались допустимыми и въ историческое время и, повидимому, практиковались. Это, конечно, не были передѣлы пахотной земли, а передѣлы въ извѣстномъ смыслѣ источника рентъ (Rentenfondsumteilungen).

Военныя соображенія, въ особенности милитаристическая политика народонаселенія (Bevölkerungspolitik) опредѣляютъ всѣ детали: при отсутствіи наслѣдниковъ прибѣгаютъ частью къ обязательному въ этомъ случаѣ усыновленію или вступленію въ бракъ съ дочерью умершаго, или же къ праву и обязанности „разбудить потомство" съ помощью третьяго лица, какъ это было въ Израилѣ. Вполнѣ законченная организація гражданскаго войска завершается устройствомъ совмѣстныхъ обѣдовъ воиновъ на подобіе нашихъ казино, такъ называемыхъ „сисситій" или „гетерій", и совмѣстнымъ военнымъ воспитаніемъ дѣтей, какъ въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ, на счетъ государства. Тутъ уже военные союзы (фратріи), благодаря раз-

витію милитаризма выростаютъ въ настоящія коммунистическія общины (zu vollen Lebensgemeinschaften) въ ущербъ общинѣ семейной (Famieiengemeinschaft). Этому соотвѣтствуетъ и право военныхъ частей участвовать въ рѣшеніи судьбы новорожденныхъ или входящихъ въ военный возрастъ дѣтей, которое не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего „первобытнаго“ („первобытно“ отцовское право надъ жизнью и смертью дѣтей).

Спарта боролась сознательно за сохраненіе этой натурально-хозяйственной основы городского милитаризма и за свой цехъ воиновъ съ его товарищескимъ равенствомъ привилегированныхъ его членовъ, которые съ юности должны были посвящать себя исключительно упражненіямъ, подготовляющимъ къ битвѣ въ качествѣ гоплитовъ. Но этотъ цеховой духъ ставилъ государству извѣстныя границы. Въ видѣ противовѣса постоянно, до самаго поздняго времени возобновлявшимся усиліямъ царской власти увеличить политическую наступательную силу государства путемъ демократизаціи права носить оружіе (Wehrrecht) учреждается эфоратъ. Съ разлагающимъ вліяніемъ денежнаго хозяйства боролись путемъ искусственнаго сохраненія натуральнаго хозяйства и прежняго уровня потребностей военнаго населенія: отсюда воспрещеніе денежнаго обмѣна, введеніе неотчуждаемости земельныхъ участковъ спартіатовъ и сохраненіе общественныхъ обѣдовъ (Kasinogemeinschaft). Это препятствовало увеличенію числа воинскихъ земельныхъ участковъ, но не препятствовало уменьшенію его путемъ соединенія нѣсколькихъ участковъ въ однѣхъ рукахъ (въ рукахъ женщинъ) и обѣдненію владѣльцевъ, а также тайному участію въ добываніи денегъ за предѣлами страны, въ то же время затрудняло всякій крупный политическій актъ со стороны государства и приводило къ извѣстому боязливому береженію наличнаго состава спатріатовъ. Въ концѣ концовъ, это перестало быть возможнымъ, когда первенствующее положеніе, занятое Спартой послѣ Пелопонесской войны, и вызванная имъ необходимость перейти къ денежно-хозяйственному покрытію государственныхъ потребностей внесли денежное хозяйство въ самыя нѣдра замкнутаго государства воиновъ, создали денежное богатство, радикально измѣнили уровень потребностей господствующей касты и тѣмъ самымъ въ самое короткое время уничтожили экономическія основы всей системы. Демократическая реставрація Клеомена съ ея новымъ передѣломъ земли потерпѣла фіаско при Селласіи (222 г.).

По эллинской традиціи этотъ опирающійся на натуральное хозяйство милитаризмъ Спарты въ той формѣ, въ какой онъ былъ извѣстенъ современникамъ, являлся продуктомъ совершенно единственнаго въ своемъ родѣ законодательства. Это заблужденіе такъ естественно. Спарта представляетъ собою лишь доведенное до своихъ крайнихъ послѣдствій дальнѣйшее, самое крайнее развитіе древняго города-государства (Stadtherrschaft). Дѣйствительно, „единственное“ заключается здѣсь лишь въ томъ, что на феодальную основу опирается здѣсь классъ, вступленіе въ который опредѣлялось не происхожденіемъ, а однимъ лишь воспитаніемъ, и что выработанная такимъ путемъ виртуозность боя гоплитовъ, въ силу его особенностей требовавшая и особого образа жизни (Lebenszuschnitt), составляла противоположность всякой „аристократіи“.

Принадлежность къ кастѣ полноправныхъ гражданъ требовала, какъ и принадлежность къ рыцарскому сословію въ средніе вѣка, повсюду непрерывнаго профессіональнаго упражненія въ военномъ дѣлѣ (что поэтому и составляло повсюду заботу государства), а это упражненіе дѣлало необходимымъ, по крайней мѣрѣ для самаго ядра войска—состояло ли оно изъ рыцарей или изъ гоплитовъ—жить совмѣстно въ городѣ: „непобѣдимость“ спартіатовъ, какъ и „священнаго отряда“ въ Ѳивахъ болѣе поздняго времени, была продуктомъ ихъ непрерывной „тренировки“ („training“). Кто, слѣдовательно, въ строго милитаристическихъ общинахъ покидаетъ городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и военныя упражненія, тотъ дѣлается „περίοικος“, „ἄγροικος“, тотъ политически деклассируется, теряетъ свои политическія права; участіе въ гимнасіонѣ и политическое полноправіе неотдѣлимы другъ отъ друга.

Но, чтобы система натурально-хозяйственнаго милитаризма, которую мы находимъ въ историческія времена въ Спартѣ и на Критѣ, являлась, хотя бы въ основныхъ своихъ чертахъ, въ качествѣ всеобщей переходной стадіи, представляется, съ другой стороны, совершенно невѣроятнымъ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя встрѣтить такой полной демократизаціи греческаго городского феодализма, чтобы члены

правящаго военнаго класса могли существовать только на доходы съ земельнаго владѣнія въ 8—12 гектаровъ, обрабатываемаго для нихъ илотами, и потому что, далѣе, строгость проведенія въ жизнь характерныхъ военныхъ учрежденій даже въ историческое время отнюдь не ослабѣваетъ въ Спартѣ, но, повидимому, усиливается, такъ какъ, съ увеличеніемъ территоріи и относительнымъ уменьшеніемъ числа гражданъ, военное могущество государства становилось все болѣе и болѣе шаткимъ. Такія учрежденія, какъ аѳинскіе обѣды на счетъ государства въ Пританейонѣ—замѣна прежнихъ обѣдовъ за царскимъ столомъ—конечно, не доказываютъ, чтобы когда-нибудь тамъ существовали спартанскія сисситіи съ ихъ специфически военнымъ значеніемъ (или хотя бы что-нибудь подобное). Мы не находимъ у Гесіода никакихъ слѣдовъ феодальнаго прикрѣпленія свободнаго крестьянина, который работаетъ самолично съ небольшимъ числомъ постоянныхъ работниковъ и поденщиковъ, взятыхъ на время жатвы. Только судебныя злоупотребленія, неизбѣжность отдачи себя на время или навсегда въ кліенты къ богатымъ для того, чтобы мочь обратиться къ суду, и долговое право составляютъ повсемѣстно предметъ жалобъ.

Этотъ послѣдній пунктъ является рѣшающимъ. Въ противоположность спартанскому и критскому и другимъ создавшимся путемъ завоеванія феодальнымъ государствамъ, порабощеніе сельскаго населенія, гдѣ оно ни происходитъ, является, какъ общее правило, закабаленіемъ за долги, передъ которымъ все болѣе и болѣе отступаетъ назадъ въ раннюю эпоху вездѣ сама собой разумѣющаяся кліэнтела неимущихъ (какъ, напримѣръ, πελάται въ Аѳинахъ).

Нахожденіе политической власти въ рукахъ живущаго въ городѣ военнаго сословія само по себѣ такъ же мало должно было привести къ возникновенію многочисленнаго сельскаго класса илотовъ, какъ и господство военныхъ монарховъ Востока должно было вездѣ имѣть своимъ послѣдствіемъ принудительную организацію работъ, какая существовала въ Египтѣ. Въ историческое время „крѣпостная зависимость" („Hörigkeit") всего сельскаго населенія, кромѣ дорійскихъ государствъ, въ Пелопоннесѣ—Спарты, Аргоса, Сикіона,—а также Крита, встрѣчается навѣрное только въ Ѳессаліи, Локридѣ, Византіи

и въ обѣихъ Гераклеяхъ. Она, повидимому, встрѣчалась и во многихъ другихъ мѣстахъ, но невозможно установить ничего достовѣрнаго объ ея юридическомъ характерѣ. Въ Сикіонѣ и Аргосѣ источникомъ ея было, очевидно, какъ и въ Спартѣ, завоеваніе или превращеніе кліентовъ въ крѣпостныхъ, вслѣдствіе монополизированія военнаго дѣла городскимъ гражданствомъ (крѣпостные слѣдуютъ за ними въ качествѣ легковооруженныхъ); здѣсь и въ основанныхъ путем завоеванія колоніальныхъ государствахъ, какъ Критъ, Византія и обѣ Гераклеи, крѣпостные (тамъ, гдѣ они не несутъ воинской повинности) являются, очевидно, платящими оброкъ государственными крѣпостными, положеніе которыхъ государство (какъ въ Гераклеѣ на Понтѣ) отчасти гарантируетъ при завоеваніи путемъ договора (они представляютъ собою нѣчто среднее между спартанскими илотами и періэками, которые, какъ и они, несли воинскую повинность и платили подати, но лично были свободны). Въ Ѳессаліи, повидимому, скорѣе существовало въ смягченной формѣ настоящее личное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ (Grundhörigkeit). Ѳессалійскіе и критскіе крѣпостные (Herigen), очевидно, имѣли опредѣленно гарантированное имъ право на семью и собственность.

Что эта государственная крѣпостная зависимость (Staatshörigkeit) всего сельскаго населенія, являющаяся результатомъ эксплоатаціи политическаго его подчиненія, не была общей переходной стадіей эллинскаго развитія, это представляется въ высшей степени вѣроятнымъ. Городской феодализмъ приводилъ къ такого рода послѣдствіямъ только въ отдѣльныхъ мѣстахъ и, по крайней мѣрѣ, преимущественно только въ покоренныхъ областяхъ. Что, съ другой стороны, зависимость отдѣльныхъ частей населенія была явленіемъ болѣе общераспространеннымъ, чѣмъ позволяютъ объ этомъ судить скудные источники, представляется вполнѣ вѣроятнымъ. Вѣдь повсюду существовала кліэнтела, какъ источникъ дохода (Tributquelle) для знати. Напротивъ, въ „средневѣковой" Элладѣ городская знать доставала человѣческій матеріалъ для своего хозяйства, навѣрное, тѣмъ же путемъ, какъ это дѣлалось на Востокѣ, въ болѣе древнюю эпоху въ Римѣ, вообще въ древнихъ городахъ государствахъ въ болѣе ранній періодъ ихъ исторіи до появленія въ нихъ массъ покупныхъ рабовъ.

Наряду съ нанимавшимися на время жатвы жнецами, которыхъ мы встрѣчаемъ какъ въ болѣе раннюю, такъ и въ позднѣйшую эпоху, главный контингентъ постоянныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ хозяйство велось самими землевладѣльцами, составляли отчасти рабочіе, нанятые за годовую плату, отчасти—и, главнымъ образомъ, у знати, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше—попавшіе въ кабалу должники (Schuldknechte). Попавшихъ въ кабалу должниковъ, какъ деклассированныхъ свободныхъ, слѣдуетъ отличать, какъ это показываетъ критское право, отъ личныхъ кліентовъ и политически подвластныхъ „крѣпостныхъ" (Hörige) (объ историко-юридическихъ контраверзахъ въ связи съ ними см. ниже въ главѣ объ Аѳинахъ). Они появляются здѣсь, какъ и повсюду, обычнымъ типическимъ для нихъ способомъ, лишь только устанавливается правленіе живущихъ въ городѣ „родовъ" (Geschlechter), и пока покупные рабы еще не пріобрѣтаютъ массового распространенія.

О примѣненіи покупныхъ рабовъ спеціально въ полевыхъ работахъ и въ эллинской древности мы слышимъ сравнительно мало. Ихъ примѣненіе въ болѣе крупномъ производствѣ въ то время, очевидно, не было типическимъ явленіемъ. Да и вообще кажется невѣроятнымъ, чтобы настоящее „крупное производство" (Grossbetriebe), особенно въ это время, представляло собой сколько-нибудь распространенное типическое явленіе. Изображеніе сцены жатвы и стоящаго возлѣ хозяина съ жезломъ въ рукѣ указываетъ только на то, что и въ Греціи существовало среднее помѣщичье хозяйство („Squire"—Betrieb), въ которомъ хозяинъ самъ не принимаетъ участія въ работѣ. Когда однажды пиѳія назвала коринѳянъ Χοινιχομέτραι [1]) за то, что у нихъ было большое количество рабовъ, то еще вопросъ, имѣлось ли при этомъ въ виду крупное производство (см. ниже въ главѣ объ Аѳинахъ). Во всякомъ случаѣ, какъ разъ въ эпоху эллинскаго средневѣковья на первомъ планѣ стоитъ несвободная или полусвободная аренда, находившаяся въ рукахъ или прямо попавшихъ въ рабство несостоятельныхъ должниковъ, или же должниковъ, отрабатывавшихъ свой обезпеченный закладомъ долгъ (Einlösungspfandschuldnern). Задолженность, при которой обѣ стороны принадлежатъ къ слоямъ землевладѣльцевъ, задолженность крестьянства у крупныхъ владѣльцевъ земли, скота и денегъ, является типичной для всего ранняго періода древней исторіи и такъ рѣзко отличаетъ тогдашніе „соціальные" конфликты отъ нашихъ: надо представить себѣ нашихъ юнкеровъ кредиторами, а крестьянъ—ихъ должниками, и юнкеровъ притомъ живущими въ городахъ, чтобы совсѣмъ перенестись въ эти отношенія. Залоговые камни на земляхъ крестьянъ и обращенные въ рабство несостоятельные должники на земляхъ магнатовъ—два явленія параллельныя. Точно также еще и въ болѣе позднее время бывало въ Вавилонѣ, что отдѣльные капиталисты имѣли въ своемъ распоряженіи поражающее количество земельныхъ участковъ въ городѣ, при чемъ представляется вѣроятнымъ, что они владѣли ими не какъ собственностью, а въ качествѣ залога въ обезпеченіе денежнаго займа (in antichretischem Pfand) и сдавали ихъ въ аренду своимъ должникамъ. Земледѣльцы, платившіе оброкъ въ видѣ шестой части урожая (ἑκτημόριοι), древней Аттики находились на подобномъ же положеніи. Ихъ оброкъ, равнявшійся шестой долѣ урожая, по существу не былъ ниже третьей доли, взимавшейся съ египетскихъ колоновъ, такъ какъ почва была тамъ несравнимо плодороднѣе (объ этомъ вопросѣ см. ниже въ главѣ объ Аѳинахъ). Знатные роды (die Geschlechter) эллинскихъ городовъ, въ особенности приморскихъ городовъ, всегда владѣютъ кораблями и нерѣдко—какъ Солонъ—принимаютъ непосредственное участіе въ торговлѣ. Какъ главные владѣльцы хлѣба, они ссужали имъ крестьянъ во всѣ неурожайные года. Затѣмъ, къ этому присоединилась и денежная сила.

Малое, если брать его абсолютно, значеніе торговли ранняго періода не должно приводить къ уменьшенію относительнаго значенія торговыхъ барышей для среды, еще всецѣло пребывающей въ стадіи натуральнаго хозяйства. Городская осѣдлость (аттическіе эвпатриды носятъ названіе „ἀστοί") составляетъ также въъ экономическомъ смыслѣ силу знати.

Ростъ денежнаго и земельнаго богатства, съ одной стороны, задолженности крестьянъ, съ другой—въ городахъ, принимаю-

[1]) Отмѣривателями хлѣбныхъ пайковъ. Ред.

щихъ участіе въ морской торговлѣ, приводятъ къ кризису „родового государства" („Geschlechterstaat"). „Народъ" гомеровской эпохи, поскольку онъ призывался во время войны въ качествѣ пѣхоты, находится подъ властью и въ подчиненіи у сражающихся на колесницахъ знатныхъ родовъ (Geschlechter) точно также, какъ херуски, по утвержденію Сегеста, у своихъ „principes". Но по мѣрѣ увеличенія значенія войска гоплитовъ это уже не вездѣ было возможно. Прежде всего закабаленіе за долги крестьянъ грозило уменьшить военную силу государства и его могущество. А развивавшееся съ денежнымъ хозяйствомъ имущественное неравенство создавало parvenu, неимущихъ свободныхъ, разорившіеся знатные роды и вызвало такимъ образомъ въ жизни πόλις'а чрезвычайно страстную борьбу противоположныхъ другъ другу интересовъ. Повсюду—въ соотвѣтствіи съ правилами образованія земельной ренты—самая богатая почва, прежде всего земля въ равнинахъ, въ противоположность горнымъ скатамъ, въ результатѣ задолженности и путемъ покупки попадаетъ въ руки знати. Только она могла кормить, кромѣ земледѣльца, еще владѣльца ренты. Поэтому т а к у ю землю пріобрѣтаетъ знать на сбереженія, остававшіяся отъ собственнаго хозяйства, точно такъ же, какъ у насъ фидеикомиссы предпочитаютъ хорошую землю. Поэтому аристократическій πόλις (Adelspolis) не только съ гораздо большимъ трудомъ проникалъ въ горныя области, но и въ другихъ мѣстахъ равнины („плоскій Лакедемонъ", мессинская, элидская, ѳессалійская, беотійская, аттическая равнина) являются мѣстопребываніемъ знати, а ἀγροῖκοι селятся по скатамъ горъ. Такимъ образомъ, крестьянская демократія и господство родовой знати (особенно это ясно въ Аѳинахъ) разграничивались и территоріально.

Съ другой стороны, въ приморскихъ портахъ вмѣстѣ съ развитіемъ работающей для вывоза промышленности—напримѣръ, гончарного промысла въ Аѳинахъ—и мореплаванія появляется все возрастающій въ числѣ классъ людей, которые, находясь внѣ круга людей, сидящихъ на собственной землѣ и имѣющихъ сельско-хозяйственные интересы, готовы были служить политическимъ цѣлямъ каждаго, кто будетъ поддерживать ихъ экономическіе интересы. Эти группы и деклассированные, попавшіе въ кабалу въ качествѣ несостоятельныхъ должниковъ

свободные составляютъ тѣ элементы, на которые, на всѣ вмѣстѣ, если они находились въ союзѣ другъ съ другомъ, или на одинъ изъ нихъ могъ опереться государственный переворотъ, направленный противъ правленія знати. Съ другой стороны, на ряду съ старинными землевладѣльческими родами возникаетъ слой богатыхъ людей, не принадлежащихъ къ знати, а вышедшихъ изъ родовъ мелкой буржуазіи. Что въ древнія времена до начала капиталистическаго развитія было возможно пріобрѣсти богатство въ качествѣ δημιουργός, б ы т ь - м о ж е т ъ, возможно заключить и изъ того извѣстнаго компромисса партій, устроеннаго въ Аѳинахъ въ 581 г., въ силу котораго въ число архонтовъ было допущено также двое „деміурговъ", которые, слѣдовательно, должны были быть пентакосіомедимнами, слѣдовательно, должны были имѣть постояннаго дохода, по меньшей мѣрѣ, 500 драхмъ (по тому времени высокій доходъ, а во времена Демосѳена—нищенскій). Не надо забывать, что къ числу болѣе древнихъ деміурговъ принадлежали тѣ семьи ремесленниковъ-х у д о ж н и к о в ъ, которыя наслѣдственно владѣли секретомъ своего ремесла и первоначально (если судить по миѳамъ) получали высокую плату за свои цѣнившіяся какъ рѣдкость издѣлія и, несомнѣнно, жили, на подобіе знати, большими с е м е й н ы м и о б щ и н а м и (Familienkommunionen) и накопляли богатства. Лишь капитализмъ и рабскій трудъ въ связи съ распаденіемъ древней большой семейной общины разрушили эту основу (см. ниже). Впрочемъ, надо принять въ расчетъ еще и то, что въ 581 г. къ п о л и т и ч е с к о й партіи „деміурговъ" причислялись, навѣрное, также и не принадлежащіе ни къ знати, ни къ земледѣльческому классу к у п ц ы [1]).

Господство города надъ страной (das Land) не могло больше держаться тамъ, гдѣ внутри самого имущаго класса создались рѣзкія противоположности. Конечно, переворотъ произошелъ въ разныхъ мѣстахъ очень различнымъ образомъ и въ очень раз-

[1]) Демосѳенъ старш. всю жизнь назывался „ножевщикомъ", хотя онъ на такомъ дѣлѣ въ изготовленіи ножей понималъ, вѣроятно, не болѣе, чѣмъ владѣлецъ Бохускихъ акцій въ техникѣ плавильнаго дѣла, и родъ его былъ уже въ теченіе многихъ поколѣній состоятельнымъ к у п е ч е с к и м ъ родомъ. Онъ былъ однимъ изъ в л а д ѣ л ь ц е в ъ эргастеріона ножевщиковъ (рабовъ). См. ниже.

личной мѣрѣ. Въ первыхъ крупныхъ реформахъ въ древней Элладѣ, однако, самымъ рѣшительнымъ образомъ преобладаетъ стремленіе, прежде всего, имѣя въ виду чисто *политическіе* интересы—*боевую* готовность государства—притти къ какому-нибудь компромиссу съ впавшими въ задолженность *крестьянами*, какъ это было и въ восточныхъ „законодательствахъ“. Радикализмъ крестьянства, явившійся послѣдствіемъ лишенія политическихъ правъ, соціальнаго деклассированія и экономическаго угнетенія способныхъ нести службу гоплитовъ землевладѣльцевъ былъ для знати самой тяжелой политической опасностью. Законы Дракона и другія родственныя имъ законодательства, такъ же, какъ и тиранія, являются логическимъ выводомъ изъ этого, лишая полисъ его характера полуфеодальнаго принудительно господствующаго надъ страной бурга (als halbfeodaler Zwangburg des Landes), а знать—ея политическихъ преимуществъ: землевладѣльцы, поскольку они по своему экономическому положенію способны носить оружіе (ὅπλα παρεχόμενοι у Дракона), дѣлаются гражданами, государственныя повинности гражданъ распредѣляются сообразно съ доходами съ земельнаго владѣнія (такъ было въ Аѳинахъ). Городъ-государство въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существовалъ до тѣхъ поръ, исчезаетъ, *земельное владѣніе*, какъ таковое, опредѣляетъ политическія права каждаго: такимъ образомъ, городъ офиціально былъ *подчиненъ* странѣ. Какъ впослѣдствіи 12 таблицъ въ Римѣ, такъ „законодательства“ въ Элладѣ носятъ аграрный отпечатокъ въ смыслѣ эмансипаціи не принадлежащаго къ знати землевладѣльца (nicht adeligen Grundbesitzes).

Мотивы и большею частью средства были анологичны съ тѣми, какіе выступаютъ уже въ надписяхъ сумерскихъ царей и въ древнѣйшемъ израильскомъ законѣ. По своему экономическому положенію способное носить оружіе крестьянство и мелкая буржуазія (Kleinbürgerschaft), безъ которыхъ теперь уже невозможно было обойтись на войнѣ, потребовали (какъ мелкая буржуазія и крестьяне на Востокѣ) уничтоженія остатковъ частнаго самоуправства („права файды“ можно бы сказать), суда (Rechtsprechung), опирающагося всецѣло на традиціи и предразсудки, и судебной кліэнтелы и замѣны ихъ писаными законами и гражданскимъ судомъ (bürgerliche Rechtspflege). Они потребовали уничтоженія личнаго закабаленія за долги, въ особенности же тяжести *денежныхъ* долговъ съ ихъ послѣдствіемъ—лишеніемъ мелкихъ землевладѣльцевъ ихъ владѣнія и выходомъ ихъ изъ ихъ класса—посредствомъ уничтоженія рабства за долги, ограниченія размѣра процентовъ и ограниченія скопленія земли въ однѣхъ рукахъ.

Радикальные представители деклассированныхъ требовали: новаго передѣла земли и прощенія долговъ; такъ какъ громадная часть земли въ качествѣ *залога* попала въ руки знати, то первое требованіе въ сущности было только болѣе рѣзкой формой второго [1]). „Айсимнеты“ старались найти компромиссъ. Рядомъ съ фиксированіемъ ставокъ штрафовъ, съ устраненіемъ или смягченіемъ задолженности идетъ стремленіе парализовать всякія попытки, направленныя противъ существующаго владѣнія, и затормозить источники имущественнаго неравенства. Всего дальше навстрѣчу нуждамъ крестьянъ пошла революціонная мѣра Солона, сейсахтейя—прощеніе всѣхъ долговъ (Pfandschulden), лежащихъ на землѣ и на личности должниковъ. Въ связи съ выкупомъ попавшихъ за долги въ рабство и проданныхъ за предѣлы государства аттическихъ гражданъ она находится въ соотвѣтствіи съ политическимъ смысломъ всей реформы: сохраненіемъ войска гоплитовъ, на которое отнынѣ всецѣло опирается военное могущество государства.

Конечно, эта тенденція замѣтна не вездѣ и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ дѣйствуетъ. Прежде всего тиранія, хотя она и опирается прежде всего на лишенные правъ (entrechtete) классы, тѣмъ не менѣе, она представляетъ собою политическую узурпацію и дѣйствуетъ, какъ таковая, съ помощью самыхъ разнообразныхъ средствъ. Несомнѣнно, въ древней Элладѣ есть теократическій оттѣнокъ: какъ впослѣдствіи оракулы стоятъ на сторонѣ персовъ, такъ и здѣсь—совершенно, какъ на Востокѣ—на сторонѣ „тирановъ“ оказываются, если не древніе аристократическіе жреческіе роды, то всевозможные пророки. Сицилійская тиранія въ позднѣйшую эпоху своего существованія сильно отличается по своему характеру отъ

[1]) Въ Аѳинахъ только не обремененное долгами владѣніе, „οὐσία, ἐλευθέρα“, имѣло значеніе ценза для вступленія въ соотвѣтствующій имущественный классъ гражданъ.

древне-эллинской. Въ эту эпоху она идетъ рука-объ-руку съ денежной аристократіей, несомнѣнно, въ значительной своей части пришлой. Но и политическія средства древнѣйшихъ поколѣній сицилійскихъ тирановъ—включеніе цѣлыхъ городскихъ общинъ и даже иноземныхъ наемниковъ въ составъ общины собственнаго полиса—носятъ восточный характеръ и были возможны въ колоніяхъ, но не въ самой древней Элладѣ.

Но въ общемъ въ своемъ существѣ нововведенія какъ „законодателей", такъ и „тирановъ" носятъ двойственный характеръ. Съ одной стороны, они представляютъ „городское хозяйство" („Stadtwirtschaft") и его интересы въ противовѣсъ монополизаціи политической власти древними знатными „родами" („Geschlechter"), съ другой стороны, они выступаютъ противъ монополизаціи экономической власти старыми и новыми владѣльцами денегъ и людей. Союзъ съ крестьянами, выдвинувшій принципъ, что „вся Аттика есть городъ", является политическимъ выраженіемъ этой двойственности. Обезпеченіе права и независимость права отъ традиціонной и пристрастной юстиціи патримоніально-сакральныхъ судовъ родовой аристократіи были созданы, кромѣ кодификаціи его, также—при Писистратѣ—обезпеченіемъ чисто должностного разбирательства судебныхъ дѣлъ по деревнямъ (Писистратъ самъ ѣздилъ по деревнямъ для производства суда, позже, по крайней мѣрѣ, для мелкихъ дѣлъ, встрѣчаемъ странствующихъ δικασταὶ κατὰ δήμους), что представляетъ собою также аналогію къ законодательству Второзаконія. Среди мѣропріятій въ области экономической политики, принадлежащихъ тиранамъ Періандру, Феагену, Клисфену, Писистрату какъ и въ законодательствахъ Залевка и Солона, мы находимъ цѣлый рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ объ этой же тенденціи. Строгій надзоръ за „роскошью", доходившій нерѣдко до очень далеко идущихъ запретовъ въ этой области, направленъ противъ возникновенія различій въ образѣ жизни, представляющихъ, отчасти съ сословной, отчасти съ мелкобуржуазной точки зрѣнія, опасность для равенства гражданъ. Воспрещеніе пріобрѣтать рабовъ, изданное Періандромъ и въ другихъ государствахъ—въ Фокидѣ и Локридѣ оно было въ силѣ еще въ классическую эпоху—и сдѣланная Солономъ попытка ограничить скопленіе земли въ однѣхъ рукахъ имѣли въ виду экономическимъ путемъ въ корнѣ пересѣчь

неравенство владѣнія. Но устраненіе задолженности и уничтоженіе сословныхъ различій между владѣющими землей гражданами (политическое „освобожденіе крестьянъ"), съ одной стороны, и воспрещеніе крестьянамъ переселяться въ городъ, съ другой—явленія соотносительныя. Неоднократно дѣлались попытки обезпечить крестьянство путемъ устанавливаемой государствомъ связанности земли, напримѣръ, въ формѣ воспрещенія продажи земли городу (πρὸς τὸ ἄστυ), что въ то же время значило: знати. Частое воспрещеніе скупки и перекупки, посреднической торговли (Залевкъ) и вывоза хлѣба относится къ той же категоріи, какъ и соотвѣтствующія мѣры средневѣковой городской политики, не въ меньшей степени также и преслѣдованіе праздности и нищенства. Эти постоянно повторяющіяся типическія мѣропріятія—и, возможно, еще цѣлый рядъ другихъ, принадлежащихъ къ той же связи,—имѣютъ цѣлью установить разъ навсегда мелкобуржуазную норму „пропитанія" („Nahrungen").

Но въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ приморскихъ городахъ, мѣропріятія законодателей такъ же, какъ и политика тирановъ въ результатѣ по существу означали все-таки координацію интересовъ новаго, опирающагося прежде всего на торговлю и на обладаніе деньгами, специфически городского богатства съ интересами старыхъ родовъ. Законодательство Солона, повидимому (если даже доводы Бр. Кейля и не считать абсолютно убѣдительными), уже положило въ основу дѣленія на классы денежную расцѣнку доходовъ, слѣдовательно, уже оставило почву крестьянскаго полиса гоплитовъ. И меркантилистическое покровительство занимающимся промышленностью метэкамъ, которымъ, въ противоположность политикѣ позднѣйшей демократіи, былъ облегченъ доступъ къ правамъ гражданства и тѣмъ самымъ дана была возможность пріобрѣтать землю въ Аттикѣ и тѣмъ сохранить ихъ имущество для Аѳинъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что принимали во вниманіе интересы союза владѣющихъ деньгами (и поэтому и людьми) классовъ. Допущеніе вывоза оливковаго масла при воспрещеніи вывоза другихъ продуктовъ земледѣлія соотвѣтствуетъ античному аграрному (плантаціонному) меркантилизму. Покровительство крестьянамъ являлось, такимъ образомъ, лишь средствомъ для достиженія политической цѣли;

та же черта выступаетъ и въ распоряженіи Періандра, воспрещавшемъ крестьянамъ носить городское платье, чтобы отбить у нихъ охоту пребыванія въ городѣ, и въ упомянутомъ выше воспрещеніи селиться въ городахъ. Задолжавшее, лишившееся имущества и вытѣсненное въ городъ сельское населеніе старались, какъ и въ Римѣ, выпроводить за предѣлы страны. Аттическія клерухіи на Саламинѣ съ ихъ принудительнымъ наслѣдственнымъ владѣніемъ и воспрещеніемъ аренды— такія постановленія встрѣчались и позже при основаніи колоній съ политическими цѣлями, но послѣднее не всегда—имѣли, на-ряду съ непосредственно военными цѣлями, также и эту цѣль: освободиться отъ избытка населенія; несомнѣнно, эту цѣль имѣли основанныя тиранами колоніи, которымъ внутри страны соотвѣтствуютъ государственныя постройки съ цѣлью „занять безработныхъ". Установленіе неподвижнаго уровня „пропитанія" (Stabilisierung der Nahrungen) во избѣжаніе возникновенія слоя соціально деклассированныхъ гражданъ, въ связи съ этимъ регламентація оборота, однако, безъ нанесенія слишкомъ чувствительнаго ущерба шансамъ на барышъ,—вотъ типическій пароль этой эпохи.

Поэтому, „борьба сословій" не только создавала такіе относительно „чистые" типы, какъ Ѳессалія, Спарта, Аѳины, но и приводила, конечно, и къ всевозможнымъ самымъ различнымъ компромиссамъ и комбинаціямъ, которыя своимъ содержаніемъ оказывали сильное вліяніе на соціальныя группировки (die sozialen Gemeinschaften) среди населенія страны. Къ сожалѣнію, немногое можно установить съ полной достовѣрностью. Цѣлью „демократическаго" движенія было прежде всего: разрушить прочную связь „родовъ" („Geschlechter"), которая опиралась на связанность земли въ (широкопонимаемой) домовой общинѣ (Hauskommunion), и сломить ихъ чрезмѣрное вліяніе въ союзахъ: въ деревнѣ и въ фратріи, мѣстныхъ и личныхъ союзахъ: въ деревнѣ и въ фратріи. Деревня (χώμη впослѣдствіи: δῆμος) въ качествѣ хозяйственной общины (Wirtschaftsgemeinschaft), разумѣется, всегда продолжала существовать. Но родовое государство (Geschlechterstaat) не признаетъ за ней права на политическое существованіе, и знатные роды съ своими земельными владѣніями стояли, несомнѣнно (какъ наши владѣльцы рыцарскихъ помѣстій), de facto внѣ деревенскихъ союзовъ, образовывали нерѣдко свои

собственные (χῶμαι) вмѣстѣ съ своими кліентами, закабаленными должниками или арендаторами. Но, съ другой стороны, ихъ земельное владѣніе, такъ какъ очень часто оно доставалось имъ въ качествѣ оставшагося за ними залога (als Pfandbestiz), въ значительной своей части состояло и изъ разбросанной по разнымъ деревнямъ земли (Streubesitz). Отсюда программа крестьянъ: включить помѣстья въ составъ крестьянскихъ общинъ („Eingemeindung"), затруднить помѣщикамъ возможность имѣть землю, разбросанную въ нѣсколькихъ деревняхъ. Фратрія, какъ самая низшая единица въ организаціи войска, какъ военная община (Wehrgemeinde) съ давнихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ въ военномъ государствѣ допущеніе къ правамъ гражданства и къ владѣнію землей, и она, въ свою очередь, находится совершенно подъ властью знатныхъ родовъ, хотя въ ея составъ (Wilbrandt тутъ совершенно правъ) входятъ не они одни, но всѣ носящіе оружіе (alle Wehrhaften). Отсюда программа крестьянъ: демократизація фратріи или: уничтоженіе только что названныхъ ея правъ.

Уступки въ пользу гоплитовъ шли не вездѣ одинаково далеко. Въ Элидѣ, напримѣръ, вплоть до самаго синойкизма 471 г. (см. ниже), „полиса" вовсе не существовало. Знать плодородной „впалой Элиды" была занимавшейся исключительно разведеніемъ лошадей знатью членовъ совѣта (Ratsadel) и сидѣла, какъ и въ старыя времена, по своимъ бургамъ и объединялась только вокругъ олимпійскаго святилища и на почвѣ весьма выгоднаго въ экономическомъ отношеніи руководительства олимпійскими играми. Сколько-нибудь значительной торговли не было тамъ никогда. Вслѣдствіе этого долгое время сословія жили мирно. Совмѣстно съ войскомъ гоплитовъ знать покорила Писатиду. Какъ римскіе патриціи плебсу, такъ элейская знать предоставила демамъ (δῆμοι) часть завоеванной земли: писаты оставались данниками элейскаго государства. Упоминаемое Аристотелемъ, направленное противъ скупки крестьянскихъ участковъ, воспрещеніе отдавать землю въ закладъ относилось уже къ этому времени компромиссовъ. Δῆμοι или χῶμαι (деревни) оставались составными частями общественнаго союза. Здѣсь онѣ, а не государство и не фратрія, предоставляютъ право владѣть землей. Съ другой сторо-

ны, гоплиты до 471 г., очевидно, без всякого протеста предоставляли военное командованіе господствующему классу, какъ и въ старину. Здѣсь какъ разъ не имѣлъ мѣста синойкизмъ (слѣдствіе слабости торговли), и по этой-то причинѣ долгое время не возникали (или возникали лишь въ слабой мѣрѣ) типическія явленія аристократическаго полиса: 1) задолженность крестьянъ, 2) скопленіе земельныхъ владѣній въ однѣхъ рукахъ, 3) исчезновеніе δῆμοι изъ административнаго права, 4) новая знать (относительно синойкизма 471 г. см. ниже). Напротивъ, иначе дѣло обстояло въ обоихъ сосѣднихъ торговыхъ городахъ: въ Мегарѣ и Аѳинахъ. Въ Аѳинахъ [1]) и въ Мегарѣ, какъ и въ другихъ приморскихъ городахъ, кромѣ задолженности крестьянъ требовала разрѣшенія еще другая важная въ организаціонномъ отношеніи проблема: судьба массами возникавшихъ вмѣстѣ съ развитіемъ торговли новыхъ родовъ. Въ Мегарѣ эти parvenus, которыхъ огромныя притязанія возбуждаютъ негодованіе Ѳеогнида, разбогатѣли совершенно такъ же, какъ и въ свое время „древняя“ знать, благодаря торговлѣ (экспорту) шерстяными издѣліями, приготовлявшимися изъ шерсти, которую давали стада знати (очевидно, въ ἐργαστήριοιахъ знатныхъ). Въ Аѳинахъ ихъ возвышенію способствовалъ также вывозъ масла и гончарныхъ издѣлій. Въ обоихъ городахъ они, добиваясь равноправія, дѣйствуютъ противъ знати по временамъ заодно съ демосомъ сельскихъ округовъ (въ Мегарѣ противъ этого направленъ предостерегающій голосъ Ѳеогнида и, быть-можетъ, по этой причинѣ Ѳеогнидъ и перешелъ на сторону олигархіи). Но собственно „революціонно“ настроенными повсюду являются впавшіе въ задолженность крестьяне. И въ Мегарѣ путемъ политической революціи крестьянства была проведена ограниченная (и очень характерная) сейсахтейя: должникамъ были воз-

---

[1]) Болѣе подробное разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся государственнаго устройства, конечно, здѣсь невозможно. Рѣзкія разногласія между такими выдающимися учеными, какъ Виламовицъ и Э. Мейеръ, частыя измѣненія взглядовъ этого послѣдняго изслѣдователя, работы Бр. Кейля, Фр. Кауера, Вильбрандта во всякомъ случаѣ доказываютъ одно: что тутъ даже имѣющій филологическую подготовку спеціалистъ, несмотря на новыя открытія твореній Аристотеля, нерѣдко бродитъ въ потемкахъ,— тѣмъ болѣе мы.

вращены выплаченные ими кредиторамъ проценты. Произошла ли при этомъ и въ Мегарѣ „деградація“ знатныхъ до положенія простыхъ свободныхъ съ помощью принудительнаго зачисленія ихъ въ „демы“, намъ неизвѣстно; впрочемъ, уничтоженіе мегарской торговли аѳинянами воспрепятствовало дальнѣйшему развитію настоящей демократіи.

И въ Аѳинахъ это развитіе совершалось лишь толчками, сперва на основѣ образованія новыхъ родовъ. Обозначалъ ли вопросъ объ участіи въ родовомъ культѣ Ζεῦς ἐρκεῖος и Ἀπόλλων πατρῷος, который предлагали вступавшимъ въ должность архонтамъ (при этомъ требовалось указать мѣсто: это квалификаціонное требованіе соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени нашему средневѣковому: „Hantgemal“), послѣ клисѳеновской реформы нѣчто большее, чѣмъ требованіе для американскаго президента быть прирожденнымъ американцемъ, остается открытымъ. Введенная Клисѳеномъ наслѣдственная приписка всѣхъ знатныхъ и всѣхъ новыхъ гражданъ къ опредѣленному дему каждаго должна была способствовать также устраненію значенія какъ разъ этого вопроса; Клисѳенъ дѣлаетъ всѣхъ аѳинянъ „знатными“, говорится поэтому о немъ: именно теперь у всякаго была своя „родная община“. Но для эпохи, предшествовавшей Клисѳену, этотъ вопросъ является свидѣтельствомъ того, что перемѣны въ государственномъ устройствѣ съ тѣхъ поръ, какъ засѣдавшіе въ совѣтѣ знатные роды, переселившись путемъ синойкизма изъ своихъ бурговъ въ городъ (Декелія, напримѣръ, была такимъ родовымъ бургомъ), стали выбирать изъ своей среды архонтовъ, и вплоть до реформы Клисѳена совершались въ рамкахъ родового строя.

Такъ назыв. „солоновы“ классы, несомнѣнно, старше Солона: они служили для распредѣленія натуральныхъ повинностей гражданъ, взносовъ и военныхъ тягостей, какъ въ раннюю эпоху Рима. Когда Драконъ предоставилъ активныя права гражданства всѣмъ экономически способнымъ носить оружіе, а Солонъ также стоящимъ ниже имѣющихъ цензъ дзевгитовъ, и при этомъ и доступъ къ должностямъ поставилъ въ зависимость лишь отъ того же классового ценза, то граждане, не принадлежавшіе къ старинной городской знати (ἀστοί) эвпатридовъ, для того, напримѣръ, чтобы имѣть возможность сдѣ-

латься архонтами, непремѣнно должны были искусственно организоваться въ новые роды (gentes minores),—безъ чего былъ бы совершенно немыслимъ послѣдовавшій вскорѣ послѣ Солона, впрочемъ, полуреволюціонный компромиссный архонтатъ двухъ деміурговъ (въ виду упомянутаго выше требованія участія въ культѣ Зевса, какъ защитника домашняго очага). Но принадлежность къ родамъ означала при всѣхъ условіяхъ, какъ они складывались до Клисѳена, также и земельную осѣдлость въ качествѣ должностного ценза, такъ какъ безъ земельнаго владѣнія вообще „родъ" немыслимъ. Но въ противоположность Элидѣ мы еще не находимъ здѣсь „демовъ" въ качествѣ самой мелкой единицы государственнаго союза. Поэтому въ Аѳинахъ находившаяся въ рукахъ аристократіи фратрія, а не демъ, какъ въ Элидѣ, завѣдуетъ имѣющимъ такое большое практическое значеніе составленіемъ списковъ гражданъ. Еще не существуетъ „деревни": „навкраріи" означаютъ не составлявшіяся изъ общинъ единицы, но распредѣленіе повинностей на мѣстной основѣ. Экспортная политика, покровительствующая вывозу масла и гончарныхъ издѣлій, и благопріятная для торговли реформа валюты показываютъ, вмѣстѣ съ воспрещеніемъ вывоза хлѣба, достаточно ясно, что реформа Солона отнюдь не была чѣмъ-то первоначальнымъ: крестьянской политикой.

Преобладаніе старинной знати въ фратріяхъ осталось, такимъ образомъ, въ силѣ и послѣ Солона. Поэтому опять началась задолженность, борьба земли, не приносящей ренты, съ землей, приносящей ренту (если такъ можно выразиться) въ видѣ противоположности интересовъ педіэи (знати и новыхъ владѣльцевъ земельной ренты), съ одной стороны, и крестьянъ, съ другой, береговаго населенія, съ одной стороны, и аграріевъ внутри страны—съ другой. Политика Писистрата ниспровергла древніе роды и опиралась на крестьянъ. Мѣропріятія, направленныя ею противъ знати (за исключеніемъ конфискацій), въ подробностяхъ неизвѣстны (построенія Кауэра стоятъ здѣсь не совсѣмъ на твердой почвѣ). Политика Клисѳена, наконецъ, стремилась связать массовое включеніе въ составъ гражданской общины состоятельныхъ новыхъ гражданъ (метэковъ, даже вольноотпущенниковъ) въ интересахъ политическаго могущества государства съ уничтоженіемъ родового дѣленія государства. Необходимо было включить знать въ составъ сельскихъ общинъ, съ одной стороны, и сдѣлать возможнымъ для не принадлежащихъ къ знати гражданъ имѣть вліяніе въ фратріяхъ съ другой. Для этой цѣли было предпринято совершенно новое, намѣренно разрушающее цѣлость родовыхъ союзовъ, чисто мѣстное дѣленіе государства. У каждаго, также и у горожанина, есть теперь свой мѣстный „демосъ", къ которому онъ въ государственно-правовомъ смыслѣ принадлежитъ навсегда и изъ рода въ родъ.

Опирающееся, какъ на свою основу, на эти „демы" государство, съ народными судами и съ остракизмомъ, называлось тогда „демократіей". Демократія еще не была ни въ какомъ смыслѣ равнозначуща съ „народнымъ суверенитетомъ". Правда, ареопагъ, эта самопополнявшаяся коллегія представителей отъ родовъ, первоначально (по Аристотелю) назначавшій должностныхъ лицъ, а впослѣдствіи, наоборотъ, пополнявшійся изъ ихъ среды, былъ вытѣсненъ изъ своего прежняго положенія учрежденія, контролирующаго должностныхъ лицъ, въ частности ихъ отчетность, частью еще до Клисѳена: учрежденіе выборнаго βουλή пританов относится еще ко времени господства знати. Эволюція въ положеніи ареопага въ родѣ той, черезъ какую прошелъ римскій сенатъ, которому онъ соотвѣтствовалъ, была уже этимъ затруднена. Однако ареопагъ всетаки продолжалъ существовать какъ кассаціонная инстанція для противозаконныхъ (въ особенности же противорѣчившихъ божескому праву) постановленій экклесіи, и палъ жертвой лишь законодательства Эфіальта и Перикла.

Такое положеніе вещей уже вполнѣ соотвѣтствовало понятію радикальной „демократіи". Аттическая „демократія" тѣмъ-то и стоитъ ближе къ суверенитету Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ къ суверенитету англійскаго парламента, что въ Аѳинахъ измѣненіе въ правѣ связано съ извѣстными формальностями, и каждый гражданинъ можетъ подать кассаціонную жалобу (при существованіи народнаго суда) на противозаконное постановленіе народа. Однако, суверенитетъ аттической экклесіи все-таки стоитъ по существу выше суверенитета комицій въ римскомъ государственномъ правѣ, согласно которому не только нарушеніе божескаго права лишало силы народное постановленіе, но является противозаконнымъ

и внесеніе нормы, не имѣющей значенія общаго правила, слѣдовательно, распоряженія, относящагося лишь къ отдѣльнымъ лицамъ (этотъ пунктъ въ законахъ Двѣнадцати Таблицъ направленъ, очевидно, противъ рецепціи эллинскаго остракизма).

„Суверенитетъ“ эллинскаго полиса обнаруживается также и въ томъ, какъ полисъ распоряжается имуществомъ своихъ гражданъ. Противъ взгляда фонъ Виламовица, который видитъ въ этомъ симптомъ „юности“ частной собственности въ Элладѣ, можно указать на то, что предоставленное полису свободное распоряженіе хотя бы, напримѣръ, земельной собственностью гражданъ, является, правда, само собою понятнымъ и гомеровскому времени (см. выше), но что въ историческую эпоху оно не подвергается ограниченію, а скорѣе, можетъ быть, усиливается, вплоть до эллинистическаго періода (ср. долговой документъ изъ Аркесины, см. ниже въ главѣ объ эллинизмѣ). Въ конечномъ счетѣ объясняется оно военнымъ характеромъ полиса, который представляетъ собою военный лагерь, и народнаго собранія, которое представляетъ собою собраніе войска. Это имѣетъ, конечно, такъ же мало общаго съ какими бы то ни было отзвуками первобытнаго коммунизма, какъ хотя бы прусскій проектъ относительно поляковъ.

„Демократія“ въ смыслѣ аттическаго государственнаго порядка, опиравшагося на демы, распространилась изъ Аѳинъ (и подъ политическимъ вліяніемъ Аѳинъ) на большинство приморскихъ городовъ, говорившихъ по-іонійски, и на нѣкоторые, говорившіе на дорійскомъ языкѣ (Родосъ).

Переплетаясь съ сословными различіями „знати“ и „простыхъ свободныхъ“, имущественныя противоположности между „олигархіей“ и „демосомъ“ проходятъ черезъ всю „классическую“ эллинскую исторію: перемѣна во внутренней политикѣ заключаетъ въ себѣ и перемѣну во внѣшней политикѣ, и наоборотъ. Конечно, здѣсь дѣло идетъ не о противоположности интересовъ „рабочаго пролетаріата“ въ нашемъ смыслѣ и какихъ бы то ни было крупныхъ промышленниковъ „работодателей“. Это противоположности размѣровъ имущества (независимо отъ экономической структуры имущества), отношеній кредитора и должника, съ одной стороны, и образа жизни („рыцарскаго“ или же не рыцарскаго въ древ-

немъ смыслѣ слова, конечно), съ другой. Что касается въ частности этого послѣдняго пункта, то имущество древнихъ родовъ заключалось въ земельной рентѣ, накопленное (какъ неоднократно указывалось) съ помощью торговли (конечно, это надо понимать a potiori: не каждый знатный родъ занимался торговлей или принималъ въ ней участіе; древнѣйшимъ источникомъ знатности было, несомнѣнно, достоинство областного князя; но тѣ, кто достигалъ благосостоянія, достигали его повсюду однимъ путемъ: благодаря владѣнію собственными кораблями, участію во владѣніи ими, коммендѣ и пр) [1]).

Но, не взирая на это, древніе роды, естественно, старались воспрепятствовать вторженію новыхъ родовъ въ ихъ среду также и путемъ дискредитированія денежной наживы. Въ позднѣйшее время даже въ приморскихъ городахъ только ἐμπορία и связанное съ ней занятіе крупной морской торговлей считались достойными порядочнаго человѣка. Понятія, господствовавшія въ кругу настоящей земельной аристократіи, офиціально совершенно отвергали всякій „заработокъ“ въ собственномъ смыслѣ и безусловно, само собой разумѣется, личное участіе въ куплѣ и продажѣ съ цѣлями наживы и даже личный трудъ. Въ Спартѣ—въ результатѣ военной организаціи—не только ремесленникъ и торговецъ (мелочной, какъ и оптовый) лишены права занимать должности и не обладаютъ полными гражданскими правами—вѣдь они періэки—но спартіату прямо воспрещено собственнымъ трудомъ добывать заработокъ, какъ занятіе, не соотвѣтствующее его сословію—какъ нашимъ офицерамъ. Но съ другой стороны—и это представляетъ рѣзкій контрастъ какъ разъ аѳинской демократіи—здѣсь не является невозможностью принятіе несвободнорожденныхъ, даже дѣтей илотовъ въ сословіе гражданъ и даже полноправныхъ гражданъ, такъ какъ, соотвѣтственно чисто военному характеру государства, военное воспитаніе составляетъ основу сословной обособленности „спартіатовъ“, а не „кровь“. Въ Ѳивахъ, гдѣ долгое время было въ ходу

[1]) Прототипомъ этого экономическаго процесса въ малыхъ размѣрахъ служитъ въ большомъ видѣ такъ назыв. „Лелантская война“: велась она патриціатомъ крупныхъ торговыхъ городовъ и на морѣ. Но цѣлью и цѣной побѣды была плодородная, приносящая ренту лелантская равнина.

сраженіе на колесницахъ, должникъ какъ таковой (такъ какъ онъ или отдавалъ самого себя въ залогъ, или продавалъ свое имущество за долгъ съ правомъ выкупа) считался, какъ въ древнѣйшую пору, лишеннымъ своего сословнаго положенія и долженъ былъ въ теченіе 10 лѣтъ воздерживаться отъ появленія въ народномъ собраніи, ἀγορά, чтобы получить право быть выбраннымъ на какую-нибудь должность. Правда, въ Аѳинахъ, наоборотъ, всѣ должности (за внушающемъ нѣкоторыя сомнѣнія исключеніемъ протостратега) замѣщались по жребію, и демосъ былъ избавленъ отъ налоговъ благодаря литургіямъ имущихъ классовъ; однако, разница между джентельменомъ—владѣльцемъ ренты—и человѣкомъ, живущимъ своимъ трудомъ, продолжаетъ существовать, несмотря на „демократію", въ общественной оцѣнкѣ, и ясно выступаетъ напримѣръ, въ рѣчи Демосѳена за вѣнокъ, хотя она и была обращена къ представителямъ демоса.

Тотъ фактъ, что военное сословіе владѣльцевъ рентъ въ полисѣ гоплитовъ (Hoplitenpolis) не являлось сословіемъ грансеньеровъ, но по своему имущественному положенію и согласно обычаю какъ разъ въ эпоху развитія своего самосознанія принуждено было жить просто и „буржуазно", имѣлъ рѣшающее значеніе для развитія характерныхъ чертъ эллинской культуры—въ частности также и эллинскаго искуства. Національныя состязанія, гимназіи съ ихъ проникшей изъ Спарты и имѣвшей такія большія послѣдствія санкціей наготы,—ничего подобнаго никогда не могло бы возникнуть при дворахъ этрусскихъ или римскихъ, или восточныхъ „вельможъ": это не соотвѣтствовало бы ихъ „достоинству" (этрусскіе атлеты, напримѣръ, по мнѣнію специалистовъ, уже по своей физіономіи, профессіональные атлеты, которые, какъ въ Римѣ позднѣйшаго времени, выступали за деньги передъ господами, какъ передъ зрителями).

Ходъ развитія, ведшій прежде всего къ партикуляризму аристократическаго полиса (Adels-Polis), затѣмъ къ государству гоплитовъ и далѣе—въ наиболѣе богатыхъ городахъ—къ радикальной демократіи, опредѣлилъ въ Элладѣ (какъ и въ Римѣ) и специфически „свѣтскій" характеръ культурнаго развитія въ противоположность теократіи Востока. Главная причина этого различія лежитъ во всякомъ случаѣ не въ различіи экономи-

ческаго могущества храмовъ. Ибо и въ Элладѣ они были иногда землевладѣльцами крупнаго масштаба; крупнѣйшія владѣнія принадлежали Дельфамъ послѣ „священной войны", которая дала храму область Кирры и Крисы, которую съ тѣхъ поръ стали сдавать колонамъ. И сокровища, принадлежавшія храмамъ въ Греціи, исполняли то же назначеніе, что и на Востокѣ. У храмовъ были свои ἐργαστήρια, какъ въ Египтѣ, и они давали въ займы. Съ другой стороны, они служили депозитными кассами (быть можетъ, выкупъ рабовъ на свободу богомъ храма объясняется также тѣмъ, что боги служили сберегательной кассой для рабовъ, потому что только у нихъ peculium раба былъ въ безопасности отъ вездѣ угрожавшихъ ему на законномъ основаніи посягательствъ со стороны господина; конечно, гарантія свободы освобожденнаго раба со стороны бога тутъ также играетъ ту роль, какую она играла первоначально). Они были прежде всего, въ классической періодъ (позднѣе, въ эпоху эллинизма было иначе) единственными настоящими кредиторами государства и мѣстами для сбереженія государственнаго военнаго фонда: сокровищница богини Аѳины такъ же, какъ и сокровищницы Дельфъ и Олимпіи (значеніе которыхъ для пелопоннесцевъ оцѣниваетъ Периклъ у Ѳукидида), играли эту роль (олимпійская еще въ очень позднее время).

Сравнительная слабость теократическаго начала не можетъ быть объяснена также и этническими различіями въ смыслѣ меньшей доступности суевѣрію: въ этомъ отношеніи эллины, и тѣмъ более римляне, нисколько не уступаютъ по крайней мѣрѣ древнѣйшему Востоку (до всеобщей политической нивеллировки и теократизаціи), и всегда безусловно необходимо было считаться съ этимъ въ политикѣ. Совершенно иная роль, которую религія играла на Западѣ, объясняется отсутствіемъ сплоченнаго, строго расчлененнаго и организованнаго въ качествѣ единаго цѣлаго жреческаго сословія со всѣми его послѣдствіями (отсутствіе всякой специфически духовной образовательной подготовки и, въ связи съ этимъ, и религіознаго воспитанія мірянъ, отсутствіе всеобщей специфически духовной (priesterlichen) аскетической или установленной ритуаломъ регламентаціи жизни, даже—сравнительно!—незначительныхъ ея задатковъ и поэтому отсутствіе сектантской

аскезы въ цѣляхъ „чистоты“ для міранъ въ духѣ іудейской реклаементаціи жизни).

Жреческія должности нерѣдко, впрочемъ, даже и въ историческое время были еще наслѣдственными въ опредѣленныхъ знатныхъ родахъ (какъ, напримѣръ, жрецы Діониса въ Дельфахъ, но не жрецы Аполлона), а въ древнѣйшее время, повидимому, несомнѣнно существовала жреческая знать. Но еще задолго до побѣды „полиса гоплитовъ“ и тѣмъ болѣе послѣ нея это перестало быть общимъ правиломъ: наряду съ (рѣдко практикующимся) народнымъ избраніемъ чаще всего встрѣчается замѣщеніе жреческихъ должностей по жребію (изъ квалифицированныхъ кандидатовъ) и въ особенности продажа должностей. Совмѣщеніе должности жреца съ другими занятіями большею частью допускается. Должности были пожизненныя, но позднѣе нерѣдко замѣщались и лишь на 1 годъ. Нерѣдко замѣщеніе должности жреца имѣло смыслъ практической сдѣлки (оно было затруднительно въ случаѣ, если оливковыя плантаціи храма были сожжены!). Не существуетъ никакого единства сословія, какъ таковаго, никакой почвы для образованія „церкви“ и никакого жреческаго сословнаго сознанія. Сильная конкуренція божествъ отдѣльныхъ мѣстностей (der Partikulargottheiten) сама по себѣ (какъ показываютъ средніе вѣка) еще этого не объясняетъ. На самомъ дѣлѣ это является послѣдствіемъ политическаго подчиненія жрецовъ военному могуществу занятыхъ интересами чисто свѣтской политики аристократическихъ родовъ, а позднѣе гражданъ полиса. Дельфами владѣетъ не дельфійскій жреческій родъ, а полисъ. Поводомъ къ „священной войнѣ“ является во всякомъ случаѣ попытка этого владѣющаго храмомъ полиса сдѣлать изъ него доходную статью, обложивъ паломниковъ налогомъ. Съ тѣхъ поръ храмъ находится подъ весьма ощутительнымъ контролемъ амфиктіоній, многихъ (первоначально) деревенскихъ общинъ (ἔθνη) при все растущемъ вліяніи все болѣе и болѣе вмѣшивающихся въ его дѣла полисовъ.

Въ теократическихъ теченіяхъ, какъ извѣстно, не было недостатка въ Элладѣ и въ позднѣйшую эпоху такъ же, какъ и въ мистико-экстатическихъ. Еще персидскія войны можно разсматривать—какъ это сдѣлалъ такъ остроумно Э. Мейеръ—какъ рѣшительную борьбу между этими теченіями (къ которымъ персы, несомнѣнно, примкнули бы здѣсь, какъ и вездѣ) и „свѣтскостью („Weltlichkeit“) эллинской культуры. Всѣ тираны и кандидаты на тиранію находятся въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ храмами или пророками (особенно извѣстный примѣръ—связь Алкмеонидовъ съ Дельфами). Но могущество жрецовъ было недостаточно, чтобы дать узурпаторамъ санкцію законности, какъ на Востокѣ, и объ это разбилась тиранія.

Это безсиліе жреческаго сословія было наслѣдіемъ (обходившейся въ эпосѣ такъ непочтительно съ богами) гомеровской эпохи: военные роды эпохи военной монархіи, которые на Востокѣ въ концѣ-концовъ повсюду подчинились вступившимъ въ союзъ царской бюрократіи и теократіи, здѣсь одержали верхъ надъ царями и жрецами. И побѣда гоплитовъ, въ составъ которыхъ входили бюргеры и крестьяне, еще болѣе враждебно относившіеся къ власти жрецовъ, и прежде всего къ опиравшемуся на религію традиціонному судопроизводству, тамъ, гдѣ жрецамъ пришлось оказаться на службѣ у знати, окончательно закрѣпила пораженіе всякихъ теократическихъ теченій (между тѣмъ, какъ на Востокѣ, наоборотъ, теократія имѣла на своей сторонѣ какъ разъ массу „маленькихъ людей“, потому что они видѣли въ ней все же нѣкоторый оплотъ противъ крайнихъ проявленій произвола царей и собственниковъ крупныхъ частныхъ владѣній).

Съ историко-юридической точки зрѣнія владѣнія храмовъ, вѣроятно, имѣли то значеніе, что—повидимому—отъ нихъ повелъ свое начало институтъ наслѣдственной аренды въ своей античной формѣ (позднѣйшій „эмфитевсисъ“). Городскія и сельскія земли въ древнѣйшую пору едва ли могли сдаваться въ наслѣдственную аренду: онѣ нужны были для раздачи κλῆροι приросту населенія или для общаго пользованія. Ни того, ни другого назначенія не имѣла земля, принадлежавшая храму. Только въ Элидѣ часть покоренной Писатиды была, повидимому, роздана въ наслѣдственную аренду. Такъ какъ уже для Египта эпохи фараоновъ существуетъ возможность (но, конечно, не полная достовѣрность), что тамъ храмовые крестьяне были отчасти наслѣдственными арендаторами (см. выше), то, конечно, не случайность, что въ Элладѣ, гдѣ первое извѣстіе о наслѣдственной арендѣ (въ одной надписи въ Олимпіи) относится къ V вѣку,

храмы въ такихъ широкихъ размѣрахъ сдавали землю въ наслѣдственную аренду. Наряду съ ними въ классическую эпоху стоятъ альменды (общинныя земли) городскихъ общинъ. Напротивъ, частные владѣльцы никогда не сдаютъ землю въ наслѣдственную аренду (единственный случай, на который ссылаются, не только не достовѣренъ, но и совершенно неправдоподобенъ).

Институтъ этотъ примѣняется въ двоякомъ экономическомъ смыслѣ (какъ впервые выяснилъ Миттейсъ): 1) какъ сдача въ аренду пустыря съ обязательствомъ обработать соотвѣтственное его количество (именно: засадить масличными деревьями или виноградными лозами) на счетъ наслѣдственнаго арендатора: въ данномъ случаѣ наслѣдственная аренда есть просто превращенiе часто встрѣчающейся на Востокѣ и въ Элладѣ (см. ниже) долгосрочной аренды въ вѣчную, съ той оговоркой, что невыполненiе взятаго на себя съемщикомъ обязательства обработать взятую пустошь влечетъ за собою отнятiе у него арендованной имъ земли, тогда какъ вообще земля возвращается въ руки владѣльца только въ случаѣ смерти арендатора безъ наслѣдниковъ (мы видѣли, какъ еще болѣе примитивно трактовало сдачу земли въ аренду съ цѣлью амелiорацiи древне-вавилонское право); 2) наслѣдственная аренда выступаетъ иногда какъ „покупка ренты" (такъ справедливо называетъ этотъ случай Миттейсъ по аналогiи съ соотвѣтствующимъ германскимъ явленiемъ), когда обработанная земля, купленная храмомъ (или для него), возвращается продавцу подъ условiемъ уплаты чинша. Для храма это—вѣрное помѣщенiе капитала, а для того, кто предлагаетъ ему участокъ за ренту, это означаетъ прiобрѣтенiе производственнаго капитала и сверхъ того правовое обезпеченiе, которое, такимъ образомъ, прiобрѣтала его земля въ качествѣ земли, принадлежащей храму. Вопросъ объ отчуждаемости опредѣлялся контрактомъ; иногда она не допускается. Тотъ фактъ, что въ одномъ (очень позднемъ) контрактѣ изъ Өизбы отчужденiе допускается производить лишь въ пользу гражданъ данной общины, соотвѣтствуетъ древнимъ эллинскимъ принципамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Классическая эпоха (Аѳины).

Наслѣдственная аренда—которая, какъ уже было указано, и въ Элладѣ встрѣчается лишь въ практикѣ юридическихъ и даже собственно „публичныхъ" юридическихъ лицъ, но не физическихъ лицъ, въ частномъ оборотѣ и здѣсь (какъ и въ Римѣ) была совершенно невозможна—въ Аттикѣ классическаго перiода и во всѣхъ странахъ, обладавшихъ такимъ же радикально демократическимъ строемъ, была единственнымъ видомъ связаннаго владѣнiя землей въ классическую эпоху. Процессъ развитiя, приведшiй къ превращенiю полиса ранней поры въ „гражданскiй полисъ" („Bürgerpolis"), въ своемъ конечномъ пунктѣ въ общемъ совпадаетъ съ процессомъ развитiя, приведшимъ къ полной свободѣ земельнаго оборота. Не только въ Аѳинахъ и въ союзныхъ съ ними городахъ (возможность покупки земли и аренды земли въ союзныхъ общинахъ составляетъ вѣдь главную выгоду союза для аѳинянъ), но и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Спарты и специфически землевладѣльческихъ странъ типа Өессалiи, земельный оборотъ освобожденъ въ классическую эпоху отъ ограничивавшихъ его правъ выкупа членами рода. Но и тѣ ограниченiя, которыя государство гоплитовъ создало для него при своемъ возникновенiи съ цѣлью сохраненiя экономической основы способности нести военную повинность, какими являются совершенное воспрещенiе продажи κλῆροςʼα или же воспрещенiе скопленiя земли въ однѣхъ рукахъ, ограниченiе дробленiя участковъ и задолженности и т. д., держались недолго (и, конечно, совершенно исчезли тамъ, гдѣ перешли, въ болѣе позднее время, къ новой военной организацiи, къ войску, получающему жалованье). Въ возникшемъ путемъ совершившагося въ 471 г. синойкизма государствѣ Элиды, когда, благодаря соглашенiю между партiями, изгнаннымъ

аристократамъ было разрѣшено вернуться на родину (350 г.), ad hoc было издано запрещеніе продавать принадлежавшіе имъ участки земли—что, слѣдовательно, само по себѣ и притомъ, навѣрное, уже очень задолго до того, было разрѣшено. Съ этой свободой оборота въ свободномъ полисѣ открылась, конечно, возможность возникновенія различій въ размѣрахъ земельныхъ владѣній, которыхъ не избѣжала и сама Спарта. Этому еще болѣе способствовало то, что запреты и ограниченія, налагавшіеся древнимъ полисомъ гоплитовъ на рабовладѣніе, нигдѣ не удержались, и мы можемъ, такимъ образомъ, прослѣдить вплоть до эллинистическаго періода все большее и большее распространеніе покупныхъ рабовъ какъ нормальное явленіе на все новыя и новыя области. Такъ было, напримѣръ, въ Фокидѣ (см. выше) послѣ Пелопонneской войны (извѣстенъ обратившій тогда общее вниманіе случай ввоза сразу 1000 рабовъ). То же было у этолійцевъ въ эллинистическій періодъ, когда они конституировались въ военномъ отношеніи въ качествѣ государства господъ-завоевателей, и введеніе покупного рабства было, несомнѣнно, слѣдствіемъ этой новой конституціи, которая сдѣлала для нихъ необходимымъ быть въ хозяйственномъ отношеніи абсентеистами („abkömmlich“).

Теперь является вопросъ; какъ мы должны представлять себѣ вліяніе этой свободы оборота въ древней Элладѣ? Было ли оно въ частности аналогично тому процессу развитія, въ направленіи къ крупному землевладѣнію и крупному производству съ помощью рабскаго труда, который мы наблюдаемъ въ Римѣ?

Источники позволяютъ дѣлать, даже относительно столь ярко освѣщенныхъ ими областей, какъ Аттика, лишь косвенныя заключенія. Прежде всего надо имѣть въ виду, что за стѣнами бурговъ древней поры, служившихъ мѣстопребываніемъ знатныхъ родовъ, не существовало сельскихъ „вилледжіатуръ“ и вообще никакихъ сколько-нибудь крупныхъ сооруженій за исключеніемъ мѣстныхъ часовенъ. Не только рабы, стада, всякая утварь, но и постройки, т.-е. составныя части деревянныхъ домовъ, въ случаѣ нападенія враговъ переводились въ городъ. Затѣмъ, участіе въ политикѣ необходимо влекло за собой абсентеизмъ. Такимъ образомъ, кромѣ извѣстнаго числа рабовъ для полевыхъ работъ, профессіональному политику необходимо было держать еще и надсмотрщиковъ (ἐπίτροποι) для управленія имѣніемъ. Съ другой стороны, гоплиту для достиженія высшей ступени техническаго усовершенствованія было необходимо или постоянно жить или, во всякомъ случаѣ, часто бывать въ городѣ для военныхъ упражненій, какъ только городъ выступилъ на путь „большой“ политики на сушѣ (zu Lande). Когда Аргосъ вознамѣрился вступить на этотъ путь, первое, что онъ рѣшилъ сдѣлать, это спеціально подготовить 1000 „избранныхъ“, которые должны были сравняться со спартіатами. Точно такъ же создался въ Ѳивахъ „священный отрядъ“.

Съ другой стороны, тѣ отношенія, которыя имѣютъ въ виду въ своихъ рѣчахъ аттическіе ораторы, показываютъ, что земельныя владѣнія „капиталистовъ“ въ приморскихъ городахъ, которые смотрѣли на нихъ, какъ на случайное помѣщеніе капитала, во всякомъ случаѣ часто представляли собою разбросанное въ разныхъ мѣстахъ владѣніе (Streubesitz) и не имѣли характера крупнаго землевладѣнія. Эти земельныя владѣнія капиталистовъ классическаго періода въ противоположность владѣніямъ древней знати, видимо, легко переходили изъ рукъ въ руки (ср. Тимарха). Какъ разъ потребности сдѣлать это возможнымъ и шло навстрѣчу развитіе свободы оборота.

Въ Аттикѣ въ V вѣкѣ и позднѣе существовала полная свобода отчужденія земли, заклада и, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ отсутствія законныхъ сыновей, безусловной передачи по завѣщанію, въ иныхъ случаяхъ только въ формѣ легатовъ, противъ которыхъ не существовало (какъ это было въ Гортинѣ) закономъ установленнаго права законныхъ наслѣдниковъ на неотъемлемую ихъ часть. Изъ одного мѣста у Лисія сдѣлано было неправильное заключеніе о существованіи закономъ установленнаго различія между унаслѣдованнымъ и благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Въ Аѳинахъ въ то время считалось просто долгомъ приличія не продавать наслѣдственнаго имущества (можетъ быть, иначе дѣло обстояло еще въ IV вѣкѣ, напр., въ Ѳерѣ). Во всякомъ случаѣ, повидимому, было въ обычаѣ при дѣлежѣ наслѣдства при жизни наслѣдственную землю (въ противоположность благопріобрѣтенной) отдавать сыновьямъ. (Этотъ послѣдній обычай по своему происхожденію могъ бы быть сопоставленъ съ японскимъ обычаемъ „инкіо“ и съ тацитовскими замѣчаніями о порядкѣ наслѣдованія

у германцевъ: неспособный болѣе носить оружіе человѣкъ принужденъ былъ въ полисѣ гоплитовъ передать свой κλῆρος сыну и самъ перейти на свою стариковскую часть. Вмѣстѣ съ этимъ первоначально онъ, конечно, терялъ и свой голосъ въ собраніи войска и за то засѣдалъ въ совѣтѣ старѣйшинъ).

Преимущество, которымъ пользовались сыновья въ наслѣдственномъ правѣ, продолжаетъ существовать, находясь въ соотвѣтствіи съ военнымъ характеромъ полиса. Наслѣдственное право здѣсь есть наслѣдственное семейственное право съ предпочтеніемъ мужской линіи; вспомогательнаго наслѣдственнаго права рода (Sippe) не существуетъ; нѣтъ также права на наслѣдство и у фратріи (обязанность родовой мести и право на наслѣдство не стоятъ ни въ какой связи). Земельной собственности не можетъ имѣть неполноправный гражданинъ, со временъ Перикла, слѣдовательно, тотъ, кто не происходитъ со стороны отца и со стороны матери изъ семьи полноправныхъ гражданъ (слѣдовательно, не отъ вольноотпущенниковъ или отъ метэковъ).

Изъ этого вытекаетъ одно важное въ экономическомъ отношеніи слѣдствіе: для всѣхъ чужестранцевъ и метэковъ была закрыта возможность заниматься такимъ важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ коммерческимъ дѣломъ, какъ ипотека (которая отчасти являлась покупкой съ правомъ обратной покупки, отчасти заключала въ себѣ эвентуальное право кредитора стать полнымъ собственникомъ закладываемаго имущества), слѣдовательно, этого рода помѣщеніе капиталовъ было предоставлено исключительно полноправнымъ гражданамъ. Первая, удостовѣренная свидѣтельствами источниковъ привилегія, данная аѳинянами иностранцамъ и предоставлявшая имъ право брать въ залогъ землю внутри страны, относится къ эпохѣ Декелейской войны и, слѣдовательно, является мѣрой вынужденной, и значеніе этого допущенія или недопущенія иностранныхъ кредиторовъ видно изъ того, что аѳиняне при заключеніи своего такъ называемаго „второго морского союза“ должны были дать спеціальную гарантію, что ни одинъ аѳинянинъ не будетъ ни покупать землю въ союзныхъ городахъ, ни брать въ залогъ въ обезпеченіе долга. Земельное барышничество наряду съ государственными откупами какъ до, такъ и послѣ этого было капиталистичес-

кимъ предпріятіемъ par excellence, и первый аттическій морской союзъ, несомнѣнно, имѣлъ значеніе своего рода вотчинной власти зажиточныхъ аѳинянъ, владѣвшихъ на ипотечномъ правѣ землею въ союзныхъ городахъ.

Это иллюстрируетъ и самая форма земельнаго кредита. Формой залогового права была или πρᾶσις ἐπὶ λύσει: продажа участка земли кредитору съ сохраненіемъ права обратной покупки (форма, юридически болѣе напоминающая соотвѣтствующій институтъ нѣмецкаго права, чѣмъ римскую „fiducia“) или ипотека въ нашемъ смыслѣ слова. Еще въ классическую эпоху функціонируютъ рядомъ обѣ эти формы, и кромѣ того существуютъ (отличающіяся отъ ипотеки лишь по названію) ἀποτιμήματα (права заклада въ отношеніи къ приданому и къ праву опеки). Лишь въ позднѣйшую эпоху получаетъ окончательное преобладаніе ипотека въ собственномъ смыслѣ слова.

Возможно, что первоначально лишь публичныя или quasi-публичныя обязательства получали обезпеченіе при помощи залогового права безъ указанія опредѣленнаго вида владѣнія взятымъ въ закладъ имуществомъ (чему началомъ послужили своей конструкціей литургіи). Еще въ IV в. аттическіе ипотечные камни говорятъ о займѣ въ формѣ πρᾶσις ἐπὶ λύσει какъ о нормальной формѣ, а не объ ипотекѣ. Что ипотека возникла изъ личнаго закабаленія за долги (послѣ выдѣленія личности должника законами, запрещающими отдавать въ рабство за долги), Шанто могъ бы заключить также изъ извѣстной галикарнасской надписи (Bull. IV p. 295), между тѣмъ, какъ πρᾶσις ἐπὶ λύσει (какъ и римскую „fiducia“) онъ выводитъ изъ простой окончательной продажи, при которой покупная цѣна отдавалась въ займы.

Однако, если принять во вниманіе ту роль, какую играютъ въ другихъ, притомъ чрезвычайно различныхъ между собою и къ тому же какъ разъ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ системъ античнаго права съ ограниченіями и sub causa совершавшіяся передачи, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ кабала за долги, договоры, представлявшіе кредитору право пользованія взятой въ залогъ вещью и т. д., и, прежде всего, ту роль, какую именно задолженность земли играетъ среди въ другихъ отношеніяхъ еще довольно „первобытныхъ“ общихъ условій, наконецъ, если принять въ соображеніе и то, что во

многихъ эллинскихъ государствахъ наряду съ ипотекой продолжаетъ существовать и личное рабство за долги, то эта (талантливо построенная) теорія не представляется убѣдительной, и не является никакой необходимости принимать ее и въ томъ передѣланномъ видѣ, какой сообщилъ ей Свобода въ своемъ, впрочемъ, весьма поучительномъ изложеніи. Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется, что и здѣсь πρᾶσις ἐπὶ λύσει есть очень древнее право, столь же древнее, какъ право брать въ залогъ женъ и дѣтей должника, и что это, какъ и въ средніе вѣка, есть древнѣйшее залоговое земельное право, что должникъ, который обыкновенно (здѣсь, какъ очень часто и въ другихъ странахъ) продолжалъ владѣть участкомъ въ качествѣ прекариста или арендатора (въ частности, какъ ἑκτημόριος), водружая на своей землѣ ὅρος (ипотечный камень), тѣмъ самымъ признавалъ (подлежащее выкупу) право собственности на нее кредитора. Конечно, по надписямъ ὅροι сохранились (что и вполнѣ понятно) лишь отъ IV вѣка, но Солонъ упоминаетъ о нихъ совершенно опредѣленнымъ образомъ. Личная кабала должника была воспрещена Солономъ, одинаково, какъ обращеніе въ рабство въ порядкѣ исполненія (die Exekutionsversklavung), такъ и заемъ подъ залогъ собственнаго тѣла. Въ другихъ мѣстахъ кабала за долги продолжала допускаться. Развитіе ипотеки было только естественнымъ продолженіемъ этого процесса смягченія здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ: самовольное ἐμβάτευσις (вступленіе во владѣніе) кредитора въ случаѣ неуплаты долга и примѣненіе такъ назыв. δίκη ἐξούλης противъ должника, который не очищаетъ доставшійся кредитору участокъ, были бы тогда остатками прежняго положенія отдавшаго подъ залогъ свой участокъ должника какъ прекариста. Развитіемъ ипотеки изъ πρᾶσις ἐπὶ λύσει объясняется и первоначально требовавшееся согласіе кредитора при отчужденіяхъ. Постепенно развилась затѣмъ и отдача подъ залогъ такъ называемой ὑπεροχή, которая первоначально, естественно, также была связана съ согласіемъ перваго кредитора, а въ мѣстѣ съ этимъ и вторичный закладъ (die Nachhypothek).

Земельный и ипотечный оборотъ былъ формально очень облегченъ. Земельныя книги существовали (вопреки показаніямъ Аристотеля и Теофраста), правда, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ: на Теносѣ, гдѣ также, какъ, повидимому, и на Хіосѣ, существовали ипотечные регистры. Въ остальныхъ мѣстахъ въ большинствѣ случаевъ для передачи права собственности достаточно было простого контракта. Въ Аѳинахъ (въ противоположность Египту и Риму поздней поры) не существовало легальныхъ ипотекъ, и свѣдѣнія объ оборотахъ съ землей давали податные списки и земельный кадастръ демарховъ—именно съ введенія новаго порядка Навсиникомъ (377 г.); кромѣ того, здѣсь предписывалось передъ отчужденіемъ вывѣшивать для общаго свѣдѣнія плакаты, приглашающіе лицъ, желающихъ предъявить права на отчуждаемую землю, предъявить ихъ (въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ обязанность публично выкрикивать объ этомъ или устраивать публичныя жертвоприношенія),—для отношеній пространственно ограниченнаго полиса всѣмъ этимъ въ достаточной мѣрѣ обезпечивался спеціальный характеръ сдѣлокъ и ихъ публичность.

Теперь спрашивается: какое вліяніе эта свобода оборота и его обезпеченность въ связи съ государственнымъ устройствомъ, опиравшимся на демы, оказала на соціальное расчлененіе страны (des platten Landes) въ частности въ Аттикѣ?

Свобода земельнаго оборота отнюдь не есть всецѣло дѣло рукъ Солона. Имъ впервые, несомнѣнно, создана свобода завѣщанія. Во всемъ другомъ онъ, можетъ быть, создалъ вновь столько же ограниченій (запрещеніе скопленія участковъ въ однѣхъ рукахъ), сколько онъ ихъ устранилъ. Поддерживавшаяся за послѣднее время много разъ (Фюстель де Куланжъ, Вильбрандтъ) гипотеза, будто Солонъ устранилъ повсемѣстно существовавшую до тѣхъ поръ въ Аттикѣ родовую собственность на землю, которая исключала всякій земельный оборотъ и всякую индивидуальную частную собственность, никакимъ способомъ не можетъ быть удостовѣрена и находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ даетъ традиція объ установленномъ Дракономъ цензѣ гоплитовъ и о солоновскихъ классахъ (со всѣми аналогичными явленіями), которые, вѣдь, несомнѣнно, существовали до него для поимущественнаго распредѣленія налоговъ и воинской повинности и тѣмъ самымъ заставляютъ предполагать существованіе индивидуальныхъ имущественныхъ различій, а также и со всѣми, аналогичными явленіями. Въ древности „роды“ („Geschlechter“)

повсюду моложе, чѣмъ (конечно, въ нормальномъ порядкѣ съ помощью правъ ретратка связанная съ семьей) частная собственность на землю, являющаяся продуктомъ диффеpенціацiи, развивавшейся въ связи съ доходами съ торговли и военной добычи. Не имѣется никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о тѣхъ отношеніяхъ, какія предполагаетъ эта теорія. Соображенія Вильбрандта объ ограниченіяхъ земельнаго оборота переносятъ въ далекое прошлое законодательныя ограниченія, которыя были установлены въ интересахъ обезпеченія военной повинности гражданъ, а то, что онъ говорить ὁ πρᾶσις ἐπὶ λύσει, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ упускаетъ изъ виду, что „покупающій“ кредиторъ пріобрѣталъ не собственность, а подлежащее выкупу право, но право на землю, а не лишь на доходы съ нея (что нигдѣ не встрѣчается). Точно также я не могу присоединиться къ мнѣнію Свободы, будто бы классъ „гектеморіевъ“ былъ сословіемъ „крѣпостныхъ“ („Höriger“), на подобіе спартанскихъ илотовъ. (Что они, съ другой стороны, не могли быть рабочими, поставленными по подряду („Akkordarbeiter“), было уже замѣчено). То, что Свобода говоритъ объ ихъ положеніи въ наслѣдственномъ правѣ, далѣе, объ ихъ glebæ adscriptio, объ ихъ правѣ на защиту ихъ правъ, объ ихъ барщинѣ и т. д.,—все это гипотезы и, поскольку рѣчь идетъ о возникновеніи крупнаго производства, по моему, гипотезы совершенно невѣроятныя, явившіяся на свѣтъ (какъ и гипотезы относительно Рима у К. І. Неймана) благодаря тому, что авторъ, увлеченный работами нашего ученаго мастера Г. Ф. Кнаппа, перенесъ въ древній міръ блестяще изображенный имъ чисто современный процессъ. Объ „отмѣнѣ“ Солономъ института крѣпостныхъ не сохранилось никакихъ извѣстій, которыя, однако, непремѣнно существовали бы, если бы онъ дѣйствительно сдѣлалъ это. Что онъ устранилъ надобность въ судебной клиентелѣ, это было совершенно правильно выведено изъ сохранившейся до насъ традиціи (но въ то же время это естественно предполагаетъ существованіе плебейской свободы до него). Πελάται, т.-е. неимущіе и поэтому состоящіе у кого-нибудь клиентами рабочіе, получаютъ отнынѣ право выступать въ качествѣ стороны въ судебныхъ процессахъ. (Но они не тожественны съ гектеморіями, въ пользу чего высказывается встрѣчающійся уже у античныхъ лексикографовъ взглядъ). То, что остается вѣрнаго въ соображеніяхъ Свободы, могло бы быть принято во вниманіе и при построеніи гипотезы, согласно которой гектеморіи были (см. выше) отдавшіе свою землю въ залогъ должники, землей которыхъ владѣлъ кредиторъ, предоставляя имъ обрабатывать ее въ качествѣ арендаторовъ изъ части урожая. Можетъ быть, то, что всѣ платили „шестую часть“ урожая, есть результатъ законодательнаго регулированія, которое имѣло значеніе ограниченія правъ кредитора. Солонъ во всякомъ случаѣ уничтожилъ это учрежденіе, подвергнувъ реформѣ все долговое законодательство и кассировавъ всѣ существовавшія тогда обезпеченныя залогомъ долговыя обязательства (тѣмъ самымъ, слѣдовательно, и существовавшія долговыя обязательства гектеморіевъ и самую эту социальную категорію). Во всякомъ случаѣ съ Солона не существуетъ болѣе этого отношенія. Единственное мѣсто, въ которомъ имя Солона упоминается въ связи съ арендой земли за часть урожая (Поллуксъ VII, 151), только подтверждаетъ это: законъ Солона занятъ судьбою земли, „γῆ ἐπίμορτος“ (т.-е. освобожденіемъ ея изъ подъ заклада), а не сословія ἑκτημόριοι.

Какую форму избралъ Солонъ для уже упомянутаго раньше ограниченія скопленія земли въ однихъ рукахъ, свѣдѣній объ этомъ до насъ не дошло. Судя по тексту соотвѣтствующаго мѣста Аристотеля (Полит. II, 4, 4), едва ли это было прямое запрещеніе. Общее запрещеніе (о которомъ, какъ о существующемъ, упоминаетъ Аристотель) продажи земли, лежащей въ отдаленіи отъ города, городскимъ жителямъ (т.-е. знати) представляется вполнѣ вѣроятнымъ въ эпоху происходившей въ Аѳинахъ партійной борьбы между педіэями и діакріями; но тогда оно должно быть приписано скорѣе Писистрату. Очень возможнымъ, напротивъ, представляется, что ограниченія пріобрѣтенія земли за предѣлами своего дема существовали при огранизаціи Клисѳеномъ управленія Аттики на основѣ демовъ, вѣроятно, со временъ Писистрата, въ правленіе котораго должна была произойти парцелляція земли, находившейся ко времени Солона въ рукахъ немногихъ („δι' ὀλίγων“). Ибо еще въ IV вѣкѣ аттическіе демы, ведшіе кадастръ, взимали особый налогъ съ земельнаго владѣнія тѣхъ, кто не

принадлежалъ къ дему. Этотъ налогъ („ἐγκτητικόν“) былъ, конечно, чувствительнымъ ограниченіемъ и для помѣщенія капитала въ земельныя ипотеки. Въ общемъ это указываетъ на существованіе крѣпко сплоченныхъ мѣстныхъ общинныхъ союзовъ (Gemeindeverbände) внутри страны. Въ теченіе всего V, и, несмотря на ужасающія опустошенія, произведенныя пелопонесской войной, также и IV вѣка и аттическая мѣстная община (Landgemeinde) представляетъ собой живое единство, какъ это подтверждаютъ источники (хотя вопросъ о ея финансовомъ положеніи не выясненъ Плотейской надписью, такъ какъ неизвѣстно, составляютъ ли 22.000 драхмъ ея капиталъ или годовой расходъ). „Демъ“ владѣетъ собственной землей (а также полями, виноградниками, а иногда и театромъ и, несомнѣнно, всякаго рода тавернами), управляетъ ею, сдаетъ въ аренду (демъ Айксоне на 40 лѣтъ); онъ же есть округъ для набора войска: заболѣвшій можетъ поставить за себя въ войско замѣстителя изъ своего дема; онъ есть самый мелкій податной округъ, онъ опредѣляетъ, слѣдовательно, кто обязанъ вносить подать (προεισφορά); наконецъ, онъ принимаетъ участіе въ выборахъ (при помощи жребія) членовъ булэ. Документы, касающіеся пританов, говорятъ объ участіи въ выборахъ всѣхъ демовъ соотвѣтствующихъ филъ, и даже, повидимому, въ основѣ лежалъ принципъ пропорціональнаго представительства. При этомъ какъ разъ принципъ наслѣдственной принадлежности къ дему рѣшительно противорѣчилъ идеѣ, лежавшей въ основѣ какъ клисѳеновской, такъ и писистратовской политики. Ихъ цѣлью было: создать политическое господство землевладѣльцевъ средней руки, способныхъ нести службу гоплитовъ, разрушить крупные родовые союзы. Для этой цѣли, какъ въ демократическихъ общинахъ Италіи каждый нобиль былъ приписанъ къ цеху, такъ здѣсь каждый знатный былъ приписанъ къ деревнѣ, а его лежавшее внѣ этой деревни земельное владѣніе подвергалось особому обложенію. Впослѣдствіи (неизвѣстно, когда), фратріямъ было поставлено въ обязанность принимать въ свой составъ какъ ὁμογάλακτες (старинная знать), такъ и ὀργεῶνες (искусственно созданныя quasi-gentes изъ новыхъ гражданъ), позднѣе также θίασοι, т. е. свободно формировавшіеся союзы гражданъ, принадлежавшихъ къ неосѣдлому, не имѣющему никакой родовой организаціи населе-

нію[1]). И если въ первой надписи демотіонидовъ (начало 4 стол.) древній οἶκος (евпатридовскій родъ) Декелейевъ еще занимаетъ во фратріи, какъ остатокъ древнихъ правъ, положеніе своего рода оффиціальнаго адвоката при отправленіи фратріей ея важнѣйшей функціи: занесенія въ списки гражданъ, то во второй надписи (середина 4 стол.) первой инстанціей въ рѣшеніи вопроса о внесеніи въ списки гражданъ является исключительно θίασος, и вмѣшательство знати отсутствуетъ. Фратрія и демъ демократизировались. Демы поставили кадры могучаго аѳинскаго войска гоплитовъ во времена наивысшаго могущества Аѳинъ (480-460), и въ первую голову крестьянство. Изъ 30-33 тысячъ дзевгитовъ (кромѣ 2000—2400 пентакосіомедимновъ и всадниковъ), входившихъ въ составъ аѳинскаго войска (кромѣ 20000 ѳетовъ) въ 431 г., по исчисленію Э. Мейера, большинство принадлежало, по всей вѣроятности, къ сельскому населенію.

Но въ политикѣ перевѣсъ былъ уже не на сторонѣ деревни. Аѳинскій гражданинъ былъ приписанъ къ дему, какъ русскій крестьянинъ къ своему міру — но безъ стѣсненія свободы передвиженія — разъ навсегда и независимо отъ мѣстожительства и занятія. Каждый платитъ налогъ по своему дему, гдѣ бы онъ ни находился въ данное время. Но лишь постоянно жившіе въ городѣ члены демовъ одни были въ состояніи регулярно принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ, въ которыхъ, поэтому, при наличности соотвѣтствующихъ условій, ναυτικὸς ὄχλος и имѣлъ случай проявлять свое, извѣстное изъ политики демократіи, вліяніе. Этому нисколько, конечно, не противо-

[1]) Почти всѣ частности въ этомъ вопросѣ спорны. Слѣдуетъ всетаки признать, что упомянутый выше „списокъ фратрій“ отъ начала IV в., съ 20 (!) именами содержалъ, навѣрное, имена не всѣхъ членовъ фратріи. Съ другой стороны, надо помнить, что, правда, по декретамъ о правѣ гражданства — каждому новому гражданину было предоставлено право свободно выбирать демъ, фратрію (впослѣдствіи съ нѣкоторыми ограниченіями) и филу, но что фила опредѣлялась выборомъ дема, въ рукахъ котораго было веденіе списковъ гражданъ, между тѣмъ какъ формальное вступленіе въ фратрію было важно только для лицъ, желавшихъ получить по наслѣдству (ab intestato) состояніе, въ особенности земельное владѣніе и, такимъ образомъ, очевидно, отнюдь не предрѣшалось принятіемъ въ демъ, какъ показываютъ акты демотіонидовъ, слѣдовательно, весьма возможно, что многіе граждане, и даже значительное большинство ихъ, въ позднѣйшее время вовсе не принадлежали ни къ какой фратріи.

рѣчитъ то, что въ совѣтѣ, въ должностяхъ стратеговъ и въ финансовомъ управленіи, какъ это доказано, преобладали имущіе, и что, судя по надписямъ, въ народномъ собраніи предложенія вносили въ значительной части также имущіе. Въ древности *профессіональный* политикъ въ общемъ *долженъ* былъ быть человѣкомъ „имущимъ“ (вѣдь въ прежнее время и вожди соціалъ-демократіи были въ значительной части люди состоятельные, тогда какъ теперь редакторами и секретарями могутъ быть всѣ). Напротивъ, важно съ практической точки зрѣнія и характерно то, что состоятельные люди начинаютъ играть все большую и большую роль въ *мѣстномъ* управленіи *многихъ* демовъ, а еще, разумѣется, важнѣе стоящій съ этимъ въ связи вопросъ о распредѣленіи *владѣнія* внутри демовъ.

Не взирая на сильное вліяніе имущихъ классовъ, это еще въ 4 вѣкѣ повидимому *не* была плутократія. Въ 5 вѣкѣ четвертая часть аттическихъ гражданъ не имѣла земли, большинство же жило по деревнямъ. Объ этомъ ничего неизвѣстно изъ первыхъ рукъ. Изъ существующихъ земельныхъ дарственныхъ записей мы узнаемъ, что имѣнія величиною съ крестьянскій (по нашимъ понятіямъ) надѣлъ считались за солидный подарокъ, земельныя владѣнія болѣе, чѣмъ въ 50 гектаровъ (для разведенія масличныхъ деревьевъ дѣйствительно довольно большая площадь) почти не встрѣчались. Приблизительно 50 гектарамъ равнялся древній minimum участка земли, дававшаго цензъ пентакосіомедимна[1]). Аристократъ, въ родѣ Алкивіада, получалъ въ наслѣдство всего лишь какихъ-нибудь 30 гектаровъ. Кимонъ выплатилъ 50 талантовъ штрафа за своего отца Мильтіада, конечно, не изъ земельной ренты, а изъ доходовъ съ *капитала*, пущеннаго въ международный оборотъ. Руководящіе государственные дѣятели эпохи Пелопоннесской войны, какъ консервативные (Никій), такъ и ра-

[1]) При переложномъ (*съ примѣненіемъ удобренія*) хозяйствѣ для произращенія 500 медимновъ ячменя (валовой доходъ) нужны около 22 гектаровъ полевой земли при *нынѣшной* доходности (среднія цифры для Пруссіи), въ Аттикѣ въ древности, навѣрное, больше, чѣмъ вдвое. Но вѣдь считались вмѣстѣ и твердые, и *текущіе* доходы, и при денежномъ расчетѣ медимнъ принимался по курсу равнымъ драхмѣ при оцѣнкѣ его на деньги.

дикальные (Клеонъ), были не *землевладѣльцы*, а рабовладѣльцы (но *не* „фабриканты“; см. ниже), какъ позднѣе Демосѳенъ. Участки, отдававшіеся въ наслѣдственную аренду, тоже въ общемъ равнялись по своимъ размѣрамъ среднимъ крестьянскимъ участкамъ, превосходя ихъ только въ случаѣ отдачи въ аренду *новой*, еще не тронутой культурой земли (ἐμφύτευσις въ собственномъ смыслѣ). Никогда не надо забывать *великой* — въ противоположность Востоку и Риму — *простоты* образа жизни эллиновъ и *какъ разъ* носителей эллинской культуры, ея „культуртрегеровъ“, во времена наивысшаго творческаго ея развитія. Эллинское искусство въ особенности возникло *отнюдь не* на почвѣ утонченныхъ *матеріальныхъ* потребностей.

Несомнѣнный упадокъ военной силы въ Аѳинахъ, ихъ гоплитовъ, т.-е., неспособность ихъ возстановить страшный, понесенный на войнѣ уронъ, можно объяснить по существу слѣдующими причинами: 1) уменьшеніемъ *числа* лицъ, способныхъ по своимъ экономическимъ условіямъ нести военную службу въ полномъ вооруженіи, благодаря дробленію земли на мелкіе участки или, наоборотъ, благодаря скопленію нѣсколькихъ участковъ въ однихъ рукахъ; 2) пониженіемъ военныхъ *качествъ* людей, по экономическимъ условіямъ способныхъ нести службу гоплитовъ, благодаря большему экономическому прикрѣпленію къ хозяйству, вызванному возрастаніемъ его интенсивности, — уменьшеніемъ „тренировки“. Эти причины могли дѣйствовать *совмѣстно*, такъ что для Аѳинъ трудно установить, какой моментъ являлся преобладающимъ. Наблюденное Sundwall'емъ движеніе принадлежавшаго къ отдѣльнымъ категоріямъ демовъ населенія (на основаніи существовавшаго одно время распредѣленія пританов по „триттіямъ“, изъ котораго видно, что въ 4 вѣкѣ населеніе демовъ, расположенныхъ внутри страны, остается *неподвижнымъ*, населеніе *береговыхъ* демовъ *увеличивается*, а населеніе городскихъ демовъ *уменьшается*), какъ оно ни интересно, даетъ все-таки, конечно, результатъ, который имѣетъ различный смыслъ, поскольку возникаетъ вопросъ о *мѣстожительствѣ* и профессіи, но прежде всего о густотѣ *сельскаго* населенія. Семьи, живущія *изъ рода въ родъ въ городахъ* и въ ихъ ближайшихъ окрестностяхъ, вѣдь, повсюду вымираютъ

раньше; ростъ населенія береговыхъ демовъ, настоящихъ носителей радикализма, есть, быть можетъ, слѣдствіе учащенія браковъ благодаря повышенію заработка отъ морской торговли; во всякомъ случаѣ едва ли это ростъ крестьянства; неподвижность населенія демовъ, расположенныхъ внутри страны, еще не доказываетъ, что принадлежащіе къ нимъ оставались крестьянами или, что они жили только въ деревнѣ. Что ослабленіе какъ разъ городскихъ демовъ было вызвано особенно сильнымъ привлеченіемъ какъ разъ ихъ членовъ къ клерухіямъ, представляется все-таки мало вѣроятнымъ. Скорѣе здѣсь должно быть принято во вниманіе суженіе пищевой площади свободнаго труда благодаря конкуренціи рабскаго труда (см. ниже). Достовѣрно только, что въ то время въ многочисленныхъ сельскихъ демахъ фактически наслѣдственно держали все въ своихъ рукахъ состоятельные роды, затѣмъ, что жизнь въ демахъ съ конца 4 вѣка начала замирать. Продажа должностей въ демахъ, съ одной стороны, монополизація ихъ въ рукахъ имущихъ, съ другой, идутъ рука объ руку уже въ 4 вѣкѣ, и уменьшеніе политическаго и соціальнаго значенія сельскаго средняго сословія находитъ свое краснорѣчивое выраженіе въ прекращеніи въ 3 столѣтіи относящихся къ демамъ надписей. Это, конечно, есть послѣдствіе перемѣнъ въ распредѣленіи богатствъ, происшедшихъ въ эллинистическую эпоху (см. ниже). Напротивъ, для классической эпохи невозможно установить, ни какіе размѣры принялъ рабскій трудъ въ деревнѣ, ни какое значеніе пріобрѣла аренда.

Что касается этой послѣдней, то, въ противоположность Востоку (что объясняется состояніемъ матеріала источниковъ), имѣется только одинъ (испорченный) чисто частный арендный документъ, относящійся къ Аѳинамъ, остальные— арендные договоры исключительно только съ общественными корпораціями. Не подлежитъ сомнѣнію только рѣшительное преобладаніе аренды за строго опредѣленную плату (feste Pacht) не только въ Аѳинахъ, но и вообще на территоріи древней Эллады, въ противоположность давно, повидимому, отошедшей тамъ совсѣмъ на задній планъ аренды изъ части продукта (Teilpacht), и распространенность денежной аренды (въ особенности, конечно, въ Аттикѣ) въ противоположность арендѣ за плату натурой или арендѣ смѣшанной. Затѣмъ, столь же несомнѣнной является, соотвѣтственно высокому размѣру процента въ древности, по нашимъ понятіямъ довольно умѣренная высота оцѣнки при капитализаціи земельныхъ участковъ (арендная плата участка земли въ чисто сельской мѣстности въ Ѳріи составляетъ 8% оцѣночной стоимости этого участка; въ другихъ случаяхъ отношеніе арендной платы къ покупной цѣнѣ невозможно установить, потому что въ оцѣнку входятъ не одни сельскохозяйственные объекты. Всегда гораздо болѣе низкая плата при наслѣдственной арендѣ—4% или нѣсколько выше—конечно, не идетъ въ сравненіе). Положеніе арендатора представляется, по сравненію съ восточнымъ и римскимъ арендаторомъ, сравнительно благопріятнымъ,—что, впрочемъ, можетъ быть послѣдствіемъ того, что въ сущности мы знаемъ, главнымъ образомъ, примѣры сдачи въ аренду общественной земли. Сроки аренды, въ тѣхъ случаяхъ, когда они опредѣлены, въ противоположность Востоку, сравнительно долгіе: 5, нерѣдко 10 лѣтъ. Встрѣчаются, однако, и аренды безсрочныя, слѣдовательно, или пожизненныя, или, наборотъ, „at will". Что арендаторъ былъ обязанъ обрабатывать землю, что обработка имъ взятой въ аренду земли не только регламентировалась— что и естественно—но и подвергалась при извѣстныхъ условіяхъ правильному контролю, это само собою понятно при арендѣ общественной земли; въ какой мѣрѣ это распространялось и на частныя аренды, остается открытымъ.

Спорнымъ, наконецъ, какъ уже было замѣчено, остается вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ примѣнялся въ сельскомъ хозяйствѣ рабскій трудъ.

Здѣсь необходимо, такъ или иначе, коснуться вопроса о способѣ примѣненія и о значеніи рабскаго труда въ „классическую" эпоху (въ 5—4 вѣкѣ) вообще. Послѣ чудовищныхъ преувеличеній прежнихъ оцѣнокъ наступила, именно подъ вліяніемъ Э. Мейера, сильная реакція и, поскольку дѣло идетъ о древней Элладѣ, несомнѣнно, по существу вполнѣ справедливая въ смыслѣ количественной оцѣнки рабскаго труда. Въ смыслѣ же качественной оцѣнки, что касается рабскаго труда въ области промышленности, она даже недостаточно послѣдовательна (поскольку удержалось понятіе „фабрики" съ рабскимъ трудомъ), съ другой стороны, она заходитъ и слишкомъ

далеко, поскольку вслѣдъ за Франкоттомъ подчасъ недостаточно оцѣнивали вліяніе рабства на положеніе свободнаго труда. Въ виду этого къ тому, что уже говорилось объ этомъ выше, необходимо прибавить еще кое-что.

Замѣтно все возраставшее рабовладѣніе и въ древней Элладѣ не въ такой мѣрѣ, какъ я признавалъ это прежде, ослабляло денежно-хозяйственное покрытіе потребностей „ойкоса" и тѣмъ самымъ и покупательную силу рынка тѣмъ, что давало возможность производить въ собственномъ хозяйствѣ продукты, необходимые для удовлетворенія потребностей. Но вліяніе это во всякомъ случаѣ существовало, и имѣло оно большое значеніе: 1) О Периклѣ разсказываютъ, что онъ (изъ политическихъ соображеній) по мѣрѣ возможности пользовался не домашними (aushäusig), а покупными продуктами, т.-е., сдѣланными руками свободныхъ ремесленниковъ,—ясное указаніе на ограничивающее необходимость пользоваться чужими услугами вліяніе домашнихъ рабовъ сеньера, такъ какъ, чѣмъ больше рабовъ было въ хозяйствѣ дома, тѣмъ больше можно было имѣть въ домѣ обученныхъ спеціалистовъ, и тѣмъ больше домашнее хозяйство вытѣсняло свободную „работу на заказъ" („Lohnwerk"). 2) Одежда, а въ городѣ и пища раба въ древности, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ покупалась (какъ это было, напр., и въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки). Но конкуренція рабовъ, которые съ своей стороны, конечно, были ограничены въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ самымъ необходимымъ, должна была вообще вліять на уровень жизненныхъ потребностей и на покупательную силу неимущихъ рабочихъ и тѣмъ самымъ и на развитіе рынка жизненныхъ припасовъ. Какъ непостояненъ (prekär) долженъ былъ быть спросъ на продукты промышленности при томъ уровнѣ потребностей, какой былъ у народныхъ массъ въ древности, видно, между прочимъ, изъ того факта, что Аѳиняне должны были отсрочить союзнымъ городамъ дань вслѣдствіе неурожая въ областяхъ, лежащихъ по берегамъ Чернаго Моря: до такой степени все зависѣло отъ цѣнъ единственно на хлѣбъ, какъ онѣ опредѣлялись для каждаго даннаго момента. Изъ большой надписи на Эрехтейонѣ узнаемъ, что наемные свободные рабочіе и рабы получали одинаково по 1 драхмѣ въ день, въ IV вѣкѣ поденная плата (впрочемъ,

обученнымъ рабочимъ) доходитъ иногда даже до 2 драхмъ, тогда какъ въ Элевсинѣ (4 стол.) расходы храма на прокормленіе своихъ собственныхъ рабовъ равнялись всего 3 оболамъ на человѣка, въ Дельфахъ въ 338 г. предпринимателю считали также 3 обола на σιτήριον, наконецъ, на Делосѣ, еще позднѣе, расходы на прокормленіе самого себя равнялись всего 2 оболамъ. Но нужно принять во вниманіе, что въ Аѳинахъ именно демократія въ 5 вѣкѣ назначаетъ такую приличную плату за трудъ на общественныхъ работахъ, плату, отъ которой, конечно, могъ оставаться значительный барышъ въ рукахъ владѣльца рабовъ, поставлявшаго ихъ на стройку и или получавшаго съ нихъ ἀποφορά, или же сдававшаго ихъ отъ себя на работу за плату, а для свободныхъ рабочихъ, имѣющихъ къ тому же семью, тѣмъ не менѣе, быть можетъ, только еле-еле достаточную. И эти цифры сами по себѣ (болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ здѣсь невозможно) отнюдь не доказываютъ, что конкуренція рабскаго труда—поскольку она имѣла мѣсто—не была тяжела для свободныхъ рабочихъ, какъ то полагаетъ Франкоттъ. Ограниченіе заработной платы свободныхъ (не сельскихъ!) рабочихъ однимъ доставленіемъ имъ средствъ простого физическаго поддержанія жизни (въ иныхъ случаяхъ питанія) натурой, какъ это бывало, по образцу Египта и Востока, также въ Греціи (напр., въ 282 г.—слѣдовательно, въ періодъ значительно развитого денежнаго хозяйства—въ Делосѣ), свидѣтельствуетъ о тенденціи ограничить заработную плату минимумомъ необходимаго для поддержанія существованія („Existenz-minimum"), поскольку это не была требовавшая особеннаго искусства работа, или поскольку не давалъ себя знать особенно усиленный спросъ (въ особенности спросъ на квалифицированный трудъ тѣхъ, напримѣръ, обученныхъ рабочихъ, которые получали по 2 драхмы приблизительно за то же время, за какое необученные рабочіе получали лишь содержаніе натурой) или политическія причины. Соціальное деклассированіе свободнаго труда благодаря совмѣстной работѣ рабовъ со свободными—при постройкѣ Эрехтейона членами и руководителями рабочихъ артелей являются вперемежку граждане, метэки и рабы—не могло не стать фактомъ. И возраженіе Аристарха въ Меморабиліяхъ на замѣчаніе Сократа о благосостояніи аѳинскихъ гражданъ:

что они на эти свои денежные заработки покупаютъ себѣ варваровъ и заставляютъ ихъ работать, остается въ полной силѣ.

Домашніе рабы и рабы-рабочіе ограничивали, такимъ образомъ, сферу примѣненія свободнаго труда. Тотъ фактъ, что несмотря на узкую политику государства въ дѣлѣ дарованія правъ гражданства и на постоянно повторяющіяся на протяженіи всей древней исторіи стремленія монополизировать въ пользу полноправныхъ гражданъ шансы на „предпринимательскую“ прибыль, въ теченіе всего классическаго періода ничего неизвѣстно ни объ одной попыткѣ принудительно ограничить сдачу общественныхъ работъ своими ремесленниками —между тѣмъ, какъ эпоха тираніи и законодателей (см. выше), знала ограниченія рабскаго труда, — уже одинъ этотъ фактъ указываетъ на безпомощное положеніе, въ какомъ находились уже тогда свободные граждане, живущіе трудами рукъ своихъ, несомнѣнно, именно вслѣдствіе распространенія рабскаго труда. Кромѣ того, онъ, конечно, указываетъ также и на невозможность такого рода ограниченія вслѣдствіе отсутствія достаточно многочисленнаго свободнаго „рабочаго класса“ въ современномъ значеніи этого слова. Крупныя государственныя предпріятія съ ихъ острой потребностью въ рабочихъ рукахъ, несомнѣнно, вообще не находили нужнаго числа рабочихъ силъ въ средѣ свободныхъ ремесленниковъ и рабочихъ, и тѣмъ болѣе (отчасти благодаря политикѣ, которой держалось государство въ дѣлѣ дарованія права гражданства) въ средѣ однихъ полноправныхъ гражданъ, чтобы можно было говорить о подобномъ ограниченіи, популярность котораго была бы внѣ сомнѣнія, особенно, если представить себѣ, какъ это еще до сихъ поръ такъ часто дѣлается, аттическій демосъ, какъ прежде всего народъ ремесленниковъ.

Конечно, рабы, такъ какъ ихъ господа не любили отдавать ихъ на долгіе годы въ ученье, попадали преимущественно на болѣе грубыя работы, и были занятія, какъ, напримѣръ, молотье, на которыя во всю древность вообще свободные нанимались лишь въ моменты крайней нужды. Но, съ другой стороны, свободное ремесло лишь поздно, и то лишь отчасти, утратило характеръ домашняго производства (Familienarbeit) и никогда не достигло структуры, соотвѣтствующей средневѣковой. Что слово σύνεργος (или ему подобныя) могло иногда

обозначать положеніе, подобное нашему „подмастерью“ („Geselle“), этого безусловно оспаривать невозможно. Но не установлено, находился ли Апостолъ Павелъ на жалованіи у своего сотоварища по ремеслу, Акилы, у котораго онъ работалъ (Дѣян. Апост. 18,2), а относительно людей, которыхъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Димитрій, кромѣ своихъ ближайшихъ сотоварищей по ремеслу, поднялъ противъ боровшихся съ идолопоклонствомъ христіанъ (тамъ же 19,25), представляется также болѣе вѣроятнымъ, что они были самостоятельные ремесленники другихъ отраслей того же ремесла, также заинтересованные въ производствѣ предметовъ культа. Во всякомъ случаѣ, существованіе обученныхъ, но не имѣющихъ средствъ ремесленниковъ, находящихся на службѣ у другихъ, которые ставили инструменты и сырой матеріалъ, для эллинистической эпохи представляется весьма возможнымъ. Но для классическаго періода представлятся, въ концѣ концовъ, всего болѣе вѣроятнымъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ ремесленника, носящаго названіе ἡγεμών (или другое подобное названіе) или занимающаго соотвѣтствующее положеніе въ сообществѣ съ другими рабочими, то рѣчь идетъ обыкновенно объ ассоціаціяхъ, образовавшихся ad hoc, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ (составляющихъ огромное большинство), когда орудія производства не представляли собой большой цѣнности (слѣдовательно, „капитала“). Сомнѣнія остаются часто неразрѣшимыми. Рабочіе, напр., которые работаютъ группами вмѣстѣ съ главными мастерами (Vorarbeiter) при каннелированіи въ Эрехтейонѣ и группами получаютъ вознагражденіе, это частью рабы главнаго мастера, частью (повидимому) чужіе рабы (нанятые имъ? или работающіе отъ себя?), частью, наконецъ, свободные метэки и граждане. Когда одинъ изъ главныхъ мастеровъ самъ рабъ, а одинъ изъ его сотрудниковъ—свободный человѣкъ, не можетъ быть рѣчи объ отношеніяхъ мастера и „подмастерья“ („Geselle“). Рабочіе, очевидно, подраздѣляются на группы руководителями постройки, сообразно со способностями, какъ можно, повидимому, судить по различной платѣ, получаемой различными групами (Франкоттъ), при чемъ главный мастеръ (Vorarbeiter), вѣроятно, оплачивался дороже. Но прежде всего отношеніе главнаго мастера, съ одной стороны, и сотрудниковъ, съ

другой, встрѣчается и внутри несвободныхъ эргастерій,— слѣдовательно, въ формѣ своего рода производительнаго товарищества, какъ, напр., въ эргастеріи Тимарха, гдѣ ἡγεμών платитъ господину болѣе высокую ἀποφορά, чѣмъ другіе, будучи, очевидно, просто особенно хорошо обученнымъ несвободнымъ работникомъ — возможно, и вольноотпущенникомъ — своей отрасли труда, который стоитъ во главѣ (vorsteht) мастерской, въ отношеніи къ третьимъ лицамъ выступаетъ какъ главный мастеръ (Vorarbeiter) и потому получаетъ бо́льшій барышъ (Extragewinn). Во всякомъ случаѣ всѣ эти зачатки внутренняго расчлененія ремесла еще требуютъ изслѣдованія; пока же можно сказать навѣрное, что если имѣть въ виду средневѣковое расчлененіе, античное свободное ремесло было „аморфно“. Относительно ἐργαστήρια все существенное для насъ было уже сказано раньше.[1]) Здѣсь нужно прибавить только слѣдующее: господинъ могъ пользоваться своими рабами-рабочими, a) отдавая ихъ внаймы, b) давая имъ самъ работу и для этого содержа ихъ и, поскольку это была работа для рынка („Preiswerk“), заботясь самъ о поставкѣ сырого матеріала, орудій производства и о сбытѣ, c) давая имъ самъ работу, но давая имъ деньги (въ видѣ круглой суммы) на содержаніе (αὐτόσιτοι), — d) предоставляя имъ самимъ эксплуатировать свою рабочую силу въ качествѣ ремесленниковъ, работающихъ на заказъ, („Lohnwerker“), и взимая съ нихъ строго опредѣленную ренту (ἀποφορά), e) если это была работа для рынка („Preiswerk“), предоставляя имъ оплачивать помѣщеніе, сырой матеріалъ, орудія производства, изъ своего peculium'а и взимая съ нихъ ἀποφορά, f) наконецъ, соединяя взиманіе ἀποφορά съ предоставленіемъ помѣщенія, сырого матеріала орудій производства господиномъ: такъ, повидимому, было

[1]) Но слѣдуетъ признать опредѣленно установленымъ (въ дополненіе къ намѣренно подчеркнутой формулировкѣ, сдѣланной во „Введеніи“): конечно, существовали также ἐργαστήρια въ смыслѣ постоянныхъ (каменныхъ) ремесленныхъ мастерскихъ; напримѣръ, одна такая мастерская упоминается въ контрактѣ какъ объектъ наслѣдственной аренды: это устроенныя спеціально „мѣста для работы“ („Arbeisstände“) въ родѣ нашихъ „рыночныхъ мѣстъ“ („Marktstände“) въ крытыхъ рынкахъ—; но, конечно, они такъ же мало похожи на „фабрики“, какъ эти „рыночныя мѣста“ похожи на „конторы“.

поставленно дѣло у Тимарха (но не у Демосѳена, какъ то думаетъ Франкоттъ). Само собой разумѣется, каждая форма эксплоатаціи, пробуждающая собственный интересъ раба, оказывается гораздо болѣе благопріятной для развитія производительности рабскаго труда—который въ большихъ постройкахъ, видимо, нисколько не уступаетъ въ этомъ отношеніи труду свободныхъ рабочихъ,—слѣдовательно, нормально приноситъ и бо́льшую ренту господину. Ибо, если уже учетъ размѣра ренты оказывается сложнѣе, чѣмъ пытался его представить Франкоттъ, то все же красовавшіяся на храмахъ безчисленныя надписи объ отпускѣ рабовъ на волю указываютъ на то, что господа считались съ довольно быстрымъ израсходованіемъ своихъ заключающихся въ рабахъ капиталовъ.

Примѣненіе рабскаго труда въ обрабатывающей промышленности (индустріи), работающей для рынка вообще, въ частности же устройство собственныхъ (in eigener Regie) ἐργαστήριον'овъ исходило, очевидно, отъ купцовъ, ввозившихъ сырой матеріалъ (у Демосѳена упоминается одинъ изъ такихъ купцовъ, ввозившій слоновую кость для украшенія рукоятій мечей и деревянныхъ издѣлій), тогда, какъ въ средніе вѣка, наоборотъ, домашняя (кустарная) промышленность возникла благодаря купцамъ, вывозившимъ готовые продукты. Ввозомъ сырого матеріала — слоновой кости—поэтому и объясняется приводимый Демосѳеномъ случай на первый взглядъ странной комбинаціи въ одномъ ἐργαστήριον'ѣ мастерской ножевщика и столярной мастерской. Первоначально Демосѳенъ-отецъ, быть можетъ, самъ вовсе не перерабатывалъ сырого матеріала, позднѣе онъ сталъ перерабатывать лишь часть его, скорѣе онъ продавалъ его во всякое время „τῷ βουλομένῳ“; стоимость запаса, оставленнаго имъ послѣ смерти, сынъ исчисляетъ въ 11250 марокъ. И это при общей стоимости всего состоянія, равной 62000 марокъ, изъ которыхъ 13200 марокъ были розданы взаймы — въ большинствѣ находились въ банкахъ и въ морскихъ предпріятіяхъ —, а рабочіе-рабы составляли около 17550 марокъ, между тѣмъ, какъ, не считая дома, оцѣненнаго въ 2250 марокъ, не земля, а, напротивъ, чистыя деньги, обработанный благородный металлъ и другіе цѣнные предметы, слѣдовательно, хранящееся въ видѣ сокровища, а не фукціонирующее въ каче-

ствѣ „капитала“ движимое имущество равнялось 18000 марокъ (больше, чѣмъ обѣ „фабрики“, взятыя вмѣстѣ) [1]). Специфически купеческое происхожденіе состоянія бросается въ глаза. Одинъ ἐργαστήριον есть случайное пріобрѣтеніе. Рабы попали въ руки Демосѳена какъ залогъ (πρᾶσις ἐπὶ λύσει), вѣроятно, отъ какого-то не заплатившаго денегъ покупателя слоновой кости, но оба ἐργαστήριον'а существовали—это совершенно очевидно—только для эксплуатаціи купеческаго товара. Иногда комбинація разныхъ „профессій“ бываетъ и совершенно случайной (какъ, напр., у Тимарха, державшаго одновременно кожевниковъ и вышивальщиковъ и т. д.), вызванная просто представившейся въ данный моментъ возможностью сдѣлать по случаю покупку и тѣмъ найти помѣщеніе для капитала. И не подлежитъ сомнѣнію, что число покупныхъ рабовъ въ историческое время превосходило число οἰκογενεῖς,—по причинамъ, приведеннымъ во Введеніи. Всѣ эти отношенія оставилъ совершенно неизслѣдованными, напр., Франкоттъ, котораго очень почтенная книга, хотя она по вопросу объ экономической структурѣ античнаго міра собственно лишь развиваетъ дальше то, что уже было сказано Бюхеромъ и др., повидимому, первая произвела впечатлѣніе на историковъ. А какъ разъ эти вопросы еще очень нуждались бы, несмотря на существованіе нѣкоторыхъ очень хорошихъ подготовительныхъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, въ систематическомъ анализѣ. Ибо съ этимъ своеобразіемъ развитія промышленнаго капитализма въ древности стоитъ въ связи также и то, что онъ не принесъ съ собой почти что никакого прогресса въ техникѣ и экономикѣ процесса труда сравнительно съ мелкимъ ремесленнымъ производствомъ. Само собой разумѣется, существовало—это надо сказать въ дополненіе къ сдѣланнымъ раньше замѣчаніямъ—съ древнѣйшихъ временъ и разложеніе труда и соединеніе труда, точнѣе: основанная на раздѣленіи труда совмѣстная работа многихъ въ одномъ производственномъ процессѣ внутри даннаго хозяйства; дошедшія до насъ въ изобиліи египетскія и помпейскія стѣнныя изображенія и античныя вазы были бы тому свидѣтелями, если

[1]) Я беру разсчетъ Шефера; абсолютныя цифры спорны, но здѣсь важны не подробности, но приблизительныя отношенія.

бы кому-нибудь вздумалось усомниться въ этомъ. Притомъ число этихъ комбинированныхъ другъ съ другомъ дифференцировавшихся между собою функцій въ одной и той же мастерской не велико, и, что еще важнѣе, въ эпоху проникновенія капитализма въ промышленность оно не возросло. Немногія техническія новшества, введенныя древностью и имѣвшія смыслъ „прогресса“ на пути къ „крупному производству“, т.-е. къ дифференцированію внутри производства и къ раціональному сбереженію труда, относятся къ земледѣлію и къ связаннымъ съ сельскимъ хозяйствомъ отраслямъ промышленности на Западѣ, гдѣ капиталъ (раньше всего у карѳагенянъ) создалъ плантаціи. Для частной промышленности (слѣдовательно, внѣ сферы военной техники и строительной техники, отчасти связанной съ военно-политическими интересами, отчасти направляемой государствомъ) этого установить нельзя. При страшныхъ колебаніяхъ рынка и стоимости содержанія рабовъ и непрочности состояній, рабовладѣлецъ долженъ былъ и желалъ имѣть возможность во всякое время раздѣлить наличный составъ своихъ рабовъ или измѣнить способъ ихъ эксплуатаціи: онъ былъ именно владѣлецъ ренты, а не предприниматель. Но главнымъ препятствіемъ къ организаціи даже „домашней (кустарной) промышленности“ („Hausindustrieen“) въ древнемъ мірѣ, а тѣмъ болѣе „фабрикъ“, служилъ „уровень потребностей“ („Bedürfnisstand“), опредѣлявшійся господствовавшимъ тогда способомъ распредѣленія имущества, обусловленнымъ политическими причинами и существованіемъ рабства.

Что касается того, что капиталъ, какъ это мы видимъ въ наше время, привлекаетъ къ себѣ на службу науку для того, чтобы создавать крупныя производства съ „внутреннимъ раздѣленіемъ труда“ и технически изъ него вырастающими орудіями труда, то этого явленія, какъ чего то постояннаго и обязательнаго, не существовало въ прошломъ и не будетъ существовать въ будущемъ: оно обусловлено чисто исторически, а отнюдь не можетъ быть выведено изъ особенностей капитала, какъ таковаго, который просто ищетъ прибыли, гдѣ и какъ получить ее всего удобнѣе. И самымъ удобнымъ путемъ къ тому въ древности не было созданіе новыхъ методовъ разложенія труда для созданія дисципли-

нированныхъ и опирающихся на раздѣленіе труда крупныхъ производственныхъ единицъ: и рабскій трудъ технически и „этически“ не былъ для этого подходящимъ, и нельзя было при характерныхъ для античнаго міра распредѣленіи богатствъ и уровнѣ потребностей создать широкій рынокъ (der expansive Markt) для сбыта необходимыхъ для массъ продуктовъ промышленности. Шло ли увеличеніе обмѣна продуктами промышленности въ эпоху развитія капитализма въ древности сколько-нибудь параллельно несомнѣнному увеличенію обмѣна продуктами сельскаго хозяйства, для частнаго, не контролируемаго государствомъ оборота продуктами садовой культуры, и горнаго промысла, это, какъ извѣстно, въ высшей степени сомнительно. Достовѣрно одно, что успѣхи „капиталистическаго“ развитія не подняли экономическаго и соціальнаго положенія промышленности, какъ цѣлаго, но лишь разрушили ея старыя основы. Деміургъ въ полисѣ древнѣйшаго періода могъ совершенно не считаться равноправнымъ съ какимъ-нибудь аристократомъ, но онъ былъ необходимъ для государственной обороны, именно поскольку онъ занимался выдѣлкой оружія или постройкой судовъ, а если онъ былъ ремесленникъ-художникъ, то и соціальное его положеніе было сносное: напр., кузнецъ у Гесіода играетъ роль у себя въ деревнѣ; еще Солонъ называетъ кузнечное ремесло однимъ изъ средствъ къ экономическому возвышенію. Но то время, когда домовая община деміурга такъ обогащалась отъ хранимыхъ ею изъ поколѣнія въ поколѣніе техническихъ секретовъ, что онъ могъ стремиться къ занятію должностей, требующихъ отъ занимающаго ихъ самыхъ высокихъ матеріальныхъ жертвъ, съ развитіемъ семьи въ узкомъ смыслѣ слова, совершавшемся подъ вліяніемъ денежнаго хозяйства, миновало. Ищущій помѣщенія капиталъ создаетъ несвободныхъ обученныхъ ремесленниковъ, какъ онъ создаетъ и неимущихъ (besitzlose) колоновъ. Владѣлецъ капитала, а не деміургъ является теперь всѣми уважаемой личностью. Въ капиталистическую эпоху обученный ремеслу рабъ—являющійся для капиталиста просто однимъ изъ способовъ случайнаго помѣщенія капитала,—стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ формально-правового, наравнѣ съ свободнымъ мелкимъ ремесленникомъ, но при этомъ переходитъ изъ рукъ въ руки путемъ купли, залога, найма,

то здѣсь, то тамъ оказывается въ составѣ болѣе крупной мастерской. Формальное частное и публичное право демократіи не могло оградить свободнаго „βάναυσος“ — ремесленника и мелкаго торговца — отъ послѣдствій такого неблагопріятнаго положенія вещей; не могъ ему помочь и хорошій заработокъ, поскольку онъ не могъ благодаря этому попасть въ среду капиталистовъ; а это могло произойти при конкуренціи рабскаго труда лишь въ видѣ исключенія.

Владѣющіе классы, съ своей стороны, получали свои доходы или въ видѣ земельной ренты (деревенской или городской: воспрещенія иностранцамъ, а также — исключая тѣхъ, кто пользовался личной привилегіей—метэкамъ и вольноотпущенникамъ пріобрѣтать землю дѣлало и городскую земельную собственность („Hausagrariertum“) монополіей полноправныхъ гражданъ), или въ видѣ денежной ренты, или, наконецъ, въ видѣ ренты съ рабовъ. Но развитіе земельной ренты въ такой же мѣрѣ, какъ и развитіе денежной ренты и ренты съ рабовъ, поскольку оно опредѣлялось экономическими условіями, въ конечномъ счетѣ зависѣло отъ торговли. Одно плодородіе почвы само по себѣ нигдѣ не создало крупныхъ землевладѣльцевъ (Grundherren). За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда политическое господство превращало областныхъ князей въ крупныхъ землевладѣльцевъ (Grundherren) (или гражданъ въ крупныхъ землевладѣльцевъ (Grundherren), какъ въ Спартѣ), это дѣлалось въ древности обыкновенно при помощи доходовъ, полученныхъ съ торговли, (см. выше), а въ Элладѣ, въ частности, съ морской торговли. Развитіе частнаго рабовладѣнія въ классическую эпоху зависитъ точно такъ же отъ внѣшней торговли, какъ нѣкогда, въ болѣе раннюю пору, развитіе царскихъ крѣпостныхъ ойкосовъ (Fron — Oiken). Привилегированное въ правовомъ отношеніи положеніе лицъ, занимающихся ввозомъ и вывозомъ товаровъ, въ частности сохраненіе права заключать въ тюрьму за долги по ихъ претензіямъ, и даже въ сущности только по ихъ претензіямъ, если не считать претензій государства, и скорый особый судъ по торговымъ дѣламъ достаточно показываютъ господствующее положеніе, которое они занимали. Это первенствующее значеніе морской торговли для образованія имущества—надо усиленно подчеркивать это—не есть аргументъ про-

тивъ того, что было сказано объ ограниченности ея размѣровъ. Нужно помнить о незначительности „культурныхъ зонъ“ („Kulturzonen“) и о береговомъ характерѣ культуры, затѣмъ также и то, что эти денежныя имущества и этотъ капиталистическій оборотъ въ „классическую“ эпоху были, такъ сказать, „просѣками“ среди дебрей традиціонализма. Ибо капитализмъ со своими формами оборота стоитъ почти совсѣмъ рядомъ съ остатками далекаго прошлаго. И не только въ ближайшемъ географическомъ сосѣдствѣ, но и внутри самого города. Такъ, напр., ἔρανοι—собранныя по подпискѣ суммы, раздававшіяся въ видѣ безпроцентной ссуды впавшимъ въ нужду гражданамъ—продолжаютъ играть чрезвычайно важную роль (можетъ-быть, это не осталось безъ вліянія и на христіанскія понятія) въ теченіе всей эллинистической эпохи и вплоть до конца древняго міра (какъ и римскій „mutuum“), совершенно, какъ въ эпоху господства существовавшей въ первобытныя времена среди крестьянъ „сосѣдской помощи“. Что ἔρανοι не были первоначально обществами взаимопомощи, уже доказано. Понятіе „взаимности“ (которое выражено вполнѣ ясно словомъ „mutuum“) имѣетъ свое начало не въ имѣющей юридическій характеръ ассоціаціи, а въ исконной крестьянской и мелкобуржуазной этикѣ, которая требуетъ безвозмездныхъ ссудъ „между братьями“ съ оговоркой: „какъ ты мнѣ, такъ и я тебѣ“ и обратно [1]. Въ этихъ низшихъ слояхъ въ древности никогда не забывали, что въ противоположность этой древнѣйшей „экономической морали“ процентъ представлялъ собою право иностранцевъ и господъ точно такъ же, какъ (на Востокѣ) „служебный домъ фараона“, бюрократія. Въ этомъ отношеніи русскій крестьянинъ и сейчасъ стоитъ на чисто античной почвѣ.

Произошло ли широкое „нашествіе капитализма“ („kapitalistische Invasion“) внутрь страны въ Аттикѣ и въ другихъ древне-эллинскихъ государствахъ (кромѣ Спарты, гдѣ скопленіе владѣній въ однѣхъ рукахъ не подлежитъ сомнѣнію) въ классическую эпоху, будь то 5 или, — какъ то особенно настойчиво утверждали—4 столѣтіе, невозможно рѣшить съ пол-

[1]) Эта этика находитъ себѣ формулировку уже въ древнихъ аттическихъ βουζύγειοι ἀραί.

ной достовѣрностью, но въ настоящее время это справедливо считается всѣми мало вѣроятнымъ. Иначе дѣло обстояло въ эллинистическій періодъ. Эта позднѣйшая эпоха видѣла возникновеніе колоссальныхъ частныхъ состояній, владѣльцы которыхъ при помощи самыхъ стѣснительныхъ условій, на какихъ они давали ссуды, держали подчасъ въ своего рода долговой кабалѣ цѣлые города (въ противоположность классическому періоду, когда типичными государственными кредиторами являлись храмы). И по мѣрѣ того, какъ въ еще болѣе позднюю пору древняя Эллада, въ частности Аѳины, все болѣе и болѣе превращалась въ своего рода „полисъ пенсіонеровъ“ („Pensionopolis“), соединявшій въ себѣ преимущества Веймара и Гейдельберга съ все же продолжавшей тамъ существовать по сравненію съ Востокомъ (а позднѣе съ Римомъ) „свободой“, тѣмъ чаще людямъ, разбогатѣвшимъ на сторонѣ и пріобрѣтшимъ уваженіе и вовратившимся туда „къ себѣ домой“, должно было представляться желательнымъ помѣщеніе своего капитала въ покупку земли (иногда по пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ), являвшееся гораздо болѣе вѣрнымъ помѣщеніемъ для капитала уже въ поздне-классическую эпоху, что выразилось въ болѣе низкомъ размѣрѣ процента (приблизительно 8%). Послѣ утраты принадлежавшей имъ нѣкоторое время благодаря политическимъ обстоятельствамъ, а потомъ еще болѣе продолжительное время фактически находившейся въ ихъ рукахъ штапельной монополіи и монополіи на посредническую торговлю, перешедшей отъ свободной гавани Пирея къ Родосу, для Аѳинъ сократились шансы на помѣщеніе капиталовъ въ морскую торговлю и въ банковыя дѣла и въ другія подобныя имъ собственно „капиталистическія“ предпріятія; метэки, финансовая сила которыхъ очень содѣйствовала расцвѣту Аѳинъ, стали быстро опускаться уже послѣ окончательной потери морского владычества (союзническая война). Торговля не давала больше никакихъ шансовъ на обогащеніе; земля оставалась объектомъ для помѣщенія капитала. Къ этому присоединялось массовое выселеніе въ эллинистическія колоніальныя области. Поэтому неудивительно, что столь шумныя въ IV вѣкѣ аттическія домы съ III вѣка начинаютъ замолкать: причиной тому является упадокъ мѣстнаго сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и, вѣроятно, сосредоточеніе земли въ рукахъ не-

многихъ съ замѣной крестьянъ арендаторами. Напротивъ, для V и IV в.в. развитіе въ направленіи къ сосредоточенію земли въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ представляется не очень вѣроятнымъ. О частныхъ колонахъ не слышно совсѣмъ. Кромѣ того, въ то время высота прибыли отъ эксплоатаціи была довольно благопріятна для примѣненія рабскаго труда въ промышленности, хотя цѣны на рабовъ, съ другой стороны, стояли, при наличности (вѣроятно) частыхъ колебаній, не особенно низкія. (Впрочемъ, во времена Демосѳена лошадь подчасъ стоила вдвое дороже раба, — по сравненію съ Южными Штатами Америки цѣна на рабовъ очень *низкая*. Но' для древности, когда прибавлялись къ этому еще расходы по *обученію* и рискъ, это только *средняя* цѣна. Впрочемъ, всегда *очень* опасно выводить прямое заключеніе изъ данныхъ о высотѣ цѣнъ на рабовъ въ какой-нибудь данный моментъ, такъ какъ, напр., низкія цѣны могутъ быть *одинаково* и *послѣдствіемъ* незначительнаго спроса на рабовъ, и *причиной* усиленнаго расточенія рабскаго матеріала). Такъ какъ такой колоссальный подвозъ рабовъ, какой былъ вызванъ войнами сицилійцевъ, карѳагенянъ, а затѣмъ римлянъ, вообще только въ исключительныхъ случаяхъ являлся разультатомъ войнъ, которыя велись въ древней Элладѣ, то и *сильное увеличеніе* числа *сельскохозяйственныхъ* рабовъ представляется здѣсь не особенно вѣроятнымъ. Изъ 20000 рабовъ, бѣжавшихъ во время декелейской войны, какъ сказано совершенно опредѣленно, большая часть были ремесленники (сюда надо еще прибавить домашнихъ рабовъ), и тѣмъ болѣе послѣ Пелопоннесской войны миновала пора большого подвоза рабовъ, по крайней мѣрѣ и прежде всего для Аѳинъ. Что потери рабами во время декелейской войны *не* считались потерей прежде всего для *сельскаго хозяйства*, можно заключить уже изъ заявленій Ксенофонта въ его извѣстномъ финансовомъ проектѣ. Изъ его „Экономики“—которая, конечно, изображаетъ не спеціально аттическія условія, а идеальный типъ эллинскаго помѣщичьяго хозяйства (его собственное имѣніе находилось въ Пелопоннесѣ)—съ другой стороны ясно вытекаетъ, что, собственно говоря, и въ деревнѣ рабы были *нормальной рабочей* силой. Ксенофонтъ (который, правда, понималъ въ техникѣ земледѣлія едва ли больше, чѣмъ прусскій офи-

церъ въ отставкѣ, вступившій во владѣніе рыцарскимъ помѣстьемъ) и не говоритъ ни о какихъ другихъ рабочихъ, а что и полевыхъ рабовъ можно было нанимать и отдавать другимъ внаймы, не подлежитъ сомнѣнію. (Несвободный или, быть можетъ, отпущенный на волю) ἐπίτροπος, по мнѣнію Ксенофонта, долженъ быть одушевленъ стремленіемъ къ наживѣ, слѣдовательно, господинъ, очевидно, старается заинтересовать его участіемъ въ прибыли. Рабовъ надо заинтересовать въ работѣ, награждая самыхъ усердныхъ хорошей ѣдой и питьемъ и лучшей одеждой (изъ чего слѣдуетъ, какъ и изъ самаго названія οἰκέται, что они, очевидно, были *безсемейны* и находились всецѣло на иждивеніи господина). Прежде всего приходилось самому слѣдить за ходомъ хозяйства. Что, въ общемъ, это наблюденіе происходило приблизительно только такъ же, какъ во времена Катона, т. е. выражалось только въ формѣ случайной провѣрки счетовъ, явствуетъ изъ другихъ замѣчаній самого же Ксенофонта. Вообще все совершенно, какъ у Катона, только что масштабъ здѣсь, очевидно, *гораздо* меньше и отношенія гораздо проще, чѣмъ въ римскихъ помѣстьяхъ даже во времена Катона. Что римляне заимствовали у эллиновъ нѣкоторыя техническія выраженія, характерныя для крупного рабовладѣльческаго хозяйства (какъ напр., названіе „instrumentum vocale“ - „ὄργανον ἔμψυχον“), это не доказано для *классической* эпохи: источникомъ могла служить Сицилія эллинистическаго періода. Въ *классическую* эпоху одинъ *Хіосъ* (оптовая торговля, средоточіе крупнѣйшихъ въ Греціи состояній, выдѣлки оливковаго масла и винодѣлія) былъ страной съ *массовымъ* примѣненіемъ *покупныхъ* рабовъ и (уже начиная съ VII столѣтія!) съ *возстаніями* рабовъ, какъ и Римъ. Итакъ, широкое распространеніе въ *Аттикѣ* крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ съ примѣненіемъ рабскаго труда *не* представляется вѣроятнымъ. Рабы работали въ Аттикѣ, какъ показываетъ комедія, и на поляхъ крестьянъ вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ ихъ рабочихъ, какъ въ старыя патріархальныя времена: этого было трудно избѣжать уже по военнымъ причинамъ [1]); особенно большихъ

---

[1]) Вслѣдствіе продолжительныхъ дальнихъ походовъ за предѣлы страны. Войска пелопоннесцевъ, наоборотъ, возвращались ко времени жатвы домой.

цифръ при этомъ быть не могло. Сельское хозяйство въ то время было вообще не особенно соблазнительнымъ помѣщеніемъ для капитала. Довольно часто жаловались на его разорительность (Ксен. Экономика. Введеніе). Нельзя опредѣлить, насколько часто на дѣлѣ бывали случаи спекулятивной покупки земли съ цѣлью произвести улучшенія и затѣмъ перепродать: показателемъ „купеческаго" духа того времени служить то, что такой реакціонеръ, какъ Ксенофонтъ, рекомендуетъ такого рода земельную спекуляцію. На доходность земледѣлія въ Аттикѣ его времени должны были оказывать довольно сильное угнетающее вліяніе такія мѣры, какъ воспрещеніе вывоза какихъ бы то ни было сельско-хозяйственныхъ продуктовъ кромѣ оливковаго масла. Быть можетъ, борьба интересовъ въ VI вѣкѣ вращалась также и вокругъ этого покровительства „πεδία". Иностранный привозный хлѣбъ, который, благодаря штапельному праву и принадлежавшему гражданамъ праву перекупки въ 5 вѣкѣ попадалъ въ Пирей, все же оказывалъ относительное давленіе на мѣстное хлѣбное производство. Въ эпоху отъ Солона и до Персидскихъ войнъ въ Элладѣ цѣны на скотъ поднялись въ 10—20 разъ, цѣны на хлѣбъ, повидимому, только въ 3 раза (скотъ невозможно было перевозить за море!) Сравнительно съ VI в. хлѣбъ поднялся къ концу V в.—сначала вслѣдствіе прироста населенія, затѣмъ также вслѣдствіе необезпеченности военного времени—вчетверо, изъ чего аттическое земледѣліе могло извлекать выгоду лишь въ періодъ между битвой при Сфактеріи и началомъ декелейской войны. Что же касается скотоводства, то спеціально въ Аттикѣ значительнаго развитія достигло только разведеніе мелкаго скота (и лошадей среди аристократіи). Послѣ декелейской войны сословіе гоплитовъ было такъ основательно разорено, что никогда уже потомъ не могло настоящимъ образомъ оправиться. Тотъ фактъ, что *δικασταί κατά δήμους* (см. выше) сдѣлались отнынѣ снова городскими судьями, указываетъ на уменьшеніе соціальнаго и политическаго значенія крестьянства: возросло значеніе войска изъ оплачиваемыхъ солдатъ.—

Единственно, что мы знаемъ о земледѣліи, это то, что, по словамъ Демосѳена, Аттика ввозила изъ одного только царства Левкона въ области Понта около 400.000 медимновъ, а, судя по элевсинскимъ податнымъ отчетамъ за 315/8 г.г., сама производила около 400.000 медимновъ, изъ нихъ круглымъ счетомъ 1/10—пшеницы, остальное ячменя. Это дало бы, если принять расчетъ Э. Мейера (а никакихъ положительныхъ возраженій нельзя привести противъ его цифръ, какъ бы онѣ ни были гипотетичны), 14.250 гектаровъ ежегодно засѣваемой земельной площади; слѣдовательно, при системѣ оставленія земли подъ паромъ, изъ года въ годъ 12% аттической земли засѣвалось бы хлѣбомъ. Однимъ устройствомъ поверхности, можетъ быть, все-таки невозможно объяснить ничтожность этого процента. По по делосскимъ спискамъ, повидимому, въ IV в. цѣны на время остановились на одномъ уровнѣ и лишь потомъ опять стали болѣе неуклонно подниматься вплоть до начала III в. Такимъ образомъ, въ классическую эпоху въ Аттикѣ капиталъ могъ найти приложеніе только въ производствѣ оливковаго масла. Объ экономической организаціи этой отрасли сельскаго хозяйства источники не даютъ намъ свѣдѣній: собственное хозяйство съ рабами на римскій ладъ или—еще вѣроятнѣе—аренда на современный итальянскій ладъ,—обѣ эти системы были возможны; тотъ фактъ, что Ксенофонтъ, которому извѣстенъ только рабскій трудъ, особенно подробно говоритъ о разведеніи масличныхъ деревьевъ, дѣлаетъ первое предположеніе болѣе пріемлемымъ для его времени.

Итакъ, взвѣсивъ все, приходится признать Грецію въ классическую эпоху вблизи крупныхъ центровъ оборота страной довольно сильно раздробленной на мелкія участки съ значительно развитой огородной культурой въ долинахъ, съ мелкимъ крестьянствомъ по скатамъ горъ, съ мелкими помѣщиками по рѣчнымъ долинамъ Пелопоннеса, съ „царствомъ сквайровъ" („Squirearchie") въ Элидѣ, между тѣмъ, какъ Ѳессалія была страной латифундіевъ, крѣпостничества („Hörigkeit") и коневодства, Беотія страной крѣпкихъ крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, а деревенскій сѣверозападъ еще пребывалъ въ стадіи натуральнаго хозяйства. Не надо забывать, что первая половина IV в., а точно также и уже конецъ V стол. были временемъ постоянныхъ и лишь на время пріостановленныхъ недолгимъ деспотическимъ господствомъ Спарты революцій и реставрацій партійныхъ группъ, которыя приносили съ собой въ формѣ безпрестанныхъ конфискацій дотолѣ неслыханную

неустойчивость землевладѣльческихъ отношеній. Строго городскія клерухіи съ превращеніемъ сельскаго населенія въ колоновъ (Митилена), новые передѣлы земли съ поголовнымъ избіеніемъ аристократіи и кровавыя реставраціи слѣдуютъ одни за другими. Притомъ старыя названія партій, какъ „демократія" и „олигархія", не всегда сохраняли тотъ смыслъ, какой они имѣли въ V в. до борьбы между Аѳинами и Спартой. Ѳиванская „демократія" была сельская демократія гоплитовъ, которая, достигнувъ политическаго объединенія Беотіи, стремилась къ миру, совершенно какъ аттическіе крестьяне и ихъ „олигархическіе" вожди, между тѣмъ, какъ радикальная аѳинская демократія представляла собою жившій войною городской слой—война приноситъ неимущему городскому населенію возможность получать въ качествѣ матросовъ высокое жалованіе, въ случаѣ побѣды новыя дани съ побѣжденныхъ, изъ которыхъ будутъ оплачиваться общественныя работы, увеличеніе наемной платы для городского домовладѣльца и расширеніе возможностей приложенія капитала въ завоеванной заморской области,—а не долго существовавшая спартанская „демократія" (до Селласіи) представляла собою военную демократію владѣльцевъ земельной ренты. Землевладѣльческая (grundherrliche) олигархія въ Ѳессаліи и купеческая въ Хіосѣ по своей экономической структурѣ составляли другъ другу полную противоположность. Точно такъ же противоположность составляли олигархіи Коринѳа и Керкиры и феодальная олигархія Спарты, которыя, несмотря на то, стояли за одно противъ демократіи. Произошла также нѣкоторая перестановка въ столь важномъ для группировки партій въ древности отношеніи должника и кредитора въ смыслѣ размѣщенія ихъ по ступенямъ соціальной лѣстницы. Должниками всегда являются „аграріи" (какъ и у насъ). Но кредиторами въ болѣе раннюю эпоху является землевладѣльческая, живущая въ городахъ и военная знать, въ позднѣйшее время торговцы и владѣльцы рентъ, а среди должниковъ позднѣе все сильнѣе выступаютъ впередъ какъ разъ крупные землевладѣльцы. Перемѣна эта совершается постепенно, но тѣмъ не менѣе даетъ себя чувствовать. Уничтоженіе долговыхъ обязательствъ и попытки въ этомъ направленіи отнынѣ составляютъ по преимуществу юнкерскій идеалъ, а не политическо-экономическое требованіе носящаго оружіе крестьянства.

Въ теченіе всего классическаго періода, а также и въ эллинистическій періодъ полисъ—съ неразрывно связаннымъ съ нимъ переселеніемъ въ городъ (синойкизмомъ) должностныхъ лицъ и—по возможности—также и состоятельныхъ землевладѣльцевъ, дѣленіемъ на филы съ булэ и народнымъ собраніемъ въ качествѣ представляющихъ интересы народа учрежденій и т. д.—продолжалъ совершать свое побѣдное шествіе по всей древней Элладѣ. Во всей Средней Греціи, кромѣ Этоліи, полисъ одержалъ верхъ и вытѣснилъ древнія историческія племенныя названія (между тѣмъ тамъ, гдѣ однажды утвердилась твердая схема организаціи полиса, ея невозможно было искоренить никакими самыми радикальными мѣрами: роды изгнанниковъ, жившіе цѣлыя столѣтія на чужбинѣ, получивъ возможность вернуться, могли тотчасъ же снова вступить въ кадры своихъ филъ и фратрій). Полисы, образовавшіеся вновь, представляютъ собою при этомъ въ большинствѣ случаевъ государства въ родѣ Аѳинъ временъ Клисѳена, подчасъ чистые синойкизмы землевладѣльцевъ. Родосскій синойкизмъ 408 г. (образовавшійся по военнымъ соображеніямъ, изъ страха передъ Аѳинами) былъ не чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ и отчасти совмѣстнымъ поселеніемъ трехъ дорійскихъ военныхъ филъ (Heeresphylen), которыя при первоначальномъ заселеніи острова заняли каждая по отдѣльному округу и образовали каждая свой собственный полисъ въ единомъ дорійскомъ, состоящемъ изъ филъ, государствѣ (Phylenstaat). Возникновеніе маленькихъ городовъ въ горныхъ долинахъ Средней Греціи объясняется совмѣстнымъ поселеніемъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ въ качествѣ горожанъ-земледѣльцевъ (Ackerbürger) крестьянъ, что наложило свой отпечатокъ, напр., на физіономію современной Сициліи, внутри которой совсѣмъ нѣтъ людей, постоянно живущихъ внѣ „города". Тамъ, гдѣ такимъ образомъ, т.-е. при помощи дѣйствительно осуществленнаго совмѣстнаго поселенія, болѣе обширныя области получали организацію полиса, необходимымъ слѣдствіемъ всегда, въ концѣ-концовъ, являлся абсентеизмъ и хозяйство со сдачей земли колонамъ (Kolonenwirtschaft). И именно фактическое совмѣстное поселеніе считалось, по крайней мѣрѣ въ классическую эпоху, единственнымъ способомъ обезпечить военное воспитаніе по

принципу строя гоплитовъ. При этомъ нерѣдко военная и экономическая точки зрѣнія рѣзко сталкивались другъ съ другомъ и вызывали подчасъ необходимость компромиссовъ, въ особенности въ горныхъ мѣстностяхъ Пелопоннеса (гдѣ, очевидно, возникали такія же затрудненія, какія въ свое время возникали въ Аѳинахъ въ области діакріевъ). Все же военныя соображенія большею частью рѣшали дѣло. Аркадскіе синойкизмы (Мантинея, Мегалополисъ) такъ же, какъ синойкизмъ Элиды (471 г.) и Коса, были созданы „демократическими“ полисами гоплитовъ. Только въ Элидѣ сквайры большею частью оставались жить въ деревнѣ (на богатой и хорошо обработанной землѣ), между тѣмъ, какъ въ Аркадіи, изъ опасеній передъ Спартой, для синойкизировавшихся было обязательно жить на указанныхъ имъ мѣстахъ. Въ Косѣ, какъ и въ Элидѣ, демы (какъ въ Аѳинахъ постепенно демократизировавшіяся фратріи) рѣшали вопросъ о способности гражданъ носить оружіе и владѣть землей. Цѣлью синойкизма во всѣхъ случаяхъ была военная организація. Въ Элидѣ послѣдствіемъ синойкизма было пробужденіе завоевательной политики. Но, что характерно, военная репутація элейцевъ—несмотря на ихъ временные политическіе успѣхи—повидимому, всегда стояла не высоко, очевидно, вслѣдствіе отсутствія у нихъ строго проведенной организаціи полиса. Страна въ это время неизмѣнно оставалась аграрной областью, крупной торговли не существовало. Напротивъ, аркадяне, составлявшіе главный контингентъ наемниковъ во всей Элладѣ, издавна отличались своими военными качествами.

Если въ Элидѣ, а также въ Аркадіи организація гоплитовъ: частью фактически, частью только юридически, была облечена еще въ древне-эллинскую форму синойкизма, то въ древне-эллинской великой державѣ позднѣйшей поры, опиравшейся на народное войско, у этолійцевъ эта организація отсутствовала совершенно. Они и прежде жили въ деревняхъ, и теперь оставались жить въ нихъ: Термонъ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, куда собрано было громадное количество награбленной добычи, гдѣ происходили ярмарки, гдѣ засѣдали союзныя власти и мѣстныя собранія ополченія; но это не былъ полисъ, даже тогда, когда они создали у себя военную организацію и правильную подготовку гоплитовъ, ко-

торой у нихъ совершенно не было въ классическую эпоху—тогда они были легковооруженные крестьяне. Знати не существовало, такъ какъ тутъ не происходилъ вызываемый торговлей процессъ общественной дифференціаціи. Эта военная организація, которая во времена македонскаго владычества тотчасъ же привела къ завоевательной политикѣ, расчленила сосѣднія области, частью принимая ихъ въ составъ своего военнаго союза, частью трактуя ихъ, какъ элейцы трактовали завоеванныя ими области и какъ швейцарцы Тургау, т.-е. разсматривая ихъ какъ покоренныхъ и обязанныхъ платить дань и ставя военные гарнизоны въ ихъ города. Но все же это, было, повидимому, по преимуществу переходное состояніе. Быть принятымъ въ союзъ во времена его величайшаго могущества было, повидимому, довольно легко, въ противоположность образу дѣйствій замкнувшихся въ цехи демократическихъ гражданъ полисовъ, въ особенности Аѳинъ. Здѣсь, слѣдовательно, техника гоплитовъ и государство гоплитовъ, которое вездѣ хотѣло быть своего рода capitis deminutio древнихъ родовыхъ (аристократическихъ) полисовъ (Geschlechtspoleis), покореніемъ городовъ деревней, были созданы безъ синойкизма, потому что здѣсь не было родовой знати (Geschlechteradel), а тѣмъ самымъ и родового полиса (Geschlechterpolis). Здѣсь намѣренно старались избѣжать возникновенія полиса съ его дифференцирующими послѣдствіями и создали на этой почвѣ бѣдное культурой, но мощное государственное цѣлое. Но съ проникновеніемъ денежнаго хозяйства въ результатѣ завоеваній дифференціація все-таки совершилась. Уже во времена Персея о рѣзкомъ контрастѣ между имущими и задолженными въ Этоліи говорятъ (Ливій 32, 38) точно такъ же, какъ полтысячелѣтія передъ тѣмъ говорили о томъ же въ Аѳинахъ. Ѳессалія есть вторая обширная страна, которая была затронута организаціей полиса только по окраинамъ. Здѣсь аристократія бурговъ непоколебимо сохраняла свое могущество вплоть до позднихъ временъ.

Наконецъ, самый могущественный членъ въ цѣпи національныхъ эллинскихъ государственныхъ образованій—Македонія—вплоть до эпохи Филиппа оставалась государствомъ почти что гомеровскаго типа, съ жившимъ въ бургѣ царемъ во главѣ (Burgenkönigtum): дружинники (ἑταῖροι) царя играютъ

здѣсь почти такую же роль, какъ и въ гомеровскую эпоху. „Города“, въ томъ числѣ и такія резиденціи, какъ Пелла, едва-ли были чѣмъ либо инымъ, чѣмъ былъ Персеполь. Введеніе техники тяжеловооруженного строя гоплитовъ (ср. рѣчь, будто бы произнесенную Александромъ передъ ветеранами въ Описѣ), введеніе „осѣдлости“ („Sesshaftmachung“), т.-е. введеніе прочной военной организаціи тяжеловооруженного войска (гоплитовъ) на основѣ землевладѣнія, массовое основаніе полисовъ, сопровождавшееся безцеремоннымъ переселеніемъ и совмѣстнымъ поселеніемъ колонистовъ, подготовляли территоріальное расширеніе государства. Завоеванія создали и здѣсь тѣ знакомыя изъ старины отношенія между царемъ-военачальникомъ и войскомъ, которыя (см. выше) когда-то подготовили возникновеніе древняго родового государства (Geschlechterstaat) на мѣсто монархіи: войско, какъ при Хлодвигѣ, суверенно въ такой же мѣрѣ, какъ и царь. У него ищетъ правосудія царская фамилія—какъ, напр., царица Олимпіада—, и къ нему апеллируетъ и царь въ случаѣ государственной измѣны генерала. Только масштабъ сталъ гораздо крупнѣе, а успѣхи завоеваній поставили царя и его преемниковъ фактически въ положеніе восточныхъ монарховъ. Но побѣдоносные македоняне и на Востокѣ твердо помнили, что эллинскій полисъ долженъ и одинъ можетъ составлять основу политической организаціи, и, такимъ образомъ, способствовали послѣднему широкому распространенію этого основного эллинскаго учрежденія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эллинизмъ.

На Востокѣ персидское владычество не принесло съ собой существенныхъ перемѣнъ въ соціальномъ и экономическимъ строѣ. Неизмѣнность податей, установленныхъ Даріемъ по сатрапіямъ, за все время существованія его царства характерна въ этомъ смыслѣ не менѣе, чѣмъ сохраненіе свободной сельской военной общины, на подобіе швейцарской, на родинѣ господствующей націи и древняго аграрнаго хозяйственнаго строя (соціальная деградація должника, какъ такового—потому что онъ является платящимъ подать холопомъ—, самостоятельно хозяйничающіе крестьяне, обязанные служить въ ополченіи, повидимому, отсутствіе вотчинной власти (Grundherrlichkeit), но лишь выдѣляющіеся размѣрами владѣнія и придворно-рыцарскимъ воспитаніемъ и въ силу этого допускаемые къ должностямъ при царѣ, а въ лицѣ старшихъ въ родѣ и къ участію въ совѣтѣ царя роды („Geschlechter“), назначаемые царемъ судьи, вмѣсто разбиравшихъ судебныя дѣла окружныхъ князей,—какъ во Второзаконіи,—но никакихъ зачатковъ кодификаціи) на ряду съ деспотически-теократическимъ господствомъ надъ подданными. Подати—частью денежныя, частью натуральныя. Денежныя подати (самыя высокія подати были въ Вавилонѣ: 1000 талантовъ серебра; общая сумма: 7600 талантовъ серебра $= 53^1/_2$ милліона марокъ, къ которымъ надо прибавить потреблявшіяся на мѣстахъ поступленія) не даютъ масштаба для сужденія о развитіи денежнаго хозяйства; 14-ая сатрапія (на Иранскомъ плоскогорьѣ), представлявшая собою наполовину пустыню, даетъ почти столько же, сколько и Египетъ (какъ, навѣрное, вполнѣ основательно полагаетъ Э. Мейеръ, здѣсь должны были давать себя знать рудники и т. п.). На-

туральныя подати состоятъ частью въ обязанности давать помѣщеніе мѣстному гарнизону и удовлетворять другія его потребности, частью въ обязанности городовъ—какъ въ Средніе вѣка—содержать своего властелина или его представителя во время его пребыванія въ нихъ, частью въ опредѣленныхъ податяхъ; эти послѣднія, какъ въ огромнаго размѣра „ойкосѣ“, имѣли разнообразное назначеніе, соотвѣтственно потребительнымъ цѣлямъ, и были распредѣлены по мѣстностямъ: извѣстные города или деревни доставляютъ вино, другіе пшеницу къ царскому столу или для опредѣленныхъ домохозяйственныхъ или туалетныхъ надобностей царицы; точно такъ же—что всего важнѣе—организованы вообще и пребенды царской дружины (персовъ, которые „ѣдятъ за царскимъ столомъ“), должностныхъ лицъ и постояннаго царскаго войска. На ряду съ этимъ мы видимъ (особенно въ Месопотаміи, гдѣ это соотвѣтствовало системѣ прежнихъ властителей, но, конечно, не только тамъ) земельныя пожалованія для запаснаго ополченія, а для болѣе высокихъ чиновъ — пожалованія помѣстьями (Grundherrschaften) и разнаго рода иммунитетами: патримоніальнымъ судомъ и сеньеріальной властью надъ феодальнымъ ополченіемъ и обязанностью выставлять его. Эти феодальныя права очень различны по объему и прежде всего по своему правовому характеру, начиная отъ чисто частнаго иммуннаго леннаго помѣстья до крупныхъ, пользующихся патримоніальнымъ изъятіемъ отъ общей подсудности бароній (Standesherrschaften) и, наконецъ, до платящаго подать, но въ другихъ отношеніяхъ политически автономнаго вассальнаго князя (Lehensfürst), —институты, являющіеся дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ, слѣды которыхъ мы находимъ уже въ вавилонскомъ царствѣ, и предшественниками впослѣдствіи существовавшихъ предположительно въ эллинистическую и съ полной достовѣрностью въ римскую эпоху частновладѣльческихъ территорій (Privatherrschaften). Только съ теченіемъ времени предоставленіе собственно политическихъ, превышающихъ патримоніальные иммунитеты правительственныхъ правъ встрѣчается все болѣе и болѣе рѣдко, чѣмъ это (повидимому!) бывало въ времена персидскаго владычества. Естественно, политическая, какъ и патримоніальная власть высшаго сословія (die politische wie die patrimoniale Standesherrschaft) распространяется преимущественно на внутреннія области страны, лишенныя всякой городской организаціи (но не исключительно: иногда какъ вотчинная, такъ и политическая власть жалуется и въ отношеніи къ городамъ); за то чисто частныя, обрабатываемыя колонами помѣстья (Grundherrschaften) встрѣчаются также и въ областяхъ съ городской культурой. Правовое положеніе наслѣдственныхъ подданыхъ ближе неизвѣстно.

Относительно аграрныхъ отношеній древнихъ культурныхъ странъ—Месопотаміи, Египта, Сиріи—во времена персидскаго владычества лишь въ самое послѣднее время стали понемногу поставлять матерьялъ раскопки и демотическіе папирусы. Встрѣчающіяся въ вавилонскихъ источникахъ большія количества финиковъ, поставлявшихся частными землевладѣльцами, позволяютъ заключить, что здѣсь развились значительныя плантаціи (и притомъ развились вновь на прежней пашнѣ, такъ какъ земельные участки должны были платить мукой). Долгосрочныя (въ одномъ случаѣ на 60 лѣтъ) аренды помѣстій (очевидно, полученныхъ въ ленное владѣніе или въ подарокъ) персидскихъ магнатовъ показываютъ, что строгія предписанія относительно обязательнаго присутствія при дворѣ дѣлали необходимымъ абсентеизмъ помѣщиковъ (Grundherren). Наряду съ частными помѣстьями (private Grundherrschaften), имѣющими къ тому же своимъ источникомъ царское пожалованіе, стоятъ царскіе домены: лѣса, сады, пастбища, пахотныя поля, возникшіе путемъ присвоенія владѣній прежнихъ, до персидскаго владычества существовавшихъ, властителей и путемъ конфискацій, царскія стада, принадлежавшіе царю и принцамъ рабы, въ томъ числѣ и рабы, обученные ремесламъ, при случаѣ работавшіе, навѣрное, и на частныхъ заказчиковъ и берущіе себѣ въ ученье рабовъ частныхъ владѣльцевъ. Домены управлялись, какъ и каролингскіе домены, администраторами. Крупной аренды на доменахъ, повидимому, не существовало, такъ же, какъ не существовало и государственнаго откупа налоговъ. Довольно характерной является въ вавилонскихъ источникахъ посредническая роль капитала при уплатѣ податей: онъ избавляетъ обязаннаго платить подати отъ необходимости самому доставлять слѣдуемые съ него натуральные взносы, напр., закупаетъ муку, которую населеніе

должно доставлять царю, и, съ другой стороны, беретъ на себя сбыть финиковъ, которые родятся на данномъ участкѣ, и такимъ образомъ устраняетъ ограниченія, вносимыя въ обработку участковъ системой натуральныхъ податей.

Время персидскаго владычества является, повидимому, періодомъ сильнаго хозяйственнаго застоя въ занятыхъ персами областяхъ. Вавилонская система каналовъ, видимо, пришла въ разрушеніе къ концу господства персовъ, и ни объ эллинскихъ, ни о финикійскихъ городахъ мы не слышимъ, чтобы они благоденствовали подъ ихъ владычествомъ, несмотря на совершившееся умиротвореніе этой большой сплошной государственной территоріи. Тамъ не было какъ разъ тѣхъ специфически античныхъ стимуловъ „капитализма", которые всегда были связаны съ политическимъ расширеніемъ (Expansion). И сильнымъ препятствіемъ былъ гнетъ системы натуральныхъ податей и реквизицій областныхъ намѣстниковъ (о которомъ, напр., говоритъ Неемія) и полный произволъ, жертвой котораго были, видимо, и города, между тѣмъ какъ специфически эллинскихъ шансовъ на барыши при этомъ не было.

Объ отдѣльныхъ областяхъ мало что можно сказать. Относительно Египта временъ персидскаго владычества матерьялъ источниковъ пока еще слишкомъ ненадеженъ и въ смыслѣ текста, и въ смыслѣ перевода, чтобы можно было на основаніи его дѣлать какія-либо историко-хозяйственныя заключенія. Въ частности, утвержденіе Ревилью (Revillout), будто бы революціи „національныхъ" династовъ въ эпоху персидскаго владычества привели къ новымъ кодификаціямъ и, напр., къ возстановленію (едва ли передъ тѣмъ устраненнаго) права фамильнаго ретракта, остается еще висящей въ воздухѣ гипотезой до тѣхъ поръ, пока еще не подверглась тщательному изслѣдованію относительно своего смысла и значенія „демотическая хроника", на которую онъ опирается. Впрочемъ, персидскіе цари, повидимому, при случаѣ секуляризировали церковное имущество, но они не внесли никакихъ перемѣнъ въ общее положеніе духовенства и, несомнѣнно, оставили во всей неприкосновенности національное право. Повидимому, ни тамъ, ни въ Вавилонѣ общій типъ соціальнаго строя и юридическихъ отношеній не подвергался никакимъ принци-

піальнымъ измѣненіямъ. Неподвижный характеръ персидскаго государственнаго хозяйства долженъ былъ оказывать соотвѣтственное воздѣйствіе и на внѣшній оборотъ: экономическое развитіе огромной, въ теченіе полутора вѣковъ пользовавшейся почти совершенно мирнымъ существованіемъ, территоріи, видимо, стояло на мѣстѣ (никакой торговли въ персидскомъ заливѣ, слабое развитіе также принадлежавшихъ къ персидскому государству финикійскихъ и со временъ Пелопоннесской войны — эллинскихъ морскихъ городовъ).

Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ, персидское господство и въ Іерусалимѣ старалось найти для себя политическую опору въ теократіи. Благодаря этому іудейскимъ любимцамъ персидскихъ царей удалось получить отъ нихъ для іудеевъ разрѣшеніе 1) возвратиться въ Іерусалимъ, 2) выстроить вновь храмъ и городскія стѣны съ сохраненіемъ за городскимъ храмомъ исключительнаго права на мѣста культа и — что въ дальнѣйшей исторіи оказалось особенно богато послѣдствіями — 3) октроировать очистительный ритуалъ, пріобрѣтшій во время изгнанія евреевъ первенствующее значеніе благодаря невозможности сохраненія древней формы культа Еговы, а также предписанія, предусмотрѣнныя въ т.-наз. „священническомъ кодексѣ" и устанавливающія права іерусалимскаго духовенства. До изгнанія евреевъ священство было первоначально стоящей внѣ родовыхъ союзовъ профессіей, которая сдѣлалась вскорѣ наслѣдственной и существовала на опредѣленные, взимавшіеся для этого налоги. Теперь оно было надѣлено правами на десятину и въ то же время получило родовую организацію и составляло особую филу („колѣно" Левитово, двѣ другія филы поэтому соединились въ одно „колѣно Іосифово" въ традиціи). На основѣ родового начала — въ родѣ того, какъ въ Аѳинахъ послѣ Дракона и передъ Солономъ и въ римскомъ государствѣ древнѣйшаго періода — была заново организована вся народная масса. Израильскія „колѣна" („Geschlechter"), получившія свое наименованіе частью отъ мѣстностей, частью отъ лицъ, включающія въ свой составъ нерѣдко нѣсколько тысячъ душъ, и теперь остаются союзами землевладѣльцевъ, имѣвшихъ экономическую возможность носить оружіе, — хотя теперь союзы эти

были вновь образованы искусственно съ политическими цѣлями; на ряду съ ними (какъ и вездѣ) стояли „цехи“, т.-е. по своей функціи соотвѣтствующіе родамъ союзы извѣстныхъ ремесленниковъ. „Роды“ были раздѣлены на части, причемъ былъ произведенъ, съ помощью шнура, частичный новый передѣлъ сильно обезлюдѣвшей со времени изгнанія земли, а затѣмъ при Неемiи было предписано путемъ форменнаго синойкизма по 1/10 (будто бы) отъ каждаго колѣна въ качествѣ представителей его поселить въ полисѣ безъ права выселяться изъ него. Основной принципъ, что человѣкъ, лишившійся своего земельнаго владѣнія, не принадлежитъ больше къ общинѣ, сохранилъ свою силу, но „метэки“, къ числу которыхъ принадлежатъ люди, не имѣющіе земельной собственности, и закономъ, и литературой трактуются съ нарочитой предупредительностью, если только они принимаютъ іудейскую вѣру.

Теократія утвердилась окончательно. На ряду со свѣтскими родами стоятъ роды городского священства, которымъ подчинены „левиты“ въ качествѣ служителей при храмахъ. (Число всего духовнаго сословія—1/7 часть населенія—необычайно велико). Такъ какъ отличительной особенностью народа являлось теперь соблюденіе ритуальнаго закона (обрѣзанія, субботы, завѣтовъ чистоты), то священническіе роды еще до того, какъ первосвященникъ сталъ формальнымъ главой государства, являлись руководителями іудейской общины, экономическій центръ тяжести которой, несомнѣнно, оставался въ Вавилонѣ, гдѣ намъ обнаруживаютъ ее многочисленные документы. Политическое устройство государства служило одной лишь цѣли: сохранить сакральный центръ. Какъ и въ эллинскихъ городахъ, сначала здѣсь была введена общая трапеза главъ родовъ у намѣстника, какъ символъ государственнаго единства. Съ одной стороны, былъ воспрещенъ прежде допускавшійся connubium съ „жителями страны“, т.-е. со всѣми не вступившими въ имѣвшій религіозный фундаментъ полисъ путемъ принятія Закона, будь они даже израильскаго происхожденія; съ другой стороны, іудеи начали тогда не считающуюся съ происхожденіемъ своихъ будущихъ прозелитовъ пропаганду среди метэковъ и въ чужихъ странахъ.

Относительно аграрнаго развитія этой влачившей сначала

довольно жалкое существованіе общины мы можемъ узнать что-нибудь лишь косвенно и изъ болѣе поздней эпохи, съ помощью талмудскаго права и Евангелій. Но и то узнаемъ немного и мало своебразнаго. (Нѣкоторыя замѣчанія см. ниже).

„Національная война“ македонской военной монархіи, положившей основу всемірному господству эллинизма, внесла въ экономическія условія Востока значительнѣйшія измѣненія. Ближайшимъ послѣдствіемъ было чрезвычайное распространеніе (Expansion) автономнаго въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ эллинскаго полиса въ качествѣ формы организаціи также и на внутреннія страны вплоть до границъ Туркестана, между тѣмъ, какъ до тѣхъ поръ лишь очень немногіе города отстояли отъ морского берега болѣе, чѣмъ на одинъ день пути. Въ связи съ этимъ стоитъ распространеніе денежнаго хозяйства. Это прежде всего сказалось въ государственномъ хозяйствѣ: тогда какъ пребываніе персидскаго царя въ городѣ являлось экономическимъ бременемъ для этого послѣдняго (благодаря обязанности содержать его на свой счетъ), эллинистическій полисъ имѣлъ выгоду отъ пребыванія въ немъ двора, что передано намъ традиціей какъ самое характерное отличіе происшедшей перемѣны. Государственный откупъ сталъ распространяться теперь на Востокъ. Мы видѣли, что еще при Артаксерксѣ частный капиталъ игралъ посредническую роль въ уплатѣ долговъ, и Белохъ, конечно, правъ, когда онъ понимаетъ слова Аристотеля въ Экономикѣ (Aristot. Oikon. 33) въ томъ смыслѣ, что номархамъ приходилось самимъ превращать въ серебро дань, собираемую съ египтянъ зерномъ, для того, чтобы имѣть возможность уплачивать денежный налогъ, и поэтому они требовали свободы вывоза зерна, потому что иначе они не въ состояніи были бы внести налогъ. Теперь государство начинаетъ—всего планомѣрнѣе въ Египтѣ—сдавать натуральныя повинности откупщикамъ, которые гарантируютъ ему извѣстную опредѣленную денежную сумму, какъ выручку отъ продажи, чтобы имѣть, такимъ образомъ, возможность балансировать свой бюджетъ въ деньгахъ. Несмѣтныя „сокровища“ персидскихъ царей были расточены въ качествѣ дона-

тивъ суверепнымъ войскомъ и его вождями и „дружинами" македонскихъ князей и такимъ образомъ были пущены въ обращеніе. Царство Селевкидовъ, истиннѣйшее продолженіе персидскаго царства, видимо, никогда болѣе не обладало особенно богатой царской сокровищницей, но зато его денежные доходы съ податей, повидимому, превосходили доходы всего персидскаго царства (кромѣ Индіи), взятаго вмѣстѣ. Государственная казна Египта была очень богата, хотя размѣры ея, какъ они переданы традиціей, и совершенно неправдоподобны (многіе историки принимали на вѣру цифры фантастическія); кромѣ того, въ Египтѣ существовалъ царскій банкъ, который, какъ и въ большей части эллинистическихъ полисовъ, обладалъ монополіей размѣна и вмѣстѣ со своими филіальными отдѣленіями являлся всеобщимъ платежнымъ мѣстомъ. И чеканка монеты по городамъ началась вездѣ, между тѣмъ, какъ, напр., Вавилонъ еще и во времена персидскаго владычества вовсе не чеканилъ денегъ; золотые „дарейки" „государствомъ обезпеченной цѣнности" („Reichswährung") служили, главнымъ образомъ, для храненія въ видѣ сокровища и для наградъ, и только нѣкоторые приморскіе города чеканили эллинскую монету; но въ общемъ денежное дѣло оставалось на правовомъ уровнѣ денежной системы Китая (мелкія размѣнныя деньги на ряду съ колеблющимся въ цѣнѣ благороднымъ металломъ, уплачивавшемся по вѣсу—„pensatorisch").

Успѣхи и вліяніе денежнаго хозяйства всего яснѣе сказались на особенно хорошо извѣстномъ намъ теперь, благодаря Вилькену, положеніи Египта. Въ разницѣ между податями, платившимися персамъ, и доходами Птолемеевъ (будто бы 700 талантовъ, 120000 артабовъ хлѣба при Даріи—что, по даннымъ традиціи, сдѣлалось постоянной податью—,14800 талантовъ и 1,2 милл. хлѣба будто бы при Птолемеѣ Филадельфѣ, 6000 талантовъ достовѣрно въ I вѣкѣ послѣ сильнаго упадка), конечно, нельзя видѣть (даже оставляя въ сторонѣ пониженіе цѣнности благороднаго металла) просто соотвѣтствующее повышеніе государственныхъ доходовъ: всѣ источники говорятъ, что налоги въ пользу сатраповъ и мѣстныхъ войскъ были гораздо тяжелѣе, что на персидскій дворъ уходила только часть всей суммы доходовъ и, конечно, особенно менѣе значительная часть податей натурой. Но денежная стоимость

всѣхъ поступленій натурой при Птолемеяхъ равнялась всего только какой-нибудь $^1/_{40}$ всей суммы ихъ доходовъ: такъ быстро шло впередъ денежное хозяйство. И—на что Вилькенъ указалъ впервые—между тѣмъ, какъ въ содержаніи войска въ III в. до Р. Х. деньги относились къ выдачамъ натурой въ смыслѣ стоимости, какъ 1 : 2, во II в. отношеніе это измѣнилось на $3^1/_2$: 1, во флотѣ же въ концѣ II вѣка—на 20 : 1. Древнія, отличающіяся отъ халдейскихъ больше формально, чѣмъ по существу, категоріи натурально-хозяйственныхъ дѣловыхъ отношеній, займы натурой, вознагражденіе натурой и т. д., сохраняются еще въ теченіе всей эпохи Птолемеевъ (въ особенности—но не исключительно—въ демотическихъ папирусахъ). Натуральная аренда въ частномъ оборотѣ, судя по дошедшимъ до насъ источникамъ, преобладаетъ вплоть до эпохи императоровъ. Но денежное хозяйство неудержимо идетъ впередъ, начиная отъ III в. до Р. Х. и до половины II в. послѣ Р. Х. Сохранившіеся фрагменты хозяйственныхъ книгъ показываютъ намъ полную картину денежнаго хозяйства въ области домоводства, съ одной стороны, въ III в., съ другой стороны, во времена Веспасіана. Закупки на рынкѣ на деньги, продажа продуктовъ за деньги, поденная плата чистыми деньгами, отдача денегъ взаймы подъ денежные проценты господствовали въ частномъ оборотѣ; а главное: денежныя подати и денежная расцѣнка податей. Изъ поземельныхъ податей, если не считать злаковъ, составляющихъ монополію государства (сезамъ, кротонъ и т. д.), только подати зерновымъ хлѣбомъ выплачивались почти цѣликомъ натурой, всѣ другіе злаки были обложены почти исключительно денежными податями. Точно также денежными податями были обложены и ремесла, вмѣсто прежнихъ, практиковавшихся при фараонахъ, барщинъ и натуральныхъ оброковъ ремесленными издѣліями. Повсюду обнаруживается тенденція къ „adaeratio", какъ технически называли этотъ процессъ перехода отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ во времена имперіи. Необычайно развитая и доведенная до крайнихъ предѣловъ утонченности финансовая система эпохи Птолемеевъ, по которой рѣшительно каждый, отъ проститутки до завѣдующаго каналами—за исключеніемъ эллиновъ, жрецовъ (до извѣстнаго максимальнаго числа на каждый храмъ) и κάτοικοι (см. ниже)—былъ обложенъ особой

податью (differenzierte Steuern) сообразно съ своей профессiей, а, кромѣ того, сообразно съ своимъ объектомъ, каждый актъ оборота,—эта система покоится на совершенно послѣдовательномъ дальнѣйшемъ развитiи кадастра *барщинъ* и земельныхъ измѣренiй и оцѣнокъ, входившихъ въ систему государственнаго обложенiя временъ Рамессидовъ, которой она составляетъ дiаметральную противоположность лишь въ смыслѣ *способа* обложенiя: тамъ въ принципѣ натуральныя повинности, здѣсь въ принципѣ (какъ было на практикѣ, см. ниже) денежные налоги. Такимъ образомъ, въ эллинистическую эпоху государство удовлетворяло свои потребности все болѣе и болѣе *денежно*-хозяйственнымъ способомъ и могло это дѣлать потому, что хозяйственный строй, на который оно при этомъ опиралось, въ сильной мѣрѣ былъ или становился денежно-хозяйственнымъ строемъ.

Но *управленiе* вновь возникающихъ монархiй было чисто *бюрократическое* и становилось *все болѣе и болѣе* бюрократическимъ, и въ то же время въ государственномъ хозяйствѣ, какъ разъ *подъ влiянiемъ* денежнаго хозяйства, все сильнѣе и сильнѣе выступаетъ впередъ принципъ *литургiй*: обезпеченiя государственныхъ *доходовъ* путемъ возложенiя имущественной отвѣтственности за поступленiе государственныхъ податей на состоятельныхъ людей и прикрѣпленiя людей, обязанныхъ нести государству *повинности*, къ ихъ занятiямъ (функцiи, Funktion). Египетъ въ этомъ отношенiи классическая страна, но и въ другихъ мѣстахъ мы вездѣ встрѣчаемъ зачатки этого. Значенiе государственныхъ *рабовъ* возрастало и въ автономныхъ полисахъ, какъ, напр., въ Аѳинахъ. И аттическiй административный строй въ своихъ προεισφορά и συμμορία, а также въ положенiи демовъ (см. выше) уже содержалъ въ себѣ зародышъ того способа отвѣтственности за исправное поступленiе податей, какой сталъ обычнымъ полтысячелѣтiе спустя въ эпоху Константина, и того обращенiя съ „populus plebejus“, какое мы встрѣчаемъ въ муниципiяхъ. Наконецъ,—вслѣдствiе завоеванiй и въ особенности вслѣдствiе территорiальнаго расширенiя *въ глубь страны*—восточныя государства, несомнѣнно, переняли не только организацiю въ формѣ полиса, но и вотчинную (grundherrschaftliche) организацiю, если не формально, то по существу. Уже тотъ фактъ, что въ

Египтѣ при Птолемеяхъ мы имѣемъ налицо случай *наслѣдственной* аренды *частного* земельнаго владѣнiя (на 99 лѣтъ), которая практиковалась въ Месопотамiи временъ персидскаго владычества, между тѣмъ, какъ ни одного примѣра ея мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, ни для древней Эллады, ни для Рима, свидѣтельствуетъ о болѣе сильномъ выступленiи *феодальныхъ* элементовъ въ соцiальномъ строѣ. Не взирая на политику примиренiя нацiональностей, восточная масса является въ отношенiи къ эллинскому войску народомъ *покореннымъ*, и это нашло свое выраженiе въ соцiальныхъ институцiяхъ. Во всякомъ случаѣ эллинистическое государство (кромѣ Египта) прежде всего энергично принимается за введенiе въ странѣ городского строя. Лишь города являются носителями эллинской культуры—жители сельскихъ мѣстностей остаются „ἔθνη“—, и желательная эллинизацiя происходила обычно, съ одной стороны, путемъ поселенiя эллиновъ, отчасти всякихъ охочихъ людей изъ древней Эллады, но отчасти также и семействъ ветерановъ, съ другой стороны, путемъ конституированiя этихъ колонистовъ и эллинизированныхъ мѣстныхъ древнихъ родовъ (жреческихъ родовъ и военной аристократiи) въ „полисъ“. Надписи, повидимому, указываютъ на то, что въ принципѣ каждый, чье земельное владѣнiе несло или только, согласно правовому принципу, могло нести какiя-либо государственныя повинности, слѣдовательно, всѣ *частныя* лица должны были „приписать“ это земельное владѣнiе, хотя бы они получили его изъ рукъ царя (пользующагося въ отношенiи къ своимъ владѣнiямъ правомъ экстерриторiальности), къ „полису“. Эллинистическiе властители и колонисты всячески, очевидно, и совершенно сознательно урѣзывали вотчинную (grundherrliche), собственно *теократическую* организацiю, въ противоположность персамъ, которые точно такъ же сознательно выказывали расположенiе къ теократiи. Мы видимъ это изъ того, съ какой ловкостью въ Египтѣ—еще до нацiоналистическаго возстанiя Ѳиваиды, которое послужило началомъ настоящей египтофильской эпохи—офицiально столь благочестивая династiя Птолемеевъ воспользовалась причисленiемъ Арсинои (265 г. до Р. Х.) къ лику боговъ для того, чтобы, очевидно, цѣною крупнаго денежнаго подарка отнять у жрецовъ взиманiе ἀπόμοιρα ($^1/_6$ части дохода) со всѣхъ огородныхъ культуръ

(Gartenkulturen) и передать ее государству, подъ видомъ предоставленія этого дохода новой богинѣ. Мы видимъ это и въ синойкизмѣ Антіохіи писидійской и др., совершенно явственно, напр., въ карійской Стратоникеѣ. Здѣсь посредствомъ основанія новыхъ городовъ древняя сельская храмовая амфиктіонія была буквально разрѣзана на части, и городамъ были, сообразно числу приписанныхъ къ нимъ комъ, отданы голоса этихъ послѣднихъ въ совѣтѣ изстари группировавшагося вокругъ храмовъ округа. Изъ позднѣйшаго времени стоитъ припомнить, напр., основаніе полисовъ династіей Ирода въ видѣ противовѣса единому теократическому родовому полису (Geschlechterpolis) Іерусалиму; съ такой же цѣлью основана была Тиверіада, гдѣ, по свидѣтельству Іосифа, новые поселенцы были надѣлены пахотной землей, домами и привилегіями, но обязывались жить въ городѣ постоянно, и Себаста. Эти эллинскіе города, находясь среди чуждаго населенія и всецѣло завися отъ существованія эллинистическаго государства, были какъ разъ въ военномъ отношеніи самыми крѣпкими оплотами діадоховъ и эпигоновъ (Себаста выставила во время одной іудейской войны 3000 человѣкъ). Но, сверхъ того, появленіе эллинскаго полиса обезпечивало повышеніе податной силы: эллинистическіе монархи были „меркантилистами", какъ и территоріальные государи 17—18 вѣка у нась въ Германіи. Синойкизмъ и теперь обыкновенно означалъ фактическое переселеніе въ городъ для совмѣстной жизни, въ особенности для слоевъ общества, причастныхъ къ дѣловой жизни (а также, что слѣдуетъ хорошо замѣтить, къ управленію городомъ, которое можно было использовать въ коммерческихъ интересахъ). Такъ, уже Куномъ было обращено вниманіе на то, что послѣ синойкизма Кассандріи вино изъ бывшаго города Менды, продолжавшаго свое существованіе въ качествѣ κώμη этого полиса, отправлялось въ море уже не изъ его гавани, а изъ Кассандріи: штапельное право есть также одна изъ принадлежностей эллинистическаго города.

Однако, уже подчасъ колоссальные размѣры городскихъ территорій показываютъ, что по своему соціальному устройству города эти должны были очень отличаться отъ классическаго эллинскаго полиса и на дѣлѣ нерѣдко представляли собою лишь юридически синойкизированный комплексъ

крупныхъ феодальныхъ помѣстій (von grossen Grundherrschaften). Далѣе, огромныя земельныя владѣнія (домены) царей въ принципѣ оставались совсѣмъ экстерриторіальными, и наряду съ ними существовали несомнѣнно многочисленныя, возникшія благодаря личному пожалованію, феодальныя помѣстья (Grundherrschaften), которыя не были приписаны къ полису, въ особенности въ тѣхъ областяхъ, гдѣ организація полиса не была введена повсемѣстно. Формальное, установленное правовыми нормами прикрѣпленіе къ землѣ сидящихъ на частныхъ феодальныхъ помѣстьяхъ (Grundherrschaften) колоновъ не можетъ быть доказано, да и не представляется вѣроятнымъ, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторами являлись эллины (что случалось, конечно, рѣдко за предѣлами территоріи полиса), но и вообще и въ отношеніи къ не-эллинскому населенію. Иначе дѣло обстояло тамъ, гдѣ выступало на сцену административное право, гдѣ, слѣдовательно, дѣло шло о повинностяхъ въ отношеніи государству, или, что то же, о повинностяхъ въ отношеніи къ монарху. Въ своихъ отношеніяхъ къ государству такъ же, какъ подданный древняго Египта былъ связанъ съ указаннымъ ему закономъ мѣстожительствомъ, а афинянинъ (безъ всякихъ послѣдствій для свободы передвиженія) со своимъ демомъ, и подданный эллинистическаго государства былъ связанъ съ своей родной общиной (ἰδία эпохи Птолемеевъ — несомнѣнно, только перешедшій къ нимъ отъ древняго Египта уже раньше разъясненный институтъ): здѣсь платитъ онъ налоги, сюда его можно удалить въ случаѣ, если въ мѣстѣ его пребыванія, гдѣ онъ живетъ въ качествѣ ἐπίξενος, отъ него хотятъ избавиться, сюда, наконецъ, можетъ его вернуть при случаѣ государство, когда потребуется выполненіе имъ личныхъ литургій. Ибо въ древности обезпеченная свобода передвиженія существовала лишь постольку, поскольку она была гарантирована опредѣленными договорами или привилегіями. Въ противномъ случаѣ, согласно юридическому принципу, въ отношеніи къ государству каждый отдѣльный человѣкъ былъ точно такъ же связанъ со своей общиной, какъ въ настоящее время русскій крестьянинъ. Ибо и физическое возвращеніе подданныхъ въ родную общину для несенія государственныхъ повинностей мы находимъ не только въ

позднѣйшее время въ извѣстномъ текстѣ Евангелія отъ Луки, но и во всѣ времена въ эллинистическихъ государствахъ. Эллинистическое государство знало, въ частности, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ государства древняго Востока, натуральныя повинности публично-правового происхожденія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда выполненіе ихъ могло пострадать отъ переселеній, оно прибѣгало, несомнѣнно, къ принудительному возвращенію на мѣсто жительства. На экстерриторіальныхъ доменахъ царя, а также на пожалованныхъ царемъ экстерриторіальныхъ феодальныхъ помѣстьяхъ (Grundherrchaften) (гдѣ были такія) частно-правовыя, опирающіяся на традицію и на общій порядокъ аренды доменовъ повинности колоновъ едва ли могли быть защищены отъ смѣшенія съ повинностями административно-правового происхожденія, и тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ Египтѣ, гдѣ разнообразнѣйшія барщинныя повинности подданныхъ являлись наслѣдіемъ отъ временъ фараоновъ и продолжали существовать въ эллинистическо-птолемеевскую эпоху, напр., въ видѣ пятидневной барщины на каналахъ, какъ это видно изъ источниковъ этой эпохи. Впрочемъ, развитіе мѣнового хозяйства повсюду (также и въ Египтѣ, см. выше) вызвало тенденцію сдѣлать эти барщины переводимыми на платежи натурой или деньгами. Но тамъ, гдѣ затронуты были финансовые интересы государства, второй Птолемей ни мало не усумнился ограничить свободу передвиженія рабочихъ, которые работали на государственныхъ масляныхъ прессахъ и формально были связаны (повидимому) исключительно контрактомъ. Подобныя мѣропріятія опирались не на общія правовыя нормы, а на административную власть царя. Точно такъ же поступали, несомнѣнно, въ случаѣ надобности и съ колонами царскихъ доменовъ. Документъ продажи одной деревни на доменахъ въ Малой Азіи царемъ Антіохомъ II своей супругѣ (въ 265 г. до Р. Х., фактъ, впервые оцѣненный Ростовцевымъ) заставляетъ предполагать фактическую свободу передвиженія у сельскихъ жителей, юридически же они остаются—вопреки мнѣнію П. М. Мейера—прикрѣпленными къ своей деревнѣ и могли быть, конечно, въ случаѣ надобности возвращены въ свою деревню. Но совершенно такъ же могли поступать со своими держателями и частные экстерриторіальные землевладѣльцы, если имъ

предоставлены были права мѣстной власти. Частное право Востока отъ Снефру и Гаммураби вплоть до Талмуда всегда разсматриваетъ мелкую аренду съ точки зрѣнія господина (Herr) и всегда видитъ поэтому въ мелкомъ арендаторѣ человѣка, который находится тутъ для надобностей господина (помѣщика) который, поэтому не только и не прежде всего имѣетъ въ отношеніи къ землѣ права пользованія, но прежде всего беретъ на себя и обязанности обработать землю (прежде всего, но не исключительно: таково было положеніе арендатора изъ части продукта); и рѣзко отдѣлять эти повинности въ отношеніи къ царю или къ патримоніальному владѣльцу (Patrimonialherr) отъ натуральныхъ повинностей публично-правового характера едва ли всегда брали на себя трудъ. Уже различие между несшими барщину колонами доменовъ фараона и его „подданными“, крестьянами, которыхъ онъ привлекаетъ къ несенію государственныхъ барщинныхъ повинностей, носило (см. выше) довольно проблематическій характеръ. Для туземнаго населенія („ἔθνη“) такое положеніе вещей, можетъ быть, нѣсколько измѣнилось въ эллинистическую эпоху, и то едва ли принципіально. Офиціальная терминологія Птолемеевъ въ т.-наз. „Revenue laws“ и въ друг. источникахъ дѣлаетъ различіе между „λαοί“ доменовъ (тѣмъ же словомъ обозначаются и малоазіатскіе колоны, и это же названіе соотвѣтствуетъ, конечно, и „retu“, „miritiu“ и другимъ выраженіямъ временъ фараоновъ) и остальными γεωργοί страны. Эти послѣдніе формально „свободные“ сельскіе хозяева—собственники или арендаторы, въ томъ числѣ и царскіе арендаторы, („βασλκοὶ γ“)—,первые же въ Rev. laws. и въ другихъ источникахъ—египетскіе колоны царя. Долго ли держалась эта терминологія, остается спорнымъ. Ибо, повидимому, къ этимъ царскимъ колонамъ въ административно-правовой практикѣ по существу приравнивалась, какъ и во времена фараоновъ, и большая масса туземнаго неимущаго (соотв. юридически трактуемаго какъ неимущее или наравнѣ съ неимующимъ) сельскаго населенія (такое положеніе вещей ведетъ свое начало, очевидно, еще изъ древнеегипетскихъ отношеній, см. выше). Λαοί платятъ поголовный налогъ, они въ своей ἰδίᾳ исполняютъ натуральныя повинности и для государства, и для общины; только въ эллинистическую эпоху эта барщина боль-

шею частью переведена на деньги, и въ силу этого существуетъ и фактическая (съ юридической точки зрѣнія прекарная) свобода передвиженія. Когда съ нихъ требуютъ исполненія натуральныхъ повинностей—во времена остраго напряженія государственнаго тягла или во времена кризисовъ, когда не хватаетъ денегъ (какъ это было, напр., во 2 вѣкѣ до Р. Х., какъ впервые отмѣтилъ П. М. Мейеръ), тогда они освобождаются отъ другихъ литургій (напр., отъ принудительной государственной аренды), чтобы не причинить ущерба земледѣлію. (Въ какой мѣрѣ сидѣвшіе на царской землѣ λαοί сидѣли на ней лишь въ силу договора—въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ на юридическомъ языкѣ позднѣйшей эпохи они назывались homologi coloni [1])—или же они просто платили свои традиціонные платежи, для этой эпохи это не выяснено; положеніе такъ назыв. „γεωργοῦντες ὁμόλογοι ἄνδρες“, которыхъ существованіе во 2 вѣкѣ доказываетъ Вилькенъ и которые, по его мнѣнію, сидѣли на государственныхъ помѣстьяхъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, невозможно опредѣлить болѣе точно. Въ общемъ, для эллинистическихъ колоновъ первоначальной основой служилъ договоръ, для туземныхъ („ἔθνη“) колоновъ традиція).

Очевидно, это явленіе (о его особенностяхъ и дальнѣйшихъ судьбахъ изложено въ статьѣ „Колонатъ“) входитъ какъ неотъемлемая составная часть въ тотъ государственный аппаратъ, который Египетъ, въ этомъ отношеніи наиболѣе раціонально организованное эллинистическое государство, воздвигъ на основѣ древне-египетскаго соціальнаго строя. Если, какъ мы сейчасъ видѣли, на ряду съ организаціями вотчиннаго типа (grundl[illegible]e Gebilde) въ эллинистическомъ денежномъ хозяйствѣ д[illegible]ще себя знать основы древняго барщиннаго госуда[illegible]ва (Fronstaat) временъ Рамессидовъ, то, съ другой стороны, это денежное хозяйство разрушалось особенностями системы государственныхъ финансовъ. Государство держало огромную армію платныхъ чиновниковъ и все же значительное постоянное войско, получавшее все въ большей и большей мѣрѣ денежное вознагражденіе, точно такъ же дворъ и (особенно въ Египтѣ) добавочныя траты на рели-

[1]) Спорно.

гіозный культъ, наконецъ, и это главное, широкая политика требовали теперь прежде всего денегъ. Какъ и у насъ въ настоящее время, такъ и въ эллинистическую эпоху какъ разъ необходимость денежно-хозяйственнаго покрытія государственныхъ потребностей послужила рычагомъ для преобразованія всего хозяйства страны въ смыслѣ возвращенія къ все увеличивавшейся связанности хозяйственной жизни общества, къ ея обобществленію и къ вытѣсненію оборота. Въ древности этотъ процессъ нашелъ свое завершеніе въ формѣ стигнувшаго своего полнаго развитія опирающагося на литургіи государства („Leiturgiestaat“). Болѣе подробное описаніе такого догосударства не входитъ здѣсь въ нашу задачу (объ отдѣльныхъ важныхъ въ аграрно-историческомъ отношеніи пунктахъ ср. статью „Колонатъ“). Довольно будетъ напомнить, что въ образцовомъ эллинистическомъ государствѣ, Египтѣ—царство Селевкидовъ было организовано гораздо слабѣе и распалось вслѣдствіе этого сравнительно быстро—важныя отрасли производства были совершенно монополизированы: такъ, напр., какъ уже случайно упоминалось раньше, изготовленіе масла (изъ сезама, кротона, тыквы; разведеніе маслинъ распространилось въ Египтѣ лишь позднѣе, именно въ эпоху римскаго владычества), соль (съ принудительнымъ минимальнымъ контингентомъ соотвѣтствуя французской „gabelle“), натръ и, повидимому (въ исторической связи съ положеніемъ текстильной промышленности въ древнемъ Египта, см. выше), также изготовленіе тонкаго полотна. Воздѣлываніе маслинъ и (вѣроятно) льна находилось поэтому подъ строгимъ контролемъ; весь сборъ въ силу принадлежавшей государству монополіи закупки поступалъ въ царскіе магазины. Цѣны при продажѣ масла устанавливались весьма произвольно съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія послѣ того, какъ κάπηλοι отдѣльныхъ городовъ и округовъ указывали потребныя для ихъ округовъ количества и дворъ отчислялъ, сколько ему было нужно. Масло, на ряду съ также регулируемой государственнымъ управленіемъ (см. ниже) пшеницей, было важнѣйшимъ предметомъ потребленія. Въ неменьшей мѣрѣ было монополизировано и сдано въ аренду банковое дѣло (въ первую голову: операціи, связанныя съ валютой). Эта монополизація шла все впередъ и захватывала все новыя—въ частности: 1) „трудныя“ („schwere“) (т.-е. связанныя съ

поставкой сырого матерьяла) и 2) работающія на массовое потребленіе отрасли промышленности. Во времена римскаго владычества мы находимъ, напр., также сдаваемые въ аренду монопольные кирпичные заводы, и такимъ образомъ черезъ руки государства проходило большинство какъ разъ простѣйшихъ (elementare) предметовъ потребленія: хлѣбъ, растительное масло, строительный матеріалъ, одежда (отчасти).

Къ этому присоединялась система литургій въ формѣ, являющейся комбинаціей древне-египетскихъ учрежденій съ чисто эллинскими. Государство старается исполненіе каждой государственной повинности обезпечить имущественнымъ поручительствомъ. Чтобы сдѣлать это возможнымъ, всѣ сколько-нибудь прочныя и значительныя имущества заносятся въ кадастръ, такъ что къ каждому ихъ владѣльцу приписывается опредѣленное число πόροι—круглыя денежныя суммы, въ принципѣ однородныя съ позднѣйшими „capita" временъ Діоклетіана, и сообразно съ этимъ властями опредѣляется должность, которую онъ можетъ отправлять, и связанныя съ нею обязанности. Эта система распространяется на всѣ должности, до ночныхъ сторожей въ деревняхъ включительно (πόρος въ 300 драхмъ). Эта система литургій захватываетъ также и главнѣйшій источникъ капиталистическаго образованія имущества, государственный откупъ, въ частности: откупъ податей (это прекрасно изображено Ростовцевымъ). Вмѣсто свободного хозяйничанья аѳинскаго и тѣмъ болѣе римскаго откупщика податей, обусловленнаго отсутствіемъ бюрократіи, мы видимъ здѣсь взиманіе податей государствомъ. Государство нуждается въ откупщикѣ въ концѣ-концовъ только какъ въ поручителѣ за вполнѣ опредѣленный минимумъ денежного дохода для надобностей бюджета и оплачиваетъ его рискъ участіемъ въ излишкахъ или „ὀψώνιον'омъ" въ размѣрѣ 5—10% [1]). Вмѣсто того, чтобы откупщику за внесенную заранѣе государству сумму получать въ собственныя руки поступающіе налоги, здѣсь эти поступленія совершенно не проходятъ черезъ кассу откупщика и идутъ прямо въ магазины, т.-е. государственныя кассы; съ другой стороны, откупщикъ и не вноситъ ничего (или только

[1]) Многія подробности еще спорны.

часть) впередъ. Откупщику, слѣдовательно, нужно сравнительно очень мало „капитала", ему и его компаньонамъ (socii) и поручителямъ нужно было скорѣе только „имущество", чтобы имѣть возможность явиться поручителями передъ государствомъ. Поэтому взятіе на откупъ податей имѣло здѣсь качественно иной экономическій характеръ, чѣмъ у римскихъ публикановъ, и соотвѣтственно этому съ теченіемъ времени оно все болѣе и болѣе разсматривалось какъ литургія и во времена неблагопріятныя чувствовалось какъ тяжелая литургія: прямое принужденіе къ взятію на откупъ государственныхъ податей къ концу эпохи Птолемеевъ представляло собою постоянное явленіе (эдиктъ Александра показываетъ, насколько оно было невыносимо) и начинаетъ въ концѣ-концовъ распространяться съ откупа налоговъ также и на аренду доменовъ, гдѣ ея существованіе, какъ вполнѣ нормальное явленіе, между прочимъ, завѣрено вполнѣ опредѣленными, къ этому случаю относящимися статьями въ контрактахъ компаній откупщиковъ (объ этомъ см. статью „Колонатъ").

Изъ большихъ царскихъ доменовъ поступаетъ очень значительная часть государственныхъ доходовъ. Въ первое время, пока династіи еще не чувствовали подъ собою твердой почвы, старые домены въ очень значительныхъ размѣрахъ служатъ частью для пріобрѣтенія денежныхъ средствъ (продажа земли Антіохомъ I городу Питане за 300 талантовъ) или для пріобрѣтенія и обезпеченія надежныхъ сторонниковъ. Произведенныя Филиппомъ и Александромъ крупныя земельныя пожалованія подтверждаетъ (судя по сохранившейся надписи) Кассандръ; крупныя земельныя пожалованія производились также и при діадохахъ, въ особенности при первыхъ. Одинъ генералъ получилъ въ даръ отъ Антіоха I около 600 гектаровъ земли, и, навѣрное, это не было особенно большимъ пожалованіемъ. Но въ позднѣйшее время—и тутъ послѣдовательнѣе всего въ Египтѣ—царскія земли, кромѣ пожалованій храмамъ (см. ниже), служили двумъ цѣлямъ: 1) для раздачи въ постоянное владѣніе солдатамъ, для пополненія ли гвардіи всегда готовымъ резервомъ, или для образованія кадровъ для набора, притомъ безъ денежныхъ затратъ, 2) для полученія рентъ, главнымъ образомъ при помощи сдачи въ аренду.

Что касается снабженія землей для военныхъ цѣлей,

для выясненія котораго, хотя, повидимому, еще и не окончательнаго, очень много сдѣлалъ П. М. Мейеръ, то здѣсь оно не можетъ быть подвергнуто всестороннему разсмотрѣнію; мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями, чтобы вкратцѣ иллюстрировать его аграрно-историческую сторону. Въ самомъ широкомъ смыслѣ можно было бы видѣть военный характеръ во всѣхъ надѣленіяхъ землей клеруховъ въ новыхъ полисахъ царствъ діадоховъ,—потому что основаніе полиса есть основаніе крѣпости. Но съ формальной точки зрѣнія обязанность идти на войну здѣсь есть обязанность полиса въ отношеніи къ государю, обязанность гражданина въ отношеніи къ автономному въ своей внутренней жизни полису. Иначе дѣло обстояло съ настоящими солдатскими надѣлами. Въ Пергамѣ земельные надѣлы отъ $12^1/_2$ до $6^1/_4$ гектаровъ (изъ нихъ отъ $1^1/_2$ до $1^1/_4$ подъ виноградниками), это—κλῆροι солдатъ, военная повинность неразрывно связана съ опредѣленнымъ конкретнымъ участкомъ земли. Точно такъ же было, несомнѣнно, съ настоящими поселеніями ветерановъ, которыя еще со временъ Александра являлись, очевидно, возвращеніемъ къ древнимъ восточнымъ учрежденіямъ (см. выше) и создавали (фактически) наслѣдственное сословіе солдатъ какъ суррогатъ македонскаго ополченія. Приспособленіе новыхъ учрежденій къ раньше существовавшимъ особенно далеко заходило въ Египтѣ. Мы находимъ здѣсь (какъ въ послѣдній періодъ императорской эпохи и во время переселенія народовъ въ Европѣ) бокъ-о-бокъ: 1) расквартированіе (σταθμοί) солдатъ и 2) разселеніе по κλῆροι. Только это послѣднее интересуетъ насъ здѣсь. На землѣ клеруховъ опять же бокъ-о-бокъ мы видимъ туземныхъ, призываемыхъ только въ случаѣ нужды μάχιμοι съ ихъ маленькими, на египетскій ладъ, надѣлами (ἑπτάρουροι μάχιμοι въ Керкеосирисѣ: 1,8 гектар.; на ряду съ ними египетскіе всадники съ болѣе крупными надѣлами), съ другой стороны македонско-греческихъ клеруховъ. (Тотъ фактъ, что, кромѣ того, иногда земля клеруховъ раздавалась полицейскимъ и позже гражданскимъ чиновникамъ, какъ это, напр., показываютъ Тебтунисскіе папирусы, а также вопросъ объ отношеніи другъ къ другу различныхъ обязанныхъ военной повинностью получателей земли: σύνταγμα (линія) къ ἐπίταγμα, къ ἐπίγονοι—привилегированнымъ потомкамъ стараго войска завоевателей, какъ это

установлено теперь П. М. Мейеромъ и Reinach'омъ—κονδροῦχοι, κάτοικοι, до сихъ поръ остающійся въ достаточной мѣрѣ спорнымъ, все это оставляется здѣсь въ сторонѣ, какъ и вообще всѣ, даже важныя подробности; см. статью „Колонатъ". И сказанное въ дальнѣйшемъ изложеніи во многихъ отношеніяхъ спорно).

Поскольку клерухи, въ частности κάτοικοι (позднѣе вошедшее въ употребленіе названіе основной группы эллинскихъ клеруховъ) сидятъ на землѣ (встрѣчаются подгородные мелкіе надѣлы въ области Дельты Нила до 0,83 гектара), они получаютъ, повидимому, свой земельный надѣлъ, гдѣ только это возможно, на находящихся въ распоряженіи царя высоко лежащихъ пустошахъ (Geestland) (χέρσος), а не на принадлежащей ему старой (и, слѣдовательно, подверженной наводненіямъ) пахотной землѣ (σπόριμος), а потому въ гораздо большемъ размѣрѣ (въ Керкеосирисѣ колеблясь между 20 и 100 арурами, что приблизительно = отъ 5,6 до 28 акровъ, и иногда достигая 320 и даже 500 арyръ). Если обязанная быть сданной въ аренду расположенная въ низменностяхъ земля (Marschland) отдавалась клерухамъ, слѣдовательно, оставалась свободной отъ аренды, то въ кадастрахъ это является какъ уклоненіе отъ общаго правила и заносится какъ „недоборъ" слѣдуемаго отъ аренды. Обычно, такимъ образомъ, „βασιλικὴ γῆ" въ собственномъ смыслѣ, обязанный быть сданнымъ въ аренду доменъ царя, отличается, съ одной стороны, отъ земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ (ἰδιόκτητος), съ другой стороны, отъ „γῆ ἐν ἀφέσει", состоящей въ свою очередь изъ двухъ категорій: изъ земли храмовъ (ἱερὰ γῆ, см. ниже) и земли клеруховъ. Эти двѣ послѣднія категоріи земель, связанныхъ несеніемъ извѣстныхъ службъ (функцій, Functionen), несмотря на это, не были вполнѣ освобождены отъ всякихъ податей (такъ же, какъ и частная земля). Подати, платимыя клерухами всѣхъ категорій, въ виду того, что земля ихъ часто была какъ разъ прежней пустошью, бывали даже чрезвычайно обременительны и заставляли ихъ отказываться отъ владѣнія ими, хотя первоначально эти подати, судя по ихъ характеру и названію, съ одной стороны, носили чисто формальный характеръ (были Rekognitionsabgaben), а съ другой стороны, были податями, уплачиваемыми царю, какъ главѣ войска, лишь въ опредѣлен-

ныхъ случаяхъ. По свидѣтельству источниковъ, за неуплату подати земля подлежала секвеструу и при случаѣ передавалась другому, кто бралъ на себя и связанныя съ нею повинности, и прежде всего, безъ сомнѣнія, за неявку въ войско,—какъ бывало уже со служилыми ленами (Dienstlehen) во времена Гаммураби. Клерухъ не обязанъ обрабатывать землю своими руками: онъ можетъ сдать землю въ аренду. Отчуждать землю, онъ, повидимому, по закону первоначально не могъ, или же это дѣлалось въ формѣ отказа въ пользу другого лица съ согласія власти. Въ порядкѣ наслѣдованія земля переходитъ къ сыновьямъ. Завѣщаній, повидимому, въ III вѣкѣ еще не существуетъ. Встрѣчаются случаи раздѣла земли между отцомъ и сыномъ (видимо, всего только дѣленіе работы и барыша). Дробленіе на болѣе мелкіе участки встрѣчается очень рѣдко, но все же встрѣчается (при наслѣдованіи), несомнѣнно, съ разрѣшенія власти. Нельзя сказать навѣрное, была ли предоставлена клеруху первоначально юридически полная свобода выбора способа обработки земли; повидимому, нѣтъ указанія и на *фактическое* вмѣшательство властей; судя по арендныъ договорамъ, его рѣшительно *не* было: клерухъ вѣдь платилъ, главнымъ образомъ, *денежныя* подати и кромѣ того исполнялъ въ случаѣ надобности военную службу. Лишь въ случаѣ полнаго прекращенія обработки или паденія ея ниже опредѣленнаго минимума, обезпечивающаго государственныя подати (слѣды этого въ Тебт. папирусѣ), земля отбиралась въ казну—какъ и во всѣхъ античныхъ наслѣдственныхъ арендахъ.

Эллинскіе „κάτοικοι“ составляютъ аристократію среди клеруховъ. Они такъ же мало обособлены чисто этнически, какъ съ другой стороны μάχιμοι, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, въ соотвѣтствіи съ общей политикой Птолемеевъ. Но среди клеруховъ существуетъ возможность повышенія за заслуги и труды изъ низшаго въ высшій классъ, съ постепеннымъ увеличеніемъ надѣловъ и съ выдачей новыхъ и съ одновременнымъ „переводомъ“ въ классъ κάτοικοι, къ которому, несомнѣнно, можно было принадлежать лишь людямъ, усвоившимъ эллинскую культуру. Судя по размѣру ихъ надѣловъ, число этихъ κάτοικοι не могло быть особенно велико. (Ср. также множество наемныхъ войскъ Птолемеевъ). Земли клеруховъ, конечно,

очень неравномѣрно распредѣлялись по странѣ, и ихъ было всего больше тамъ, гдѣ царь пріобрѣталъ новую землю путемъ орошенія и осушки мѣстности (совершенно, какъ на древнемъ Востокѣ—въ Месопотаміи; и массовыя переселенія побѣжденныхъ производились Птолемеями совершенно, какъ въ древнія времена). Въ сплошь на *нови* расположенной области Керкеосириса, напр., вслѣдствіе этого совершенно нѣтъ частныхъ владѣній (кромѣ деревенскихъ усадебныхъ участковъ) и почти нѣтъ (5%) земли, принадлежащей храмамъ; напротивъ, земля клеруховъ занимаетъ изъ приблизительно 4700 арурь (1300 гектаровъ) 1564, т.-е. почти треть, между тѣмъ, какъ вся остальная земля есть βασιλικὴ γῆ.

Κάτοικοι уже съ самаго своего появленія (во II в.), и во всякомъ случаѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше, занимаютъ положеніе привилегированнаго класса, и это привилегированное положеніе распространяется съ ходомъ развитія и на ихъ κλῆρος, который превращается фактически въ *частное* владѣніе и даже привилегированное частное владѣніе, какъ въ отношеніи податей, такъ, несомнѣнно, и въ отношеніи барщинныхъ повинностей. Въ III в. послѣ Р. Хр. они, повидимому, платятъ необычайно низкую подать въ размѣрѣ 1 артабы съ каждой аруры. За то они подлежатъ ἐπίκρισις—кадастрированію для надобностей военнаго набора, какъ слѣдуетъ это слово толковать вмѣстѣ съ П. М. Мейеромъ, вопреки Wessely, который понимаетъ этотъ ἐπίκρισις прежде всего какъ установленіе—различныхъ для каждой этнической группы—*податныхъ* повинностей; во всякомъ случаѣ въ эпоху римского владычества—а также, какъ было замѣчено, повидимому, уже и раньше—сословіе κάτοικοι не было обособлено этнически.

О египетскомъ царскомъ доменѣ, βασιλικὴ γῆ, я ограничусь здѣсь немногими замѣчаніями (о *соціальномъ* значеніи отношеній на доменѣ см. статью „Колонатъ“). Царская земля кадастрирована уже со временъ „новаго царства“, вымѣрена и раздѣлена на четырехугольные участки. Судя по даннымъ источниковъ, способъ обработки съ точностью опредѣленъ для каждой деревни и находится подъ контролемъ. Со временъ фараоновъ доменъ разбросанъ, хотя, несомнѣнно, очень неравномѣрно, но по всей странѣ (твердыхъ основаній для отвѣта на вопросъ: какъ? пока еще нѣтъ). Доменъ сдается въ аренду и въ эпоху

Птолемеевъ такъ же, какъ и въ древнемъ Египтѣ, и отчасти въ противоположность императорской эпохѣ, преимущественно *мелкимъ* арендаторамъ. Аренда здѣсь не есть аренда изъ части продуктовъ, а за твердо опредѣленную плату натурой, сообразующуюся съ качествами почвы. И плата производится *прежде всего пшеницей*. Всѣми другими злаками плата взимается натурой лишь до извѣстнаго твердо опредѣленнаго maximum'а; остальное расчитывается пшеницей по твердо установленному тарифу (ячмень относится къ пшеницѣ, напр., какъ 3 : 5), и такимъ образомъ извѣстная фактическая свобода въ чередованіи плодовъ по возможности приводилась въ гармонію съ интересомъ фиска—получить пшеницу въ желательномъ количествѣ. Но въ соотвѣтствіи съ этимъ порядокъ смѣны плодовъ на коронной землѣ отличался, конечно, отъ обычнаго, принятого, напр., у клеруховъ, гораздо болѣе сильнымъ преобладаніемъ *пшеницы*. Между тѣмъ, какъ клерухи въ сильной мѣрѣ обрабатывали землю для *собственнаго* потребленія, и потому, напр., стрючковыя растенія играютъ у нихъ значительную роль, производство на коронныхъ доменахъ имѣло въ виду коммерческія цѣли, *экспортъ*: Египетъ сдѣлался всеобщей „житницей". Поэтому посѣвы пшеницы занимаютъ нерѣдко больше половины, хлѣбомъ вообще занято обыкновенно 2/3 всей земли, остальная треть для отдыха (ἀνάπαυμα) засѣвается травами, чечевицей и т. п. На обсѣмененіе полагалось 1 артаба на 1 аруру (28 аровъ). Урожай въ *одномъ* случаѣ достигаетъ самъ 20 (въ *настоящее время* средній урожай—самъ 12)[1]). Для обезпеченія столь важнаго въ политическомъ и экономическомъ отношеніи производства хлѣба служатъ ведущіе свое начало изъ временъ фараоновъ царскіе магазины, изъ которыхъ въ случаѣ надобности крестьяне (арендаторы доменовъ *и другіе*, платившіе *подати* натурой) получаютъ ссуду (какъ теперь въ Россіи) на обсѣмененіе, при чемъ весь аппаратъ въ самой низшей инстанціи опирается на царскихъ „ситологовъ", которые наблюдаютъ по деревнямъ за обработкой земли и за жатвой и въ случаѣ надобности и выдаютъ ссуду на обсѣмененіе. Хлѣбъ молотили подъ наблюденіемъ на гумнахъ, устроенныхъ передъ деревнями, и затѣмъ

---

[1]) Ср. съ этимъ арендную плату (см. ниже).

отвозили въ магазинъ; перевозку въ Александрію, въ случаѣ надобности, производили уже (принудительныя) артели, конечно, пользовавшіяся въ этомъ дѣлѣ правомъ монополіи. Арендная плата представляется, насколько можно судить, умѣренной сравнительно съ арендной платой на земляхъ частныхъ лицъ (см. ниже). Зато уменьшеніе или сложеніе арендной платы при арендѣ доменовъ допускается, повидимому, лишь въ случаяхъ большой крайности (когда нѣтъ разлива).

Кадастръ доменовъ приводитъ для каждой деревни тѣ составныя части доменовъ, которыя приносятъ ренту, и тѣ, которыя постоянно или временно не приносятъ ея. Это можетъ случиться по той причинѣ, что земля представляетъ собою „ὑπόλογον", т.-е. не даетъ ренты по естественнымъ или чисто фактическимъ причинамъ (отсутствіе обработки), или потому что она находится ἐν συγκρίσει, т.-е. арендаторъ ея имѣетъ право на сложеніе съ него арендной платы, наконецъ, потому, что она пожалована кому-нибудь за службу. Дѣло въ томъ, что отдѣльныя части βασιλικὴ γῆ, не говоря о вышеупомянутомъ случаѣ неправильной раздачи земли клерухамъ, могли быть употребляемы для опредѣленныхъ царемъ цѣлей: для пополненія средствъ, которыя шли на содержаніе храмовъ или жрецовъ (выраженіе ἐν συντάξει, видимо, имѣетъ этотъ смыслъ), или въ качествѣ леновъ царедворцамъ (такое значеніе имѣетъ, очевидно, ἐν δωρεᾷ), для чего отдавались нерѣдко сразу цѣлыя деревни. И то, и другое было, навѣрное, взято изъ административной практики временъ фараоновъ. Все остальное относительно категоріи царской земли еще продолжаетъ оставаться спорнымъ: есть ли, напр., γῆ ἄβροχος канализованная земля высоко расположенной пустоши, (Geestland), а γῆ σπορίμη—земля, затопляемая, что правдоподобно, или же скорѣе: послѣдняя есть болотистая земля, а первая осушенная, что весьма мало вѣроятно! и т. д. „Γῆ προσόδου" Miatteis понимаетъ какъ землю, отданную въ *наслѣдственную* аренду, между тѣмъ, какъ „γεωργοὶ δημόσιοι", которыхъ другіе разсматривали (несомнѣнно, неправильно), какъ арендаторовъ *деревенскихъ* владѣній, были, по его мнѣнію, наоборотъ, обычными срочными арендаторами. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ существованіе *наслѣдственной* аренды съ *наслѣдственной* арендной денежной платой установлено имъ на основаніи

истолкованнаго имъ памятника (Z. f. R. G. 23, стр. 151 и слѣд.), что позволяетъ сдѣлать соотвѣтствующія заключенія и относительно римскихъ отношеній (см. ниже). Наслѣдственная аренда встрѣчается, съ другой стороны, и тамъ, гдѣ происходилъ самовольный захватъ лежавшей высоко пустоши (Geestland), которая затѣмъ предоставлялась правительствомъ оккупанту, но вмѣстѣ съ тѣмъ на оккупанта возлагалась обязанность улучшать землю и обрабатывать ее.

Предоставленіе рентъ и пожалованія земли въ полную собственность, производившіяся Птолемеями въ пользу храмовъ, національныхъ египетскихъ не менѣе щедро, чѣмъ греческихъ, были чрезвычайно значительны—огромныя владѣнія храма въ Эдфу возросли сразу въ полтора раза—, и соотвѣтственно обширны были и размѣры ἱερὰ γῆ, въ особенности въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ изстари былъ центръ національнаго жречества. Впрочемъ, сравнительно съ эпохой фараоновъ земельныя владѣнія храмовъ сократились: даже въ 4 самыхъ южныхъ номахъ Верхняго Египта ἱερὰ γῆ занимаетъ лишь $^1/_{25}$ всей обрабатываемой земли. Otto опредѣляетъ площадь ея во II вѣкѣ до Р. Х. въ $^1/_{10}$ всей земли. Но храму въ Эдфу одному принадлежало тамъ свыше 18300 гектаровъ, ему же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими храмами, свыше 21400 арурь (6000 гектар.) по большей части плодороднѣйшей земли. Если въ демотическихъ контрактахъ встрѣчается nefer hotep, т.-е. (прежняя) земля храма въ частномъ оборотѣ, то изъ этого нельзя выводить заключенія о томъ, что Птолемеями были произведены секуляризаціи, но лишь о частью при случаѣ производившемся добровольномъ отчужденіи, частью, можетъ быть, о конфискаціяхъ болѣе давнихъ временъ. Впрочемъ, ἀπόμοιρα была экспропріирована въ пользу причисленной къ сонму боговъ Арсинои (за соотвѣтствующее возмѣщеніе, см. выше), а обожествленіе властелина было вообще на Востокѣ средствомъ, открывающимъ возможность наложить руку на достояніе боговъ, не навлекая на себя все же опаснаго упрека въ святотатствѣ: тутъ вѣдь дѣло шло о сдѣлкахъ „между коллегами". Но, въ общемъ, государство брало непосредственно въ свои руки лишь управленіе церковными доходами. Мѣстные синоды египетскихъ жрецовъ продолжали существовать. Сами жрецы, видимо, по крайней мѣрѣ недолго, были опорой по существу антиэллинскаго національзма, хотя это, конечно, не была случайность, что и послѣднее националистическое возстаніе имѣло своимъ средоточіемъ Ѳиваиду, этотъ древній центръ теократіи и страну самыхъ обширныхъ храмовыхъ владѣній (см. выше).

Древняя традиція приняла стереотипныя, разъ навсегда установленныя формы, но не имѣла агрессивнаго характера. Вступленіе въ духовное сословіе находилось подъ контролемъ государства. Жрецы не отличались большимъ образованіемъ, стояли въ этомъ отношеніи ниже эллинистическаго общества. Они отличались теперь отъ греческихъ жрецовъ, кромѣ своей организаціи въ видѣ единой церкви, существеннымъ образомъ болѣе сильной мѣрой „аскезы" и въ связи съ этимъ, очевидно, болѣе рѣдкимъ совмѣщеніемъ (но не полнымъ отсутствіемъ его) религіозныхъ обязанностей съ свѣтской профессіональной дѣятельностью.

Египетско-эллинистическая церковь на ряду съ іудейской синагогой оказала вліяніе на христіанскую церковь не только разными специфически церковными формами организаціи и жизни, но также и своимъ экономическимъ укладомъ. Ибо, хотя поразительное сходство монастырскаго хозяйства съ хозяйствомъ египетскаго храма, конечно, не непремѣнно цѣликомъ должно быть объяснено заимствованіемъ, но нерѣдко просто вызывалось возникшими отъ другихъ причинъ сходными условіями, но монастырское хозяйство первыхъ вѣковъ христіанства въ Египтѣ такъ сходно съ хозяйствомъ тамошнихъ языческихъ монастырей, что здѣсь заимствованіе традиціи стоитъ уже, конечно, внѣ всякаго сомнѣнія. Хозяйство храмовъ времени Птолемеевъ, очевидно, успѣло выросги изъ натурально-хозяйственнаго ойкоса, употреблявшаго всѣ свои доходы или, по крайней мѣрѣ, большую ихъ часть, на удовлетвореніе собственныхъ (въ смыслѣ продовольствія и расходовъ по культу) потребностей, въ цѣлый комплексъ денежно-хозяйственныхъ производствъ; зачатки такого порядка, несомнѣнно, восходятъ (см. выше) еще къ національно-египетской эпохѣ. Навѣрное, еще изстари храмъ, чтобы сдѣлать поступающіе ему натурой продукты годными къ употребленію, устраиваетъ мельницы, а, быть можетъ, въ случаѣ надобности и пекарни. Иной разъ онъ прикупаетъ еще зерна, чтобы перемолоть его (Геліополисъ) и такимъ образомъ вполнѣ использовать свою мельницу, или же,

наоборотъ, сдаетъ мельницу въ аренду (Soknopaiu Nesos), потому что она ему болѣе не нужна (годовая аренда въ Soknopaiu Nesos равнялась 120 драхмамъ). Брали ли молоть хлѣбъ за плату и взимали ли за испеченіе хлѣба третью долю муки, точно не установлено. При такомъ множествѣ принадлежавшихъ храмамъ пивоваренъ производство для рынка, несомнѣнно, существовало. Напротивъ, виссонъ, этотъ рыночный продуктъ „ойкосовъ" фараоновъ и храмовъ въ старыя времена, теперь въ виду того, что изготовленіе его (вѣроятно) было государственной монополіей, храмы могли, вѣроятно, изготовлять только для собственнаго потребленія. Относительно растительнаго масла это было вполнѣ опредѣленно постановлено, при введеніи монополіи, такъ называемыми Revenue Laws. Когда, къ концу эпохи Птолемеевъ и въ эпоху римскаго владычества стали разводить оливковыя деревья, то свободное отъ монополіи производство масла изъ собственныхъ оливокъ должно было сразу занять видное мѣсто. Затѣмъ, храмъ издавна нуждался въ самыхъ разнообразныхъ рабочихъ для своихъ строительныхъ надобностей и въ живописцахъ. Не представляется вполнѣ достовѣрнымъ, чтобы упоминаемая въ источникахъ уплата храмомъ государству налога на патентъ (Lizenzsteuer) имѣла тотъ смыслъ, что храмъ временъ Птолемеевъ извлекалъ доходъ изъ эксплоатаціи такихъ ремесленниковъ, какъ предполагаетъ Otto: если они были свободные люди, то непонятно, почему бы они сами не продавали свой трудъ на рынкѣ. Но тутъ рѣчь идетъ либо о колонахъ храма (тогда было бы понятно и взысканіе налога на ремесленный патентъ при посредствѣ храмовъ; но нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу крѣпостного состоянія храмовыхъ ремесленниковъ), либо—и это весьма вѣроятно—о законтрактованныхъ на долгій срокъ (fest) и исключительно для надобностей храма свободныхъ строительныхъ и другихъ ремесленникахъ. Въ такомъ случаѣ становится вполнѣ понятнымъ, что храмъ уплачиваетъ государству налогъ на патенты и затѣмъ взыскиваетъ его съ ремесленниковъ. Храмъ, въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ (въ этомъ Otto совершенно правъ) съ технически-податной точки зрѣнія разсматривался, какъ владѣлецъ-хозяинъ производства.

Въ какой мѣрѣ работа ремесленниковъ для храма служила

въ конечномъ итогѣ производству для сбыта, остается очень спорнымъ. Во всякомъ случаѣ, она, по большой части по своему размѣру, и всегда по своему происхожденію есть придатокъ (Annex) „ойкоса". Постоянныя „заведенія" („Anlagen") для промышленныхъ цѣлей, какъ, напр., встрѣчающіяся не разъ валяльныя мельницы, храмъ устраивалъ не только для удовлетворенія собственныхъ потребностей, но также и для извлеченія доходовъ, точно такъ же, и прежде всего, масляные прессы. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы храмъ занимался посреднической торговлей, но ссуды онъ даетъ, какъ это дѣлали искони всѣ восточные храмы (по 6%, процентъ умышленно низкій, какъ низка и взимаемая государствомъ за свою землю арендная плата) подъ залогъ натурой. Размѣры всѣхъ этихъ аферъ были, очевидно, таковы (1295 драхмъ, $^1/_8$ всѣхъ своихъ денежныхъ доходовъ, платитъ маленькій храмъ въ качествѣ ремесленнаго налога государству), что Отто съ чисто производственно-технической точки зрѣнія съ полнымъ правомъ называетъ храмы самыми крупными „промышленниками" („Industriellen") Египта (на ряду съ монопольнымъ производствомъ самого царя). Но размѣры рыночнаго производства совершенно спорны и, слѣдовательно, примѣненіе сюда понятія „фабрики" (какъ это дѣлаетъ Отто) рискованно, тѣмъ болѣе, что и характеръ договорныхъ отношеній занятыхъ здѣсь ремесленниковъ („рабочихъ", какъ говоритъ Отто) остается неяснымъ, точно такъ же, какъ и характеръ экономической организаціи производствъ. Крупныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій храмы, очевидно, не вели. Земля храмовъ (сплошь) сдана въ аренду. Избытки отъ арендной платы натурой, остающіеся послѣ удовлетворенія собственныхъ потребностей, продаются.

Существованіе бокъ-о-бокъ громаднаго царскаго и жреческихъ „ойкосовъ", система литургій, положеніе λαοί и т. д.,— все это уже само по себѣ показываетъ, что и здѣсь нужно быть осторожнѣе съ примѣненіемъ современныхъ категорій. Конечно, эллинистическому періоду, вѣроятно, былъ извѣстенъ, напримѣръ, аккредитивъ (Kreditbrief): онъ былъ необходимъ важнымъ лицамъ въ путешествіи; ему извѣстенъ былъ, если не настоящій приказъ объ уплатѣ (Order-Klausel), то приказъ объ уплатѣ уполномоченному (Prokuratoren-Klausel) для государствен-

ныхъ долговыхъ обязательствъ (öffentliche Schuldverschreibungen); чтобы былъ извѣстенъ ему вексель (какъ то думалъ Caillemer), представляется, правда, невѣроятнымъ; но нѣкоторые зачатки того, что получило свое окончательное развитіе въ Византіи и у арабовъ, должны были быть на-лицо. Эпоха эллинизма знаетъ, какъ показалъ Gradenwitz, очень высокое развитіе системы банковыхъ платежей. Наконецъ, ей извѣстна спекуляція на срокъ, въ частности въ хлѣбномъ дѣлѣ. И мы находимъ въ эту эпоху самые рѣзкіе имущественные контрасты и значительныя, достигающія сотенъ тысячъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, милліоновъ марокъ, частныя состоянія, превзойденныя лишь римскими позднѣйшаго періода. Но достаточно одного взгляда хотя бы въ генуэзскіе памятники XI и XII в., а тѣмъ болѣе въ книги флорентійскихъ купцовъ XIII и XIV в., чтобы увидѣть тогда не только превосходство въ техникѣ денежнаго оборота, но также и бо́льшую насыщенность ихъ хозяйства „капиталомъ“ сравнительно съ древностью. Тамъ, гдѣ средневѣковое развитіе отъ обремененія имущихъ классовъ въ трудныя минуты городской жизни безпроцентными принудительными займами переходитъ къ эксплуатаціи затруднительного положенія города имущими классами въ формѣ выпуска приносящихъ процентъ, т.-е. дивидендъ, облигацій государственнаго долга, а затѣмъ къ государственному займу въ формѣ покупки ренты,—тамъ въ эпоху эллинизма мы видимъ, какъ крайнее средство, наряду съ обложеніемъ имуществъ заемъ подъ залогъ бурга (Лампсакъ) или же общественныхъ выгоновъ (Орхоменъ), иногда торговыхъ пошлинъ (Книдъ), зато въ одномъ случаѣ подъ залогъ всего государственнаго и частнаго имущества, а кромѣ того еще личное поручительство казначеевъ (Аркесина) передъ отдѣльными кредиторами города. Только въ Римѣ намѣчаются зачатки развитія чего то дѣйствительно, а не только внѣшнимъ образомъ похожаго на „акціонерное общество“: повсюду въ другихъ мѣстахъ рѣчь идетъ о коммандитахъ съ лишь не вполнѣ пускаемыми въ оборотъ долями. Капиталъ, не помѣщенный въ земельную ренту или въ ренту съ рабовъ, есть по существу и теперь торговый капиталъ.

Оптовая посредническая торговля въ Египтѣ очень значительна. Цифра ввоза черезъ Индійскій океанъ (въ эпоху римскаго владычества) была уже упомянута во Введеніи. 25%-тная пошлина въ Λευκή Κώμη должна была отклонить посредническую торговлю отъ Аравіи. Въ Ѳивахъ бываютъ случаи обложенія партіи товаровъ пошлиной въ размѣрѣ почти что 4 талантовъ. Александрійцы, повидимому (по толкованію Вилькена), платили почти половину податей всей страны.

Но съ „крупной индустріей“ дѣло обстояло въ принципѣ не иначе, чѣмъ въ эпоху классической Эллады, хотя количественныя различія, несомнѣнно, весьма значительны. Если намъ разсказываютъ, напр., объ александрійцахъ (историки называютъ ихъ „фабрикантами“), которые могли на свои средства выставить цѣлые полки, то само по себѣ это свидѣтельствуетъ лишь о скопленіи въ ихъ рукахъ большого числа рабовъ, какое было уже на рубежѣ V в. у Никія, сына Никерата (1000 рабовъ), и, быть можетъ, также земельныхъ владѣній (въ качествѣ помѣщенія для денегъ, пріобрѣтенныхъ торговлей), но не о „фабрикахъ“. Какъ дѣло обстояло съ обработкой папируса, видимо, монополизированной александрійскими торговцами папирусомъ, т.-е., какой технически-производственный и экономическій характеръ носили соотвѣтствующіе эргастеріи, еще не изслѣдовано. Отдача въ наймы эргастеріевъ, т.-е. оборудованныхъ мастерскихъ, подчасъ со всѣми необходимыми инструментами, встрѣчается въ источникахъ. Когда мы, напр., читаемъ, что въ Сокнопаіу Несосѣ ἐλαιουργῖον (масличный прессъ) былъ отданъ внаймы на 7 мѣсяцевъ, слѣдовательно, на самую страду (auf die „Campagne“) за 100 драхмъ (что случается часто, въ большинствѣ случаевъ подъ условіемъ возмѣщенія порчи отъ употребленія и поврежденія инструментовъ), то надо только задать себѣ вопросъ: похожа ли аренда современной „фабрики“, въ смыслѣ срока и другихъ условій, на то, что рисуетъ намъ только что названный памятникъ, чтобы разница стала понятной. Къ тому же во времена Птолемеевъ большая часть такого рода „постоянныхъ капиталовъ“ находилась еще во владѣніи царей или храмовъ. (Частныя ἐλαιουργῖα встрѣчаются лишь въ болѣе позднее время, другіе частные эргастеріи существуютъ и въ эпоху Птолемеевъ). Значительнымъ числомъ обученныхъ рабочихъ-рабовъ владѣли лишь купцы въ большихъ городахъ (въ Египтѣ: въ Александріи).

Относительно многихъ областныхъ городо́въ и деревень Египта

теперь окончательно доказано, что число рабовъ въ нихъ вообще было невелико (въ 192 г. по Р. Х. въ одной деревнѣ они составляли 7% всѣхъ несшихъ барщину), и это были главнымъ образомъ рабы домашніе. Это было прежде всего послѣдствіемъ исторической преемственности египетской соціальной структуры въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась со времени „Средняго Царства" и продолжала существовать послѣ прекращенія разбойническихъ войнъ 18 династіи, слѣд., послѣ прекращенія подвоза военноплѣнныхъ (см. выше). Рабовладѣльцами являются въ источникахъ преимущественно, хотя и не исключительно, греки (позднѣе также римляне),—что, впрочемъ, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что, очевидно, всѣ экономически поднимавшіеся „буржуазные" элементы, приспособляясь къ соціальной средѣ, эллинизировались и въ смыслѣ именъ, и въ смыслѣ языка, опускавшіеся же къ низу, наоборотъ, довольно часто приноровлялись къ египетской средѣ и въ смыслѣ именъ, и въ своихъ обычаяхъ (этимъ объясняется и замѣтный упадокъ эллинской культуры въ Египтѣ въ эпоху экономическаго упадка въ промежуткѣ между римскимъ и византійскимъ періодомъ). Прежде всего прекращеніе подвоза рѣзко отразилось на цѣнѣ рабовъ. Въ древней Элладѣ въ мирныхъ договорахъ отъ 304 до 194 г. выкупъ за взятыхъ въ плѣнъ рабовъ равнялся 500 драхмъ, рабыня (цѣнившаяся всегда дороже) стоитъ 2500 драхмъ въ эпоху римскаго владычества. Взращиваніе и обученіе рабовъ для отдачи ихъ внаемъ за плату было, надо думать, прибыльнымъ дѣломъ (см. мѣсто изъ Аппіана, цитируемое во Введеніи) и практикуется такъ же, какъ и въ древней Элладѣ. Но какой рискъ былъ связанъ съ такого рода промысломъ, видно изъ того, что, напр., въ одномъ египетскомъ контрактѣ съ женщиной, взявшейся вскормить ребенка раба, въ случаѣ смерти ребенка она должна была замѣнить его своимъ собственнымъ ребенкомъ. (Матери-рабыни—рабынь было и безъ того меньше, чѣмъ рабовъ—были 1) нерѣдко проститутками; но 2) и другія, такъ какъ ихъ дѣти могли быть у нихъ во всякое время отобраны, часто были лично немногимъ болѣе заинтересованы въ взращиваніи собственныхъ дѣтей, чѣмъ только что упомянутая кормилица. Дѣти вообще во всемъ древнемъ мірѣ въ сильной мѣрѣ являлись просто-на-просто предметомъ торговли, за исключе-

ніемъ тѣхъ случаевъ, когда они имѣютъ бóльшую цѣнность съ точки зрѣнія религіозной, или военной, или экономической или когда изъ этихъ соображеній вмѣшивалось законодательство, несмотря на вполнѣ доказанные примѣры самыхъ нѣжныхъ семейныхъ отношеній въ средѣ мелкой буржуазіи).

Во всякомъ случаѣ, производство съ помощью рабскаго труда, тѣмъ болѣе крупное производство съ помощью рабскаго труда, не играло въ Египтѣ никакой роли даже въ формѣ эксплуатаціи закабаленныхъ должниковъ, за исключеніемъ развѣ (см. ниже) сельскаго хозяйства, хотя персональная экзекуція (личное взысканіе, Personalexekution) со всѣми ея послѣдствіями продолжала существовать въ эллинистическомъ правѣ, какъ это доказалъ въ особенности Mitteis (и какъ разъ также, какъ показываютъ источники, и въ Египтѣ). Ремесло здѣсь—свободное спеціализировавшееся мелкое ремесло. Иногда ремесленникъ нанимаетъ себѣ у рабовладѣльца одного или нѣсколькихъ рабовъ, или, наоборотъ, тотъ отдаетъ ихъ къ нему въ ученье—совсѣмъ, какъ въ старыя времена. „Крупное производство" („Grossbetriebe") съ свободнымъ трудомъ встрѣчается въ тѣхъ принадлежащихъ храмамъ производствахъ, о которыхъ и объ экономической природѣ которыхъ была рѣчь выше; само по себѣ конечно, возможно, что оно существовало кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ. Когда по поводу хлопчатобумажнаго производства въ византійскую эпоху въ Верхнемъ Египтѣ говорится о „производствѣ" („Betrieb") со многими сотнями „свободныхъ" рабочихъ, получавшихъ вознагражденіе исключительно натурой, то прежде всего является вопросъ, не идетъ ли здѣсь, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рѣчь о мелкихъ крестьянахъ, работающихъ на дому у помѣщика (или даже просто платящихъ оброки), какъ это такъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Какъ, затѣмъ, дѣло обстояло со „свободой" необученныхъ рабочихъ въ примѣненіи ими своей рабочей силы, это не ясно и въ виду выше упомянутаго распоряженія Филадельфа заслуживаетъ изслѣдованія. Если Grenfell въ фиксаціи заработной платы въ контрактѣ съ подрядчикомъ (in einer Accordlohnfixierung), по которой арендаторъ масличнаго пресса получаетъ одну, а рабочій двѣ драхмы, желаетъ видѣть проявленіе поразительно высокой соціальной политики птолемеевскаго правительства, то

къ тому нѣтъ, конечно, никакихъ основаній: треть заработной платы каждаго рабочаго составитъ, конечно, совсѣмъ солидный доходъ („Exploitationsrate“) для предпринимателя. Впрочемъ, правительство въ своемъ собственномъ интересѣ старалось установить для вознагражденія рабочихъ извѣстную традиціонную норму, чтобы предотвратить уже въ древнемъ Египтѣ столь частыя стачки людей, обязанныхъ нести рабочую повинность, которыхъ постояннымъ и единственнымъ девизомъ было: „дай намъ нашъ хлѣбъ“, т.-е. то, что они изстари привыкли считать своимъ „хлѣбомъ насущнымъ“.

Изслѣдованіе технической и экономической стороны приложенія „свободнаго“ труда было бы чрезвычайно желательно, но оно не легко. Во всякомъ случаѣ, если во Введеніи было сказано, что „капиталистическое“ понятіе „работодателя“, повидимому, уже развилось въ древности, то теперь это нужно пояснить въ томъ смыслѣ, что пока, при современномъ состояніи источниковъ, это и остается только видимостью: ἐργοδότης есть не „предприниматель“, но заказчикъ, который „раздаетъ“ работу и который только въ исключительныхъ случаяхъ, напр., въ качествѣ „строителя“ („Bauherr“) (какъ еще и теперь) можетъ оказаться въ положеніи въ родѣ какъ-бы „работодателя“. Напротивъ, „предприниматель“ какъ разъ въ самыхъ крупныхъ (для надобностей государства) работахъ является подъ названіемъ ἐργολαβῶν (берущій на себя работу).

Точно также лишь дальнѣйшая разработка матерьяла, заключающагося въ папирусахъ, можетъ открыть намъ, въ какой мѣрѣ вообще въ сельскомъ хозяйствѣ существовало въ эпоху Птолемеевъ частное крупное производство вообще и преимущественно или исключительно со свободными наемными рабочими въ частности (о римской эпохѣ см. статью „Колонатъ“). Эллинское право принесло съ собой личное взысканіе (такъ наз. персональную экзекуцію) въ отношеніи къ должникамъ и, въ частности, исполнительный документъ (Exekutivurkunde), который такъ же былъ чуждъ древне-египетскимъ „sanch“-документамъ („sanch“-Urkunden), какъ и праву другихъ теократическихъ государствъ. Но въ какой мѣрѣ можно дѣлать выводы количественнаго характера изъ извѣстія Варрона, что кромѣ Илларіи и Азіи (здѣсь это было по-

слѣдствіемъ римской системы откупа податей; см. ниже) какъ разъ Египетъ зналъ примѣненіе „obaerati“ (попавшіе въ кабалу за долги) въ качествѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, мы не знаемъ (отъ позднѣйшихъ „coloni“ въ собственномъ смыслѣ, съ которыми ихъ отождествляетъ П. М. Мейеръ, они отличаются по своему юридическому положенію). Во время жатвы мы видимъ свободныхъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ по подряду (Akkordarbeiter), о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ контрактъ, по которому можно также догадываться о размѣрахъ производства: 54 аруры засѣяны (хлѣбомъ)— сколько земли при этомъ осталось подъ паромъ, не ясно—; за уборку одной аруры (очевидно, считая и молотьбу) рабочіе получаютъ $^5/_6$ артабы (конечно, вымолоченнаго) зерна, затѣмъ воду и въ послѣдній день (такъ сказать „къ празднику жатвы“) („zum Erntefest“) пиво; снопы долженъ свозить самъ хозяинъ (на своей упряжкѣ, слѣдовательно). Пахотная земля занимала въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, вѣроятно, около 25 гектаровъ. Во всякомъ случаѣ размѣры болѣе крупныхъ хозяйствъ значительно уступаютъ размѣрамъ болѣе крупныхъ земельныхъ владѣній, такъ какъ изъ частныхъ арендныхъ документовъ очень часто видно, что они относятся къ арендѣ мелкихъ участковъ. Сосредоточеніе въ частныхъ рукахъ дѣйствительно крупныхъ земельныхъ владѣній болѣе часто встрѣчается все-таки, конечно, лишь въ эпоху римскаго владычества, когда на ряду съ императорскими пожалованіями и частными покупками земля скоплялась въ отдѣльныхъ рукахъ тѣмъ способомъ, какой вездѣ былъ въ ходу у римскихъ провинціальныхъ чиновниковъ, въ одномъ случаѣ (не смотря на то, что это было въ императорской провинціи) доходя до 7.000 арурь.

Во всякомъ случаѣ типическимъ представителемъ сельскаго хозяйства въ Египтѣ остался мелкій собственникъ, по преимуществу же мелкій арендаторъ. Дробленіе земли на мелкіе участки (die Parzellierung) нерѣдко шло очень далеко: встрѣчаются случаи перепродажи, напр., 4 небольшихъ участковъ земли отъ $1/_2$ до $3^1/_2$ арурь, лежащихъ въ двухъ разныхъ деревняхъ (изъ которыхъ ни одна не есть родина продавца), и тамъ отрѣзанныхъ отъ другихъ участковъ (Pap. Reiner 1428). Такому сильному дробленію земельнаго владѣнія и еще значительно

болѣе сильному дробленію хозяйствъ (der Betriebe) соотвѣтствовало, какъ это позволяютъ видѣть работы Wessely, значительное разнообразіе въ видахъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, несмотря на давленіе, которое оказывало государственное обложеніе въ направленіи къ воздѣлыванію пшеницы. О плодопеременной системѣ—усовершенствованной двухпольной и трехпольной системѣ, наряду съ чисто огородной культурой (Gartenkultur)—кое-что было сказано уже раньше. Количество скота было и тогда, повидимому, довольно значительно. Верблюдъ получилъ права гражданства: вслѣдствіе его значенія для перевозки тяжестей на государственныхъ барщинныхъ работахъ и на войнѣ (кромѣ осла онъ былъ единственнымъ пригоднымъ вьючнымъ животнымъ) это имущество тщательно заносилось въ кадастры—въ источникахъ упоминаются люди средняго достатка, владѣющіе 5 верблюдами. Рогатаго скота у мелкихъ крестьянъ (Kleinbauer) большею частью не было вовсе.

Что касается соціальнаго положенія сельскаго населенія, то относительно характера землевладѣнія въ деревняхъ, κῶμαι, и того, владѣли ли онѣ, какъ таковыя, пахотной землей на правахъ альменды (какъ заключили на основаніи опубликованнаго Barry папируса), пока ничего вполнѣ достовѣрнаго не установлено; что онѣ владѣли вьючнымъ скотомъ (быть можетъ, обязаны были имѣть его по близости отъ путей транспорта хлѣба) и отдавали его въ наемъ, показываютъ источники (о судьбахъ κώμη въ римскую эпоху см. статью „Колонатъ"). Въ общемъ и въ этихъ низшихъ слояхъ населенія повсюду, несомнѣнно, играли извѣстную роль воспоминанія объ обобществленномъ хозяйствѣ (Kommunionwirtschaft) (см. выше). И не только у нихъ: также и имущіе мелко-буржуазные слои выступаютъ въ экономической сферѣ особенно часто совмѣстно (in der Mehrheit): нѣсколько человѣкъ даютъ или (въ особенности) берутъ взаймы сообща (gemeinsam), владѣютъ сообща домами, причемъ нерѣдко доли бываютъ очень невелики, доходя до очень немногихъ процентовъ стоимости дома, а отдѣльное лицо владѣетъ десятой, тридцатой и т. д. долей въ нѣсколькихъ домахъ, такъ что имѣется въ виду пріобрѣтеніе ренты, а не (или во всякомъ случаѣ не исключительно) дома для собственныхъ

надобностей. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы нерѣдко (начиная отъ древнѣйшихъ временъ, см. выше) и въ области арендныхъ отношеній, начиная отъ откупщика государственныхъ податей и кончая мелкимъ арендаторомъ (см., напр., относительно аренды государственныхъ доменовъ договоръ товарищества Pap. Arch. II, 94, Wilcken, A. f. Pag. F. II, стр. 131). Эти многочисленныя товарищества (Kommunionen), очевидно, имѣютъ здѣсь экономической цѣлью (конечно, кромѣ образованія общими силами капитала) страхованіе, какъ и многія учрежденія ранняго средневѣковья: они дѣлятъ рискъ между многими, какъ путемъ общаго поручительства всѣхъ должниковъ или арендаторовъ, такъ и путемъ раздѣленія интересовъ между всѣми кредиторами, всѣми сдающими въ аренду, всѣми владѣльцами (напр., домовладѣльцами въ случаѣ пожара).

Съ другой стороны, семейная община (Familiengemeinschaft), наоборотъ, уже со временъ фараоновъ есть по существу малая семья, хотя своими размѣрами еще нерѣдко превосходитъ современную семью, состоящую изъ родителей и дѣтей. Господство эллиновъ внесло сюда перемѣны лишь постольку, поскольку ввело здѣсь дотолѣ чуждый Востоку, характерный для милитаристическаго полиса институтъ родовой опеки; а ἔγγραφος и ἄγραφος γάμος (см. выше въ отдѣлѣ о Египтѣ) существовали бокъ-о-бокъ. Вполнѣ законнымъ бракомъ (Vollehe) (ἔγγραφος γάμος) считался такой бракъ, въ которомъ были на лицо супружеское сожительство, супружеская вѣрность, полныя права дѣтей на наслѣдство (незаконныя дѣти, дѣти отъ ἄγραφος γάμος, наслѣдовали во вторую очередь за вполнѣ законными), дѣйствительное или фиктивное приданое жены и имущество, предназначенное женѣ въ случаѣ смерти мужа или развода. Вообще же вплоть до временъ христіанства, когда, судя по даннымъ документовъ, опять все чаще и чаще встрѣчается въ контрактахъ требованіе супружеской вѣрности и отъ мужа, царитъ полная свобода соглашеній между полами: кто сойдется съ дѣвушкой, того колотитъ ея семья, если онъ попадется ей въ руки, пока онъ не станетъ платить на ея содержаніе (это случилось съ однимъ святымъ!). Ἀπάτωρες отнюдь не являются такими обойденными въ соціальномъ и правовомъ отношеніи, какъ это было въ гражданскомъ полисѣ, уже по однимъ

чисто „цеховымъ“ мотивамъ (см. отдѣлъ о Греціи). Изъ „адресныхъ книгъ“, которыя возстановлены для цѣлыхъ городскихъ кварталовъ Египта благодаря настойчивому труду Wessely, мы видимъ, что они были нерѣдко довольно состоятельные люди (конечно, какъ разъ матеріально обезпеченная женщина могла „позволить“ (sich „leisten“) себѣ „свободную“ любовь, какъ и въ настоящее время только она могла бы „пользоваться“ ею (davon „profitieren“)). Часто встрѣчающіеся раньше и позже браки между братьями и сестрами имѣли цѣлью предотвратить дѣлежъ наслѣдства и, по свидѣтельству одного берлинскаго папируса, встрѣчаются уже въ возврастѣ 15 и 13 лѣтъ. Было введено греческое завѣщаніе, но на ряду съ нимъ продолжалъ существовать (ведущій свое начало отъ полигаміи) египетскій брачный договоръ и договоръ о наслѣдствѣ.

Частная земельная собственность кадастрировалась съ давнихъ поръ. Со временъ римскаго владычества — а не въ эпоху Птолемеевъ, какъ кажется, — заносятся въ таблицы также и тяготѣющіе на ней благодаря ипотекѣ долги (каждыя пять лѣтъ производится ревизія). Одинаково характерно какъ для птолемеевскаго, такъ и для древняго Египта, что относительно нихъ (относильно эпохи Птолемеевъ въ самое послѣднее время это сдѣлано Масперо) выставляется положеніе, что тамъ не существовало частной собственности въ настоящемъ смыслѣ слова. Однако, многочисленныя купчія и закладныя доказываютъ обратное. Впрочемъ, большая суровость эллинскаго ипотечнаго права, смягченная лишь въ римскую эпоху (самовластный захватъ владѣнія должника кредиторомъ, въ случаѣ просрочки) дѣлала положеніе настоящихъ мелкихъ собственниковъ крайне сомнительнымъ. Затѣмъ, во многихъ областяхъ преобладала почти исключительно земля клеруховъ, храмовъ и царя, такъ что κώμη, которая оставалась въ Египтѣ основной единицей расчлененія страны на округа, состояла изъ одного лишь деревенскаго выгона (Dorfbrink) (см. выше). Кромѣ того, особенно характеръ и высота налоговъ, несомнѣнно, дѣлаютъ утвержденіе Масперо вполнѣ понятнымъ: „собственность“, съ древнѣйшихъ временъ неразрывно связанная съ исполненіемъ извѣстныхъ государственныхъ повинностей, отличается отъ разныхъ видовъ владѣнія на царской землѣ — βασιλική γῆ и на земляхъ клеруховъ по существу

только отсутствіемъ государственнаго вмѣшательства въ порядокъ наслѣдованія и въ отчужденіе. Помимо этого юридическаго различія, разница между положеніемъ мелкаго собственника и положеніемъ арендатора государственной земли съ чисто экономической точки зрѣнія вовсе не такъ велика: способъ обложенія былъ вѣдь одинъ и тотъ же (разъ навсегда установленные налоги сообразно съ оцѣнкой малыхъ участковъ и (см. сейчасъ ниже) иной разъ всего на какую-нибудь треть ниже арендной платы, такъ что въ общемъ только привилегированная земля (въ частности земля катойковъ) могла становиться объектомъ аренды). Напротивъ, арендаторъ частной земли въ общемъ болѣе высоко обложенъ платежами, чѣмъ арендаторъ государственной земли: по свидѣтельству источниковъ, въ эпоху Птолемеевъ и въ раннюю пору римскаго владычества арендная плата изъ части продукта колеблется между $^1/_2$ и $^1/_3$ жатвы, опредѣленная (feste) плата натурой — между 3 и $7^1/_2$ артабами съ аруры (самъ третей, до самъ $7^1/_2$ обычнаго посѣва) — позднѣе попадаются размѣры нѣсколько выше 1—9 артабъ —, государственныя же подати доходятъ до $6^1/_2$ артабъ съ аруры. Количество земли, сдаваемой въ аренду, колеблется при этомъ между 2 и $36^1/_2$ арурь (0,56 и 10 гектаровъ). Такъ какъ теперь срокъ аренды поднимался отъ 1 до 4 лѣтъ, одинъ разъ до 5 лѣтъ, между тѣмъ, какъ въ древнемъ Египтѣ онъ былъ годовой, то положеніе арендаторовъ, очевидно, нѣсколько улучшилось.

Наряду съ арендой изъ части продукта встрѣчается смѣшанная аренда: денежная арендная плата на ряду съ натуральной повинностью. Въ римскую эпоху все болѣе распространялась денежная аренда, вплоть до великой реакціи 3 вѣка. О совершавшейся параллельно съ этимъ сдвигомъ перемѣнѣ общаго положенія класса арендаторовъ можно до извѣстной степени судить по установившейся въ то время формѣ договора, анализированной въ цѣнной работѣ Вашинскаго. Древне-египетская традиція знаетъ годовую аренду и одностороннее обязательство арендатора. Въ эпоху Птолемеевъ и въ началѣ римской эпохи появляются вмѣстѣ съ болѣе продолжительными сроками аренды бокъ-о-бокъ односторонні́я предложенія аренды со стороны арендатора, которыя затѣмъ, въ случаѣ принятія съ исполненіемъ или безъ исполненія

сдающимъ землю въ аренду имѣли значеніе контракта, обмѣнъ частными хирографами (слѣдовательно, равное положеніе сторонъ), нотаріальные протоколы (также) и „гомологіи“ (также); рядомъ съ ними идетъ „односторонняя гомологія“ арендатора, которая въ концѣ-концовъ, съ 4 столѣтія, пріобрѣтаетъ исключительное преобладаніе: арендаторъ теперь опять въ сущности „рабочая сила“ землевладѣльца (des Herrn), что особенно ясно выступаетъ въ византійской арендѣ изъ части продукта, которая въ дѣйствительности становится продиктованнымъ исключительно землевладѣльцемъ (vom Herrn) по его усмотрѣнію договоромъ о наймѣ труда за плату натурой (Natural Arbeitsakkord) (объ этомъ развитіи см. ст. „Колонатъ“). Ухудшеніе положенія нижнихъ слоевъ сельскаго населенія послѣ того все же сноснаго положенія, какое они занимали въ началѣ эпохи Птолемеевъ и затѣмъ опять въ началѣ римской эпохи, начинается еще до развала 3 столѣтія, приблизительно во времени Марка Аврелія, какъ, между прочимъ, показываютъ греческіе папирусы, изданные въ Берлинѣ Шубартомъ. Такъ какъ пережившая тысячелѣтія жизнеспособность феллаховъ, выражаясь мягко, не подтверждаетъ столь излюбленную теперь „физіологическую“ гипотезу относительно убыли народонаселенія, и такъ какъ, далѣе, аренда, несмотря на убыль населенія, росла, то весь этотъ процессъ, очевидно, долженъ быть объясненъ не просто „спросомъ и предложеніемъ“ и не временными депрессіями, но воздѣйствіемъ соціальнаго строя Римской имперіи.

При всей эскизности и вынужденной неточности въ частностяхъ, этотъ взглядъ, брошенный на эллинистическое государство, болѣе всего „раціонализированное“ въ своей административной техникѣ и въ своемъ хозяйствѣ, все же показываетъ намъ, что о „капитализмѣ“ въ современномъ смыслѣ этого слова можетъ быть здѣсь рѣчь только въ очень ограниченной мѣрѣ, и что государственное хозяйство, въ частности финансовое хозяйство, такъ сильно ограничивало поле пріобрѣтательской дѣятельности частнаго „капитала“ на своей территоріи, что можно говорить прямо объ „удушеніи“ („Erdrücken“) капитализма. Хозяйства храмовъ являлись тогда въ такой же малой мѣрѣ носителями „капитализма“—распространенію котораго они скорѣе препятствовали, сокращая

территорію, на которую онъ могъ бы распространяться—, какъ и хозяйства средневѣковыхъ монастырей. Денежно-хозяйственная, но вполнѣ мелкобуржуазная, мелкокрестьянская, мелкоремесленная основа, рядомъ съ этимъ крупная посредническая торговля (но при этомъ не надо также забывать немаловажнаго значенія существовавшихъ повсюду внутреннихъ таможенныхъ границъ) и надо всѣмъ этимъ государственныя литургіи и государственныя монополіи и государственная регламентація, въ общемъ—картины отношеній, которыя своею хозяйственной и соціальной стороною менѣе всего являются „современными“ („modern“),—въ родѣ того, какъ если бы турецкій Константинополь кто-нибудь вздумалъ назвать „современнымъ“ городомъ. Какъ разъ эллинизмъ можетъ служить живымъ примѣромъ того, какъ мало основаній отождествлять „денежное хозяйство“ и „капиталистическое хозяйство“. Карѳагенъ до чеканки монеты, даже Римъ въ эпоху „aes rude“ были въ болѣе сильной мѣрѣ „капиталистическими“ образованіями, чѣмъ „народное хозяйство Лагидовъ“.

О великой азіатской территоріи эллинизма совершенно нельзя составить такой ясной картины, какъ объ Египтѣ. Уже о гражданскомъ правѣ источники не даютъ намъ почти совершенно ничего. Что т.-наз. книга сирійско-римскаго права заключаетъ въ себѣ юридическій матеріалъ не древне-восточный, а смѣсь эллинистическаго съ римскимъ, это окончательно доказалъ Mitteis. О томъ немногомъ, что она даетъ для аграрной исторіи, какъ и о помѣстныхъ отношеніяхъ въ Малой Азіи рѣчь будетъ лучше въ другой связи (ст. „Колонатъ“). Преемственность перешедшихъ отъ вавилонянъ экономическихъ отношеній, которыхъ исконное своеобразіе не было нарушено ни владычествомъ Селевкидовъ, ни персами, была впервые сужена владычествомъ парѳянъ, которое, несмотря на свою эллинистическую оболочку, было типичнымъ владычествомъ варваровъ, но въ общемъ сохранилась безъ существенныхъ измѣненій до временъ ислама.

Въ царствѣ Селевкидовъ не было территоріальной замкнутости и крутого управленія египетскаго типа. Оно заключало въ себѣ области, совершенно различныя по своему экономи-

ческому характеру, и тѣмъ самымъ и зачатки распада. Тотъ фактъ, что насильственное вліяніе эллинизма въ Іерусалимѣ потерпѣло неудачу, самъ по себѣ еще не имѣетъ рѣшающаго значенія; подобной попытки Птолемеи никогда не дѣлали въ отношеніи египетской религіи. Но что первосвященическій родъ „*Маккавеевъ*“ самъ сумѣлъ силой добиться *свѣтской* автономіи, указываетъ на безнадежное разложеніе царства. Здѣсь не мѣсто слѣдить исторію борьбы позднѣйшихъ Маккавеевъ, государство которыхъ начало превращаться въ чисто *свѣтскую* тиранію, съ организовавшейся на родовыхъ началахъ въ синедріонѣ, совѣтѣ старѣйшинъ, жреческой аристократіей саддукеевъ, а затѣмъ борьбу между принципомъ *аристократической* теократіи и регламентаціей жизни профессіональной теологіей „отщепенцевъ“ (фарисеевъ), имѣвшихъ на своей сторонѣ *мелкихъ* буржуа. Сельское населеніе, которое, какъ таковое, съ *однимъ* единственнымъ исключеніемъ (донатистовъ) нигдѣ и никогда не было носителемъ пуританскихъ идей, являлось въ глазахъ фарисеевъ нечистымъ.

Право *Талмуда* (по крайней мѣрѣ въ Мишнѣ) есть право народа, только что начинающаго *становиться* торговымъ народомъ. Въ немъ рядомъ съ мнѣніями защитниковъ древней традиціи, самымъ дѣятельнымъ образомъ восхваляющими надежность и достоинство земледѣлія, стоятъ уже и отдѣльныя очень характерныя мнѣнія противоположнаго свойства. Его составныя части надо было бы подвергнуть прежде всего компетентному анализу, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ онѣ дѣйствительно ведутъ свое начало отъ *древней* раввинской традиціи временъ теократіи, или же отъ эллинистическо—римской провинціальной среды, или же, быть можетъ, отъ вліяній, идущихъ изъ Месопотаміи, и затѣмъ надо было бы изслѣдовать, гдѣ онѣ передаютъ живое право и гдѣ чисто теологическую схоластику. Что эта схоластика можетъ во многихъ институціяхъ, въ особенности относящихся къ семейному праву, оказывать поразительно консервирующее вліяніе, это вѣрно: ведущій свое начало изъ родового государства институтъ chaliza (разновидность левиратнаго брака) оставался до самого порога настоящаго времени живымъ правомъ; а обычай приданаго невѣсты, связанный въ древне-восточномъ правѣ съ непризнаніемъ за дочерью права на *наслѣдство*, еще и сейчасъ оказываетъ свое вліяніе въ борьбѣ за существованіе торговыхъ служащихъ (дѣлая для евреевъ возможной раннюю самостоятельность въ случаѣ вступленія въ бракъ и, такимъ образомъ, объясняя отсутствіе классоваго сознанія и чувства солидарности у еврейскихъ commis и *отчасти* антисемитизмъ ихъ товарищей-христіанъ). Но *аграрное* право не такъ легко доступно чисто сектантскимъ вліяніямъ. Раввинскія спекуляціи о субботнемъ годѣ и объ углѣ бѣдныхъ и т. п. были чистѣйшими упражненіями въ логикѣ безъ всякаго практическаго значенія въ жизни. Напротивъ, другія составныя части Талмуда, несомнѣнно, находятся въ тѣсной связи съ живымъ правомъ, дѣйствовавшимъ въ эпоху теократіи. Изъ Мишны можно, напримѣръ, во всякомъ случаѣ съ опредѣленностью заключить, что на ряду съ *домашними рабами* она предполагаетъ существованіе также и рабовъ, занятыхъ на полевыхъ работахъ, но что въ качествѣ преобладающаго элемента она знаетъ *наемныхъ* рабочихъ въ помѣстьяхъ, самое большее, *средней* величины. Въ пользу этихъ рабочихъ—совершенно въ духѣ теократіи—въ связи съ предписаніями закона развиваются болѣе подробныя правила охраны рабочихъ (охрана отъ сверхурочнаго труда, обезпеченіе скорой уплаты вознагражденія, упорядоченіе доставки пропитанія, предоставленія права пользованія новымъ хлѣбомъ во время жатвы) и даже издаются постановленія о томъ, въ какихъ случаяхъ рабочіе могутъ предъявить не принудительно осуществляемыя, правда, съ помощью сакральныхъ средствъ, правовыя притязанія, но право „роптать“ (т.-е. бастовать на египетскій ладъ),—доказательство какъ полной зависимости „свободныхъ“ рабочихъ, такъ и—въ особенности, если вездѣ принять во вниманіе древнія традиціи соотвѣтствующаго мѣста,—соціальнаго мира того времени, когда возникли эти правила.

Такимъ же образомъ трактуетъ Талмудъ и аренду, именно аренду „между сосѣдями“ (въ смыслѣ соплеменниковъ, которые не могутъ примѣнять другъ къ другу ни правъ господина, ни правъ, существующихъ въ отношеніи иностранцевъ). Арендаторъ (mekhabbel) есть или арендаторъ изъ части продукта („aris“), отдающій $^1/_2$, $^1/_3$ или $^1/_4$ жатвы, или же „choker“, т.-е. арендаторъ, который платитъ за пользованіе землей опредѣ-

ленную сумму натурой или же (очевидно, рѣже) деньгами. И здѣсь прежде всего имѣются въ виду обязанности арендатора: онъ долженъ полоть землю; онъ обязанъ вспахивать землю, согласно контракту; онъ можетъ при этомъ, правда, сѣять пшеницу вмѣсто стрючковыхъ растеній, но не наоборотъ (это напоминаетъ Египетъ; и въ Палестинѣ пшеница была главнымъ продуктомъ, имѣвшимъ значеніе какъ въ качествѣ предмета вывоза, такъ и съ точки зрѣнія политики борьбы съ дороговизной).

Въ связи съ арендой изъ части продукта Талмудъ разсматриваетъ также положеніе наемнаго рабочаго (Akkordarbeiter), который взялся обсадить участокъ земли деревьями. Здѣсь отсутствуетъ институтъ ἐμφύτευσις, который и въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ свое чисто греческое происхожденіе: и въ древне-вавилонскомъ правѣ (см. выше) насажденіе имѣло другую юридическую форму, форму комменды, очевидно, потому, что здѣсь имѣлись въ виду прежде всего насажденія пальмъ на уже обработанной землѣ, а не насажденія масличныхъ деревьевъ на нови или на пустырѣ, какъ это было въ ἐμφυτευσις'ѣ (исламъ создалъ впослѣдствіи цѣлую казуистику допустимыхъ для насажденія финиковыхъ пальмъ дѣловыхъ формъ: плантація является въ древности однимъ изъ очаговъ „капиталистической неправды"). Талмудъ не вѣдаетъ никакихъ ограниченій для отчужденія земли и никакого различія между правомъ наслѣдованія недвижимаго и движимаго имущества. Старые установленные закономъ сроки для продажи и напоминаніе Еговы о томъ, что земля—Его, и что нельзя дѣлать ее предметомъ торговли, считались отмѣненными однимъ мѣстомъ изъ Іереміи. Только не достигшій еще 20 лѣтняго возраста не долженъ продавать наслѣдственную землю, что вообще считалось—отзвукъ родового государства—неугоднымъ Богу и для человѣка рѣдко ведущимъ къ добру. Никакой формы связыванія земли путемъ фидеикомисса во времена Талмуда не существовало. Переходъ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія можетъ происходить или путемъ уплаты всей цѣны чистыми деньгами, или при помощи письменнаго контракта, или же путемъ назначенія владѣнія тому или иному лицу.

Обычная форма есть покупка на наличныя деньги. Неполная уплата всей цѣны превращаетъ отчужденіе pro parte

quota въ „negotium claudicans" (здѣсь сказываются теократическія вліянія въ пользу ограниченія денежной задолженности, по примѣру Египта), поскольку уплата покупной цѣны не отсрочивается вполнѣ опредѣленно въ видѣ долга (als kreditierte Kaufschuld): это совершается при помощи фиктивной мѣны (на подобіе нѣмецкаго „Mantelgriff") съ выдачей долгового документа. Такъ какъ земля и рабы не имѣютъ рыночной цѣны—что характерно въ смыслѣ указанія на малую степень развитія рабства (Kaufsklaverei)—, то въ отношеніи къ нимъ не примѣняется относящееся къ области рыночнаго права аннулированія сдѣлки (Wandelungsrecht) (ona'ah) изъ-за laesio enormis (при переборѣ въ одну шестую цѣны). Отчужденіе земли на время допустимо (очевидно, оно функціонировало въ качествѣ антихрезы). Заклада въ формѣ ипотеки (названіе iphotiki, apoteke доказываетъ эллинистическое происхожденіе понятія) Талмудъ касается только мимоходомъ, такъ какъ институтъ легальной ипотеки въ отношеніи къ землѣ и къ ханаанскимъ рабамъ для всѣхъ заключавшихся передъ двумя свидѣтелями письменныхъ за печатью контрактовъ (schetar chob) дѣлалъ ее излишней (о происхожденіи легальной ипотеки см. раньше; ср. также генуэзскіе документы ранняго средневѣковья). Только земля и рабы являются обезпеченіемъ при ипотекѣ (согласно заявленіямъ раввиновъ), потому что при другихъ объектахъ ипотеки фактъ заклада нельзя сдѣлать извѣстнымъ для третьихъ лицъ (рабъ можетъ сказать, что онъ отданъ въ закладъ; земельныхъ и ипотечныхъ регистровъ, впрочемъ, не существуетъ). Право раввиновъ допускало дѣйствіе легальной ипотеки въ отношеніи къ третьимъ лицамъ съ момента формальнаго признанія долга, что должно было сильно тормозить земельный оборотъ. Слѣдствіемъ ограниченія заклада землей и полевыми рабами является то, что и наслѣдникъ не можетъ закладывать движимости, входящей въ составъ его наслѣдства. Долговое право вообще носитъ необычайно мягкій характеръ. Не подлежитъ взятію у должника въ обезпеченіе уплаты долга пропитаніе на одинъ мѣсяцъ, платье, кровати, матрацъ и подушки въ теченіе одного года и всѣ ремесленные инструменты. Впрочемъ, долгъ, сопровождаемый клятвой, не знаетъ никакихъ ограниченій въ предметахъ, обезпечивающихъ его уплату,—очевидно, нововведеніе, которое принесла съ собой начавшаяся коммерціализація общества.

Такого рода постановленія, равно какъ и казуистика риббитовъ (казуистика прибыли и роста) указываютъ на глубокое вліяніе древнихъ теократическихъ путъ, которыми былъ связанъ оборотъ, въ частности долговое право. Впрочемъ, весь характеръ Талмуда доказываетъ по возможности еще яснѣе, чѣмъ анализъ эллинистическаго соціальнаго строя, во всякомъ случаѣ одно: что въ восточно-эллинистическомъ мірѣ не существуетъ „соціальнаго вопроса" или „соціальнаго движенія" въ какомъ бы то ни было смыслѣ, какой мы связываемъ съ этимъ вопросомъ, что чему-либо подобному тамъ не было и не могло быть мѣста. „Соціальныя проблемы", которыя, какъ таковыя, чувствуются субъективно, въ древнемъ мірѣ являются политическими проблемами свободнаго гражданина полиса: опасностью, грозящею гражданскому равенству, деклассированіемъ вслѣдствіе задолженности и потери владѣнія. Тамъ, гдѣ бюрократическое государство, а затѣмъ мировая имперія наложили свою руку на свободу гражданъ, гражданинъ полиса вступилъ въ кругъ „подданныхъ", тамъ, правда, рабочій кричитъ о своемъ „хлѣбѣ насущномъ", если его ему урѣзали, арендаторъ стонетъ подъ игомъ помѣщика, всѣ вмѣстѣ подъ бременемъ податей и ихъ откупщиковъ,— но въ качествѣ „соціальныхъ проблемъ", которыя должны бы быть разрѣшены переустройствомъ общества на новыхъ началахъ, эти бѣды индивидуумовъ не ощущаются. Они не вызываютъ къ жизни идеальныхъ построеній государства будущаго (Zukunftsstaat) (Платонъ) или идеальныхъ картинъ прошлаго (Ликургъ), какъ нѣкогда въ эллинскомъ полисѣ, но переходятъ въ общій аполитизмъ, который съ тѣхъ поръ остался на Востокѣ присущимъ подвластному. Тѣмъ болѣе въ такія эпохи, какъ поздняя эпоха эллинизма, къ началу императорской эпохи, когда экономическое положеніе мелкаго крестьянина и мелкаго бюргера въ общемъ было болѣе сноснымъ и болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ когда бы то ни было раньше, о „соціальныхъ проблемахъ" могла быть рѣчь меньше, чѣмъ когда-либо во всемірной исторіи. Не только неправильно, но прямо безсмысленно пытаться, напримѣръ, христіанство выводить изъ „соціальныхъ" причинъ или представлять его однимъ изъ отростковъ античныхъ „соціалистическихъ" движеній,—только потому, что оно, какъ всякая „религія искупленія", привязанность къ „міру", а потому и богатство, которое къ этому ведетъ, считаетъ „опасными". Точно такъ же, какъ и, обратно, не умно (töricht) изъ „отдавайте кесарю кесарево"—выраженія самаго крайняго индифферентизма въ отношеніи ко всему, относящемуся къ государству, какъ справедливо подчеркнулъ Tröltsch (Arch. f. Sozialwissensch. B. XXVI)—вычитывать заповѣдь позитивно-этическаго поведенія по отношенію къ государству. Освобожденіе отъ мысли о національно-теократическомъ іудейскомъ государствѣ, съ одной стороны, а съ другой стороны, отсутствіе „соціальныхъ" проблемъ (въ древнемъ смыслѣ) для его приверженцевъ были вѣдь какъ разъ тѣми основными условіями, при которыхъ вообще христіанство стало „возможно". Какъ разъ вѣра въ то, что римское господство будетъ продолжаться до конца дней и, слѣдовательно, въ безсмыленность „соціально-реформаторской" работы, отвращеніе ко всякой „классовой борьбѣ" были почвой, изъ которой вытекала христіанская, чисто этическая и благотворительная, чуждающаяся міра „любовь къ ближнему".

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РИМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Городъ-государство.

Входить въ разсмотрѣніе италійской и спеціально этрусской до-исторической эпохи здѣсь нѣтъ надобности, а для меня было бы и невозможно. Что касается этрусковъ, то археологи совершенно опровергли всѣ результаты работъ Гельбига, не сдѣлавъ, однако, возможнымъ окончательное рѣшеніе вопроса (пока не прочтена ни одна изъ около 8.000 ихъ надписей). На остроумныхъ соображеніяхъ построенная, защищаемая Фуртвенглеромъ, Модестовымъ, Скучомъ и др. гипотеза о проникновеніи ихъ къ морю изъ восточной средиземно-морской области на посторонняго человѣка всегда производитъ такое же впечатлѣніе, какъ выведеніе норманновъ изъ Сициліи, какъ родины ихъ, потому только, что здѣсь они, какъ это вполнѣ установлено, такъ же утвердились было, какъ и „Турша" египтянъ въ Восточномъ морѣ, и давали морскія битвы (что, впрочемъ, сдѣлали и эллины до самой Корсики и еще дальше за нею). Что специфически этрусская городская культура (Poliskultur) быстро расцвѣтаетъ и изъ области возлѣ Тарквиній и Цере распространяется внутрь страны, это, однако, вполнѣ соотвѣтствуетъ общей схемѣ: это могло быть, какъ вездѣ во всякомъ другомъ мѣстѣ, слѣдствіемъ торговли и никѣмъ изъ изслѣдователей все же не оспариваемаго эллинскаго вліянія. Все же важнѣйшія основанія для этихъ утвержденій лежатъ въ такихъ областяхъ, которыя можетъ обозрѣть только спеціалистъ (тожество гаруспицій съ вавилонскими явленіями подобнаго рода и древняя традиція самихъ этрусковъ являются дѣйствительно самыми вѣскими аргументами въ пользу этого— болѣе важными, чѣмъ техника земляныхъ работъ—,отсутствіе всякаго слѣда родственныхъ этрускамъ народовъ или не-

режитковъ этрусской культуры на Востокѣ, въ то время, какъ на Западѣ этрусски выступаютъ немедленно же какъ культуртрегеры, но при этомъ свое письмо они заимствовали у грековъ,—самое вѣское основаніе противъ этого). Строго аристократически, на роды и согласно родословному дереву, расчлененное, замкнутое теократическое государство (der theokratische Adelsstaat) этрусковъ дало римлянамъ, несомнѣнно, многое по ихъ собственному мнѣнію технику межеванія полей, кромѣ того, можетъ быть, развитіе кліэнтелы, въ связи съ этимъ авторитарное положеніе магистратуры (и главы семьи?—въ Этруріи господствуетъ метронимія), все это въ то время, когда Римъ (имя котораго, какъ и древнія названія филъ: Tities Ramnes, Luceres, въ настоящее время толкуются, какъ этрусскія) былъ городомъ, которымъ владѣли этрусскіе цари,—но въ какой мѣрѣ? объ этомъ спорятъ, какъ и прежде. Во всякомъ случаѣ этрусски не продѣлали развитія въ направленіи къ полису гоплитовъ (Hoplitenpolis), съ другой стороны, сабеллы не прошли пути развитія отъ крестьянскаго государства къ городу-государству, и поэтому и тѣ, и другіе покорились гоплитской дисциплинѣ Рима.

Выставлять догадки объ эпохѣ царей и о природѣ царской власти не мое дѣло. Были ли „celeres" (отъ κέλης, лошадь) древней дружиной царя (легенда о „разбойникахъ" соотвѣтствуетъ, см. выше, другимъ аналогіямъ), произошло ли, далѣе, положеніе „fabri" въ войскѣ центурій (гдѣ они соотвѣтствуютъ первому—согласно другому взгляду, второму—имущественному классу) изъ военныхъ литургій поселенныхъ царемъ деміургскихъ родовъ или впервые явилось продуктомъ новаго устройства государства на базисѣ гоплитскаго войска, этого, конечно, просто нечего разсматривать.

И ранняя эпоха аграрнаго развитія „свободнаго" римскаго полиса окутана мракомъ. Мы можемъ признать, что положеніе единственно полноправныхъ въ феодальномъ городѣ-государствѣ ранней эпохи патриціанскихъ родовъ покоилось на такой же экономической основѣ, какъ и господство родовъ въ эллинскихъ городахъ: на владѣніи скотомъ и рабами, съ одной стороны, на монополизаціи посреднической торговли, съ другой стороны: уже до-сервіева, а, во всякомъ случаѣ „сервіева" стѣна (изъ 4 столѣтія) окружаетъ пространство, которое къ территоріи тогдашняго Рима (особенно, если видѣть ее въ „ager Romanus") не стоитъ ни въ какомъ отношеніи. Римъ въ раннюю эпоху не вышелъ еще въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ изъ стадіи пассивной торговли: въ рукахъ иностранныхъ купцовъ находился привозъ греческихъ, финикійскихъ, кароагенскихъ товаровъ и вывозъ полученныхъ въ обмѣнъ на нихъ рабовъ и сырыхъ продуктовъ. Городъ долгое время послѣ того, какъ онъ уже вступилъ въ широкій торговый оборотъ въ Средиземномъ морѣ, оставался безъ флота и безъ монеты изъ благороднаго металла. Господствовавшій надъ сельскимъ округомъ феодальный городъ-государство — повидимому, въ основныхъ чертахъ своихъ военно-политическихъ порядковъ въ значительной мѣрѣ однородный съ греческими городами-государствами, отличавшійся отъ нихъ только со страшной силой проведенной дисциплиной и, слѣдовательно, широтою власти, которой была надѣлена магистратура—въ своей аграрной основѣ такъ же для насъ не ясенъ, какъ это надо сказать и о большинствѣ городовъ-государствъ въ Элладѣ.

Изящно построенная К. I. Neumann'омъ попытка представить весь „plebs" эпохи до Двѣнадцати Таблицъ (т.-е. до 457), по аналогіи съ наслѣдственными подданными новаго времени, какъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣстій (Gutshörige) имѣетъ противъ себя, какъ мнѣ кажется, соображенія исторической вѣроятности. Въ интересахъ своей конструкціи Neumann'у приходится также довольно свободно обращаться съ хронологіей. Это, дѣйствительно, едва ли можно вполнѣ избѣгнуть при всякой попыткѣ высказать тѣ или иныя догадки о ранней эпохѣ въ исторіи Рима. Кто хочетъ вывести послѣдніе выводы изъ геніально-нигилистической критики Ettore Pais'а и, слѣдовательно, переноситъ начало существованія римскаго народа какъ исторически непрерывнаго даннаго (als eines historischen Kontinuum) во вторую половину 5 вѣка, Двѣнадцать Таблицъ считаетъ поддѣлкой 2 столѣтія, начало исторически достовѣрныхъ свѣдѣній вообще не считаетъ возможнымъ относить за предѣлы 3 вѣка, для того, конечно, разрѣшаются всѣ проблемы древнѣйшей римской исторіи. Если въ послѣдующемъ изложеніи не будетъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ оставлена по крайней мѣрѣ попытка, сохраняя какой только возможно максимумъ данныхъ традиціи, реконструировать нѣкоторыя изъ

чертъ ея развитія, то дѣлается это со всѣми возможными оговорками и съ представленіемъ читателямъ права на самый глубокій скепсисъ.

О точкѣ зрѣнія Pais'a я не позволяю себѣ высказывать свой приговоръ. Одно лишь да позволено будетъ замѣтить: для множества случаевъ указаны въ качествѣ источника и легенды, сохранившіяся среди знатныхъ родовъ, обнаружено тенденціозное перенесеніе позднѣйшихъ аграрныхъ столкновеній и соціальныхъ противоположностей въ раннюю эпоху и т. д., тѣмъ не менѣе простыя „duplicazioni“—случаи возвращенія подобныхъ противоположностей—, съ которыми Pais такъ часто оперируетъ, какъ съ данными, вызывающими его подозрительность, сами по себѣ ничего не доказываютъ: фактически аграрныя столкновенія, напримѣръ, позднѣйшей Эллады дѣйствительно представляютъ собой повтореніе аграрныхъ столкновеній ранней эллинской эпохи съ нѣсколько измѣненнымъ фронтомъ. Это лежитъ въ существѣ античнаго.

Съ точки зрѣнія Pais'a всякая дискуссія съ Neumann'омъ, конечно, не имѣла бы смысла. Но если поступать наоборотъ, по принципу возможно большаго бережения традиціи — какъ это долженъ дѣлать Neumann—, тогда его (Неймана) тезисъ не можетъ быть принятъ, такъ какъ онъ не можетъ быть совмѣстимъ съ положеніемъ плебса, какъ его даетъ возможность представить себѣ правильно понятая традиція [1]). Согласно традиціи „плебеи“ вовсе не илоты, но, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется (см. ниже), совершенно очевидно, ἄγροικοι въ эллинскомъ смыслѣ, чѣмъ вовсе не оспаривается, какъ возможное, эксплуатированіе ясно отличимыхъ отъ плебса людей, отдавшихся подъ покровительство (clientes) старинныхъ патриціанскихъ родовъ, какъ источника подати для этихъ послѣднихъ (объ этомъ ниже). Что представитель римской, какъ

1) Этимъ вовсе, конечно, не сказано, что все, что предлагаетъ въ своей гипотезѣ Neumann, ошибочно. Дѣйствительно ли въ 457 г. до Р. Х. не произошли важныя измѣненія въ положеніи гоплитскаго войска въ государствѣ, объ этомъ я не рѣшаюсь высказать своего мнѣнія. Только въ „уничтоженіе помѣстнаго строя“ („die Aufhebung der Grundherrschaft“) я не вѣрю. Не пережили ли tribus rusticae со времени ихъ возникновенія и важныхъ правовыхъ перемѣнъ, это также не можетъ быть признано твердо установленнымъ (см. ниже къ Dionys. 4, 14).

и всякой другой городской знати въ древности, есть „землевладѣлецъ“ (ein „Grundherr“), было давно извѣстно [1]), но только какъ разъ не—это было новое утвержденіе—землевладѣлецъ, державшій въ зависимости отъ себя плебеевъ (Grundherr der Plebejer). Тѣмъ болѣе нельзя представлять себѣ это такъ, что они въ качествѣ помѣщичьихъ барщинниковъ (gutswirtschaftliche Fronbauern), на подобіе прусскихъ ласситовъ воздѣлывали землю знати. Этого послѣдняго не утверждаетъ вѣдь и Neumann. Но такъ какъ плебеи, по его мнѣнію, должны были быть кліэнтами, а кліэнтела Двѣнадцатью Таблицами не была вѣдь упразднена—такъ думаетъ Neumann—, но была подтверждена, то слѣдовало бы плебеевъ и тогда тождественныхъ съ ними кліэнтовъ (напримѣръ, кліэнтовъ Atta Clausus'a, о чемъ ниже) признать илотами или несущими барщину крѣпостными (Fronknechte). Но такіе крѣпостные (Hörige) не даютъ самого себя экипирующаго и тренированнаго войска гоплитовъ; а вѣдь именно въ качествѣ войска гоплитовъ плебеи шагъ за шагомъ, чѣмъ необходимѣе они становились, добились своихъ успѣховъ. Крѣпостные (Hörige) не дѣлаются кабальными холопами (Schuldknechte) (тогда какъ бываетъ скорѣе обратное),—закабаленье же за долги есть типичная судьба лишенныхъ средствъ плебеевъ. Что и военный строй, который охватывалъ и плебеевъ и, согласно традиціи, старѣе республики, во всякомъ случаѣ такъ

1) Съ оговоркой, что при этомъ понятіе „землевладѣльца“ (des Grundherren“) во всякомъ случаѣ уже нѣсколько сильно расширено: былъ ли римскій кліэнтъ „прикрѣпленъ къ землѣ“ („Schollenfest“) въ томъ смыслѣ, что и господинъ долженъ былъ оставить ему землю, это болѣе, чѣмъ сомнительно. Кабальнымъ холопомъ (Schuldknecht) онъ не былъ. Спартанскаго илота (и подобныхъ ему „крѣпостныхъ“) (Hörige) господинъ не могъ продать за предѣлы страны. Римскаго должника, ставшаго кабальнымъ по судебному приговору (Exekutionsschuldner), господинъ долженъ былъ (въ эпоху послѣ Двѣнадцати Таблицъ) продать за предѣлы страны. „Nexus'a (по договору закабаленнаго должника) онъ долженъ былъ заставить отработать долгъ. Опять въ другомъ положеніи были отданныя отцомъ въ наймы или проданныя имъ дѣти (personae in mancipio), въ древнѣйшее время, навѣрное, (какъ въ Вавилонѣ) имѣвшія не малое значеніе для рекрутированія рабочихъ силъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Достаточное основаніе для того, чтобы не строить слишкомъ простыхъ представленій о томъ, какимъ правовымъ содержаніемъ могло для патриціата наполняться понятіе „землевладѣлецъ“ („Grundherr“).

же старъ, какъ и консулатъ, предполагаетъ свободныхъ незнатныхъ землевладѣльцевъ (Grundbesitzer) и имѣющихъ достатокъ плебеевъ, это уже было выдвинуто Эд. Мейеромъ. Господствующее положеніе нѣкоторыхъ (не всѣхъ, но, въ противоположность Аѳинамъ, меньшинства: 16) патриціанскихъ родовъ внутри сельскаго округа, повидимому, было обусловлено отчасти политическими причинами: они были какъ разъ (частью) прежніе окружные князья (Gaufürsten) и владѣльцы бурговъ, которые вошли въ составъ городской общины. Но сельскій округъ здѣсь въ такой же малой мѣрѣ, какъ и въ огромномъ большинствѣ эллинскихъ городовъ, представлялъ собою когда-либо сплошной комплексъ замкнутыхъ помѣстій (Grundherschaften) или даже помѣстныхъ хозяйствъ (Gutsbetriebe). Противъ этого (не говоря уже о многомъ другомъ) говоритъ все, что и въ болѣе позднее время въ видѣ остатковъ сохранилось отъ давно исчезнувшей автономіи сельскихъ образованій, и чего, однако, достаточно, чтобы сдѣлать невѣроятнымъ первоначальное общее „крѣпостное состояніе" („Hörigkeit") плебса. Кого приводитъ въ тупикъ борьба изъ-за connubium'а между сословіями, тотъ пусть вспомнитъ, что и Ѳеогнидъ считалъ бракъ съ мѣщанкой (Bürgerin) позорнымъ, и что члены рода съ развитіемъ родового союза (gens) (см. ниже) какъ разъ въ интересахъ сохраненія цѣльности родового владѣнія были заинтересованы въ томъ, чтобы удержать въ предѣлахъ своего рода дочерей-наслѣдницъ. Одно отвѣтвленіе традиціи представляетъ вѣдь и устраненіе connubium'а съ плебсомъ впервые произведеннымъ децемвирами. И, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ вѣроятнымъ является и здѣсь позднѣйшее возникновеніе ограниченія въ брачномъ правѣ (по только что упомянутымъ экономическимъ соображеніямъ здѣсь у знати совершенно такъ же, какъ по подобнымъ же основаніямъ въ Аѳинахъ у демократіи), слѣдовало бы вспомнить, что вездѣ въ древнѣйшемъ правѣ произволъ отца рѣшаетъ вопросъ о законности ребенка, рожденнаго ему отъ жены, наложницы, рабыни. То же и въ древне-эллинскомъ правѣ. Принципъ сословнаго равенства родителей и въ Римѣ первоначально имѣлъ, несомнѣнно, второстепенное значеніе, какъ это доказано и для Эллады (именно политическій цеховой интересъ городского гражданства, не существовавшій на

Востокѣ, дѣлалъ полисъ въ Элладѣ и въ Италіи носителемъ моногаміи).

Болѣе всего слѣдуетъ избѣгать всякаго привлеченія къ этимъ проблемамъ такъ хорошо знакомой намъ, благодаря Г. Ф. Кнаппу, картины происхожденія „крестьянскаго освобожденія" въ 19 вѣкѣ и предшествовавшихъ ему условій. K. J. Neumann совершенно такъ же, какъ и Fr. Cauer и Swoboda, испыталъ на себѣ вліяніе этой справедливо, благодаря Кнаппу, прославленной картины (подобнымъ же образомъ и я съ своей стороны имѣлъ случай неправильно дать общее примѣненіе категоріямъ Мейтцена). Условія, характерныя для области съ уже въ до-историческія времена устроенными оросительными приспособленіями, какой является Кампанія (современное значеніе слова „rivalis" стоитъ вѣдь въ связи съ процессами орошенія), съ густымъ вѣнковъ городовъ уже въ древнѣйшее время, исключаютъ всякую аналогію съ вывозящей хлѣбъ областью, въ которой возникли помѣстья (die Gutshöfe) восточной Германіи; и характеръ организаціи крестьянскихъ гуфъ, на которыя были расчленены эти помѣстья, для античнаго міра въ равной мѣрѣ невѣроятенъ какъ по сельско-хозяйственнымъ, такъ и по историческимъ основаніямъ. Весьма возможно, что древнѣйшей эпохѣ Рима (какъ и Эллады и Востока) была извѣстна общность полей (Flurgemeinschaft) въ томъ смыслѣ, что—какъ это дѣлалъ греческій полисъ еще и въ историческую эпоху—первоначально крестьянская политическая община (Gemeinschaft) приписывала себѣ, а при случаѣ и осуществляла право весьма суверенно распоряжаться гуфами своихъ членовъ. Это, согласно всѣмъ аналогіямъ, во всякомъ случаѣ было тамъ, гдѣ она смотрѣла на себя, какъ на военный союзъ (Wehrverband). Молодое поколѣніе (der Nachwuchs) должно было быть надѣлено землей, или какимъ-либо инымъ способомъ должна была быть рѣшена его судьба. Если оно не устремлялось въ далекія страны завоевывать для себя землю, то куріатныя комиціи въ городѣ-государствѣ рѣшали по предложенію отца, какой сынъ долженъ былъ взять гуфу и какая часть „proles" должна остаться безъ земли—„пролетаріями" („proletarii"). Какъ этотъ вопросъ предварительно регулировался въ pagus'ѣ (волостномъ округѣ), объ этомъ мы ничего не можемъ сказать за полнымъ незнаніемъ. Но новые передѣлы земли, навѣрное, были

возможны и происходили. Могло быть также и то, что, какъ въ эллинскихъ фратріяхъ, старые роды волостныхъ князей (Gaufürsten), позднѣйшіе знатные роды, въ мѣру своего могущества могли оказывать сильное вліяніе на земельныя отношенія (Flurverhältnisse) крестьянъ, свое же владѣніе, наоборотъ, могли изъять изъ распоряженія крестьянскихъ общинъ (отсюда переданное Пливіемъ словоупотребленіе Двѣнадцати Таблицъ, связывавшее villa, т.-е. господскій дворъ (Herrenhof), съ hortus и heredium, огороженной и неотчуждаемой наслѣдственной землей: N. h. 19, 4, 50). Устраненіе этихъ случаевъ осуществленія правъ со стороны аграрныхъ союзовъ (Flurverbände), превращеніе всей апропріированной земли въ землю-„hortus" и въ объектъ „dominium'a,—таковъ могъ быть смыслъ созданнаго Двѣнадцатью Таблицами новаго порядка правовыхъ отношеній, поскольку онъ касается аграрныхъ порядковъ. Но это, однако, совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ тѣ, какія наблюдаются въ помѣстьяхъ (Fronhöfe) среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Во всякомъ случаѣ связанную съ барщиной кабалу (die Fronknechtschaft), встрѣчающуся намъ въ качествѣ типическаго слѣдствія задолженности въ „nexum" (см. ниже), слѣдуетъ отличать отъ кліэнтелы [1]). Послѣдняя возникаетъ здѣсь—какъ у израильтянъ и вездѣ—путемъ отдачи себя не имѣющимъ владѣнія человѣкомъ подъ защиту князя или владѣющаго землей простого свободнаго (Volksgenossen), какъ объ этомъ мы будемъ еще говорить. Конечно, для каждаго не участвующаго въ отправленіи правосудія пассивнаго гражданина (крестьянина)—ср. замѣчанія Гесіода—обращеніе къ процессуальной защитѣ „требующихъ подарковъ" сильныхъ людей можетъ стать необходимымъ. Но черезъ это онъ не становится крѣпостнымъ барщинникомъ (Fronknecht) (скорѣе „свободная" кліэнтела позднѣйшей римской поры могла примкнуть къ этимъ отношеніямъ ранняго періода: этотъ добровольный патронатъ существовалъ во всѣ времена). Противоположность между кліэнтами и plebs'омъ такъ ясно выступаетъ въ источникахъ, что, напримѣръ, Oberziner, который видитъ въ plebs'ѣ покоренное не италійское населеніе первобытной

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

эпохи, на кліэнтовъ, въ противоположность этому, смотритъ какъ на вмѣстѣ со знатью переселившихся сюда италиковъ. Но если plebs отожествлять съ clientes, то эта подкупающая теза Oberziner'a (въ пользу которой приводятся и другими нѣкоторыя, сами по себѣ, повидимому, сильныя указанія: отсутствіе connubium'a—объ этомъ смотри выше,—засвидѣтельствованная въ Двѣнадцати Таблицахъ наличность двухъ способовъ погребенія и т. д.), съ своей стороны, лучше всего могла бы быть согласована со свидѣтельствами античной традиціи,—въ томъ, слѣдовательно, случаѣ, если дать вѣру нѣкоторымъ (болѣе позднимъ) мѣстамъ источниковъ, которыя, повидимому, говорятъ о планомѣрномъ (и вообщемъ) распредѣленіи плебеевъ въ качествѣ кліэнтовъ между patres,—слѣдовательно, на манеръ илотовъ, или критскихъ Fοικέες. Но какъ разъ эти мѣста традиціи представляютъ собой явныя реконструкціи, и во всякомъ случаѣ такое трактованіе крестьянъ какъ государственныхъ кліэнтовъ (на манеръ илотовъ) не согласуется съ ихъ близкимъ участіемъ въ индивидуальныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ (Gutswirtschaften): спартіаты вѣдь живутъ арендной платой и не ведутъ собственнаго помѣщичьяго хозяйства (sind Rentner, keine Gutsherren). И какъ разъ эти свидѣтельства ясно представляютъ это распредѣленіе плебеевъ какъ мѣру, принятую въ интересахъ защиты (Schutzfürsorge) понесшихъ ущербъ (очевидно, въ судебномъ процессѣ) гражданъ низшаго права (кромѣ того выборъ патрона однимъ изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ источниковъ—см. ихъ у Mommsen'a Staatsr. III. I Aufl. p. 63, примѣч. 4—ясно изображается какъ свободный).

Не только, если судить по положенію источниковъ, но и по фактическимъ вѣроятностямъ законодательство Двѣнадцати Таблицъ и къ нему примыкающее законодательство означаетъ также и успѣхъ крестьянъ въ отношеніи къ родамъ (см. ниже), а въ области аграрной не разрушеніе „отношеній помѣщика и крестьянина" („grunderrlich-bäuerliches Verhältniss), но скорѣе разрывъ старыхъ волостныхъ союзовъ (Gauverbände) въ пользу ставшаго позднѣе типическимъ отдѣльнаго поселенія (Einzelsiedelung) въ формѣ „villae" (о практическомъ значеніи см. ниже).

Деревня, позже совершенно чуждое римскому управленію понятіе, въ старину была основной формой поселенія.

Правда, первоначальный характеръ поселенія деревнями оспаривается и выставляется утвержденіе, что, въ противоположность германцамъ (и эллинамъ), италійское поселеніе было поселеніемъ дворами (все еще появляющаяся у нѣкоторыхъ археологовъ формула: германцы селились дворами, народы же Средиземнаго моря деревнями, покоится на полномъ незнаніи нѣмецкаго поселенія и неправильномъ пониманіи одного риторическаго оборота у Тацита). Но нѣтъ ни одного доказательства или вѣроятности, которыя бы говорили за то, тогда какъ эллинскія аналогіи, отношенія другихъ италиковъ и доисторическое поселеніе говорятъ противъ того, что отдѣльный дворъ, „villa", стоялъ въ началѣ италійскаго, спеціально римскаго развитія, какъ это думаетъ, напримѣръ, и Шультенъ. Размежеваніе земли на „fundi", которые принципіально представляютъ собою „continuae possessiones (сплошныя владѣнія), есть какъ разъ явленіе современно-римское (das modern-römishe), заключаетъ въ себѣ разрушеніе старыхъ аграрныхъ отношеній (Flurzustände) въ пользу индивидуалистическаго порядка поселенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ заявленія римскихъ землемѣровъ. „Villa" ведетъ начало отъ феодальнаго владѣльца бурга (Burgherren), а не отъ крестьянина. Цѣнное изслѣдованіе Шультена прямо показываетъ, какъ радикально римское „assignatio" истребляло древнія сельскія общины (Landgemeinden) и деревни. Эллинскій городъ-государство, какъ Аѳины (и другіе), могъ использовать δῆμοι въ качествѣ составныхъ своихъ частей. Римская практика рѣшительно отъ этого отклоняется. Поля (die Fluren) колоніальной ассигнаціи игнорируютъ „pagi" и при случаѣ разрѣзаютъ ихъ пополамъ; — такъ было съ полями Плаценціи и Веллейи, какъ это видно по алиментарнымъ таблицамъ. Посредствомъ полицейскаго примѣненія понятія „vicus" для обозначенія городского квартала, „pagus" для обозначенія служившаго для цѣлей обложенія повинностями (munera) подраздѣленія сельскаго округа города, конечно, всѣ надежные слѣды традиціи были изглажены. Тѣмъ не менѣе изъ источниковъ видно, что въ позднѣйшемъ правѣ какъ vicus, такъ и pagus являются въ качествѣ юридическихъ лицъ, которыя владѣютъ,

напримѣръ, земельными участками, автономно постановляютъ рѣшенія о своихъ дѣлахъ и могутъ вести процессы, но только „pagus" является въ качествѣ „обладающей распорядительной властью корпораціи" (eine „Gebiets-Körperschaft„). Vicus всегда является замкнутымъ поселеніемъ и въ качествѣ таковаго въ эпоху до возникновенія города представляетъ собою или средоточіе pagus'а, или одну изъ нѣсколькихъ деревень въ pagus'ѣ, какія мы видимъ при всѣхъ древнихъ поселеніяхъ: по Фесту онъ есть рыночное мѣсто.

Что pagus нѣкогда игралъ роль эллинской κώμη, представляется мнѣ вполнѣ убѣдительно вѣроятнымъ. Антагонизмъ между „городомъ" въ римскомъ смыслѣ и „деревней" создаетъ всѣ наши затрудненія съ источниками, какъ это какъ разъ опять показало само изслѣдованіе Шультена: этотъ антагонизмъ обусловленъ характеромъ позднѣйшаго аграрнаго строя (Flurverfassung) (радикально противоположнаго полюса „строя комъ") („Komenverfassung") (см. ниже). Уже изъ этого слѣдуетъ, что pagus, какъ это правильно выясняетъ Шультенъ, никоимъ образомъ—какъ думалъ Моммзенъ—въ историческую пору не могъ принимать участія въ выясненіи права собственности, въ частности его главная функція, lustratio pagi (чисто религіозный, имѣющій цѣлью предотвращенія бѣдствій, актъ), не имѣла съ этимъ ничего общаго. Принадлежавшая позднѣйшему pagus'у власть издавать распоряженія имѣетъ также, насколько извѣстно, чисто религіозный характеръ: передаваемое Пдиніемъ исходившее отъ pagus'а распоряженіе объ употреблявшихся женщинами накладкахъ изъ волосъ мотивировано явно суевѣрными соображеніями. Что ограниченіе этой областью имѣетъ характеръ сохраненнаго изъ страха передъ устраненіемъ нѣкогда существовавшаго культа рудимента болѣе древняго порядка, когда pagus имѣлъ въ соціальномъ строѣ большее значеніе, это само собой понятно и съ достаточной ясностью вытекаетъ изъ того, что волость (Gau) владѣла, какъ это засвидѣтельствовано источниками, общественными вѣсами, а первоначально, какъ это достовѣрно извѣстно, и рыночнымъ правомъ.

Принадлежавшую нѣкогда деревнѣ альменду можно еще узнать по скуднымъ остаткамъ въ „ager compascuus": право выпаса первоначально является здѣсь какъ „jus" (Цицеронъ), какъ

индивидуальное право члена общины (des Genossen). Рядомъ съ ней стоитъ ager publicus, въ болѣе позднее время представлявшій собою завоеванную, а первоначально несомнѣнно—что безъ всякого основанія было подвергнуто сомнѣнію—никому не переданную пустошь. Какъ и въ раннюю германскую эпоху, очевидно, каждому члену племени на этой „общей маркѣ“ принадлежало право поднятія нови, и онъ находилъ защиту для своего владѣнія такимъ „ager occupatorius“ до тѣхъ поръ, пока онъ держалъ его подъ плугомъ. Это старинное право „оккупаціи“ въ измѣненной формѣ впослѣдствіи было распространено государствомъ гоплитовъ на завоеванныя, уже приведенныя въ культурное состояніе и приносившія плоды поля, поскольку они не предназначались для надѣленія на частномъ правѣ или для финансовой эксплуатаціи посредствомъ сдачи въ аренду. То, что при этомъ имѣлась въ виду урегулированная форма оккупаціи—какъ это было въ Соединенныхъ Штатахъ при открытіи для поселенія индійскихъ областей—, и что часть продуктовъ взималась въ качествѣ вознагражденія въ пользу государства или во всякомъ случаѣ должна была взиматься, все это ничего въ этомъ не мѣняетъ, т.-е. въ томъ, что по существу право „скуоттеровъ“ было распространено на огромную завоеванную территорію, что „оккупировать,“ даже и въ терминологіи, является рѣшающимъ, а не регулированіе со стороны магистрата порядка оккупаціи.

Какъ въ старину выглядѣла жизнь внутри поселенія, въ которыхъ крестьяне жили трудами рукъ своихъ, мы не имѣемъ возможности разглядѣть это болѣе близко. Индивидуальная, совершенно свободно наслѣдуемая и отчуждаемая земельная собственность въ позднѣйшемъ смыслѣ прежде всего совсѣмъ отсутствовала. Но тѣ или иныя исходившія отъ семьи ограниченія въ распоряженіи полемъ и здѣсь существовали; что касается землевладѣнія патриціата, то это само собой разумѣется здѣсь, какъ и вездѣ; но въ болѣе слабой формѣ существовали они и у крестьянъ. Вѣрныхъ слѣдовъ этого мы не находимъ. Ссылка на расточеніе bona paterna avitaque въ формулѣ взятія въ опеку указываетъ на общее всякому проникнутому милитаристическимъ духомъ праву специфическое осужденіе продажи наслѣдственной земли, но не является вѣрнымъ указаніемъ на первоначальное правовое различіе между

ними въ отношеніи къ отчуждаемости. Можно предполагать, что развитіе не было здѣсь принципіально инымъ, чѣмъ въ Элладѣ, и во всякомъ случаѣ (въ принципѣ) наслѣдственное и отчуждаемое владѣніе землей и здѣсь стоитъ въ началѣ до насъ дошедшей исторіи. Легенда о надѣленіи Ромуломъ всѣхъ гражданъ heredium'омъ въ 2 югера какъ единственно наслѣдственнымъ (не отчуждаемымъ) владѣніемъ не является доказательствомъ противъ этого. Ибо, что это не есть полное крестьянское владѣніе ранней поры, это ясно. Но, съ другой стороны, невозможно,—какъ хотѣлъ Эдуардъ Мейеръ—разумѣть подъ этимъ землю поденщиковъ. Скорѣе heredium есть „hortus“, усадьба (eine „Wurth“), для индивидуальной обработки отдѣльнымъ небольшимъ семействамъ въ наслѣдственное владѣніе предоставленный, но въ смыслѣ отчужденія за предѣлы семьи по основаніямъ государственнаго характера ограниченный усадебный участокъ (Gartenlos). Для интерпретаціи открыты три возможности.

Во-первыхъ: При основаніи городовъ путемъ синойкисма или путемъ учрежденія города магистратомъ живущій въ городѣ плебей—слѣдовательно, ремесленникъ, розничный торговецъ и т. д., который не принадлежалъ къ gentes, но въ которомъ была потребность и котораго желали имѣть, навѣрное, такъ же, какъ при основаніи многихъ нѣмецкихъ городовъ среднихъ вѣковъ — получалъ 1) усадебную землю (Gartenland) и 2) право выпаса для своего скота на общинномъ полѣ (Gemeindeflur), но вовсе не получалъ крестьянской гуфы (надѣла). То же, вѣроятно, было въ колоніяхъ гражданъ этой ранней поры, которыя еще не имѣютъ аграрно-политической цѣли, но имѣютъ въ виду снабженіе гарнизономъ и заселеніе римлянами береговыхъ мѣстъ (coloniae maritimae), съ помощью которыхъ долженъ былъ утвердиться за Римомъ въ интересахъ торговой монополіи берегъ, и въ которыхъ поэтому колонистъ обязанъ былъ имѣть жительство (какъ въ Аѳинахъ Солоновскіе клерухи на Саламинѣ). Какъ разъ здѣсь имѣетъ мѣсто надѣленіе „bina jugera“ (въ одномъ, не вызывающемъ сомнѣнія примѣрѣ: Анксуръ), и колонистъ, какъ таковой, само собой разумѣется, имѣлъ право выпаса. (Что, кромѣ того, ему предоставлены были еще и другія права въ этомъ отношеніи, какъ я раньше допускалъ, это теперь

примѣнительно къ восточно-эллинистическимъ условіямъ больше не кажется мнѣ вѣроятнымъ, и нужно оставить всякую мысль о какой бы то ни было общности полей (Flurgemeinschaften) по типу германскаго поселенія какъ для Рима, такъ и для всей древности). Bina jugera были бы тогда, слѣдовательно, надѣломъ (das Los) всѣхъ тѣхъ свободныхъ плебеевъ, которыхъ принимали во вновь возникавшій городской союзъ.

Вторая возможность (комбинируемая съ первой):—надѣлъ (das Los) пѣхотинцевъ или, вѣрнѣе, его счетная единица: въ концѣ второй пунической войны ветеранамъ испанскихъ и африканскихъ походовъ было обѣщано по столько разъ по два югера, сколько лѣтъ они служили (правда, неровныя цифры земельнаго надѣленія выступаютъ въ „Аналистикѣ", но уже названіе „centuria" для 100 $\times$ 2 югеровъ показываетъ, что нормальной единицей являлся двойной моргенъ). Третья возможность: что поселенный для утвержденія за государствомъ отданной подъ колонію области полноправный гражданинъ въ древнюю пору совсѣмъ иначе былъ надѣленъ, чѣмъ съ помощью двухъ югеровъ, это дѣлаетъ вѣроятнымъ одна замѣтка объ Анціумѣ, согласно которой послѣ покоренія этого города враждебно настроенные жители его были превращены въ крестьянъ, обрабатывавшихъ изъ части землю колонистовъ (Teilbauer) (въ илотовъ). Здѣсь, слѣдовательно, два югера были лишь городскимъ надѣломъ (das Stadtlos) сосредоточенныхъ въ городѣ—какъ это было въ Митиленахъ—клеруховъ. Клерухъ, въ такомъ случаѣ, конечно, не ремесленникъ или мелкій торговецъ (гипотеза 1), но воинъ, долженъ былъ быть имѣвшимъ осѣдлость въ городѣ землевладѣльцемъ (stadtsässiger Grundherr), а не крестьяниномъ. Какъ тогда, въ противоположность этимъ плебейскимъ-ли или патриціанскимъ городскимъ поселенцамъ, мы должны представлять себѣ права на поля, принадлежавшія крестьянскимъ семьямъ, это совершенно неясно, точно такъ же, какъ и то, какія феодальныя права существовали въ отношеніи къ нимъ. Это относится также и къ самому Риму.

Римскіе граждане въ историческую эпоху раздѣлены на трибы и куріи, какъ въ Греціи на филы и фратріи. Родъ (die Sippe) (gens) былъ (долго оспаривавшійся пунктъ) и здѣсь ограниченъ знатью. И здѣсь онъ не представляетъ собою ничего

„первобытнаго", но является образованіемъ, возникшимъ путемъ дифференцированія на почвѣ владѣнія скотомъ, благороднымъ металломъ, землею, отдавшимися изъ за долговъ въ рабство людьми и опиравшагося на это рыцарскаго образа жизни и военнаго воспитанія (Training). Навѣрное, образованіе родовъ (т.-е. совмѣстное владѣніе имуществомъ, придаваніе значенія кровной связи и дальнѣйшее, что изъ того слѣдуетъ) и здѣсь прежде всего началось въ семьяхъ прежнихъ волостныхъ князей (Gaufürsten), которые постепенно превратились въ владѣтелей бурговъ (Burgherren), какъ въ и Греціи. Синойкизированіе знати бурговъ—политическая заслуга всей древнѣйшей эпохи Рима. Такое вступленіе знати въ составъ общины (Eingemeindung) могло совершиться добровольно—знаменитымъ примѣромъ является принятіе рода Atta Clausus въ качествѣ gens Claudia въ союзъ родовъ (Geschlechterverband) съ предоставленіемъ земли ему и его „clientes"—или при случаѣ насильственнымъ путемъ съ помощью „ломки" („Brechung") ея бурговъ. Понятно поэтому, что 16 древнихъ сельскихъ трибъ носятъ гентильныя имена. И это, конечно, не доказываетъ здѣсь также ни того, 1) что вся или лишь большая часть земли соотвѣтствующихъ территорій принадлежала этимъ родамъ какъ землевладѣльцамъ (Grundherren)—въ такомъ случаѣ преобладающее большинство патриціанскихъ родовъ было безъ земли,—ни того, 2) что первоначально gens былъ учрежденіемъ, общимъ всѣмъ свободнымъ.

Скорѣе само римское преданіе показываетъ, что территорія (das Land) за предѣлами городскихъ воротъ долгое время оставалась раздѣленной на pagi, какъ это было съ древнѣйшихъ временъ, до тѣхъ поръ, пока позже (см. ниже) не послѣдовало раздѣленія ея на tribus rusticae. Несомнѣнно, въ періодъ полнаго развитія господства знатныхъ родовъ (Geschlechter) сельскіе округа такъ же были лишены политическихъ правъ, какъ и въ Эллалѣ въ специфически аристократическихъ городахъ-государствахъ (Adelspoleis). А знатный gens и въ Римѣ (и здѣсь еще больше, чѣмъ въ иныхъ эллинскихъ государствахъ) есть владѣющій пахотной землею, но живущій въ городѣ родъ: солдаты большихъ войскъ Рима въ эпоху его территоріальнаго расширенія были крестьяне, но ихъ офицеры всегда горожане. Какъ въ Элладѣ знатные роды почти всегда имѣли

другихъ святыхъ-покровителей (Schutzheilige), чѣмъ народъ (впервые это рѣзко подчеркнуто Эд. Мейеромъ), такъ и sacra римскихъ родовъ (gentes) суть обряды частнаго культа; принципіально gens есть „помимогосударственное" (präterstaatliches) образованіе, а слѣдовательно, и не „часть" государства. Напротивъ, общія sacra курій (curiae) суть sacra publica.

Куріи, это какъ разъ государствомъ признанныя дѣленія гражданства. Ихъ большею частью ставятъ рядомъ (уже въ древности) съ греческими фратріями. Во всякомъ случаѣ ихъ происхожденіе, по признанію спеціалистовъ, такъ же темно, какъ и этихъ послѣднихъ. Для исторической поры установлено лишь слѣдующее: что куріи должны были контролировать завѣщаніе и усыновленіе (слѣдовательно, допущеніе въ военную общину и тѣмъ самымъ и къ владѣнію землею), и что онѣ должны были ратифицировать передачу военныхъ полномочій вновь выбраннымъ высшимъ магистратамъ. Представляется вѣроятнымъ, что первоначально при формированіи войска куріи являлись органами набора. Но въ виду этого аналогія съ фратріями лишь отчасти сохраняется, въ другихъ отношеніяхъ ихъ слѣдовало бы сравнивать съ филами. Въ противоположность эллинскимъ фратріямъ и онѣ не имѣли корпоративнаго характера и, слѣдовательно, не могли совершать юридическихъ актовъ: онѣ представляютъ собою лишь сакральныя и административныя единства. Но и помимо того, тотъ, кто считаетъ фратріи въ Элладѣ „первобытными" (uralt), не эти древнія фратріи, но искусственныя образованія позднѣйшихъ синойкизмовъ можетъ сравнивать съ историческими куріями, которыя, съ своей стороны, являются вѣдь специфически государственно-городскимъ образованіемъ (собраніе народа въ comitium въ противоположность трибамъ, и т. д.). Онѣ общи латинскимъ городамъ (напротивъ, еще вопросъ, знаютъ ли ихъ coloniae civ. rom.).

Три древнія трибы въ 10 курій каждая съ gentes, какъ съ подраздѣленіями, конечно, представляютъ собою организаціи, созданныя для цѣлей удовлетворенія государственныхъ потребностей, организаціи, въ этой схематической формѣ, можетъ-быть, впервые возникшія въ патриціанско-плебейскомъ государствѣ, которое соединяетъ все гражданство въ куріи и (искусственные) роды. Если въ историческую пору къ куріямъ

приписываются отдѣльныя и замкнутыя полевыя марки, то также еще вопросъ, насколько это локализированіе является продуктомъ первоначальнаго дѣленія на филы, не представляетъ ли оно (что вѣроятно) результата болѣе поздняго новаго раздѣла территоріи между curiae, или же вообще оно существовало только во вновь основанныхъ латинскихъ колоніяхъ (какъ и въ колоніальныхъ филахъ въ Элладѣ).

Римское государство въ своемъ отношеніи къ своимъ членамъ съ самаго начала въ одномъ направленіи отличается отъ эллинскаго полиса: въ трактованіи семейственнаго права. Для эллинскаго полиса (напр., для Аѳинъ) политическое полноправіе (politische Wehrhaftmachung) и частноправовая дѣеспособность взрослаго сына (Haussohn) совпадаютъ,—для римскаго государства между ними нѣтъ ничего общаго. Гражданинъ какъ солдатъ есть объектъ власти должностного лица; какъ сынъ онъ есть объектъ домашней власти, покаживъ его отецъ. Государство останавливается у порога дома, и право дома („dominium"), которое съ равной абсолютной неограниченностью охватываетъ жену, дѣтей, рабовъ, скотъ (familia pecuniaque) [1]), есть зародышъ абстрактнаго понятія собственности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это радикально патріархальное семейственное право беретъ свое начало въ организаціи рода (gens)—какъ и положеніе отца, „pater" - главы рода въ древнемъ государствѣ, какъ его изображаетъ традиція, съ которымъ параллельно идетъ pater familias въ семьѣ— и что первоначально оно служило къ сохраненію въ нераздѣльномъ видѣ владѣнія: большая семья (die Grossfamilie) здѣсь, въ построенной на строгомъ принципѣ власти организаціи, лежитъ въ качествѣ нормальной формы въ основѣ структуры права. Какъ передавалось положеніе главы рода въ публичномъ правѣ и въ отношеніи къ кліентелѣ (см. ниже)—наслѣдственнымъ порядкомъ или путемъ избранія—, при настоящемъ состояніи источниковъ это праздный вопросъ. Весьма вѣроятнымъ кажется только, что раздробленіе единства большой семьи, которое въ историческую пору наступаетъ со

1) Отношеніе „familia" къ „pecunia" здѣсь остается безъ разсмотрѣнія. Ср. объ этомъ совсѣмъ недавно появившуюся книгу Mitteis Röm. Privatrecht, стр. 81 и слѣд.

смертью pater familias, не было первоначальнымъ гентильнымъ правомъ, но что тогда на мѣсто стараго вступалъ новый глава рода. Позднѣйшія отступленія отъ общаго наслѣдственнаго права, которыя состояли въ наслѣдованіи патронатныхъ правъ, представляютъ собою ненадежный источникъ, хотя онъ, правда, кое-гдѣ восходитъ къ старымъ распорядкамъ замкнутаго рода (gens).

Эта строго авторитарная организація семейныхъ союзовъ въ римскомъ государственномъ строѣ была источникомъ извѣстныхъ феодальныхъ составныхъ частей его, которыя во все продолженіе существованія государства съ своей стороны широко опредѣляли его своеобразіе.

Римскій соціальный строй какъ въ свою (намъ доступную) раннюю пору, такъ и послѣ того несравненно болѣе сильно развилъ элементъ, который вовсе не отсутствовалъ и въ эллинскихъ городскихъ государствахъ, но тамъ уже въ раннюю пору, а вполнѣ въ эпоху демократическаго устройства былъ далеко отодвинутъ назадъ: феодальную кліэнтелу. Связь съ семейственнымъ правомъ ясно обнаруживается въ томъ, что древніе приравнивали надѣленіе землей кліэнтовъ къ надѣленію землей filius familias: патріархальное положеніе главы рода есть источникъ римскаго кліэнтскаго права. Здѣсь слѣдуетъ, не выходя изъ данныхъ рамокъ, войти въ нѣсколько болѣе близкое разсмотрѣніе этого института, который не разъ приводилъ къ неправильному пониманію условій болѣе древней эпохи. Повсюду, въ античной древности (и, конечно, не только въ античной древности) первоначально человѣкъ, не имѣющій владѣнія, т.-е. не имѣющій доли въ земельномъ владѣніи какойнибудь конкретной общины (Gemeinschaft), является также и человѣкомъ безправнымъ. Въ Египтѣ царь требуетъ (reklamiert) „человѣка безъ жилища“, который навьючиваетъ свои пожитки на своего мула и тащится отъ одного землевладѣльца къ другому, чтобы продать свою рабочую силу; въ древнемъ Израилѣ онъ—архаическій типъ „метэка“; въ Элладѣ онъ поставляетъ „θῆτες“ и „πελάται“. Въ Римѣ онъ отдаетъ себя—въ эпоху родового государства (Geschlechterstaat)—черезъ посредство „applicatio“ подъ патронатъ готоваго принять ее (applicatio) состоятельнаго „pater“ (главы рода) или даже (какъ это передано традиціей для эпохи царей) царя. Этимъ путемъ

и путемъ „susceptio“ со стороны патрона возникающее отношеніе отличается, съ одной стороны, отъ рабства, а съ другой, отъ вассалитета, совершенно такъ же, какъ древне-египетское отношеніе „amach“: взаимныя отношенія регулируются традиціоннымъ, достаточно неподвижнымъ моральнымъ кодексомъ, который, однако, благодаря своему религіозному характеру, чуждъ граждански-свѣтскому (bürgerlichweltlichen) „Landrecht'y“ (выражаясь германистически) городского государства, совсѣмъ не можетъ быть имъ понятъ; но, такъ какъ однако, онъ имѣетъ высокое практическое значеніе, то существованіе его не игнорируется просто: Двѣнадцать Таблицъ предаютъ проклятію патрона, который не соблюдаетъ вѣрности въ отношеніи къ кліэнту („si clienti fraudem fecerit“), какъ предается проклятію сынъ, который бьетъ отца; въ обоихъ случаяхъ какъ разъ нѣтъ государственнаго судьи. Еще законы о вымогательствѣ, изданные демократіей въ періодъ мірового владычества, обращали вниманіе на то, существуетъ ли между двумя лицами отношеніе, составляющее сущность кліэнтелы: „in fide esse“ (и даже въ рабское право Дигестъ въ эпохи, когда рабскія казармы уже не существовали, по ошибкѣ проникло выраженіе „in fide domini esse“, конечно, вовсе не являясь здѣсь прямымъ отзвукомъ отношенія древней кліэнтелы). Fides, совершенно какъ и въ средніе вѣка, играетъ опредѣляющую роль въ отношеніи господина къ кліэнту; но въ то время, какъ въ средніе вѣка (какъ и въ Японіи) восхваляется, этически оцѣнивается и подчеркивается леннымъ правомъ fides преимущественно вассала, потому что онъ есть на своихъ ногахъ стоящій самъ себя вооружающій, въ своемъ благосостояніи фактически все болѣе и болѣе отъ сеньера независящій рыцарь или даже князь, котораго всегда подстерегаетъ искушеніе предоставить сеньера самому себѣ, римская древность имѣетъ дѣло преимущественно съ „fides“ господина. Ибо въ историческую эпоху кліэнтъ, какъ и владѣлецъ должностного и служилаго лена месопотамскихъ царей или μάχιμοι фараона и Птолемеевъ и какъ „colonus“, есть маленькій человѣкъ, такъ сказать, ленникъ по плебейскому праву, который безъ господина—ничто, а противъ него ужъ и совершеннѣйшее ничто. Указываетъ ли подчеркиваніе обоюдной „fides“ въ одной „lex regia“ на первоначально болѣе значи-

тельное, ближе къ васаллитету стоящее и, можетъ быть, в первые въ государствѣ гоплитовъ выродившееся положеніе кліэнта („cliens“), это, конечно, должно остаться нерѣшеннымъ.

Кліэнтъ обязанъ проявлять въ отношеніи къ господину почтительность (первоначально: „послушаніе“), слѣдовать за нимъ на войну, оказывать ему экономическую помощь въ случаѣ экстренныхъ затрудненій, къ которымъ относятся: надѣленіе приданымъ дочерей, государственныя munera, наконецъ выкупъ изъ плѣна (для древности важный случай: если припомнимъ, его трактуетъ законъ Гаммураби для владѣльцевъ леновъ, а въ Аѳинахъ сохранилась особая процедура для приведенія въ исполненіе требованій при подпискахъ—ἔρανοι—для выкупа изъ плѣна). Кліэнтъ, съ своей стороны, имѣетъ право за это требовать отъ господина 1) помощь при экономическихъ затрудненіяхъ и 2) защиту, въ особенности защиту отъ судебнаго преслѣдованія, которой онъ самъ для себя, пока „земское право“ („das Landrecht“) трактовало его какъ метэка, слѣдовательно, какъ чужака, не могъ доставить юридически, а позже довольно часто и фактически. Судебный искъ, все равно, какого рода, между патрономъ и кліэнтомъ, возникающій на почвѣ ленныхъ отношеній, но также и всякое уголовное преслѣдованіе (Pönalklage) еще и въ историческомъ правѣ также исключается существующимъ между ними отношеніемъ вѣрности (первоначально, конечно, всякій искъ); точно также никто изъ нихъ не могъ быть допущенъ въ качествѣ свидѣтеля одинъ противъ другого. Въ остальномъ ленный союзъ между господиномъ и кліэнтомъ выражается особенно рѣзко въ томъ, что наслѣдство кліэнта первоначально цѣликомъ достается господину или его роду (gens), что—что связано съ этимъ—родственницы кліэнта безъ согласія господина не могутъ выходить замужъ (enubere) за людей, не принадлежащихъ къ кругу ленниковъ рода (gens) господина.

Практическое значеніе кліэнтелы для господина (Herr) могло быть разнообразно: 1. кліэнтъ благодаря лежавшей на немъ повинности денежнаго вспомоществованія и эвентуально слѣдуемой съ него платы за разрѣшеніе на бракъ былъ источникомъ случайныхъ доходовъ. Эксплоатировать его дѣловымъ образомъ, въ качествѣ регулярнаго источника ренты позже считалось неприличнымъ; всегда ли такъ было, конечно, нельзя

съ увѣренностью сказать (къ тому же кліэнтела—см. сейчасъ же—впослѣдствіи измѣнила весь свой характеръ), обратное само по себѣ возможно; 2. столь же мало возможности (по той же причинѣ) рѣшить, являлся ли первоначально кліэнтъ обыкновенно и экономической рабочей силой на барскомъ дворѣ господина. Аналогія позднѣйшей кліэнтелы изъ вольноотпущенниковъ не можетъ быть привлечена здѣсь, ибо этому—экономически оплодотворенному—институту, повидимому, не доставало самаго важнаго въ древней кліэнтелѣ: такъ сильно цѣнившейся обязанности, лежавшей на патронѣ, обязанности вѣрности.

Съ этимъ вопросомъ связанъ дальнѣйшій вопросъ объ аграрномъ значеніи кліэнтелы. Съ величайшей вѣроятностью институтъ precarium'а признается нѣкоторыми возникшимъ изъ права кліэнтелы, лучше сказать: считается „земско-правовой“ стороной („landrechtliche“ Seite) земельной аренды по праву кліэнтелы (zu Klientelrecht). Владѣніе „по просьбѣ“, т.-е. владѣніе безъ всякаго контракта, которое признаетъ гражданскій судъ, при этомъ защита владѣнія прекариста противъ всякаго третьяго лица, тогда какъ его владѣльческія права для его господина являются какъ несуществующія, такъ что этотъ послѣдній во всякое, слѣдовательно, время въ порядкѣ самоуправства (по собственной волѣ) можетъ пустить ихъ на воздухъ,—это столь характерное рѣшеніе проблемы отношенія между леннымъ и земскимъ правомъ (какъ это мы видимъ и въ предоставленіи прекаристу собственной защиты владѣнія противъ третьяго лица, которой колону „земскаго права“ (dem „landrechtlichen“ colonus) впослѣдствіи—см. ниже—не достаетъ), что здѣсь едва ли можетъ быть сомнѣніе, даже если это и не было опредѣленно сообщено преданіемъ, что „patres“ (главы родовъ городской знати) получили свое названіе отъ того, что они обыкновенно надѣляли землей неимущихъ (tenuiores) (attribuere есть техническое „ленноправовое“ выраженіе).

Такъ именно это происходитъ въ легендѣ о Клавдіяхъ (историческое зерно которой остается невыясненнымъ). Въ Atta Clausus видятъ или волостного князя (Gaufürst), или, вѣроятнѣе, владѣтеля бурга (ein Burgherr) въ сабинской землѣ (его резиденцію, Regillum, нельзя топографически установить:

она была какъ разъ рыцарскимъ бургомъ, а не полисомъ), который на 6 году „post reges exactos" со своей свитой добровольно соглашается войти въ составъ римской общины („eingemeinden") (синойкизироваться). Когда онъ со своими кліэнтами (число которыхъ преувеличено до смѣшного; нужно только представить себѣ землю въ области Teverone!) переселяется въ Римъ, онъ получаетъ мѣсто для погребенія на Капитоліи и государственный земельный надѣлъ: изъ этого послѣдняго онъ будто бы оставляетъ себѣ 25 югеровъ и по 2 югера даетъ своимъ кліэнтамъ. Съ 2 югеровъ никогда еще и нигдѣ (натурально-хозяйственнымъ способомъ!) не существовала семья (даже только чисто физически): эта земля была бы достаточна какъ разъ для пропитанія одного человѣка. Такимъ образомъ, нужно было бы для того, чтобы какъ-нибудь справиться съ этимъ извѣстіемъ, принять, что рѣчь здѣсь шла объ усадьбахъ владѣльцевъ однихъ лишь дворовъ (Häuslerstellen), и что семья кліэнта при этомъ за содержаніе, получаемое ею на барскомъ дворѣ, отбывала барщину для обработки 25 югеровъ барской земли („Salland"), родового „fundus". Кто бы сталъ утверждать невозможность такого рода отношенія? И если вспомнить также о древнѣйшихъ источникахъ германскихъ барщинныхъ повинностей: добровольной, т.-е. только этически принудительной, сосѣдской помочи сеньеру въ періоды страды (жатвы и т. д.), то представится въ высочайшей степени вѣроятнымъ, что отъ кліэнтовъ ожидали работы на помочахъ („Aushilfsarbeit"). Конечно, доказать тутъ ничего нельзя, меньше всего, конечно, на основаніи этихъ болѣе позднихъ данныхъ о размѣрѣ и способѣ распредѣленія этого древнѣйшаго клавдіевскаго fundus. А мысль о „барскомъ хозяйствѣ" („Gutsbetriebs") съ регулярной работой кліэнтовъ сталкивается съ невѣроятностью преимущественно экономической эксплуатаціи кліэнта господиномъ. Въ качествѣ рабочихъ силъ землевладѣльцевъ рядомъ съ mancipia (купленными дѣтьми и рабами) засвидѣтельствованы „nexi", но эти, конечно, рѣзко должны быть отличаемы отъ clientes. Для послѣднихъ сама по себѣ болѣе вѣроятной была бы вообще постоянная экономическая повинность (ökonomische Leistung), затѣмъ податное отношеніе (Tributverhältniss). Указанія одного требующаго обязанности взаимной вѣрности между спартіатомъ и илотомъ „ликурговскаго" предписанія могутъ быть вычитаны изъ одного замѣчанія Плутарха; и аналогія другихъ эллинскихъ „крѣпостныхъ" („Hörigen"), напримѣръ, Fοικέες на Критѣ, съ кліэнтами, также, конечно, является подходящей[1]). Ибо спартанскій, какъ и критскій крѣпостной (Hörige) долженъ былъ давать традиціонно установленные оброки (илотъ $1/2$ жатвы) и рядомъ съ этимъ эвентуально нести чисто личныя службы; но онъ не былъ хозяйственно эксплоатируемой рабочей силой въ барскомъ хозяйствѣ (Gutsbetrieb). Аттическій πελάτης, съ которымъ въ древности также сравнивали кліэнта (и котораго, съ своей стороны, неправильно сравнивали съ ἑκτημόριος, см. выше), есть неимущій (besitzloser) и потому нуждающійся въ правовой защитѣ со стороны землевладѣльца „метэкъ" (въ древне-іудейскомъ смыслѣ слова). Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ у римскихъ кліэнтовъ въ существенно высшей мѣрѣ, чѣмъ у эллинскихъ крѣпостныхъ (Hörigen), подчеркнуты упомянутыя выше иныя, не прямо экономическія повинности въ оношеніи къ господину, и спеціально повинность отправляться съ нимъ въ походъ во время войны въ эпоху рыцарской борьбы въ гомеровскомъ стилѣ; при этомъ они занимаютъ мѣсто посрединѣ между дружинниками и илотами. Если въ каролингскомъ ополченіи senior выступаетъ во главѣ своихъ людей, а съ другой стороны, спартіатъ, вообще эллинскій тяжело вооруженный гоплитъ (Vollhoplit) во время похода нуждался въ илотѣ или въ рабѣ для услугъ, то это двѣ рѣзкія противоположности, между которыми der „Knappe" („отрокъ") средневѣкового рыцаря занимаетъ какъ бы середину. Къ этому „Knappe" („отроку") кліэнтъ древняго времени на войнѣ (если судить по довольно неопредѣленному впечатлѣнію, которое при этомъ получается), повидимому, стоитъ совсѣмъ близко, ближе, чѣмъ къ находящемуся съ господиномъ въ товарищескихъ отношеніяхъ гомеровскому „возницѣ". („Wagenlenker")Не только римскій, но совершенно такъ же этрусскій и сабинскій патрицій (первоначально) выступаетъ въ

[1]) Только постоянно слѣдуетъ помнить, что съ соціальной стороны римское государство съ древнѣйшихъ временъ имѣло совсѣмъ другую структуру, чѣмъ спартанское: знатный „gens" отсутствуетъ у создаваемыхъ лишь воспитаніемъ спартіатовъ.

походъ во главѣ своихъ кліэнтовъ, пока старое рыцарское единоборство со своими „spolia opima“ какъ высшей цѣлью героя господствовало на войнѣ; но родъ (gens) при случаѣ предпринимаетъ частную войну (файду) на собственный страхъ, какъ Фабіи противъ Veji, и тогда онъ выступаетъ со своими кліэнтами. Полная несамостоятельность кліэнта по сравненію съ вассалами имѣетъ свое основаніе въ томъ, что онъ вооружался господиномъ (какъ Knappe рыцаремъ). Это отношеніе продолжало существовать, по крайней мѣрѣ, у полководцевъ, до самой эпохи Гракховъ: Сципіонъ еще созываетъ своихъ кліэнтовъ, отправляясь въ походъ противъ Нуманціи (134) (въ эпоху гражданской войны подобную роль играли уже „coloni“).

Когда съ побѣдой „classis“, войска изъ гоплитовъ, военное значеніе кліэнтелы исчезло, и ея экономическая роль благодаря покупнымъ рабамъ и чисто договорной мелкой арендѣ сильно сократилась, свободная кліэнтела, которая, можетъ быть, съ давнихъ временъ существовала рядомъ съ этимъ „крѣпостничествомъ“ („Hörigkeit“), пріобрѣла политическое значеніе. Это не ленно-правовой, но заимствующій свои формы у древней кліэнтелы институтъ, который, несомнѣнно, обязанъ своимъ происхожденіемъ процессуальному заступничеству вліятельныхъ людей и поэтому никоимъ образомъ не былъ ограниченъ патриціями или вольноотпущенниками. Не только для того, чтобы сдѣлаться сотрапезникомъ состоятельнаго человѣка, но и ради вѣса, какой имѣло его заступничество въ судѣ и внѣ суда, во всякое время массами отдаются семьи въ это кліэнтское положеніе къ служилымъ знатнымъ родамъ (Amtsadelsgeschlechter) (будь они патриціанскіе или плебейскіе) и остаются въ немъ, такъ какъ это отношеніе переходило наслѣдственнымъ порядкомъ, даже когда они достигаютъ благосостоянія, пока курульная должность, которая являлась основаніемъ для расторженія кліэнтелы, устраняла это отношеніе, которое во 2 и въ 1 вѣкѣ вовсе не накладывало пятна на „кліэнтовъ“. Что этого дѣйствительно не было, это является также слѣдствіемъ того, что съ пріобрѣтеніемъ государствомъ положенія міровой державы иноземная знать, князья и дружественныя общины (Gemeinewesen) вступали къ римскимъ знатнымъ фамиліямъ въ отношеніе судебнаго покровительства, понимаемое какъ „кліэнтела“. Съ другой стороны, экономически преобразовавшаяся древняя кліэнтела продолжаетъ существовать въ положеніи, которое занимаетъ въ отношеніи къ своему патрону вольноотпущенникъ, какъ это яснѣе всего показываетъ сенатусконсультъ о Fecenia Hispala (разрѣшеніе: 1. одежды матронъ, 2. gentis enuptio, 3. connubium'a со свободнымъ безъ умаленія чести послѣдняго). Въ противоположность отношенію, проистекавшему изъ тогдашней свободной кліэнтелы, экономическую эксплуатацію котораго сословный обычай не допускалъ, это создаваемое кліэнтелой отношеніе служило этой послѣдней, какъ извѣстно, въ высокой мѣрѣ.

Всѣ различныя формы личной зависимости: свободная кліэнтела чужеземцевъ и своихъ, кліэнтела либертиновъ, наконецъ, рабство, образуютъ въ позднѣйшую эпоху республики базисъ для того положенія римской должностной знати (Amtsadel), котораго больше никогда во всей исторіи не занимала никакая знать: ни эллинская, благодаря болѣе малымъ размѣрамъ и бо́льшей зависимости отъ гражданства и отъ его благорасположенія (Лисандръ, Алкивіадъ), но и ни англійская въ 18 вѣкѣ (на которую она, такъ какъ черезъ посредство курульной должности „создавались пэры“, по своей структурѣ похожа). Ибо настолько вполнѣ лично окрашенное патронатное отношеніе отдѣльныхъ фамилій надъ цѣлыми государствами, какъ хотя бы добровольная кліэнтела Спарты и Пергама въ отношеніи къ gens Claudia или какъ принудительный патронатъ побѣдоносныхъ полководцевъ надъ покоренными городами и народами, какъ вполнѣ оффиціальное учрежденіе не было извѣстно англійскому праву и англійскимъ сословнымъ нравамъ. Римскій государственный строй благодаря этому всегда оставался полуфеодальнымъ образованіемъ, ибо эту основу могущества крупныхъ родовъ должностной знати не могли расшатать „демократическія“ рѣшенія комицій.

Картину политическаго значенія кліэнтелы для господствующаго положенія должностной знати въ эпоху крупныхъ классовыхъ столкновеній 2 и 1 вѣка традиція перенесла въ раннюю эпоху Рима и въ борьбу патриціевъ и плебеевъ и притомъ въ двухъ другъ друга исключающихъ формахъ: 1) такъ, что всѣ плебеи являются какъ кліэнты древней городской знати „кліэнтъ“ и „плебей“ первоначально одно и то же; 2) такъ, что,

наоборотъ, власть патриціевъ въ отношеніи къ плебеямъ покоится на голосахъ ихъ кліэнтовъ въ комиціяхъ. Изъ этихъ традицій, вѣроятно, ни одна не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но въ то время, какъ во второй могло быть хоть нѣкоторое зерно истины—никто только не знаетъ, къ какой эпохѣ оно относится, такъ какъ неизвѣстно, какъ и когда кліэнты могли войти въ голосующія группы гражданства—, первая ни въ какомъ случаѣ не можетъ оказаться согласной съ дѣйствительностью. Не говоря уже о всѣхъ другихъ, уже раньше затронутыхъ трудностяхъ, тѣ же кліэнты, которые въ 495 году будто бы слѣдуютъ за Аппіемъ Клавдіемъ изъ чужой области въ Римъ (и сажаются имъ на своемъ fundus, получивъ по 2 югера земли каждый), почти непосредственно послѣ этого совмѣстно съ другими въ подобномъ же положеніи находящимися кліэнтами, оказывается, вынудили созданіе революціонной должностной власти трибуновъ. Вѣдь, кліэнты, наслѣдство которыхъ подлежало Heimfallsrecht'у (выморочному праву патрона), должны же были владѣть имуществомъ, чтобы быть въ состояніи вооружить себя для „classis" войска гоплитовъ? Обо всемъ этомъ не можетъ быть рѣчи. Вѣроятно, часть плебейскихъ gentes позднѣйшей поры ведетъ свои параллельныя съ патриціанскими родами имена отъ существовавшихъ въ древности кліэнтскихъ отношеній съ ними. Но рѣшительно ничто не говоритъ за то, чтобы для всѣхъ многочисленныхъ плебейскихъ gentes римскаго происхожденія существовали патриціанскіе параллельные gentes съ тѣми же именами. Такъ какъ свободный отъ кліэнтелы plebs уже въ 5 столѣтіи постулируется событіями (какъ ихъ передаетъ традиція), то были сдѣланы отчаяннѣйшія усилія объяснить исчезновеніе кліэнтелы надъ частью plebs'a. Рядомъ съ „вымираніемъ" родовъ патроновъ спеціально царская кліэнтела должна была служить тому, чтобы заполнить пробѣлъ,—какъ будто находили возможнымъ допустить существованіе въ городѣ дѣйствительной „кліэнтелы" (военной свиты) изгнаннаго царя. Тѣмъ не менѣе и въ „царской кліэнтелѣ" древняго плебса можетъ быть зерно истины: плебсъ состоитъ частью несомнѣнно изъ δημιουργοί, и ихъ въ раннюю эпоху города царь, какъ таковой, могъ вѣдь поселить въ городѣ и, обложивъ повинностями, имѣвшими характеръ литургій, поставить подъ свою защиту.

И точно такъ же очень возможно, что царь въ борьбѣ со знатью могъ при случаѣ возбудить крестьянъ противъ нее какъ это дѣлалъ греческій „тиранъ", а также, что учрежденіе трибуната—родъ отрицательной тиранніи—было уступкой, которой городская знать, не слишкомъ долго спустя послѣ низверженія царской власти, путемъ компромисса купила у крестьянъ и мелкой буржуазіи продолженіе своего политическаго владычества и невозвращеніе „тиранна". Не разъ отмѣчали, что защита трибуна для политически безправнаго гражданина представляетъ собою родъ оффиціальнаго патроната, который имѣлъ значеніе суррогата защиты, которую родъ (gens) давалъ своимъ членамъ и кліэнтамъ: въ этомъ трибуны могли быть преемниками царей; но ихъ „патронатъ" былъ бы тогда чѣмъ то абсолютно другимъ, чѣмъ феодальное или вотчинное господство (eine feudale oder grundherrliche Beherrschung) надъ царскими „крѣпостными" (Hörigen).

Но все это остается по необходимости гипотетическимъ. Крѣпко держаться нужно лишь за слѣдующее: что плебсъ и кліэнтела, плебеитетъ и поземельная крѣпость (Grundhörigkeit), феодальное городское государство (Stadtstaat) и вотчинная власть (Grundherrlichkeit) совершенно не совпадаютъ. Въ сословной борьбѣ патриціи—поскольку вѣрна истинѣ традиція—въ общемъ имѣли въ кліэнтахъ опору противъ плебса. Крѣпкимъ землѣ (grundhörig) городской плебей (какъ разъ его существованіе особенно безспорно благодаря существованію древнѣйшихъ 4 трибъ, городскихъ) вообще не можетъ быть. Въ деревнѣ земельная крѣпость (Grundhörigkeit) кліэнтовъ возможна (но не доказана). Земельная крѣпость pagani, судя по всѣмъ позднѣйшимъ остаткамъ, совершенно невѣроятна и въ древнемъ войскѣ гоплитовъ (которое древнѣе, чѣмъ трибуны) невозможна (илотамъ соотвѣтствовали въ войскѣ кліэнты, plebs—періэкамъ). „Феодальнымъ" было соціальное расчлененіе стариннаго городского государства благодаря какъ существованію кліэнтовъ, такъ и исключенію plebs'a изъ управленія. Но „феодализмъ"—не то же самое, что „вотчинная власть" („Grundherrlichkeit"). Для патриціанскаго землевладѣнія, какъ это было и въ другихъ мѣстахъ, рабочими руками были, рядомъ съ нанятыми и въ качествѣ заклада полученными крестьянскими сыновьями

(„personae in mancipio"), попавшіе въ рабство должники, затѣмъ (все больше и больше) взятые въ плѣнъ на войнѣ и купленные рабы, въ раннюю эпоху, можетъ быть, выходившіе на помочи прекаристы-кліэнты.

Притягательная сила, которою обладалъ Римъ для синойкизирующихъ владѣтелей бурговъ (Burgherren), какимъ былъ Ап. Клавдій, въ раннюю эпоху едва ли заключалась въ желаніи получить долю въ его тогда обнимавшей сравнительно небольшую область полевой землѣ, и позднѣйшій блескъ рода Клавдіевъ (gens Claudia) покоился не на этомъ земельномъ надѣленіи. Но то и другое имѣло свою общую основу въ томъ, что Римъ былъ мѣстомъ посреднической торговли (ein Zwischenhandelsplatz), гдѣ можно было стать состоятельнымъ человѣкомъ съ помощью своихъ рабовъ, съ помощью ростовщическихъ ссудъ, посредствомъ участія въ торговлѣ и т. д. Впервые измѣнило это территоріальное расширеніе Рима путемъ присоединенія континентальныхъ областей (die kontinentale Expanzion), которое идетъ рука объ руку съ побѣдой плебса (см. ниже). Приведенныя выше данныя объ Atta Clausus могутъ служить лишь тому, чтобы сдѣлать яснымъ, насколько малыми представляли себѣ въ древности „помѣстья" („Grundherrschaften") стариннаго римскаго патриціата. И въ этомъ древняя традиція могла быть вѣрна истинѣ. Если 16 носившихъ родовыя имена tribus rusticae дѣйствительно возникли въ срединѣ 5 вѣка (см. ниже), въ такомъ случаѣ каждая изъ нихъ, если судить по передаваемому традиціей тогдашнему объему ager Romanus (50—60.000 гектаровъ), обнимала около 3200—3500 гектаровъ земли,—что было бы вполнѣ пріемлемымъ числомъ. Изъ всей исчисляемой, самое большее (см. ниже), въ 30.000 гектаровъ наличности способной давать урожай земли, приходившейся на ager Romanus, каждому изъ 300 сенаторскихъ родовъ древней традиціи досталось бы владѣніе въ нѣсколько болѣе 100 гектаровъ съ правами на пастбище, если бы они владѣли всей римской почвой. Намъ представляется это для нѣмецкаго востока какъ стоящій лишь на границѣ крупнаго владѣнія размѣръ. Но слѣдуетъ вспомнить земельные домены и земельные участки аттическихъ аристократовъ (пентаксіомедимнъ около 50 гект., наслѣдственная земля Алкивіада—30 гектар.).

Изъ этихъ цифръ, если для пробы ихъ положить въ основу, вовсе, такимъ образомъ, не слѣдуетъ, что городская знать должна была владѣть всею землею. Ибо ея доходы—какъ и доходы знати каждаго античнаго полиса — были частью специфически городского происхожденія (торговля), частью же покоились на владѣніи скотомъ, для котораго внутри старинныхъ pagi можно было располагать едва ли не половиной земли въ качествѣ compascua. Какъ вторичное, какъ слѣдствіе возраставшаго денежнаго могущества знати и здѣсь возникла тенденція къ скопленію земли и къ закабаленію за долги рядомъ со знатью находившихся въ pagi свободныхъ крестьянъ. Что въ существованіи этихъ закабаленныхъ за долги людей проглядывалъ элементъ тяжелой угрозы для внутренней безопасности, объ этомъ свидѣтельствуетъ постановленіе Двѣнадцати Таблицъ, по которому въ порядкѣ исполненія приговора о взысканіи (im Exetutionswege) приведенные для долгового ареста у кредитора должники по истеченіи срока уплаты долга должны были быть или убиты, или проданы за границу (trans Tiberim), тогда какъ эллинскій кредиторъ могъ и внутри страны удержать ихъ въ качествѣ рабовъ.

О томъ, чтобы древнія владѣнія патриціевъ (въ смыслѣ традиціи) были больше или только такихъ размѣровъ, какъ съ помощью рабовъ воздѣлывавшіяся помѣстья времени Катона (около 60 гектаровъ), не можетъ быть и рѣчи. Скорѣе мы можемъ въ качествѣ средняго размѣра признать поле, едва ли нѣсколько больше 30 гектаровъ. Съ 30 гектаровъ кампанской почвы, засѣянной полбой, въ случаѣ хорошей обработки, кладя въ основу приведенные Полибіемъ и съ его словъ Катономъ дневные раціоны для солдатъ и рабовъ (пшеницы, которая идетъ за полбу) и предполагая хорошую доходность, во всякомъ случаѣ, могли удовлетворить натурально-хозяйственнымъ способомъ свою потребность въ хлѣбѣ 60 взрослыхъ мужчинъ и около 20 (малыхъ) семействъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить пастбищныя права, обезпечивавшія молоко, сыръ, шерсть, и права на рубку лѣса для топлива, построекъ и подѣлокъ. Разсматриваемый, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія количественныхъ отношеній римскій „gens" въ смыслѣ традиціи долженъ былъ приблизительно такъ выгля-

дѣть,—какъ бы онъ ни былъ соціально расчлененъ, что касается отношенія свободныхъ къ кліэнтамъ или рабамъ. При круглымъ счетомъ 300 такихъ gentes приблизительно третья часть полевой земли приходилась бы на патриціанскія поля; на остальной могли бы найти себѣ мѣсто нѣсколько тысячъ, смотря по тому, что принято за среднее, 3—5000 семействъ мелкихъ крестьянъ.

Но эти цифры, если имѣть въ виду преобладаніе аграрныхъ основъ, были бы абсолютными максимальными цифрами, далеко позади которыхъ, навѣрное, оставалось бы въ эпоху, когда Римъ былъ ограниченъ своимъ „ager", питавшееся продуктами собственнаго производства гражданство. Тогда мы, можетъ быть, могли бы произвести лишь такой расчетъ: 2000 плебейскихъ крестьянскихъ семействъ изъ 6—8 человѣкъ каждое, изъ которыхъ половина (во всякомъ случаѣ) способныхъ быть гоплитами („зевгитовъ"—по аттической терминологіи), и нѣсколько болѣе 100 патриціанскихъ родовыхъ союзовъ (partizische gentile Kommunionen) въ среднемъ, можетъ быть, изъ 30 человѣкъ каждый, различавшихся между собою, конечно, и въ смыслѣ размѣровъ земельнаго владѣнія, и въ смыслѣ числа входившихъ въ каждый изъ нихъ людей, которые съ своей стороны могли имѣть кліэнтелу каждый, можетъ быть, изъ 8 человѣкъ, а вмѣстѣ 800 семействъ въ 4—5 человѣкъ,—вспомнимъ, что и аттическій самый высшій цензъ „500 шеффелей" лишь въ 8—9 разъ превышалъ предѣльную потребность одной семьи,—итого въ среднемъ 22000 питавшихся продуктами собственнаго сельско-хозяйственнаго производства—едва ли больше; тогда мы инымъ путемъ подошли бы къ опредѣленію размѣра земледѣльческой эксплуатаціи (Ackernutzung) ager Romanus, который, навѣрное, не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности (хотя пропорція, конечно, выше, чѣмъ въ Аттикѣ съ ея горными цѣпями, тѣмъ не менѣе полевая площадь не могла быть тогда больше приблизительно 15000—18000 гектар. изъ всей совокупности 50—60000, такъ что ежегодно обрабатываемая для хлѣба площадь при наличности травосѣянія составляла бы около 15%, остальное—сады, пастбище, лѣсъ для дровъ). Такъ какъ Римъ никогда съ того времени, какъ онъ вообще былъ полисомъ, не былъ вынужденъ и не

былъ въ состояніи жить продуктами собственнаго земледѣлія, то число людей, которыхъ онъ могъ прокормить—сельскую территорію и городъ—, кладя въ основу размѣры ager Romanus, даже для періода застоя передъ началомъ завоеваній, мы можемъ гораздо больше, чѣмъ удвоить, и тогда возможность производства на сбытъ естественно должна поднять и возможное число мелкихъ крестьянскихъ участковъ (Kleinbauerstellen). Само собою разумѣется, все это чисто гипотетическія числа, которыя только тогда имѣютъ какой бы то ни было смыслъ, когда вообще дѣлаютъ попытку конструкціи условій на почвѣ традиціи, слѣдовательно, ихъ перевода въ цифры. Съ какими оговорками сдѣлана эта попытка, было сказано выше: здѣсь прямо все ненадежно [1]).

Plebs состоитъ сначала не только изъ мелкихъ крестьянъ. Онъ, безъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, пока онъ существовалъ какъ „проблема", мѣрилъ на тогдашнюю мѣрку: зажиточныхъ (begüterte), и зажиточныхъ въ городѣ и въ деревнѣ, людей онъ причислялъ къ своимъ, и какъ разъ они были поставлены его вождями. Plebs есть какъ разъ отстраненное отъ должностей, отъ жречества, отъ суда, отъ военнаго командованія, не принадлежащее къ замкнутому гентильному союзу гражданство: крестьяне, ремесленники, торговцы, разбогатѣвшіе и оставшіеся бѣдными. „Сословная борьба" есть борьба соціальная, поскольку она вращается вокругъ долгового права (чѣмъ, согласно традиціи, въ Римѣ она была скорѣе меньше, чѣмъ въ Элладѣ). Въ остальномъ она—борьба политическая. Плебеи первоначально совсѣмъ не знали родовой организаціи (gens), потому что эта послѣдняя здѣсь, какъ и въ Элладѣ, есть продуктъ искуственнаго сохраненія домовой общины (Hauskommunion). И собственно причинное отношеніе здѣсь, конечно, такое же, какъ и вездѣ: не потому, что они были плебеями, не имѣли они родовой организаціи (Sippe), но потому, что въ древнѣйшую пору не поднялись въ кругъ зажиточныхъ большихъ родовъ, они стали „плебеями". Позднѣйшая эпоха сословнаго уравненія открыла имъ полный до-

1) Уже потому, что гипотетично, въ какомъ смыслѣ „древній" ager Romanus когда-либо былъ тожественъ съ непосредственно зависѣвшей (direkt beherrschten) отъ города сельской областью.

ступъ къ образованію родовыхъ организацій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ куріямъ (curiae), къ патронату и къ другимъ гентильнымъ учрежденіямъ. Древнія противоположности—покоившееся на ленномъ правѣ гентильное наслѣдственное право патриціанской домовой общины (Hauskommunion) въ противоположность семейному наслѣдственному праву плебеевъ (патриций наслѣдовалъ „gente", плебей „stirpe")—выступили еще позже въ процессѣ между патриціанскими и плебейскими Клавдіями (о наслѣдствѣ одного вольноотпущенника).

Въ болѣе раннюю эпоху—согласно преданію, въ эпоху царей—должно было послѣдовать включеніе въ составъ патриціевъ разбогатѣвшей новой знати, такъ называемыхъ „gentes minores", которая признавалась теперь патриціанской. Цѣлью его было, навѣрное, удвоеніе патриціанскаго войска (gentes minores выставляютъ „centuriae posteriores"). И сила феодальной структуры государства была такъ велика, что здѣсь—въ противоположность аттическимъ ὀργεῶνες не принадлежавшихъ къ знати членовъ фратрій, для которыхъ характернымъ является отсутствіе родового эпонима—въ Римѣ, какъ извѣстно, каждый свободный гражданинъ долженъ имѣть свое гентильное (родовое) имя и въ силу этого (damit) (позже) принадлежитъ къ куріи. Напротивъ, политическое пріобщеніе массы плебса къ праву полнаго гражданства совершилось на почвѣ другого дѣленія, чѣмъ дѣленіе на куріи. Оно само есть также и здѣсь слѣдствіе военнаго развитія, возможность котораго въ значительной части (какъ и въ Элладѣ), конечно, также связана съ экономическими предпосылками.

Ранній подъемъ благосостоянія города вслѣдствіе монополизированной, благодаря торговому договору съ Карѳагеномъ, торговли выступаетъ наружу въ совершенно необычно большой для города съ такимъ малымъ собственнымъ сельскимъ округомъ „сервіевой" стѣнѣ. Конечно, эта стѣна ведетъ свое начало отъ 4 столѣтія, но и болѣе древняя, не включавшая бурга и Авентина стѣна охватываетъ очень значительную городскую территорію. „Сервіева" стѣна вполнѣ охватываетъ площадь величиною съ Аѳины, а каково было въ началѣ 4 столѣтія—въ которомъ Римъ иногда прямо называется „эллинскимъ городомъ"—коммерческое значеніе города, это показываетъ знакомство эллинскаго міра съ галльскимъ пожаромъ и, еще яснѣе, участіе эллинскихъ городовъ (Massilia) въ сборѣ для уплаты выкупа галламъ. Его открытое положеніе и натискъ горныхъ племенъ (Вольсковъ, Самнитовъ) дѣлало необходимымъ созданіе дисциплинированнаго пѣшаго строя и, такимъ образомъ, опредѣлило рѣшающую роль на войнѣ тяжеловооруженной фаланги (Hoplitenphalanx).

Нигдѣ такъ рѣзко, какъ въ Римѣ, не было проведено въ жизнь это новшество: колоссальныя полномочія римской магистратуры, которымъ по праву удивлялись эллины какъ специфической особенности Рима, въ послѣднемъ счетѣ покоятся на военной дисциплинѣ. Легенда знаетъ разсказъ о томъ, какъ успѣшный рыцарскій поединокъ внѣ строя, являясь теперь противнымъ дисциплинѣ и потому грозящимъ смертью, стоитъ жизни сыну побѣдоноснаго консула. Умаленіе древняго военнаго значенія кліэнтелы стоитъ въ связи съ исчезновеніемъ древняго рыцарскаго единоборства. Войско становится „classis" (фалангой). Использованіе экономически обусловленной способности всѣхъ гражданъ къ вооруженной защитѣ стало требованіемъ самосохраненія. Какъ въ драконовскомъ устройствѣ, граждане дѣлились на группы сообразно съ тѣмъ, принадлежатъ ли они къ „classis", или, будучи экономически неспособны къ несенію военной повинности, стоятъ „infra classem". (Когда именно намъ сообщенное преданіемъ дѣленіе на классы всего населенія по аѳинскому образцу было положено въ основу порядка подачи голосовъ, и было ли оно положено въ основу градаціи правъ на самоэкипировку, остается неяснымъ: величинъ земельнаго владѣнія въ этомъ, во всякомъ случаѣ не восходящемъ выше 3 столѣтія дѣленіи на центуріи видѣть нельзя,—дальше объ этомъ ниже). „Classis" полныхъ гоплитовъ сдѣлалъ тогда необходимымъ рѣшительное допущеніе содѣйствія войска гражданъ при выборѣ „начальниковъ" (praetores) обоихъ легіоновъ, на которые войско первоначально (?) расчленялось, и опросы войска гоплитовъ при измѣненіяхъ дѣйствующаго права. То, что при этомъ „comitia" войска, расчлененныя на свои военныя дѣленія (centuriae)—„по капральствамъ" („Korporalweise"),—„выступали" по командѣ („discedite") и становились, а главное, что они должны были молчать и съ помощью да или нѣтъ en bloc прини-

мать или отклонять предложенія руководившихъ собраніемъ самыхъ высшихъ офицеровъ, строго отличаетъ ихъ отъ экклесіи эллиновъ. Этотъ первый шагъ обозначалъ прежде всего лишь извѣстное участіе состоятельныхъ, фактически навѣрное въ большинствѣ во всякомъ случаѣ имѣвшихъ городскую осѣдлость плебейскихъ семействъ въ государственныхъ дѣлахъ.

Политическій подъемъ крестьянъ послѣдовалъ затѣмъ въ теченіе сильнаго военнаго расширенія (Expansion) государства внутрь страны отъ половины 5 до начала 3 столѣтія и былъ, какъ и вездѣ, какъ слѣдствіемъ, такъ и условіемъ его. Въ концѣ концовъ плебсъ достигъ въ 287 году, послѣ сецессіи на Яникулъ, того, что его рѣшенія въ качествѣ законовъ имѣли такую же обязательную силу для государства, какъ и рѣшенія центуріатнаго собранія: „крестьянское войско“, которое вело самнитскія войны, пріобрѣло формальное господство въ государствѣ и полное право занимать должности для своихъ сочленовъ. Этапы въ этой борьбѣ здѣсь не интересны для насъ, но лишь ея въ аграрно-историческомъ отношеніи важныя стороны. Поднимавшееся и въ заключеніе ставшее господствующимъ значеніе плебейскихъ трибуткомицій является политически рѣшающимъ. Какъ разъ въ соціально-историческомъ отношеніи важнѣйшими законами являются плебисциты, возникавшіе по иниціативѣ трибуновъ. (Позже въ своихъ подробностяхъ и до сихъ поръ, даже Моммзеномъ, не разгаданная реформа сдѣлала дѣленіе народа на трибы также и основой патриціанско-плебейскихъ группъ, подававшихъ голоса по центуріямъ, такъ что съ тѣхъ поръ оба рода комицій отличались другъ отъ друга лишь участіемъ патриціевъ въ голосованіи въ центуріяхъ и исключительнымъ правомъ трибуновъ на „agere cum plebe“ въ плебейскихъ комиціяхъ по трибамъ. Цифровое значеніе патриціевъ было не только относительно незначительнымъ, но, повидимому, и абсолютно падало: число старогородскихъ знатныхъ родовъ въ концѣ республики сократилось до менѣе, чѣмъ 20 (раздѣлявшихся на много „stirpes“), въ противоположность приблизительно втрое болѣе высокимъ цифрамъ, которыя даютъ уже одни имена въ должностныхъ спискахъ и анналахъ (о томъ же можно судить и по болѣе высокимъ цифрамъ и исторически извѣстныхъ аттическихъ родовыхъ именъ).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ участіе въ трибуткомиціяхъ покоится на „трибахъ“ (tribus). Эти послѣднія, вполнѣ соотвѣтствуя принципамъ крестьянскихъ демократій, являются мѣстными округами, прежде всего землевладѣльческими округами. Древнѣйшія 4 „городскія“ трибы охватывали владѣніе внутри (древней) стѣны, ближе всѣхъ примыкавшія къ нимъ 16 сельскихъ трибъ обнимали земельное владѣніе въ древнюю пору вошедшихъ въ составъ римской общины округовъ, которые прямо назывались по именамъ тѣхъ древнихъ владѣвшихъ бургами родовъ, которые нѣкогда въ нихъ пребывали. (Что они вовсе не были „гентильнаго“ происхожденія, т.-е. возникли посредствомъ разложенія всѣхъ помѣстныхъ организацій (Grundherrschaften), это слѣдуетъ не только изъ того, что вѣдь тогда лишь 5% всего воображаемаго числа gentes могли быть „землевладѣльцами“ (Grundherren), и нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ патриціанскихъ родовыхъ именъ не оказываются налицо, но также, напримѣръ, изъ того, что патриціанскіе Клавдіи позже вовсе не принадлежали къ „своей“, т.-е. названной ихъ именемъ трибѣ. Возможно, что деревни, лежавшія возлѣ родовыхъ бурговъ синойкизировавшихся родовъ (gentes) и носившія ихъ имена, передали ихъ трибамъ). Всякое дальнѣйшее расширеніе римской частной собственности (см. скоро) несло съ собою прежде всего новыя трибы (до 35 всего), потомъ, расширеніе старыхъ: вѣдь каждый участокъ частной собственности долженъ былъ принадлежать къ какой нибудь трибѣ.

Первоначально граждане, на основаніи своего земельнаго владѣнія обязанные нести военную повинность и имѣвшіе право голоса, называются въ законахъ Двѣнадцати Таблицъ adsidui (что впослѣдствіи употреблялось просто какъ однозначащее съ locuples), не имѣвшіе земельной осѣдлости (die nicht grundsässigen)—proletarii (т. е., конечно, не въ смыслѣ производителей дѣтей, а въ смыслѣ къ proles—именно къ proles полноправнаго гражданина—принадлежащихъ и только въ качествѣ „proles“—этого предка—принадлежащихъ къ гражданству; ср. въ нѣсколько болѣе отчетливой связи мыслей іудейское обозначеніе не принадлежащаго къ имѣвшимъ земельную осѣдлость знатнымъ родамъ городского населенія какъ „сыновей презрѣнной жены“, т.-е. не признаваемой законной женою наложницы полноправнаго гражданина).

Послѣ проведенія организаціи по трибамъ обязаннымъ нести военную повинность „tribules" противопоставляются другіе, вмѣсто военной службы платящіе деньги, принадлежащіе къ владѣющему классу не землевладѣльцы, „aerarii". Эти двѣ категоріи противоположностей не вполнѣ покрываютъ другъ друга. „Proletarius" есть гражданинъ, который въ данный моментъ не обладаетъ цензомъ гоплита, напримѣръ, въ частности, земельнымъ владѣніемъ, но во всякое время можетъ пріобрѣсти таковой. „Aerarius" есть гражданинъ, который, какой бы ни былъ его цензъ, политически не трактуется какъ гоплитъ,—въ частности (но не только) потому, что онъ принадлежитъ къ не имѣющимъ права на владѣніе землей классамъ населенія (напр., по праву эпохи городского государства, конечно, къ классу вольноотпущенниковъ). Ибо первоначальнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, является то, что, такъ какъ только граждане—но какъ assidui, такъ и proletarii—могутъ пріобрѣтать земельное владѣніе, то только землевладѣльцы могли быть трибулами (tribules) (какъ было первоначально вездѣ въ средневѣковыхъ городахъ). Изъ этого не слѣдовало непремѣнно (какъ и я раньше иногда склоненъ былъ думать), что для принадлежности къ classis, слѣдовательно,—первоначально—къ полноправному гражданству рѣшающимъ было одно только владѣніе землею и его размѣръ, съ тѣхъ поръ какъ существовало тяжеловооруженное войско [1]). Древнѣйшій цензъ, это совершенно очевидно, беретъ своею точкой отправленія какъ разъ не земельное владѣніе (см. ниже). Какъ и въ эллинскихъ торговыхъ городахъ, и здѣсь развитіе уже вслѣдствіе необходимости полнаго использованія военной силы съ необходимостью приводитъ къ привлеченію къ военной службѣ (которая въ Аѳинахъ въ случаѣ нужды требовалась даже съ метэковъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ полноправному гражданству увеличивавшихся въ числѣ и богатѣвшихъ, но не имѣвшихъ земельной осѣдлости людей (Nichtansässigen): жилъ ли со-

[1]) И въ древнѣйшихъ средневѣковыхъ городахъ владѣніе землей вѣдь является въ большинствѣ случаевъ непремѣннымъ условіемъ полнаго права гражданства, но для гражданскихъ повинностей (съ которыми въ древности были тѣсно связаны права) размѣръ земельнаго владѣнія одинъ не принимался во вниманіе. Въ торговомъ городѣ, какимъ былъ Римъ, едва ли это было иначе.

стоятельный купецъ въ наемной квартирѣ, или же имѣлъ земельное владѣніе, нерѣдко это, конечно, являлось чѣмъ-то случайнымъ и не могло долго оставаться критеріемъ военной повинности. Но тѣмъ, какъ осуществлено было привлеченіе не владѣвшихъ землею людей, и характеромъ мѣстнаго расчлененія гражданства вообще римское государство рѣшительно отклоняется отъ клисѳеновскаго (которое всегда привлекается для сравненія), и различіе въ конечномъ счетѣ покоится на основныхъ условіяхъ строенія римскаго государства вообще.

Клисѳеновское дѣленіе на демы наслѣдственно связываетъ индивида съ его демомъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, имѣетъ ли онъ земельное владѣніе, или занимается какой либо профессіей; въ немъ онъ привлекается къ государственнымъ повинностямъ; въ немъ ему выпадаетъ жребій занимать должность. Этого въ Римѣ въ эпоху позднѣйшихъ трибъ не было. Сципіонъ жаловался, по словамъ Геллія, что уже сынъ голосовалъ нерѣдко въ другой трибѣ, чѣмъ отецъ, т. е. отчуждалъ отцовское владѣніе (такъ вѣдь это мѣсто у Геллія слѣдуетъ толковать). Рѣшало это мѣстоположеніе „fundus", земельнаго владѣнія, и, поскольку это касалось неземлевладѣльцевъ города Рима, мѣсто жительства въ городскомъ кварталѣ, а поскольку другихъ, сельскихъ неземлевладѣльцевъ, благоусмотрѣніе цензора. Первоначальное положеніе, какъ его (будто бы) создалъ Сервій для своихъ четырехъ городскихъ трибъ—которыя, конечно, занимали не пространство, окруженное такъ называемой „Сервіевой стѣной", но болѣе узкій, въ частности, не включавшій древняго бурга и Авентина старый городъ—было иное: отдѣльный гражданинъ тамъ подвергался цензу и тамъ имѣлъ свое „политическое мѣстопребываніе" (politisches Domizil), гдѣ нѣкогда стоялъ его домъ. Но онъ не могъ разъ установленнаго мѣстопребыванія перемѣнить („μεταλαμβάνειν τὴν οἴκησιν"), т.-е. не то, что онъ былъ ограниченъ въ своей свободѣ передвиженія (Freizügigkeit), но онъ юридически являлся разъ навсегда для государства принадлежащимъ къ этой трибѣ, какимъ, напримѣръ, оставался демотъ дема Кидатенэ или Пэаніи, гдѣ бы онъ въ каждый данный моментъ ни проживалъ. Такъ что тогда цензировали городскихъ плебеевъ „ὥσπερ κωμήτας", какъ правильно характеризуетъ это и точно выражаетъ Діонисій. Повидимому, изъ этого выраженія

вытекаетъ, что жившее въ „pagi“ сельское населенiе трак-
товалось тогда подобнымъ же образомъ, такъ что первыя че-
тыре трибы означали, слѣдовательно, перенесенiе принципа
дема съ деревни на городъ—какъ это было и при Клисѳенѣ.

Но этотъ (возможный!) порядокъ не былъ созданъ въ эпоху
территорiальнаго расширенiя. Ибо для сельскихъ трибъ
ничего подобнаго не сообщается. Возможно, во всякомъ слу-
чаѣ, хотя, конечно, доказать этого совершенно нельзя, что
совершенно для насъ погребенное „римское средневѣковье“—
т.-е. государство компромисса между городской знатью и вой-
скомъ гоплитовъ—такъ же, какъ и греческое, знало ограниченiя
отчужденiя въ интересѣ удержанiя опредѣленнаго количества
надѣловъ (Hufen): понятiе „fundus“ вѣдь заключаетъ въ себѣ
мысль о „правѣ товарищей“ („Genossenrecht“) (fundus fieri въ
языкѣ италiйскаго союзнаго права=сдѣлаться товарищемъ по
праву (Rechtsgenosse). Древнiй искъ о собственности съ конт-
равиндикацiями, соотвѣтствующiй эллинской дiадикасiи, также
лучше всего подходитъ къ такому построенiю. Въ такомъ слу-
чаѣ fundus соотвѣтствовалъ бы болѣе древнему понятiю эллин-
скаго κλῆρος. Кадастръ до позднихъ временъ знаетъ „fundi“
въ качествѣ единицъ обложенiя съ наименованiемъ ихъ по
именамъ ихъ первоначальныхъ владѣльцевъ, даже если нѣ-
сколько „fundi“ вошло въ составъ одного владѣнiя. Такiя ог-
раниченiя отчужденiя, если они существовали, не были бы
тогда, однако, чѣмъ либо въ родѣ остатка древняго ген-
тильнаго права и древняго гентильнаго землевладѣнiя
(Grundherrschaft) городской знати, но, наоборотъ, какъ разъ,
какъ въ Элладѣ, охраной надѣла воина (Kriegerhufe) какъ та-
кового отъ покупки со стороны ἀστοί, какъ выражались элли-
ны (см. выше): возведенiе трибъ, съ которыми связывается по-
стоянное юридическое мѣстожительство, къ сервiевой консти-
туцiи достаточно доказывало бы это. Какъ бы то ни было, во
всякомъ случаѣ позже о такихъ ограниченiяхъ нѣтъ рѣчи:
гражданинъ мѣняетъ трибу добровольно, если онъ мѣняетъ
свое земельное владѣнiе или (при отсутствiи такового) свое
мѣстопребыванiе въ городскомъ кварталѣ, или недобровольно,
если цензоръ считаетъ нужнымъ или совсѣмъ вычеркнуть гра-
жданина изъ числа tribules, слѣдовательно, удалить изъ войска
и включить въ составъ aerarii за проступки противъ политиче-

ской или нравственной благопристойности, или когда онъ по
своему усмотрѣнiю указывалъ трибу старому гражданину,
имѣвшему земельное владѣнiе въ нѣсколькихъ трибахъ, или
новому гражданину (вольноотпущеннику, напримѣръ). Какъ это
указыванiе должно было происходить, это было иногда пред-
метомъ горячей партiйной борьбы—если даже подробности,
сообщенныя традицiей, и легендарны—,потому что отъ этого
зависѣлъ вѣсъ въ комицiяхъ людей, не имѣвшихъ сельской
земельной собственности и сельской осѣдлости, которые, въ
большинствѣ являясь дѣловыми людьми, конечно, чаще пре-
бывавшими въ Римѣ, свое юридическое мѣстопребыванiе
имѣли, однако, въ мѣстахъ за предѣлами Рима. Клисѳеновскiй
принципъ ἴδια (согласно позднѣйшему словоупотребленiю) обу-
словливалъ—навѣрное, вопреки намѣренiю своего творца—го-
сподство въ народномъ собранiи фактически присутство-
вавшаго въ городѣ и въ экклесiи ὄχλος и создавалъ такимъ
образомъ почву для господства „демагоговъ“, напримѣръ, Пе-
рикла. Совершенно того же хотѣлъ, согласно традицiи, дости-
гнуть цензоръ Аппiй Клавдiй посредствомъ приписки людей,
не имѣвшихъ земельной осѣдлости, во всѣ трибы, и даже
болѣе позднее время въ вопросѣ трактованiя вольноотпу-
щенныхъ еще должно было рѣшать подобные спорные пун-
кты. И чрезвычайно характерно проблема надѣленiя правами
неполнаго гражданства всѣхъ трибъ, впервые для Рима (какъ
вездѣ въ древности) была выдвинута съ возникновенiемъ во-
проса о флотѣ, при Ап. Клавдiи для proletarii, capite censi и
manumissi, а для остальныхъ позднѣе.

Что у Рима къ началу Пуннических войнъ совсѣмъ не
было флота, это, можетъ быть, обусловлено также внут-
ренней политикой. При Ап. Клавдiи развитiе въ направленiи
къ „демократическому“ полису терпитъ (согласно традицiи) кру-
шенiе отъ противодѣйствiя какъ со стороны сената, такъ и со
стороны до тѣхъ поръ находившихся въ привилегированномъ
положенiи, обладавшихъ земельной осѣдлостью трибуловъ
(grundsässigen Tribulen). Протестъ имѣвшаго свой центръ тя-
жести какъ разъ въ сельскомъ земельномъ владѣнiи тяже-
ловооруженнаго войска (Hoplitenheer)—родовыхъ союзовъ и
обладавшаго земельной осѣдлостью крестьянства, находившихся
въ союзѣ между собою—вынудилъ постоянное ограниченiе

людей, не имѣвшихъ земельной осѣдлости (Nichtansässigen), 4 городскими трибами, т.-е. обезпечилъ ихъ безсиліе въ комиціяхъ и дальнѣйшее существованіе „полиса гоплитовъ" (Hoplitenpolis). Формально это означало то же, чего хотѣла (но какъ разъ не могла) достигнуть клисѳеновская конституція: господство крестьянъ надъ комиціями. Фактически это означало дальнѣйшее господство имѣвшихъ городскую осѣдлость сельскихъ землевладѣльцевъ — рантье (Landrentner), тѣхъ, которымъ размѣры ихъ владѣнія давали возможность присутствовать въ Римѣ во время голосованій, и прежде всего сенаторскихъ родовъ [1]). Ибо „sevocare populum", подача голосовъ въ военномъ лагерѣ за предѣлами города, послѣ того, какъ однажды она имѣла мѣсто, была запрещена закономъ. Такимъ образомъ, кто изъ сельскихъ трибуловъ не владѣлъ „villa urbana", и чѣмъ нескладнѣе была раскинута по территоріи Италіи его триба, тотъ не имѣлъ никакого вліянія въ комиціяхъ, и только, когда поднимались великіе вопросы (движеніе Гракховъ), мы слышимъ еще потомъ о массовомъ наплывѣ въ Римъ сельскаго средняго сословія для голосованія.

Справедливо Эд. Мейеръ, характеризуя крестьянскій характеръ древняго плебса, указываетъ на то, что одновременно съ Гортезіевымъ закономъ объ обязательной силѣ рѣшеній по трибамъ прошло и постановленіе, что и въ рыночные дни (когда крестьяне были въ городѣ) должно быть отправляемо правосудіе; это соотвѣтствуетъ аттическимъ *δικασταὶ κατὰ κώμας* (см. выше) по своей цѣли (но не по средству). Но для комицій это имѣло тотъ политическій эффектъ, что прямое политическое вліяніе исключительно городского населенія — какъ ремесленниковъ, такъ и чистыхъ владѣльцевъ денегъ — было урѣзано. Но и безъ того комиціи первой поры большого территоріальнаго расширенія Рима въ нормальное время были въ рукахъ у земельныхъ рантье (Grundrentner), которые только принуждены были принимать во вниманіе возможность того, что крестьяне когда нибудь и фактически осуществятъ свою правовую силу. Такъ какъ сена-

[1]) Кромѣ того, нобилитетъ, повидимому, насколько возможно избѣгая расширять многія древнія сельскія трибы (Arnensis, Tabia, Horatia, Lemonia, Menenia, Pupinia, Romulia, Voltinia) создалъ себѣ нѣчто въ родѣ „rotten boroughs" (гнилыхъ мѣстечекъ).

торамъ было запрещено участіе въ торговлѣ (см. ниже), то этотъ характеръ пытались сохранить и за правящимъ совѣтомъ.

Въ то время, какъ (первый) торговый договоръ съ Карѳагеномъ (въ случаѣ, если онъ относится къ приписываемой ему эпохѣ) показываетъ, что въ Римѣ къ исходу царскаго періода—какъ и во всѣхъ полисахъ ранней древности—господствовали коммерческіе интересы, въ то время, какъ экономическое преобладаніе древней городской знати, несомнѣнно, здѣсь, какъ и у этруссковъ, въ очень существенной мѣрѣ было создано торговлей и сдѣланнымъ ею возможнымъ имущественнымъ накопленіемъ, съ постепеннымъ усиленіемъ крестьянскаго войска расширеніе политическаго господства внутрь страны (binnenländische Expansion), интересъ къ пріобрѣтенію земли, становится движущимъ элементомъ. И это настолько сильно, что къ началу первой Пуннической войны (какъ уже было упомянуто) государство вообще—какъ ни преувеличено могло быть кое-что легендой—не имѣло дѣеспособнаго военнаго флота, что, съ другой стороны, напротивъ, въ немъ была развита въ такой мѣрѣ колонизаціонная дѣятельность, въ какой не проявило ее никакое другое государство въ исторіи, въ особенности городское государство, первоначально такого малагообъема. Это въ первой линіи стоитъ въ связи съ географическимъ положеніемъ Рима—съ его сильнымъ Hinterland'омъ—въ противоположность эллинскимъ городамъ,—затѣмъ съ необходимостью давать отпоръ бурному напору сабельскихъ горныхъ народовъ. Это находитъ свое выраженіе какъ въ очерченныхъ выше соціальныхъ и политическихъ явленіяхъ, такъ и въ юридическо-экономической структурѣ землевладѣльческаго права (Bodenbesitzrecht), какъ она развилась въ теченіе названной выше эпохи территоріальнаго расширенія полиса гоплитовъ, у входа въ которую и здѣсь стоитъ трудъ (das Werk)—выражаясь по-гречески—коллегіи „айсимнетовъ" изъ 10 человѣкъ.

Эту законодательную работу можно, конечно, представлять себѣ только какъ этапъ на пути преобразованія соціальнаго строя, а не какъ единственное его измѣненіе. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь, какъ и вездѣ, созданіе писаннаго, твердаго, поддающагося раціональному истолкованію права вмѣсто прикрѣпленности къ традиціи и къ ея жреческо-аристократиче-

скому толкованію, далѣе, строгія предписанія для ускоренія судебной процедуры были вѣдь особенно существенны. Относящіяся къ матеріальному праву постановленія законовъ, поскольку они переданы традиціей и имѣютъ соціально-историческую важность, вовсе не представляютъ собою замкнутаго единства, но являются, какъ это такъ часто бываетъ, компромиссомъ. Что civis proletarius можетъ свободно выбирать себѣ поручителя въ процессѣ, даже за предѣлами числа adsidui [1]), что предается проклятію патронъ, который нарушаетъ вѣрность въ отношеніи къ своему кліэнту, что сынъ (Haussohn) послѣ тройной продажи своимъ отцомъ становится свободнымъ, что бракъ безъ manus (соотвѣтствующій египетскому ἄγραφος γάμος) прямо былъ признанъ, это означало смягченіе безпощаднаго права господствовавшей аристократіи (Herrenrecht). Съ другой стороны, Цицеронъ (впрочемъ, цитируя при этомъ несомнѣнно легендарное преданіе о децемвирахъ второго года) приписываетъ Двѣнадцати Таблицамъ введеніе запрещенія connubium'а съ плебсомъ. И во всякомъ случаѣ древнее долговое право осталось во всей своей жестокости, скорѣе даже стало болѣе жестокимъ благодаря запрещенію, очевидно, вызванному—какъ было упомянуто выше—политическими соображеніями, въ интересѣ избѣжанія возстанія закабаленныхъ за долги людей, держать должника въ качествѣ раба внутри страны. Закабаленіе за долги приняло, очевидно, вслѣдствіе этого въ Римѣ форму „nexum", т.-е. контракта, посредствомъ котораго должникъ во избѣжаніе личной экзекуціи (Personalexekution) (какъ доказываетъ Mitteis) отдаетъ себя въ качествѣ „nexus" во власть кредитора и работаетъ на него (für ihn frondet). Сама личная экзекуція (взысканіе, направленное на личность должника) была впервые устранена особымъ закономъ для должниковъ, которые подъ клятвой показывали, что владѣютъ достаточнымъ имуществомъ, слѣдовательно, только для принадлежащихъ къ владѣющимъ классамъ. Это, равно какъ и многочисленные законы о процентахъ, являлись тріумфами

[1]) Вмѣстѣ съ этимъ отпадаетъ (по Солоновскому образцу) для не могшаго быть гоплитомъ гражданина часто навѣрное бывшее налицо основаніе, для вступленія въ отношенія кліэнтелы, но сама кліэнтела, какъ учрежденіе, продолжала оставаться. См. выше. И это мѣсто также свидѣтельствуетъ противъ универсальности кліэнтелы.

плебса,—знакъ того, что плебей выступаетъ въ классовой борьбѣ не какъ „крѣпостной" („Höriger"), но какъ „должникъ" что, конечно, не исключаетъ того, что „plebs" политически былъ заинтересованъ въ ослабленіи и въ разложеніи кліэнтелы.

Самая важная въ аграрно-историческомъ смыслѣ сторона законодательства Двѣнадцати Таблицъ и съ нимъ связанныхъ и къ нему примыкающихъ дальнѣйшихъ законодательныхъ актовъ есть проведеніе свободы оборота для земельнаго владѣнія. Двѣнадцать Таблицъ, согласно традиціи, опредѣленно установили абсолютную свободу завѣщанія, а также обязательную силу совершавшихся въ формѣ „mancipatio" договорныхъ сдѣлокъ и всѣхъ при этомъ приписанныхъ посредствомъ „nuncupatio" объекту договора качествъ. Если—согласно преданію—для земельнаго владѣнія былъ установленъ принципъ покупки на наличныя деньги, то это, впрочемъ, соотвѣтствуетъ, разсматриваемое какъ остатокъ изъ эпохи соціальнаго права, восточнымъ аналогіямъ. Но это можно истолковать и въ другомъ смыслѣ: этимъ было сдѣлано необходимымъ только совершенно опредѣленное конституированіе слѣдуемой къ уплатѣ цѣны (des kreditierten Preises) какъ личнаго долга рядомъ съ передачей земли въ полную собственность,—слѣдовательно, формальная ясность правовой ситуаціи, въ частности также примѣнительно къ отношеніямъ на почвѣ владѣнія землею, и устраненіе обремененія земли долгами при покупкѣ, совершавшейся въ залоговомъ порядкѣ [1]).

[1]) Экономически въ этомъ нерасположеніи къ покупкѣ въ долгъ могло, конечно, сказываться и колебаніе въ количествахъ продажныхъ благъ и, слѣдовательно, въ „стоимости денегъ"; изъ сумерскихъ надписей явствуетъ, какъ много долженъ былъ думать царь о томъ, чтобы продающій маленькій человѣкъ могъ получить сейчасъ же свои „хорошія деньги". Послѣ возникновенія „хартальныхъ" денегъ является, въ качествѣ опасности покупки въ кредитъ, спекуляція на ухудшеніе цѣнности монеты (въ такихъ манипуляціяхъ въ древности укоряли—напрасно—уже Солона). До возникновенія „хартальныхъ" денегъ этого, конечно, не могло происходить; но тогда подобный эффектъ могла производить необезпеченность привоза благороднаго металла (или мѣди), если цѣна установлена была въ чистомъ металлѣ.—Но не исключается, повидимому, и намѣреніе черезъ посредство покупки въ кредитъ по возможности затормозить пріобрѣтеніе права полнаго гражданства. Аналогія: постановленіе въ фрейбургскомъ Rodel § 70, которое это опредѣленно запрещаетъ (см. также далѣе, въ отдѣлѣ b, при разсмотреніи вліянія земельнаго права).

Обремененіе земли залогомъ въ собственномъ смыслѣ, по-видимому, вообще прямо исключено механизмомъ права Двѣнадцати Таблицъ.

Что греческая „ипотека" лишь позже была импортирована, это доказываетъ самое ея имя. Но и „fiducia", т.-е. уговоръ, согласно которому формальная продажа должна считаться отмѣненной послѣ уплаты долга, — залогъ въ обезпеченіе уплаты — впервые становится основаніемъ для иска во всякомъ случаѣ въ теченіе позднѣйшаго развитія. Первоначально эта сдѣлка является предметомъ „fides". Она разсматривалась въ судѣ цензора какъ судьи нравовъ послѣ того, какъ онъ узурпировалъ соотвѣтствующія полномочія. Позже, очевидно, какъ разъ потому, что первоначально отсутствовало право формальнаго иска, нарушеніе „fiducia" разсматривалось какъ влекущее за собою инфамію, какъ и другіе подобные проступки противъ вѣрности и довѣрія въ гражданскомъ оборотѣ. Такъ опять возникъ закладъ въ обезпеченіе уплаты (das Einlösungspfand). Но, чтобы для времени Двѣнадцати Таблицъ отношенія такъ сложились, что залогъ въ обезпеченіе уплаты еще не существовалъ, кажется мнѣ, согласно всѣмъ аналогіямъ, для торговаго города совершенно невѣроятнымъ: его (кажущееся) непризнаніе означаетъ здѣсь гораздо болѣе вѣроятно (равно такъ же, какъ и непризнаніе возникавшаго путемъ персональной экзекуціи рабства) (Exekutionssklaverei) устраненіе его: попадавшіе въ кабалу за долги люди (Schuldsklaven) и залогъ земли, составлявшіе вмѣстѣ соціально-политическій crux всей ранней античной эпохи, должны были сразу исчезнуть. Земля и свободный гражданинъ, который ею владѣлъ, являлись теперь основами военной силы и — въ формѣ взимавшагося въ видѣ принудительнаго займа „трибута" („tributus") — финансовой силы государства. Древнѣйшій „цензъ" (census) былъ, очевидно, кадастрированіемъ людей (свободныхъ плебеевъ, кліентовъ, рабовъ) и рабочаго скота для натуральныхъ повинностей (die Hand- und Spannfronden) древняго полиса: „res mancipi" всегда опредѣляли по этому признаку — быть способнымъ быть объектомъ ценза. Для обложенія натуральными повинностями плебеевъ служили въ частности четыре городскія трибы; отсюда фиксированіе „ἰδία" (см. выше). Теперь, правда, земля, какъ было замѣчено, въ такомъ большомъ торговомъ городѣ, какъ Римъ, является, конечно, не единственной, но важнѣйшей основой оцѣнки гражданъ: она входитъ въ кругъ „res mancipi", она является основой дѣленія на трибы. Земельное владѣніе гражданина во всякое время должно быть очевиднымъ со стороны своего размѣра. Оно, далѣе, не должно было дифференцироваться благодаря всякаго рода лежащихъ на немъ обязательствамъ и ограниченіямъ — отсюда затрудненія, которыми было обставлено обремененіе его залогомъ: въ Аѳинахъ формулировка имущественной декларации заботилась о томъ, чтобы обремененное долгами владѣніе при дѣленіи на классы не принималось въ расчетъ [1] — и каждый владѣлецъ долженъ былъ совершенно такъ же свободно пользоваться имъ, какъ и городскими и подгородными „садами" („Garten"). Поэтому, по согласному преданію древности, Двѣнадцать Таблицъ особенно ясно выставляютъ право на проходъ (das Wegerecht) и обязанность давать проходъ (die Wegelasten) и обезпечиваютъ безусловную доступность и (въ то же время) ясную отграниченность каждаго земельнаго участка посредствомъ предписанія имѣть проходъ между участками шириною въ пять футовъ (технически соотвѣтствующій эллинистическому χάλασμα), не подлежащій уничтоженію путемъ давности. Если уже это есть перенесеніе городского, т.-е. садоваго права (Gartenrecht) на полевую землю, то въ такомъ случаѣ это есть родъ передѣла полей, который въ теченіе этого періода, вѣроятно, черезъ посредство самихъ Двѣнадцати Таблицъ, былъ примѣненъ къ римской частной землѣ. Со своими принципами: 1) проведенія сѣти общественныхъ дорогъ, 2) образованія изъ каждаго fundus замкнутого владѣнія — слѣдовательно, существуютъ отдѣльные дворы, деревень нѣтъ —, 3) удостовѣренія владѣнія (Evidenthaltang des Besitzes) съ помощью занесенія на карту (Kartierung) и связыванія всѣхъ полевыхъ правъ владѣльца съ этимъ занесеніемъ на карту этотъ передѣлъ означалъ разрушеніе древняго деревенскаго и волостного строя и установленіе строго индивидуалистическаго земельнаго права и земельнаго хозяйства.

---

[1] Аѳинской οὐσία ἐλευθέρα (см. выше) соотвѣтствуетъ „proprium non obligatum", напримѣръ, въ Констанцѣ въ средніе вѣка.

а) У древнихъ землемѣровъ нормальнымъ видомъ вполнѣ аппропріированной, могущей быть проданной путемъ манципаціи и платить цензъ частной земли является съ помощью техники, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, подѣленный и государствомъ переданный „ager divisus et assignatus per limites in centuriis". Мы находимъ его и позже, правда, не исключительно, но во всякомъ случаѣ преобладающимъ въ Италіи, въ колоніяхъ съ полнымъ правомъ гражданства и на территоріи большихъ поселеній ветерановъ. Межеваніе пахотнаго поля, какъ оно производилось при каждой ассигнаціи, примыкаетъ къ этрусскимъ и отчасти, можетъ быть, къ греческимъ образцамъ. Съ помощью простыхъ діоптрическихъ инструментовъ оно прежде всего разбиваетъ поле посредствомъ координатной системы „limites" на прямоугольные участки, нормально—но не съ безусловной необходимостью—на квадраты въ 200 югеровъ каждый (centuriae;—названіе примыкаетъ къ древнему плебейскому земельному надѣлу). Какъ и въ греческихъ городахъ, и въ примѣненіи къ римскимъ полямъ эта система координатъ оріентирована по 4 частямъ свѣта: limites, лежащіе въ направленіи отъ сѣвера къ югу, называются cardines, а отъ востока на западъ—decimani. Отдѣльные квадраты обозначаются по ихъ положенію въ отношеніи къ limites, счетъ которымъ ведется отъ центра системы координатъ, и на углахъ ставятся государствомъ установленные пограничные камни. Каждый пятый limes остается открытымъ въ качествѣ общественной дороги предписанной ширины, остальные limites („linearii"), по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, не являются обязательно общественными дорогами и могутъ исчезнуть. Limites не имѣютъ цѣлью представлять собою границы участковъ; скорѣе ассигнированные участки могутъ проходить черезъ разныя centuriae и дѣлаютъ это. Въ соотвѣтствіи съ происшедшимъ актомъ межеванія составляется полевая карта (forma), на которой изображаются полевыя границы и centuriae. Въ отдѣльныя centuriae вписываются имена получившихъ участокъ и число югеровъ, которые имъ были ассигнованы въ соотвѣтствующей центуріи („assignatio"). Напротивъ, въ полевой картѣ не заключается указанія на границы отдѣльныхъ участковъ,— какъ показываетъ карта въ Arausio (она, конечно, какъ правильно указываетъ Шультенъ, есть кадастровая карта,

а не полевая карта, но, видимо, составлена по образцу полевой карты), еще въ первый періодъ императорской эпохи. Границы отдѣльныхъ земельныхъ участковъ также, затѣмъ, не отмѣчены поставленными государственной властью пограничными камнями. Подъ государственной гарантіей находился поэтому только размѣръ поля (das Ackerausmass) внутри отдѣльной центуріи (modus agri). Сообразно съ этимъ и mancipatio есть форма передачи, которая допускаетъ переходъ собственности на землю безъ передачи владѣнія.

Этому соотвѣтствуетъ также передаваемый римскими землемѣрами процессуальный пріемъ (controversia de modo), съ помощью котораго данное лицо могло требовать возстановленія своихъ правъ на слѣдуемой ему, т.-е. его установленнымъ (во всякомъ случаѣ путемъ доказательства наслѣдственныхъ правъ, съ помощью завѣщанія и документовъ о манципаціи) юридическимъ предкамъ (Rechts vorfahren), согласно полевой картѣ modus'а. Предметомъ притязанія въ юридическомъ смыслѣ является при этомъ не опредѣленно ограниченный участокъ (Parzelle), но та или иная доля поля,— настолько же, какъ и при процессѣ межеванія съ помощью веревки въ нѣмецкихъ поляхъ. Какъ восполняющую процедуру римскіе землемѣры называютъ controversia de loco, посредствомъ которой возстановляется право владѣнія (Besitzstand), и она отожествляется, правда, съ владѣльческими интердиктами. Позднѣйшее исчезновеніе перваго изъ упомянутыхъ исковъ объясняется размноженіемъ случаевъ владѣнія земной поверхностью на правѣ давности (Flächenusukapion), которое должно было остановить регулированіе modus'а. Такъ какъ развитіе владѣнія землею на правѣ давности, какъ способа пріобрѣтенія земной поверхности датируется довольно поздней датой, то для болѣе ранняго времени можно признать въ самой высокой степени вѣроятнымъ, что, если оставить въ сторонѣ предъявленіе претензій на (первоначально, можетъ быть, недѣлимые) „fundi" въ цѣломъ—vindicatio fundi—, ближайшимъ образомъ противъ насильственнаго и воровского отнятія выставлены были только два правовыхъ средства: 1) регулированіе поля (Flurregulierung) сообразно юридически гарантированному праву на мѣру поля (modus agri) и 2) интердиктная охрана фактическаго владѣнія (locus) въ размѣрѣ полевой запашки послѣдняго года. „Кви-

ритарная“ собственность относится, такимъ образомъ, если предположить правильность этой гипотезы, первоначально юридически не къ опредѣленно ограниченнымъ поверхностямъ (Flächen), но къ опредѣленнымъ долямъ (Ackerausmasse) въ данномъ полѣ. Опредѣленно ограниченныя поверхности юридически въ такомъ случаѣ были бы объектомъ „possessio“. Оба относились къ юридически различнымъ по роду объектамъ: отсюда рѣзкое различіе между исками о собственности и исками о владѣніи въ римскомъ правѣ, различіе, которое впослѣдствіи, когда собственность стала „бонитарной“ собственностью на поверхность, является непонятнымъ. Свѣтъ, который это бросаетъ на первоначальное состояніе римскаго полевого строя, слишкомъ скуденъ, чтобы допускать дальнѣйшія заключенія. Завладѣніе поверхностью путемъ давности (die Flachenusukapion) впослѣдствіи продырявило старую полевую систему. Съ массовымъ подведеніемъ не ассигнированной правильнымъ образомъ земли подъ категорію ager privatus (напримѣръ, въ грандіозномъ масштабѣ въ аграрномъ законѣ 111 года до Р. X.) и съ принятіемъ всѣхъ не римскихъ общинъ въ гражданскій союзъ безъ новаго межеванія, въ качествѣ „municipia“, она и вовсе устарѣла. Эти мѣры, которыя глубоко измѣнили соціальный и (municipia) государственно-правовой характеръ римской державы, вѣроятно, произвели и въ частно-правовой области, спеціально въ техникѣ иска о собственности, рѣшительныя измѣненія (въ концѣ-концовъ и устраненіе контравиндикаціи).

Экономическая особенность описаннымъ образомъ подвергавшихся межеванію полей заключается, съ одной стороны, въ гарантируемой государствомъ сѣти дорогъ, съ другой—въ принципіально замкнутомъ характерѣ предоставляемаго надѣленіемъ владѣльцу участка (continuae possessiones). Этимъ обезпечивается индивидуальная свобода его обработки. Впрочемъ, источники различаютъ колоніальную ассигнацію и assignatio viritana въ зависимости отъ того, шла ли рѣчь объ основаніи общины или о простомъ надѣленіи землею ветерановъ или другихъ, получавшихъ ее. Въ послѣднемъ случаѣ надѣлы (die Lose) образовывали просто тѣмъ, что разбивали центуріи на равные участки и давали ихъ заявлявшимъ желаніе взять ихъ или тѣмъ, кого нужно было обезпечить ими въ силу закона; для

колоніальныхъ ассигнацій было, напротивъ, необходимо, уравненіе колонистовъ, и оно могло быть достигнуто—какъ это, по моему, можетъ быть установлено противъ высказаннаго Моммзеномъ сомнѣнія — только, хотя и очень простой, оцѣнкой земли (Bodenbonitierung) и, слѣдовательно, неравною (можетъ быть, просто различное число разъ содержащею 2 югера) величиною поверхностей надѣловъ (Anteile), которые при этомъ всегда раздавались путемъ жребія. (Въ эллинскихъ колоніяхъ въ Крыму по внѣшности соотвѣтствующія „центуріямъ“ („centuriae“) квадратные ἑκατόριγοι, повидимому, были различны по величинѣ; если это, какъ допускаетъ Br. Keil, было въ началѣ, то тогда это было вѣдь изъ-за различія въ качествѣ земли). То же было, согласно опредѣленнымъ указаніямъ источниковъ, и тогда, когда происходило перемѣщеніе наличнаго владѣнія, слѣдовательно, происходила новая ассигнація поля при соучастіи (или, если это бываетъ, и единственномъ участіи) прежнихъ владѣльцевъ. Тогда надѣляемый получалъ „modus pro modo secundum bonitatem“. Такимъ образомъ, превращеніе въ колонію римскаго права (col. civium Romanorum), если впослѣдствіи и не было больше необходимо тамъ, гдѣ оно стало имѣть чисто титулярное значеніе, соотвѣтственно первоначальной мысли являлось въ то же время однимъ изъ способовъ установленія связи между колонистами (eine Art von Verkoppelung). Конечно, кое-что остается при этомъ гипотетическимъ. Но если (на что недавно опять справедливо указалъ Toutin), согласно совершенно неосновательно заподозрѣнному свидѣтельству, еще при Адріанѣ существовало различіе между частнымъ правомъ въ колоніяхъ римскихъ гражданъ, съ одной стороны, въ муниципіяхъ (включая древнія общія колоніи латинскаго союза, у которыхъ не было римскаго надѣленія и колонисты которыхъ, даже вышедшіе изъ Рима, становились латинянами, а не римлянами), съ другой (муниципіи живутъ „suis legibus“), то это различіе можетъ быть найдено просто въ земельномъ правѣ. При этомъ, для настоящаго времени (см. ст. „Колонатъ“) можетъ оставаться нерѣшеннымъ, какъ позднѣйшее понятіе „jus italicum“ относится къ различеніямъ республиканской эпохи, когда „censui censendo esse“ со своимъ послѣдствіемъ—возможностью служить въ качествѣ залога при государ-

ственномъ откупѣ—пріобрѣло до того важное значеніе, что даже въ законахъ было опредѣленно поставлено на ряду съ „optimo jure privatus esto“ (это могло бы быть очень необходимымъ въ виду того, что производившаяся цензоромъ кадастрація, а также, слѣдовательно, и субсигнація основывались на присущей древне-римскому полю ассигнаціи и картированіи) (но и это, конечно, только гипотеза).

Рядомъ съ формой, которая употреблялась при нормальномъ межеваніи римскаго ager privatus, стоятъ агримексорныя формы, которыя по своему смыслу первоначально были назначены для межеванія почвы, владѣемой на меньшемъ правѣ: 1) ager publicus p. R., поскольку онъ не былъ открытъ для оккупаціи, но планомѣрно сдавался въ аренду, слѣдовательно, былъ предметомъ административной дѣятельности цензора, долженъ былъ нормально картироваться, и это было во многихъ случаяхъ. И ассигнаціи съ правомъ наслѣдованія или съ обязанностью нести натуральныя повинности (дорожныя повинности) и надѣльныя (aufgeteilte), обязанныя платить подать провинціальныя земли нормально должны были заноситься на полевыя карты, которыя, гарантируя лежащія на участкѣ (Parzelle) какъ таковомъ повинности, должны были давать свѣдѣнія о его положеніи и формѣ. Очевидно, для этихъ случаевъ примѣняли межеваніе „per scamna et strigas“, которое вовсе (согласно—моими критиками охотно игнорируемому—ясному свидѣтельству источниковъ) не только внѣшнимъ образомъ, удлиненной формой образовываемыхъ участковъ, отличается отъ центуріаціи (при которой эта удлиненная форма также встрѣчается), но по своему реальному значенію тѣмъ, что оно есть межеваніе „per proximos possessorum rigores“ [1]), т.-е. такое межеваніе и картированіе, при которомъ на полевой картѣ воспроизводятся границы владѣнія. Оно необходимо должно было имѣть мѣсто, когда рѣчь шла объ обязанной платить подать землѣ, тамъ, гдѣ государство заинтересовано было въ возможности различать отдѣльные участки, гдѣ, слѣдовательно, повинность лежала на каждомъ от-

[1]) Моммзеновская итерпретація (Hermes 27, стр. 82) совсѣмъ несостоятельна (такъ какъ Balbus, p. 68, говоритъ о центуріаціи). „Rigor“ есть сама по себѣ прямая линія, у Гигина, p. 3, прямолинейная граница владѣнія, что не есть limes.

дѣльномъ, имѣющемъ опредѣленныя границы участкѣ. Безъ него вездѣ можно было обойтись тамъ, гдѣ или 1) вовсе не лежала на землѣ подать, или 2) также, для болѣе поздняго времени, которое (съ Гая Гракха) знало обязанное нести оброки владѣніе колонистовъ, тамъ, гдѣ modus agri какъ таковой, а не участокъ (Parzelle), составлялъ объектъ обложенія; такъ, въ Arausio, гдѣ, такъ какъ чиншъ (въ до насъ сохранившейся centuria) измѣрялся просто въ $^1/_2$ динарія съ югера, было, конечно, совершенно достаточно, если, какъ это и дѣлали, въ каждую центурію на картѣ вписывали число изъятыхъ отъ налога и обязанныхъ платить налогъ югеровъ и въ концѣ налоговую ставку для этихъ послѣднихъ. (Въ такихъ случаяхъ—древнѣйшими являются „trientabula“ и „ager quaestorius“, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ земля, которую неплатежеспособное или нуждающееся въ деньгахъ государство давало обремененную формальнымъ чиншомъ (Recognitionszins) въ качествѣ подлежащаго выкупу залога кредиторамъ или вносящимъ деньги людямъ—примѣняли прежде всего не нормальную лимитацію на „centuriae“, но межеваніе на квадраты другой величины,—явное доказательство параллелизма правовыхъ и громатическихъ формъ. Къ „ager privatus vectigalisque“ примѣнялась тогда нормальная форма). Совсѣмъ иначе, и въ соотвѣтствіи съ принципами „scamnatio“, должны были поступать тогда, когда въ конкретномъ случаѣ отдѣльные участки должны были трактоваться какъ несущіе повинности. (Разница та же, что между двумя извѣстными изъ папирусовъ формами не парціарной (изъ части продуктовъ) аренды земли: fixum съ арендуемаго участка есть fixum съ каждой arura (пашни). Примѣненіе обѣихъ формъ межеванія въ болѣе позднѣе время могло не проводиться строго, примѣненіе одной, какъ и другой могло тогда, послѣ того, какъ и безъ того старыя полевыя отношенія были продырявлены признаніемъ оккупацій въ качествѣ ager privatus и, наконецъ, принятіемъ всей италійской почвы въ полевой союзъ трибъ (Flurverband der Tribus), опредѣляться и чисто техническими моментами,—древній первоначальный смыслъ различія для меня ни послѣ, ни прежде не составляетъ вопроса.

b) Послѣдняя, наконецъ, форма межеванія и картированія,

„ager per extremitatem mensura comprehensus“, т.-е. установленіе и занесеніе на карту только внѣшнихъ границъ поля, относится лишь къ болѣе позднему періоду территоріальнаго расширенія Рима и примѣняется тамъ, гдѣ при межеваніи не частной земли не существуетъ интереса государства къ содержанію въ ясности положенія отдѣльныхъ участковъ, но его интересуетъ лишь объемъ всего поля, какъ при храмовыхъ помѣстьяхъ, при межеваніи земли, которая была оставлена или отдана „стипендіарнымъ“ общинамъ или землевладѣльцамъ (Grundherren) за уплату контрибуціи („stipendium“—въ противоположность подати, tributum).

c) Земля, которая совсѣмъ обходилась безъ римскаго межеванія, есть „ager arcifinius“, въ частности, слѣдовательно, съ древнѣйшихъ временъ область признанныхъ чужихъ городовъ (древнѣйшій примѣръ: „ager Gabinus“).

И такія области, которыя никогда не производили межеванія, къ концу республики попадали массами въ гражданскій союзъ. Поэтому вовсе не удивительно, что въ эпоху агрименсоровъ древній параллелизмъ агрименсорнаго и правового качества земли былъ уже сильно разстроенъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпоха территоріальнаго расширенія Рима.

Параллельно съ ростомъ войска граждан-землевладѣльцевъ идетъ, одно другое обусловливая, распространеніе политическаго господства (die Expansion) Рима на территоріи Италіи,—для существованія города неизбѣжный контръ-ударъ противъ угрожавшихъ Лаціуму сабелльскихъ горцевъ и кельтовъ.

Дисциплинированное войско гоплитовъ оказалось сильнѣе какъ феодальныхъ войскъ этруссковъ, такъ и чисто крестьянскихъ войскъ горцевъ и кельтскихъ варваровъ. Къ началу 4 столѣтія была покорена южная Этрурія. Во второй его половинѣ латинскій союзъ городовъ, превращенный въ союзное государство (Bundesstaat) подъ гегемоніей Рима (338 г. до Р. Х.), вступаетъ въ борьбу съ сабелльскими горцами, въ 3 столѣтіи были обезврежены и покорены кельты долины По послѣ того, какъ попытка эллиновъ утвердить за собой нижнюю Италію была сокрушена. Все это совершается въ связи съ колоссальной колонизаціонной дѣятельностью. Въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ $^1/_3$ земли отнималась у врага, иногда и вся земля, и распредѣлялась между Римомъ и союзными городами. Часть ея отдавалась войску („viritim“), и вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась земля трибъ—трибы увеличились въ числѣ (до 35), а затѣмъ, совершенно чудовищнымъ образомъ, и въ величинѣ: съ приблизительно 3000 гектаровъ вначалѣ до размѣровъ цѣлыхъ государствъ. Другая часть, съ сохраненіемъ за государствомъ

права выкупа (a. quaestorius"), продавалась—несомнѣнно, для того, чтобы пополнить казну и при случаѣ возмѣстить трибутъ („tributus"), который разсматривался какъ принудительный заемъ. Остатокъ остается въ качествѣ государственнаго домена. Рядомъ съ этимъ происходитъ систематическое основаніе полисовъ на завоеванной территоріи. Внутри страны (in Binnenland) колонизаціей занимается прежде всего союзъ какъ таковой: колоніи становились городами латинскаго права съ самоуправленіемъ и съ собственнымъ земельнымъ правомъ. Римлянинъ, посланный въ нихъ въ качествѣ колониста, теряетъ право гражданства на родинѣ и этимъ прикрѣпляется къ колоніи. Зато Римъ какъ торговый центръ (Handelsplatz) союза беретъ на себя обезпеченіе безопасности береговъ. Здѣсь основанныя колоніи гражданъ имѣютъ лишь ограниченную автономію. Позднѣйшія колоніи римскихъ гражданъ совсѣмъ не имѣютъ ея (въ принципѣ); онѣ управляются изъ Рима; ихъ земля есть римская земля; колонисты здѣсь — римскіе граждане, которые въ качествѣ гарнизона свободны отъ набора, но (въ этомъ нѣтъ сомнѣнія) прикрѣплены къ мѣсту своего пребыванія. Впервые въ 3 вѣкѣ, съ увеличеніемъ перевѣса столицы, рядомъ съ постепеннымъ замираніемъ латинской колонизаціи начинается то систематическое основаніе колоній гражданъ и внутри страны (Binnenland), которое потомъ, послѣ 2 Пунической войны, переживаетъ еще вторичный расцвѣтъ, и одновременно съ этимъ, со второй трети 3 столѣтія ослабѣваетъ основаніе союзныхъ колоній, и ухудшается ихъ правовое положеніе (предположительно: ограниченная свобода передвиженія).

Эта эволюція въ положеніи колонистовъ союзныхъ колоній, какъ и видоизмѣненіе союзнаго права (см. выше), соотвѣтствуетъ эволюціи внутри аттической державы: постепенно возвышающееся державное положеніе столицы, пригнетеніе союзниковъ, зато присоединеніе клерухій къ столицѣ (спеціально съ Перикла). Въ этихъ земельныхъ надѣленіяхъ и колоніяхъ прирость римскаго крестьянства—cives proletarii—находитъ теперь земельное обезпеченіе; за это сражается войско гоплитовъ. Это же соотвѣтствуетъ цѣли и аттическихъ клерухій (какъ это ясно показываетъ для Аѳинъ народное постановленіе о колонизированіи Brea, разрѣшающее его только дзевгитамъ и те-

тамъ). Но разница—совершенно такъ же, какъ въ новое время между Англіей, съ одной стороны, и Америкой, съ другой—въ томъ, что въ силу своего географическаго положенія Аѳины могли колонизовать лишь разбросанное владѣніе (Streubesitz), Римъ—компактную континентальную область.

Гигантское увеличеніе населенія является отвѣтомъ на это постоянное расширеніе пищевой площади (Nahrungsspielraum) (таково, а не обратное, естественное, какъ всегда въ подобномъ случаѣ, причинное отношеніе). Въ то же время это огромное увеличеніе количества земли означаетъ безостановочное продвиженіе впередъ созданнаго въ эпоху Двѣнадцати Таблицъ римскаго способа поселенія (Siedelungsweise). Древніе „pagi" были разорваны римской лимитаціей. Гдѣ еще остается ихъ автономія (для религіозныхъ мѣстныхъ культовъ), ихъ постановленія имѣютъ теперь значеніе чего-то въ родѣ мѣропріятій для „земельнаго обложенія" („Grundbelastung"); ager compascuus, древняя альменда, становится также случайной принадлежностью (Pertinenz) отдѣльныхъ fundi; „деревня" не существуетъ для административнаго права или же существуетъ лишь какъ допускавшееся въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣщеніе пробѣловъ (Lückenbüsser); черезполосица, гдѣ она существуетъ, устраняется при ассигнаціи. Вездѣ остается побѣдителемъ отдѣльный дворъ (villa), нѣкогда символъ благороднаго владѣнія. Послѣ того, какъ крестьяне самнитскихъ горъ во время союзнической войны, доведенные до отчаянія, еще разъ выступили на защиту своей древней деревенской свободы, сулланская ассигнація, затѣмъ ужасная конфискація и надѣленіе землею ветерановъ тріумвировъ и здѣсь своею лимитаціей разрушили остатки древнихъ поселеній. Городъ и городское земельное право вездѣ остаются побѣдителями. Если Клисѳенъ тѣмъ смягчилъ сословную борьбу, что всѣхъ знатныхъ принудительно направилъ въ деревни, то Римъ пошелъ обратнымъ путемъ: онъ разрушилъ деревни и превратилъ всѣхъ крестьянъ (въ теоріи) въ „помѣщиковъ" (Gutsbesitzer), какими до тѣхъ поръ были лишь знатные. Если о Клисѳенѣ, какъ упомянуто, было сказано, что онъ сдѣлалъ всѣхъ аѳинянъ знатными, то въ соціальномъ и экономическомъ смыслѣ это собственно едва ли примѣнимо къ его скорѣе знатныхъ превращающей (stempelnde) въ крестьянъ реформѣ; напротивъ того, это

очень примѣнимо къ возникшему въ періодъ территоріальнаго расширенія римскому земельному праву [1]).

Но это римское земельное право вопреки нѣкоторымъ формальнымъ чертамъ сходства съ эллинскимъ дѣленіемъ колоніальной земли по цѣли своей и по своему дѣйствію представляетъ собою нѣчто почти единственное, потому что оно было создано съ совершенно сознательной цѣлью устраненія всѣхъ ограниченій свободной эксплоатаціи земли и, что было важнѣе, растущаго рабовладѣнія. Уже радикальное разрушеніе всѣхъ общиннохозяйственныхъ элементовъ въ аграрномъ строѣ: перенесеніе не знающихъ ограниченій владѣльческихъ правъ, связанныхъ съ dominimum'омъ, на землю, мобилизація земли черезъ посредство крайне удобной формы отчужденія (mancipatio), которая дѣлаетъ излишней даже передачу земли, ограниченіе вещно дѣйствующихъ сервитутовъ лишь абсолютно необходимыми правами на дороги и на воды, въ придачу къ этому полная матеріальная свобода завѣщанія,—и это такъ полно мобилизованное частное земельное владѣніе, сдѣланное основой принадлежности къ трибамъ и, въ соотвѣтствіи съ своимъ размѣромъ, политическихъ и военныхъ посредствомъ ценза періодически устанавливаемыхъ правъ и обязанностей, уже все это одно указываетъ на абсолютно тенденціозный характеръ этого правового развитія. Въ противоположность аграрной политикѣ эллинской демократіи, дѣлавшей деревню клѣточкой государства, римская аграрная политика носитъ—sit venia verbo!—„американистическій" характеръ: какъ американскій фермеръ, который также не знаетъ „деревни", сидитъ на отдѣльномъ дворѣ (Einzelhof) между не заботящимися ни о какихъ географическихъ условіяхъ, бѣгущими подъ прямымъ угломъ

1) И, какъ уже упомянуто выше, не только въ смыслѣ земельнаго права, но и гентильнаго права. Въ то время, какъ носившіе одинаковыя имена патриціанскіе и плебейскіе роды (gentes) стоятъ въ Римѣ рядомъ другъ съ другомъ, древнѣйшій аттическій городской знатный родъ мѣнялъ свое имя, потому что въ силу клисѳеновской реформы δῆμος носилъ такое же имя,—протестъ противъ принудительнаго демократизированія, къ какому въ Римѣ, гдѣ аграрная реформа фактически означала расширеніе права знати, а не оттѣсненіе знати, не было повода.

черезъ гору, долину, лѣсъ и холмъ „section lines", такъ, по крайней мѣрѣ въ идеалѣ, и римскій сельскій хозяинъ сидитъ на своей „villa". Но эта тенденція земельнаго права обнаруживается еще яснѣе въ рѣзкомъ раздѣленіи римской почвы на двѣ категоріи: или ager privatus, или ager publicus. Общинно-хозяйственныя формы владѣнія, какъ это показываетъ также структура частнаго condominium'а, подвергаются сознательному разрушенію, ager compascuus (альменда) предоставленъ вымиранію, и, наконецъ, сохранившійся въ надписи, аграрный законъ 643 года a. u. c., ставитъ препятствіе его новому возникновенію. Подобное намѣреніе становится еще яснѣе, если съ безграничной властью распоряженія, которой предоставляется пріобрѣтенная въ собственность земля (ager privatus), сравнить совершенно противоположное юридическое трактованіе не пріобрѣтенной въ собственность земли. Въ отношеніи къ ней цивильная процедура ограничивается защитой противъ насильственныхъ, воровскихъ или слѣдующихъ со стороны людей, надѣленныхъ несущей службу землею (vi, clam, precario), нарушеній фактическаго владѣнія каждаго даннаго момента (possessio) и въ случаѣ надобности его подтвержденіемъ такимъ образомъ, что жатва достается тому, кто въ спокойномъ владѣніи воздѣлалъ поле (таково вѣдь первоначальное практическое значеніе годового срока при интердиктахъ).

Что владѣльческіе (посессорные) интердикты впервые возникли для possessiones на ager publicus, это оспаривается по важнымъ основаніямъ. Что они непримѣнимы были для владѣнія на ager publicus, это прямо не можетъ быть обосновано (по крайней мѣрѣ указаніемъ на участіе состоявшихъ съ Римомъ въ commercium'ѣ италиковъ въ possessiones. Не-римлянинъ не имѣетъ лишь „jus Quiritium" и права иска). Мнѣ кажется, что и то, какъ упомянуты интердикты въ lex agraria 111 года до Р. Х., говоритъ за то, что они примѣнялись на (тогда превращенномъ въ частную землю) ager publicus.

Регулированіе всѣхъ остальныхъ вопросовъ фактическаго владѣнія не безпокоитъ тогда древнее цивильное право: это дѣло управленія; такимъ образомъ, на ager publicus, каковымъ является всякая не частная и не признаваемая формально за союзными или въ силу народнаго или сенатскаго постановленія терпимыми коммунами (древнѣйшій примѣръ—„ager Gabinus")

земля, существуютъ лишь властью въ административно-правовомъ порядкѣ регулируемыя или терпимыя фактическія владѣльческія отношенія.

1. Въ административно-правовомъ порядкѣ регулируемые виды фактическаго владѣнія—пока территоріальное расширеніе государства не выходило еще за предѣлы Италіи — представляютъ собою частью земельныя выдачи на условіи службы, въ частности службы по проведенію дорогъ (viasii vicanii), частью аренды и наслѣдственныя аренды (ager vectigalis). Наслѣдственная аренда и выдача земли на условіи службы (Landleihe) вовсе не чужды римскому праву, но только (покоющемуся на Двѣнадцати Таблицахъ) римскому частному праву. Установленіе (Konstituierung) ихъ было вѣдь суверeннымъ правомъ (Souveränitätzrecht) государства, и, такъ какъ „legis actio“ на почвѣ наслѣдственнаго арендного владѣнія не мыслимо, то оно прежде всего лишено было цивильно-правовой защиты: въ случаѣ надобности должны были приходить на помощь владѣльческіе интердикты и административный приказъ. Когда затѣмъ первоначально суверенныя, входившія въ союзъ общины превратились въ „муниципіи“, преторъ создалъ для муниципальнаго и государственнаго ager vectigalis формулу. Цѣлью недопущенія частной наслѣдственной аренды могло быть только предотвращеніе возникновенія частной вотчинной власти землевладѣльца (private Grandherrlichkeit) [1]).

2. Терпимыя владѣльческія отношенія на государственной землѣ составляютъ столь часто упоминаемыя оккупаціи. Право оккупаціи на ager publicus есть право каждаго

[1]) Какъ въ Греціи (см. ниже) и въ противоположность Востоку. И въ средневѣковыхъ городахъ ограниченіе земельнаго права, имѣвшаго значеніе основы права гражданства, опредѣленными, исключающими личную зависимость правовыми формами является не случайностью, но связано съ сущностью права гражданства. Въ Констанцѣ (и, навѣрное, часто) превращеніе собственности гражданина въ платящую оброкъ землю поставлено въ зависимость отъ согласія общины, такъ же, какъ (см. выше) въ Фрейбургѣ покупка въ кредитъ собственности гражданина была запрещена. Впервые пріобрѣтеніе правъ гражданства институтомъ покупки ренты сдѣлало возможнымъ внутри городовъ форму обремененія земли повинностями, которая не дѣлала гражданина зависимымъ держателемъ (zum Hintersassen).

римлянина, а также каждаго гражданина внесенной въ италійскій союзно-военный матрикулъ общины, брать во владѣніе за плату государству изъ части продукта (gegen eine Quotenabgabe) (которая, повидимому, благодаря попустительству, впослѣдствіи не повышалась) государственную землю, первоначально (см. выше) пустующую землю (Oedland), и удерживать ее у себя до дальнѣйшаго распоряженія со стороны государственнаго управленія,—позже: послѣ того, какъ было дано разрѣшеніе на оккупацію, признанное государствомъ. Это право (право оккупаціи) и было тѣмъ правомъ, которое прежде всего создало огромные земельные комплексы, противъ которыхъ впослѣдствіи выступило законодательство Гракховъ (см. ниже).

Былъ ли знаменитый законъ Лицинія-Секстія реальностью, это, несмотря на защиту Soltau, становится все болѣе и болѣе сомнительнымъ. Въ настоящее время въ немъ видятъ все болѣе и болѣе перенесеніе соціальныхъ противоположностей эпохи Гракховъ въ 4 вѣкъ и принимаютъ, что это (у Катона будто-бы упоминаемое) ограниченіе владѣнія относится къ началу 2 столѣтія. Что законъ, который ограничивалъ оккупаціи 500-ми югеровъ какъ максимумомъ, невозможенъ былъ въ первую треть 4 столѣтія, потому что количество поля, которымъ владѣли тогда римляне, будто бы равнялось „только 2 квадратнымъ милямъ“, это, конечно, не вѣрно. Даже при только 50—60000 гектаровъ полевой площади отдѣльныя оккупаціи отдѣльныхъ зажиточныхъ гражданъ (Grossbürger) въ 125 гектаровъ не были бы сами по себѣ чѣмъ-либо абсолютно невозможнымъ и ужъ во всякомъ случаѣ совершенно невѣроятнымъ. Но римское землевладѣніе уже въ 4 столѣтіи далеко вышло за предѣлы ager Romanus. Во всякомъ случаѣ, традиція очень сомнительна, и послѣднія трудности для признанія ея фальсификаціей теперь, благодаря остроумнымъ изслѣдованіямъ Maschke, устранены.

Какъ бы тамъ ни было, фактически рѣшающимъ является то, что этотъ безпримѣрный по своей жестоко грубой (brutalen) простотѣ институтъ (объекты для сравненія можно найти въ юридически и фактически очень, впрочемъ, отличномъ трактованіи заимокъ („Bifänge“) на царской пустующей или высоко лежащей песчаной землѣ (Oed-oder Geestland) въ

Египтѣ: объ этомъ см. подъ „Эллинизмомъ"), это перенесеніе древняго права „заимки" (Bifanc-Recht) съ пустующей земли на въ огромной части уже находящуюся подъ обработкой землю, которая досталась государству въ результатѣ завоеванія, съ гигантскимъ территоріальнымъ расширеніемъ (Expansion) государства, совсѣмъ измѣнилъ свое значеніе. Такъ какъ въ каждой оккупаціи ското- и рабовладѣльцы могли, конечно, участвовать съ несравнимо большимъ успѣхомъ, чѣмъ еще столь многочисленные свободные крестьяне, то благодаря этому, послѣ проникновенія въ жизнь института покупныхъ рабовъ (Kaufsklaverei), былъ созданъ неслыханный дотолѣ аграрный капитализмъ, противъ котораго крестьяне реагировали тѣмъ, что выставили требованіе, чтобы завоеванная земля систематически распредѣлялась между всѣми гражданами и становилась ихъ собственностью въ качествѣ ager privatus. Дѣйствительно, за большинствомъ успѣшныхъ войнъ, какъ уже было упомянуто, слѣдовало надѣленіе землей побѣдоноснаго войска. Этому соотвѣтствовало примѣненіе свободы завѣщанія въ видѣ лишенія наслѣдства остальныхъ дѣтей въ пользу единонаслѣдника. Оно имѣло выдающееся практическое значеніе въ интересѣ удержанія земельнаго владѣнія въ семьѣ, пока путемъ завоеванія попадала въ ея распоряженіе земля. Свобода завѣщанія, какъ и остальные институты римскаго земельнаго права, стоитъ, такимъ образомъ, въ связи съ рѣзко выраженной аграрно-расширительной тенденціей (mit eminent agrarisch-expansiven Tendenz), которую принуждено было усвоить государство съ ростомъ значенія войска гоплитовъ. Но ското- и рабовладѣльцы были, наоборотъ, заинтересованы въ расширеніи открытаго для оккупаціи и для сдачи государствомъ въ аренду ager publicus. Въ теченіе періода завоеваній, происходившихъ на почвѣ Италіи, мы находимъ въ традиціи правильно повторяющіяся упоминанія о томъ, что владѣющіе слои на требованіе массъ произвести надѣленія изъ ager publicus отвѣчаютъ предложеніемъ завоевать новую землю для этой цѣли или вывести колонію. Совершенно отвергать достовѣрность этихъ извѣстій также и въ этомъ отношеніи едва ли есть основаніе: вѣдь констелляція классовыхъ интересовъ едва ли могла быть иной въ эпоху территоріальнаго расширенія Рима.

Совершенно подобнымъ же образомъ протекалъ процессъ территоріальнаго расширенія, напримѣръ, въ Элидѣ: знать позволяетъ демамъ принимать участіе въ грабежѣ. Въ общемъ при этой конкуренціи интересовъ крестьяне, конечно, получали все меньше и меньше. Только подъ давленіемъ тяжелыхъ внѣшнихъ опасностей знать рѣшалась на выводъ колоніи: такъ, многочисленныя колоніи граждань съ средины второго и въ началѣ перваго столѣтія объясняются кельтской и пунійской опасностью и абсолютной необходимостью заполнить созданные войнами пробѣлы. Несмотря на это, сопротивленіе со стороны крупнаго землевладѣнія и въ эпоху галльскихъ и пуническихъ войнъ часто было очень упорно: борьба классовъ за сенонопиценскую область могла быть рѣшена плебсомъ (въ 232 году черезъ посредство К. Фламинія), въ смыслѣ колонизаціи лишь противъ опредѣленно выраженнаго противодѣйствія со стороны сената.

Въ глубинѣ этихъ конфликтовъ скрывалась борьба между свободнымъ и несвободнымъ трудомъ, которая позже, въ эпоху Гракховъ, привела къ революціи. Въ Элладѣ и на эллинскомъ Востокѣ экономическое значеніе рабства для деревни (für das platte Land) оставалось довольно ограниченнымъ. Многочисленные мелкіе центры хозяйственнаго оборота въ древней Элладѣ не имѣли плодороднаго, достаточно дешево пріобрѣтаемаго и поэтому приспособленнаго для плантаціоннаго крупнаго хозяйства съ рабами аграрнаго „Hinterland'a". На Востокѣ земля была густо населена и дорога, и кромѣ того, съ монархическимъ и бюрократическимъ режимомъ связанное своеобразіе эллинистическихъ государствъ и большое значеніе доменіальныхъ, воздѣлывавшихся тамъ мелкими арендаторами земельныхъ комплексовъ ставили съ самаго начала узкія границы относительному значенію крупнаго рабскаго хозяйства. Если не считать спартанскаго феодальнаго государства и Хіоса, мы почти ничего не слышимъ въ Греціи и на всемъ Востокѣ о возстаніяхъ рабовъ, и, чѣмъ позже, тѣмъ меньше, тогда какъ возстаніе Спартака въ южной Италіи и въ Сициліи причисляется къ самымъ страшнымъ соціальнымъ потрясеніямъ древняго міра. Въ Римѣ какъ разъ ростъ денежнаго имущества, географически обусловленная возможность сильнаго расширенія государства внутрь страны (in das

Binnenland) и затѣмъ капиталистическій характеръ заморскихъ завоеваній въ связи съ гораздо болѣе сильнымъ обезпеченіемъ рабскаго рынка дали широкое развитіе тенденціи къ скопленію людей въ неслыханной мѣрѣ. Огромный ввозъ рабовъ въ Римъ, а также—на что указываетъ Ферреро—появленіе масличныхъ и виноградныхъ плантацій въ качествѣ фактора, имѣющаго опредѣляющее значеніе для общаго хозяйственнаго положенія, выступаютъ въ источникахъ одновременно съ движеніемъ Гракховъ, но уже сочиненіе Катона показываетъ, что оба эти явленія должны быть значительно старше. Помѣстное собственное хозяйство („Gutswirtschaft“) съ рабами, такое, какимъ оно рисуется намъ, предполагаетъ, какъ свою предпосылку, замиреніе, какое наступило въ Италіи послѣ ея объединенія, а окончательно послѣ пораженія Ганнибала: съ тѣхъ поръ въ теченіе 600 лѣтъ ни одинъ врагъ не вступалъ на римскую территорію. Вмѣстѣ съ этимъ начался упадокъ тяжеловооруженнаго войска (das Sinken der Hoplitenschaften).

Чѣмъ шире захватывало завоеваніе, тѣмъ меньше могла завоеванная земля служить для заселенія ея свободными крестьянами. Въ эпоху заморскаго расширенія государства съ этимъ совсѣмъ покончили. Съ 177 года до момента, когда были основаны колоніи Гракхами, въ теченіе болѣе полустолѣтія, была выведена лишь одна колонія гражданъ. Должностная и денежная аристократія—съ внѣшней стороны въ самомъ лучшемъ согласіи: трибуны функціонировали тогда до самыхъ Гракховъ лишь какъ орудіе сената — стремилась упрочить (stabilisieren) фактическія владѣльческія отношенія и утвердить военную силу Италіи на повинностяхъ входившихъ въ союзъ общинъ: Шультенъ справедливо обратилъ вниманіе на то, что на 177 годъ, съ которымъ приходитъ къ концу начавшійся въ древнія времена выводъ колоній гражданъ, падаетъ и lex Claudia, который устранилъ латиновъ, и что еще болѣе суровый lex Junia de peregrinis падаетъ на время послѣ низверженія Тиберія Гракха и передъ выступленіемъ Кая Гракха. Эти ограниченія свободы передвиженія союзниковъ какъ въ интересѣ удаленія демократическихъ или прямо нелегитимированныхъ элементовъ изъ комицій (въ которыхъ владѣющій римской землей латинянинъ первоначально, вѣроятно, имѣлъ

право подавать голосъ), такъ и въ интересѣ удержанія войска гоплитовъ на его собственной почвѣ и его податной силы за его общинами послѣдовали прежде всего вполнѣ съ его согласія,—lex Claudia былъ изданъ прямо по его предложенію. Но въ то же время они шли въ разрѣзъ съ консервативнымъ интересомъ должностной знати, типичному представителю которой Сципіону Эмиліану легенда влагаетъ въ уста вмѣсто обычной молитвы о „пріумноженіи“ другую, о „сохраненіи“ государства.

Дѣйствительно, интересъ знати заключался въ сохраненіи status quo какъ внутри, такъ и во внѣ. Ибо прочное господство должностной и военной знати (Offiziersadel) въ войскѣ и въ государствѣ немедленно должно было поколебаться, если бы Римъ предпринялъ аннексіи за предѣлами замкнутой италійской области, содержалъ тамъ войско, которое не могло надолго оставаться гражданскимъ ополченіемъ, собираемымъ въ случаѣ надобности (первыя затрудненія, касавшіяся пополненія и поставки капраловъ, начались, что весьма характерно, съ расширеніемъ сферы дѣятельности за море). Заморское расширеніе государства (die Uebersee-Expansion) было капиталистическимъ. Не должностная знать старой традиціи, которая хотѣла ограничиться предусмотрительной политикой вмѣшательства, но капиталистическіе интересы торговцевъ, откупщиковъ налоговъ и доменовъ вынудили уничтоженіе старыхъ торговыхъ центровъ: Карѳагена, Коринѳа, Родоса, внушили политику заморскихъ аннексій, которыя служили эксплуатаціоннымъ интересамъ капитала, а не колонизаціоннымъ интересамъ (Siedelungsinteressen) свободныхъ крестьянъ. Предоставить эти заморскія пріобрѣтенія крестьянамъ не входило въ интересы ни должностной знати, ни капиталистовъ, не говоря уже о томъ, что выселеніе за море и самимъ крестьянамъ могло показаться привлекательнымъ лишь въ случаѣ крайней нужды. Симптомомъ въ пользу этого является то, что когда обезпеченіе землею естественнаго прироста населенія перестало быть цѣлью завоеванія, и свобода завѣщанія начинаетъ хирѣть, пока въ послѣднія столѣтія свободнаго государства она не была фактически устранена посредствомъ querela inofficiosi testamenti: она утратила свой старый смыслъ.

Все болѣе и болѣе вѣсы склонялись въ пользу крупныхъ ра-

бовладѣльцевъ. Оккупаціи на захватывавшемъ все большую и большую часть Италіи ager publicus имѣли, очевидно, цѣлью частью и крупное пастбищное хозяйство, по взгляду Катона Старшаго бывшее самымъ доходнымъ (какъ меньше всего требующимъ затратъ и меньше всего связаннымъ съ проблемой добыванія рабочей силы) помѣщеніемъ капитала. Частью же онѣ должны были съ самаго начала быть крупными сельско-хозяйственными предпріятіями (landwirtschaftliche Grossbetriebe). Сдача на откупъ государствомъ домэновъ и доходовъ съ домэновъ (Domenengefälle) благопріятствовала, особенно въ провинціяхъ, также крупному производству (Grossbetrieb) частью сознательно, вслѣдствіе бо́льшаго удобства дѣловыхъ отношеній съ болѣе крупными, сильными капиталомъ арендаторами, частью фактически, вслѣдствіе страшнаго гнета, которымъ она ложилась на сидѣвшихъ на завоеванной землѣ на прекарномъ положеніи и (см. ниже) обязаныхъ платить оброкъ крестьянъ, тогда какъ римскіе крупные арендаторы, естественно, сравнительно съ ними были въ болѣе благопріятномъ положеніи.

Государственные откупа римской республики вообще носили гораздо болѣе, чѣмъ откупа свободнаго эллинскаго по́лиса, „капиталистическій“ характеръ. Общества откупщиковъ (societates publicanorum) фактически не подлежали никакому контролю, что является рѣзкой противоположностью эллинистическому Востоку, но и нормальной греческой практикѣ, потому что къ тому обстоятельству, что свободное городское государство не имѣло и не могло имѣть постояннаго персонала финансовыхъ должностныхъ лицъ, и, слѣдовательно, откупщики сами должны были ставить и весь персоналъ сборщиковъ, здѣсь присоединялась еще и безграничность территоріи. Большіе капиталы въ рабахъ и въ деньгахъ, рядомъ съ этимъ—вслѣдствіе обязательства представлять земельное обезпеченіе—крупное земельное владѣніе на полномъ (италійскомъ) правѣ (вслѣдствіе этого въ смыслѣ экономической эксплоатаціи поставленное въ очень привилегированное положеніе) были необходимыми условіями участія въ этихъ крупнѣйшихъ капиталистическихъ предпріятіяхъ древности. Но требованіе представленія обезпеченія въ формѣ земельныхъ участковъ, владѣемыхъ на полномъ римскомъ земельномъ правѣ, слѣдовательно, требованіе квалификаціи черезъ посредство національнаго земельнаго вла-

дѣнія, дѣлало это сословіе капиталистовъ въ то же время въ гораздо болѣе высокой мѣрѣ національнымъ сословіемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Востокѣ (гдѣ въ эпоху Птолемеевъ откупщики, повидимому, были преимущественно иностранцы) или даже въ Элладѣ (гдѣ какъ разъ, и совершенно понятно, болѣе мелкіе города уже для того, чтобы вызвать конкуренцію при торгахъ, часто совершенно сознательно покровительствовали иностраннымъ финансистамъ).

Въ экономическомъ и соціальномъ смыслѣ аристократическій отпечатокъ, лежавшій на Римѣ и присущій ему съ давнихъ поръ, былъ этимъ, естественно, очень усиленъ. Въ противоположность прорывавшемуся отъ времени до времени въ эпохи расцвѣта эллинской демократіи характерному для цеховой мелкой буржуазіи интересу „пропитанія“ („Nahrungs“-Interesse) здѣсь возникла традиція широко захватывающей „капиталистически“ оріэнтированной политики какъ въ расчлененіи владѣющихъ классовъ союзниковъ—италики какъ таковые, а не одни римляне, извлекали выгоды изъ права оккупаціи на ager publicus, какъ и изъ дѣлового расширенія (von der geschäftlichen Expansion) господствующей державы—, такъ и въ распоряженіи завоеванными землями и въ конституированіи „провинцій“.

Конечно, при этомъ эта политика въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ была предметомъ самой ожесточенной борьбы интересовъ. На ряду со старой классовой противоположностью крестьянъ и крупныхъ, владѣвшихъ скотомъ и рабами поссессоровъ выступало раздвоеніе внутри владѣющихъ слоевъ. На одной сторонѣ заинтересованныя по существу политикой фамиліи должностной знати, которыя находили представительство своихъ интересовъ въ сенатѣ и закономъ и правовымъ обычаемъ были отстранены отъ прямого участія не только—что почти во всей древности само собой разумѣлось—въ ремеслѣ, но и въ откупѣ налоговъ, а также и въ судовладѣніи: сенаторъ могъ владѣть только судами, которыя по своей величинѣ могли быть достаточны почти только для транспорта собственныхъ продуктовъ его помѣстнаго хозяйства; вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ ограничиваться, кромѣ обогащенія на службѣ, полученіемъ земельной ренты, отдачей денегъ въ ростъ—которая, правда, была ему запрещена, но тѣмъ не менѣе (см. Катона) была

возможна и обычно практиковалась через посредство вольноотпущенниковъ — и непрямымъ участіемъ капиталомъ въ торговлѣ и судоходствѣ. На другой сторонѣ стояло вслѣдствіе своего прямого участія въ капиталистической наживѣ отстраняющее себя отъ должностей и отъ сената сословіе капиталистовъ, которое имѣло свое политическое представительство въ центуріяхъ, выше всего обложенныхъ, спеціально „рыцарей" (всадниковъ) („Ritter") и окончательно было конституировано какъ „сословіе" Гаемъ Гракхомъ (см. ниже). Что должностныя лица и откупщики налоговъ въ провинціяхъ обыкновенно работали рука объ руку и дѣлили добычу (den Raub), это не мѣшало тому—скорѣе его обусловливало—, что сенаторскіе роды имѣли настоятельнѣйшій интересъ въ томъ, чтобы держать „буржуазію" въ политической зависимости и, прежде всего, сохранить за сенатомъ составленіе списковъ присяжныхъ для судовъ, разбиравшихъ дѣла о проступкахъ должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, постоянное увеличеніе шансовъ на прибыль вслѣдствіе завоеваній поднимало экономическую силу капиталистовъ, все болѣе и болѣе становившихся необходимыми для государственной кассы въ качествѣ поставщиковъ денегъ (als Geldgeber) и вышколенныхъ въ смыслѣ купеческой техники организаторовъ взиманія государственныхъ доходовъ. Поставщики денегъ для государства уже въ эпоху 2 пунической войны фактически составляли силу, которая спасала государство въ финансовомъ смыслѣ, но за это предписывала ему свою политику. Съ эпохи Гракховъ, когда и прямые налоги, по крайней мѣрѣ въ провинціи Азіи, предоставлены были ея эксплуатаціи, буржуазія переживала пору своего расцвѣта. Сопровождающимъ явленіемъ было извѣстное въ Элладѣ лишь въ начаткахъ — правда, очень сильныхъ—колоссальное развитіе работорговли и эксплуатаціи рабовъ вообще.

Частное плантаціонное хозяйство, со стадами рабовъ, которые подчинены были военной дисциплинѣ и—такъ какъ вслѣдствіе постояннаго насильственнаго захвата людей на войнѣ ихъ убыль можно было дешево восполнить — предоставлены были самой безпощадной эксплуатаціи, распространилъ по свѣту и, въ частности, на Западѣ, повидимому, первый ведшій колонизацію на чисто купеческихъ началахъ народъ, финикіяне и спеціально кареагеняне, нашедшіе его въ помѣстьяхъ египетскихъ фараоновъ. Дѣйствительно, классическими мѣстами его процвѣтанія всегда были римская провинція Африка, а затѣмъ Сицилія, и, повидимому, впервые оно было научно трактовано въ 28 книгахъ Магона (изъ Кареагена) о земледѣліи. Изъ двухъ средствъ получать сравнительно высокоцѣнные и потому способные къ транспорту продукты для реализаціи ихъ на рынкѣ—аренды изъ части продукта и рабскаго хозяйства—для капитала въ тогда еще относительно слабо заселенныхъ областяхъ Запада являлось пріемлемымъ рабское хозяйство, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока экономически было возможно хищническое хозяйство въ отношеніи къ землѣ и—что главное—въ отношеніи къ рабочимъ силамъ.

Для Рима со временъ Катона до императорской эпохи обязательно, постоянно увеличивавшееся въ смыслѣ своего типическаго объема рабское хозяйство стало національной хозяйственной формой. Аграрные писатели принимаютъ господство рабского труда какъ фактъ, самъ собой разумѣющійся; рядомъ съ нимъ принимаются въ расчетъ (какъ у Магона) только нанимаемые для жатвы свободные сельскохозяйственные рабочіе. Падающее экономическое и соціальное значеніе сословія среднихъ землевладѣльцевъ (Ackerbürger) и крестьянъ на ряду съ преобладаніемъ крупныхъ имѣній, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше парализуетъ его тенденцію къ территоріальному расширенію. Необезпеченное потомство собирается въ столицѣ и больше не можетъ быть использовано для колонизаціонныхъ цѣлей съ тѣхъ поръ, какъ оно уже не проникнуто интересомъ, пріобрѣтая осѣдлость, стать полноправными гражданами. Оно должно все въ большемъ и большемъ числѣ получать обезпеченіе съ помощью хлѣбныхъ раздачъ отъ государственной хлѣбной администраціи. Этимъ въ то же время былъ съуженъ естественный рынокъ для италійскаго хлѣба и было создано дальнѣйшее побужденіе для свободныхъ сельскихъ рабочихъ къ скопленію въ столицѣ. Къ этому прибавилось страшное разореніе крестьянскаго сословія походами въ далекія заморскія страны и притомъ для надобностей, которыя не имѣли ничего общаго съ его интересами. Съ помощью самого себя снаряжающаго войска гражданъ эти войны уже

сами по себѣ не могли вестись долгое время. Но и потому, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше это было возможно, что съ увеличеніемъ интенсивности обработки, здѣсь, какъ и вездѣ, самостоятельно хозяйничающій крестьянинъ все болѣе и болѣе становился экономически „неотлучнымъ“ („unabkömmlich“) [1].

Рѣшительной борьбой свободнаго труда и поселенія съ несвободными было движеніе Гракховъ, которое опять ухватилось за старое требованіе раздѣла ager publicus, Гракхи лично, по крайней мѣрѣ Тиберій, были прежде всего *политическими* реформаторами; ихъ цѣль: возстановленіе старыхъ основъ *военнаго* строя. Они ставили, само собой разумѣется, интересы крестьянства—для себя и для своихъ дѣтей получить возможность дешево пріобрѣсти землю—на службу своему дѣлу. Земля для цѣлей поселенія могла быть въ большомъ количествѣ получена лишь путемъ ограниченія и частичной конфискаціи оккупацій. Но это отнятіе старыхъ владѣльческихъ правъ цѣлыхъ поколѣній—это какъ разъ подчеркнулъ Эд. Мейеръ—шло въ разрѣзъ съ интересами не только римскихъ, но также и допущенныхъ къ оккупаціи, въ принципѣ на равной ногѣ, *союзническихъ* поссессоровъ; и поэтому движеніе Гракховъ вызвало не только классовую борьбу въ Римѣ, но также борьбу римскаго гражданства съ союзниками, которые теперь уже для своей экономической защиты и для того, чтобы участвовать въ ассигнаціяхъ, должны были потребовать права гражданства, тогда какъ до тѣхъ поръ, наоборотъ, они довольно

---

[1]) То очень вѣрное, что заключается въ уже упомянутомъ однажды замѣчаніи L. M. Hartmann'a, именно, что рабство въ древности было экономически необходимо (изъ за военной повинности), въ этомъ изложеніи, надѣюсь, нашло свое подтвержденіе. Но, конечно, ни собственно специфическое явленіе, какимъ представляется римское *сельско-хозяйственное* рабство въ *крупномъ* производствѣ, не можетъ быть выведено изъ *одного* этого, ни вообще то, что какъ разъ *рабство*, а не другія формы сваливанія съ себя веденія хозяйства, каковы Instleute, арендаторы изъ части продукта, илоты и т. д., представляло собою средство „приспособленія“ къ этому положенію, къ необходимости „отлучки“ („Abkömmlichkeit“) для политики и войны. *Какой* среди (*въ большинствѣ случаевъ*) *очень различныхъ* путей „приспособленія“ избираетъ историческое образованіе (ein historisches Gebilde), въ *этомъ* покоится (*въ большинствѣ случаевъ*) какъ разъ исторически *важное* въ его своеобразіи.

часто должны были протестовать противъ отлива въ Римъ своихъ самыхъ состоятельныхъ гражданъ (см. выше).

Гракхи могли, даже въ союзѣ съ крестьянами, лишь отъ раскола среди превосходившаго ихъ противника ожидать побѣды для своего въ *первой* линіи вѣдь идеологически мотивированнаго движенія. Имъ дѣйствительно удалось привлечь на свою сторону „commercial interest“, слой не принадлежавшихъ къ должностной знати владѣльцевъ денегъ и рабовладѣльцевъ, чисто экономически заинтересованной буржуазіи, такъ называемое рыцарское (всадническое) сословіе, когда они помогли откупщикамъ налоговъ путемъ предоставленія провинціи Азіи ихъ эксплуатаціи по системѣ сдачи на откупъ въ городѣ Римѣ и путемъ передачи имъ судовъ подняться на вершину ихъ могущества, съ которой лишь Сулла ихъ окончательно низвергъ, когда онъ опять подчинилъ ихъ судебному контролю сенаторскихъ родовъ. Этотъ подъемъ античнаго капитализма на высшій пунктъ своего развитія (въ ему присущихъ формахъ), какъ онъ былъ достигнутъ этимъ усиленіемъ класса капиталистовъ, совершался, несомнѣнно, на счетъ интересовъ провинціаловъ, которые были предоставлены безпощаднѣйшей эксплуатаціи. И, несмотря на это, это не надолго было на пользу движенію Гракховъ. Сенату удалось перетянуть на свою сторону экономически насыщенныхъ всадниковъ (die ökonomisch gesättigte Ritterschaft). Мысль привлечь къ себѣ союзниковъ, предложеніемъ имъ правъ гражданства, не могла имѣть успѣха въ Римѣ: съ тѣхъ поръ, какъ право гражданства не только давало право расчитывать на полевой надѣлъ, но вообще опять стало внушать комиціямъ чувство ихъ силы и вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности ея экономическаго использованія, онѣ стали переходить на тѣ пути, по которымъ шелъ аѳинскій демосъ до Перикла и при немъ. И въ концѣ концовъ какъ разъ вслѣдствіе военно—и аграрно-политической цѣли аграрныхъ законовъ Г. Гракхъ, пріобрѣтя популярность у массъ, увидѣлъ направленную противъ себя конкуренцію демагогіи крупныхъ землевладѣльцевъ.

Произведенныя Гракхами, какъ и позднѣйшія, земельныя ассигнаціи пытались предотвратить вновь создаваемыя ими возможности спекуляціи и задолженности: владѣлецъ полученнаго участка долженъ былъ становиться дѣйствительно

крестьяниномъ-землевладѣльцемъ. Различнаго рода вспомоществованія для пріобрѣтенія инвентаря стоятъ поэтому рядомъ съ рѣшительными правовыми ограниченіями: неотчуждаемостью и, какъ показателемъ верховной собственности государства, чиншемъ въ пользу государства (Rekognitionszins) (сулланскія и цезаріанскія ассигнаціи ветеранамъ запрещали закладъ участковъ и отдачу ихъ въ приданое и въ то же время дѣлали ихъ свободными отъ оброка). Но какъ разъ „соціально-политически" мотивированныя ограниченія и погубили Гракховъ. Въ виду этихъ политическихъ цѣлей введенная неотчуждаемость вновь ассигнированныхъ земельныхъ участковъ и уплачиваемый государству въ видѣ признанія его верховнаго права собственности въ отношеніи къ этимъ участкамъ чиншъ (der Recognitionszins) были искусно выдвинуты противъ Г. Гракха, и онъ былъ „побитъ" („überboten").

Побѣда „земельнаго интереса" („landed interest") вмѣстѣ съ насильственнымъ подавленіемъ движенія Гракховъ знаменовала побѣду несвободнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе старыхъ основъ государства. Оккупаціи путемъ дошедшаго до насъ въ надписи lex agraria 111 года до Р. Х. были и формально разъяснены какъ ager privatus, слѣдовательно, окончательно превращены въ собственность, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ устраненъ италійскій ager publicus. Послѣ того Маріемъ былъ принятъ въ старое, само себя снаряжающее войско гражданъ снаряжаемый государствомъ пролетаріатъ „capite censi", потому что только такимъ образомъ могла быть проведена реорганизація войска и отражена крайняя опасность германскаго нашествія. Правда, путемъ союзнической войны крестьянство и мелкая буржуазія Италіи силою добыла себѣ участіе въ выгодахъ права гражданства. Но политическое значеніе крестьянства, идетъ ли рѣчь о составѣ комицій или о государственномъ управленіи и о разрѣшеніи задачъ мірового государства, уже отошло въ прошлое. Войско превратилось въ учрежденіе, обезпечивающее неимущихъ (eine Versorgungsanstalt der Besitzlosen): ветеранъ, а не гражданинъ имѣлъ теперь право расчитывать на земельное надѣленіе, и начали—какъ разъ съ Марія—повышаться среднія величины ассигнацій: 30 югеровъ въ эпоху Гракховъ, 50 при тріумвирахъ въ Италіи, еще значительно

большіе участки въ провинціяхъ. Съ другой стороны, отбываемая въ видѣ конной службы военная повинность владѣющихъ классовъ перестала быть дѣйствительной. Тѣмъ и другимъ была создана политическая основа цезаризма.

Большія возстанія рабовъ указываютъ на сильное умноженіе и численное значеніе несвободныхъ сельскихъ рабочихъ. Тяжелыя потрясенія владѣльческихъ отношеній, вызванныя конфискаціями и земельными надѣленіями особенно тріумвировъ, по существу оказали отрицательное, а не положительное воздѣйствіе. Разъ данную экономическую структуру и вмѣстѣ съ этимъ данное деклассированіе крестьянина нельзя же было потрясти, и ветераны вопреки упомянутымъ ограниченіямъ оборота не удержались на своей землѣ. Земля со времени регулированія оккупацій въ Италіи была въ громадной своей части въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ; какъ сильно было увеличеніе этого владѣнія путемъ прямой скупки у крестьянъ, нельзя точно опредѣлить: „massae" дошедшаго до насъ матеріала источниковъ даютъ для этого лишь совершенно случайныя (и позднія) точки опоры. Для Рима слѣдуетъ остерегаться во всей полнотѣ представлять себѣ количественное исчезновеніе крестьянскаго сословія. Во всѣ времена римскаго владычества, въ особенности въ областяхъ не дающей ренты земли, существовали многочисленные „самостоятельные" крестьяне, какъ въ настоящее время существуютъ и будутъ существовать „самостоятельные" ремесленники. Произведенныя Шультеномъ чрезвычайно обстоятельныя изслѣдованія областей распространенія сабельскихъ именъ показываютъ очень большую устойчивость, особенно крестьянъ горныхъ мѣстностей, которая едва ли можетъ быть приписана только или главнымъ образомъ римскимъ ограниченіямъ права передвиженія. Крестьянинъ оставался количественно въ большомъ числѣ. Но качественно—въ смыслѣ своего соціальнаго и экономическаго вѣса—онъ уже не имѣетъ значенія рядомъ съ рабовладѣльцами. Въ глазахъ аграрныхъ писателей онъ превращается — конечно, преувеличенно — въ „pauperculus", который „cum sua progenie" воздѣлываетъ землю, какую оставляетъ ему раціональное хозяйство. Распоряженіе Цезаря, что пастухи на треть должны быть свободные люди, и рѣчь Тиберія въ сенатѣ о послѣдствіяхъ сельско-хозяйственнаго рабства ясно показываютъ, куда привело развитіе.

Хозяйственная техника римскихъ „крупныхъ хозяйствъ“ („Grosswirtschaften“) оставалась на той же ступени, что и греческая. Унаваживаніе въ эпоху Катона довольно интенсивно, практикуется кормленіе скота въ стойлѣ, но полевыя орудія совершенно примитивны. Употребленіе бороны, гдѣ оне встрѣчается, относится лишь къ императорской эпохѣ; для снятія съ поля хлѣба употребляется серпъ; формой молотьбы является топтаніе хлѣба скотомъ. Затѣмъ была заимствована у Кароагена молотильная телѣга. Мало доходное, въ особенности внутри страны, хлѣбопашество рано остановилось на этой своей техникѣ. По существу только высокоцѣнные продукты, оливковое масло и вино, откормленный скотъ и въ особенности предметы гастрономіи, могли производиться внутри страны для сбыта съ прочнымъ барышомъ.

Этимъ опредѣляется въ римскихъ крупныхъ помѣстьяхъ характеръ организаціи производства. Крупныя пастбищныя хозяйства съ переходящими съ мѣста на мѣсто стадами господствуютъ въ Апуліи и на „calles“ горныхъ мѣстностей, въ другихъ мѣстахъ они не являются правиломъ. Но вездѣ въ капиталистическихъ хозяйствахъ интересъ къ хлѣбопашеству отступаетъ назадъ [1]). Въ собственномъ хозяйствѣ культивируются съ помощью рабскаго труда требующія интенсивнаго приложенія капитала отрасли: масличныя и виноградныя плантаціи и спеціальные культуры; пахотная земля въ эпоху Катона, можетъ быть, воздѣлывалась съ помощью работы по подряду изъ части продукта (in Anteilsakkordarbeit), но еще чаще, и во всякомъ случаѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, сдавалась coloni (мелкимъ арендаторамъ) изъ части или (все больше и больше, и въ юридическихъ источникахъ почти исключительно о ней идетъ рѣчь) за денежную арендную плату.

---

[1]) Изданный Wissowa (Apophoreton, Berlin, 1903) „Крестьянскій Календарь“, какъ онъ ни интересенъ, не дастъ, однако, ничего существеннаго для характеристики способа производства. Что онъ указываетъ сроки для предпринимaнія отдѣльныхъ операцій со стороны сельскаго хозяина (посѣвъ, молотьба, жатва и т. д.) въ отношеніи къ ячменю, пшеницѣ, полбѣ, бобамъ, журавлиному гороху, сѣну, овощамъ, оливковымъ деревьямъ, орѣшнику, тростнику, вину, скоту, не свидѣтельствуетъ, однако, какъ, повидимому, склоненъ принимать Wissowa, что всѣ эти продукты комбинировались въ одномъ хозяйствѣ, и не показываетъ, какіе именно комбинировались.

Рабская плантація въ эпоху отъ Катона до Варрона переживала свое расширеніе (Expansion). Рабы, пока рабскій рынокъ обезпечиваетъ постоянный подвозъ ихъ, живутъ въ казармахъ, живутъ, слѣдовательно, лишенные брака и собственности—рабыни едва ли находятъ тогда примѣненіе въ производствѣ—и подчинены суровой военной дисциплинѣ. Только villicus пользуется обыкновенно правомъ на contubernium (рабскій бракъ) и на peculium (право выгонять скотъ на господское пастбище). Собственно плантаціонные рабы (въ виноградныхъ плантаціяхъ) въ эпоху Катона часто бываютъ закованы въ цѣпи и получаютъ, въ соотвѣтствіи съ болѣе трудной принудительной работой, бо́льшіе раціоны. Но вообще въ позднереспубликанскій періодъ въ помѣстьяхъ съ вполнѣ развитой эксплуатаціей несвободнаго труда рабы, подобно рабамъ фараоновъ въ „новомъ царствѣ“, живутъ въ общихъ спальняхъ, „выступаютъ“ („treten an“) у Варрона по утрамъ декуріями и идутъ на работу, погоняемые бичами своихъ погонщиковъ. Лучшее платье сдается въ „камеру“ на попеченіе виллики (villica) и выдается только въ праздничные дни или отъ времени до времени для „сбора“ (переклички); предусмотрѣны лазаретъ для больныхъ и карцеръ для нежелающихъ работать.

Съ ростомъ производства и, слѣдовательно, съ ростомъ спроса на рабовъ стараются покупать ихъ какъ можно дешевле; цѣнили расторопность обращенныхъ въ рабовъ преступниковъ: „velocior est animus improborum“. Ибо, хотя назначали преміи за дѣторожденіе и выращиваніе дѣтей, но при полномъ смѣшеніи половъ (расположеніе къ одной опредѣленной рабынѣ развивало бы, напримѣръ, склонность къ симуляціи болѣзни, какъ выдвигаетъ это Варронъ) сколько нибудь значительное самовоспроизведеніе рабовъ было невозможно. Поэтому рабская казарма всегда нуждалась въ прикупкѣ рабовъ, и для этого дешевизна является рѣшающей, ибо производство съ рабскимъ трудомъ представляетъ собою страшное расточеніе человѣческихъ силъ (Menschenverschleiss).

Полное использованіе рабскаго труда въ виду колеблющагося спроса на трудъ (Arbeitsbedarf) есть одна изъ основныхъ проблемъ римскаго помѣстнаго хозяйства (Gutsbetrieb). Какъ въ настоящее время стоящія безъ работъ машины „пожираютъ“ проценты, такъ—въ буквальномъ смыслѣ этого

слова и болѣе прямымъ способомъ—то же цѣластъ заключающійся въ рабахъ капиталъ (instrumentum vocale) помѣстнаго двора (Cato, r. r. 39,2). Первоначально еще умѣренные размѣры производства—Катонъ имѣетъ дѣло лишь съ нѣсколькими сотнями моргеновъ—еще не допускали развитія помѣстныхъ ремесленниковъ, а дешевизна рабовъ не создавала еще побужденія къ обученію ихъ съ цѣлью превратить ихъ въ технически подготовленныхъ рабочихъ. Поэтому, за исключеніемъ немногочисленныхъ работъ по плетенію, обработкѣ дерева и починкамъ, потребность въ ремесленныхъ продуктахъ, именно во всякаго рода металлическихъ товарахъ, но также, повидимому, и въ платьѣ для рабовъ [1]), далѣе въ такихъ продуктахъ, какъ рыба, соль (и то, и другое для пропитанія рабовъ), варъ (для кадокъ) и т. д., покрывалась на рынкѣ, и почти всѣ продукты—даже и шерсть—продавались въ необработанномъ видѣ.

Кромѣ рабовъ и свободные рабочіе были заняты въ качествѣ поденщиковъ при уборкѣ хлѣба, сѣна, винограда, для вскапыванія почвы, а также—для сбереженія рабскаго капитала—употреблялись для работъ на нездоровой почвѣ. Но эти свободные рабочіе, которые были совершенно необходимы, особенно въ періодъ жатвы, все болѣе и болѣе теряли относительное значеніе, потому что ихъ нахожденіе рядомъ съ массами рабовъ казалось опаснымъ, а также, конечно, въ результатѣ общихъ психологическихъ послѣдствій несвободы труда—совѣтъ Варрона постоянно, по возможности ежедневно мѣнять свободныхъ рабочихъ остается фактомъ, такъ какъ сомнѣнія, выставленныя Пернисомъ противъ толкованія этого мѣста, принятаго Глазеромъ (и вмѣстѣ съ нимъ Гуммерусомъ), на мой взглядъ, несостоятельны. Въ качествѣ вспомогательныхъ рабочихъ принимались въ расчетъ еще въ эпоху Варрона nexi, obaerati, которые должны были отработать должныя ими суммы. Въ болѣе раннее время можно было необходимыхъ въ страдную пору рабочихъ посадить на землю въ качествѣ прекаристовъ (правовое положеніе такихъ же такъ называемыхъ „свободныхъ“ сельскихъ рабочихъ у насъ, которымъ даютъ кусокъ картофельнаго поля безъ даваемой контрактомъ гарантіи, чтобы этимъ ихъ приковать къ помѣстью для страдной поры—въ противоположность „Instleute“ и другимъ рабочимъ по контракту—соотвѣтствуетъ въ Восточной Германіи еще и теперь положенію римскаго прекариста; см. Труды общества соціальной политики 50, стр. 773). Но уже въ эпоху Катона, повидимому, очень было распространено сваливаніе работы по уборкѣ урожая на предпринимателей, которые обходились съ помощью свободныхъ рабочихъ, или еще болѣе простая продажа урожая на корню. Также и стада скота такимъ же образомъ сдавались для извлеченія дохода (своеобразіе катоновской схемы договора стоитъ въ связи со слабостью предпринимателя въ отношеніи капитала).

[1]) Въ Элладѣ Мегара, напримѣръ, поставляла Аѳинамъ платье для рабовъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія проблемы сезонныхъ рабочихъ идеальное помѣстное хозяйство 2 столѣтія, какъ его изобразилъ Катонъ въ De Agricultura, и какъ центръ производства, и какъ центръ потребленія, а также въ относительно сильной мѣрѣ и какъ потребитель труда, вступило въ тѣсную связь съ рынкомъ; основное положеніе: ничего не покупать, что можно у себя произвести, имѣло, правда, вѣсъ какъ унаслѣдованная мудрость, но структура помѣстнаго хозяйства позволяла тогда уже лишь въ малой мѣрѣ проводить его въ жизнь, какъ это превосходно доказала прекрасная работа Gummerus'а: въ эпоху Катона растетъ денежное хозяйство. Но съ все расширявшимся ростомъ крупнаго владѣнія и размѣровъ производства—явленія эти, конечно, не тожественны, но фактически развиваются параллельно—уже въ эпоху Варрона появляются рядомъ съ кирпичными заводами и гончарными мастерскими для надобностей сбыта и помѣстные ремесленники для собственной надобности, затѣмъ, вполнѣ достовѣрно, и примѣненіе (у Катона, какъ и въ Элладѣ, еще совсѣмъ отсутствовавшихъ) рабынь для изготовленія одежды для рабовъ [1]), устройство собственныхъ маслодавилокъ, благодаря своей дороговизнѣ доступныхъ только сильнымъ капиталомъ

[1]) Что ткачи-мужчины, о которыхъ упоминаетъ Варронъ, работаютъ для рынка, кажется мнѣ (какъ и Gummerus'у) вѣроятнѣе. Они составляютъ устроенное при помѣстьѣ приспособленіе для переработки хозяйственныхъ излишковъ.

хозяевамъ. Съ другой стороны, въ качествѣ типическаго явленія въ эпоху поздней республики уже на-лицо „coloni".

Помѣстныхъ ремесленниковъ мы, естественно, больше всего находимъ тамъ, гдѣ крупное производство проникаетъ въ болѣе бѣдныя городами и обмѣномъ области, и даже для тогдашнихъ средней величины помѣстій, какъ это опредѣленно указываетъ Варронъ, рискъ капиталомъ, который влекло за собою владѣніе собственными обученными рабами-ремесленниками, въ большинствѣ случаевъ былъ еще очень великъ. Чѣмъ крупнѣе помѣстье, и чѣмъ больше лежитъ оно внутри страны (im Binnenland), тѣмъ бо́льшую роль играютъ, съ одной стороны, собственные ремесленники, съ другой — coloni.

Когда возникла мелкая аренда въ формѣ двухсторонняго bonae-fidei договора locatio-conductio, нельзя съ точностью опредѣлить: она появляется, какъ и въ Египтѣ, на мѣсто и съ формальной стороны чисто по просьбѣ совершавшейся передачи земли, стариннаго феодальнаго precarium'а. Для оцѣнки соціальнаго положенія колона уже въ республиканскую пору слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что онъ не только (какъ и прекаристъ) въ отношеніи къ собственнику земли, но и, въ противоположность прекаристу и (несомнѣнно) арендатору государственной земли, въ отношеніи къ третьимъ лицамъ не пользуется никакой защитой владѣнія, но только по иску, вытекающему изъ договора, можетъ получить возмѣщеніе ущерба въ случаѣ, если собственникъ земли опять не отдастъ ему участка. Уже въ республиканскую пору повсюду увеличивается число coloni вмѣстѣ съ увеличеніемъ объема на подобіе лавины выроставшихъ, частью въ видѣ разбросаннаго владѣнія (Streubesitz), частью въ видѣ замкнутаго, „latifundia" — естественно, главнымъ образомъ на первыхъ, но и на послѣднихъ. Съ тѣхъ поръ какъ исчезли надежды на аграрный переворотъ, естественно возраставшее въ числѣ крестьянство въ Италіи могло разсчитывать лишь на аренду земли у становившихся все болѣе и болѣе крупными землевладѣльцевъ. Въ провинціяхъ государство забирало массами конфискованныя или инымъ путемъ пріобрѣтенныя владѣнія царей или аристократическихъ фамилій, на которыхъ сидѣли колоны или крестьяне на прекарномъ владѣльческомъ правѣ.

Вопросъ о томъ, выгоднѣе ли самому (т. е. съ помощью рабовъ) вести хозяйство въ помѣстьѣ или сдавать въ аренду колонамъ, coloni), научно разбирался уже въ началѣ послѣдняго столѣтія до Р. X. На практикѣ онъ могъ рѣшаться въ пользу рабскаго труда до тѣхъ поръ, пока этотъ послѣдній такъ же дешево можно было пополнять, какъ и въ республиканскую эпоху, но и тогда только для такихъ продуктовъ, которые производились въ экстенсивномъ, въ смыслѣ труда, плантаціонномъ хозяйствѣ. Много пахотныхъ полей (Getreideäcker) и въ особенности лежащихъ далеко отъ центра (agri longinquiores) все растущихъ помѣстій сдавали, наоборотъ, вѣроятно, уже въ эпоху Варрона (хотя онъ и не говоритъ объ этомъ) также мелкимъ съемщикамъ, какъ это бывало, вполнѣ достовѣрно, позже, и чѣмъ меньше крупное помѣстье было приспособлено къ производству продуктовъ плантаціоннымъ способомъ, тѣмъ болѣе должна была преобладать въ немъ сдача земли колонамъ (coloni). Ибо, что coloni въ этомъ смыслѣ уже до Варрона стали представлять собою вполнѣ типическое явленіе, это вполнѣ установлено, и въ эпоху Цезаря (b. civ. I, 34, 2) они соціально и политически имѣли почти совершенно такое же значеніе въ качествѣ „держателей" („Hintersassen") своего помѣщика (Gutsherr), какъ и его рабы и вольноотпущенники (liberti).

Coloni уже въ позднереспубликанскую эпоху являются постоянными жителями помѣстья (Gutsinsassen), которые въ качествѣ собственнаго имущества въ большинствѣ случаевъ владѣютъ лишь нѣкоторымъ количествомъ скота, которымъ помѣщикъ сдаетъ землю вмѣстѣ съ инвентаремъ и поэтому часто предписываетъ способъ пользованія ею въ формѣ общаго для всего помѣстья „lex" — характерно соотвѣтствующаго нашимъ „рабочимъ распоряженіямъ" (Arbeitsordnungen"), — которые часто оказываются задолжавшими ему и затѣмъ благодаря залоговому праву становятся фактически прикрѣпленными къ своимъ движимостямъ. Кромѣ того, поскольку аренда должна была быть арендой изъ части продукта — что, впрочемъ, для частнаго владѣнія еще въ глубинѣ императорскаго періода на Западѣ не можетъ быть доказано —, естественно, каждый разъ отъ условій отдѣльнаго случая зависѣло бы, разсматривались ли они прежде всего какъ люди, которые

брали на себя обязанность такъ вести хозяйство на данномъ мелкомъ участкѣ земли, чтобы собственнику его поступало съ него—въ видѣ части продукта—какъ можно больше дохода, или же какъ арендаторы, которые за плату части продукта получаютъ право согласно договору эксплуатировать этотъ участокъ. Но и при денежной арендѣ тамъ, гдѣ собственникъ земли всегда ставилъ инвентарь, съ самаго начала возобладала первая точка зрѣнія: это самъ собственникъ земли „черезъ посредство колоновъ" („per colonos") хозяйственно „эксплуатируетъ" („exercet") свой участокъ.

Что на колоновъ договоромъ возлагалась и обязанность работать на барскомъ дворѣ въ видѣ помочей, на основаніи источниковъ этого нельзя прямо доказать. Варронъ молчитъ объ этомъ. Что такія работы—въ періодъ большой нужды въ рабочихъ рукахъ—все же производились, это тѣмъ не менѣе a priori представляется въ самой высокой степени вѣроятнымъ. Согласно одному, впрочемъ, въ этой интерпретаціи оспариваемому мѣсту, впослѣдствіи, если они работали для барскаго двора, они, какъ и почти всѣ свободные рабочіе древности, получали отъ землевладѣльца содержаніе и подлежали надзору инспектора.

Такимъ образомъ, съ ростомъ крупнаго землевладѣнія и масса свободнаго сельскаго населенія—вѣдь колоны занимаютъ частью территорію свободныхъ крестьянъ—на правѣ необезпеченнаго владѣнія осѣла на своей землѣ. Если первоначально войско въ Римѣ, какъ и въ каждомъ полисѣ, составлялось изъ самихъ себя экипировавшихъ земельныхъ собственниковъ, то послѣ того, какъ стали принимать и безземельныхъ „capite censi" въ теперь уже экипируемое государствомъ войско, все больше и больше на ихъ мѣсто вступаютъ coloni.

Веденіе хозяйства въ республиканскую пору страдаетъ значительными недостатками, именно вслѣдствіе типическаго абсентеизма землевладѣльцевъ, которые, участвуя въ политикѣ, постоянно жили въ городѣ. Владѣлецъ въ большинствѣ случаевъ лишь отъ времени до времени появляется въ деревнѣ, чтобы принять отъ вилликa отчетъ. Какъ мало самъ онъ (очень часто) понимаетъ въ хозяйствѣ—чѣмъ дальше, тѣмъ меньше—,показываютъ тѣ облегченія (Eselsbrücken), какія хотятъ устроить для него аграрные писатели. Веденіе

книгъ распространяется въ сколько-нибудь тщательной формѣ только на высокоцѣнные продукты сбыта, именно на оливковое масло и вино. Наличная денежная рента—единственная цѣль владѣнія. Отсюда нерасположеніе ко всякимъ преслѣдующимъ болѣе далекія цѣли меліораціямъ, для которыхъ къ тому же не было выработано формы реальнаго кредита. Этимъ же объясняется и частое отчужденіе урожая винограда и оливокъ на корню. Культура оливокъ и винограда экстенсивна въ смыслѣ труда и въ общемъ, повидимому, въ очень малой мѣрѣ тщательна. Хлѣбопашество, техника котораго осталась въ смыслѣ труда интенсивной, служило главнымъ образомъ натурально-хозяйственному покрытію потребностей помѣстнаго ойкоса. Колоны могли снабжать мелкіе мѣстные рынки. Снабженіе хлѣбомъ Рима съ помощью контролируемаго государствомъ заморскаго ввоза было почти совершенно отнято у свободнаго рынка въ главномъ своемъ дѣлѣ—въ снабженіи хлѣбомъ массъ и все болѣе и болѣе базировалось на натуральныхъ взносахъ подданныхъ, которые обращались на хлѣбные раздачи.

Куда ни ставило свою ногу правительство римской аристократіи, тамъ оно ускоряло возникновеніе крупнаго землевладѣнія. Не прямо тѣмъ, что римское господство, въ общемъ и цѣломъ, вездѣ въ зависимыхъ заморскихъ общинахъ, въ концѣ-концовъ, помогало захватить власть олигархіи и на нее политически опиралось. Прямо же тѣмъ способомъ, какимъ оно распоряжалось самой землей и земельнымъ правомъ. Хотя этотъ пунктъ болѣе подробно будетъ разсмотрѣнъ въ статьѣ „Колонатъ", все же да позволено будетъ предпослать здѣсь по крайней мѣрѣ кое-что.

Въ высочайшей степени пестра юридическая природа владѣльческихъ отношеній на всей не находящейся на правѣ полной частной собственности территоріи. На ager publicus pop. Rom. первоначально, какъ уже было сказано, существовали съ точки зрѣнія частнаго права лишь „possessiones". Но италійскій ager publicus исчезъ вслѣдствіе перевода всей земли, занятой на правѣ оккупаціи, въ частную землю и вслѣдствіе ассигнацій Цезаря (въ Кампаніи) и тріумвировъ. Послѣдніе его остатки („subseciva") Домиціанъ передалъ ихъ владѣльцамъ. Въ сущности со времени Цезаря въ качествѣ

государственной (способной къ культурѣ) земли въ Италіи была лишь муниципальная земля, „ager publicus" былъ ограниченъ провинціями.

Что допущенный къ юридически оформленной арендѣ государственной земли (всегда человѣкъ, обладавшій правомъ commercium'а) пользовался поссессорной и петиторной защитой и противъ третьихъ лицъ, для меня, въ противоположность Mitteis'у, совсѣмъ не является спорнымъ и для срочной аренды, и свидѣтельство Гигина ставитъ это внѣ сомнѣнія. (Отсутствіе прямого иска частныхъ coloni имѣло—см. выше—соціальныя причины. Положеніе государственнаго съемщика вездѣ другое, какъ юридически, такъ и фактически). Передача аренды замѣстителю (vicarius) могла происходить съ согласія административной власти. Но судебная защита, о которой сейчасъ шла рѣчь, была доступна только людямъ, находящимся въ римскомъ правовомъ союзѣ (римлянамъ и союзникамъ), но не подданнымъ. Эти послѣдніе, поскольку они сидѣли на ager publicus въ силу ли юридически оформленной аренды, или же внося традиціонные оброки, составляли сословіе оброчныхъ владѣльцевъ на прекарномъ правѣ, (einen prekären abgabepflichtigen Besitzerstand), которое при конфискаціяхъ завоеванной земли составлялось прежде всего изъ людей, бывшихъ до сихъ поръ собственниками этой земли, пока произволъ цензоровъ или распоряженіе полями для цѣлей колонизаціи не ставило на ихъ мѣсто другихъ.

Отличной отъ сдачи въ аренду доменовъ, которая фактически была нормально лишь ревизіей арендныхъ контрактовъ по сдачѣ доменовъ, которымъ de jure уже истекалъ срокъ, является сдача на откупъ оброковъ, посредствомъ которой рядомъ съ другими платежами и оброки арендаторовъ доменовъ сдавались на откупъ публиканамъ. Впрочемъ, то и другое могло сливаться, когда крупный съемщикъ снималъ въ аренду государственный доменъ вмѣстѣ съ оброками съ сидѣвшихъ на немъ мелкихъ съемщиковъ (coloni), или когда онъ съ своей стороны передавалъ мелкими участками снятую землю домена. Изъ юридически связанныхъ съ періодами ценза и прекарныхъ владѣльческихъ отношеній (Besitzständen) и рядомъ съ ними развивались разнообразныя наслѣдственно-арендныя отношенія, именно, когда шла рѣчь о землѣ, которая нуждалась въ меліо-

раціи. Для Африки уже посредствомъ lex agraria 643 a. u. c. установлена была высота vectigal для земли, отданной въ наслѣдственную аренду, и постепенно перешли къ тому, что стали сдавать домены и оптомъ на 100 и болѣе лѣтъ за vectigal и наслѣдственную денежную плату (Erbbestandgeld) mancipes, которые затѣмъ, съ своей стороны, сажали на нихъ своихъ съемщиковъ или сами вели на нихъ крупное хозяйство.

Въ противоположность Mitteis'у я и теперь держусь того мнѣнія, что крупныя аренды на вѣчныя времена, которыя въ своей комбинаціи съ передачей участковъ coloni такъ ясно встрѣчаются намъ въ распоряженіи Константина отъ 319 года (Cod. Iust. XI, 63, 1), въ зародышѣ уже выступаютъ у Гигина (de cond. agr. p. 116). Во всякомъ случаѣ (ср. Англію!) аренда „на 100 лѣтъ" не есть другое выраженіе для вѣчной аренды, какъ думаютъ Mitteis и Шультенъ. Но manceps Гигина есть явный предшественникъ константиновскаго эмфитеота и едва ли просто для цѣли вербовки наслѣдственныхъ съемщиковъ посредничествующій колонизаторъ-предприниматель (Ansiedelungsunternehmer). Въ этомъ пунктѣ аргументы Mitteis'а—здѣсь по существу дедуктивнаго характера и не могущіе быть основанными на источникахъ—кажутся мнѣ неубѣдительными. „Proximi quique possessores" вовсе же не обязательно „крестьяне"; они являются ими такъ же мало, какъ и египетскіе катэки. Мелкіе наслѣдственные съемщики появятся на территоріи римскаго, какъ и греческаго права, хотя при экономической структурѣ римскаго господства, отличнаго отъ греческой политики небольшихъ городовъ, менѣе часто (для области ager vectigalis о нихъ нѣтъ свидѣтельствъ въ источникахъ). Но характерно римскимъ является, конечно, постоянный ростъ размѣровъ частныхъ и quasi-частныхъ владѣній. Съ этимъ соглашается для позднѣйшаго императорскаго періода и Mitteis. Но кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы поздняя республика, къ специфической административной техникѣ которой относится „manceps", устроила это во избѣжаніе крупныхъ арендъ.

Уже рано—мы не знаемъ, когда именно—развились и безсрочныя владѣльческія отношенія на государственной землѣ. Они покоятся или на сенатусконсультѣ—такъ возникло арендное право упомянутыхъ выше viasii vicani—и тогда регулиру-

ются и гарантируются лишь административнымъ порядкомъ, или на lex какъ „ager privatus vectigalisque“, наслѣдственно-арендная земля, въ Африкѣ.

Лишь очень малая часть римской почвы, такимъ образомъ, захвачена тенденціознымъ земельнымъ правомъ квиритовъ, большая масса землевладѣльцевъ сидитъ на чрезвычайно разнообразныхъ, въ большинствѣ случаевъ прекарныхъ правахъ.

Къ этому присоединяются, наконецъ, владѣльческія отношенія (die Besitzstände) на не римскихъ поляхъ (a. peregrinus). Среди членовъ латинскаго союза правовое положеніе земли и commercium въ отношеніи къ ней регулируется договорнымъ порядкомъ, обѣ стороны опредѣленнымъ, исторически мѣняющимся образомъ, имѣютъ участіе въ національномъ земельномъ правѣ другъ друга. Въ заморскихъ владѣніяхъ Рима полная правовая автономія и, слѣдовательно, и владѣніе землей по собственному праву одной части союзныхъ городовъ гарантировано договоромъ (foedus) (civ. foederatae), слѣдовательно, не подлежитъ отмѣнѣ. Очень значительная часть лежащей въ заморскихъ владѣніяхъ земли остается въ качествѣ ager publicus въ непосредственномъ распоряженіи центральныхъ властей въ Римѣ. Но одна (можетъ быть, значительная) часть этой конфискованной или въ качествѣ домена перешедшей къ Риму земли, повидимому, отдавалась государствомъ общинамъ (въ качествѣ ager per extremitatem mensura comprehensus, см. выше) за уплату трибута съ правомъ взять ее у нихъ обратно (это та часть, требованіе возвращенія которой государству въ 4 столѣтіи вызвало тогда такія сильныя потрясенія владѣльческихъ правъ, какъ совершенно правильно думаетъ Mitteis). Это отношеніе могло, въ частности, возникнуть и изъ того, что общины—какъ въ Сиріи уже въ эпоху Птолемеевъ—оптомъ брали на откупъ государственные взносы съ находящагося на ихъ политической территоріи ager publicus (сначала на срокъ, а потомъ навсегда). Болѣе широкой части почвы закономъ, слѣдовательно, односторонне и поэтому съ возможностью также по закону—а не силою административнаго произвола—отмѣны, было оставлено положеніе ager perigrinus. Сюда относятся, напримѣръ, stipendiarii въ Африкѣ, обязанные платить контрибуцію крупные землевладѣльцы, которые удерживаютъ свою землю, но владѣютъ ею не по римскому праву частной

или доменіальной аренды, но, очевидно, по праву перегриновъ, а это означало: съ возможностью произвольнаго вмѣшательства со стороны намѣстниковъ во владѣльческія отношенія, какъ оно существовало для всякаго владѣнія въ рукахъ подданнаго. Наконецъ, части общинъ—и онѣ называются въ специфическомъ смыслѣ „civitates stipendiariae“—распоряженіемъ сената прекарно оставлено владѣніе до дальнѣйшаго распоряженія съ формулой: habere uti frui liceat (τιμῶν ἕνεκα ἔχειν ἐξῖναι въ SCde Thisbaeis), слѣдовательно, владѣніе на правѣ перегриновъ съ возможностью возврата, обыкновенно обремененное оброкомъ (stipendium-хроническая военная контрибуція) безъ того, чтобы земля эта становилась отъ этого римскимъ ager publicus.

Право сената (die Zuständigkeit) на распоряженіе государственной землей и провинціальными владѣльческими отношеніями (Besitzstände) мѣнялось (подробности насъ здѣсь не интересуютъ), въ общемъ оно постоянно росло, а съ нимъ и право римской олигархіи распоряжаться землей цѣлаго міра. Возможности владѣльческихъ отношеній (die Besitzstandsmöglichkeiten), какъ показываетъ уже предыдущій очеркъ, чрезвычайно многочисленны. Здѣсь нужно только констатировать, что большинство всѣхъ землепашцевъ въ римскомъ orbis terrarum въ концѣ республики сидѣло на своей землѣ на не обезпеченномъ договоромъ въ силу „foedus“, слѣдовательно, въ этой мѣрѣ на прекарномъ правѣ. И это относится въ совершенно, правда, специфической степени къ крестьянамъ. Поскольку они сидѣли на конфискованной землѣ или на перешедшихъ къ Риму доменахъ, на землѣ стипендіарныхъ землевладѣльцевъ или общинъ, вездѣ они находились въ одинаковомъ положеніи съ ἔθνη эллинистической эпохи и λαοί эпохи Птолемеевъ въ томъ отношеніи, что ихъ личный status и ихъ отношеніе къ землѣ фактически совсѣмъ не пользовалось защитой противъ произвольныхъ распоряженій намѣстника и, поскольку этотъ послѣдній не вмѣшивался, откупщиковъ податей,—если только не удавалось возбудить прямого обвиненія, какъ противъ Верреса. Что для этого требовались могущественные покровители и большія деньги, и что крестьяне—поскольку и они фигурируютъ въ судебныхъ рѣчахъ—собственными силами лишь съ трудомъ могли пойти по этому пути, это вполнѣ ясно.

Ибо для республиканской эпохи стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что не только управленіе такого намѣстника, какъ Верресъ, но и совершенно „нормальное" управленіе въ провинціяхъ всегда означало уменьшеніе крестьянскихъ хозяйствъ, увеличеніе воздѣлываемыхъ съ помощью рабовъ болѣе крупныхъ земельныхъ комплексовъ (приведенная Цицерономъ статистика владѣльцевъ на ager Leontinus представляетъ собою лишь особенно разительный случай). Сложная система постепенныхъ переходовъ (Abstufung) въ политическихъ и экономическихъ правахъ, на которой строила свое господство римская республика, дѣйствовала въ томъ же направленіи. Только полноправный гражданинъ былъ, напримѣръ, дѣйствительно, вполнѣ свободенъ въ смыслѣ права передвиженія (freizügig). Уже латинянинъ высылался изъ Рима (см. выше), если его община требовала его назадъ, чтобы привлечь къ участію въ государственныхъ повинностяхъ. Совершенно такъ же,-и это вполнѣ естественно, высылался и гражданинъ всякой другой изъ въ той или иной изъ различныхъ формъ присоединенныхъ и подчиненныхъ общинъ. Фактически онъ могъ еще въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свободно двигаться, но юридически онъ во всякій моментъ можетъ быть отправленъ на родину или вытребованъ туда назадъ. Вытекающія отсюда послѣдствія для аграрнаго строя вывела впервые императорская эпоха (статья „Колонатъ"). Не менѣе индивидуально путемъ договора или, гораздо чаще, привилегіи и распоряженія былъ урегулированъ commercium и connubium: т.-е. право вступать въ бракъ и, что связано съ этимъ, право наслѣдовать и право владѣть землей, принадлежащія гражданамъ каждой отдѣльной союзной или зависимой общины, тогда какъ, съ другой стороны, римская должностная знать въ эдиктахъ преторовъ, какъ англійская аристократія въ „equity" лорда канцлера, фактически автономно создала для себя ей адэкватное „бонитарное" наслѣдственное, землевладѣльческое право и право, регулирующее оборотъ (Verkehrsrecht), въ случаѣ надобности на счетъ традиціоннаго „права квиритовъ".

Такое, въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ отношеніи сословно привилегированное положеніе римскаго гражданства, естественно, выражалось въ его дѣловыхъ шансахъ

въ провинціяхъ (около 100,000 италиковъ въ теченіе одного дня унесла устроенная Митридатомъ въ Азіи „сицилійская вечерня") и въ соотвѣтствующей экономической зависимости непривилегированныхъ. Колоссально росла, въ особенности въ тѣхъ областяхъ, подати которыхъ въ Римѣ были отданы на откупъ всадникамъ, задолженность. Успѣхъ Митридата покоился—это между прочимъ справедливо сильно подчеркнулъ Ферреро—прежде всего на его революціонномъ паролѣ всеобщей сисахтіи, который здѣсь въ послѣдній разъ въ древности выступаетъ въ качествѣ соціальной программы (ибо Катилина въ дѣйствительности представлялъ интересы задолженныхъ юнкеровъ) и вокругъ котораго среднее сословіе Востока такъ же собралось противъ Рима, какъ одновременно съ этимъ въ союзнической войнѣ среднее сословіе Италіи собралось вокругъ пароля участія въ привилегіяхъ права гражданства,—требованія, противъ котораго теперь какъ разъ поднялась и буржуазія всадниковъ (Ritter) въ интересахъ сохраненія своей эксплуататорской монополіи, спеціально монопольной эксплуатаціи своего земельнаго владенія (см. выше).

Римская должностная знать въ концѣ концовъ осталась побѣдительницей, заключивъ миръ съ италійскимъ среднимъ сословіемъ, который ей самой ничего не стоилъ. Платить (die Kosten tragen) должна была при сулланской реставраціи по существу буржуазіи „рыцарскаго сословія" („Ritterstand"), въ политическомъ смыслѣ (отнятіе переданныхъ Гракхомъ въ ея распоряженіе судовъ) и въ экономическомъ (устраненіе введенной Гракхомъ сдачи на откупъ азіатской десятины въ Римѣ). Но какъ разъ это толкнуло ее въ руки цезаризму, который, такимъ образомъ, въ придачу къ военному орудію своей власти (Machtinstrument) получилъ и экономическое.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основы развитія въ императорскую эпоху.

I.

И въ императорскую эпоху полисъ продолжалъ свое побѣдное шествіе по античному міру. Какъ македоняне основаніемъ „Alexandreschata" коснулись границъ Туркестана, такъ римское владычество синойкизмами лузитанцевъ, основаніемъ колоній и еще болѣе важной городской организаціей подданныхъ въ Британіи, Галліи и Мавретаніи, на Рейнѣ и на Дунаѣ, гдѣ только она оказалась возможной, приготовило полису подобный же побѣдный путь на Западѣ. И здѣсь, и здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ эпоху эллинизма, часто колоссальныя земельныя территоріи „приписывались" („attribuiert") къ городамъ. Перенесеніемъ управленія въ центральный городъ, затѣмъ созданіемъ привилегированнаго штата декуріоновъ изъ выше всѣхъ обложенныхъ было не прямо (а иногда и прямо) вызвано поселеніе въ городѣ по возможности всѣхъ, по крайней мѣрѣ части крупныхъ землевладѣльцевъ. Какъ въ возникшихъ путемъ синойкизма Аѳинахъ „эвпатриды" были тѣ землевладѣльцы, которые являются „αὐτὸ τὸ ἄστυ οἰκοῦντες" (живущими въ самомъ городѣ), такъ ἐπιφανέστατοι (самые знатные) аллоброговъ живутъ, по словамъ Страбона, въ Вьенѣ, въ противоположность „γεωργοῦντες" (земледѣльцы), которые въ κῶμαι (деревняхъ) образуютъ сельскій „plebs". На первыхъ опирается римское господство, они имѣютъ шансы постепенно подняться до права гражданства. И, вступивъ въ общеніе съ государствомъ, въ христіанскую императорскую эпоху къ полису примкнула и церковь. Ея приверженцами съ самаго начала—пока не вошелъ въ дѣйствіе

принципъ „coge intrare"—были главнымъ образомъ горожане (мелкая буржуазія): выраженіе „paganus" которое въ древности постепенно пріобрѣтало свой презрительный съ точки зрѣнія городского бюргера привкусъ, было теперь въ церкви, какъ въ жаргонѣ военной монархіи къ „штатскимъ" („Zivilisten"), примѣнено къ „язычникамъ". И когда церковь оффиціально стала организоваться какъ государство въ государствѣ, она все болѣе и болѣе строго стала проводить основное положеніе, что епископъ можетъ имѣть резиденцію только въ городѣ.

И въ римскихъ синойкизмахъ политическіе интересы часто становились въ конфликтъ съ экономическими: какъ „діойкизмы" Мантинеи и Патръ идутъ въ разрѣзъ съ желаніями землевладѣльцевъ жить въ своихъ помѣстьяхъ, такъ высказывается часто сопротивленіе синойкизму въ императорскую эпоху, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше именно въ городахъ внутри страны (in den Binnenstädten), гдѣ городъ не представлялъ никакихъ шансовъ на помѣщеніе капитала въ морской оборотъ. Но во всякомъ случаѣ вездѣ рабскій трудъ или сдача земли колонамъ является, при наличности сильной мѣры абсентеизма, слѣдствіемъ, которое неизбѣжно влекло за собой созданіе городовъ, въ особенности городовъ съ большими земельными территоріями, лежащими внутри страны. Съ 3 столѣтія, и съ тѣхъ поръ постоянно, дальнѣйшіе успѣхи городской организаціи наталкиваются на явно все растущія трудности. Прежде, чѣмъ будутъ затронуты ихъ причины (болѣе близкое выясненіе ихъ относится къ статьѣ „Колонатъ"), мы разсмотримъ на прощаніе еще разъ своеобразныя особенности античнаго полиса и здѣсь прежде всего спросимъ: въ какомъ же отношеніи находится онъ къ „городу" („Stadt") среднихъ вѣковъ.

Комбинація землевладѣнія и участія въ рынкѣ, какъ основъ права гражданства, постепенное скопленіе земельнаго владѣнія съ помощью торговыхъ барышей, трактованіе безземельныхъ какъ „гостей" („Gäste") (метэки), натуральныя повинности (литургіи) бюргеровъ въ отношеніи къ городскому сеньеру, военная организація бюргерства и въ частности важныхъ для военнаго дѣла ремеслъ, соціальная рознь между всадниками и пѣхотой,—все это мы находимъ въ начальномъ періодѣ

средневѣковыхъ городовъ такъ же, какъ мы наблюдали это въ раннюю пору античнаго полиса. Но въ остальномъ различія очень велики. Конечно, прежде всего слѣдуетъ очень твердо помнить о томъ, какъ различны между собой, по своей соціальной структурѣ города среднихъ вѣковъ. Чтобы взять сначала сразу важный пунктъ: отношеніе къ рыцарской **знати**, которая вѣдь въ античномъ городѣ вездѣ и всегда составляетъ зерно городского развитія,—то, напримѣръ, Генуя, о началѣ которой въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать то же самое, Флоренція, гдѣ бюргерство сдѣлало необходимымъ „incasamento" сельскаго дворянства и по временамъ знало нѣчто въ родѣ политическаго „штрафного перевода въ дворянское сословіе" („Strafversetzung in den Adelsstand"), затѣмъ тѣ многочисленные города, которые прямо или непрямо принуждали знать къ вступленію въ цехи, съ другой стороны Фрейбургъ въ Брейсгау и другіе города, гдѣ дворянству было запрещено поселеніе въ городѣ, и, наконецъ, тѣ многочисленные города (большинство крупныхъ), которые пережили возникновеніе рыцарскаго патриціата изъ бюргерства, очень различно, какъ видимъ ясно, къ ней (рыцарской знати) относились.

Вполнѣ въ общемъ смыслѣ можно сказать, что морскіе города Средиземнаго моря съ преобладаніемъ въ нихъ чисто торговыхъ интересовъ и торговаго капитала ближе всего подходятъ къ городскому типу античнаго большого города, и что и (второстепенные) чисто земледѣльческіе городки (Ackerbürgerstädchen) также, пожалуй, похожи на античные мелкіе города, тогда какъ, напротивъ, промышленные города (die Industriestädte) представляютъ собой типъ, сильно отклоняющійся отъ античнаго полиса. Какъ ни текучи эти различія—какъ и всѣ еще столь большія экономическія различія—, все же, вопреки возраженіямъ Гольдшмидта, въ тезисѣ Lastig'a, что специфическія новыя достиженія въ области права, регулирующаго отношенія промышленнаго капитала, принесены промышленными городами, какъ Флоренція, заключается много вѣрнаго. Что право на трудъ (das Arbeitsrecht), соціальная сила цеховъ и цеховая организація труда, слѣдовательно, первая организація свободнаго труда—нѣкоторые зачатки которой встрѣчаются и въ древности, но именно зачатки и ничего законченнаго—по существу обязаны своимъ

возникновеніемъ этимъ „промышленнымъ городамъ", это находится внѣ всякаго сомнѣнія.

Каролинская имперія знаетъ и регулируетъ рабскій рынокъ. Во внутреннихъ областяхъ восточной Европы работорговля продолжала существовать такъ же, какъ и въ городахъ на берегу Средиземнаго моря (Генуя); напротивъ, въ промышленныхъ городахъ внутри страны она исчезла. Нельзя сказать, чтобы имъ съ самаго начала было чуждо личное крѣпостничество (die Leibeigenschaft). Напротивъ, ремесленники, а также и торговцы, которые тянутся во вновь основываемый (neu konzessionierte) городъ, въ очень значительной своей части являются крѣпостными (Leibeigene), которыхъ сеньеръ—какъ античный рабовладѣлецъ своихъ „χωρὶς οἰκοῦντες"—отпускаетъ въ городъ, чтобы извлекать выгоду изъ ихъ оброковъ и наслѣдствъ, и которые только очень постепенно (иногда по истеченіи цѣлыхъ столѣтій) становятся лично совершенно свободными людьми. Подобно рабамъ древности, съ которыхъ господинъ получаетъ свою „ἀποφορά" и эти крѣпостные рядомъ съ своими свободными товарищами по профессіи ищутъ заработка; но разница въ томъ, что здѣсь это смѣшеніе свободныхъ и несвободныхъ образовывало „цѣлевой союзъ" („Zweckverband"), который въ предѣлахъ своей сферы игнорировалъ сословныя различія, и изъ него въ дальнѣйшемъ выростала автономная община съ опредѣленными правами свободы, что, слѣдовательно, именно они, платящіе чиншъ со своей земли или со своего тѣла, а не, какъ въ античномъ мірѣ, господа, представляютъ „городъ („die Stadt"), по крайней мѣрѣ въ городѣ упомянутаго типа, въ „промышленномъ внутри страны расположенномъ городѣ" („industrielle Binnenstadt"), вообще во всѣхъ городахъ, въ которыхъ цехи пріобрѣли опредѣляющее вліяніе.

При этомъ „Binnenstadt", конечно, не слѣдуетъ представлять себѣ какъ „городъ въ совершенно не имѣющей оборота съ внѣшнимъ міромъ области": въ такой области нигдѣ нѣтъ городского развитія. Но подъ нимъ разумѣется городъ, производство и потребленіе котораго въ смыслѣ своего центра тяжести покоится на мѣстномъ рынкѣ. И „промышленный городъ" („Industriestadt") въ средніе вѣка, собственно говоря, не есть городъ, потребность котораго въ сельскохозяйственныхъ про-

дуктахъ покрывается только путемъ сбыта продуктовъ собственной промышленности, но такой, у котораго концентрація свободной промышленности (Gewerbe) составляетъ существенную основу города какъ потребительнаго района (Nahrungsspielraum) и въ то же время специфическую особенность города сравнительно съ сельской территоріей. Города, которыхъ существованіе покоится на доходахъ (рентахъ) съ земли, лежащей внутри страны, и съ рабовъ, какъ Москва до нынѣшняго столѣтія, и ихъ противоположный экономическій полюсъ, города, которые, подобно Генуѣ, имѣютъ своимъ базисомъ барышъ съ морской торговли, помѣщеніе капитала въ заморскія предпріятія и колоніальное плантаціонное хозяйство, стоятъ, и тѣ, и другіе, ближе къ античному полису, чѣмъ тотъ, который находится между этими крайними пунктами, именно средневѣковый промышленный городъ (Industriestadt) въ только что разъясненномъ смыслѣ. Что промышленный городъ и торговый городъ по временамъ сливаются другъ съ другомъ (Венеція и, прежде всего, Фландрія и многіе верхненѣмецкіе и рейнскіе города), также вполнѣ несомнѣнно, равно какъ и то, что въ древности промышленность могла имѣть большое значеніе для развитія полиса. Тѣмъ не менѣе остается очень большое различіе. И, что самое важное и рѣшающее, положеніе античной промышленности—какъ соціальное, такъ и экономическое — не поднимается съ развитіемъ богатства, нигдѣ не достигаетъ высоты крупныхъ средневѣковыхъ промышленныхъ центровъ, тогда какъ все специфически современное (moderne) капиталистическое развитіе, развитіе промышленнаго капитализма, примыкаетъ какъ разъ къ этими „промышленными городами" („Industriestädte") созданнымъ правовымъ формамъ, слѣдовательно, къ тому, чего не достаетъ античному полису. „Деміургъ" ранней поры античнаго полиса теряетъ значеніе съ развитіемъ капиталовъ въ рабахъ (Sklavenkapitalien). Напротивъ, та смѣсь свободныхъ и несвободныхъ мелкихъ людей, которая къ началу среднихъ вѣковъ, совершенно такъ же презираемая, какъ и въ древности, совершенно такъ же, какъ и тогда, въ противоположность купцамъ, не допускавшаяся къ занятію должностей, конституируетъ „ремесла" („Handwerke"), поднимается экономически и политически.

Конечно, древность знаетъ, какъ это показываютъ намъ книги Liebenam'а и Ziebarth'а, корпораціи ремесленниковъ. Но, въ то время, какъ—совсѣмъ, какъ въ средніе вѣка—въ военномъ отношеніи имѣющіе значеніе ремесленники ранней поры образуютъ военныя и голосущія въ народномъ собраніи корпораціи (Wehr-und Stimmkörper), союзы ремесленниковъ какъ разъ „классической" эпохи античнаго міра совершенно не имѣютъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго значенія. Впервые съ упадкомъ относительнаго значенія покупныхъ рабовъ встрѣчаются союзы ремесленниковъ, имѣющіе соціальную значительность, но безъ типическихъ для средневѣковыхъ цеховъ правъ, зачатки которыхъ появляются скорѣе лишь въ самую позднюю пору, послѣ полнаго паденія капитализма, правильно указанные L. M. Hartmann'омъ.

Какъ въ античномъ полисѣ отсутствуетъ какъ разъ самое характерное для городского развитія среднихъ вѣковъ,—цехъ съ его борьбою противъ патриціата и конституированіе специфически цеховыхъ городовъ, такъ у средневѣковаго города отсутствуетъ всякая аналогія съ самымъ характернымъ явленіемъ свободнаго городского развитія древности: съ борьбою крестьянъ противъ патриціата и съ конституированіемъ того, что было обозначено выше какъ „полисъ гоплитовъ" („Hoplitenpolis"),—господства надъ городомъ способныхъ нести военную повинность крестьянъ. Типическій средневѣковый городъ сначала принципіально не допускаетъ крестьянина къ участію въ правѣ гражданства, и, когда впослѣдствіи онъ хочетъ взять его подъ свою защиту какъ „Ausbürger'а", ему въ этомъ препятствуютъ дворянство и князья. И земельное владѣніе, которое пріобрѣтаютъ богатѣющіе бюргеры, не означаетъ расширенія сельской территоріи. Конечно, и здѣсь встрѣчаются „переходы", какъ и вездѣ въ исторіи. Что въ древности „городъ гоплитовъ" нигдѣ не является въ дѣйствительно чистомъ видѣ, ни въ Аѳинахъ послѣ Клисѳена и Эфіальта, ни въ Римѣ послѣ закона Гортензія, ни гдѣ бы то ни было, это показалъ предшествующій очеркъ; и дальше не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида, что въ составъ „гоплитовъ" все же въ качествѣ очень существенной составной части ихъ входили и мелкіе городскіе бюргеры, въ частности домовладѣльцы (о „деміургахъ" и ихъ роли была рѣчь

въ предшествующемъ изложенiи). Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и значенiя мелкихъ горожанъ-землевладѣльцевъ (Ackerbürger) въ средние вѣка и административно-правовую роль „отдѣльныхъ общинъ“ („Sondergemeinden“) въ городахъ, тѣмъ болѣе роли сельской территорiи въ итальянскихъ городахъ-государствахъ. Но кто исключительную задачу „исторiи“ видитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать себя излишней, доказавъ, что „все уже было“, и что всѣ или почти всѣ различiя суть лишь различiя мѣры — что, конечно, справедливо, — тотъ будетъ дѣлать ударенiе на различiяхъ (Verschiebungen), которыя выступаютъ, несмотря на всѣ параллели, и будетъ пользоваться сходствами для того только, чтобы выяснить своеобразiе каждаго изъ обоихъ круговъ развитiя по отношенiю другъ къ другу.

А оно дѣйствительно достаточно велико. Гдѣ въ средние вѣка цехи прiобрѣтаютъ господство надъ городомъ и для политическихъ цѣлей принуждаютъ городскую знать, какъ и каждаго, кто хочетъ пользоваться политическими правами, записываться въ какой-нибудь цехъ, чтобы имъ облагаться налогами и подлежать его контролю, тамъ въ древности стоитъ δῆμος, деревня, которая—напримѣръ, почти во всемъ кругу аѳинскаго владычества—для политическихъ цѣлей употребляетъ такое же принужденiе. Гдѣ древность распредѣляетъ (abstuft) обязанность имѣть военное вооруженiе по классамъ владѣльцевъ земельной ренты, тамъ средние вѣка по цехамъ. Разница эта чрезвычайно бьетъ въ глаза, и уже она одна показываетъ, что „средневѣковой“, т.-е. являющiйся специфическимъ для среднихъ вѣковъ, городъ экономически и социально въ рѣшающихъ пунктахъ былъ совершенно иначе конституированъ, чѣмъ античный. И хотя бы въ томъ смыслѣ, что средние вѣка за долго до возникновенiя формъ капиталистической организацiи ближе стояли къ нашему капиталистическому развитiю, чѣмъ полисъ.

Это выступаетъ тамъ и здѣсь на передовыхъ позицiяхъ социальной борьбы. Въ древности типической противоположностью является просто имущественная противоположность: помѣщикъ (Grundherr) и мелкiй владѣлецъ. Борьба прежде всего вращается около политическаго уравненiя и распредѣленiя повинностей. Гдѣ она заключаетъ въ себѣ

экономическую натянутость (eine ökonmische Spannung) между классами, тамъ она, если оставить въ сторонѣ вопросы о государственной землѣ, въ концѣ-концовъ можетъ быть сведена почти совершенно на противоположности: 1) землевладѣлецъ и деклассированный или же 2) предшествующая этому ступень: кредиторъ и должникъ. Должникомъ при этомъ является, правда, не исключительно, но главнымъ образомъ, крестьянинъ, живущiй у (vor) города. Противоположность цеховъ и знатныхъ родовъ (Geschlechter) первоначально на самомъ высокомъ пунктѣ нашего средневѣковья (13—14 ст.), пожалуй, еще можно сравнить съ борьбой внутри полиса въ эпоху античнаго „средневѣковья“: лишенiе политическихъ правъ, финансово - политическое угнетенiе и стѣсненiя въ пользованiи альмендой стоятъ на первомъ планѣ. Но не крестьяне, живущiе у города, но живущiе внутри его ремесленники составляютъ отборное войско оппозицiи. А когда затѣмъ начинаетъ давать себя знать капиталистическое развитiе, то при возникающей теперь борьбѣ идетъ уже рѣчь вовсе не просто о противоположностяхъ величины владѣнiя или о простыхъ отношенiяхъ кредитора и должника, какъ это было въ античномъ мiрѣ. Но, чѣмъ яснѣе обозначаются специфически экономическiя несогласiя, тѣмъ опредѣленнѣе вырисовывается въ древности никогда не встрѣчавшаяся въ такомъ видѣ противоположность: купецъ и ремесленникъ. Античный крестьянинъ не хочетъ быть кабальнымъ холопомъ (Schuldknecht) и вмѣстѣ съ этимъ сельско-хозяйственною рабочею силой живущаго въ городѣ владѣльца земельной и денежной ренты. Ремесленникъ городовъ поздняго средневѣковья не хочетъ стать кустаремъ (Hausindustrieller) и тѣмъ самымъ промышленною рабочей силой капиталиста-„предпринимателя“. А послѣ побѣды цеховъ выступаетъ кромѣ того еще новый социальный контрастъ, котораго древность не знала: контрастъ между „мастеромъ“ и „подмастерьемъ“ („Geselle“). Античный барщинный рабочiй (Fronarbeiter) на Востокѣ „бастуетъ“ съ крикомъ: „дай намъ нашъ (традицiонный) хлѣбъ“. Античный сельско-хозяйственный рабъ (Landsklave) возстаетъ, чтобы опять стать свободнымъ; напротивъ, о возстанiяхъ и борьбѣ античныхъ промышленныхъ рабовъ (Gewerbesklaven) мы ничего

не слышимъ. Какъ разъ промышленность была въ античномъ мірѣ благопріятна для положенія раба: она, въ противоположность сельскому хозяйству, предоставляла ему шансы выкупиться. Тѣмъ болѣе для соціальныхъ требованій свободныхъ „ремесленныхъ подмастерьевъ“ здѣсь нѣтъ никакого объекта (см. выше), потому что здѣсь нѣтъ самихъ „подмастерьевъ“ (или же, гдѣ они и существовали [1]), они не составляли соціально значительнаго класса).

Почти всѣ античныя соціальныя столкновенія являются, и вѣдь какъ разъ въ городахъ-государствахъ, въ послѣднемъ счетѣ борьбой за владѣніе землей и за земельное право,—проблема, которая въ этомъ видѣ и какъ специфически городская проблема въ средніе вѣка совсѣмъ не существуетъ, но по существу относится къ конфликтамъ между сидѣвшими на землѣ классами—крестьяниномъ и расположенными надъ нимъ не городскими слоями, то сеньерами (Grundherrn), то политическими властителями (politische Herren)—, какъ они рѣшались въ полной превратностей, въ большинствѣ случаевъ несчастливой борьбѣ крестьянъ за свободу въ Англіи, Франціи, Германіи. Конечно, города нерѣдко принимали участіе въ этихъ столкновеніяхъ, въ Италіи они низвергли феодализмъ, въ Германіи боролись (въ общемъ тщетно) съ нимъ. Но только въ отдѣльныхъ, болѣе крупныхъ (итальянскихъ) городахъ-государствахъ это была борьба внутри городской общины (Stadtgemeinschaft) или ея территоріи [2]). Борьба гоплитовъ древняго Запада противъ городской знати нашла, можетъ быть, поэтому въ средніе вѣка свою параллель развѣ только въ борьбѣ швейцарскихъ массъ противъ феодальнаго рыцарства и территоріальныхъ владѣтелей [3]).

---

1) Ибо, какъ сказано, ихъ существованія никоимъ образомъ нельзя безусловно оспаривать. Помощниковъ аттическихъ художниковъ, изготовлявшихъ вазы, которые впослѣдствіи выступаютъ какъ самостоятельные „мастера“, можно, напримѣръ, подвести подъ это понятіе. Только мы не знаемъ, какую юридическую форму приняли эти отношенія (заработной платы или организаціи на товарищескихъ началахъ).

2) И тогда борьба между горожанами и знатью, а не между крестьянами и знатью.

3) Борьба швейцарцовъ напоминаетъ больше всего борьбу израильтянъ противъ филистимской городской знати (см. выше) и, повидимому, также борьбу сабельскихъ племенъ противъ Рима. Но разница во второмъ случаѣ состоитъ въ томъ, что крестьяне-гоплиты Рима, борясь противъ напиравшихъ горныхъ племенъ за обладаніе ихъ землею въ равнинахъ, благодаря своей дисциплинированной и поэтому болѣе высокой военной техникѣ, оттѣснили, а въ концѣ-концовъ и совершенно разгромили самнитовъ, тогда какъ на исходѣ среднихъ вѣковъ швейцарцы, на подобіе спартіатовъ, был виртуозами пѣшей войны: на наемничество вѣдь ихъ аграрный строй былъ прямо разсчитанъ (впрочемъ извѣстно, какую роль и городскіе бюргеры играли въ борьбѣ швейцарцевъ).

Въ основѣ этого различія лежитъ одна изъ важнѣйшихъ противоположностей античнаго и средневѣковаго городского развитія: различие въ положеніи и характерѣ знати (Adel) и князей. Въ то время, какъ развитіе античнаго полиса начинается съ городской монархіи (Stadtkönigtum) и прежде всего влечетъ за собою вытѣсненіе ея городской знатью, но затѣмъ политическую эмансипацію сельскаго округа (des Landes) и его господство надъ городомъ, на исходномъ пунктѣ средневѣковаго развитія стоитъ знать сидѣвшихъ на землѣ сеньеровъ (ein landsässiger Grundherrenadel) и специфически сельская (spezifisch ländliches) королевская и княжеская власть, и средневѣковое городское развитіе является эмансипаціей городскихъ гражданъ отъ сеньеріальной (grundherrlicher) и публично-правовой зависимости отъ этихъ не-городскихъ властей. Правда, и здѣсь неслѣдуетъ придавать этой противоположности абсолютнаго характера. Какъ разъ крупные торговые города на южномъ краю городского развитія среднихъ вѣковъ, какъ Пиза, Венеція, Генуя, а также многіе крупные французскіе и испанскіе города, въ высокой мѣрѣ были и прямо-таки стали резиденціями знати, въ Италіи въ концѣ-концовъ такъ, что въ 18 стол. въ Тосканѣ „citta“ отъ „borgo“ и „costello“ отличали, кромѣ церковной квалификаціи (резиденція ли онъ епископа, или нѣтъ), какъ разъ по рангу знати, которая имѣла тамъ свое мѣстопребываніе. И присяжныя братства (die Eidverbrüderungen), съ помощью которыхъ была въ такихъ городахъ—напримѣръ, въ Генуѣ съ помощью „compagna communis“—узурпирована автономія города, могутъ, несмотря на всѣ различія въ своемъ соціальномъ составѣ, очень напомнить синойкизмъ античныхъ городовъ. По крайней мѣрѣ ихъ можно съ ними сравнивать: и въ этихъ романскихъ городахъ ранняго средневѣко-

вья знать имѣется налицо и при томъ въ руководящей роли. И, что связано съ этимъ, и экономическій базисъ вновь возникающаго городского патриціата этихъ городовъ въ принципѣ родствененъ экономическому базису знатныхъ родовъ (Geschlechter) античнаго полиса: заморская торговля, эпизодическая, въ формѣ комменды (какъ на древнемъ Востокѣ), комбинированная съ значительнымъ и, въ результатѣ торговыхъ барышей, растущимъ земельнымъ владѣніемъ.

Это послѣднее сходство въ экономической структурѣ городского патриціата съ патриціатомъ ранней античной эпохи присуще даже вообще городамъ средневѣковья. Напротивъ, отношеніе къ собственно феодальнымъ властямъ у огромнаго большинства средневѣковыхъ городовъ, особенно сѣверно-европейскихъ и континентальныхъ промышленныхъ городовъ, и по способу ихъ возникновенія, и по характеру ихъ позднѣйшаго развитія, совершенно иное, чѣмъ у свободнаго полиса древности. Это—послѣдствіе того, что городское развитіе среднихъ вѣковъ было введено въ русло, правда, очень слабо связанныхъ, но все же такъ или иначе связанныхъ, большихъ ленныхъ государствъ, было концессіонировано и надѣлено привилегіями князьями и сеньерами (Grundherren), со всѣхъ сторонъ охвачено ихъ территоріей и даже тамъ, гдѣ зависимость отъ нихъ уже такъ была слаба, все же было связано въ смыслѣ мѣры и рода своего дальнѣйшаго раскрытія, потому что ему всегда приходилось идти на компромиссы съ ними. Какъ разъ слѣдствіемъ этого является гораздо болѣе опредѣленно выраженнымъ ихъ „бюргерскій" характеръ, имѣющій своей основой достояніе, пріобрѣтенное посредствомъ монополизированія промышленности и мелкой торговли, чѣмъ у городовъ, созданныхъ на берегахъ Средиземнаго моря ведшимъ заморскую торговлю патриціатомъ. Они съ самаго начала очень сильно отличаются этимъ очень специфически „экономическимъ" характеромъ отъ античнаго полиса классической эпохи, тогда какъ эллинистическіе города и города поздней античной эпохи какъ разъ въ этомъ къ нимъ приближаются.

Широкая масса средневѣковыхъ городовъ возникла путемъ поселенія на территоріи князя или сеньера (Grundherr), который надѣялся получать отъ этого земельные чинши, рыночныя пошлины, судебные доходы,—прямое продолженіе простыхъ „рыночныхъ" концессій, которыя уже преслѣдовали подобную же цѣль. Спекуляція при основываніи городовъ, какъ прежде при основываніи рынковъ, иногда терпѣла и неудачу. Если она удавалась, тогда уступленная сеньеромъ территорія заселялась смѣсью свободныхъ и несвободныхъ поселенцевъ, которые получали усадебную землю, садъ (Garten), пользованіе альмендой и право торговли (das Verkehrsrecht) на рынкѣ города, скоро и торговыя привилегіи (Verkehrsprivilegien) — складочное право (Stapel), право заповѣдной мили (Bannmeile) и т. д. Это поселеніе сразу или въ теченіе короткаго времени становится укрѣпленіемъ и мало-по-малу пріобрѣтаетъ, конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ очень различную по величинѣ, мѣру независимости въ отношеніи къ своему основателю, иногда полное освобожденіе отъ его власти, а иногда одну лишь экономическую и полицейскую автономію, въ большихъ же городахъ, какъ общее правило, полную внутреннюю и, фактически, внѣшнюю автономію съ сохраненіемъ правъ на земельный чиншъ и судебныхъ правъ за сеньеромъ, который такимъ образомъ остается заинтересованнымъ въ нихъ и политически, но главнымъ образомъ экономически (какъ получавшій пошлины и чинши).

Что городское гражданство все болѣе и болѣе расширяло свою автономію внутри государственныхъ союзовъ до самаго 15 столѣтія, тогда какъ эллинистическіе и римскіе города все болѣе и болѣе теряли свою внутри монархическихъ государствъ, это имѣло свою причину въ противоположности структуры государственныхъ образованій, въ русло которыхъ было введено то и другое. Монархическое государство древности есть (или становится) бюрократическое государство. Въ Египтѣ, какъ мы видѣли, изъ царской кліэнтелы уже во 2 тысячелѣтіи выросло универсальное господство бюрократіи. Это господство и теократія сообща подавили развитіе на Востокѣ свободнаго полиса; Римская Имперія при монархіи (см. выше) пошла тѣмъ же путемъ. На средневѣковомъ Западѣ превращеніе министеріалитета въ систему должностей идетъ параллельно съ образованіемъ территоріальной власти, которая въ сущности начинается съ 13 столѣтія, въ 16 столѣтіи окончательно укрѣпляется и съ тѣхъ поръ, уже съ началомъ 15 столѣтія, все болѣе и болѣе устраняетъ автономію городовъ и вводитъ ихъ

въ составъ династическаго бюрократическаго государства. Но въ теченіе всего ранняго періода среднихъ вѣковъ и въ самый расцвѣтъ эпохи развивающемуся городу предоставлена была возможность развернуть свои основныя особенности: онъ является въ эту эпоху главнымъ носителемъ не только денежнаго хозяйства, но, въ связи съ этимъ, и управленія въ силу должностного долга, и въ то же время онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ іерархіей покоющихся на принципѣ лена и ленной службы властей, въ которой (говоря вообще) его бюргеры какъ таковые мѣста не имѣютъ.

Это имѣетъ важныя послѣдствія: въ полисѣ, съ его расчлененіемъ на филы, фратріи и несущіе военную повинность каждый въ мѣру своего экономическаго положенія классы, въ которомъ милитаризмъ проникаетъ рѣшительно все, военная повинность и право гражданства просто тожественны, и также рѣшительно все—торговыя монополіи, шансы на барышничество землей, наконецъ и прежде всего владѣніе землей—зависитъ отъ военнаго успѣха въ хронической войнѣ одного города противъ—въ конечномъ счетѣ—всѣхъ другихъ городовъ. Полисъ представляетъ собою въ классическій періодъ совершеннѣйшую военную организацію, какую только создала древность. Онъ основанъ по существу для военныхъ цѣлей, какъ масса средневѣковыхъ городовъ основана по существу для экономическихъ цѣлей. Аналогіи къ милитаризму и безпощадному военному расширенію античнаго полиса можно найти въ приморскихъ городахъ Италіи: безжалостное уничтоженіе Амальфи Пизой, обезсиленье Пизы Генуей, борьба Генуи противъ Венеціи по цѣли и средствамъ представляютъ собою совершенно „античную" городскую политику. Можно найти аналогіи и внутри страны (im Binnenland): разрушеніе Фьезоле, покореніе Аррецо, обезсиленье Сіэны Флоренціей, а также и политика Ганзы звучатъ съ этимъ въ унисонъ. Но въ общемъ, въ особенности на континентальной французско-нѣмецкой территоріи и въ Англіи военная хищническая политика какъ городская политика съ самаго начала не была возможна.

Средневѣковой городъ не представляетъ собою, какъ городъ въ раннюю пору въ древности, совершеннѣйшаго военнаго организма: города, расположенные внутри страны (Binnenlandstädte), въ періодъ рыцарскаго военнаго строя, въ средневѣковую

эпоху въ собственномъ смыслѣ, могутъ пріобрѣтать и отстаивать свою независимость и земскій миръ лишь для своихъ торговыхъ интересовъ (Verkehrsinteressen), и то лишь въ союзѣ другъ съ другомъ. Впервые эпоха кондотьеровъ и наемнаго войска даетъ даже въ Италіи преобладаніе ихъ денежной силѣ тамъ, гдѣ капитализмъ достаточно развитъ для того, чтобы дать для этого средства (даже борьба за независимость нидерландскихъ городовъ на сушѣ—не говоря о защитѣ стѣнъ—велась всецѣло съ помощью наемныхъ войскъ, совершенно такъ же, какъ и территоріальное расширеніе Флоренціи). Городъ (внутри страны) при всемъ значеніи, какое должно было придаваться способности горожанъ нести военную повинность, все же съ самаго начала и, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше, носитъ „бюргерскій" характеръ, сложившійся на почвѣ мирнаго добыванія средствъ къ жизни на рынкѣ. „Бюргеръ" въ средніе вѣка съ самаго начала есть въ гораздо болѣе высокой мѣрѣ „homo oeconomicus", чѣмъ гражданинъ античнаго полиса хотѣлъ или могъ быть. Прежде всего, что представляетъ самый рѣзкій контрастъ съ античнымъ полисомъ, завоеваніе земли для вывода клерухій нормально находится совершенно внѣ поля его зрѣнія, уже просто потому, что въ средневѣковомъ городѣ нѣтъ на-лицо тѣхъ, кому онѣ были бы нужны—деклассированныхъ, лишенныхъ (beraubten) своего земельнаго владѣнія, впавшихъ въ неоплатные долги или ищущихъ для своихъ потомковъ земли крестьянъ въ качествѣ движущаго элемента городской политики; а городской патриціатъ, совершенно, какъ и въ древности, могъ часто помѣщать свои деньги въ имѣнія.

И даже для проникновенія крестьянъ въ глубину первобытныхъ лѣсовъ и на востокъ въ средніе вѣка совсѣмъ не имѣло мѣста завоевательное территоріальное расширеніе (Expansion) для оккупаціи земли, на подобіе того, какое бывало въ древности, потому что движеніе это совершалось въ рамкахъ феодальной организаціи. Территоріальное расширеніе, здѣсь совершавшееся, находилось теперь въ рукахъ сеньеровъ и владѣтелей территорій (Grund-und Territorialherren). Какъ цѣль политики (нормальнаго) средневѣковаго города „клерухія" была бы невозможна какъ въ военномъ смыслѣ, такъ и экономически, тогда какъ для антчнаго полиса она является

нормальной. Интересъ средневѣковаго бюргерства—кромѣ немногихъ крупныхъ городовъ, которые эксплуатировали заморскія отношенія для торговли и колонизаціи—былъ и остался направленнымъ на мирное расширеніе—мѣстнаго и междумѣстнаго (interlokalen)—сбыта товаровъ. Конечно, свои шансы на совсѣмъ крупные барыши (какъ справедливо подчеркиваетъ Зомбартъ) во второй половинѣ среднихъ вѣковъ возникавшій капитализмъ находилъ и теперь тамъ, гдѣ ему попадали въ руки государственные откупа (Генуя, Флоренція) или, что главное, покрытіе финансовыхъ нуждъ короля. Но это явленіе и всѣ тѣ фигуры, которыя стоятъ съ нимъ въ связи—Acciajuoli, Bardi, Peruzzi, Medici, Фуггеры и т. д.—не представляютъ собою ничего новаго по сравненію съ древностью, которая, начиная съ „денежныхъ людей" Гаммураби и кончая Крассомъ, также была вполнѣ знакома съ ними; не здѣсь и не въ вопросѣ о способѣ накопленія первыхъ крупныхъ денежныхъ состояній заключена проблема происхожденія особенностей (Eigenart) хозяйственнаго строя поздняго средневѣковья и новаго времени и въ концѣ-концовъ, слѣдовательно, современнаго капитализма. Но рѣшающіе вопросы связаны, съ одной стороны, съ развитіемъ рынка: какъ развивался въ средніе вѣка покупатель для впослѣдствіи капиталистически организованной промышленности?—съ другой, съ направленіемъ организаціи производства: какъ въ своемъ стремленіи къ полученію прибыли капиталъ напалъ на путь созданія такихъ организацій „свободнаго" труда, какихъ древность не знала? Здѣсь не мѣсто разсматривать эти проблемы. Къ сказанному до сихъ поръ еще слѣдуетъ прибавить лишь нѣсколько замѣчаній о противоположности средневѣковаго развитія античному, поскольку въ этомъ играютъ роль аграрныя условія.

Медленный, но постоянный подъемъ экономическаго положенія средневѣковаго крестьянства, который оканчивается лишь съ остановкой внутренней колонизаціи, въ лѣсной области и въ направленіи къ востоку, но который въ средніе вѣка означалъ возникновеніе медленно расширявшагося рынка для городовъ—какъ, наоборотъ, развитіе городовъ означало возникновеніе возможности сбыта для крестьянскихъ продуктовъ—, связанъ, какъ уже послѣднія замѣчанія позволяли предполагать,

въ концѣ-концовъ, какъ и передъ тѣмъ разсмотрѣнное специфически „бюргерское" развитіе средневѣковыхъ городовъ въ противоположность античнымъ, съ жизненными условіями, какія въ это время предоставляла континентальнымъ крестьянамъ установившаяся за предѣлами городовъ феодальная организація общества. Представляется здѣсь умѣстнымъ бросить взглядъ на ея противоположность параллельнымъ явленіямъ древности.

Мы видѣли, какое большое значеніе имѣли феодальные элементы въ теченіе всей древности. Мы видѣли всевластіе религіозно окрашенныхъ кліентскихъ отношеній въ Египтѣ, и при страшной силѣ религіознаго элемента въ повседневной жизни людей античнаго міра, гдѣ даже искусственное, чисто раціональное образованіе филъ и т. п. сейчасъ же пріобрѣтало религіозную значительность, нельзя и для болѣе поздней поры недооцѣнивать живучести феодальныхъ отношеній вѣрности (Treuverhältnisse) И исходный пунктъ феодальнаго развитія въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Въ началѣ развитія стоитъ въ средніе вѣка, какъ и въ древности, дружина (trustis) областного князя (des Gaufürsten), которая потомъ опять появляется въ бо́льшемъ масштабѣ, какъ дружина короля, здѣсь, какъ и въ древности, часто разсматриваемая какъ чуждая странѣ (landfremd) или во всякомъ случаѣ стоящая внѣ земскаго права (Landrecht), находящаяся подъ защитой принудительной власти короля. Здѣсь, какъ и тамъ, мы находимъ зачатки королевскаго магазиннаго управленія (Magazinverwaltung), снабженіе войска изъ магазиновъ (Capitulare de villis), мѣропріятія, направленныя противъ дороговизны (Teuerungspolitik) и т. д. Здѣсь, какъ и тамъ, наконецъ, изъ этой дружины—хотя при использованіи и разныхъ другихъ внѣ спеціально дружинныхъ отношеній лежащихъ правовыхъ институтовъ—развивающаяся рыцарская знать, благодаря своему могуществу и невозможности безъ нея обойтись, все болѣе и болѣе связываетъ короля, дѣлаетъ его зависимымъ отъ себя, иногда низводитъ его до положенія чисто выборнаго короля и получаетъ господство надъ страной. Но какъ и король не есть городской король, такъ и знать не есть городская знать и ею—по крайней мѣрѣ въ континентальной области, въ противоположность отчасти берегамъ Средиземнаго моря—въ средніе вѣка и не сдѣлалась.

Также и крупныя помѣстья (die Grundherrschaften). Въ древности до императорской эпохи включительно они составляютъ основу существованія городскихъ рантье. Это прежде всего просто потому, что то, что мы называемъ древностью, обнимаетъ область береговой культуры (Küstenkulturgebiet): уже ѳессалійское крупное помѣстье (Grundherrschaft) носитъ, повидимому, ближе стоящій къ среднимъ вѣкамъ характеръ,—собственно о территоріяхъ внутри материка мы узнаемъ кое-что впервые въ эллинистическую и особено въ императорскую эпоху (см. ниже). Въ средніе же вѣка, напротивъ, центръ тяжести того историческаго цѣлаго (historisches Kontinuum), которое ведетъ отъ фараоновъ до нашей культуры, приходится на страны внутри материка (Binnenland). Масса крупныхъ помѣстій здѣсь не подгородныя, но настоящія деревенскія образованія, которыя должны служить основой существованія для постоянно живущихъ въ деревнѣ людей и ихъ свиты (князей и свободныхъ вассаловъ съ ихъ рыцарями-министеріалами). Эту функцію крупныя помѣстья отправляютъ вовсе не исключительно, а очень крупныя не всегда и преимущественно, въ натурально-хозяйственной формѣ. Напротивъ, король, князья, крупные вассалы, всѣ они и здѣсь хотятъ извлекать выгоды и изъ обмѣна (Verkehr). Основаніе рынковъ и городовъ представляетъ вѣдь собою, какъ уже было упомянуто, княжескую и сеньеріальную спекуляцію на пошлины и ренты (fürstliche und grundherrliche Gebühren — und Rentenspekulationen). Но знать и сеньеры (Grundherren) не являются какъ таковые, какъ это было въ древности, городскими гражданами; напротивъ, они стремятся свои барскіе дворы (Herrenhöfe) охранить отъ включенія ихъ въ „свободную“ общину города, изолируя ихъ, и отнимать у городовъ право включать въ свой составъ „Ausbürger'овъ“. Сельскіе и городскіе круги интересовъ также стремятся разъединиться. Что этого они далеко не вполнѣ достигаютъ, это понятно; но они все же приближаются къ этому въ такой мѣрѣ, въ какой это нигдѣ и никогда не было возможно въ полисѣ древняго міра, этомъ военномъ экзерцицплацѣ и постоянномъ лагерѣ.

Также и внутреннее соціальное расчлененіе феодальныхъ слоевъ иное, чѣмъ въ древности. Ленники (die Lehensträger)

восточныхъ князей, илоты, ойкеи, кліэнты, прекаристы и колоны сеньеровъ (Grundherren) береговъ Средиземнаго моря являются въ эпоху античнаго рыцарства, какъ мы видѣли, мелкими людьми, которые въ качествѣ обоза и, во всякомъ случаѣ, легкихъ пѣхотинцевъ сопровождаютъ ѣдущаго въ битву на колесницѣ единоборца. Въ эпоху тяжеловооруженнаго войска (Hoplitenheer) одѣтый въ панцырь полный гоплитъ нуждается лишь въ одномъ или двухъ людяхъ (илоты, рабы) въ качествѣ носильщиковъ и для услуженія. Напротивъ, (вплоть до классической эпохи не знавшая стремени!) конница древняго міра технически стоитъ низко до самой эпохи парѳянъ. Напротивъ того, ленное войско среднихъ вѣковъ съ самаго начала является какъ конное войско и остается имъ все это время, съ постепеннымъ усовершенствованіемъ панцырей, вооруженія и дисциплины. Такіе крестьянскіе κλῆροι, какіе воздѣлывали μάχιμοι и т. д. Востока или (вѣроятно!) кліэнты въ Римѣ, вообще такое угнетенное соціальное положеніе, въ какое попадаютъ находящіеся въ союзѣ античной кліэнтелы ленники, нельзя было поэтому предложить даже стоящимъ на самомъ низкомъ концѣ ленной іерархіи министеріаламъ, если они вооруженные также должны были отправляться на войну. Ихъ ленъ долженъ былъ всегда доставлять имъ „рыцарскій“ образъ жизни. Все, что есть „крестьянинъ“, остается подъ этимъ слоемъ; который по существу необходимо является какъ слой рантье [1]).

И какъ разъ то, что уже самый низшій надъ крестьяниномъ расположенный слой представляетъ собою сословіе рантье (ein Rentnerstand), съ сословными интересами, которые уже стали далеки отъ всего экономическаго, тогда какъ, съ другой стороны, крестьяне сами все болѣе и болѣе становятся не военнымъ классомъ, опредѣляетъ характеръ развитія континентальнаго крестьянства въ эпоху ранняго средневѣковья. Это крестьянство совершало территоріальныя завоеванія въ крупнѣйшемъ стилѣ, столь же крупномъ, какъ и тѣ, какія совершало какое-нибудь античное войско гоплитовъ, но, какъ и средневѣковый городъ, завоеванія по существу мирныя и,

---

1) Я нѣсколько упрощаю здѣсь въ дѣйствительности гораздо болѣе сложныя отношенія.

кромѣ того, совершенныя главнымъ образомъ на службѣ у феодальныхъ рантье. И корчеваніе лѣса, и заселеніе колонизаціонной земли восточной окраины были совершены подъ вліяніемъ интереса къ рентѣ со стороны слоя господъ. Такъ какъ для этого огромнаго дѣла „внутренней колонизаціи" рабы 1) количественно были бы недостаточны, 2) пропитаніе рабовъ вызвало бы болѣе высокія (и повышающіяся) издержки, 3) такъ какъ—это рѣшаетъ дѣло - качественно рабскій трудъ для созданія крестьянскихъ участковъ на „дикомъ корню" или на песчаной почвѣ восточной окраины нельзя было примѣнить съ выгодой, то это заселеніе означало могущественное территоріальное распространеніе (Expansion) „свободныхъ", т.-е. здѣсь главнымъ образомъ опредѣленные оброки платящихъ крестьянъ; индивидуалистическое скуоттерское право германскаго „bifanc'a" (заимки) въ первобытномъ лѣсу дѣйствовало какъ разъ обратно оккупаціонному праву Рима на завоеванныхъ территоріяхъ (гдѣ оно помогло создать плантаціи) и совершенно противоположно по необходимости бюрократически руководимому созданію новой земли съ помощью сооруженія каналовъ въ восточныхъ государствахъ ранней поры. Крестьянство среднихъ вѣковъ до тѣхъ поръ было все расширявшимся территоріально и поднимавшимся классомъ, пока надъ нимъ стоялъ чисто феодальный, ищущій рентъ, а не барыша съ рынка сеньеріальный слой (Herrenschicht) чисто леннаго государства. Громоздкость (die Wucht) натуральнаго хозяйства на слишкомъ огромныхъ для тогдашнихъ средствъ сообщенія внутреннихъ территоріяхъ задержала темпъ развитія шансовъ сбыта на далекое разстояніе для сельскохозяйственныхъ продуктовъ на низкомъ уровнѣ достаточно долго для того, чтобы дать крестьянскому хозяйству время завоевать среднюю Европу. Къ концу среднихъ вѣковъ вотчинный (grundherrliche), но (нормально!) главнымъ образомъ только традиціонными оброками обложенный крестьянинъ является типомъ сельскаго хозяина; ближайшій городъ есть его нормальный рынокъ; самъ онъ, такъ какъ городъ по возможности монополизировалъ для себя промышленность, „Störer'овъ" и занимающихся въ деревнѣ промышленностью уничтожилъ, есть нормальный, но вѣрный покупатель массы продуктовъ городской промышленности. Ленное войско и

ленное государство помогли создать чисто экономически расширявшагося территоріально крестьянина (den rein oekonomisch expansiven Bauer) и чисто экономически расширявшійся территоріально городъ (die rein oekonomisch expansive Stadt) среднихъ вѣковъ.

Съ этимъ положеніемъ вещей стоятъ въ связи успѣхи современнаго капитализма какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Конечно, онъ при этомъ и разрушалъ это соотношеніе. Но все же невозможно было бы недооцѣнивать значенія этихъ тысячами сцѣпленій связанными другъ съ другомъ правами, привилегіями, общинными образованіями, правами принужденія, складочными правами, заповѣдными правами, рыночными правами и т. д., прежде всего традиціонными или октроированными регулированіями цѣнъ созданныхъ основныхъ условій оборота для развитія капитализма. Они являются для него помѣхой въ его стремленіи къ прибыли, но и опорой его коммерческаго расчета (seines Kalküls), который уже не долженъ былъ строить на зыбучемъ пескѣ восточнаго торга (Feilschen). Ибо во всякомъ случаѣ тысячею нитей связанная средневѣковая организація оборота благъ, какая могла развиваться внутри теократически-феодальной оболочки тогдашняго міра, является одной изъ основныхъ частей доступнаго коммерческому расчету (Kalkül) товарнаго рынка, какъ заключенный въ этой организаціи слой свободныхъ крестьянско-мелкобюргерскихъ существованій представлялъ тотъ широкій, относительно устойчивый кругъ покупателей, въ которомъ нуждался для своихъ товаровъ современный капитализмъ.

Противоположность, какая обнаруживается между развитіемъ бюргерства и крестьянского хозяйства на средневѣковомъ Западѣ и въ древности, обусловлена, такимъ образомъ, прежде всего перемѣной географической сцены, во-вторыхъ, самыми различными причинными рядами съ этимъ связанными, исходнымъ съ древнимъ военнымъ развитіемъ среднихъ-вѣковъ. Въ то время, какъ рыцарское войско въ средніе вѣка сдѣлало необходимымъ феодальный общественный строй, а его разрушеніе войскомъ ландкнехтовъ, а затѣмъ (съ Морица Оранскаго) дисциплинированнымъ современнымъ войскомъ привело къ побѣдѣ современнаго государственнаго по-

рядка, древность пережила два крупныхъ военно-техническихъ переворота: введеніе коня, съ Востока (не то изъ Ирана, не то изъ Турана), создало (какъ и въ средніе вѣка) бургъ, восточное завоевательное государство и рыцарское общество на берегахъ Средиземнаго моря. Желѣзо, [1]) т.-е. колющее холодное оружіе, дисциплинированная рукопашная битва одѣтыхъ въ панцырь гоплитовъ, создало войско крупныхъ крестьянъ и мелкихъ бюргеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ античный „полисъ бюргеровъ" („Bürgerpolis"). Все дальнѣйшее затѣмъ обусловлено ареной, на которой онъ сталъ дѣйствовать. Ибо полисъ былъ воинственъ, завоевателенъ, искалъ торговыхъ монополій и платящихъ подати подданныхъ, но въ то же время и земли для обезпеченія потомства гоплитовъ и случая увеличить ренты мелкихъ бюргеровъ, гдѣ только представлялись ему шансы для этого; такимъ онъ былъ съ самаго начала, и такимъ онъ всегда и вездѣ оставался, гдѣ только его территоріальное расширеніе не встрѣчало помѣхи въ превосходившей его политической силѣ.

Экономика и техника хозяйства, напротивъ, за все время отъ Рамессидовъ и Ассурбанипала, если исключить изобрѣтеніе монеты, сдѣлала въ древности, очевидно, относительно незначительные успѣхи. Насколько много—или насколько мало—новаго создала въ области техники та эпоха древности, которая лежитъ въ свѣтѣ исторіи, это можно будетъ рѣшить лишь тогда, когда появится соотвѣтствующая нынѣшнему состоянію источниковъ промышленная исторія Египта и Месопотаміи (для техники главнымъ образомъ исторія Египта). Весьма возможно, что тогда Востокъ—который былъ отцомъ всѣхъ до конца нашего средневѣковья господствующихъ формъ торговли (Вавилонъ), затѣмъ помѣстныхъ дворовъ (Fronhöfe) (Египетъ), несвободной работы на дому (Heimarbeit) (Египетъ), системы литургій (Египетъ), бюрократіи (Египетъ), монастырскихъ и иныхъ церковныхъ организацій (Египетъ, Іудея)—окажется и создателемъ огромнаго большинства всего того технически новаго, что было сдѣлано въ области промышленности до конца среднихъ вѣковъ. Въ области сельско-хозяйственной техники въ теченіе древней эпохи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя преобразованія, которыя послужили къ увеличенію поверхности, воздѣлываемой съ помощью даннаго количества труда въ данное время, слѣдовательно, къ сбереженію труда (лучшія орудія для работы по молотьбѣ, паханію, снятію урожая—эти два послѣднія, что характерно, лишь по окончаніи классической эпохи и во внутреннихъ сѣверныхъ областяхъ). Въ промышленности, если не считать, что само собою разумѣется, военныхъ машинъ и близкихъ къ нимъ подъемныхъ приспособленій и т. п., главнымъ образомъ, при общественныхъ работахъ примѣняемыхъ орудій, прогрессъ, поскольку его можно замѣтить, есть главнымъ образомъ прогрессъ спеціализаціи отдѣльнаго работника, не служащій вовсе или въ значительной мѣрѣ соединенію труда. И то же мы видимъ и въ области экономики промышленности. И тому, и другому не приходится удивляться, принимая во вниманіе характеръ какъ внутренняго расчлененія античной промышленности, такъ и коммерческаго интереса (Verwertungsinteress), который преслѣдовало рабовладѣніе.

[1]) Собственно говоря, желѣзо было въ употребленіи съ доисторическихъ временъ. Но желѣзное оружіе получаетъ преобладаніе впервые въ „послѣгомеровскую" эпоху.

На почвѣ средневѣковой торговой и промышленной организаціи, частью рядомъ съ ней, частью въ ея рамкахъ, но всегда, несмотря ни на какую борьбу противъ цеховъ, пользуясь созданными ими путями и правовыми формами, современный капитализмъ создалъ себѣ условія для своего роста. Изъ господствовавшей въ торговлѣ со времени Гаммураби до 13 столѣтія включительно комменды онъ создалъ коммандитное товарищество (зачатки его въ древности—что характерно—только въ обществахъ, организовывавшихся на почвѣ государственнаго откупа). Существовавшая въ древности только въ грубыхъ артелеобразныхъ формахъ солидарность пайщиковъ приняла уже очень тонкія формы права въ торговыхъ и промышленныхъ обществахъ поздняго средневѣковья: отдѣльнаго имущества, фирмы (Firma) и т. д. Теперь возникаютъ правовыя формы для прочнаго капиталистическаго торговаго и промышленнаго предпріятія, тогда какъ древность, во всякомъ случаѣ въ чисто частномъ оборотѣ, оставалась при тѣхъ правовыхъ нормахъ, которыя сложились на почвѣ спорадическаго (diskontinuierliche) случайнаго помѣщенія

капитала [1]). Въ средніе вѣка капиталъ, лишь только онъ захватываетъ область *промышленнаго* производства, тотчасъ же начинаетъ производить *синтезъ* мелкихъ ремесленныхъ хозяйствъ. Отъ организаціи сбыта и затѣмъ доставки сырого матеріала онъ безостановочно идетъ внутрь производственнаго процесса и постепенно комбинируетъ соотвѣтствующія раціонализированію техники, искусственныя, все болѣе и болѣе отдѣляющіяся отъ семьи производственныя единицы (Betriebseinheiten), все увеличивающіяся въ размѣрѣ и—говоря вообще—со все увеличивающимся благодаря разложенію и соединенію труда внутреннимъ расчлененіемъ.

Въ древности мы *ничего* подобнаго не замѣчаемъ въ области чисто частныхъ производствъ [2]). Мы видѣли, что скопленіе дюжинъ, даже тысячъ рабовъ въ одномъ *состояніи* (Vermögen), даже тамъ, гдѣ рабы принадлежатъ къ *одной и той же* промышленной *отрасли*, не создавало „*крупнаго* производства“ („Grossbetrieb“) въ экономическомъ смыслѣ, такъ же, какъ теперь помѣщеніе состоянія въ акціи разныхъ пивныхъ заводовъ не означаетъ созданія новаго пивного завода [3]). Ибо о помѣщеніи *имущества* шла рѣчь и тамъ, какъ мы видѣли: экономика и техника производства этимъ совсѣмъ не была затронута: рабы остаются тѣмъ, чѣмъ они были: *мелкими* ремесленниками, которыхъ эксплуатируетъ состоятельный человѣкъ какъ источникъ *ренты* или—это максимумъ *приближенія* къ капиталистическому „крупному производству“—импортеръ (Де-

[1]) Конечно, этимъ я вовсе *не* хочу сказать, что въ античной торговлѣ *вообще только* такая прерываемая (diskontinuierliche) эксплуатація капитала была на-лицо. Но она является „специфической особенностью“ (das „Spezifische“).

[2]) И это, какъ уже не разъ подчеркивалось, надо понимать a potiori; *роль* (die Leistung) капитализма древности не въ этомъ направленіи. Буквально безъ *всякаго* „раздѣленія труда“ весьма значительная часть и въ древности извѣстной промышленности не могла вестись.

[3]) Когда аттическая ваза носитъ на себѣ увѣреніе ея творца, что „онъ ее сдѣлалъ, какъ NN (его „конкурентъ“) никогда бы не приготовилъ“, то я предоставляю собственной проницательности (экономически *но вышколенныхъ*) выискать *глубочайшія* различія, которыя отдѣляютъ эти пріемы дѣйствій по *смыслу, средствамъ, эффекту* отъ *современной* „конкуренціи“ и „рекламы“, подъ понятіе которой они подходятъ.

мосѳенъ) какъ орудія для переработки своего сырья. Мы видѣли, какъ *непрочны* (labil) при маломъ значеніи „постояннаго капитала“ были такія скопленія, какъ всецѣло судьба „производства“ („Betrieb“) зависитъ отъ судьбы имущества, и въ заключеніе слѣдуетъ прибавить еще одно: когда мы въ заключающемся въ рабахъ имуществѣ древности наталкиваемся на скопленія совершенно разнородныхъ ремесленниковъ (Тимархъ), то это въ такой же малой мѣрѣ случайность, какъ и то, когда мы въ составѣ цѣнныхъ бумагъ современнаго имущества находимъ крайне разнородныя, въ своихъ шансахъ на проценты находящіяся въ совсѣмъ противоположныхъ условіяхъ акціи. Подобное же помѣщеніе имущества въ по возможности *разнородныя* бумаги есть, какъ всякій знаетъ, требованіе осторожности; но совершенно то же примѣнимо въ древности къ помѣщенію имущества въ рабовъ, поскольку не идетъ рѣчь о рабочихъ для такой абсолютно устойчивой (stetige) промышленности, какъ добываніе драгоцѣнныхъ металловъ (Никій), или объ эксплуатаціи купеческаго имущества въ собственномъ смыслѣ (Демосѳенъ). Въ иныхъ случаяхъ было прямо требованіемъ осторожности накупать *разнородныхъ* ремесленниковъ,—обезпеченіе противъ потери, какое мы находимъ въ области рентъ съ найма домовъ въ участіи *одного и того же* человѣка во владѣніи долями по возможности большаго числа различныхъ домовъ. А изъ этого слѣдуетъ: интересы „капитализма“ въ области промышленности въ древности, такъ какъ это былъ *рентный* капитализмъ (*Rentenkapitalismus*), въ извѣстномъ смыслѣ были прямо направлены *противъ* созданія „крупныхъ производствъ“ („Grossbetriebe“), которыя создаютъ спеціально *одинъ* какой-нибудь продуктъ. Къ тому же *сбытъ* продуктовъ промышленности, по крайней мѣрѣ сбытъ *внѣшній*, слишкомъ имѣлъ характеръ *случайнаго* сбыта, который зависѣлъ отъ безчисленныхъ политическихъ перипетій и прежде всего отъ лишь рѣдко въ концѣ среднихъ вѣковъ въ такой мѣрѣ встрѣчающихся *подобнаго рода* колебаній въ *цѣнѣ хлѣба* (см. выше); мѣсто, которое *у массы*—ея потребности какъ разъ и покрываетъ *современный* капитализмъ—оставляли расходы на абсолютно необходимое, ея покупательная сила по отношенію къ продуктамъ промышленности, было въ древности такъ узко и непрочно

(labil), что на этомъ тонкомъ базисѣ не могла существовать соціально сильная цеховая промышленность, а еще меньше крупные „кустарные промыслы“ („Hausindustrien“) или „фабрики“.

Послѣ этихъ по необходимости—для того, чтобы существующія безъ сомнѣнія различія выступили впередъ—нѣсколько рѣзко формулированныхъ разъясненій нельзя уже, конечно, оспаривать того, что промышленныя производства древности кое-гдѣ могли обозначать извѣстное приближеніе къ раціональному „крупному производству“ („Grossbetrieb“); это была бы благодарная тема для особаго изслѣдованія. Но характернымъ для древности является какъ разъ противоположное развитіе, которое не приближается къ современному промышленному капитализму, а отдаляется отъ него. Весьма характернымъ является по существу и тотъ фактъ, что стремленіе капитала къ полученію дохода (Verwertungsstreben) въ древности наталкивалось на рабскій трудъ, который тормозилъ это развитіе. Что въ средніе вѣка это было иначе, это зависѣло, помимо чисто историческихъ причинъ, главнымъ образомъ отъ перемѣщенія географической сцены капиталистическаго развитія. Климатомъ обусловленное, совершенно иное развитіе потребностей [1]), вызванная климатомъ связанность съ домомъ сѣверныхъ людей въ теченіе длинныхъ періодовъ въ году въ противоположность склонности проводить время внѣ дома, „ἀγοράζειν“, свойственной античному человѣку (которой соотвѣтствуетъ жизнь въ кафе нынѣшнихъ испанцевъ и итальянцевъ), различія „темперамента“, объясняемыя—безъ всякихъ „расовыхъ“ гипотезъ [2])—уже прямо изъ для каждой новой генераціи заново данныхъ климатическихъ условій жизни, прежде всего многочисленные центры оборота внутри страны съ ихъ всякіе скачки исключающимъ, постояннымъ расширеніемъ потребленія и производства,—все это новыя условія, въ которыя влились техническія традиціи

[1]) Взвѣсимъ только, что—сравнительно съ феллахомъ—рабочему въ нашемъ климатѣ нужно чисто физіологически, въ качествѣ абсолютнаго минимума, чтобы быть въ состояніи постоянно сидя работать.

[2]) Гипотезы, которыя, впрочемъ, этимъ вовсе не должны быть исключены какъ вообще не идущія въ расчетъ въ научномъ отношеніи.

древности, и съ ними должно было считаться вновь пробуждавшееся стремленіе капитала къ прибыли.

Не только примѣненіе рабскаго труда вслѣдствіе болѣе высокихъ расходовъ на его содержаніе было само по себѣ убыточно на сѣверѣ, но описанная выше военная структура средневѣковья исключаетъ возможность какъ разъ для мѣстопребываній промышленности, для городовъ, войнъ для добыванія рабовъ на манеръ полисовъ древности; военныя же распри (die Fehden) рыцарства континентальныхъ странъ давали въ качествѣ военнаго приза перемѣну сеньера оброчныхъ крестьянъ, расширеніе собственнаго земельнаго и территоріальнаго верховенства на счетъ другого, но не уводъ людей, какъ это было въ морскихъ хищническихъ войнахъ античной береговой культуры. Рабство съ ростомъ культуры внутреннихъ странъ (des Binnenlandes), по крайней мѣрѣ относительно, шло на убыль, тогда какъ развитіе „свободнаго“ труда извлекало выгоды изъ всѣхъ перечисленныхъ выше моментовъ (болѣе близкое обоснованіе этого завело бы насъ слишкомъ далеко).

Наконецъ, въ то время, какъ въ военныхъ столкновеніяхъ полисовъ древности до конца римской республики каждая война въ принципѣ означала насильственное уничтоженіе всѣхъ владѣльческихъ отношеній, гигантскія конфискаціи и новыя поселенія, и полисъ въ этомъ отношеніи, такимъ образомъ, закостенѣлъ на точкѣ зрѣнія германскаго переселенія народовъ,—средніе вѣка, несмотря на всю свою страсть къ раздорамъ (Fehdelust), а тѣмъ болѣе начинавшееся новое время все же были эпохой „замиренной“ общины народовъ („befriedete“ Völkergemeinschaft), если ее мѣрить античнымъ, пожалуй, и эллинистическимъ масштабомъ [1]). Конечно, современный капитализмъ въ средніе вѣка и въ новое время—какъ уже было упомянуто выше—самый большой свой доходъ извлекалъ изъ „военныхъ потребностей“ („Kriegsbedarf“). Но то, что было новымъ, именно капиталистическая организація производства продуктовъ промышленности покоилась на томъ „замиреніи“, которое при всѣхъ политическихъ перипетіяхъ все же обезпечивало

[1]) Не въ смыслѣ, конечно, количественнаго уменьшенія военной дѣятельности, но въ смыслѣ (относительнаго) увеличенія „замиренія“ носителей частной пріобрѣтательской дѣятельности, въ частности городовъ и бюргерства.

непрерывность экономическаго развитія, и въ которомъ, на ряду съ большими ленными государствами, прежде всего участвовала общая для всѣхъ церковь. Въ древности, напротивъ, уже основаніе полиса являлось политически-военными причинами мотивированнымъ актомъ, и его дальнѣйшее развитіе также зависѣло отъ военныхъ обстоятельствъ, и поэтому капитализмъ жилъ тамъ, въ конечномъ счетѣ, только политическими условіями (vom Politischen), онъ былъ, такъ сказать, только не прямо экономическимъ: политическій подъемъ и упадокъ полиса съ его варіирующими шансами на государственные откупа, на захватъ людей и (спеціально въ Римѣ) земли былъ его элементомъ. Когда въ эпоху эллинизма и въ эпоху римской имперіи вселенная была замирена, тогда и на почвѣ античнаго города, который сталъ теперь въ большей мѣрѣ носителемъ исключительно экономическихъ интересовъ, богато развились до тѣхъ поръ лишь въ зачаткахъ существовавшіе профессіональные союзы торговцевъ и ремесленниковъ. Ихъ, использованныхъ позднеантичнымъ государствомъ для своихъ цѣлей, можно прослѣдить до первыхъ зачатковъ средневѣковыхъ цеховъ. Но для античнаго капитализма пробилъ смертный часъ: миръ и монархическое государство, переходъ отъ береговой культуры къ культурѣ внутреннихъ странъ (Binnenkultur) задавили его, гдѣ только онъ существовалъ, вмѣсто того, чтобы, какъ можно было бы думать a priori, лишь способствовать его расцвѣту. Но этотъ переходъ къ миру и къ культурѣ внутреннихъ странъ окончательно осуществила римская императорская эпоха.

II.

Имперія принесла, предварительно при Тиберіи, окончательно съ Адріана, миръ и прекращеніе войнъ, которыя велись для захвата земли и людей, и въ то же время и включеніе въ составъ государства большихъ континентальныхъ пространствъ — Галліи, рейнскихъ и дунайскихъ странъ, Иллиріи, а также (до старой провинціи Македоніи) всей внутренней части Балканскаго полуострова. Миръ означалъ постепенное прекращеніе подвоза рабовъ: для расточенія человѣческаго матеріала, какое должны были, по идеалу Варрона, производить планта-

ціи и въ какомъ нуждались рудники, спекулятивное разведеніе рабовъ и мирная торговля рабами были недостаточны. Цѣна рабовъ сначала быстро поднялась—такъ какъ снабженіе рынка было недостаточно—, въ позднюю эпоху имперіи она, наоборотъ, стоитъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ, потому что въ теченіе этого промежутка времени спросъ на рабовъ, благодаря преобразованіямъ, которымъ подвергалась хозяйственная организація, сильно упалъ. Раньше я нѣсколько слишкомъ высоко оцѣнивалъ этотъ моментъ условій рабскаго рынка, но его не слѣдуетъ оцѣнивать и слишкомъ низко. Исчезновеніе рабскихъ казармъ, возстановленіе семейной жизни рабовъ, вмѣстѣ съ этимъ замираніе (das Schrumpfen) капитализма въ крупномъ сельско-хозяйственномъ производствѣ есть фактъ и также стоитъ въ связи и, навѣрное, въ сильной мѣрѣ (источники даютъ возможность признать „нужду въ людяхъ“) съ этими измѣненіями. Крупныя владѣнія на гигантскихъ пространствахъ континентальныхъ странъ сѣвера съ слабымъ оборотомъ и безъ того не могли эксплуатироваться по образцу кароагенско-римскихъ плантацій. Уже Тацитъ (или тотъ, у кого онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія) видѣлъ, вѣроятно, у князей Убіевъ на рейнской границѣ крупное помѣстье съ натуральными рентами, какое потомъ стало господствовать въ эпоху франковъ, и противополагаетъ его римскимъ рабскимъ казармамъ и военной организаціи ихъ работъ.

Медленно начала римская вилла (villa) съ ея все же высокой культурой проникать на сѣверъ, въ концѣ-концовъ до границъ Шотландіи. Эта вилла покоится при этомъ—и это мы имѣемъ возможность узнать изъ источниковъ—на все расширявшейся основѣ, и она должна это дѣлать, потому что то, что становится необходимымъ для „господскаго“ („herrschaftliche“) существованія, требуетъ все большаго и большаго пространства. Процессъ увеличенія крупныхъ земельныхъ владѣній, который уже происходилъ въ эпоху республики, развивается дальше, и съ нимъ вмѣстѣ совершается постепенный разрывъ ихъ связи съ рынкомъ, который становится все менѣе и менѣе необходимымъ для покрытія ихъ потребностей,—процессъ, о которомъ еще будетъ рѣчь въ статьѣ „Колонатъ“. Монархія стремится насильно синойкизировать поссессоровъ, встрѣчая,

какъ это мы узнаемъ изъ источниковъ, все болѣе и болѣе сильное противодѣйствіе съ ихъ стороны. Но бѣгство изъ городовъ побѣждаетъ. Аристократія становится въ сильной мѣрѣ сельской (landsässig), а это значитъ: подготовляются средніе вѣка, значеніе городовъ падаетъ какъ соціально, такъ и экономически. Абсолютно обмѣнъ продуктовъ за $3^1/_2$ приблизительно столѣтія отъ Гракховъ до Каракаллы на территоріи въ императорскую эпоху охватываемаго римскимъ государствомъ orbis terrarum, безъ сомнѣнія, очень сильно увеличился. Относительно, если сопоставить его обороты съ размѣромъ вовлеченныхъ въ кругъ специфически античной культуры, въ качествѣ гражданъ или подданныхъ, областей и людей, этого быть не могло. Ибо кругъ этотъ гигантски расширился. Античная культура изъ береговой культуры (Küstenkultur) начала становиться культурой континентальной (Binnenlandkultur), и, если судить по масштабу данныхъ средствъ оборота, это должно было означать относительное уменьшеніе интенсивности оборота.

Въ береговыхъ областяхъ содержаніе и одежда рабовъ въ крупныхъ ойкосахъ всецѣло или отчасти покрывалась на рынкѣ. Рабы или колоны поссессора континентальной области живутъ, собственно говоря, натурально-хозяйственнымъ способомъ: только тонкій слой господъ имѣетъ здѣсь потребности, которыя даютъ поводъ къ покупкѣ и покрываются продажей излишковъ помѣстья. Этотъ оборотъ есть тонкая нитяная сѣть (Fadennetz) поверхъ натурально-хозяйственной основы. Съ другой стороны, въ крупныхъ столицахъ массы обезпечиваетъ не частный оборотъ, но государственная annona. Это развитіе, конечно, вовсе не исключаетъ абсолютнаго увеличенія заселенія и занятія подъ обработку почвы во вновь присоединяемыхъ континентальныхъ областяхъ: нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго, какъ то, что то и другое въ сильной мѣрѣ имѣло мѣсто. Но какъ разъ это повышало вліяніе культурнаго сдвига. Характеръ континентальной культуры обнаруживаетъ себя самымъ рѣшительнымъ образомъ въ двухъ явленіяхъ: въ разоруженіи полиса, въ окончательномъ упраздненіи его самостоятельной политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ капиталистическихъ интересовъ и шансовъ на прибыль, которые были связаны съ нею, и въ выступленіи впередъ сословія континентальныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и ихъ интересовъ въ имперской политикѣ.

Это послѣднее обстоятельство имѣло важныя, также чисто политическія послѣдствія. Уменьшеніе наступательной силы римскаго войска, какъ оно съ полной очевидностью сказывается въ разбрасываніи замкнутыхъ военныхъ организмовъ по всей широкой сѣверной границѣ, во всякомъ случаѣ также имѣетъ свою причину въ усиленіи культурнаго сословія провинціальныхъ сельскихъ (landsässigen) поссессоровъ, которые требовали отъ войска прежде всего защиты и охраны ихъ владѣнія, слѣдовательно, выполненія задачъ оборонительныхъ.

Съ этимъ стоитъ въ связи монархическій характеръ государства, который влечетъ за собою всѣ типическія послѣдствія монархій древности. Союзъ италійскихъ городовъ въ свое время съ помощью своего гражданскаго ополченія разгромилъ кельтовъ — силы которыхъ съ излишкомъ равнялись силамъ готовъ и вандаловъ (около 15—20,000 воиновъ у тѣхъ и у другихъ)—и во время войны съ Ганнибаломъ сокрушилъ такую военную силу, для которой одолѣть такъ называ. „переселеніе народовъ" было бы совершеннѣйшимъ пустякомъ. Но — совершенно независимо отъ вопроса о томъ, давало ли бы еще возможность соціальное разслоеніе общества императорской эпохи основывать военную повинность на самоэкипированіи гражданскаго (въ античномъ полисѣ это значило: крестьянскаго) ополченія— такія, каждый разъ ad hoc созываемыя гражданскія ополченія были неспособны брать на себя постоянную обязанность защищать въ видѣ кривой линіи черезъ всю Европу проходящую границу страны, какъ того требовали интересы континентальныхъ поссессоровъ и арендаторовъ доменовъ. Это могло сдѣлать лишь постоянное и, слѣдовательно, соотвѣтственно условіямъ древности, профессіональное войско. И съ этими интересами теперь пріобщеннаго къ культурѣ материка здѣсь, какъ и вездѣ, встрѣтились династическіе интересы монарха. Династическое профессіональное войско и династическая бюрократія вступили теперь, по эллинистически-египетскому образцу, на мѣсто для мірового государства совершенно недостаточнаго, характернаго для полиса управленія, и было лишь

послѣдовательнымъ заключительнымъ звеномъ развитія, когда монархическое государство съ перенесеніемъ резиденціи на Востокъ и открыто признало себя наслѣдникомъ эллинизма.

Конечно, Августъ и всѣ выдающіяся фигуры первыхъ двухъ столѣтій были императорами римлянъ, осторожными въ распространеніи права гражданства, въ особенности на Востокѣ, и заботящимися о сохраненіи привилегій римлянъ. Но, чтобы съ своей стороны пріобрѣсти господство надъ господствующей націей, они постепенно обезоружили ее, какъ это достаточно ясно показываютъ данныя о родинѣ ветерановъ, заключающіяся въ военныхъ дипломахъ. И, такимъ образомъ, было возможно, что съ помощью простого coup d'état (Staatsstreich), безъ всякаго шума и сопротивленія, господство римлянъ при Северахъ было сломлено, и какое-нибудь, лишенное всякой культурной традиціи племя, какъ иллирійцы, смѣняясь людьми Востока, захватывало власть надъ имперіей. Удаленіе римскихъ родовъ съ мѣстъ офицеровъ и чиновниковъ, исчезновеніе старой прочной административной традиціи римской знати (а не „расовыя" вліянія, для которыхъ также здѣсь нѣтъ на-лицо сколько-нибудь осязательнаго доказательства) должно было потрясти государство въ его устояхъ и, дѣйствительно, благодаря (какъ доказалъ v. Domaszewski) до безумныхъ размѣровъ повысившимся донативамъ, которыя раздавали всемогущему войску, послѣдовало государственное банкротство, съ нимъ вмѣстѣ цѣлыя поколѣнія длившееся разрушеніе античнаго денежнаго хозяйства (позднѣйшія постановленія о „находкѣ клада" („Schatzfund") показываютъ, гдѣ здѣсь, какъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, оставались наличныя денежныя средства) и распаденіе государства, которое было затѣмъ опять сплочено на совершенно новомъ базисѣ. И римская монархія стала теперь опиравшимся на литургіи государствомъ (ein Leiturgiestaat) по эллинистически-египетскому образцу.

Начатки этого восходятъ далеко въ глубь второго столѣтія. Сословное разслоеніе, предпринятое императорской эпохой, отъ въ самой высокой мѣрѣ привилегированнаго сословія сенаторовъ до сложившейся на почвѣ своего рода культа придворныхъ поставщиковъ (Hoflieferantenkult) (augustales) буржуазіи вольноотпущенниковъ мелкихъ городовъ, а также строй декуріоната, организація экстерриторіальныхъ доменовъ и крупныхъ помѣстій (Grundherrschaften) (см. статью „Колонатъ") образовали соціальную основу для распространенія при Каракаллѣ права гражданства на всѣ эти привилегированные слои государства, которымъ противостояли обязанные платить поголовную подать λαοί, plebs, coloni, tributarii. Эти отъ „sordida munera" простого человѣка освобожденные слои „possessores", землевладѣльцевъ (Grundherren) составляютъ теперь и оффиціально, такъ сказать, „непосредственно подчиненныхъ государству" подданныхъ („reichsunmittelbaren" Untertanen). Уже это состояніе общества—дальнѣйшее развитіе положенія подданныхъ при республикѣ—носитъ эллинистическій отпечатокъ, безотносительно къ тому, что въ этомъ слѣдуетъ считать прямымъ заимствованіемъ: условія античной монархіи несли съ собой эти соціальныя образованія. Способъ продовольствованія войска и обезпеченія землей легіоновъ, которые теперь превращаются въ фактически наслѣдственное сословіе женатыхъ, несущихъ пограничную службу людей (verheirateter Grenzer), несомнѣнно, заимствованъ съ Востока, въ частности изъ Египта, не говоря уже, конечно, о монополіяхъ, государственныхъ мастерскихъ, принудительныхъ цехахъ, солидарности декуріоновъ въ отношеніи къ уплатѣ податей и о всѣхъ другихъ литургіяхъ, которыя крѣпкой сѣтью опутываютъ отдѣльнаго человѣка и прикрѣпляютъ его къ его функціи.

Этой сѣтью античное государство медленно, но вѣрно, задушило и капитализмъ. Ибо какъ это, однако, произошло, что по крайней мѣрѣ первые два вѣка императорской эпохи, а послѣ возстановленія порядка и мира 4 столѣтіе, періоды (относительно) глубокаго мира, какихъ не знала вся „классическая" эпоха древности, не были эпохами расцвѣта капиталистическаго хозяйства? Ростъ денежнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ до эпохи Марка Аврелія включительно, не подлежитъ сомнѣнію; но вѣдь „денежное хозяйство" не то же самое, что „капитализмъ". Крупныя земельныя владѣнія (Grundherrschaften) возникаютъ и растутъ, съ другой стороны, мелкіе торговцы и мелкіе ремесленники Востока въ теченіе всей императорской эпохи, а также и въ послѣдній ея періодъ, проникаютъ на Западъ (здѣсь они являются носителями христіанства). Но объ успѣхахъ капиталистиче-

ской хозяйственной организаціи мы ничего не слышимъ ни въ торговлѣ, ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни, тѣмъ болѣе, въ промышленности. Напротивъ, „царскіе купцы" перваго періода императорской эпохи, которые торговали на сѣверѣ, исчезаютъ—выступаетъ впередъ мелкій торговый людъ—, пошлины съ оборота въ эпоху великаго развала въ 3 столѣтіи изсякаютъ до того, что (какъ доказываетъ Domaszewski) даже взимавшіе ихъ чиновники упраздняются. И состояніе вялости, опусканіе внизъ, идетъ уже со времени Марка Аврелія, какъ это становится вѣроятнымъ по даннымъ папирусовъ. Древность переживала вѣдь и болѣе суровыя военныя времена, чѣмъ періодъ смутъ 3 столѣтія; почему же она не оправилась отъ него?

Потому что капитализмъ древности стоялъ на политическомъ якорѣ, зависѣлъ отъ частной эксплуатаціи политической власти (politischer Herrschaftsverhältnisse) въ расширявшемся территоріально городѣ-государствѣ, и съ исчезновеніемъ этого источника образованія капитала и это послѣднее прекращалось. Первымъ дѣломъ императоровъ было урегулированіе налоговъ и ограниченіе произвола государственныхъ откупщиковъ. Какъ и птолемеевское правительство (см. выше), и они на первыхъ порахъ не могли обойтись безъ капитала и дѣловой опытности государственнаго откупщика. Но, понятно, чѣмъ больше ихъ собственная бюрократія пріобрѣтала требуемую сноровку, тѣмъ меньше они видѣли основаній къ тому, чтобы безъ нужды оставлять государственному откупщику частную прибыль, или по пути „огосударствленія" дѣла взиманія все дальше и дальше, и—какъ это показали Домашевскій и Ростовцевъ—государственный откупщикъ кончаетъ тѣмъ, что превращается въ государственнаго чиновника. Охраной своихъ подданныхъ, съ одной стороны, замиреніемъ міра, съ другой стороны, имперія привела капитализмъ въ состояніе умиранія.

Истощеніе рабскаго рынка, исчезновеніе всѣхъ тѣхъ шансовъ, какіе представляла борьба между полисомъ и полисомъ, исчезновеніе насильственнаго монополизированія торговыхъ путей отдѣльными полисами, прекращеніе вообще частной эксплуатаціи доменовъ и подданныхъ, все это означало для капитализма древности отнятіе у него его питавшей почвы. Что въ діоклетіановскомъ, опиравшемся на литургіи, государствѣ онъ тѣмъ болѣе не нашелъ архимедовой точки опоры, на которой могло бы укрѣпить свой якорь его стремленіе къ прибыли, это само собою понятно. Бюрократическій порядокъ убивалъ какъ всякую политическую иниціативу подданныхъ, такъ и экономическую, для которой вѣдь не было соотвѣтствующихъ шансовъ. Всякій капитализмъ превращаетъ „имущество" (Vermögen) владѣющихъ слоевъ въ „капиталъ"; имперія изъяла изъ обращенія „капиталъ" и, подобно государству Птолемеевъ, опиралась на „имущество" владѣющихъ слоевъ. Своимъ владѣніемъ (Besitz), не болѣе, чѣмъ въ античномъ полисѣ копьемъ и панциремъ, должны были служить ей теперь владѣющіе классы, отвѣчавшіе за ея доходы и за удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Для того, чтобы на мѣсто этой прямой эксплуатаціи зажиточныхъ подданныхъ въ формѣ опирающагося на литургіи государства (Leiturgiestaat) вступила не прямая, въ формѣ союза между монархіей и капиталомъ, какой мы наблюдаемъ въ меркантилистическомъ государствѣ, для этого нужно было развитіе промышленнаго капитализма и примѣръ частнаго капиталистическаго богатства Нидерландовъ и Англіи.

Угнетеніе частной экономической иниціативы бюрократіей не есть специфическая особенность античнаго міра.

Всякая бюрократія имѣетъ тенденцію путемъ расширенія своей сферы достигать такого же дѣйствія. Также и наша. И въ то время, какъ въ древности политика полиса должна была составлять „ускоряющее колесо" („Schrittmacher") для капитализма, въ настоящее время капитализмъ является ускоряющимъ колесомъ бюрократизированія хозяйства. Если мы вспомнимъ объ углѣ, желѣзѣ и всѣхъ горныхъ продуктахъ, о всѣхъ отрасляхъ металлургической индустріи, далѣе о спиртѣ, сахарѣ, табакѣ, спичкахъ и по возможности о всѣхъ, въ настоящее время въ высокой степени картеллированныхъ массовыхъ продуктахъ, взятыхъ въ государственныя или de facto государствомъ контролируемыя производства, о владѣніи доменами и о фидеикомиссахъ и государствомъ контролируемыхъ платящихъ ренту помѣстьяхъ, все умножающихся, о проектѣ „Каница", проведенномъ со всѣми своими послѣдствіями, для надобностей войска и государственныхъ чи-

новинковъ государствомъ руководимыхъ мастерскихъ и потребительныхъ обществахъ, о внутреннемъ судоходствѣ, тянущемся на буксирѣ у государства, о морскомъ судоходствѣ, находящемся подъ контролемъ государства, о всѣхъ взятыхъ въ казну желѣзныхъ дорогахъ и т. д., къ этому еще о ввозѣ хлопчатой бумаги, регулируемомъ государственными договорами и руководимомъ государствомъ, и обо всѣхъ этихъ производствахъ, ведущихся въ бюрократическомъ порядкѣ, о „контролируемыхъ" государствомъ синдикатахъ и обо всемъ прочемъ, регулируемомъ цеховымъ способомъ, посредствомъ безчисленныхъ академическаго и иного рода удостовѣреній правоспособности, объ обобщенномъ типѣ „rentier paisible", то, при милитаристически-династическомъ режимѣ, мы получимъ состояніе эпохи позднѣйшей имперіи, только на технически болѣе совершенной основѣ. Изъ качествъ своихъ предковъ эпохи городскихъ союзовъ современный нѣмецкій „бюргеръ" имѣетъ, въ концѣ концовъ, не очень многимъ больше, чѣмъ аѳинянинъ эпохи цезарей изъ качествъ участниковъ битвы при Мараѳонѣ. „Порядокъ"—его знамя,—въ большинствѣ случаевъ, даже если онъ „соціалдемократъ". Бюрократизація общества у насъ по всѣмъ видимостямъ когда нибудь такъ же одолѣетъ капитализмъ, какъ и въ древности. И у насъ тогда на мѣсто „анархіи производства" наступитъ тотъ „порядокъ", который, въ принципѣ сходный, отличаетъ римскую императорскую эпоху и, еще больше, „новое царство" въ Египтѣ и владычество Птолемеевъ. И вѣдь не думаютъ только о томъ, что служба въ бюрократически снабженномъ военными машинами, одѣтомъ, содержимомъ, вымуштрованномъ, командуемомъ казарменномъ войскѣ можетъ представить „противовѣсъ", и что вообще современная военная принудительная работа въ династическихъ государствахъ имѣетъ внутреннее родство съ гражданской боеспособностью далекаго прошлаго.

Но эти перспективы сюда не относятся. Непрерывность (das Kontinuum) средиземноморскаго, европейскаго культурнаго развитія не знала до сихъ поръ ни замкнутыхъ „круговыхъ движеній", ни однозначно оріентированнаго „прямолинейнаго" развитія. На время совершенно потонувшія явленія античной культуры впослѣдствіи опять всплываютъ въ имъ чуждомъ мірѣ. Съ другой стороны, какъ города поздней античной эпохи,

въ частности эпохи эллинизма, въ области промышленности, такъ поздне-античныя помѣстья (Grundherrschaften) въ аграрной области были подготовительными ступенями среднихъ вѣковъ. Что это дѣйствительно было такъ, и въ какомъ смыслѣ, это должно быть выяснено въ другомъ мѣстѣ (ср. статью „Колонатъ").

ЛИТЕРАТУРА. Въ качествѣ текущей библіографіи и для надобностей изученія источниковъ для всей древности слѣдуетъ имѣть въ виду „Jahresberichte der Geschichtswissenschaft", для эллинско-римско-эллинистической древности „Jaresberichte der klassischen Altertumswissenschaften" (болѣе подробные, въ своемъ родѣ образцовые; конечно, отдѣлы, въ которыхъ трактуются отдѣльныя области, въ частности, въ большинствѣ случаевъ совмѣстно съ политической исторіей трактуемые экономическіе вопросы, достаточно велики и недостаточно опредѣленны по своему содержанію; вообще эта послѣдняя сторона нѣсколько отступаетъ назадъ). Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть журналы, между ними въ особенности библіографіи „Historische Zeitschrift" и статьи и отчеты о книгахъ въ „Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte". Большинство собственныхъ и заграничныхъ журналовъ по соціальнымъ наукамъ иногда случайно даютъ важныя статьи и рецензіи, равно какъ и этнографическіе, археологическіе журналы (напримѣръ, „Revue archéologique" и журналы по сравнительному правовѣдѣнію, напр., колеровскіе). Спеціально древность, и притомъ вся древность, охватывается періодическими публикаціями по опредѣленной программѣ: Klio, „Beiträge zur alten Geschichte" (съ дополнительными выпусками), гдѣ можно найти много соціально-историческихъ въ высочайшей степени цѣнныхъ и въ предшествующемъ изложеніи использованныхъ статей. Изъ общихъ изложеній: большой до сихъ поръ доведенный до конца національно-эллинской исторіи трудъ Эд. Мейера (Ed. Meyer) „Geschichte des Altertums" въ 5 томахъ, съ каждымъ слѣдующимъ томомъ становящійся для соціальной исторіи все богаче; первый выпускъ второго изданія, только что вышедшій изъ печати, содержитъ рядомъ съ въ высочайшей степени цѣннымъ и нѣсколько общихъ соображеній, какъ кажется, спорнаго характера;—для „первобытной исторіи" („Prähistorie") государ-

ства и вліянія государственнаго въ исторіи, если бы ясный реализмъ его сужденій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вступаетъ на почву фактовъ, не стоялъ слишкомъ прочно, слѣдуетъ, послѣ его статьи въ Извѣстіяхъ Берлинской Академіи за 1907 годъ, считаться съ возможностью нарушенія непредвзятости его историческаго взгляда штаммлеровской юридической схоластикой, которая для историка несетъ съ собою совершенно такую же опасность, какъ и натуралистическій или экономическій схематизмъ понятій.—Для общихъ соображеній, высказанныхъ во Введеніи, ср. для точки зрѣнія Эд. Мейера его статьи объ „Экономическомъ развитіи древняго міра" и о „Рабствѣ въ древности", полемику съ нимъ Бюхера въ его книгѣ „Возникновеніе народнаго хозяйства", затѣмъ въ статьѣ „Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte" (въ сборникѣ въ честь Шеффле) и въ его статьѣ о діоклетіановскомъ эдиктѣ въ 50 томѣ Zeitschrift für Staatswissenschaft, болѣе коротко въ его статьѣ „Gewerbe" („Промышленность") въ этомъ словарѣ; далѣе, спеціально о рабствѣ: Cicotti „Tramonto della schiavita nel mondo antico", примѣненіе точки зрѣнія Cairnes'a (въ его „Slave power") къ античнымъ отношеніямъ, которое (несмотря на извѣстную неясность и неотчетливость), несомнѣнно, имѣетъ значительную цѣну, и A. Loria въ 4 томѣ Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgescichte (къ этому ср. статью „Колонатъ"). Важныя работы Wilcken'a, Rostowzew'a, между прочимъ, см. въ статьѣ „Эллинизмъ". Во всѣхъ этихъ работахъ см. и цитаты и изъ другой литературы. Сочиненія Rodbertus'a находятся въ томахъ 4, 5, 8 Jahrbücher für National Oekonomie. Нужно обратить вниманіе, что успѣхи, сдѣланные историками въ познаніи (Эд. Мейера и его учениковъ), и тамъ, и какъ разъ тамъ, гдѣ они оказываются правыми въ отношеніи къ Бюхеру, достигнуты тѣмъ, что они, къ счастью, стали пользоваться услугами (mit dem Kalbe zu pflügen) презираемыхъ ими экономическихъ „теоретиковъ" и такимъ образомъ пришли къ яснымъ понятіямъ—чего, относительно примѣняемаго ими понятія „фабрики" еще, очевидно, нельзя сказать.—Для соціальной стороны античнаго ученія о государствѣ талантливыя работы Фюстель де Куланжа (спеціально „La cité antique", которую очень слѣдуетъ читать, но съ осторожностью).

Для политической оцѣнки „полиса" работы Kuhn'a (спеціально „Die Städte der Alten, Synoikismos und Komenverfassung") еще и теперь являются основными. Далѣе слѣдуетъ сравнить кромѣ въ отдѣлѣ Эллада цитир. раб. Эд. Мейера—первыя главы книги Kaerst'a „Geschichte des Hellenismus" (спеціально также стр. 62 и слѣд.). Кромѣ того ср. литературу указанную въ отдѣльныхъ главахъ этого отдѣла.

Самое большое заблужденіе, въ которое все еще впадаютъ нѣкоторые—не всѣ—историки, состоитъ въ томъ, будто „сложность" и „текучесть" историческихъ явленій не допускаетъ примѣненія твердыхъ и точныхъ понятій. Само собою понятно, напримѣръ, что отъ мелкаго ремесленника, который при случаѣ или какъ общее правило даетъ у себя работу и рабу, но самъ вмѣстѣ съ нимъ работаетъ, до ремесленника, который учился, правда, своему искусству и понимаетъ его, но преимущественно ведетъ лишь надзоръ надъ своими рабами, далѣе до такого, который иногда, часто, въ большинствѣ случаевъ, всегда передаетъ его одному изъ своихъ рабовъ, затѣмъ къ просто купцу, который лично мало или вовсе не владѣетъ техникой, но руководитъ продажей въ качествѣ „торговаго директора" („kaufmannischer Direktor"), далѣе, къ купцу, который только одну часть своего сырья перерабатываетъ съ помощью собственныхъ рабовъ для продажи, еще дальше къ купцу или къ частному человѣку, который иногда „вкладываетъ" свои деньги въ одного или въ нѣсколькихъ обученныхъ рабовъ, наконецъ, къ княжескому дому (Haushalt), который заставляетъ выученныхъ рабовъ работать для рынка, но также и для собственныхъ надобностей дома или, наконецъ, только для собственныхъ надобностей,—непрерывная цѣпь возможностей. Но это нерасчлененное многообразіе фактовъ не доказываетъ, однако, что мы должны образовывать неясныя понятія, но, наоборотъ, что ясныя „идеально-типическія" (ср. Archiv für Sozialwissenschaft XIX,I) понятія должны быть правильно примѣняемы, не какъ схемы для преодолѣнія исторически даннаго, но для того, чтобы съ ихъ помощью опредѣлить экономическій характеръ явленія, поскольку оно приближается къ тому или другому „идеальному типу". Краткій очеркъ, какой представляетъ собою предшествующій текстъ, естественно, не могъ совсѣмъ избѣгнуть схематизаціи.

1. Для Месопотаміи матеріалъ источниковъ въ переводахъ все еще самый лучшій можно найти въ болѣе старыхъ собраніяхъ у Oppert'a и Menant'a („Docum. jurid. de l'Assyrie"), далѣе въ „Keilinscrift. Bibliothek" вообще и въ „Urkunden und Texte" Meissner'a въ его „Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht"; въ дополненіе къ этому—многочисленныя нѣмецкія изданія „Hammurabi" (Kohler'a и Peiser'a съ юридическимъ комментаріемъ; о сумерскихъ законахъ см. Haupt „Die sumer. Familiengesetze"); дальнѣйшій матеріалъ доставляютъ, напр., Moldenke „Babyl. Contract Tablets", изданныя Hilprecht'омъ результаты раскопокъ, произведенныхъ университетомъ въ Пенсильваніи, сдѣланное Meissner'омъ и Rost'омъ изданіе надписей на постройкахъ (Baninschriften) Сангериба, сдѣланное Peiser'омъ изданіе вавилонскихъ контрактовъ Берлинскаго музея (къ нему экскурсъ Kohler'a о ретрактѣ); Oppert въ „Journal Asiatique" 7. ser. XV, стр. 543: о расчлененіи вавилонянъ (теперь повторено) и (для ранней эпохи очень важное) Tureau-Dangin'ово изданіе сумерско-аккадійскихъ царскихъ надписей (I томъ „Vorderasiatische Bibliothek"). Кромѣ того нужно слѣдить за многочисленными цѣнными работами въ „Zeitschr. f. Assyriologie", C. Bezold'a (тамъ же текущая библіографія и отзывы о книгахъ), далѣе, въ „Beiträge zur Assyriologie und semit. Sprachwissenschaft" Delitzch'a и особенно въ „Travaux rel. à là phil. et archéol. égipt. et assyriol." (изд. Maspero), рядомъ съ этимъ нѣкоторыя (больше случайно) появляющіяся въ „Journal of the R. Asiatic Society", въ „Journal Asiatique", въ „Proceedings of Biblical Archaeology" и въ „Zeitschrift der deutschen morgenländischen Geselschaft" статьи, наконецъ, спеціально „Babylonian and Oriental Records". Для общаго оріентированія пригодны: Winckler „Altorientalische Forschungen", его „Völker des alten Orients", т. III и его (очень сжатый и не исчерпывающій, но очень хорошій) очеркъ въ „Weltgeschichte" Helmolt'a. Масперо „Hist. ancienne des peuples de Orient classique" даетъ только сжатый поперечный разрѣзъ соціальныхъ отношеній (но заслуживаетъ прочтенія). Настоящаго изображенія хозяйственнаго развитія до сихъ поръ нѣтъ совсѣмъ, и оно было бы еще преждевременнымъ. Предварительно надо было бы классифицировать громадный матеріалъ источниковъ, не

только съ до сихъ поръ, естественно, на первомъ мѣстѣ стоящихъ хронологически-исторической, генеалогической и т. д., но и технической и экономической точекъ зрѣнія, но болѣе крупнымъ эпохамъ и рядомъ съ установленіемъ движенія цѣнъ анализировать ихъ съ точки зрѣнія экономической цѣли (извлеченія прибыли изъ капитала и покрытія потребностей).

2. Для Египта существуютъ большія храмовыя и царскія надписи въ удобной формѣ, въ особенности въ болѣе старыхъ англійскихъ собраніяхъ переводовъ. (Съ недавняго времени опять, напр., въ важныхъ публикаціяхъ Steindorf'a, все болѣе и болѣе имѣютъ въ виду, что каждый образованный и интересующійся человѣкъ читаетъ іероглифы!). О раскопкахъ каждый разъ самое новое даютъ публикаціи „Egypt. exploration fund". Многочисленные, до крайней усталости читателя повторяющіеся переводы однихъ и тѣхъ же источниковъ въ работахъ E. Revillout часто вызываютъ подозрѣніе, особенно переводы демотическихъ текстовъ. Надежные переводы, между прочимъ, въ работахъ W. Spiegelberg'a (Rechnungen aus der Zeit Seti's I"; „Demotische Papyri des Strassburger. Bibl.") и Griffith'a (важна, напр., работа „The Petrie Papyri"). Комментированные памятники, далѣе, также въ цитированномъ въ примѣненіи къ гл. I, части I „Recueil" (въ немъ большинство цитированныхъ въ текстѣ съ именами ихъ авторовъ статей) и въ „Bibliothèque Egyptologique", далѣе въ Zeitschr. f. äg. Sprache u. Altertumsk."; въ „Sphinx" и въ названныхъ примѣнительно къ гл. I, части I „Procedings Bibl. Arch."; для комментаріевъ въ „Revue égyptologique" (редактируемомъ E. и—прежде—V. Revillout и часто почти сплошь написанномъ первымъ изъ нихъ самимъ) имѣетъ силу сдѣланное выше противъ R. предупрежденіе, также противъ его книгъ: „Cours de droit ég." (можетъ быть прочитанъ), „Précis de dr. ég." (наивно безъ всякаго разбора собранныя въ одно разнообразныя вещи; съ нѣсколькими хорошими — использованными въ предшествующемъ очеркѣ— мыслями перекрещиваются не имѣющія рѣшительно никакой цѣны „аналогіи"), памятники въ „Corpus Papyrorum Aegypt. (Revillout, Eisenlohr) слѣдуетъ „въ лучшемъ случаѣ разсматривать какъ первые опыты" (Spiegelberg). Для введенія все еще заслуживаетъ прочтенія „Aegyptologie" Brugsch'a (много разъ повторенная); болѣе популярно написаны работы Ebers'a

(„Aegyp. Studien"); обстоятельны, но уже устарѣли данныя въ „Manners and customs of the a. E." Gardner Wilkinson'a; лучше всего (но безъ ясности экономическихъ понятій) „Aegypten und ägypt. Leben im Altertum" Erman'a. Прекрасное популярное изображеніе—Steindorf, „Die Blutezeit des Pharaoreichs". Краткій очеркъ соціальной исторіи Thurn Wald'a въ „Zeitschr. f. Sozialwiss." IV, 1901. Для распредѣленія земли въ эпоху Рамессидовъ важно: Erman, „Zur Erkl. des Pap. Harris", Sitz-Ber. der Berl. Akad, 1903. Къ Масперо относится сказанное примѣнительно къ 1 гл., I части; кое-что въ работахъ Wiedemann'a (Erl. zu Herodots II Buch.); для общей исторической оріентировки (важныя „Unters. z. Gesch. u. Altertumsk. Aeg." Sethe на этотъ разъ мнѣ были недоступны): E. Meyer, „Geschichte des alten Aegyptens", первый томъ его Gesch. d. Altertums и работы Petrie („History of Egypt", „Koptos" и т. д.). О Bokchoris'ѣ теперь можно сравнить парижскую тезу A. Moret (De Bocchori rege, 1903). Не болѣе 20 лѣтъ назад Эд. Мейеръ справедливо требовалъ новой промышленной исторіи Египта (на мѣсто устарѣлыхъ трудовъ Gardner Wilkinson'a). Предварительнымъ условіемъ здѣсь, гдѣ техника можетъ быть такъ далеко прослѣжена назадъ благодаря находкамъ и изображеніямъ, было бы: точное (предпринятое, конечно, только при содѣйствіи технологовъ) установленіе эволюціи орудія, сырого матеріала, продукта (напр., подъ вліяніемъ проникновенія желѣза), затѣмъ въ связи съ этимъ установленіе, насколько эта эволюція повліяла на спеціализированіе по профессіямъ внутри крупнаго домоваго хозяйства, съ одной стороны, въ „свободной промышленности", съ другой стороны, и на отношеніе между ними, а въ связи съ этимъ точное установленіе экономическаго смысла промышленной дѣятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Необходимой предварительной работой для этого, какъ и для настоящей „аграрной исторіи", является, конечно, цитированныя въ текстѣ утомительныя изслѣдованія терминологіи.

3. Для израильской и іудейской исторіи основное значеніе имѣютъ большіе труды J. Wellhausen'a „Prolegomena" и „Israelitische und judische Geschichte"; для соціальной исторіи спеціально въ нихъ, однако, заключается мало. Для нея ср. (для эпохи послѣ изгнанія) особенно E. Meyer „Die Enstehung des Judentums", далѣе (для эпохи до изгнанія) работы (часто нѣсколько смѣлыя) Winkler'a, (особенно его исторія Израиля въ Oriental. Forsch., къ сожалѣнію, во время писанія этой статьи мнѣ оставшаяся недоступной); далѣе Jeremias „Das A. T. im Lichte des alten Orients" и (совершенно разной цѣнности) литература о Библіи и Вавилонѣ (Bibel Babel Literatur) (хорошо оріентирующее изложеніе ея у C. Bezold'a); для правовой и аграрной исторіи, изъ болѣе раннихъ работъ: Nowack „Judische Archäologie" и Buhl „Die sozialen Verhältnisse der Israeliten"; теперь же въ особенности: A. Merx „Die Bücher Moses und Iosua (Religionsgeschichtl. Volksb., II, 3, очеркъ 1 и 2,—отнюдь не „популярная"). Удобенъ для пользованія очеркъ всей исторіи Guthe („Geschichte d. Volkes Israel", „Grundriss der Theol. W.", II, III), гдѣ находится и литературный обзоръ массы отдѣльнаго матеріала, напечатаннаго во всѣхъ журналахъ, посвященныхъ изученію Ветхаго Завѣта и семитологіи, въ томъ числѣ и названныхъ въ параграфахъ 1 и 2 и въ современныхъ комментаріяхъ къ Ветхому Завѣту; нѣсколько хорошихъ отдѣльныхъ статей въ „Jewish. Encyclopaedia" и въ „Realaenzyklopädie f. Prot. Theol. u. Kirche" (гдѣ вообще хорошія литературныя указанія). Новый, хорошо снабженный комментаріями переводъ Талмуда сдѣланъ Goldschmidt'омъ; литературу объ іудейскомъ правѣ см. въ іудеологическихъ журналахъ.

4. Для греческой и римской античной древности дастъ въ большинствѣ случаевъ превосходныя статьи Энциклопедія Pauly-Wissowa (новое изданіе, до сихъ поръ доведенное до буквы „E"). Изъ періодическихъ изданій, кромѣ названныхъ во Введеніи „Jahresberichte" изъ большого множества историческихъ и археологическихъ журналовъ слѣдуетъ имѣть въ виду спеціально два руководящихъ нѣмецкихъ журнала—„Hermes" и „Philologus" (послѣдній съ дополнительными тетрадями, оба безъ рецензій въ собственномъ смыслѣ и безъ библіографическихъ цѣлей), рядомъ съ ними „Neue Jahrb. f. das klassische Altertum", „Mitteilungen" археологическихъ институтовъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ (Германія и Австрія), для Франціи: „Mélanges d'Archéol.", издающіяся École de Rome, для греческихъ и эллинистическихъ проблемъ спеціально „Journal of Hellenic Studies", „Bulletin de correspondence hellénique" (важно

для находокъ новыхъ источниковъ) и „Revue des études grecques“ (относящееся къ соціальной исторіи въ особенности въ обоихъ первыхъ). Романистическій отдѣлъ „Zeitschr. f. Rechtsgeschichte“ въ послѣднее время даетъ и изслѣдованія по греческому праву. Греко-италійская правовая исторія B. W. Leist'а явилась въ свое время попыткой сравнительнаго изученія права, и ея ошибки—въ преувеличеніи вліянія племенныхъ особенностей, что относится и къ другимъ его работамъ („Altarisches jus gentium“ и „Altarisches jus civile“). Для состоянія современнаго изслѣдованія рѣшающее значеніе имѣютъ всецѣло стоящія на сравнительно—историческомъ и папирологическомъ базисѣ работы Mitteis'а (см. ниже). Прочной заслугой J. Beloch'а является, несмотря на все, что противъ него, отчасти справедливо, говорятъ, обоснованіе числовыхъ представленій о населеніи („Die Bevölkerung der griech.-röm. Welt“ и многочисленныя работы по отдѣльнымъ вопросамъ) и (особенно вызывающія возраженія) по экономикѣ древняго міра (ср., напр., основан. Конрадомъ Jahrb. f. Nat.-Oek. III, Folge XVIII, стр. 626). Изданная послѣ смерти автора студенческая запись „Griechische Kulturgeschichte“ I. Burgkhardt'а игнорируетъ все современное изслѣдованіе и монументальные источники; пользованіе ея, несмотря на это, конечно, въ высокой степени талантливыми точками зрѣнія возможно поэтому въ отдѣльныхъ случаяхъ лишь съ осторожностью; на непосредственно экономическое она, впрочемъ, мало обращаетъ вниманіе (по ср. о значеніи этого труда—противъ v. Wilamowitz'а—заявленія C. Neumann'а въ „Hist. Zeitschrift“ и Kaerst'а въ предисловіи къ его „Hellenismus“). Извѣстная и оцѣненная работа Blümner'а „Gewerbe und Künste“ требовала бы новой переработки (различныя цѣнныя статьи его у Pauly-Wissowa; см. напр., „Ackerbau“, „Eisen“ и т. д.), но прежде всего въ ней нѣтъ совсѣмъ ничего объ экономикѣ. Плохо, что по многимъ пунктамъ все еще указываютъ на дѣльную, но въ экономическихъ категоріяхъ совсѣмъ неоріентированную работу Büchsenschütz'а „Besitz, und Erwerb im griechischen Altertum“. О книгѣ Francotte'а („Biblioth. de la Faculté de Philos. et Lettres de Liège“. 7 и 8) см. текстъ: этой значительной работѣ не достаетъ отправного пункта въ видѣ выясненія интересовъ капи-

тала въ области пріобрѣтенія прибыли, твердой постановки вопроса объ условіяхъ (предполагаемыхъ!—ибо безъ гипотезъ здѣсь ничего нельзя дѣлать) рынка, доставкѣ и характерѣ сырья, характерѣ этимъ и структурой хозяйства опредѣляемыхъ шансовъ на прибыль. Расширеніе изслѣдованія на эллинистическую и римскую области слѣдуетъ очень привѣтствовать (ср. далѣе Guiraud въ „Bibl. de la fac. de lettres“, Paris XII, 1900). Изъ военно-историческихъ работъ H. Delbrück'а во всякомъ случаѣ его „Geschichte der Kriegskunst“ не разъ была оцѣниваема спеціалистами такъ, какъ онъ (въ качествѣ не спеціалиста!) нашелъ возможнымъ оцѣнить работы В. Зомбарта. Съ бóльшей, можетъ быть, справедливостью и, навѣрное, съ такой же несправедливостью. Ибо, несмотря на нѣкоторые несомнѣнные промахи въ экономическихъ представленіяхъ онѣ остаются не только возбуждающими мысль, но (въ особенности „die Persekriege und die Burgunderkriege“, а также тѣ части „Kriegskunst“, въ которыхъ даетъ себя знать его спеціально ему присущій талантъ реалистической прагматики) часто и основными. Нѣкоторые вопросы основной важности и для соціальной исторіи (численность аттическихъ рабовъ, плотность населенія и обработка почвы, Ликургъ, понятіе города—государства и т. д.) заключаются въ „Forschungen z. alten Geschichte“ Ed. Meyer'а. Не нуждаются въ указаніи большія работы V. Wilamowitz'а („Aus Kydathen“, „Aristoteles und Athen“, кое-что даже тамъ, гдѣ его и не ищешь, напр., во введеніи къ „Herakles“ и по многимъ другимъ поводамъ,—сомнѣніе и здѣсь вызываетъ съ талантливой послѣдовательностью проводимая конструкція „доризма“ какъ противоположности представляемаго Аѳинами подлиннаго эллинизма; во многихъ случаяхъ встрѣчается пристегиваніе къ соціально-экономическимъ датамъ, но въ принципѣ оно было бы отвергнуто Ф. Виламовицемъ какъ „матеріалистическое“) Эд. Мейера (см. выше), Busolt'а (въ I т. Griechische Geschichte“ спеціально цѣннымъ является анализъ торгово-мѣновыхъ отношеній микенской эпохи на основаніи находокъ), Beloch'а (вездѣ отдается должное экономическому, не вездѣ полная отчетливость въ образованіи понятій), Hermann'а. (въ „Lehrbuch der griechischen Antiquitäten“, новое изданіе Blümner'а и Dittenberger'а: т. II: Юридическія древности, на-

писан. Thalheim'омъ, т. IV: Частныя древности, написан. Blümner'омъ, оч. заслуживающія признательности; въ большинствѣ случаевъ не хватаетъ отчетливой экономической классификаціи). Нельзя обойтись безъ работъ Marquardt'a („Röm. Privataltertümer", теперь, однако, совсѣмъ устарѣвшія и лишенныя отчетливости), а также безъ различныхъ сочиненій Pöhlmann'a (спеціально: „Hist. Zeitschrift" N. F. 44, стр. 193 и слѣд., 385 и слѣд., также „N. I. f. d. klass. Alt." 1,205, затѣмъ его извѣстная „Geschichte des antiken Sozialismus und Kommunismus"; вездѣ, спеціально въ этомъ главномъ трудѣ, многіе цѣнные и прочные результаты комбинируются съ несостоятельными, прежде всего страдающими отсутствіемъ экономической отчетливости толкованіями; о выведеніи имъ христіанства, напр., см. текстъ въ отдѣлѣ „эллинизмъ", заключеніе, но также Tröltsch'a въ „Arch. f. Sozialwiss". XXVI, I). Для исторіи греческаго права теперь рядомъ съ „Hist. de la propriété foncière en Grèce" Guiraud можно пользоваться „Droit privé de la Republ. Athénienne" Beauchet (впрочемъ, болѣе широкая, чѣмъ юридически отчетливая работа), для Рима, рядомъ съ (заслуженнымъ, но совсѣмъ не одухотвореннымъ) трудомъ Karlowa только что появилось „Röm. Privatrecht bis auf Diokletian (пока Band I) Mitteis'a. Для аграрной исторіи въ „Parerga" Pernice'a въ „Z. f. Rechtsg". есть нѣсколько отдѣльныхъ частностей. Памятники, поскольку они важны съ историко-правовой точки зрѣнія, удобнѣе всего изучать для Греціи въ „Sylloge" Dittenberger'a и въ „Recueil des Inscript. juridiques" Dareste'a, Haussouillier и Reinach'a, римскіе въ „Fontes" Bruns'a.

Для Греціи (древней Эллады) спеціально здѣсь сдѣланы лишь самыя важныя литературныя указанія къ спеціальнымъ, упоминаемымъ въ текстѣ контроверзамъ.

Устраненіе взгляда, признававшаго остатки „сельской общины" у Гомера, есть заслуга Пельманна (Zeitschr. f. soz. u. Ges. Bd. I). О филахъ исчерпывающей является статья Szanto въ „Sitzungsberichte der Wiener Akad". 144 (1902), 5; о фратріяхъ кромѣ работы Schäfer'a и статьи Rud. Schöll'a (отчасти спорной) о клисоеновскихъ филахъ (Sitz. Ber. d. bayr. Akad. 1889, II, I) слѣдуетъ обратить вниманіе особенно на хорошую статью „Demotionidai" у Pauly-Wissowa

принадлежащую Szanto). Что касается „рода", то текстъ во всемъ существенномъ примыкаетъ къ взглядамъ Эд. Мейера (отчасти противъ Ф. Виламовица). Также и во много разъ разсматривавшемся вопросѣ о „микенской культурѣ" мнѣніе Эд. Мейера для меня было убѣдительнымъ. Вопросъ о томъ, гентильнаго или военно-политическаго происхожденія сохранившіеся въ историческія времена остатки связанности (Gebundenheit) земли, конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить не легко, и въ текстѣ онъ не могъ быть рѣшенъ. Фактическія основанія говорятъ, на мой взглядъ, для большинства явленій преимущественно въ пользу послѣдняго предположенія. Съ защитой теоріи замкнутаго родового землевладѣнія недавно выступилъ Wilbrandt („Politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon") въ 7 Suppl. къ „Philologus" Ср. далѣе для ранняго періода полиса: Töpfer „Attische Genealogie"; Fr. Cauer „Parteien und Politiker in Megara und Athen" (то, что въ его изображеніи мнѣ представляется не выдерживающимъ критики, все происходитъ отъ его основного заблужденія, что только или въ особенно высокой мѣрѣ экономически угнетенные слои предпринимаютъ государственные перевороты; исторія учитъ обратному); Br. Keil „Die solonische Verfassung". О сущности тираніи: R. Nordin „Aisymnetie und Tyrannis" въ „Klio", Bd. 3, кромѣ того, Ed. Meyer въ „Geschichte d. Altertums". Для исторіи задолженности, земельнаго долгового права, ипотеки имѣютъ теперь значеніе на ряду со статьей Szanto въ Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи „Griechisches Pfandrecht" Hitzig'a и „Beiträge zur griech. Rechtgeschichte" Swoboda (см. текстъ). Для критскаго права: Bücheler u. Zitelmann „Das Recht von Gortyn" (Suppl. zu N. F. 40 des Rhein Mus. f. Philol). О Спартѣ работы Busolt'a, Niese и Ed. Meyer'a (въ „Forschungen"), который только (на мой взглядъ) преувеличиваетъ „старинность" („Altertümlichkeit") спартанскаго строя. Для права клерухій ср.: Gomperz („Mitt. d. Archäol. Inst. Athen" 13, 1888), къ этому замѣчанія Ed. Meyer'a въ „Geschichte des Altertums" (IV, § 393 и слѣд.) и тамъ указанная литература. О земельномъ правѣ классической эпохи ср. названные труды Guiraud и Beauchet; также все еще заслуживаетъ вниманія „Der attische Process und die Diadika

sien“ Leist'a. О демахъ и соціальномъ расчлененіи Аоинъ теперь слѣдуетъ сравнить Sundwall въ I. Ergänzungsband къ „Klio“. О „капитализмѣ“ и „фабрикахъ“ ср. названныя во Введеніи сочиненія, специально Бюхера (о вызвавшей много разговоровъ мнимой „фабрикѣ щитовъ“ Лисія и аттическихъ „фабрикахъ“ вообще, затѣмъ и о существѣ античной торговли) въ „Festg. f. Schäffle“; болѣе новая литература объ „опекунскомъ счетѣ“ Демосѳена была во-время доступна мнѣ только отчасти; ср. изъ болѣе старой: Schäfer „Demosthenes und seine Zeit“ въ первомъ томѣ. Объ ἔρανοι ср. Ziebart „Griech. Vereinswesen“ (Jablonowskische Preisschrift № 34), содержитъ объемистыя данныя и о профессіональныхъ союзахъ; для Рима параллели даетъ болѣе старый трудъ Liebenam'a. Объ экономическихъ отношеніяхъ древней Эллады основнымъ является большой трудъ Böckh'a; но выпускъ второго неизмѣненнаго изданія былъ собственно свидѣтельствомъ о бѣдности. О городской продажѣ хлѣба въ Самосѣ ср. Thalheim въ „Hermes“ 39 (1904).

5. Для эллинистической эпохи (относящееся къ Іудеямъ см. выше Nr. 3) общіе труды Droysen'a, Niese и Kaerst'a специально для соціальной исторіи даютъ, конечно, не слишкомъ много (ср., однако, у Kaerst'a стр. 62 и слѣд. и заключительную главу тома I); обстоятельное разсмотрѣніе экономической стороны есть специальная заслуга 3 тома „Griechische Geschichte“ Beloch'a (см. Nr. 4). Изъ работъ о Египтѣ „Recherches sur l'éc. pol. sous les Lagides“ Lumbroso были для своего времени основными, но въ настоящее время во многомъ они, какъ и его „Egitto dei Greci e Romani“, съ успѣхами находокъ папирусовъ, устарѣли. Mahaffy („The empire of the Ptololomies“) для соціальной исторіи даетъ немного. Папирологія, которая здѣсь все болѣе и болѣе даетъ тонъ изученію, въ библіографическомъ отношеніи организована превосходно. U. Wilcken въ I томѣ „Archiv für Papyruskunde“ далъ по предметамъ расположенный генеральный регистръ папирусовъ и въ каждомъ томѣ пополняетъ его текущими новостями; въ дополненіе къ этому во всѣхъ отношеніяхъ превосходно обработанная и исчерпывающая критическая библіографія Viereck'a въ Jahresb. d. Klass. Alt. Wiss. Папирологическая литература и съ нею тѣсно связанная литература черепковъ (Ostraka) начинаетъ безмѣрно

разростаться (юридическое „Введеніе“ („Einführung“) Gradenwitz'a, ср. далѣе статью „Papyrus und Papyrologie“ Deissmann'a въ „Realenz. f. prot. Theol. und Kirche“), поэтому въ дальнѣйшемъ будутъ названы лишь нѣкоторые болѣе важные для аграрной исторіи источники и работы. Основнымъ для познанія эллинизма, специально хозяйства эпохи Птолемеевъ и ранней римской эпохи въ Египтѣ всегда останется трудъ U. Wilcken'a о „Griech. Ostraka“; для правового развитія поздней поры (римскаго владычества) также: Mitteis „Reichsrecht und Volksrecht“ и его позднѣйшія многочисленныя работы по сравнительному праву. Изъ изданій папирусовъ по техникѣ (переводъ и комментарій, прибавленный къ тексту) и по фактическимъ результатамъ самыя важныя сдѣланы Mahaffy (Flinders Petrie Papyri), Grenfell'емъ и Hunt'омъ (Revenue Laws of Ptol. Philadelphus: для системы монополій и государственнаго откупа первой эпохи; Tebtunis Papyri, Oxyrynchos Papyri, содержащіе, тѣ и другіе, много важныхъ данныхъ о земельномъ правѣ, специально Fayum'a, Amherst Papyri), Kenyon'омъ, Brunet de Presle и Egger'омъ (P. du M. du Louvre), Wessely (Corpus pap. Raineri). Изданія берлинскаго генеральнаго управленія въ „Aegypt. Urkunden aus dem kgl. Museum“ охватываютъ только немного изъ эпохи Птолемеевъ. Изъ многочисленныхъ работъ Wessely специально „Karanis und Soknopaiu Nesos“, Denkschr. d. Wiener. Ak. 47, 1902, важно для полевыхъ отношеній, далѣе его „Studien über das Verh. des griech. z. ägypt. Recht im Lagidenreich“, Sitz.-Ber. d. Wiener Akad., Ph.-h. kl. 124, 1891, и анализъ населенія въ „Arsinoe“, также въ вѣнск. Sitz-Ber. 145, 1902. Важны для оцѣнки общаго экономическаго характера государства Птолемеевъ специально: Rostowzew „Geschichte d. Staatspacht in der römischen Kaiserzeit“ („Philologus“, Suppl. 9, 1902), для оцѣнки экономическаго развитія античнаго капитализма вообще имѣющая большое значеніе (ср. текстъ) цѣнная книга Otto о „Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten“, B. I (Bd. II выходитъ, ср. текстъ), недавно, какъ упомянуто въ текстѣ, подвергавшаяся неоднократно нападкамъ (ср. Schubart „Arch. f. Pap. Forschung“ II (1902), стр. 147 и слѣд.) работа P. M. Meyer'a „Heerwesen der Ptolemäer und Römer“ (по вопросу объ „Epikrisis“ ср. Wessely, Sitz-Ber. d. Wiener

Akad." Bd. 142, 1900, Stud. z. Paläogr. u. Pap. K. Heft I), далѣе, отрывокъ статьи Wachsmuth'а „Wirtschaftl. Zustände in Aegypten während der Ptolemäerzeit" (домоводственныя книги) и книга Waszynski о „Bodenpacht" (Bd I Privatpacht, Bd. II долженъ былъ выяснить государственную аренду); о сдачѣ въ аренду доменовъ: Rostowzew и P. Meyer въ „Klio" I (1902); о хлѣбныхъ элеваторахъ и хлѣбномъ транспортѣ: Rostowzew, Arch. f. Pap. III (1904, стр. 201 и слѣд.). Кромѣ того, слѣдуетъ обратиться къ названной въ началѣ систематической библіографіи.

6. Для Рима слѣдуетъ сравнить въ Nr 4, въ началѣ, названныя сочиненія. Совершенно радикальная критика традиціи Ettore Pais (Storia di Roma, до сихъ поръ 2 тома) была принята лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ; многочисленныя, въ высокой степени цѣнныя отдѣльныя комбинаціи являются очень убѣдительными. Выясненіе древнѣйшаго періода, какъ извѣстно, сильно подвигается впередъ благодаря раскопкамъ на форумѣ; для соціально-историческаго разсмотрѣнія можно извлечь отсюда что-нибудь лишь непрямымъ путемъ. О сельскихъ общинахъ см. статью Schulten'а (ср. текстъ) въ 53 томѣ „Philologus" (страннымъ образомъ въ оглавленіи тома не упомянутую!), тамъ же и болѣе старую литературу. Статью K. J. Neumann'а „Die Grundherrlichkeit der röm. Republik" (Strassburger Rektoratsrede, 1900), поскольку она вноситъ что-либо новое сравнительно со моей „Agrargeschichte", слѣдуетъ, по моему, почти цѣликомъ отклонить (см. въ текстѣ), что не мѣшаетъ восхищаться тонкостью конструкціи. О кліэнтелѣ все еще статья M. Voigt'а (Verh. d. Kgl. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph.-hist. Kl. 30, 1878) является основной; очень хороша также (хотя не совсѣмъ съ ней можно согласиться) статья „Clientes" у Pauly-Wissowa (Premerstein'а). О плебсѣ ср. Ed. Meyer „Der Ursprung des Tribunats und die Gemeinde der vier Tribus" (въ „Hermes" XXX, 1895), вкратцѣ въ статьѣ „Plebs" во второмъ изданіи этого словаря. О долговомъ рабствѣ ср. Mitteis „Ueber das Nexum" (Z. f. Rechtsg. Rom. Abt. 22, 1901) и F. Kleineidam („Die Personalexekution der Zwölftafeln", Breslau, 1904). Для экономическихъ особенностей межеванія земли ср. Beaudouin, La limitation des fonds de terre и, особенно, Brugi „La dottrine giuridiche degli agrimensori Romani", Schulten „Von römischen Kataster" („Hermes" 41, 1906); о колоніи и муниципіи между прочимъ: Toutain въ Mél. Archéol 16 (1896), 18 (1898). Кромѣ того, я отсылаю къ примыкающимъ къ введенію Rudorff'а къ Лахмановскому изданію „Römische Feldmesser" соображеніямъ въ моей „Röm. Agrargeschichte". Въ текстѣ за недостаткомъ мѣста можно было лишь случайно указать, насколько я еще и теперь (и въ другихъ отношеніяхъ) исповѣдую взгляды этой, конечно, богатой „юношескими грѣхами" книги (для генезиса колоната см. статью о немъ), которая теперь, конечно, во многомъ опережена другими, а кое въ чемъ (перенесеніе Майценовскихъ категорій на отношенія иного характера) съ самого начала была на ложномъ пути. Если не особенно богатый ни талантомъ, ни собственными мыслями, но тамъ, гдѣ онъ можетъ сопоставлять другъ съ другомъ и провѣрять чужія мнѣнія, часто очень дѣльный писатель (Beaudouin) думаетъ, что книга эта переоцѣнена, то я, конечно, ничего не имѣю напомнить противъ этого, въ особенности при теперешнемъ состояніи изслѣдованія, но чувствую себя къ этому непричастнымъ и въ этомъ невиноватымъ. Критику Моммзена (въ Hermes XXV) я могу признать убѣдительной лишь въ ограниченномъ размѣрѣ. Объ ἑκατώριγος см. Br. Keil, Hermes XXXVIII (1903). Періодомъ территоріальнаго расширенія начинается изящный, талантливо написанный, очень заслуживающій прочтенія трудъ Ferrero, для республиканскаго періода рядомъ съ въ высочайшей степени возбуждающими мысль замѣчаніями выставляющій иногда и взгляды, которые вызываютъ возраженія, потому что, можетъ быть, они носятъ слишкомъ модернизирующій характеръ, какъ и многія части „Römische Geschichte" Mommsen'а. Защита Лициніевскаго полевого закона противъ Nieso (Hermes, XXIII) и Pais'а (St. di Roma, II, стр. 141 и слѣд.) Soltau въ „Hermes", XXX, стр. 624. Остроумный анализъ сакральныхъ и юридическихъ сторонъ аграрно-историческихъ проблемъ у Maschke „Zur Theorie und Geschichte der röm. Agrargesetze" (1906), который въ заключеніи также приходитъ къ принятію „обратнаго отраженія" (Rückspiegelung"). О наслѣдственной арендѣ ср. Mitteis въ Arch. der Kgl. Sächs. Ges. d. Wiss. 47 Ph.-hist. Kl. 20 (1903) и статью „Kolonat". Объ организаціи производства въ до-

полненіе къ изложенному въ моей „Römische Agrargeschichte" см. теперь хорошую работу Gummerus'a „Der römische Gutsbetrieb als wirtsch. Organismus nach Cato, Varro und Columella", 5 Beiheft въ I Erg.-Bd. „Klio". Для періода Гракховъ слѣдуетъ указать на статью Ed. Meyer'a въ „Festschrift zu 200 jahr. Jubiläum der Univ. Halle" (1894), затѣмъ на Kornemann'a, Erg. Bd. I къ „Klio" и на соображенія Maschke a. a. o. Интерпретація „lex agraria" 111 года до Р. X. во всемъ существенномъ все еще должна отправляться отъ комментарія Моммзена въ „Corpus Inscr. Lat". Кромѣ того, можно указать на общую историческую литературу, для отдѣльныхъ вопросовъ на библіографію въ „Jahresber. der Geschichtswiss". (Liebenam'a).

7. Литературу для императорскаго періода см. въ статьѣ „Kolonat" (О моемъ докладѣ „Die sozialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur" (есть русскій переводъ: „Научное слово" 1904. VII, Ред.) въ „Wahrheit", Fromanns Verlag, 1896, Maiheft, см. замѣчанія въ текстѣ).

Дѣйствительно критическое сравненіе стадій развитія античнаго полиса и средневѣковаго города (ср., напр., замѣчанія объ этомъ въ „Wirtsch. Gesch. des Schwarzwalds" E. Gothein'a, стр. 61 и слѣд.) было бы благодарнымъ дѣломъ и плодотворнымъ, конечно, только въ томъ случаѣ, когда оно не является цѣлью и на манеръ теперь модныхъ построеній общихъ схемъ развитія не охотится за „аналогіями" и „параллелями", но, какъ разъ наоборотъ, только тогда, когда его цѣль заключается въ выясненіи особенностей каждой изъ обѣихъ, въ конечномъ счетѣ столь различныхъ, эволюцій и въ установленіи причинъ различнаго ихъ хода. Что для него при этомъ необходимо въ качествѣ необходимой предварительной работы изолированіе (слѣдовательно, абстракція) отдѣльныхъ составныхъ частей явленія и затѣмъ для каждой отдѣльной составной части оріентированіе на правилахъ опыта и образованіе ясныхъ понятій (см. выше во Введеніи), безъ которыхъ нигдѣ не можетъ быть достигнута какая-либо достовѣрность въ установленіи причинныхъ связей, конечно, остается при этомъ правильнымъ и должно быть принято во вниманіе какъ разъ для экономическаго явленія, въ области котораго отсутствіе точности понятій можетъ создать самыя превратныя, какія только можно представить себѣ, сужденія.

Проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ

КОЛОНАТЪ

Введеніе.

Понятіемъ колонатъ обыкновенно обозначается правовое, хозяйственное и соціальное положеніе большинства земледѣльцевъ позднеримской императорской эпохи. Въ качествѣ главныхъ признаковъ колоната обыкновенно признаются: прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ и его до крѣпостного состоянія (Leibeigenschaft) доходящая зависимость отъ того, на чьей землѣ онъ сидитъ и чью землю онъ воздѣлываетъ.

Но это вовсе не первоначальное значеніе слова colonus и его производнаго колонатъ. Первоначально въ Италіи colonus называется всякій, qui terram colit (кто воздѣлываетъ землю), главнымъ образомъ землевладѣлецъ (Grundbesitzer), совершенно соотвѣтствуя понятію γεωργός въ греческомъ языкѣ. Лишь позже это понятіе настолько съузилось, что подъ colonus стали разумѣть главнымъ образомъ съемщика чужой земли. Это значеніе слово colonus впервые приняло, повидимому, въ провинціяхъ, говорившихъ по-гречески. Цицеронъ употребляетъ его въ значеніи съемщика впервые, чтобы передать по-латыни сицилійскихъ γεωργοί. Но въ Сициліи, какъ и вездѣ въ эллинистическомъ мірѣ, слово γεωργός уже рано приняло значеніе съемщика.

Большое значеніе колоната для развитія поздней императорской эпохи и слѣдующихъ періодовъ европейской исторіи привело къ тому, что проблема о правовомъ положеніи колоновъ и объ историческомъ развитіи колоната стала вопросомъ, который постоянно и оживленно вентилировался. Несмотря на

то, что здѣсь было проявлено много остроумія и было достигнуто много очень важныхъ отдѣльныхъ результатовъ, множество изслѣдованій, посвященныхъ этому предмету, до настоящаго времени лишь отчасти разъяснили вопросъ. Признано, правда, что колонатъ медленно развился изъ болѣе раннихъ условій, но обыкновенно не замѣчаютъ того, что это развитіе въ различныхъ частяхъ античнаго міра было совсѣмъ различно. На Востокѣ и въ Египтѣ колонатъ въ качествѣ типа государственнаго аграрнаго хозяйства (als Typus der staatlichen Agrarwirtschaft) и въ качествѣ частнаго учрежденія (als private Institution) существовалъ съ древнѣйшихъ временъ (см. объ этомъ „Аграрную исторію древняго міра") и развивался органически до позднеримской эпохи включительно. И въ отдѣльныхъ частяхъ Запада развитіе, насколько мы можемъ его установить, вовсе не было вездѣ одинаково: италійское развитіе никоимъ образомъ не является типическимъ для остального Запада. Особенно важно то, что формы (die Gestaltung) колоната на Востокѣ оказали во многихъ отношеніяхъ сильное вліяніе на Западѣ. Эти мѣстныя, исторически обусловленныя различія идутъ такъ глубоко, что даже вводившая единообразіе дѣятельность римскихъ императоровъ какъ въ первые три вѣка, такъ и въ 4 и въ позднѣйшіе вѣка не могла стереть ихъ. Только характеръ нашего матеріала виной тому, что мы можемъ въ извѣстной мѣрѣ установить мѣстныя различія (das lokal Verschiedene) только въ первыя три столѣтія, а для болѣе поздняго времени можемъ набросать лишь общую для всей имперіи картину. Это состояніе вопроса заставляетъ меня сдѣлать попытку установить ходъ мѣстнаго развитія, при чемъ въ извѣстной мѣрѣ ясную картину можно, однако, получить только для Египта, Малой Азіи, Африки и Италіи.

А. Исторія колоната до 3 стол. послѣ Рождества Христова.

1. Египетъ (эллинистическая и римская эпоха).

Вся земля (Grund und Boden) Египта въ птолемеевскую эпоху принадлежитъ юридически царю. Но часть ея фактически находится въ частномъ владѣніи, такъ какъ царь или продаетъ

ее, или передаетъ для καταφύτευσις (такимъ путемъ пріобрѣтенныя виноградныя и садовыя земли технически называются κτήματα, пахотная земля—γῆ ἰδιόκτητος), или сдаетъ въ наслѣдственную аренду (μίσθωσις εἰς πατρικά), или же ассигнируетъ территоріальной арміи и чиновникамъ (γῆ κληρουχική). Остальная земля принадлежитъ царю или непосредственно, или какъ представителю боговъ на землѣ (γῆ βασιλική и γῆ ἱερά). Землею боговъ управляетъ царь, но доходы съ нея оставляетъ для храмовъ; доходы съ γῆ βασιλική, какъ и оброки съ частной земли, поступаютъ прямо въ царскую казну. Свободной отъ оброковъ является, повидимому, только земля, подаренная царемъ богамъ и любимцамъ (γῆ ἐν δωρεᾷ).

Обработка γῆ βασιλική, ἱερὰ и δωρεαία производится въ большинствѣ случаевъ особымъ классомъ населенія Египта, который технически называется γεωργοὶ βασιλικοί (царскіе земледѣльцы), а въ обиходной рѣчи также λαοί. Это — свободные люди, которые живутъ въ деревняхъ и обладаютъ, правда, очень ограниченнымъ, самоуправленіемъ. Отношеніе этихъ γεωργοὶ βασιλικοί къ государству это послѣднее разсматриваетъ какъ аренду. Государство диктуетъ арендаторамъ условія аренды въ формѣ νόμος ὠνῆς, арендаторъ принимаетъ (akzeptiert) условія въ формѣ предварительнаго заявленія своего желанія снять землю (durch ein Pachtangebot). Срокъ при этомъ не указывается, и отношеніе арендаторовъ носитъ поэтому прекарный характеръ. Въ то время, какъ государство можетъ, такимъ образомъ, во всякое время разорвать (lösen) свое отношеніе съ арендаторомъ, для арендатора сдѣлать это гораздо труднѣе. Хотя онъ не прикрѣпленъ къ мѣсту своего жительства и къ своему участку (Landparzelle), государство разсматриваетъ ихъ какъ его ἴδια и смотритъ какъ на ненормальное положеніе, если крестьянинъ оставляетъ ихъ и не исполняетъ своей работы.

Въ качествѣ прекарныхъ арендаторовъ государственной земли γεωργοὶ βασιλικοί находятся подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ чиновниковъ. Совсѣмъ не говоря уже о томъ, что въ способѣ веденія своего хозяйства (in der Gestaltung ihrer Wirtschaft) они вовсе не являются свободными, вся ихъ жизнь находится подъ опекой деревенскихъ чиновниковъ и деревенской полиціи. Каждый споръ, каждая распря

доводится до свѣдѣнія деревенскаго писаря (Dorfschreiber). Деревенскіе чиновники (die Dorfbeamten) и деревенская полиція по своей волѣ воздѣйствуютъ на жизнь (gestalten das Leben) своихъ подвластныхъ еще и постольку, поскольку они въ послѣдней инстанціи управомочены требовать отъ крестьянъ всякого рода принудительныхъ работъ, барщины, ручной и съ упряжкой (Hand-und Spanndieste), для государства: къ такимъ службамъ прежде всего принадлежитъ принудительная обработка остававшейся необработанной государственной земли, γεωργία ἄνευ συναλλάξεων.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ отношеніями, которыя довольно близко стоятъ къ крѣпостничеству (Leibeigenschaft). Что эти отношенія дѣйствительно развились и изъ крѣпостничества, это доказываетъ по моему тотъ фактъ, что γεωργοὶ βασιλικοὶ во многихъ документахъ трактуются какъ одинъ классъ съ рабочими въ государственныхъ монополіяхъ (Monopolarbeitern), ὑποτελεῖς, когда извѣстные законы и мѣропріятія получали примѣненіе только къ этой части населенія Египта. А ὑποτελεῖς, поскольку ихъ положеніе опредѣлено большимъ закономъ Филадельфа о монополіяхъ, трактуются какъ настоящіе крѣпостные (Leibeigene) монополіи. Характернымъ образомъ предписанія объ ихъ принудительномъ возвращеніи къ ихъ работѣ звучатъ почти такъ же, какъ и аналогичныя предписанія о колонахъ 4 стол. послѣ Рожд. Хр. Эти отношенія, конечно, не были созданы птолемеевской эпохой; она получила ихъ отъ предшествующей эпохи и фиксировала ихъ въ законъ. При этомъ γεωργοὶ βασιλικοὶ были трактованы болѣе мягко, а ὑποτελεῖς болѣе сурово; но для тѣхъ и другихъ общимъ является то, что они поставлены въ непосредственную зависимость отъ государства и освобождены отъ зависимости отъ храмовъ и отъ ихъ настоятелей (эпистатовъ) и отъ частныхъ феодальныхъ владѣльцевъ (von privaten Lehnherren).

Провели ли Птолемеи во всѣхъ деталяхъ крестьянское освобожденіе, которое соотвѣтственно этому слѣдуетъ предполагать, или только подвели итоги уже совершившемуся развитію, рѣшить этого нельзя. Достовѣрно только то, что государственное крестьянство въ эпоху Птолемеевъ вездѣ выдвинуто на первое мѣсто, и вытѣснено прежнее полуфеодальное крѣпостничество (Leibeigenschaft).

Въ аграрную жизнь Египта римская императорская эпоха не внесла ничего принципіально новаго. Частное владѣніе, которое значительно развилось впервые подъ вліяніемъ греческой правовой жизни при Птолемеяхъ, подъ римскимъ владычествомъ все растетъ и растетъ. Остановили раздачу земли военнымъ, но за то объявили ихъ раньше бывшее прекарнымъ владѣніе за окончательное и неограниченное. Эти κτήματα умножались и путемъ эмфитевтическихъ продажъ изъ государственнаго фонда, при чемъ дѣлали только формальное различіе между землями, отдававшимися для обсѣмененія, и землями, предназначавшимися для насажденій. Много земель было роздано и въ качествѣ подарковъ членамъ императорской фамиліи и императорскимъ любимцамъ. Это производилось въ видѣ пожалованія крупныхъ комплексовъ, цѣлыми комами (деревнями) вмѣстѣ съ жившими въ нихъ γεωργοὶ βασιλικοί. Эти раздаренныя помѣстья (Güter) назывались теперь οὐσίαι. Но уже къ концу 1 стол. послѣ Рожд. Хр. императоры прекратили эти раздачи. Старыя, большею частью конфискованныя οὐσίαι образовали съ эпохи Флавіевъ новую ratio, λόγος οὐσιακός, которая теперь слилась въ одно большое цѣлое съ прежней γῆ βασιλική, переименованной теперь большею частью въ γῆ δημοσία (ager publicus).

Большею частью всѣ эти земли воздѣлывались государственными крестьянами (δημόσιοι, οὐσιακοὶ γεωργοί). Правовое, соціальное и хозяйственное положеніе этихъ государственныхъ крестьянъ измѣнилось теперь по сравненію съ птолемеевской эпохой лишь постольку, поскольку ихъ; чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше, трактовали одинаково съ остальными слоями населенія Египта. Особенно ясно выступаетъ это въ дальнѣйшемъ развитіи ученія объ ἰδία (рим. origo). При каждомъ цензѣ появляются теперь эдикты префектовъ, которые напоминаютъ всему населенію Египта о томъ, что каждый подданный имѣетъ свою ἰδία, въ которой онъ обязанъ нести неотложныя повинности: это были главнымъ образомъ всякаго рода литургіи, какъ обязанность занимать мѣста должностныхъ лицъ и обязанность нести всякаго рода барщину, ручную и съ собственной упряжкой (Hand und Spanndiensten). И обязанность воздѣлывать всю пахотную площадь каждой κώμη или въ качествѣ владѣльцевъ, или въ качествѣ государственныхъ съемщиковъ также принадлежитъ какъ важная составная часть къ этимъ литургіямъ.

Плохая и злонамѣренно плохая податная оцѣнка, безпощадное безнедоимочное взиманіе податей и невыносимое бремя литургій были причинами, которыя выгоняли населеніе изъ его ἴδια. Слѣдствіемъ этого бѣгства было постепенное запустѣніе страны. Правительство старалось остановить это запустѣніе въ большинствѣ случаевъ мѣрами принужденія. Пришедшіе въ запустѣніе участки или раздавались въ принудительную аренду, или распредѣлялись между δημόσιοι γεωργοί, или же на вѣчныя времена взваливались на плечи владѣльцамъ частныхъ земель. При такой системѣ должны были способствовать развитію частнаго землевладѣнія еще сильнѣе, чѣмъ прежде, но теперь уже по чисто фискальнымъ соображеніямъ. Взялись даже за образованіе новыхъ οὐσίαι. На основѣ этого частнаго владѣнія построили наконецъ въ теченіе 3 стол. даже въ почти не имѣвшемъ раньше городовъ Египтѣ общую, во всей имперіи дѣйствовавшую фискальную городскую систему: на городскіе совѣты и на городскихъ должностныхъ лицъ (δεκάπρωτοι) возложено было теперь вмѣстѣ съ государственными чиновниками бремя сбора податей, т.-е. отвѣтственность за государственную землю и за δημόσιοι γεωργοί. Этимъ землевладѣльцы были превращены въ фактическихъ господъ государственныхъ крестьянъ. Не удивительно, что при этихъ отношеніяхъ бѣгство изъ деревень все учащалось. Съ этимъ правительство боролось тѣмъ, что усилило строгость ученія объ ἴδια, принимало принудительныя мѣры противъ бѣглыхъ частныхъ съемщиковъ и государственныхъ крестьянъ, и проч. Сами землевладѣльцы гарантировали себя отъ этого бѣгства также путемъ измѣненія условій частной аренды. Частные арендные контракты, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше составлялись по образцу государственныхъ контрактовъ: аренды сдавались на неопредѣленный срокъ, въ контракты вставляли гарантіи, которыя обязывали арендаторовъ постоянно оставаться въ имѣніи сдавшаго землю. Этимъ земледѣльческое населеніе, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше прикрѣплялось къ землѣ, и притомъ какъ государственные, такъ и частные съемщики. Гнетъ государства бросалъ ихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше въ руки становившихся все могущественнѣе землевладѣльцевъ и превращалъ цѣлыя деревни въ кліэнтовъ крупныхъ земледѣльцевъ какъ ихъ патроновъ.

2. Малая Азія (эллинистической и римской эпохи).

Имперія Александра и его преемниковъ состоитъ, какъ извѣстно, поскольку принимается во вниманіе Малая Азія, изъ территорій греческихъ городовъ (сюда входятъ и храмы) съ одной стороны и изъ χώρα βασιλική, которая не имѣетъ городовъ и расчленена на комы, съ другой. Часть этой χώρα βασιλική оставлена царями во владѣніи туземныхъ храмовъ, т.-е. ихъ жрецовъ—царей (Priesterkönige) и прежнихъ ленныхъ владѣльцевъ (Lehnherren), δυνασταί. На городскихъ территоріяхъ не вся земля воздѣлывается городскими гражданами, какъ владѣльцами и арендаторами. Почти каждый малоазіатскій городъ владѣетъ большими земельными пространствами, на которыхъ обитаютъ и которыя обрабатываютъ покоренные туземцы. Эти туземцы частью трактуются какъ настоящіе крѣпостные (Leibeigene). Но въ большинствѣ городовъ они пользуются болѣе свободнымъ положеніемъ: они лично свободны, имѣютъ даже въ своихъ деревняхъ (κῶμαι, κατοικίαι) родъ самоуправленія и уплачиваютъ свой арендный чиншъ (Pachtzins) непосредственно городу. Технически они называются въ большинствѣ случаевъ πάροικοι или κάτοικοι. Это, такимъ образомъ, настоящіе городскіе крестьяне (Stadtbauern). Χώρα βασιλική воздѣлывается крѣпостнымъ (leibeigener) населеніемъ, λαοὶ βασιλικοί. Эти λαοί, даже поскольку они живутъ на храмовыхъ территоріяхъ, принадлежатъ непосредственно царю. Ихъ владѣльцы каждаго даннаго момента имѣютъ только право пользованія (καρπεία) и не могутъ продавать λαοί. Но эти крѣпостные (Leibeigenen), чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше разсматриваются какъ настоящіе государственные крестьяне. Они получаютъ извѣстную свободу передвиженія, продаются и дарятся только вмѣстѣ съ землей, даже получаютъ въ своихъ деревняхъ извѣстное самоуправленіе. Ихъ повинность въ отношеніи къ царю ограничивается главнымъ образомъ уплатой ежегоднаго аренднаго чинша (Pachtzins). Управляются они особыми чиновниками, для нихъ назначаются также собственные судьи. Рядомъ съ этимъ мы видимъ, что Селевкиды стремятся постепенно ликвидировать χώρα βασιλική, раздаривая значительные участки χώρα и распродавая или обращая ихъ въ городскія территоріи или же какимъ-либо изъ этихъ

способовъ присоединяя къ городскимъ территоріямъ. Что сталось съ λαοὶ βασιλικοὶ прежней χώρα βασιλική, объ этомъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ. При дареніяхъ и продажахъ λαοὶ остаются прикрѣпленными къ χώρα (an die χώρα gebunden) и платятъ теперь свой чиншъ новымъ владѣльцамъ. Но позже они въ большинствѣ превращаются въ городскихъ πάροικοι и κάτοικοι, т.-е. въ городскихъ крестьянъ (Stadtbauern). Это превращеніе крѣпостныхъ (Leibeigenen) въ государственныхъ и въ городскихъ крестьянъ характеризуетъ, такимъ образомъ, политику эллинистическихъ властителей въ отношеніи къ λαοὶ βασιλικοί; но тѣмъ не менѣе многія феодальныя владѣнія (Lehnherrschaften), какъ и храмовыя территоріи, остаются до римской эпохи при своемъ старомъ устройствѣ.

Какъ извѣстно, Пергамское царство первымъ попало въ руки римлянъ. Χώρα βασιλική, естественно, превратилась въ ager publicus p. R. Со времени Гракховъ эта государственная земля сдавалась въ аренду публиканамъ. Публиканы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы размѣры ager publicus не уменьшались. Естественно, публиканы довольствовались сборомъ платежей съ туземныхъ крестьянъ и лишь въ видѣ исключенія сами вели хозяйство. Дальнѣйшія завоеванія Рима въ Малой Азіи привели къ усвоенію имъ политики Селевкидовъ. Опять возникаютъ на χώρα βασιλική новые города, опять начинается раздариваніе большихъ земельныхъ пространствъ, опять многія πολίσματα іеродуловъ превращаются въ города. Но, съ другой стороны, эта эпоха означаетъ поворотъ назадъ. Паденіе вліянія публикановъ отдаетъ ager publicus въ лучшихъ частяхъ Малой Азіи въ жертву жадности римскихъ магнатовъ; нѣкоторые римскіе магнаты, въ частности Антоній и его сообщники, создаютъ себѣ въ этой области цѣлыя княжества. Этому положенію вещей Августъ готовитъ конецъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ Августъ соединилъ въ своихъ рукахъ почти всю χώρα βασιλική Малой Азіи, а тотъ ager publicus, какой еще оставался, былъ соединенъ съ ней позже административнымъ путемъ. Постепенно исчезаетъ и большинство феодальныхъ владѣній (Lehnherrschaften) и храмовыхъ территорій, дальнѣйшее основаніе городовъ совершается на ихъ счетъ. Къ концу 1 стол. Малая Азія представляетъ картину провинціи, которая состоитъ, за немногими исключеніями, только изъ городскихъ территорій и императорскихъ имѣній.

Внутренній, соціальный и хозяйственный строй этихъ территорій едва измѣнился съ эллинистической эпохи. Картина, которую рисуютъ намъ надписи 3 стол. послѣ Р. Хр., относящіяся къ императорскимъ доменамъ во Фригіи, Писидіи и Лидіи, лишь немногимъ отличается отъ той, какую мы выше набросали для 2 стол. до Р. Хр. Χώρα βασιλική расчленяется, какъ и раньше, на κῶμαι и κατοικίαι, которыя обладаютъ ограниченнымъ, примыкающимъ къ религіознымъ союзамъ, самоуправленіемъ. Туземное населеніе состоитъ изъ πάροικοι (и) γεωργοί. Оно обязано платить чиншъ землевладѣльцамъ (Grundherren); чиншъ взимается туземными откупщиками податей. Во главѣ управленія стоятъ императорскіе чиновники (Beamte). Какъ и раньше, крестьяне прикрѣплены къ своей κώμη: она—ихъ ἰδία, и въ своей ἰδία они должны находиться во всякое время, чтобы быть въ состояніи нести многія лежащія на нихъ литургіи. Эти то литургіи и отравляютъ имъ жизнь. Единственное спасеніе отъ притѣсненій—бѣгство, и можно признать вѣроятнымъ, что эдикты намѣстниковъ, которые приглашаютъ къ возвращенію въ ἰδία на случай ценза, и здѣсь, какъ и въ Египтѣ, заключали въ себѣ много увѣщаній.

И въ городахъ живется не лучше. И на нихъ лежитъ гнетъ ученія объ ἰδία; и они обязаны нести тѣ же литургіи. Городскія должностныя лица, которыя требуютъ отбыванія литургій и собираютъ подати, принадлежатъ почти исключительно къ крупнымъ землевладѣльцамъ, и эти послѣдніе становятся все вліятельнѣе. Что борьба между такими важными людьми (Herren) и мелкими землевладѣльцами и πάροικοι была совершенно неравной, само собою понятно. Городскія территоріи, такимъ образомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше превращаются въ комплексы крупныхъ помѣстій (Grossgrundherrschaften), хотя правительство отъ времени до времени и здѣсь дѣлаетъ попытки покровительствовать мелкому владѣнію. Къ этимъ помѣстьямъ (Grundherrschaften) вступаютъ въ подчиненныя отношенія болѣе бѣдные граждане городовъ и большинство πάροικοι въ качествѣ арендаторовъ и подзащитныхъ (Schutzbefohlene) землевладѣльцевъ (Grundherren). Этотъ ростъ

крупнаго землевладѣнія не ограничивается городскими территоріями. И на территоріи государственной земли мы наблюдаемъ тотъ же процессъ. Какъ и въ Египтѣ, и здѣсь образуются новыя феодальныя владѣнія (Lehnherrschaften).

3. Африка.

Послѣ завоеванія аграрныя отношенія провинціи Африки были окончательно фиксированы сохранившимся въ надписяхъ закономъ 111 года. Настоящими собственниками — domini — являются только римскіе колонисты, рядомъ съ ними продолжаютъ существовать нѣкоторыя иммунныя территоріи. Но самая большая часть Африки представляетъ собою ager publicus p. R. Значительная часть его оставлена прежнимъ владѣльцамъ; эти владѣльцы называются stipendiarii, платятъ чиншъ, stipendium, который сдается на откупъ публиканамъ. Рядомъ съ этимъ развивается въ сильнѣйшей мѣрѣ римское частное владѣніе, почти исключительно крупное землевладѣніе. Какъ и въ эллинистическихъ царствахъ, главнымъ образомъ въ Египтѣ, создается это частное владѣніе главнымъ образомъ путемъ продажи; путемъ этой продажи возникаетъ ager privatus vectigalisque—римская γῆ ἰδιόκτητος. Владѣльцы его занимаютъ среднее положеніе между собственниками и наслѣдственными арендаторами и поэтому могутъ, какъ и подобные имъ землевладѣльцы въ Сициліи, неправильно (abusiv) называться domini. Остальной ager publicus по сицилійско-кареагенскому образцу былъ обложенъ десятиной (decuma) и сданъ на откупъ публиканамъ въ Римѣ.

Новые римскіе владѣльцы вели отчасти чистое рабское хозяйство, но рядомъ съ этимъ мы видимъ, и притомъ съ самого начала, и хозяйство съ колонами (Kolenenwirtschaft), въ особенности на ager decumanus. Эти послѣдніе держатели (Afterpächter) рекрутировались главнымъ образомъ изъ обѣднѣвшихъ италійскихъ крестьянъ и изъ туземныхъ владѣльцевъ прилегавшаго ager stipendiarius. О положеніи этихъ колоновъ въ республиканскую эпоху мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній. Но оно было, какъ и одновременно въ Италіи, совершенно прекарнымъ. Въ императорскую эпоху эти отношенія измѣняются. Какъ и въ Малой Азіи, на территоріи стипендіаріевъ возникаютъ изъ туземныхъ деревень болѣе и менѣе крупные города со значительными территоріями. Рядомъ съ ними продолжаютъ существовать крупныя помѣстья (Grossgüter) въ качествѣ собственныхъ, къ городамъ не принадлежащихъ территорій: это въ большинствѣ случаевъ помѣстья сенаторовъ. Рядомъ съ ними растетъ императорское владѣніе. Особенно сильно увеличилось владѣніе императоровъ при Неронѣ, который, какъ это онъ сдѣлалъ и въ Египтѣ, конфисковалъ для себя цѣлое множество сенаторскихъ имѣній.

Такъ какъ императорскія помѣстья въ большинствѣ случаевъ образовались изъ частныхъ saltus'овъ, то они переняли и ихъ способъ хозяйства (Wirtschaftsmodus), т.-е. соединеніе рабскаго хозяйства съ хозяйствомъ съ колонами (Kolonenwirtschaft). Но такъ какъ новые domini въ своихъ помѣстьяхъ, само собою разумѣется, не жили, то самъ собою развился обычай сдавать цѣлыя помѣстья въ крупную аренду (in Grosspacht) кондукторамъ (conductores). Въ качествѣ органовъ контроля надъ этими арендаторами служилъ постепенно образующійся рядъ императорскихъ чиновниковъ.

Для дальнѣйшаго развитія время послѣ нероновскихъ конфискацій составляетъ эпоху. Императорскій уполномоченный, намъ ближе неизвѣстный Mancia издалъ общій, имѣвшій силу для всего ager publicus законъ, который сохранился для насъ въ извлеченіяхъ. Этотъ законъ регулировалъ отношенія государства къ владѣльцамъ ager publicus, къ domini и къ крупнымъ съемщикамъ (Grosspächter) императорскихъ имѣній, съ одной стороны, и отношенія между этими послѣдними и мелкими съемщиками (Kleinpächter), которые въ отношеніи къ государству являлись пересъемщиками (Afterpächter), съ другой. Такъ какъ изъ этого закона въ нашемъ распоряженіи находятся только сдѣланныя прокураторами и приспособляющія законъ къ даннымъ обстоятельствамъ извлеченія, которыя дѣлались вслѣдствіе жалобъ coloni, то мы хорошо освѣдомлены только о второй части закона. Повинности различныхъ категорій колоновъ по этому закону въ главномъ, повидимому, были одинаковы: dominus'у, т.-е. собственно conductor'у всѣ они обязаны платить часть полученныхъ съ земли плодовъ и нести разъ на всегда нормированныя службы, ручныя и съ упряжкой (Hand-und Spanndienste). Высота чинша и службъ

опредѣляется, смотря по обычаю помѣстья, въ согласіи съ его прежнимъ lex locationis для каждаго помѣстья императорскими прокураторами. Способъ (modus) уплаты слѣдуемой съ колона части плодовъ обстоятельно опредѣляется въ законѣ.

Новые участки колоновъ (Kolonenstellen) возникаютъ не путемъ новой сдачи въ аренду самими domini, т.-е. собственно conductores, но, насколько намъ извѣстно, только путемъ оккупаціи впустѣ лежащей земли колонами помѣстья. Эти оккупаторы въ отношеніи къ своимъ повинностямъ поставлены наравнѣ съ колонами: оккупанты пахотной земли получаютъ только пожизненный usus proprius, тѣ же, которые засаживаютъ свой участокъ (die Parzelle) растеніями, становятся наслѣдственными владѣльцами. Оккупація происходитъ на основѣ извѣщенія (Meldung) прокуратора, на которое нужно смотрѣть какъ на предложеніе взять землю въ аренду (Pachtangebot) эллинистическаго права. Lex Manciana, правда, уже скоро послѣ своего появленія устарѣлъ. Поэтому императоромъ Адріаномъ онъ былъ или дополненъ, или замѣненъ въ двухъ новыхъ законахъ. Одинъ изъ этихъ законовъ регулировалъ оккупацію лежащей впустѣ и поэтому еще не воздѣланной кондукторами земли, другой содержитъ въ себѣ общія предписанія. Большое новшество, которое вносилъ первый законъ, состояло въ томъ, что онъ превращалъ въ наслѣдственное владѣніе (Erbgut) и оккупированныя пахотныя земли и предоставлялъ для оккупаціи и невоздѣланныя кондукторами земли. Эти законы—leges dictae—имѣютъ поразительное сходство съ эллинистическими νόμοι ὠνῆς и съ сицилійскимъ lex Hieronica. Многія предписанія этихъ законовъ становятся ясными только изъ сравненія не съ нормами римскаго городского права, но съ нормами эллинистическихъ законовъ объ арендѣ: таковы особенности (Modalitäten) уплаты чинша и предписаніе объ оккупаціи, т.-е. собственно объ emphyteusis.

Чисто эллинистической является и тенденція этихъ законовъ: нормы оккупаціи, ограниченіе правъ распоряженія (Dispositionsrechte), принадлежащихъ domini и conductores въ отношеніи къ ихъ помѣстьямъ, эмансипація колоновъ отъ ихъ произвола, предоставленіе рѣшающихъ правъ чиновникамъ, прежде всего права въ опредѣленныхъ предписаніями закона предѣлахъ осуществлять юрисдикцію, ихъ широкая администра-

тивная власть принужденія (administrative Coercitionsgewalt), полномочіе, которое имъ было дано, приспособлять общіе законы къ обычаямъ отдѣльныхъ помѣстій,—все это представляется намъ совершенно эллинистическимъ и дѣлаетъ для насъ нагляднымъ процессъ превращенія частныхъ пересъемщиковъ (Afterpächter) въ настоящихъ эллинистическихъ государственныхъ крестьянъ. Еще лучше освѣщаютъ намъ этотъ процессъ извѣстія, которыя мы имѣемъ о внутренней жизни помѣстій. Деревни колоновъ и крѣпости колоновъ (castella), чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше превращаются въ настоящія эллинистическія κατοικίαι. Такимъ образомъ, и въ Африкѣ возникаетъ государственное крестьянство, на совсѣмъ другихъ основахъ, чѣмъ на Востокѣ. Но покровительство этому государственному крестьянству со стороны императоровъ не привело къ прочнымъ результатамъ. И здѣсь фискальныя точки зрѣнія правительства и административные непорядки привели къ краху всей системы. Какъ ни ограничивали дѣятельность domini и conductores, они все же оставались посредниками между правительствомъ и колонами, посредниками, безъ которыхъ правительство не умѣло регулировать своихъ отношеній къ колонамъ. Они могли, главнымъ образомъ кондукторы, быть низведены на положенія полудолжностныхъ лицъ (zu Halbbeamten degradiert worden sein), но всѣ они оставались вмѣстѣ съ чиновниками (Beamten) господами колоновъ. Не partes agrariae, но барщинныя повинности, ручныя и съ упряжкой (Hand- und Spanndienste) вели къ сильнѣйшимъ притѣсненіямъ и жесточайшимъ экзекуціямъ. И ученіе объ ἴδια, которое съ превращеніемъ помѣстій въ прочныя территоріи и въ Африкѣ прочно утвердилось, въ противность признанной закономъ свободѣ колоновъ благопріятствовало непорядкамъ. Отказъ колоновъ нести больше службъ, ручныхъ и съ упряжкой (Hand- und Spanndienste), чѣмъ было опредѣлено закономъ, заставлялъ кондукторовъ ограничивать размѣры своего хозяйства; многія поля болѣе не воздѣлывались, и все же колоны не были въ состояніи, при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ они жили, тотчасъ же оккупировать всѣ запустѣлыя поля. Съ другой стороны, разъ хотѣли оказывать покровительство хозяйству кондукторовъ, то должны были угнетать колоновъ, и результатъ былъ тотъ, что благодаря этому гнету колоны, какъ

это было и въ эллинистическія времена, убѣгали. Окончательнымъ результатомъ было запустѣніе большихъ пространствъ императорской и государственной земли. Подобный же процессъ совершался и на городскихъ территоріяхъ. Роль кондукторовъ сыграли здѣсь крупные землевладѣльцы, которые входили въ составъ городскихъ совѣтовъ.

4. Италія.

Объ Италіи я могу говорить коротко, такъ какъ главные вопросы, поскольку рѣчь идетъ о республиканской эпохѣ, основательно разсмотрѣны М. Веберомъ въ статьѣ „Аграрная исторія" въ I томѣ этого словаря.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что къ концу республиканскаго періода крупное землевладѣніе вездѣ въ Италіи готово было одержать побѣду, какъ на ager publicus, такъ и на городскихъ территоріяхъ. Но это никоимъ образомъ не означаетъ исчезновенія крестьянскаго владѣнія и крестьянскаго хозяйства: до поздней императорской эпохи включительно они составляли—участки ветерановъ не идутъ при этомъ въ счетъ—широко распространенное, даже типическое явленіе. Съ точки зрѣнія хозяйственной исторіи эта форма владѣнія и хозяйства сравнительно съ крупнымъ хозяйствомъ, которое тогда даетъ тонъ, мало идетъ въ разсчетъ. Особенно сильный разцвѣтъ пережило крупное землевладѣніе въ I вѣкѣ до Р. Х. въ смутныя времена послѣ Гракховъ. И здѣсь значительная часть этихъ частныхъ владѣній составляла собственно, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе опредѣленно отграниченныя территоріи, которыя трактуются подобно муниципальнымъ территоріямъ.

Крупныя помѣстья самыхъ значительныхъ фамилій, поскольку они не были пастбищами (Weidegüter), при всемъ желаніи ихъ владѣльцевъ (Herren) не могли быть воздѣлываемы сплошь съ помощью рабскаго труда. По крайней мѣрѣ часть ихъ сдавалась свободнымъ колонамъ въ аренду,—форма хозяйства, которая съ давнихъ временъ была въ обычаѣ въ Италіи. Положеніе этихъ колоновъ намъ очень плохо извѣстно: юристы и аграрные писатели разсматриваютъ это отношеніе какъ locatio-conductio, но, повидимому, въ болѣе крупныхъ помѣстьяхъ

это locatio-conductio формально приблизилось къ государственной арендѣ (Staatspacht), такъ какъ условія просто были продиктованы владѣльцемъ въ lex locationis и принимались (akzeptiert werden) колонами. Нѣкоторыя разбросанныя у писателей средины и второй половины I стол. извѣстія о цѣлыхъ войскахъ, которыя составляли нѣкоторые крупные землевладѣльцы изъ своихъ рабовъ, вольноотпущенниковъ и колоновъ, позволяютъ заключить, что соціальное положеніе этихъ трехъ категорій сельскаго населенія было почти одинаково; это можно объяснить только тѣмъ, что многіе рабы и вольноотпущенники раздѣляли положеніе колоновъ, т.-е., можетъ быть, владѣли самостоятельнымъ хозяйствомъ, а съ другой стороны, тѣмъ, что колоны были связаны съ личностью и съ хозяйствомъ крупнаго землевладѣльца еще и узами кліентелы. При феодализаціи одной части почвы (Grund und Boden) Италіи не отсутствовалъ, такимъ образомъ, и обычный коррелатъ—порабощеніе населенія. Но оно было кратковременно. Ибо зачатки его были въ большинствѣ случаевъ задушены въ зародышѣ императорами—съ Цезаремъ во главѣ. Тѣмъ не менѣе для Италіи крупныя помѣстья частныхъ богачей остаются типическими. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что владѣніе императоровъ въ Италіи было незначительно; но оно не было такимъ дающимъ тонъ явленіемъ, какимъ оно было въ Египтѣ, Азіи или Африкѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, скорѣе императорское хозяйство слѣдовало за эволюціей частнаго хозяйства.

Эволюція послѣдняго все болѣе и болѣе клонилась къ оставленію рабскаго хозяйства и къ переходу къ хозяйству съ колонами (Kolonenwirtschaft). Положеніе этихъ колоновъ въ I—III вѣк. послѣ Р. Хр. дѣлаютъ для насъ наглядными извѣстныя изображенія поэтовъ эпохи Августа для I вѣка, письма Плинія для 2 ст., скудныя надписи для позднѣйшихъ временъ. Мы встрѣчаемъ старыя отношенія locatio-conductio, теперь болѣе частую аренду изъ части (Teilpacht), мы наблюдаемъ все болѣе и болѣе становящійся постояннымъ обычай пребыванія колоновъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій на одномъ и томъ же fundus, хотя достаточно часто встрѣчается и сдача земли новымъ колонамъ, мы слышимъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще, жалобы на обѣднѣніе и нерадивость колоновъ, на растущія reliqua (недоимки), на продажу съ публичныхъ торговъ

ихъ инвентаря. Но настоящія условія для появленія крѣпкихъ землѣ (schollenpflichtigen) колоновъ возникли лишь тогда, когда, съ одной стороны, бо́льшія (grössere) пространства почвы Италіи пришли въ запустѣніе, когда, съ другой стороны, Италія, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше становилась обязанной платить подати такъ же, какъ и провинціи. Благодаря только этому государство было заинтересовано въ процвѣтаніи хозяйства крупныхъ владѣльцевъ и выступило въ качествѣ стороны въ вѣчномъ спорѣ арендаторовъ и сдающихъ землю на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Но это произошло позже, какъ и въ провинціяхъ и по образцу ихъ. Для развитія колоната Италія имѣетъ поэтому меньше значенія, чѣмъ провинціи, городское право имѣетъ меньшую важность, чѣмъ нормы реципированнаго эллинистическаго имперскаго права.

Приведенныя данныя объ Италіи и азіатскихъ и африканскихъ провинціяхъ Римской имперіи доказываютъ, что въ каждой провинціи Римской имперіи мы съ увѣренностью можемъ или констатировать, или предполагать самостоятельное развитіе колоната изъ до-римскихъ хозяйственныхъ и соціальныхъ условій. Въ римскую эпоху до-римскія аграрныя отношенія, конечно, не измѣняются, самое большее — они приспособляются къ нормамъ римской администраціи. Гдѣ, какъ въ Египтѣ и на Востокѣ, существуетъ обширное аграрное законодательство, оно просто реципируется (самое лучшее доказательство — lex Hieronica въ Сициліи) и служитъ базисомъ для дальнѣйшаго развитія. Но гдѣ существуетъ только обычное право, то, поскольку рѣчь идетъ объ ager publicus и землѣ императора, оно кодифицируется въ формѣ императорскихъ leges locationis и видоизмѣняется посредствомъ собственныхъ, опять же по эллинистическимъ образцамъ выработанныхъ дополненій.

Императорское законодательство и императорская административная практика какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ имѣетъ въ виду на почвѣ ager publicus и императорскихъ доменовъ или создать (на Западѣ), или консолидировать (на Востокѣ) крѣпкій слой состоятельныхъ государственныхъ крестьянъ. Основой для этихъ стремленій служитъ развитіе императорскаго крупнаго землевладѣнія на счетъ частнаго владѣнія и объединеніе управленія ager publicus въ рукахъ императоровъ. Рука объ руку съ этимъ идетъ борьба съ крупными

съемщиками (Grosspächter), которые во многихъ странахъ выступаютъ въ качествѣ посредниковъ между государствомъ и государственными крестьянами. Государственныхъ крестьянъ хотятъ, насколько это возможно, поставить въ непосредственное отношеніе къ государству, а крупныхъ арендаторовъ превратить въ органы государства въ видѣ чиновниковъ-литурговъ (zu liturgisch-beamtlichen Staatsorganen). И въ предѣлахъ городскихъ территорій покровительствуютъ, насколько это совмѣстимо съ фискальной политикой государства, мелкому владѣнію и городскимъ крестьянамъ (Stadtbauern).

Но это только одна сторона медали. Фискальныя точки зрѣнія приводятъ къ тому, что вся Римская имперія раздѣляется на рядъ самостоятельныхъ, въ качествѣ фискальныхъ единствъ (Einheiten) служащихъ территорій. На одной сторонѣ стоятъ городскія территоріи, на другой крупныя помѣстья (Grossgrundherrschaften), которыя большею частью принадлежатъ императорамъ, частью также нѣкоторымъ сенаторскимъ фамиліямъ. На городскихъ территоріяхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше расцвѣтаетъ эллинистическая система финансоваго управленія, которая состоитъ въ томъ, что состоятельные граждане дѣлаются отвѣтственными за все населеніе города и его территоріи въ отношеніи къ податямъ и литургіямъ. Такъ какъ богатые граждане въ преобладающей части являются крупными городскими землевладѣльцами, то имъ выдаютъ (man liefert aus) мелкое владѣніе. Городскія территоріи, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше превращаются въ комплексы крупныхъ помѣстій (Grossgrundherrschaften), которыя большею частью, съ умираніемъ рабскаго хозяйства, воздѣлываются попадающими все въ большую и большую зависимость колонами.

Подобнымъ же образомъ складываются отношенія и на крупныхъ saltus'ахъ, сельскихъ территоріяхъ, которыя, какъ и города, являются самостоятельными фискальными территоріями. Мы видѣли, какъ на нихъ развивалось, собственно консолидировалось государственное крестьянство. Рядомъ съ этимъ мы видѣли также, какъ постоянное опеканіе населенія чиновниками, тѣсная правовая и хозяйственная зависимость государственныхъ крестьянъ отъ нихъ, ихъ административныя полномочія и полномочіе толковать законъ приводили вопреки усиліямъ императоровъ къ тому, что государственные крестьяне

все болѣе и болѣе становились прямыми подданными этихъ чиновниковъ, настоящими государственными рабами по своему положенію и настроенію.

И въ хозяйственномъ смыслѣ положеніе государственныхъ крестьянъ было мало выгоднымъ. Ибо, если императоры и могли своимъ законодательствомъ способствовать хозяйственному развитію государственныхъ крестьянъ въ самомъ большомъ масштабѣ, они все же не были въ состояніи вызвать дѣйствительное развитіе. Ибо на первомъ планѣ для государства всегда стояли фискальныя соображенія, и они давали полную волю произволу чиновниковъ. А эти послѣдніе въ большинствѣ случаевъ шли рука объ руку не съ государственными крестьянами, а съ крупными предпринимателями. Произошло то, что административная практика, руководившаяся фискальными соображеніями и государственной и чиновничьей алчностью, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше становилась на сторону посредниковъ и закабаливала имъ государственныхъ крестьянъ. Результатомъ былъ упадокъ мелкокрестьянской иниціативы, обѣдненіе крестьянъ, ихъ бѣгство съ доменовъ, уменьшеніе рожденій и запустѣніе домеріальныхъ имѣній. Борьба за существованіе между мелкими крестьянами, съ одной стороны, и чиновниками и крупными арендаторами, съ другой, велась во 2 и 3 стол. Хотя императоры, какъ показываютъ нѣкоторые памятники, принципіально стояли на сторонѣ мелкихъ крестьянъ, мелкое крестьянство все больше и больше оставалось въ накладѣ, и слѣдствіемъ этого было то, что императоры финансовыми нуждами были побуждены постепенно стать на сторону болѣе сильнаго капиталомъ слоя крупныхъ владѣльцевъ и крупныхъ арендаторовъ.

Б. Колонатъ съ 4 стол. послѣ Р. Хр.

Остановить изображенное выше запустѣніе имперіи, какъ это пытались дѣлать уже при Адріанѣ, путемъ раздачи впустѣ лежащихъ земель мелкимъ эмфитевтамъ императорамъ, такимъ образомъ, не удалось. Уже при Пертинаксѣ прибѣгаютъ къ другимъ мѣрамъ. Былъ изданъ императорскій эдиктъ, по которому всѣ имѣли право оккупировать запустѣлыя земли даже на территоріи императорскихъ saltus'овъ. Указъ Пертинакса

не стоитъ одиноко и былъ не первымъ; къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ императорскихъ конституцій, которыя открываютъ частной иниціативѣ крупныхъ владѣльцевъ путь къ государственнымъ, а также и къ городскимъ землямъ. Я разумѣю богатое законодательство о ius privatum salvo и dempto canone, ius perpetuum, ius emphyteuticum.

Ни одна изъ этихъ формъ владѣнія не нова; ius privatum salvo canone есть дальнѣйшее развитіе ager privatus vectigalisque Африки и γῆ ἰδιόκτητος Египта, ius privatum dempto canone похоже на старую γῆ ἐν δωρεᾷ и на египетскія οὐσίαι, ius perpetuum есть старая наслѣдственная аренда, которая при римлянахъ приняла форму ius in agro vectigali, и, наконецъ, ius emphyteuticum есть особая форма наслѣдственной аренды. Новымъ въ 4 стол. является то, что старыя формы пускались въ ходъ массами и являлись средствомъ способствовать развитію крупнаго землевладѣнія.

Что эти массовыя раздачи государственныхъ земель были результатомъ запустѣнія имперіи, это доказываетъ тѣсная связь, въ какой въ императорскихъ конституціяхъ эти формы владѣнія находились съ постановленіями объ ἐπιβολή. Обычай ἐπιβολή намъ уже знакомъ: это бывшій въ ходу въ Египтѣ съ эллинистическихъ временъ обычай эксплоатировать неприведенныя въ культурное состояніе земли путемъ возложенія обязанности ихъ воздѣлыванія на плечи (крупныхъ) землевладѣльцевъ. Этотъ обычай становится теперь общераспространеннымъ и вмѣстѣ съ обычаемъ принудительной крупной аренды, которая процвѣтаетъ въ Египтѣ уже въ 1 стол., а во 2 стол. во всей имперіи, составляетъ главную причину расцвѣта частнаго владѣнія на государственныхъ земляхъ.

Въ коррелатѣ для декуріоновъ и декапротовъ государство безусловно чувствуетъ надобность и на государственныхъ земляхъ, но полудолжностные арендаторы (die halbamtliche Pächter) доменовъ, которыхъ въ концѣ-концовъ можно было имѣть только съ помощью принужденія, не являлись выходомъ изъ положенія, и пришлось обратиться къ раздачѣ земель вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ колонами въ постоянное владѣніе, аренду и эмфитеозу. Этимъ окончательно выдали государственныхъ крестьянъ крупнымъ частнымъ предпринимателямъ послѣ многихъ попытокъ спасти ихъ.

Но положеніе этихъ частныхъ предпринимателей, побѣдителей въ борьбѣ, вовсе не было блестящимъ. Ихъ большія привилегіи даны были имъ не даромъ. Для государства они были прежде всего литургами. Крупные землевладѣльцы, естественно, перекладывали это бремя на плечи колоновъ и контрибуэнтовъ, а эти послѣдніе отвѣчали на это давно испробованнымъ средствомъ — бѣгствомъ. Земли приходили, такимъ образомъ, въ запустѣніе все больше и больше, владѣльцы помѣстій—декуріоны и владѣльцы государственной земли—поднимаютъ одну жалобу за другой и въ концѣ-концовъ и сами убѣгаютъ. Если и теперь хотѣли держаться прежней системы финансоваго хозяйства, то оставался только одинъ выходъ— болѣе строгое примѣненіе (die Verschärfung) старо-эллинистическаго и даже до-эллинистическаго восточнаго ученія объ ἰδία, ибо при общемъ бѣгствѣ страдали не только финансы, но и военная сила (die Wehrkraft) государства: больше не находили матеріала для военнаго набора.

А ученіе объ ἰδία было какъ бы создано для того, чтобы выручить государство. Съ тѣхъ поръ, какъ государство превратилось въ комплексъ различныхъ отдѣльныхъ территорій, каждый имѣлъ свое опредѣленное мѣстопребываніе (sein festes Heim)—какъ горожанинъ, такъ и сельчанинъ. Къ этой родинѣ (Heim) онъ былъ прикрѣпленъ прежде всего въ финансово-правовомъ отношеніи. Чѣмъ дальше развивалась литургическая финансовая система, тѣмъ крѣпче каждый прикрѣплялся къ своему родному мѣсту (Heim): каждый долженъ былъ выполнять на своей родинѣ (Heim) неотложныя литургическія повинности. Если онъ уклонялся отъ ихъ выполненія, онъ платился прежде всего всѣмъ своимъ имуществомъ. Уже одна перемѣна родины (Heim) была неудобна для государства; но какъ скоро эти перемѣны дѣлались постоянными, и въ дополненіе къ этому еще появлялась цѣлая масса не имѣющихъ родины (heimlozer) подданныхъ, которые въ качествѣ пролетаріата наполняли города, а въ качествѣ разбойниковъ становились чистымъ бѣдствіемъ, положеніе становилось критическимъ. Особенно тягостнымъ было бѣгство сельскаго населенія, потому что оно дѣлало почти невозможнымъ всякое хозяйство крупныхъ владѣльцевъ, не говоря уже о томъ, что оно дѣлало немыслимымъ его расширеніе. Оставался одинъ только выходъ—сдѣлать еще

болѣе строгимъ ученіе объ ἰδία, окончательно прикрѣпить каждаго къ его родному мѣсту (Heim) и каждаго бѣглеца сдѣлать отвѣтственнымъ за его бѣгство, равно какъ и каждаго, кто принялъ бѣглеца, сдѣлать отвѣтственнымъ за этотъ пріемъ.

Такъ возникаетъ богатое законодательство четвертаго и слѣдующихъ столѣтій о прикрѣпленіи всего населенія къ его родинѣ и къ его работѣ (an ihr Heim und ihre Arbeit). Только часть его составляютъ постановленія о колонахъ. Ссылка въ одной изъ этихъ конституцій на lex a maioribus constituta напоминаетъ, конечно, только о прежнихъ предписаніяхъ объ ἰδία. Прикрѣпленіе рабочихъ къ городу и къ промыслу (das Gewerbe), декуріоновъ и землевладѣльцевъ къ городу не создавало въ большинствѣ случаевъ новаго состоянія (сословія) (Stand). Прикрѣпленіе же колоновъ прикрѣпляло подданныхъ не къ государству, но къ землевладѣльцу, который одинъ былъ отвѣтственъ за колоновъ передъ государствомъ.

Такимъ образомъ, возникло новое состояніе (сословіе) (Stand), въ хозяйственномъ отношеніи нѣчто среднее между арендаторами и рабами, между государственными крестьянами и крѣпостными (Leibeigenen), положеніе котораго должно было быть фиксировано юридически (rechtlich), такъ какъ оно представляло собою нѣчто новое, до тѣхъ поръ неслыханное. Должно было, такимъ образомъ, необходимо возникнуть законодательство, которое отчасти опиралось на обычное право и должно было окончательно оформить (ausarbeiten) соціальное и правовое положеніе новаго сословія. Приходившая въ упадокъ сила римской юриспруденціи уже не могла больше продумать создавшіяся отношенія и теоретически формулировать ихъ. Право колоновъ не было подобно праву гражданъ и рабовъ приведено въ стройную систему, но оставалось рядомъ отдѣльныхъ предписаній, которыя схватывали (anfassten) какъ разъ то, что являлось спорнымъ и неяснымъ. И задача была и нелегкая. Пока шла рѣчь лишь о принудительныхъ мѣрахъ, чтобы прикрѣпить колоновъ къ землѣ, въ распоряженіи было много эллинистическихъ мѣръ того же рода; но когда пришлось устанавливать гражданскія права этого гибриднаго образованія, тогда пришлось бороться съ несказанными трудностями. Свободенъ колонъ или несвободенъ? Является ли владѣлецъ помѣстья его господиномъ (dominus) или же его патрономъ

(patronus)? Каково отношеніе между рабами и колонами? Что должно статься съ дѣтьми колоновъ и съ дѣтьми отъ смѣшанныхъ браковъ? Въ какой моментъ колонъ окончательно превращается въ составную часть помѣстья? Каковы его права на его имущество? Эти и другіе вопросы возникали одинъ за другимъ и рѣшались безъ связи и нерѣдко противорѣчиво императорскими конституціями, которыхъ мы знаемъ 43. Основная тенденція этого законодательства вездѣ остается одной и той же: подчеркиваютъ, что колонъ свободенъ, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше право колоновъ формируется (gestaltet) по нормамъ рабскаго права.

Видно, что колонатъ возникъ изъ различныхъ корней, съ одной стороны, изъ государственнаго крестьянства, которое корни свои имѣло въ восточномъ крѣпостничествѣ (Leibeigenschaft) и постепенно приблизилось къ свободной арендѣ, съ другой стороны, изъ свободной аренды, которая постепенно приближается къ государственному крестьянству (Staatsbauertum); каждый изъ этихъ обоихъ корней въ различныхъ странахъ развивался различно, имѣетъ въ каждой странѣ различное названіе и распадается на различныя подраздѣленія. Съ другой стороны, государство смотритъ на колона съ различныхъ сторонъ: въ его отношеніи къ государству и въ его отношеніи къ землевладѣльцу (Grundherr). Не удивительно поэтому, что и обозначенія колоновъ въ нашихъ правовыхъ источникахъ совершенно различны. Каждое изъ этихъ обозначеній передаетъ различный мѣстный или правовой аспектъ колоновъ: inquilinus и colonus (а также casarii) суть различные аспекты съ точки зрѣнія землевладѣльца (Grundherrn), tributarius и adscripticius— съ точки зрѣнія податнаго управленія, originalis и originarius— съ точки зрѣнія ученія объ ἰδία, plebs и populus plebeius—съ точки зрѣнія ихъ соціальнаго положенія; рядомъ съ этимъ homologi coloni есть чисто египетскій аспектъ колоната, подраздѣленіе египетскихъ coloni. Къ этому прибавляются еще новые источники колоната, которые кладутъ основу опять новымъ разновидностямъ: я разумѣю главнымъ образомъ поселенія варваровъ въ Римской имперіи, которыя отчасти возникли iure colonatus, какъ это было со знаменитыми Скирами, и играютъ такую незаслуженную роль въ теоріяхъ о возникновеніи колоната до нашего времени. Если уже правовое и соціальное положеніе

колоната представляетъ достаточно пеструю картину, которую императоры старались сдѣлать единообразной, то это въ еще болѣе сильной мѣрѣ относится къ его хозяйственнымъ отношеніямъ. Но объ этомъ наши источники хранятъ почти полное молчаніе.

Литература о колонатѣ (избранная).

Общія сочиненія. Болѣе старыя работы см. въ книгѣ B. Heisterberg, Die Enstehung des Kolonats, Leipzig, 1876 и G. Segré, Studio sulla origine e sullo sviluppo storico del colonato romano, Archivio giuridico 42, 43, 44, 46, 1889—1891. Изъ новыхъ работъ до сихъ поръ имѣетъ основное значеніе Fustel de Coulanges, Le colonat romain, въ Recherches sur quelques problèmes d'histoire, Paris 1885 (есть русскій переводъ подъ ред. проф. Гревса. Ред.), къ нему примыкаетъ Schulten, Der römische Kolonat, въ Hist. Zeitschr. 78 (42) 1897 (ср. Dizionario epigraphico подъ словомъ colonus). Рискованной, но остроумной является статья O. Seeck, Colonatus въ Pauly-Wissowa Realencyklopädie. Ср. также H. Bolkestein, De colonatu romanu eiusque origine, Amsterdam, 1906. Мои взгляды о колонатѣ я намѣтилъ въ книгѣ Rostowzew, Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit, Leipzig 1903 (первоначально вышла по-русски. Ред.), развилъ я ихъ въ имеющей появиться вскорѣ послѣ этого въ Archiv für Papyrusforschung (отдѣльная тетрадь) статьѣ „Studien zur Geschichte des Kolonats, гдѣ читатель найдетъ также всѣ мѣста изъ источниковъ, служащія обоснованіемъ для моихъ взглядовъ. Кромѣ того, M. Weber, Die römische Agrargeschichte, Stuttgart 1891 и его же работу въ томѣ I этого словаря „Agrargeschichte" (переведенную на русскій яз. вмѣстѣ со статьей Ростовцева. Ред.). О доменахъ A. Schulten, Die römischen Grundherrschaften, Weimar 1896 и E. Beaudouin, Les grands domains dans l'empire romain въ Nouv. revue hist. du droit fr. et étr. 21, 22 (1897, 1898). Для болѣе поздней эпохи R. His, Die Domänen der römischen Kaiserzeit, Leipzig 1896. Wiart, Le régime des terres du fisc au Bas Empire, Paris 1894 и особенно L. Mitteis, Zur Geschichte der Erbpacht im Altertum въ Abh. der Sächs. Gesellschaft XX, IV, 1901 (ср. Mommsen, Zeitschr.

der Sav.-St. 1902, 441 и слѣд.; Jurist. Schr. III, 150 и слѣд.). Zulueta, De patrociniis vicorum (Vinogradoffs Oxford Studies in social and legal history, 1, 2, Oxf. 1909). Объ императорскомъ землевладѣніи основоположныя работы O. Hirschfeld, Der Grundbesitz der römischen Kaiser, въ Klio, II, 1902 и Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian, Berlin 1905. О военной службѣ и отношеніяхъ ея къ колонату L. M. Hartmann, въ Arch. epigr. Mitteilungen aus Oesterreich, XVII (1894). О полиціи доменовъ Rostowzew въ Philologus, 1905.

Для отдѣльныхъ провинцій: 1. Египетъ. Публикаціи папирусовъ и относящіяся къ аграрно-историческимъ вопросамъ изслѣдованія см. выше въ статьѣ „Agrargeschichte" въ I т. этого словаря, стр. 187 (т.-е. въ предлагаемой здѣсь русскому читателю книгѣ M. Вебера на стр. 402—4. Ред.). Но и здѣсь я долженъ прежде всего указать на основоположныя работы Wilcken'a (особ. на его Ostraka). Для болѣе поздней эпохи M. Gelzer, Studien zur bysantinischen Verwaltung Aegyptens (Leipz. hist. Abh. XIII) Leipzig 1909.

2. Малая Азія. Важны до-римскія надписи, см. ихъ въ Haussouillier, Milet et Didymeion. (Ср. Wiegand, 6-er Bericht über die Ausgrabungen in Milet, Berlin 1908, 35 и слѣд.) и въ Dittenberg'овыхъ сборникахъ надписей: Sylloge и Orientis graeci inscriptiones selectae; надпись изъ Thisbe въ его Commentatio de inscriptione Thisbensi (Index scholarum, Halle, 1892). Надписи римской эпохи впервые вполнѣ правильно были оцѣнены W. Ramsay, The historical geography of Asia Minor, London 1890; The cities and bishoprics of Phrigia, Oxford 1895 и 1897; Studies in the History and Art of the eastern provinces of the Roman Empire IX. О надписи изъ Tembrogiostal (текстъ, CIL. III 14191) см. Schulten, Mitt. des röm. Inst. 1898, 232; Rostowzew, Klio 1906 (VI). Въ общемъ см. Pelham, Imperial domains and the Colonate, London 1895.

3. Африка. Опять больше всего даютъ надписи. Для lex agraria основнымъ остается Mommsen, CIL. I, 75 и слѣд. (Jur. Schr. I, 65 и слѣд.). Также Mommsen былъ тѣмъ, кто одновременно съ Фюстель-де-Куланжемъ призналъ и оцѣнилъ все значеніе прошенія (Bittschrift) колоновъ saltus Burunitanus

(Hermes XII (1880), 385 и слѣд.; Jur. Schr. III, 153 и слѣд. сама надпись въ Bruns Fontes 7, 86, p. 258). Изъ ряда остальныхъ надписей (собранныхъ въ работѣ Schulten'a о помѣстьяхъ) особенно важны извлеченія изъ lex Manciana и изъ lex Hadriana. О первой см. Toutain, L'inscription d'Henchir Mettich (Mem. de l'Ac. de inscr. XI, 1, 31 и слѣд.) и Nouv. rev. hist. du droit 1899; Schulten, Abh. der Gött. Ges. II, 3, 1897 и Rh. Mus. 56 (1901), 120 и слѣд., 187 и слѣд.; Seeck, Zeitschr. f. Sozial-und Wirtschaftsg., VI, 1898, 305 и слѣд.; E. Cuq, Le colonat partiaire dans l'Afrique romaine (Mém. de l'Acad. 1897). О второй lex (lex Hadriana) (текстъ въ Bruns Fontes 7, 115 и 116, p. 300 и слѣд.). Mispoulet, Nouv. rev. hist. du droit 1892, 117 и слѣд.; 1907, 5 и слѣд.; Schulten, Hermes, 29 (1894), 207 и слѣд.; Klio, VII (1907), 188 и слѣд.; Carcopino, Mél. de l'école fr. de Rome, 26 (1906), 365 и слѣд.; Klio, VIII (1908), 154 и слѣд. Ср. также Gummerus, Die Fronden der Kolonen (Oefversigt af Finska Vetenskaps-Societetens Förhandlingar, 1906—1907, Nr. 3); Нахманнъ, Объ историч. развитии мелкой аренды въ сѣверной Африкѣ—въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія 1909, № 5 и Вольдемаръ, Къ вопросу объ аграрномъ законѣ Адріана, тамъ же, № 6.

4. Италія. Кромѣ приведенныхъ выше общихъ изслѣдованій, еще Гревсъ, Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, Петербургъ 1899; Gummerus, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus, Klio, Beiheft 5 и выше ст. „Agrargeschichte" въ I т. Handwörterbuch, стр. 187 (т.-е. въ предлагаемой читателю книгѣ M. Вебера, стр. 404—6).

Въ дополненіе къ этому составленному авторомъ списку сочиненій по исторіи колоната укажемъ имѣющіяся на русскомъ языкѣ и имъ не указанныя работы.

П. Виноградовъ, Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. Спб. 1880 (первая глава посвящена вопросу о происхожденіи колоната). Его же. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911 (глава II посвящена римскимъ отношеніямъ и, въ частности, организаціи земельной собственности и колонату). Гревсъ, Новое изслѣдованіе о колонатѣ—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1886, ноябрь—декабрь. Ростовцевъ, Римскій колонатъ—въ журн. „Современный

міръ“ 1911, 1—2 (изложеніе результатовъ большой работы автора Studien zur Geschichte des römischen Kolonates 1910, Leipzig und Berlin) и статья „Колонатъ“ въ Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Пригоровскій, Развитіе колонатныхъ отношеній въ римской Африкѣ (Ученыя Записки Имп. Моск. Унив. Отдѣлъ ист.-фил. Выпускъ 38. Москва 1909). Бѣлоруссовъ, Колонатъ. Варшава 1903. Ред.

ОГЛАВЛЕНІЕ.